

А. Клименкова

Приручить
Королевича

Ушла в книжный шкаф — очутилась в другом мире, где и кролики не кролики, и персики редькой называются. Пошла погулять по городу — и оказалась невестой принца. К сожалению, вовсе не того "высочества", на которого так загляделась, что сшибла со скакуна на полном ходу... Отбор в невесты-то прошла, но кольца не выдали и проклятье повесили непонятное. Зато хотя бы обещали обучить магии. А там уж как-нибудь и нужного принца получится найти — и приручить!

Часть Первая. Белозорье. Глава 1

— Красота! — объявила Варя, с видом победителя окинув взглядом свою отдраенную квартирку. Одношка сияла чистотой от пола до потолка включительно.

Но торжество на лице хозяйки быстро сменилось привычным унынием:

— Скучота-а... — тяжело вздохнула она.

Уборка закончилась, и занять руки теперь совершенно нечем. Готовить что-нибудь кроме полуфабрикатов или разводить иную бурную деятельность не было никакого резона, да и желания — при нынешнем настроении любое начинание заведомо обернется провалом и породит лишь новый виток последующей уборки, а оно ей надо?

Варвара внимательно оглядела жилище ещё раз — и выцепила взглядом книжный шкаф. В нём она ещё не прибралась! Помытые стекла в дверцах и вытертая с краешков полоч пыль не считается. Если она займётся сортировкой накопившихся книжек — это ж ей на неделю занятия хватит. А может, найдутся ещё не прочитанные, забытые в свое время томики — вот будет счастье! Заляжет в кровать, обложившись подушками и вкусняшками, и погрузится в запойное чтение. Чем не отпуск? Можно даже сказать каникулы.

В отпуск Варе очень хотелось. Душа требовала полета в дальние страны. Вот только безработным отпусков не полагается по определению. А на днях Варвару уволили. Опять.

Однако вовсе не в этом крылась причина ее уныния. К увольнению за свою двадцатипятилетнюю жизнь она привыкла и воспринимала это регулярно возникающее обстоятельство философски: как возможность открыть неизведанные горизонты и развить талант дизайнера-креативщика с новой стороны. И, если говорить честно, долго сидеть на одном месте ей самой очень быстро надоедало — тесно становилось душе! Скучно. Поэтому, когда очередной начальник объявил чересчур активно лезущей не в свои дела сотруднице благодарность, выдал премию за новаторские идеи и сократил к радости всего коллектива, Варя тоже вздохнула с облегчением. Она бы и сама ушла, но увольняться по собственному желанию как-то стеснялась, да и родители не одобряли подобной ветрености.

И не сказать, что у нее была уж очень непоседливая натура, вовсе даже наоборот — домоседливая. Просто слишком часто возникало ощущение тягостной бессмысленности. Ненужности своей особы в данной точке времени и пространства. Напрасной траты времени, чем бы она ни занималась. Заведомое разочарование. Смутное желание чего-то большего.

Что делать с этим чувством, Варя не знала.

Нет, у нее не было ложной уверенности, будто она родилась «не в то» время и «не в том» месте. Но вот куда ей деваться? Куда применить себя, если уже перепробовала все доступные места работы и где только ни пыталась учиться? Внутри постоянно не давало покоя какое-то тление, словно в ней был заложен потенциал, который нужно раскрыть, иначе она перегорит... или протухнет. В общем, получалось, что либо у нее затянулся подростковый поиск своего пути, либо слишком рано начался кризис среднего возраста.

Каждый раз после увольнения Варя меняла стрижку или перекрашивала волосы. Говорят, верное женское средство от неудач и хандры. Но ей помогало не надолго. Может, не тот фасон и не тот цвет выбирала. Вот сейчас выбрала радикальный ярко-клюквенный. Со средней длиной и округлой укладкой окрас сочетался до смешного гармонично — эдакая мадам Ягода из «Чиполлино». Варя очень нравилась себе в зеркале и подумывала на этом образе и остановиться. Если в этот раз повезет, конечно.

Перебирая книги в шкафу, она рассеянно размышляла, куда бы ей податься теперь. Хорошо, немного отдыха можно себе позволить, но дальше-то что? Пусть при страсти к увольнениям Варя умудрилась скопить приличную записку, придерживаясь в быту строгой экономии, но кто же знает, какие сюрпризы готовит будущее. Ко всему, что не касалось карьеры, она предпочитала относиться с большой осторожностью. (Взять хоть тот же отпуск — сколько лет на него копила! Но за всю жизнь ни разу никуда не ездила дальше родной губернии. Ведь самолеты, судя по новостям, постоянно падают, а в поездах можно столкнуться с маньяками! Уж лучше отдыхать в родной квартирке или на родительской даче и наслаждаться чтением. А на большой мир можно полюбоваться через экран телевизора или ноута).

Правда, иногда Варю посещали сумасбродные идеи.

Например, поселиться в глухой деревне. Не в коттеджном комфортабельном пригороде или в дачном поселке,

а именно в дикой местности, едва затронутой цивилизацией. Чтобы был чистый воздух, лес, речка, птички, единый ритм с природой и временами года, био-эко-урожаем с личного огорода, вода из скважины, артезианская... Но чтобы в наличии обязательно электричество и интернет.

Или пойти в армию! Вот была бы она парнем, обязательно кинулась бы родину от кого-нибудь защищать и непременно дослужилась бы до генеральских погон. Но она не парень.

А девушкам в таком настроении советуют выйти замуж.

Варя бы и не против сыграть свадьбу, расслабиться за широкой спиной мужа и забыть хоть на время о поисках работы и смысла жизни. Осчастливить родителей внуками, завести, наконец, кота... (Ведь всем понятно, что кота лучше заводить после замужества, а не вместо, чтобы возложить на супруга половину обязанностей вроде походов к ветеринару). Жаль, годных кандидатов на горизонте не имелось.

Нет, она не пряталась от мужского внимания. Но и бегать за мужиками не считала нужным. Как говаривала покойная бабуля: «Судьба найдет хоть на печке, хоть за печкой!» Утолив естественно-ненаучное любопытство несколькими свиданиями в легкомысленную студенческую пору и не получив от кавалеров на одну ночь ничего, кроме досады, Варя теперь предпочитала придерживаться позиции выжидательно-наблюдательной. А романтику наверстывала в безопасном виде — книжками.

Была у нее в свое время первая любовь, закончившаяся предательством и разбитым сердцем. Лучшая подруга подло увела парня! Буквально из-под носа. Варя даже признаться в чувствах не успела — ни ему, ни себе, даже в мыслях. Похлопала ресницами — и прохлопала перспективного кандидата, Анечка его уж пирожками собственной выпечки угощает. И не важно, что было им тогда по двенадцать лет. И одноклассник вскоре после этого переехал в другой город. Да и с предательницей Варя в каникулы помирилась. Но осадочек-то остался на всю жизнь, можно сказать, психологическая травма!.. В общем, с тех самых пор она парням на слово не верит. И сама научилась такие пироги печь, что пальчики оближешь.

За тяжкими размышлениями Варвара незаметно для себя успела отсортировать книжки и на второй полке. Оных, кстати, полок в шкафу насчитывалось немало — от пола до потолка битком забиты печатной мудростью! Ну, или глупостью, если считать вместе с купленными в моменты умопомрачения сонниками, Великими Книгами Магии (одна другой толще) и фэнтезийными романами малоизвестных авторов. Варя поморщилась, глядя на попавшийся под руку пухлый томик с хитро улыбающимся зеленоволосым фэйри на обложке, прикинула, сколько денег утекло сквозь пальцы: по отдельности если считать — копейки, а если сложить за последние пару лет — не одна зарплата. Всё-таки у нее определенно имеется вредная привычка: привитая с детства любовь к бумажным носителям текста. И это в век электроники! Обругав себя за расточительство, Варвара затолкала томик между «Энциклопедией Обратной» и «Атласом Драконологии».

В этом же уголке, но полкой ниже, обнаружился экземпляр «Нарнии» — золотая книга детства. А через два тома от нее нашлась «Алиса в Зазеркалье», которую Варя совершенно не поняла в свою пору, а теперь и вовсе потеряла надежду проникнуться сказкой абсурда. То ли дело «Алиса Булычёва! Всё понятно и логично. Вот эта космическая утопия, на почётном месте — вся серия в обложках из искусственной кожи разных цветов.

Книги Булычева для Вари покупал дедушка, это она прекрасно помнит. А вот кто ей подарил «Нарнию» и «Зазеркалье» — вопрос. Факт, что оба раритета она получила на дни рождения, один в двенадцать лет, второй годом спустя. Пользуясь тем, что сама Варя не желала устраивать «детский праздник», предпочитая глупым играм толстые книжки, родители собирали в гости множество своих знакомых. Громогласные дяденьки и тётки приходили с чудесными подарками и коробками конфет, так что у именинницы не возникало и тени обиды за «присвоенную» взрослыми вечеринку. Вот только пестрая круговерть поздравлений слилась в памяти в один калейдоскоп...

— Как же я так? — удивилась Варя, заметив беспорядок.

Мысленно извинившись перед классиком, она торопливо вытащила из тесного ряда «Алису» — и, перевернув нарисованного на корешке кролика ушами вверх, поставила книгу обратно.

Как только Варя задвинула корешок вровень с остальными, ее ударило в грудь волной теплого воздуха, словно за полками включился огромный кондиционер.

— Что?.. — охнула она, отшатнувшись.

Дверцы высокого шкафа захлопнулись у нее перед носом. И за стеклами вспыхнула короткая молния.

Варвара лихорадочно попыталась вспомнить, не спрятана ли за шкафом электрическая розетка. Может, это замыкание? Но где тогда треск, искры, запах дыма и жженой проводки?

Приказав себе бежать в прихожую к счетчику и вырубить там всё, пока не поздно... Варя осталась стоять перед шкафом, как вкопанная. Мелькающие по книжным корешкам и стеклам разряды почему-то не выглядели, как взбесившееся электричество. Она с трудом представляла себе, как должен выглядеть ток, утекающий из взорвавшейся розетки, но почему-то была уверена, что не так.

Это было похоже на радугу вместе с северным сиянием. И на новогодние фейерверки, только в миниатюре.

И всё это играло и переливалось в безмолвной тишине. И пахло свежестью...

Варвара моргнула в растерянности — и осознала, что «светопреставление» в шкафу прекратилось.

Всё пропало, будто ничего не было.

— Это как? Я пыли нанюхалась до глюков?.. — спросила она вслух и сама поежилась от звука собственного голоса.

Внутренний голос настойчиво шептал проверить. Вдруг все книги за стеклом превратились в прах? И стоит ей открыть дверцу, как с полок посыплется каскад пепла...

Она решительно распахнула правую дверцу. Замерла на секунду, жадно вглядываясь. В шкафу ничего не происходило. Совсем ничего. Книжки как книжки, полки как полки.

Решилась потрогать, чтобы удостовериться — ткнула пальцем в корешки, там, тут. Ничего не посыпалось, всё стояло твердо и осязаемо. Даже искорки статического электричества не сверкнуло.

Варвара закрыла дверцу и отпрыгнула назад. Однако предосторожность была излишней — и в закрытом шкафу продолжало царить спокойствие.

Она крадучись приблизилась. И резко распахнула левую дверцу. Шлепнула раскрытую ладонь на книги — ничего не загорелось. Только пальцы ушибла о край полки.

Зашипев и тряся кистью, Варя отошла. Прошла по комнате. Сделала пару кругов, не сводя глаз с подозрительно молчащего шкафа. Наткнулась на угол стола, ругнулась сквозь зубы. Ушла на кухню.

— Давно надо было пообедать. От голода чего только ни примерещится...

Поставила чайник, и пока вода закипала, в задумчивости сгрызла парочку шоколадных печенек всухомятку. После, кинув в кружку пакетик чая и налив кипятка, вернулась в комнату, осторожно держа в одной руке кружку, в другой — насаженную на вилку вчерашнюю подгорелую котлету, обнаруженную в холодильнике.

В отсутствии хозяйки шкаф продолжал стоять смиренно и чинно. По возвращении Варвара ничего необычного не узрела.

В глубоких размышлениях она уселась на диван, не сводя глаз с затаившейся мебели.

Когда котлета была съедена, а кружка наполовину опустела, в шкафу послышалось шуршание. Как будто туда забралась мышь. Маленькие коготки отчетливо скреблись о картон корочек и доски.

Варвара воспрянула: наконец-то! Значит, ей не причудилось. И теперь-то не спишешь на голодные галлюцинации. Когда в глазах мерцают всполохи — это пустяки, это и от недосыпа случается. А слуховые иллюзии — это уже серьезно! Либо к ней в квартиру пробрался грызун и повредил проводку, либо надо срочно бежать сдаваться психиатрам. Либо это всё ей снится.

На всякий случай ущипнула себя за локоть — больно! Значит, не спит. Значит, одну версию можно смело отметить.

На цыпочках подобравшись к шкафу, она резко распахнула сразу обе створки. И застыла, оглушенная мыслью:

— Я впрямь свихнулась... — Нервно хихикнула: — Сбылась мечта детства, всего-то с опозданием на пятнадцать лет — мой шкаф открылся в Нарнию!

В Нарнию ли — это еще следовало выяснить. Однако факт оставался фактом: книжный шкаф внезапно сделался дверью в незнакомый город.

Город выглядел, как чистенькие декорации к историческому кино: двухэтажные уютные дома с черепичными крышами, булыжная мостовая, опрятные газончики, цветущие клумбы, ни следа парковок и автомобилей. Воздух был упоительно свеж без примеси выхлопных газов, зато с нотками дыма от печек — и с ароматом свежеспеченного хлеба, исходящим от ближайшей булочной.

Ни бетона, ни асфальта, ни дорожных знаков, ни антенн и проводов-кабелей.

И никакой рекламы! Хотя улочка-то торговая — первые этажи домов сплошь лавочки и магазинчики. Небольшие витрины без навязчивых ярких огней. Над каждым входом висят лаконичные жестяные «флажки»: крендель, рыбина, окорок, свекла перевернутым знаком карточных пик, и так далее. И при том, что в лавочках всю кипела деятельность, владельцы сэкономили на электрическом освещении! Или его тут тоже вовсе не водилось?..

На улице было довольно оживленно, но без суеты. Прохожие спешили по делам, из окошек соседки окликались вышедших погулять приятельниц. Продавцы хлопотали вокруг вынесенных под парусинные козырьки прилавков — с овощами и зеленью, с мясом сырым или приготовленным, с рыбой. С пышущими жаром булками, накрытыми чистыми полотенцами. Все запахи доносились приятным ветерком до Вариного носа, подтверждая, что галлюцинация ей досталась высшего сорта.

Одеты честные бюргеры были под стать антуражу города: будто всем миром собрались на фэнтези-фестиваль, посвященный процветающему средневековью — чистому, сытому и благополучному, какого в земной истории, кажется, никогда не бывало. Однако наряды не выглядели бутафорией — по манерам людей, по потертостям на тканях, по иногда заметным заплаткам-штопкам было ясно, что такую одежду здесь действительно носят каждый

день, а не надевают ради прихоти.

Кафтаны и жакеты разнообразных фасонов, с сотнями пуговиц, застежек, брошек, с бантиками даже у некоторых мужчин. Все женщины и девушки в юбках или платьях длиной до щиколоток, так что можно разглядеть туфли с пряжками или башмаки. Сорочки что у дам, что у кавалеров отделаны кружевами и оборочками на воротничках и манжетах, с просторными романтическими рукавами — определенно шились без тяжких дум об экономии материала!

И, удивительно, никто вроде бы не чешется из-за блох и вшей. У большинства цивилизованно промытые шевелюры, аккуратные стрижки или ухоженные локоны. И бомжами не пахнут, несмотря на средневековую моду. Выходит, здесь не только принято чисто подметать улицы, но и о личной гигиене имеют понятие.

Разглядывая людей, — до некоторых можно было рукой дотянуться, так близко они проходили мимо ее шкафа! — Варвара не сразу сообразила, что в ее сторону никто ни разу не оглянулся. Словно она останется для этого городка невидимкой, пока не перешагнет порог портала...

Будто сбросив с себя зачарованное оцепенение, Варя быстро закрыла дверцы. И выдохнула, точно всё это время сдерживала дыхание. Руки немного дрожали. Оно и не удивительно — не каждый день узнаешь, что ты сумасшедшая.

Подняла взгляд — за стеклянными створками снова стоят ряды книжек.

Варя ради эксперимента попробовала открыть только одну дверцу, правую. Книжки. Затем только одну левую — тоже книжки. Медленно приоткрыла обе сразу — в щель проник дневной свет и запахи из городка. И звуки.

Она прислушалась к обрывкам незнакомой речи — язык не был похож ни на русский, ни на какой-либо другой, известный ей по импортным кино и сериалам. Вот донеслось пару слов почти по-испански — или ей так показалось. В следующий момент булочница шутливо пропела песенку-припевочку, расхваливая свежие пироги — как будто на смеси китайского с турецким...

Увлеченная подглядыванием и подслушиванием, Варя не сразу обратила внимание на робкое поскабливание коготками. С недоумением посмотрела вниз — прямо перед дверцами, практически острым носом в ее тапочки, сидел маленький белоснежный зверек. Нет, это не был опаздывающий кролик. У этого не имелось жилета и луковицы часов. И на кролика он совсем не похож. Размером с белку, очень головастый, с огромными для маленького тела треугольными ушами, снабженными кисточками. С несоразмерно длинным роскошным песцовым хвостом.

Единственный обитатель чужого мира, кто заметил Варино присутствие.

Зверек поднял лопухую голову и уставился на нее своими круглыми, большущими умными глазами. Будто хотел что-то сказать. Острая лисья мордочка забавно поморщилась, дернулся нос-черничина, распушились короткие усы.

— Ох... — только и сказала Варя.

Руки тянулись погладить белую шерстку, но растерянный разум твердил: нельзя! Вдруг укусит? Вдруг у него блохи или какая-то зараза? Причем эта самая, нарнийская! — неизвестная земной науке. Или он краснокнижный, а то и вовсе тутошнее священное животное? И за неблагочестивое прикосновение Варю мигом засекут местные, утащат к себе в мир, запытают и казнят на площади!..

Зверек поднялся на неожиданно долгие конечности — тонкокостные, что птичьи ноги! — развернулся к Варе роскошным хвостом. И, оглянувшись, кивнул, махнул ушами — точно приглашал следовать за ним.

— Всё-таки кролик! — ахнула Варвара.

И трусливо захлопнула шкаф.

Глава 2

За хлопнувшими дверцами раздался громкий обиженный писк. Варя живо вообразила, что нечаянно прищемила неповинному в ее трусости зверьку либо нос, либо хвост, либо лапку. Стыд за причинение травмы беспомощному созданию ожег ее удушающей волной, выключив все прочие страхи. И Варвара тотчас распахнула шкаф, готовая извиниться и оказывать первую помощь пострадавшему.

— Прости меня, я не хотела...

Осеклась, оглядываясь — с той стороны зверька не было.

За спиной у нее раздался хруст. И чавканье. Варя обернулась — и ойкнула. Пока она сокрушалась, целый и не прищемленный белко-песец каким-то образом успел прошмыгнуть к ней в квартиру. Без приглашения вскочил на стол и сунул нос в коробку с печеньем. И ладно бы, не жалко, да только каждая печенина была запаена в отдельный слюдяной пакетик.

— Ты зачем с упаковкой ешь?! Это же вредно! Погоди, дай открою!..

Но зверек протестующе заворчал. И, несмотря на свой миниатюрный размер, умудрился набить в рот сразу три нераспакованных печенины. Вздыбился, как вредный кот, встал на свои тонкие лапки, мотая хвостом, не сводя с Вари круглых глаз.

Она только сделала шаг в его сторону — зверек сиганул со стола к шкафу. Да с такой прытью, что опрокинул на столе кружку и перевернул разоренную коробку, а сам на мгновение будто размазался по пространству белой стрелой. Такое Варя видела на неудачных фотографиях, а вот живую — впервые! Прямо по поговорке: одна лапа там, другая здесь.

То ли она запнулась, то ли зверь вихрь устроил — Варю крутануло на месте, она постаралась устоять на ногах, сделала шаг в сторону...

И очутилась в ином мире.

Лицо обдуло свежим ветерком. Небо над головой ослепило яркой синевой с необычным сиреневым оттенком. Солнце казалось незнакомой белой звездой, то ли мельче, чем обычно, то ли ярче... То ли действительно это было вовсе не Солнце.

Варя взглянула вверх крыш — и зависла на секунду: над горизонтом белели странные радуги. Недавно в сети она наткнулась на видео с названием «Если бы у Земли были кольца, как у Сатурна» — лишь поэтому и поняла, что это и есть то самое кольцо, а не облака, обрезанные по транспортиру, и не след от хоровода самолетов. Выходит, она точно не на Земле?

Пусть ей неизвестен здешний язык — мало ли на свете языков! Исторический городок можно устроить ради туризма и всех жителей обязать носить костюмы. Даже портал в шкаф Варя готова была списать на эксперименты квантовых физиков. Но нарочно подвесить вокруг планеты кольцо — это уже перебор!

Она определенно сошла с ума, никаких сомнений не осталось.

...На оживленной улице стоять столбом и пялиться в небо чревато. Пока Варя искала отличия планетарного масштаба, на нее налетел прохожий, тоже некстати зазевавшийся.

— Прощу простить, сударыня, — пробормотал он, подняв глаза от записки. Судя по набитой продуктами корзине, это был список покупок.

— Ничего страшного, это вы меня извините, — машинально отозвалась Варя.

Действительно, подумавшись, плечами задела друг друга. Гораздо сильнее ее взволновало то, что она разобрала, что именно произнес местный житель! И судя по его виду, он прекрасно понял, что она ему ответила.

Варя шокировано уставилась на парня еще и потому, что у того оказались синие волосы. Темно-синие, собранные в куцый хвостик. И местный житель захлопал на нее глазами — похоже, никогда прежде ему не доводилось встречать в общественном месте девушку, одетую в короткие шорты, обтягивающую майку и шлепанцы. Однако следует отдать должное его манерам и самообладанию, абориген первым опомнился и отвел взгляд. Слегка поклонился, вежливо добавив:

— Удачного дня, сударыня. Не сомневаюсь, во дворце вы произведете впечатление.

— Спасибо, — проблеяла Варя ему уже в спину.

Какой дворец? При чем здесь дворец? Она ничегошеньки не понимала. И очень хотела поскорее вернуться домой!..

Она обернулась — за спиной не было никакого портала. И родного шкафа тоже не было. Даже телефонной будки. Сплошная каменная стена, высотой в два ее роста, увенчанная черепичной кровлей. Печная труба и флюгер в виде петуха упирались в фиалковое небо...

Два шага вправо — угол дома. Три шага влево — крыльцо с приступком и дверь с бронзовым кольцом-молотком.

Только Варя собралась удариться в панику, только отступила в тень, чтобы на нее никто из прохожих больше не налетел, обхватила себя руками за плечи, собралась сиротливо прижаться спиной к стене...

И вместо холодного камня ощутила пустоту, куда благополучно и провалилась.

Стукнулась плечом о край дверцы, прекратила испуганно жмуриться — и счастливо обнаружила себя дома, в родном мире, лежащей на полу, ногами в книжном шкафу. Кстати, никто из прохожих на той стороне не замечал торчащие из ниоткуда ноги. Из чего Варя сделала вывод, что по частям перенос между мирами не срабатывает, надо туда целиком выпрыгивать.

Полежав и успокоившись, Варвара расхохоталась. Удобная у нее Нарния оказалась: хочешь — вся прыгай, не хочешь — подглядывай. Совсем не хочешь — закрой шкаф и забудь.

А еще автоматически язык понимаешь. Бонусом!.. С другой стороны, если это ее собственный бред, то откуда взяться языковому барьеру.

В голове вспыхнула шальная мысль: а не устроить ли ей каникулы, не выходя из дома? Но не тратить время на чтение о фантастических мирах, а каждый день гулять по чужой планете. Чем не туризм, чем не приключение!

Если уж сходить с ума, то с удовольствием.

Нет, конечно, она могла бы поддаться внутреннему голосу, твердящему, что есть множество причин не ходить в чужой мир, ибо можно не вернуться назад или влипнуть в переделку. Или заиграться и окончательно сбрендить.

Но тот же внутренний голос сам себе противоречил, бубня, что она пожалеет, если упустит такой шанс. Вдруг

это не галлюцинации, а новое слово в науке? Где-нибудь ученые запустили очередной коллайдер, устроили побочное завихрение в пространственном континууме — и открыли дыру между мирами. И Варваре привалило счастье стать первой на Земле обладательницей домашнего телепорта. Неужели у нее не хватит смелости, чтобы насладиться выгодами чудо-шкафа, прежде чем она побежит в академию наук хвастаться аномалией? Ибо как честная гражданка она не имеет права лишать человечество открытия века.

Но если портал закроется так же внезапно, как открылся, и приглашенные ученые не успеют полюбоваться чужим миром, Варю точно отправят на длительное лечение. Так что спешить с оглаской никак нельзя. Лучше самой всё разведать, а уж потом взвесить и решить, как быть дальше.

Понимая, что ни о чем другом она думать пока не сможет и вряд ли ночью вообще заснет, Варвара взялась планировать турпоход, не откладывая.

Она не стала закрывать шкаф плотно, оставила щелку, чтобы случайно не «выключить» телепорт. И не слишком удивилась, вскоре обнаружив на кухне знакомого белко-песца. В закрытом холодильнике. Тот залез головой в кастрюльку с макаронами, запеченными с сыром, и самозабвенно доедал остатки позавчерашнего обеда.

— О, как славно! — обрадовалась Варя. — Может, тебе и вчерашние пельмени подогреть? Я их тоже не хочу, а выбросить жалко.

Оказалось, что те пельмени белко-песец уже подъял и кастрюльку вылизал. Подивившись, как в миниатюрное тельце убралось столько еды, Варя пожала плечами и не стала мешать зверю наслаждаться дальше, теперь уже перепелиными яйцами. Благо зверь грязи не разводил, даже с сырыми яйцами обращался очень деликатно — брал в рот по одному, выпрыгивал из холодильника на кухонный стол, там клал трофей на попавшуюся под лапу тарелку, надкусывал скорлупу острыми клыками, выпуская содержимое — и аккуратно лакал узким язычком гоголь-моголь, жмуря глазищи от удовольствия.

От копченой колбасы и ржаного хлеба песец почему-то отказался, хотя Варя сама предложила. Но раз нет, так нет — поглядывая на самостоятельного гостя, она нарезала себе в дорожку бутербродов, завернула в бумагу (остерегаясь нести в чужой мир целлофан), и положила в рюкзак.

— Ты только, как закончишь, не забудь холодильник закрыть, ладно? — в шутку попросила, уходя в комнату.

И спустя минуту к изумлению услышала, что дверцу холодильника нарочито громко захлопнули. Белко-песец, довольно облизывая узкую мордочку, медленно прошествовал из кухни к книжному шкафу. И сел на пороге, обернув лапки своим роскошным хвостищем. Выжидающе уставился на Варвару.

— Сейчас соберусь, и пойдем погуляем по твоему миру, — кивнула она. — Проводишь? Покажешь достопримечательности?

Песец наклонил голову, будто что понял.

Между тем Варя покидала в свой рюкзачок всё, что посчитала нужным и важным: складной многолезвийный нож — на всякий случай, паспорт — для удостоверения личности, упаковку одноразовых носовых платков, лейкопластырь. Смартфон — сомнительно, что там ловит связь, но вдруг получится сделать фото? Бутылку с питьевой водой, бутерброды, порошки от поноса; моток крепкого шнура, заплетенного в виде браслета; листок бумаги и карандаш — составлять план местности, чтобы не заплутать; компас и механические наручные часы. Перцовый баллончик от бешеных собак и хулиганов, баллончик противомоскитного средства, мазь от укусов насекомых... Вроде бы всё. Конечно, для двухчасовой прогулки немало, но Варя ощущала себя первооткрывательницей.

— Лучше перебдеть, чем недобдеть, — пробормотала она известную фразу.

«Походную» косметичку она, напротив, из рюкзака выложила. Вроде бы в средневековье красились только гуляющие женщины, так что пойдет в «домашнем» виде.

К выбору одежды Варя тоже подошла серьезно. Перебрала весь свой гардероб — и ожидаемо не нашла юбок в пол. Ну не носит она подобное! В штанах привычнее. Из платьев обнаружились два неброских, длиной ниже колена — на одном при примерке разъехалась молния. Во втором, старом, Варя просто застряла, не втиснувшись попой. В итоге выбор пал на черные брюки с очень просторными штанинами — если не широко шагать, вполне сойдут издалека за юбку-макси.

К брюкам подобрались черные же кроссовки, в которых Варя не боялась при долгой ходьбе натереть ноги. Скромная белая блузка со винтажным бантом на вороте показалась тоже в тему. Сверху надела трикотажный длинный кардиган оттенка темного шоколада.

Покрутилась перед зеркалом — спохватилась и дополнила наряд черной вязаной шапочкой с искрой люрекса, чтобы спрятать клюквенный цвет волос. Черт его знает, зачем некоторые местные красят волосы в ненатуральные цвета — вдруг это что-то означает, какой-то статус? Лучше не рисковать, она и без того привлечет к себе внимание необычным нарядом.

— Ну что, пошли? — обернулась Варя к терпеливо ждавшему белко-песцу.

Тот понятно поднялся на длинные лапы — и прыжком сиганул в портал. Варя глубоко вдохнула-выдохнула.

И шагнула следом.

На улице чужого города прохожих стало значительно меньше. Но солнце всё ещё висело на небе высоко, не спеша к закату. Лавочники, пользуясь затишьем в торговле, неторопливо перебирали товар или просто сидели дремали возле прилавков.

На Варвару, появившуюся из стены, никто не обратил внимания. Люди ее видели, но скользили равнодушными взглядами, очевидно не находя в ней ничего особенного. И это радовало.

Ради эксперимента Варвара попятилась — и вошла обратно в стену, беспрепятственно оказавшись дома. Хихикнув, она сделала шаг вперед — и также без проблем вернулась на мощеную булыжником улицу. На нее по-прежнему никто не смотрел.

Белко-песец крутился неподалеку, не убегая, будто давая ей время привыкнуть и осмотреться.

Мимо пролетела бабочка. Самая обычная, желтая в крапинку. Варя проводила ее взглядом — и распахнула глаза: бабочка села на каменную стену, не думая проваливаться в другое измерение. Варя протянула руку и попыталась потрогать кладку в этом месте — рука прошла сквозь стену, как через воздушный мираж. А бабочке начхать — сидит и лапки чистит. Из этого наглядного опыта можно было сделать вывод, что в оставленную без присмотра квартиру не налетят чужеродные насекомые, что уже хорошая новость. Возможно даже, портал откажется пропускать посторонних людей, если кто-то вдруг вздумает случайно прислониться к стене.

Другой вопрос, если проход теоретически срабатывает только на нее, как в таком разе смог проникнуть к ней белко-песец? У него ведь не спросишь — не ответит. Или он неспроста такой сообразительный? Магический какой-нибудь? Варя покосилась на своего спутника: зверь от безделья по-собачьи чесал задней лапой за ухом, ухо хлопало парусом и мотало кисточкой.

Хихикнув в кулачок, Варя отвернулась от стенки и прикинула, куда же ей направиться — направо по улице или налево? Насколько можно было видеть отсюда, разницы не было никакой — сплошная линия домов с лавочками и магазинчиками.

Запоздало сообразила, что не взяла с собой кошелек. Туризм без шопинга и сувениров теряет половину смысла и удовольствия. Хотя куда бы она тут с кредитками? Да и земные деньги вряд ли пригодятся — еще чего доброго за фальшивомонетчицу примут. И рассказывай им потом про галлюцинации и Нарнию... Разве что попробовать поработать «челночницей»: принести из дома что-нибудь ненужное, сдать в местный ломбард, а честно вырученные деньги потратить на что-нибудь интересенькое.

Варя мысленно сделала себе заметку запомнить удачную идею — и сдвинулась-таки с места. Неторопливо зашагала по непривычно неровной из-за булыжников дороге, поглядывая на витрины и выносные прилавки с приличного расстояния, чтобы случайно не ввязаться в торг со скучающими продавцами.

Булки и пироги выглядели обыкновенными. Соблазнительно благоухали, это да, но внешне ничем от привычных не отличались.

На мясной и рыбный прилавок Варя не особо пялилась, так как не была сильна в анатомии и зоологии-биологии, а вид разделанных морских гадов (или не морских, кто ж знает) мог здорово испортить аппетит.

Зато перед лавочкой с овощами, зеленью и фруктами она невольно остановилась. Внимание привлекли листочки знакомой формы — пучок петрушки! Но не зеленой, а ярко-синей. Морковка тоже нашлась — совсем обычная, вот только сиреневая. Свекла ладно, эта была красной с оранжевыми прожилками. Репа — крупной и приятно салатовой. Салат — нежно-бирюзовый. Капуста — разве что капуста как капуста, почти белые кочаны.

Фрукты и ягоды вообще не поддавались узнаванию. На прилавке красовались красные прямые бананы в плотной кожице от мандаринов. Яблоки ребрились, как тыковки, и пахли абрикосами. Белые персики, опознанные по пушку и форме сердечком, издавали аромат земляники...

— Красавица, что смотришь только? Выбирай, всё свежее! — перехватил ее заинтересованный взгляд появившийся из дверей лавки немолодой продавец.

Варя смущенно отступила на шаг, вцепившись в ремешок рюкзака.

— Простите, я просто гуляю. Кошелек дома забыла.

— Э, неудачно ты гуляешь, без вкуса, — широко улыбнулся лавочник. Подмигнул, выбрал с прилавка белый персик и протянул Варю. — Приходи с кошельком, завтра арбузы будут — пальчики оближешь!

— Арбузы? — Варя, покраснев, взяла подарок, благодарно кивнула. — А какие они у вас? Тоже большие, зеленые и в полоску?

Продавец расхохотался:

— Ты откуда такая приехала? Арбузов не пробовала?

— Ваших — никогда, — чуток осмелела Варя, держа персик обеими руками и наслаждаясь ароматом.

— Наши арбузы правильные, — весело пояснил продавец, — красные, спелые, грозди вот такие, ягодки вот такие! Приходи, сама посмотришь.

— Спасибо, постараюсь прийти, — улыбнулась Варвара, про себя решив, что здесь арбузами называют что-то

типа винограда.

— А это как называется? — указала она на персик.

— Шугишь? Это же редька, она везде растет!

— Да, точно! Я просто забыла название, спасибо! А это? — она указала на сиреневую морковь.

— Морква, — великодушно повел рукой продавец. Не дожидаясь следующих вопросов, перечислил дальше:

— Кабачки, — про оранжевую свеклу.

— Огурцы, — яблоки-тыковки.

— Фейхуя, с юга привезли! — банано-мандарины.

— Ну надо же! — восхищенно вздохнула Варя, даже не пытаясь запомнить, чтобы ум за разум не зашел.

Она пожелала доброму аборигену хорошей торговли и удачного дня, и отправилась гулять дальше, размышляя над важным вопросом: почему она слышит привычные слова, не всегда обозначающие привычные вещи? Если очень сильно напрячь слух, то можно было уловить, что и продавец этот, и она сама беседовали вовсе не по-русски. Когда она подсматривала через шкаф, то слышала речь — и ни слова не понимала. Теперь же, когда она ступила на эту землю, случилось чудо: и с произношением у нее никаких проблем, и смысл слов понятен, будто язык родной, и на звучание внимания не обращаешь, ибо просто не способен отвлечься от смысла.

Всё-то хорошо — за исключением небольшой путаницы, когда сами предметы (те же фрукты!) не совпадают с земными. Верх остался верхом, низ — низом, но вишню будут называть смородиной, потому что у нее окажутся другие косточки и синий окрас? Варя лишь понадеялась, что за время прогулок не попадет впросак из-за этой путаницы. Ведь если следовать логике, тот же «клюквенный» в этом мире не обязан быть оттенком красного, это будет цвет плодов «клюквы» — и поди угадай, что за растение это окажется и какие у него плоды. Но одно уже ясно: морковный рожий здесь точно не равен оранжевому.

За глубокомысленными размышлениями она не сразу заметила, что белко-песец удрал от нее довольно далеко — и юркнул с мостовой на газон. Если б не его хвост-султан, совсем бы потерялся среди синевато-бирюзовой травы и мелких кустистых ромашек.

— Зверь, погоди, не убегай!

Варя заторопилась догонять. На ходу сняла рюкзак и запихнула редьку-персик, чтобы не отвлекал изумительным ароматом — потом попробует, успеется. И в мыслях не возникло задуматься: зачем бы ей преследовать зверька? Если он обедал в ее холодильнике, это вовсе не значит, что отныне он стал ее питомцем и она несет за него ответственность. Просто внутри отчего-то возникла уверенность, что надо идти за белым хвостом. А для чего и почему надо — внутренний голос вкупе с интуицией внятно ответить не могли, только нетерпеливо подгоняли вперед.

— Песец? Ты где? — негромко позвала она, подойдя к примеченному газону.

За растущим в промежутке между домами развесистым деревом раздался задорный «тявк!»

— Да как я туда пройду-то? — растерялась Варя. Но тут же заметила узенькую тропку, огибающую газон вдоль стены одного из домов.

— Тявк!

— Ну хорошо, иду уже, иду, погоди...

Из-за густых, вольно растопыренных веток пришлось пригнуться и прикрыть голову. Из-за узкой тропки и стены за спиной возникло ощущение, что прошла по карнизу... Поэтому Варя слегка растерялась, неожиданно вынырнув из-под дерева сразу на шумную базарную площадь.

Белко-песец обругал ее за медлительность выразительным фырканием, махнул хвостом, как гид флажком для туристов, и повел за собой в известном одном ему направлении.

Варя неуверенно последовала за ним. Ее успокаивала мысль, что пока они проделали незамысловатый маршрут, и при желании она легко и быстро добежит до портала, не рискуя заблудиться. А песец — он наверняка просто хочет, чтобы она проводила его до дома хозяев. И ей самой будет приятнее знать, что такой милый и умный зверек благополучно вернулся к любящей семье...

Вот только зверь не стал выбирать безопасный окольный путь, а бесстрашно ринулся в самую гущу рыночной жизни. И опасность не ограничивалась лабиринтом прилавков и толпой пешеходов, хотя затоптать такую мелюзгу не составляло труда, и просто чудо, что зверьку до сих пор не отдавили лапы.

Куда страшнее Варе показались местные средства передвижения — громоздкие коляски, отдаленно напоминающие катера на воздушной подушке. Нет, внизу у них были обычные колеса — со спицами, как у старинных карет. Спереди располагалось кресло для водителя и руль-рогатина. Варя заметила клаксоны с грушами-гармошками и подвесные фонари вместо фар. За водительским сидением размещались пассажиры на узких диванчиках, в один или в два ряда. А сзади, там, где обычно полагается быть багажнику, поперек повозки возвышалось здоровенное колесо из деревянных планок и спиц, в каркасе из проволочной сетки с крупными ячейками. По всей видимости, конструкция эта являлась двигателем экипажа. У болотного вездехода в похожем

каркасе крутился винт пропеллера, здесь же вращали колесо угорелые белко-песцы — несколько десятков зверьков в каждом экипаже: рыжие, бурые или пепельных, самых разных мастей и расцветок, кроме белых.

Насколько Варя сумела разобрать, лавируя в толчее, крутя головой по сторонам и пытаясь при этом не сильно отстать от своего хвостатого спутника, клаксоны на колесницах использовались не только для распугивания зазевавшихся прохожих, но и для управления «живым двигателем». Причем зверьков внутри беговых колес не запирали и на поводки не сажали. Варя заметила, как одностая колесница притормозила, чтобы молодой щеголеватый водитель мог пофлиртовать с хозяйкой цветочного прилавка и купить букет — на пару минут остановки белки выскочили наружу, расселись на шляпе и на плечах водителя, с любопытством разглядывая цветы. А одна залезла в вазу, чтобы попить воды, хотя на задке повозки болтались два глубоких ведерка — с кормом и для питья. Когда же водитель решил ехать дальше, по его свистку зверьки мигом нырнули обратно — и колесница рванула с места так резко, как будто была запряжена четверкой лошадей. Хотя нет, наверное, еще быстрее...

От разглядывания экологически чистого транспорта Варю отвлек высокий звук сигнального горна.

— Граждане славного Белозорья и уважаемые гости столицы! — вслед за короткой мелодией разнесся над площадью бас глашатая. — Напоминаем, что сегодня во дворце состоится долгожданный... — Часть фразы утонула в гуле множества голосов. — Желаящие барышни и девицы всех сословий всё еще могут записаться... — Снова не разобрать из-за резкого свиста и насмешливых выкриков. — Время истекает, но у каждой из вас еще есть шанс послужить на благо королевства!..

— Мама! — раздался тоненький голос в неодобрительно гудящей толпе. — Мама-мама! Можно я запишусь? Стану королевой!

— Дура! — припечатала родительница. Варя разглядела их: мамаша схватила дочку-подростка за руку и потащила подальше от греха. — Станешь ты королевой, держи карман шире!..

— Но, мама!..

Капризный вопль утонул в шуме и гомоне.

С другой стороны мимо Вари протолкалась парочка хихикающих подружек:

— Видела колдуна?

— Видела-видела! Приехал проверять!

— Еще бы не приехал! Прискакал!

— Так глазищами зыркает, точно прям щас всех невест живьем слопают!

— И ведь нашлись наивные глупышки! Нет бы сказать, что сговорены!

— Ума же нет, так им и надо!

«Подозрительно! — подумалось Вале. — Домой пора бы...»

Оглянулась — и сшиблась почти лоб в лоб с невысоким усатым мужчиной в вычурном ало-золотом мундире с нелепым бантом на груди.

— Ох, простите... — пробормотала она.

Но тот не оскорбился, а напротив, вроде бы даже обрадовался. Воспользовавшись моментом, подхватил ее под локти, не позволив удрать, и закружил на месте в вихре толчеи:

— Ничего страшного, сударыня. Это я прошу меня извинить. Удачно мы с вами столкнулись! Позвольте уточнить, вы замужем? Каков ваш возраст? Пол достоверно женский?

— Что?! — изумилась Варвара. — Женский, а вы не видите?

— Не извольте сердиться, сударыня, это формальный вопрос, — не смутился усач. — Так вы замужем? Помолвлены? Сговорены? Обещаны?

— Нет! — отрезала Варя. И тут же прикусила язык: вот зачем сболтнула!

Усач расцвел и залился соловьем, не думая выпускать ее из вежливой, но крепкой хватки:

— Раз вы незамужняя барышня, подходящего пола и возраста, согласно королевскому указу вы обязаны прибыть на смотрины во дворец. Отбытие кареты ровно через полчаса. Вам повезло — едва успели!

— Смотрины? — повторила Варя, затупив от изумления.

— Дабы при удачном стечении обстоятельств сделаться невестой его королевского высочества, первого и единственного наследника престола, принца Лучедара Злата, — с пафосом объявил усач.

Варя поверить не могла: неужели кандидаток в невесты для принца вылавливают на площадях, а девицы от такого счастья норовят сбежать? Надо бы и ей выкрутиться, пока не влипла во что-то непонятное.

— Я... эм... не могу! — замямлила Варя, высвобождаясь из рук миглом погрузневшего усача. — Мне не позволяют выходить замуж... эм... этические соображения!

— Что ж, весьма огорчен сим обстоятельством, — вяло отозвался усач. — Прошу простить за отнятое время. Насильно никого не принуждаем, согласно законодательству.

И отвернулся, сразу забыв о ее существовании.

Варя взликовала в душе — просто отделалась! Кинулась догонять белый хвост, благо кончик мелькнул за

очередным рядом рыночных прилавков метрах в десяти впереди. Пропустила прострекотавшую мимо колесницу, побежала дальше — и чуть не угодила под копыта всаднику. Вернее, конечно, его скакуну, который с цоканьем выскочил наперерез, незамеченный из-за вышеупомянутой повозки.

— А-а!.. — коротко вскрикнула Варя, шарахнувшись в сторону от косматого чудища.

Здоровенная рогатая голова не то обросшего шерстью носорога, не то скрещенного с крокодилем зубра вытаращила сердитые глазищи, мигнула роскошными жирафьими ресницами — и с недовольным рыком окатила плюхнувшуюся на мостовую девицу горячим дыханием вперемежку с огненными искрами. Или так почудилось чудом уцелевшей Варе.

— Сударыня, вы не пострадали?

Варя непонятливо подняла голову. Если смотреть снизу вверх, чудовище, переминавшееся перед нею, выглядело высоким и несуразным, как слон-глюки с известной картины Дали. И еще у него были внушительные витые рога. И крылья. Настоящие крылья, каждое шириной по три метра, а может и больше, меховые, как дорогие пледы, как парус белки-летяги, одолженный для летучей мыши. Ими-то он и затормозил, чтобы не затоптать непутевую девицу — распахнул, вывернув вверх «локтями», чтобы еще кого-нибудь не задеть в толчее.

С драконо-зубра соскочил всадник и, обеспокоенный Вариным молчанием, присел рядом, деликатно потормошил за плечо. Варя всё равно не обращала на него внимания и ошарашено пялилась на зверюгу. Отчего зверь откровенно засмутился — отвернул голову на длинной шее, косясь из-под ресниц, порываясь спрятать нос под нервно дергающееся крыло. При этом приподнял верхнюю носорожью губу, раздраженно пыхтя и демонстрируя зубы, которым позавидовал бы любой динозавр.

И теперь-то Варя увидела, отчего конечности скакуна показались ей такими длинными — это чудо-юдо цокало не подковами, а ходулями! Точно модница гейша, зубро-дракон носил на каждой когтистой лапе специальную деревянную сандалию, изящно выточенную из цельного бревна высотой в метр и толщиной сантиметров двадцать. Дерево было покрыто темным лаком, сверху ходуля расширялась и закруглялась в форме шара, за который крепко держалась когтистая лапа, а для верности обувка пристегивалась к конечности ремешками с пряжками, прямо как босоножки. Надо признать, скакун балансировал на своих ходулях куда лучше, чем Варя, когда рисковала надеть высокие каблуки...

— Вас так поразил мой сайгак? — наконец-то обратила она внимание на приятный мужской голос. Он давно звучал в ее правом ухе, но Варя была слишком занята разглядыванием скакуна, чтобы оглянуться на всадника.

И напрасно! Всадник успел снять шлем (металлический с кожаной отделкой, фасона среднего между рыцарским и мотоциклетным, с забралом из дымчатого стекла и с зубчатым хищным венцом), и оказался писанным красавцем. В дорожном костюме из черной замши с серебряными черненными пряжками-застежками, в небрежно наброшенном на плечи черном, как ночь, плаще, парень выглядел ожившей девичьей мечтой. Впечатляла густая непокорная шевелюра — рассыпавшиеся по воротнику вихры оказались цвета здешней морковки, если ту мелко натереть и смешать с белой персико-редькой. В сочетании с белоснежной кожей гладковыбритого, умеренно мужественного лица — да с ярко-золотыми глазами, обрамленными темно-фиолетовыми ресницами... и такого же цвета соболями бровями... и этот прямой породистый нос с тонко вылепленными ноздрями... и бледные, почти бесцветные губы, полные скульптурной гармонии...

— Са... сайгак? — выдохнула Варя. И сама обрадовалась, что умудрилась не проглотить язык.

Молодой человек кивнул на зубро-дракона:

— Мой сайгак. Он вас испугал? Вы не поранились?

— Нет, ничего... — Варя позволила незнакомцу помочь ей подняться с земли. Он и перчатку снял, ишь ты, чтобы подать руку даме!

Она не знала, куда смотреть — так хотелось выпучиться на красавчика! Но ведь он не зубро-дракон, не смутится и под крыло не спрячется, вон как расплавленным золотом горят глаза... Неловко станет в первую очередь ей самой за отвратительные манеры.

— Простите, я сама виновата, не увидела... такого немаленького, — пробормотала она, мучительно заливаясь румянцем.

Незнакомец чуть заметно улыбнулся и, похоже, собирался ответить в тон ее неловкой шутке. Но их взаимные любезности бесцеремонно прервали криком:

— Ваше высочество! Вы не пострадали?!

Это уже знакомый Варваре усач в алом мундире растолкал благоговейно притихшую толпу и бросился с воплем к всаднику. Варя уж подумала, что он схватит молодого человека так же по-хамски, как недавно схватил ее, однако усач резко встал по команде смирно, выдохнув:

— Ваше высочество?!

— Всё хорошо, — с ноткой досады отозвался незнакомец, поспешно надевая шлем и перчатку.

— А ваш сайгак? Он не повредил себе ничего? — не унимался усач.

Всадник обеспокоенно обернулся к скакуну, неловко топтавшемуся на месте:

— Друнь, ты в порядке?

Зубро-дракон ответил насмешливым всхрапом, потряс головой и снова скосил умные глаза на Варю.

— Он тоже в порядке, — кивнул незнакомец. Бросил, ни на кого не глядя: — Прошу меня извинить.

И, воспользовавшись подставленной скакуном сандалией, как ступенькой, лихо взлетел в седло, неприметное на косматом загривке. Развернул сайгака, направил к выезду с площади.

Варя зачарованно проводила их взглядом. Зубро-дракон слегка раскачивался при ходьбе, изящно переставляя босоножко-ходули так, словно шел по натянутой ниточке. В такт шагам мотался волочащийся хвост, покрытый густым длинным волосом — точно шлейф, собранный из множества конских грив...

Площадь постепенно ожила, все вспомнили о собственных делах.

У ног Вари возник белко-песец. Он хитро шурился, глядя ей прямо в глаза, и получалось это у него на зависть высокомерно, это при его-то миниатюрных размерах.

Усач тоже хотел было вернуться к исполнению своих сомнительных обязанностей. Но Варя ухватила его за обшлаг мундира:

— Можно вас на минутку?

Тот смерил ее равнодушным взглядом:

— Что угодно барышне?

Варя смешалась. Брякнула:

— Не подскажите, как называются эти зверьки? — она кивнула на белко-песца.

Усач недоуменно приподнял косматые брови:

— Кролик же! Или он не ваш, сударыня? — Он с сомнением поглядел на зверька, будто мог неправильно разглядеть и спутать кролика с сайгаком. Песец ответил ему ехидным прищуром.

— Мой... наверное, — буркнула Варя.

— Ну, правильно, они сами себе покровителей выбирают, — кивнул усач. — Себе на уме животное, никогда не понимал, что в них хорошего. Ежели в машину сажать, так они то едут, то не едут, смотря как им захочется. А ночью — уж точно не едут никуда, спят на деревьях гроздьями. А ежели в доме держать — сожрут в присест все запасы и лужайку обсе... мда...

Ворчливо рассуждая, усач снова повернулся уйти. Но Варя опять дернула за рукав.

— Что вам еще, сударыня? — рыкнул он.

Варя вздохнула, понимая, что, возможно, сейчас сделает самую большую ошибку в своей жизни. И выпалила:

— Вы говорили про отбор. Запишите меня!

— На смотрины-то? — сразу подобрел усач. — Не передумаете?

— Нет, — зажмурилась Варвара, помотала головой. — Я твердо уверена. Хочу стать невестой принца!

— Ну, смотрины-то еще пройти надо, — охладил ее внезапно проснувшийся пыл усач. — Да и «невеста» не равно «жена», ежели трезво поглядеть.

— Вам показать паспорт? — вспомнила Варя, сняла рюкзак, полезла в кармашек, достала и потрясла корочками с сусальным орлом.

Усач впечатлился блеском глянцевой обложки, отказался:

— Так вы, сударыня, с верительной грамотой? Мне-то не надо, а во дворце прочтут, не волнуйтесь. У них там всё чин по чину. Мне-то главное желающих барышень собрать и привезти... Обождете недолго? Скоро вчера записавшиеся девицы явятся, как уговорено, тогда все сядем и поедем.

Отправилась Варя во дворец в колеснице вместе с двумя другими претендентками. Песец никуда не убежал, последовал за нею, точно впрячь избрал в хозяйки. От скуки ненадолго присоединился к команде кроликов в колесе, побегал вместо пухлого рыжика, пока тот отдыхал на козлах рядом с усачом. Потом утомился и забрался на колени к Варваре. Она задумчиво гладила новообретенного питомца и вполуха прислушивалась к болтовне сидевших на диванчике впереди нее девушек.

— Лучедар Злат такой красавчик! — возбужденно ахали они попеременно, к месту и невпопад.

Варя вспоминала о горящих золотом глазах высочества-незнакомца и не могла не согласиться — красавец, того не отнять.

— Во дворце соберут цветник — со всей страны приедут дочки богачей и благородные княжны! — щебетали девицы, стараясь друг дружку напугать важностью события. — Будет сам король! Тоже красавчик и совсем еще не старый. Вдовец!

Варя не могла не улыбнуться: выходит, невесты имеют право честно строить глазки не только сыну, но и отцу? Действительно, при хорошей жизни и должности (а король — это определенно хорошая должность), мужчина и в сорок, и в пятьдесят лет способен покорить воображение юных барышень.

— Но ты ведь помнишь о проклятии? — доверительно наклонилась одна девица ко второй, старательно накручивая конкурентку.

— Ах, я не верю в суеверия! — отмахнулась та, однако голосок-то дрогнул. — Это всё слухи и бредни.

— Вовсе не слухи, — с таинственной важностью покачала головой первая. — Вот увидишь — невесту принца постигнет несчастье, как и было предсказано более полувека назад.

— Что, на свадьбе каблук сломает? Пф-ф!..

— А кто ж знает. Только поговаривают разное: что будущую королеву белогорские чудища поклялись выкрасть...

— Ха!..

— ...Или что из-за нее разразится война с Синегорьем.

— Угу, как же.

— ...Случатся из-за нее страшные бедствия — потопы и пожары, земля расколется!.. В общем, в любом случае суждено ей погибнуть во цвете лет.

— Что ж ты тогда сама согласилась ехать во дворец, если веришь в это?!

— Я девушка скромная — лишь хочу на его величество поглядеть, да на фрейлин и их наряды. Куда мне метить в принцессы? Так, в сторонке постою, оттеню блеск придворных дам.

— Нет никакого проклятия! А если и было, то развеяли давно! У нас в Златограде живет самый могучий чародей на свете, а при нем — целая школа колдунов. Неужто они за столько-то лет не нашли способа отвести беду? Поди, не дураки!

— Не школа, а академия, — ввернула скромница, с досадой глядя с высоты экипажа на проносящиеся мимо ландшафты. Соперница ей попалась упрямая, но хитрая барышня тоже сдаваться не спешила. Ловко переменяла тему для разговора, продолжая нагнетать нервную атмосферу: — Чуролют, говорят, не самый могущественный чародей. Есть и посильнее его — догадайся кто!

— Уж прямо ума не приложу! Тебе-то откуда знать? Рассуждаешь, будто что понимаешь в чародействе!..

— А ну цыц, трещетки! — не вытерпел усач, оглянувшись на пассажиров. — Ежели не примолкнете, высажу!

— Не посмеете, дяденька. Мы — кандидатки для отбора! Вы сколько дней на площади стояли шутком гороховым, чтобы нас троих заполнить?

— Чу-у! Да и без вас, балабол, найдутся охотницы. Эка потеря выйдет — вместо трех одну довезу! Господин магистр мне наоборот спасибо скажет, что меньше ему забот будет — на вас-то глядеть велика радость!

Девицы надулись.

А Варя продолжала благоразумно помалкивать, разглядывая красоты природы. Болтовня о неведомом проклятии почему-то ее нисколько не впечатлила. Зря, наверное, вдруг в слухах кроется зерно истины, и это должно было тревожить... Но отчего-то не тревожило. Она ехала вперед с необъяснимой спокойной уверенностью, что всё с ней будет хорошо. Судьба привела ее в этот мир — именно в нужное место в нужное время! Возможно даже, вмешалась какая-то высшая магия. Так что Варе следует принять подарок с благодарностью и не мешать провидению вести ее дальше — напрямик к счастью и большой чистой любви!..

Рассуждала так — и сама себе удивлялась. Неужели золотые глаза настолько зачаровали? Загипнотизировали! Стоило вспомнить о нелепой мимолетной встрече, как в груди разгорались щекочущие золотистые искорки... Необыкновенное чувство! В ней будто просыпались неведомые прежде силы. Здесь кто-то говорил о магии? Да выдайте Варваре любое проклятье! Предоставьте какие угодно катаклизмы — она всё преодолет! Мир перевернет, но пройдет отбор и добьется руки и сердца златоглазого королевича!..

Пока мыслями витала в розовых облаках мечтаний, взгляд скользил по окрестностям. С обеих сторон от дороги голубела сочная зелень. Рощицы прерывались лужайками, просеками или буйно цветущими спусками к синим озерам. Темные зеркала вод в обрамлении заросших берегов уводили взор в живописные дали — на ошеломительное мгновение, прежде чем скрыться за следующими лесочками.

Колесница резво катилась вперед, и вот уже поверх деревьев показались острые макушки башен.

В груди усиливался трепет. Волнение? Томление надежд? Проснулась трусость? Ох, не зря ли она поддалась и подыграла своему сумасшествию! Портал в шкафу, другой мир, принц на выданье — разве это всё может оказаться реальностью? Сейчас она моргнет — и проснется дома... и ладно, если не в палате психлечебницы.

С другой стороны, если это сон — тем более долой сомнения! Сколько можно трусить! Всю жизнь мечтать, и только? Хоть в наваждении сумасшествия нужно быть решительной.

Глава 3

По случаю знаменательного события центральные ворота дворцового комплекса были открыты настежь. К неудовольствию претенденток (и Вари в том числе), желающих явиться на смотрины оказалось совсем не мало. Уже на подъезде их колесница попала в медленно движущуюся «пробку» среди прочих экипажей и карет.

— Из-за границы тоже прикатили! — оглянувшись на притихших девушек усач. Он-то был доволен: раз дефицита

в невестах против ожидания не случилось, то его самого за более чем скромный «улов» никто ругать не станет.

Весь просторный внутренний двор оказался тесно заставлен транспортом. Новоприбывшие едва нашли местечко для парковки. Белко-кролики из колеса-двигателя разбежались сразу же, как только повозка остановилась, смешались с сотнями, если не тысячами других своих хвостатых собратьев. Варин песец тоже исчез, молнией спрыгнув с рук.

Варя не успела толком оглядеться, лишь повертела головой на возносящиеся к небесам высокие стены и башни дворца, как ее и спутниц позвали:

— Еще желающие?

Через сутолоку и море снующих-мелькающих зверьков к их колеснице пробрался паж: юное тонкое существо среднего роста с усталой-сердитой гладкой мордашкой, с беретом на завитых кудрях, в бархатном, расшитом золотом и жемчугами костюмчике, в чулках и туфлях, точно сбежал из спектакля про Золушку.

Усач галантно подал пассажиркам руку, помог спуститься из экипажа — и с гордостью сдал пажу, расписавшись карандашом на предъявленном гербовом листке.

— Идемте, — без особой любезности кивнул паж, не взглянув на притихших претенденток.

И сам немедленно пошел вперед, не заботясь, поспевают ли за ним девушки.

Варе-то хорошо, она была в удобной обуви и брюках, а вот ее спутницами пришлось следить за своими юбками, норовящими зацепиться за разнообразные выступающие части колесниц, между которыми приходилось иной раз буквально протискиваться. При этом нужно было не наступить на белок, чье мелькание было совершенно непредсказуемым и трудноразличимым для глаз, тем более в такой-то обстановке. К счастью, благоразумные зверьки предпочитали больше прыгать по крышам карет — и, если придется, по плечам и головам людей. Лакеи, возницы и другие пажи, спешащие по своим делам, не обращали на зверьков никакого внимания, а вот девицы громко ойкали. Вскрикнешь тут, если острые когти пробегаются по голым плечам, цепляют пряди волос в сложном плетении прически; при этом бальные туфли на высоком каблуке застревают между булыжников брусчатки, а подол рвется о торчащий из борта колесницы крючок, на котором висит ведро с песком, куда белки нужду справляют во время пути, и это самое ведро опрокидывается на эти самые туфельки...

По Вариной голове тоже проскакивали белко-кролики, она только ежилась и радовалась, что надела шапочку.

Преодолев площадь по одиночке или, как Варя с товарками, маленькими группками, претендентки постепенно собрались в одну волнующую толпу — перед парадным крыльцом центрального здания дворца. Задние ряды в нетерпении напирали на тех, кто оказался впереди, так что некоторым, и Варе в том числе, пришлось встать на нижние ступени крыльца. К тому же Варю практически прижали к мраморным перилам, загнав на приступок, из которого вились замысловатые балясины — но зато удалось обрести устойчивость. И получилось оглядеться поверх шиньонов и шляпок.

На верхней площадке крыльца кандидаток поджидало жюри первого этапа отбора: грузный вельможа-пензионер с посохом Деда Мороза в руке. Конечно, посох был без мишуры и без огромной снежинки на набалдашнике, зато ничуть не хуже сверкал золотом и разноцветными камнями, со спичечный коробок штука. За его плечом маячил мрачный паж, позади него выстроился отряд бравых лакеев. У самых дверей стояла, прикидываясь статуями, стража в парадных доспехах и при оружии.

Вельможа, шумно пыхтя от сосредоточенности, разглядывал стадо робко блеющих «овечек». Когда подтянулись последние девицы, он несильно стукнул посохом о ступени, и все мигом притихли.

— Барышни, — ласково обратился надтреснутым голосом, — для начала позвольте сердечно поблагодарить за вашу готовность участвовать в сегодняшнем мероприятии. Сегодня нам предстоит выбрать ту, кто станет невестой нашего принца, его высочества Лучедара Злата. Впрочем, вы это и сами знаете, раз вы здесь. Еще раз благодарю вас всех за проявленное мужество и потраченное время, ибо, как вижу, многие из вас приехали издалека...

Затянувшееся вступление прервал выразительный кашель пажа. Вельможа встрепенулся, кивнул, продолжил:

— Действительно, не будем тратить время. Нам всем не терпится узнать, кто же та счастливица...

Паж снова покашлял, еще громче.

— Итак, — заторопился придворный пензионер, — король и принц ждут, поэтому я прошу прощения у вас, барышни, за скромное приветствие. Сейчас я... Ах да, прошу извинить, забыл представиться — Чуроллот Тугохвал к вашим услугам.

Варя услышала, как по толпе пробежали благоговейные шепотки: «Сам глава академии! Ну, а ты как хотела — кому еще король доверит проверку?»

— С вашего позволения, барышни, я сотворю простенькое заклинание, — продолжал главный чародей королевства, — оно позволит нам выявить, кто из вас не соответствует требованиям отбора... Прошу тишины! Задержите дыхание, это ненадолго.

Варя, как и все, послушно вдохнула полную грудь воздуха и замерла.

Чуроллот Тугохвал еще раз стукнул посохом, несколько камней при этом вспыхнуло ярким блеском, прямо

как светофор. И над головой каждой из претенденток повисла крошечная звездочка. Варя сперва увидела, как искорки зажигаются в непонятном порядке над макушками соседок по толпе, а потом догадалась задрать голову и удостовериться, зажглась ли «метка» над нею.

Зажглась — и еще как! Варвара точно носом в бенгальский огонь уткнулась — искры сыпались во все стороны. Она скорее отвернулась и рукой потрогала, не загорелась ли шапочка. Но нет, искры не жалили, кожу руки касались холодные, тут же тающие точки, совсем как снежинки. У других девушек подобного безобразия не случилось, между прочим! Она сразу почувствовала подвох в такой дискриминации. Неужели сразу отчислят? Будет обидно даже не переступить порог дворца — а ведь там внутри наверняка красивей, чем в хваленном Версале.

Паж сразу заметил ее аномалию — и не стесняясь пихнул почтенного чародея в бок, кивнул в Варину сторону.

Чуролют округлил глаза на такое светопреобразование.

— О-о! — выдохнул он с живейшим интересом. — Сударыня... эм... в коричневой кофте. Будьте любезны, снимите головной убор.

— Извините, — чувствуя себя виноватой, проблеяла Варя. Стянула шапочку, от неловкости краснея в тон своих волос.

— О-о-о!.. — еще заинтересованней воскликнул чародей. — Какой чистый цвет! Какой редкий оттенок!

— Да, необычная особа, — с подозрительностью поддакнул паж.

У Вари язык не повернулся при всех объявить, что это всего лишь краска для волос. Вдруг ее сразу обвинят в мошенничестве? Стыдно-то как!

— Но давайте с этим позже, — одернул паж чародея.

— Ах да, прошу простить, что заставил ждать, — засуетился тот.

То и дело поглядывая на пунцовую Варю, он занялся остальными претендентками. Барышни тоже на нее оглядывались, кто нервно, кто с затаенной неприязнью, кто с чистым любопытством.

С помощью пажа чародей выхватывал из толпы по одной девушке, мельком проверял ее огонек, тут же тушил его, просто прихлопнув ладонью в воздухе. И либо просил кандидатку отойти в сторонку и подождать еще, либо пропускал дальше — через строй лакеев к дверям, которые степенно открывались перед каждой отобранной счастливицей, точно врата в рай. Ну, так чудилось разобиженной Варваре.

Ей пришлось ждать дольше всех прочих.

Пропустили даже девицу, явившуюся во дворец в экстравагантном наряде из рыболовной сети — босая и скорее раздетая, чем одетая, хитрюга сама была не рада своей находчивости, почти что стучала зубами, подпрыгивая на месте. Пусть на дворе было лето, но не далеко не жара. Сжалившись, паж кивнул одному из лакеев позаботиться о самоотверженной претендентке, ради встречи с принцем не пощадившей здоровья.

Кстати, вычурных, странных или просто нелепых нарядов было немало. Варя вспомнились слова прохожего, «первого встречного». Неужели он тогда подумал, что она специально разделась-разделась, чтобы в шокирующем виде отправиться во дворец и привлечь внимание жениха? От этой несвоевременной догадки Варваре сделалось неловко и очень стыдно. Да она в домашнем даже за хлебом не выходила!..

Разобравшись с толпой, чародей обернулся к «забракованным», оставшимся смиренно стоять на опустевших широких ступенях. Шестеро. Из них невооруженным глазом было видно двух переодетых мальчишек и одного ряженого взрослого мужика. Перед ними чародей извинился, назвав причиной отказа неспособность подарить королевству наследника.

Мальчишки огорченно потупились, приняв резонность довода. Но тут же воспрянули духом, услышав предложение от хихикающего пажа — таким смелым и находчивым ребятам он посоветовал обратиться к старшему капитану дворцовой стражи, мол, у того вечная нехватка шустрых кадров, пригодных для шпионажа и прочих деликатных делишек.

Взрослого трансгендера лакеям пришлось выдворять под белые ручки — этот не постеснялся устроить скандал, вопя о неразделенной любви к принцу.

— Сумасшедший, — промокнув платком лоб, вздохнул Чуролют. — Нет, я понимаю, можно влюбиться, всякое бывает. Но тут!.. Просто не в себе бедолага. Не иначе как обострение ввиду грядущего двойного полнолуния. Кто только его привез!

Паж бегло сверился со списком:

— Никто его не привозил, он сам пришел, пешком из Вольнополя.

Кто-то из лакеев не сдержался, присвистнул, из чего Варя сделала вывод, что это был очень далекий путь.

Еще троих девиц придворный маг отправил восвояси, пошептавшись с каждой приватно. Правда, деликатностью не страдал паж, выписав каждой по записке на клочке бумаги и громко объявив, чтобы барышни как можно скорее обратились в городскую лечебницу. Пристыженных девиц с крыльца как ветром сдуло.

И наконец-то Чуролют Тугохвал смог заняться Варварой. Она аж поежилась, заметив, как заблестели его глаза — будто изголодавшийся по работе скульптор перед центнером глины, или кондитер перед мешком сахарного

Песка, или...

— А почему в штанах явилась? — строго окликнул ее паж.

— А что, нельзя? — чуть-чуть не взорвалась Варя.

— Не положено, — отрезал тот.

— А ты почему тогда в... в этих, в панталонах? — Назвать штанами куцые шорты-фонарики язык не повернулся.

— Как это почему? Я мужчина! — с пафосом объявил паж, а глаза отвел.

— Да ну? — хмыкнула Варвара.

Препирательства прервал чародей.

— Сударыня, как ваше имя? — ласково взял он Варину руку в свои ладони, трепетно поглаживая, точно дедушка, обретший блудную внучку. И почему-то это ее успокоило.

— Варвара, — ответила она. Добавила неуверенно: — Для меня честь с вами познакомиться, господин Чурохват...

— Чуролют Тугохвал, — фыркнув, поправил ее паж.

— Простите, — снова запунцовела Варя.

— Какое у вас интересное имя, Варвара, — не обращая на их болтовню внимания, чародей смотрел на нее безотрывно. Кажется, в самую душу заглядывал.

— Наверное, я должна вам сказать, — собралась она с духом, — мои волосы — они на самом деле не такого цвета. Это краска...

— О, не волнуйтесь, это совершенно неважно, — заверил ее маг.

— Да? — обрадовалась Варя.

— Да, дорогая моя. Главное, что сейчас они такого цвета, какими и должны быть. Цвет всего лишь указывает на предрасположенность к дару. Вот возьмите к примеру нашего любезного Зимослава Снежена — оттенок вялой морковки! Если смотреть только на масть, от него следовало ожидать лишь слабых успехов в области зельеварения. Однако мальчик обладает мощью, достойной славного деда, но из любого зелья сварит такую отраву! В то время как его сестра действительно подтверждает тезисы древних философов о связи цвета и способностей...

Усыпляющие рассуждения почтенного мага снова прервал настойчивый кашель.

— Мы опаздываем, — бросил им паж. Даже Варя не могла не заметить, как он снова помрачнел, развернувшись к дверям и вспомнив об основном событии дня.

— Да-да, разумеется, — встрепенулся Тугохвал. Взял Варю под локоток, ободряюще улыбнулся: — Идемте, дорогая. О свойствах дара мы с вами наговоримся после праздника. Уверен, я вам еще успею надоесть со своими лекциями!

Он довольно рассмеялся, а Варя растерялась, не зная, что и думать. Выходит, ее не забраковали? Да еще ведут на смотрины, как дорогую гостью! И если шанс понравиться принцу у нее по-прежнему довольно призрачный, то главному колдуну королевства она без сомнения приглянулась. Вот только пока непонятно, стоит ли радоваться первой удаче или повременить с выводами.

Внутри дворец, как и ожидалось, оказался сказочно великолепен. Всё было, как положено — и колонны, и головокружительные своды высоченных потолков, и широкие окна с витражными вставками, и полы с изящной мозаикой. Мебель, люстры, картины и гобелены на стенах — просто дух захватывало от обилия красоты.

Кандидатки в невесты собрались в просторном, как футбольное поле, тронном зале. Теперь они еще больше напоминали отару овец — большинство сбились в кучку, благоговейно тарашась на интерьер и богато одетых придворных, привычно разместившихся вдоль стеночки позади трона.

Но были среди претенденток и особы, приученные к роскоши от рождения. Таких девушек набралась ровно дюжина, и Варя к собственному изумлению примкнула к компании тринадцатой. Чуролют с улыбкой подтолкнул ее к ним со словами:

— Сударыни, позаботьтесь о моей новой ученице.

Сам же откланялся, одарив всех общим кивком, и удалился, предовольный, чуть ли не пританцовывая.

Варя без уверенности окинула взглядом блистательных барышень. И против ожидания не увидела в их глазах враждебности. Только удивление или холодный расчет. Многие благородные девы смотрели на нее, как на диковинку. Или заранее прикидывая в уме возможную пользу от знакомства. Правда, пялиться слишком назойливо им не позволяло хорошее воспитание.

— Дамы, позвольте представить — Варвара.

Варя подпрыгнула на месте — совсем забыла, что у нее за спиной стоит паж. Странно, что сразу не убежал. Или остался за ней присматривать? Вот еще великая честь!

— Чудесно, наконец-то достойное лицо, — любезно улыбнулась старшая из дев, красавица с темно-изумрудными волосами, убранными под жемчужную шапочку с гребнем-кокошником. Не иначе потомственная

княжна, если судить по породистой красоте лица, идеальной стати и по строго отмеренному количеству изящных драгоценностей. Одни только серьги в ее аккуратных ушках наверняка стоили полкоролевства — жемчужины размером с желудь! А главное, с каким почтением на нее поглядывали остальные барышни.

— Желаю вам удачи, дорогая, — расцвела улыбкой и другая мамзель.

— Спасибо, — промямлила Варя.

— Какой необычный наряд! — оценила кардиган и брюки третья, одетая роскошней всех, но с ее кукольно милым личиком она могла себе это позволить и не выглядеть вульгарной. — Вы прибыли издалека, полагаю?

— Да, можно так сказать, — увильнула от подробностей Варя.

— Кстати! Как думаете, нельзя ли с ней что-нибудь сделать? — обратился к девам паж, и Варвара сразу напряглась еще сильнее. — Как-нибудь привести это чучело в приличный вид?

— Уж простите, рыбацкую сеть не надела! — вспыхнула Варя.

Паж прищурился. А девушки весело рассмеялись. Княжна помахала ручкой, прогоняя:

— Будет тебе, Радмил! Поди отдохни пока, а Варвару оставь нашим заботам.

За дело взялись дружно: отвели сконфузившуюся до несопротивления Варю к дальнему окну, где нашлась приватная ниша, отгороженная от огромного зала мощной колонной — практически отдельная комнатка, а длиннющий широкий подоконник с подушками прекрасно заменял диван.

Одна барышня поделилась с Варей губной помадой — баночка нашлась в потайном кармане широкой юбки. Вторая любезно подкрасила ресницы и нарисовала стрелки. Третья пригладила ей волосы (щетка с зеркальцем тоже пряталась в кармашке в складках подола), и ловко соорудила прическу, одолжив у каждой приятельницы по шпильке, а в довершении воткнула нежный бриллиантовый цветочек, отцепив оный от лифа. Четвертая заставила Варю снять «жутко мрачную кофту» и закутала в свою золотистую накидку из ткани нежно-воздушной, переливчатой с тончайшим узором, но не прозрачной. На хозяйке накидка исполняла роль шлейфа, прикрепленная двумя брошками к плечикам платья, а на Варе стала плащом, укрыв от шеи до пяток, прибавив загадочности.

Но в целом Варя не могла не признать, что девушки постарались на славу — без хлопот сделали так, чтобы она не выделялась среди них, избранных красавиц королевства (ну, если не особо присматриваться).

— Его королевское величество, государь всея Белозорья — Твердивер Благодарн! — прогремел голос церемониймейстера. Варе с испуга показалось, что в зале задрожали колонны от такого баса.

— О, мы как нельзя вовремя закончили наводить марафет, — хихикнули девы и увлекли Варю за собой.

Княжна с подругами быстрым шагом обогнула толпу трепещущих простолоудинок и, лавируя среди шушукующихся придворных, без смущения встала ровно напротив трона. Король как раз к тому моменту уместился на сидении своего неудобного, но очень внушительного кресла.

— Ваше величество! — мурлыкнула княжна и, стрельнув в государя обжигающим взором, сделала глубокий реверанс.

Как по команде, следом за нею присели в поклоне ее подруги и с ними Варя, сторя от смущения за свою неуклюжесть. Сразу затем отвесили поклоны и книксены все остальные присутствующие в зале дамы и кавалеры. И под конец волна вежливости дошла до основной группы девушек, те в смущении взялись приседать, кто как умеет.

Король Твердивер с невозмутимым и, как положено доброму монарху, снисходительно-благожелательным видом хлопнул в ладоши и потер одну руку о другую:

— Приветствую всех, мои любезные подданные! Сегодня чудесный день! Мы все счастливы свидетельствовать знаменательное событие — судьбоопределяющее, я бы даже сказал, не только для нашей семьи, но для всего королевства. Мы ждали этот день много лет — задолго до рождения нашего сына. Ах, если бы была жива моя незабвенная королева...

Государь Белозорья был, безусловно, красивейшим мужчиной средних лет из всех, что доводилось Варе видеть в жизни, (в том числе в интернете и по телевизору), однако взволновало ее совсем другое:

— А где сам принц? — Она осмелилась чуть слышным шепотом задать животрепещущий вопрос стоявшей рядом деве. — Я видела его в городе, неужели он не успел вернуться? Как же будут выбирать невесту — ему и без него?!

— Ш-ш, Злат скоро явится, — с улыбкой ответила высокородная барышня. — Просто прихорашивается долго, от нервов. Радмил ведь здесь, а они с принцем неразлучны.

Тут речь короля прервали два события, произошедшие почти одновременно: в зал бегом влетел златокудрый красавчик в белоснежном камзоле. Следом за ним несся знакомый Варе паж — красный, как помидор, и злой, как сто чертей, разве что пар из ушей не свистел.

Увидев красавчика, церемониймейстер машинально заорал, перебив короля:

— Его высочество Лучедар Злат!

Поперхнувшийся на полуслове государь оглянулся на отпрыска, и только сказал:

— Сынок? Ты быстро, я рад. — И сел на трон с видом исполненного долга, принимая роль зрителя.

Варя пришла в ужас. В негодование! Ее обманули в самых радужных чаяньях! Она снова дернула соседку за оборку рукава, зашипела:

— Это и есть принц?!

Та счастливо светилась:

— Конечно, это Злат. Разве можно его спутать с кем-то другим?

— Так это для него невесту выбирать будут? — от расстройства хотелось заплакать. Как же Варя могла так просчитаться! В душе она казнила себя за глупость — оказалась такой дурой, подписалась невесть на что, не проверив самый важный вопрос!..

— Дорогая, что с тобой? — наконец-то обратила внимание на ее состояние соседка. Торопливо подала кружевной платочек промокнуть стоящие в глазах слезы (но Варя не решилась его использовать, помня о накрашенных ресницах). Дева погладила ее по плечу, пытаясь утешить: — Не волнуйся ты так! Всё будет хорошо, вот увидишь!

Варя закивала в ответ. Заставила себя сделать пару судорожных вдохов-выдохов, чтобы успокоиться. Вот еще позор — чтобы ее утешали блистательные маркизы чужого мира! Они, совершенно незнакомые девушки из именитых семейств, отнеслись к ней по-дружески, приняли в компанию, помогли прихорошиться, а она... А она — принцем ошиблась!!!

Пока Злат Лучедар — кстати, впрямь красавчик, да еще с приятным голосом и располагающими манерами — велеречиво благодарил претенденток за визит и участие, Варя успела себя в мыслях сперва четвертовать, потом пожалеть, затем амнистировать. И мысленно же над своей неуместной истерикой посмеялась: теперь-то она сама увидела, что самомнения в ней, оказывается, несравненно больше, чем скромности! Как ей только пришло в голову возомнить, будто она очутилась в ловушке? Для таких громких выводов нужно сперва дожидаться, чтобы ее выбрали в невесты. А кто же ее выберет? Уж точно не этот златокудрый красавчик, что сейчас стоит на ступеньках трона и злыми глазами бегаёт по лицам претенденток, и при этом заученно держит благожелательную улыбку. Даже стало интересно, что же такого произошло между принцем и пажом за те считанные минуты, пока Радмила не было в зале? Сам паж тем временем неприметно продвигался вдоль стеночки за спинами придворных, подальше от трона и от принца.

Пока Варя гадала о закулисном скандале, почти совсем успокоившись, уверившись в своей невзрачности, принц Лучедар заключил речь странным объявлением:

— ...Я вижу перед собой множество прекрасных дев. Самоотверженных и смелых. Красивых — каждая особенной красотой. Из древних именитых фамилий и из семей мастеров, горожанок и сельчанок, уроженок Белозорья и иностранок. Вы все достойны титула королевы. Как я могу предпочесть одну из вас перед лицом всех прочих? Я просто не в состоянии выбрать. Посему прошу меня извинить, я отказываюсь участвовать в сем мероприятии.

И безошибочно найдя тщетно пытавшегося смешаться с толпой пажа, принц бросил ему полный скрытого огня взгляд. На мгновение их глаза встретились, и Варя явственно кожей ощутила сверкнувшее незримое электричество, аж волосы дыбом поднялись — у корней, дальше заколки помешали.

Поклонившись отцу, Лучедар резко развернулся и покинул зал.

— Мда... — вздохнул король. — Молодость, что ж тут поделаешь.

— При испытаниях не требуется присутствия его высочества, — безмятежно заметила княжна. — Приступим же к проверке добродетелей и качеств будущих невест?

— Выберем же лучшую в память о нашем покойном друге Путивесте Грозоврате, величайшем чародее эпохи, — с почтением возвел очи к потолку магистр Чуролют.

«В память о покойном чародее? — содрогнулась Варя. — Как бы слухи не соврали — уж не жертву ли выбирают для колдовских поминок? Кто ж знает эти их средневековые традиции!..»

— Дозволяю начинать, — ради формальности буркнул король.

Варя заволновалась, подкралась к княжне, зашептала:

— Могу я отказаться от испытаний? Я передумала.

— Ты подписала королевский документ и обязалась участвовать!

Варя едва не подпрыгнула на месте, такое злобное шипение раздалось у нее над ухом, что мурашки по всему телу пробежали. Паж с силой сжал ее локоть и сверкнул очами:

— Ты будешь участвовать наравне со всеми!

— Мил, не пугай нашу гостью, — вступилась княжна. Ободряюще улыбнулась струхнувшей Варя: — Дорогая, не думай о победе. Здесь у всех нас равные шансы на удачу. Отнесись к испытаниям как к способу лучше узнать саму себя. Разве это не интересно?

— Да, конечно, простите, — пролепетала Варя. — Я просто не хотела отнимать шанс у тех, кому принц Злат

действительно нравится.

Она пугливо обернулась на пажа — очень уж тот кровожадно скрипнул зубами.

— Не важно, кто станет твоим женихом в итоге, — лучезарно улыбнулась княжна, отобрала оцепеневшую Варю у Радмила, взяла под руку. — Ведь в любом случае все присутствующие здесь девицы выйдут замуж не за Злата — все, кроме одной-единственной. Но все мы — естественно, при удачном исходе, — сможем с гордостью говорить, что нашу ценность в качестве будущих жен подтверждает Торжественный Королевский отбор! Какая свекровь посмеет возразить против этого довода? — она лукаво рассмеялась.

— Ну, если с такой стороны подойти... — не могла не согласиться Варя. Дипломы «Королевская невеста» тут в подворотнях, поди, не продаются. — А это... не больно?

— Нет, что ты! Это весело.

Между тем Радмил вышел в центр зала и хлопнул в ладоши. Объявил, не пытаясь скрыть раздражения:

— Начнем же! Дамы, прошу выстроиться в круг, чтобы мы могли видеть каждую из вас.

Кандидатки в принцессы засуетились, затолкались, но кое-как справились с задачей, растянулись более-менее ровной цепочкой, будто для хоровода. И пусть девушек было немало — места хватило, размеры зала позволяли.

Двери распахнулись, два лакея внесли гигантскую фарфоровую супницу, полную хорошо поднявшегося теста. За ними следовали кухарки в характерных чепцах и фартуках, они несли стопки полотенец и широкие противни, слегка присыпанные мукой. Последняя, самая молоденькая, с торжественностью тащила блюдо с яркими разноцветными мармеладками.

Соискательницы притихли, будто увидели детектор лжи.

— Большинству из вас, барышни, хорошо известно сие традиционное свадебное испытание, — произнес Чуролют со снисходительной улыбкой. — Для тех же из вас, кто прибыл издалека, поясню: каждой предстоит выпечь маленький хлебец. Однако не из обычного теста — не сомневаюсь, с обычным любая из вас наверняка отлично умеет справляться! — но из теста, замешенного на муке из плодов Священного Дерева Жизни.

— Ух ты! — шепотом изумилась Варя. — У вас тут и такие растут?

— Обычное дело, — пожала плечами княжна. — Дерево Лыр только для этого старинного обычая и годится — оно вечно чахлое, некрасивое, цветки дурно пахнут. Плоды дает раз в десять лет, и те невкусные, а мука выходит слишком дорогая. Да и сам обычай уходит в прошлое. Только в деревнях невест всё еще заставляют печь вещи пирожки, но и там лырную муку если и добавляют, то щепоткой. А кухарят невесты в компании подружек, поэтому любую неудачу можно приписать помощницам. К тому же, женихи тоже далеко не всегда хотят знать правду заранее.

— И что означает неудачный пирожок?

— Что будущая жена будет изменщицей. Согласись, для правящей династии это немаловажный вопрос.

Всем участницам предложили вытереть руки влажными полотенцами — и отщипнуть от дышащего, уже вылезающего из лохани теста по небольшому кусочку. Хорошенько помяв эластичную массу в руках, девушки вылепили кто колобок, кто хлебец, кто фигурную печенюку. Варя в растерянности слепила сердечко. Далее полагалось выложить «шедевры» на противни и для облегчения опознания украсить разноцветными мармеладками.

Потом полагалось подождать минут пять, чтобы тесто еще раз поднялось.

— Смотри, чернеют! — ахнула Варя. — А эти посинели! Эти растеклись, там потрескались и сморщились...

— Так и положено, — отозвалась княжна.

Ее-то изящная печенюшка с кружевными защипчиками по краешку — впрочем, как и Варино сердечко — благополучно ровненько распухли и просто излучали добропорядочность.

Радмил со злорадством в голосе принялся выкрикивать имена и размашисто вычеркивать из длинного списка опозорившихся участниц.

— Все выбывшие участницы могут перейти в соседний зал и заесть горечь поражения пирожными! — попытался хоть немного утешить расстроившихся девушек Чуролют. — После окончания отбора всех приглашаем на праздничный пир! Возможно, там вы встретите своего истинного избранника!..

— Будто кому-то нужны жены-изменщицы! — хихикнула одна из подружек княжны.

Примерно одна треть от числа кандидаток отсеялась. Кто-то всхлипывал, кто-то сердито топал ногами. Кто-то хлопнул дверью, прокляв пирожные и поспешив убраться восвояси. Большинство же согласилось скоротать время за чаепитием — чтобы с комфортом дожидаться финала и утолить любопытство. Объединенные общей неудачей, девицы жужжали между собой, без стеснения обсуждая оставшихся барышень.

— Прошу подождать еще немного! — произнес Чуролют.

Кухарки унесли противни, лакеи подали барышням тазики с ароматной водой и полотенца, дабы отмыть руки после теста с тестом.

Подождать пришлось минут двадцать, на это время некоторые девицы решили присоединиться к выбывшим

товаркам. Варя и сама была бы не прочь перекусить — от волнения аппетит разыгрался, но она побоялась отходить от княжны. Всё-таки рядом с той было спокойнее. Заметив ее взгляды, княжна сжалась и послала за лимонадом и закуской околачивавшегося рядом паж. Тот, понятно, кликнул лакеев — и те расторопно накрыли «поляну» для компании родовитых красавиц в уже знакомой Варе оконной нише.

Затем всех собрали снова. Конкурсную выпечку возвратили с дворцовых кухонь румяную, пышущую сдобным духом. Однако и тут не обошлось без неожиданностей: несколько хлебцев обуглились до черноты, несколько разорвало буквально пополам, еще парочка раскрошились.

— Согласно традиции, — пояснил Радмил, — угольки означают, что жена возненавидит будущего мужа. Разорванные надвое — что супруги будут постоянно ссориться. Раскрошившиеся — что жена от мужа уйдет. Что ж, не этого мы ждем от счастливого брака, поэтому барышни, кому принадлежат сии творения, прошу вас — продолжайте пить чай, мы вас более не побеспокоим.

Варя, княжна и ее подружки по-прежнему оставались в игре в полном составе команды.

Для второго тура в зал внесли широкие, плетеные из лозы лотки, где на соломенной подстилке были разложены крупные яйца — пестрые, в горошек, в полосочку, в цветочек, в разводы — точно раскрашенные на Пасху.

— Теперь проверим, какими вы станете матерями, — хмыкнул Радмил.

Паж велел всем взять по яйцу — и себе тоже выбрал, розовенькое в крапинку.

— Барышни, изо всех сил посылаем крошке, что прячется внутри, всю свою любовь! — скомандовал он.

Варе пришлось по сердцу сиреневое с золотистым волнистым тонким узором. Взяла, согрела в ладонях. И поймала себя на мысли: всё-таки незаметно для себя втянулась, вошла в азарт. А как же — соревнование! Кто же хочет публично позориться и стать хуже прочих. К тому же грела надежда: то, что сгодится одному принцу, может подойти и для другого «высочества», кем бы тот ни оказался.

Между тем барышни постарались, от сосредоточенности и затаенной бури эмоций скорлупки принялись трещать одна за другой. От неожиданности две девушки, вскрикнув, выронили громко захрустевшие яйца на пол.

— Выбываете! — указал на неосторожных барышень Радмил. — Какие ж из вас матери получатся, такие пугливые?

Варя едва успевала поглядывать на других участниц — свое яйцо ожило, птенец спешил вылупиться, пинался и стучался изнутри.

С громким воплем ужаса отшатнулась еще одна девица, вышла из круга: из раскрошившихся скорлупок ей на руки повывлазили жутко противные многоножки. Ядовито-красные в зеленую крапинку, сплошь в длинном пушистом меху. Девица запрыгала, повизгивая, попыталась их стряхнуть с себя.

— Выбывает! — ликовал паж. — Мать обязана любить и терпеть любых своих детишек, какими бы те ни оказались!

Другим девушкам повезло больше, из раскрывающихся скорлупок вылетали роскошные крупные бабочки или стрекозущие забавные жуки с радужными переливчатыми панцирями.

У княжны вылупилась очаровательная грудлоголовая ящерка, глянцево-изумрудная. Малютка побегала по рукам, поласкалась к «мамочке», после чего взобралась на плечо и притворилась брошкой, следя за прочими «новорожденными» умными темными глазами.

У Радмила вылез из скорлупы вальжный перламутровый скорпиончик, весь пухленький и округленький, как будто впрямь был сложен из жемчужин. Паж с гордостью посадил его себе на кружевное жабо.

У Вари вылупился малиновый мохнатый паучок. С ладонь размером, с толстыми ножками, упитанным пузом и восемью бусинами глазок. Внутренне содрогнувшись, она натужно улыбнулась «первенцу» и позволила ему замереть в ленивой дреме на сгибе ее локтя.

— Прекрасно, — похвалил всех Чурулют.

И, не откладывая, велел лакеям раздать оставшимся барышням листки с вопросами для третьего, решающего тура.

Поглядев на листок, Варя опешила. Вот и закончилась для нее игра, внезапно и бесславно: здешний язык-то она понимала исключительно в устной форме, письма с витиеватыми завитушками для нее не представляли ровно никакого смысла. Она беспомощно оглянулась по сторонам. Пусть она и не желала выигрывать, но проиграть прямо сейчас по причине неграмотности — это было ужасно обидно.

Между тем девушки разобрали у прислуги карандаши и разбрелись по залу, обдумывая ответы. Некоторые сразу начали строчить на обратных сторонах листков, примостившись на подоконниках или усевшись прямо на полу возле стен. Даже девицы, отличавшиеся откровенно деревенским видом, старательно выводили что-то.

Одна из подружек княжны надула губки:

— Благородным девам не пристало писать карандашами! Подайте перо и чернила!

Радмил, хмыкнув, сделал знак, и лакей мигом привел писаря, немолодого лысоватого мужчину в черном

сюртуке. У того нашлись и твердые бархатные папки, куда можно было вложить листки, и местные авторучки — костяные трубочки тонкой работы. С одного конца в них были вставлены золоченые перья для письма, с противоположного — прилажено по стеклянному шарик, в коем плескались чернила.

— Благородным девам не пристало пачкать пальцы чернилами, — подхватила с лукавой улыбочкой княжна.

Пришлось писарю остаться и помогать дамам.

Варя набралась отчаянной храбрости, решительно протянула свой листок писарю:

— Д-девам не пристало зрение напрягать, от этого морщинки вокруг глаз появляются. Прочитайте!

Пожалуйста.

Радмил громко хрюкнул. Вопросительно оглянулся на его величество, но король меланхолично махнул рукой, разрешая.

— Решите задачу. Вы — дочь провинциального барона. Возле вашей деревни разрушился мост. У вас есть денежные средства, которых хватит либо на новое платье для королевского бала, либо на починку моста. Что вы выберете?

Варя крепко задумалась.

— Пустить деньги от платья на постройку моста, — принялась она рассуждать, — этот ответ кажется очевидным. Однако условия задачи выглядят неполными. Какой это мост? На каком пути расположен? Во-первых, если я дочь барона, то где мой отец? Почему я должна жертвовать своими карманными деньгами ради проблем родительского имени? Куда дел сбережения мой папаша, почему он не занимается своими прямыми обязанностями и как допустил подобный беспорядок? Во-вторых, куда ведет мост? Если на другой берег речушки, где у деревенских разбиты огороды и где они, скажем, косят сено, то это одно дело. Тогда мост можно поставить деревянный. И если у нас в имении есть деревня — а может, и несколько! — то нет ли и леса? Где можно нарубить подходящих бревен, а сооружают пусть те же деревенские мужики. Подозреваю, предыдущий мост развалился не без их участия — наверняка самые хорошие балки под шумок утащили к себе, свиарники подпирают, а для моста подсунули гнилушки! Поэтому он и рухнул...

Варя осеклась, поняв, что слишком разошлась и неприлично повысила голос.

— Простите, — пробормотала она, поежившись под всеобщим пристальным вниманием.

— Продолжайте, — разрешил король. Его величество оживился и даже слегка заинтересовался.

Варя собрала с духом и продолжила:

— Если мост стоит на проезжем тракте, то это совсем другое дело. Его тогда нужно делать каменным, а лучше бетонным, и сомневаюсь, что средств от одного платья окажется достаточно. Тогда я нанесу визит соседям — ведь наверняка за нашим имением есть еще не одно, и все они тоже пользовались этим мостом. Если не удастся договориться с соседями о ремонте вкладчину, я закажу-таки себе новое красивое платье и отправлюсь в нем в столицу. Там узнаю, не положена ли в таких случаях помощь из казны, ведь объект губернского значения. А в красивом платье на меня обратят внимание и, по крайней мере, согласятся со мной поговорить, а не отмахнутся, как от провинциальной нищенки. Еще вариант: договориться в столице о поставке товаров или сырья и получить предоплату, которую и пустить на строительство. Наверняка в моем имении что-нибудь производят полезное — ведь откуда-то взяли деньги на платье. Вот. В общем, как-то так.

— Прекрасно! — с чувством похвалил магистр Чуролот. — Пожалуй, схожу-ка я за его высочеством, пора ему присоединиться к нам...

— Из вас получится разумная хозяйка, — улыбнулся его величество.

Некоторые девицы сердито скомкали свои листки с недописанными решениями задачи и в сердцах побросали на пол. Радмил расторопно проверил ответы самых упрямых — и без лишних слов поделил оставшихся участниц на две неравные группы, жестами указав на дверь провалившимся экзамен.

Не позволяя впечатлению померкнуть, вперед выступила княжна:

— Ваше величество! Позвольте слово.

— Да, конечно, слушаю, — обрадовался поддержке утомленный мероприятием король.

Княжна присанилась, величественно повела рукой:

— Я буду говорить от лица всех присутствующих девушек, независимо от сословия, родовитости и титулов.

Ее подруги согласно присели в реверансе, Варя поспешила тоже поклониться, чтобы не привлекать к себе внимания еще больше.

Остальные претендентки зашептались, охваченные нехорошим подозрением, но выступить против княжны никто не посмел.

Княжна улыбнулась, словно уже ощущала на голове венец королевы:

— Три испытания выявили самых достойных девушек. Все мы, здесь присутствующие, станем для наших избранников верными женами, хорошими матерями и разумными хозяйками. Теперь, согласно традиции, последнее слово за принцем. Однако если его высочество растерялся от ослепительной девичьей красоты и с

самого начала отказался от решающего слова, мы сами обязаны ему помочь и сократить бремя выбора — до одной. Я добровольно отказываюсь от своего права претендовать на руку принца! Ибо вижу, что среди нас есть та, кто достойнее прочих назваться невестой его высочества.

Она красивым движением изящной руки указала на Варвару.

Та лишь рот открыла и глаза распахнула, потеряв дар речи. Такой подлянки она не ожидала!

Подружки княжны, точно заранее все сговорились, поддержали идею с самоотводом — каждая демонстративно подходила к Варе и либо коротко обнимала за плечи с возгласом «Достойная!», либо пылко целовала в щечку, приговаривая: «Желаю счастья!», затем скромно ретировались в сторонку, выстроившись полукругом за спиной лукаво улыбающейся княжны.

Варвара слово вымолвить не могла, просто стояла столбом, рот открыв, и глазами хлопала. Хотелось наброситься на коварную девицу с кулаками, хоть что-то сделать, чтобы не лопнуть от злости. От негодования в глазах мушки заплясали — не хватало еще в обморок тут перед всеми грохнуться!..

Вездесущий паж успел подкрасться к трону и что-то горячо нашептывал его величеству на ухо, тот же благосклонно хмыкал в ответ.

— Пусть будет так! — охотно согласился король.

Разумеется, если высокородные кандидатки хором признали красноволосую выскочку лучшим выбором для принца и их поддержал государь, ни одна менее родовитая барышня не решилась возразить. Скрипя зубами, девицы издали пробурчали поздравления. Обалдевшая невеста только одному порадовалась — что они ее лобызать не стали, а то ведь могли бы не сдержаться и удавить в объятиях.

Сделавшиеся лишними здесь, отсеянные девицы гурьбой покинули зал.

Зато вернулся виновник торжества: принца насильно привел за руку главный королевский чародей. Тугохвал сиял счастьем и не замечал настроения наследника престола:

— Какой прекрасный праздник получился в честь вашего пятидесятилетия! Злат, я искренне рад за вас! Такой прекрасный день!.. Я что-то пропустил? — не досчитавшись львиной доли финалисток, обратился он к королю.

— То есть, сколько лет принцу? Пятнадцать?.. — вышла из нервного окаменения Варя, обернулась к княжне, ткнув дрожащим пальцем в сторону мечущего молнии Злата.

Та благосклонно кивнула:

— Совершенно верно. Лучедар сегодня вошел в пору совершеннолетия. Самое время огласить помолвку.

Варя с сомнением уставилась на именинника: тот совсем не выглядел малолеткой. Изящный статный красавец, но вовсе не хлюпик. Полноценные восемнадцать-девятнадцать лет, самый сок призывного возраста, никак не школьник. Затуманенную голову Варвары посетила гениальная мысль: а что, если у них в этом мире время идет не так, как на Земле? У них тут вон магия есть А у планеты кольца — вдруг эти самые кольца и тормозят движение планеты? Отсюда и календарная разница...

Пока она размышляла о движении небесных тел, Радмил успел похвастаться перед принцем своим жемчужным скорпионом. Но король прервал их, подозвал сына, чтобы по-отечески тому что-то мягко внушить. Злат немного остыл, но всё оглядывался на своего пажа. Паж, поганец, строил обиженную мордашку и скорбно поглаживал скорпиона, словно затея с королевской помолвкой досаждала в первую очередь ему самому. Хотя, если подумать, от выбора невесты зависело будущее всех во дворце, и паж с принцем ощутят перемены первыми... Варя мысленно плюнула и бросила гадать о здешних придворных интригах — без нее разберутся.

Решившись, она подошла к благожелательно жмурящемуся, как сытый кот, чародею, робко спросила:

— Скажите, пожалуйста, господин Чуролют...

— Магистр Чуролют, дорогая, — поправил ее тот. — Но ты можешь звать меня «учитель».

— Как скажете, — пожала она плечами.

— Прелестный паучок! — восхитился чародей, забрал с Вариной руки мохнатое существо, о котором Варя уж и забыла. — Отличный образец зримой и осязаемой иллюзии, не находишь?

— Да, очень миленько... То есть, это волшебство? Они все не настоящие?

— Ну разумеется! Я бы не позволил рисковать живыми существами даже ради королевского испытания.

Чуролют подкинул паучка в воздух — и тот исчез, рассеялся легким облачком. Следом растворились в воздухе и прочие бабочки, жуки, ящерка княжны и скорпион пажа.

— Жаль, — вздохнула Варя. — Хорошенькие получились... Не знаете случайно, кого я встретила в городе? Его тоже называли «его высочество», я подумала, что это принц, но точно не это ваше высочество. У того были сиреневые волосы, одет в черное, ехал верхом на зубро-драконе... то есть, на сайгаке. Подскажите, кто это?

Пока она говорила, запинаясь через слово, на лице колдуна отражалась то страшная вина, то растерянность, то надежда, то паника.

— Какой масти, говоришь, была шевелюра? — переспросил он.

— Сиреневой, — машинально ответила Варя. Спихватилась: — То есть, цвета морковки! Морквы! Не яркая, а

посветлее...

— Нет! — затряс головой чародей. Отвернулся, открестился: — Ума не приложу, кто бы это мог быть. Прости, у меня срочное дело.

И он просто сбежал от нее.

Варя готова была расплакаться. Но тут возник паж, и показывать перед ним слабость показалось еще унижительнее. Варя проглотила не сорвавшийся всхлип.

— Готова рыдать от счастья? — ехидно уточнил Радмил.

— Ага, в три ручья! Щас только ресницы еще погуще подкрасу! — обозлилась Варя.

— Освежить личико не помешает, — кивнул поганец. — Сейчас его величество объявит вашу с его высочеством помолвку. Ты готова?

— Нет! — пискнула она и вцепилась в рукав пажеского кафтанчика. Бархат на ощупь оказался нежнейшей мягкости, и Варя тотчас отпустила ткань, испугавшись, что может порвать. — Скажи, а есть у вас еще один принц? С волосами цвета морковки?

— Нет, — прищурившись, Радмил покачал головой. — Злат у Твердивера единственное дитя. А про того, кого ты встретила в городе, можешь ни у кого не спрашивать, не старайся напрасно — тебе никто о нем не расскажет. Идем!

— Это еще почему? — взвилась Варя, не замечая, что ее снова за руку буксируют непонятно куда. — Кто он такой?

— Опасный чародей, — бросил на ходу паж. — Не из нашего королевства. Это всё, что я могу тебе сказать сейчас. И это уже гораздо больше, чем тебе следует знать. Пока.

— А потом расскажете?

— Обязательно, — буркнул паж.

Варя притихла. Ну не скандалить же в голос, в самом-то деле!

И тут же пожалела о своей робости — паж привел ее во дворцовую капеллу. Выпихнул прямо к алтарю, перед которым уже стоял и ждал невесту злющий златокудрый принц.

Небольшой, пронизанный светом зал «домашнего» храма королевской семьи был украшен гирляндами белоснежных пышных цветов вроде пионов или хризантем. На алтаре (мраморном столике под белой с золотным шитьем круглой салфеткой) стоял хрустальный сосуд (точь-в-точь водочный графин). В сосуде алела ярко-красная жидкость. Рядом стояла серебряная чаша (а-ля креманка), украшенная гравировкой со множеством заковыристых символов.

Княжна и ее подружки, явившиеся в капеллу раньше Вари, успели накинуть на головы белоснежные покрывала и принять смиренно-благочестивый вид. Прочие придворные дамы, (вместе с кавалерами разместившиеся по периметру помещения, дабы не мешать таинству), тоже прикрыли головы платочками или шарфиками. Кавалеры же, напротив, сняли головные уборы (кроме пажа, оставшегося в берете) и опустили на одно колено — за исключением членов королевской семьи, главного чародея — и придворных стариков почтенного возраста, те тоже остались стоять, как и дамы.

Паж пихнул Варю в спину, чтобы она сделала последний шаг и встала лицом к лицу с принцем. Злат отвел глаза, словно не желал видеть свою невесту.

— Мы собрались сегодня, в этот прекрасный день!.. — завел было явно привычную формулу главный чародей королевства, взяв в руки графин.

Но король, забравший с алтаря чашу, наступил Тугохвалу на ногу:

— Начнем же церемонию безотлагательно.

— Да-да, начнем же! — поспешно согласился Чуролют. Откупорил графин и налил в протянутую королем чашу немного алой жидкости: — Соком жизни, дарованным Великой Матерью, освящаем цветущую молодость! Благословляем союз двух душ, сердец и тел — во славу жизни и бессмертия бытия!

Княжна с подружками негромко запели гимн, напомнивший Варе популярные рождественские мотивы. В целом всё выглядело романтично и сказочно.

Вот только перед ней стоял не нужный принц.

Варя решительно подняла голову. Открыла рот, дабы отстоять свободу...

И ничего не успела сказать.

Злат ожег ее пристальным взглядом. И взял обе ее руки в свои, несильно сжал. Тихо произнес:

— Пожалуйста, помоги.

Варя растерялась окончательно. В сознании вспыхнула догадка:

— Проклятие? — прошептала она, не веря.

Злат кивнул. Смотрел теперь умоляюще:

— Ты подходишь.

Варя снова подумала обидеться на такую формулировку просьбы — мало ли что она подходит! Ей себя должно быть жальче, чем это всё королевство вместе взятое! Тем более принц-незнакомец оказался не местным.

Тут в ее лихорадочно скачущие мысли вмешался вкрадчивый голос пажа:

— Сейчас всего лишь оглашается помолвка. Свадьбу сыграем только через месяц. У вас будет время поболтать!

Варя выдернула руки из ладоней принца, обернулась — и ухватила пажа за воротник:

— Скажи-ка, до свадьбы мне не придется с ним делить постель?

— Нет! — Глаза пажа широко распахнулись, то ли испугался зверской физиономии невесты, то ли смутился в кои-веки, то ли обрадовался невесть чему.

— У меня будут какие-то обязанности в этот месяц? — продолжала та допытываться, не обращая внимания на то, что все присутствующие молча взирали на нее, терпеливо ожидая, когда же невеста соблаговолит вернуться к церемонии.

— Позволь мне ответить! — вмешался магистр, взмахнув графином в руке. — Я хотел бы обучить тебя за это время хотя бы основам чародейства. Если ты не возражаешь, конечно.

— Нет, тут я ничего не имею против, мне самой ужасно интересно, — кивнула Варя. Встряхнула пажа, не удержала порыв: — Если я соглашусь, лично мне грозит какая-то опасность? пытки? Увечия? Моральное давление? Ограничение свободы перемещения?

— Нет! Клянусь!

— Сколько дней в вашем месяце?

Радмил еще сильнее вытаращился на нее:

— Сорок.

— Хорошо, — Варя с удовлетворением отпустила его. Тот отпрянул, но почему-то выглядел довольным, поправляя помятый воротник.

Она развернулась к внимательно наблюдающему принцу:

— Я согласна быть твоей невестой эти сорок дней.

— Спасибо, — благосклонно кивнул Злат.

— Но замуж я за тебя не выйду! — прошипела тихо, чтобы только он услышал.

— Прекрасно.

Варя прищурилась: получается, невеста нужна, а жена — нет? Ох, темнят!..

— Что ж, если вы закончили с объяснениями... Объявляю вас женихом и невестой! — возвестил король. И протянул чашу с алой жидкостью невесте первой: — Отпей во имя Неба и Земли, во славу Великой Матери, в торжество жизни и процветания.

Варя неохотно припала к чаше. Против ее опасений там оказалась не какая-нибудь горькая гадость, не кровь и даже не вино, а обычный смородиновый сок, причем ужасно кислый, зато свежайший.

Из ее рук чашу принял и допил до конца, не поморщась, принц.

— Свершилось, — с неподдельным облегчением вздохнул король.

— Да видит дух покойного Грозоврата — мы исполнили его волю в точности! — подхватил, умилившись до скупой слезы, Чуrolют.

Король махнул придворным и княжне с барышнями:

— Идемте пировать, мы все заслужили!

Когда все, вздыхая с облегчением и нервно посмеиваясь, удалились, в часовне остались лишь обрученная пара.

Варвара, запоздало смутившись, посмотрела на сосватанного суженого:

— Извини, что я так.

— Всё нормально, — великодушно отозвался тот, сверля ее изучающим взглядом.

— Обручального кольца у вас не полагается?

— Нет.

— Целовать невесту разве не нужно? — еще больше смутилась она.

— Это не обязательно. Мне не хочется. А тебе?

— Нет, спасибо! — с неловкостью рассмеялась Варя. Уточнила: — И что теперь? Вы обещали мне свободу, так что ты не сможешь запереть меня в башне.

— Очень нужно, — фыркнул принц. — Можешь идти на все четыре стороны.

И сам направился к дверям.

— А... а как же проклятие? — не поняла Варя. — Если я правда сейчас уйду...

Злат обернулся на пороге, хмыкнул:

— Теперь это твоя проблема, больше не моя. Судьба указала на тебя — проклятье настигнет тебя где угодно.

С чем и покинул капеллу.

Варя в растерянности прошла по залу. Понюхала крупные цветы из гирлянды — они слабо пахли карамелью.

И, приняв решение, пошла прочь.

К удивлению, она умудрилась не заблудиться в коридорах. Вернулась в пустой и гулкий тронный зал, забрала из ниши свой рюкзак. Задумавшись, машинально потянулась взять из забытой на подоконнике корзинки с закусками крошечный кексик... но отдернула руку. И отправилась искать выход.

Никто не подумал ее остановить. Все, кого она встретила, скользили по ней равнодушными взглядами — и радостно спешили присоединиться к пиру.

Она нашла главные двери, с трудом протаранила плечом тяжелую створу. Спустилась по парадному крыльцу, где остался уныло стоять лишь один стражник.

Площадь, заключенная между крыльями дворцового комплекса, без недавней толчеи и столпотворения, оказалась просторной и величественной. Варя с удовольствием прошла до ворот, без стеснения разглядывая красоты архитектуры — всё равно никого ж не было, все ушли праздновать.

Ворота оказались заперты. Лишь через несколько долгих минут к озадаченной Варе вышел недовольный лакей. Судя по шлейфу запахов, прислуга и стражники тоже сели отмечать совершеннолетие принца.

— Ты чего тут околачиваешься? — нелюбезно спросил он.

Варя и не подумала стусеваться:

— Я с отбора невест. Отошла в уборную на минутку, вернулась — а все девчонки куда-то подевались! И тут никого нет! Вот как мне теперь в город ехать, а?

— Пешком иди, — хохотнул лакей. Кивнул Варе следовать за ним — до неприметной калитки для прислуги. Видимо, слишком высокая честь девчонку через главные ворота выпускать.

В шаге от выхода их догнал немолодой стражник.

— Погоди-ка! Больно у тебя котомка большая, дай-ка проверю!

Варя возмущаться не стала — и сил не было, и понятно, что у мужиков работа такая, дворец охранять. Пока оба дивились на содержимое ее рюкзака, впрочем, не приметив ничего украденного или вредоносного, Варя спохватилась — принялась торопливо вытаскивать из волос заколки, одолженные благородными девами. Сняла шелковую накидку, аккуратно свернула, спрятав в середину заколки и бриллиантовую розочку, чтобы не потерялись. Когда лакей вернул ей сумку, она отдала ему сверток с просьбой вернуть барышням, подробно описала княжну. Парень понятиво покивал. Варя еще подумала, не украдет ли? Но решила, что это уже не ее забота — за поведение прислуги должны отвечать хозяева, а не гости. А Чуролют в ее слова поверит, если что. Если, конечно, она вернется к нему ученицей.

Прогулка пешком до города Варю даже порадовала. Чистый воздух, сколько влезет любуйся на красоты природы! И есть время подумать — а лучше просто дать уставшей от впечатлений гудящей голове проветрится.

Тем более, когда дворцовые стены скрылись из вида за синеватой зеленью (правда, башни было видно еще долго) к Варе присоединился белый белко-песец. Она обрадовалась ему, как родному. И поделилась бутербродами с колбасой, когда решила сделать привал на обочине и перекусить, любуясь на очередное озеро. Зверь от колбасы и черного хлеба на этот раз не отказался — видать, тоже успел проголодаться.

На десерт пошел большой белый персик-редька, подаренный добрым продавцом, кажется, вечность назад. В рюкзаке чудо-фрукт не помялся и благоухать меньше не стал. Варя спустилась к берегу и вымыла персик в озере, потом предусмотрительно сполоснула водой из бутылки и разрешила многолезвийным ножом. Внутри оказалась крупная косточка, тоже в форме сердечка. Варя, уже изойдясь слюной от запаха, наконец-то вонзила зубы в душистую сочную мякоть... со вкусом мяты и клубничного варенья. Вроде бы прекрасно, но в памяти подло всплыл вкус детской зубной пасты, и доедать персик пришлось через силу. Хорошо, что белко-песец помог, сгрыз четвертинку.

Так за перекусом их и застала удачная встреча — с мимо проезжающей колесницы окликнули:

— Эй, невеста! До города подвести, что ли?

Варя вздрогнула на обращение «невеста». Торопливо поднялась с бирюзовой травы, отряхнула брюки. Поздоровалась. По безоблачной улыбке поняла, что знакомый усач не думает над ней насмеяться. Просто пошутил.

Пока ехали, завязался легкий разговор. Точнее, ему хотелось поболтать о своих заботах, Варя больше отмалчивалась, слушала.

— Ну, так что? Значит, не выбрали тебя в принцессы? — между прочими темами добродушно посмеялся он над неудачницей.

— Да куда уж мне, — вздохнула Варя. И изобразив гордость, добавила: — Зато пойду в ученицы к самому Чуролюту!

— Да ты что?! — изумился усач. Искренне поздравил: — Вот это дело! Вот это я понимаю, удачно ты туда

заглянула! Со знаниями и умениями ты эдак станешь могущественней самого короля, дай Матерь ему здоровья крепкого и хорошую жену!

...До заветной стены Варю проводил песец, с ним ей не грозило заблудиться.

Из родного книжного шкафа она вывалилась совершенно измученная. Туристическая прогулка обернулась непредсказуемо утомительным приключением.

Глава 4

Варвара проснулась с мыслью: «Фэнтези перед сном — вредно для психического здоровья!» Пусть она вроде бы ничего не читала, а только переставляла книжки в шкафу и некоторые лишь полистала, зато библиотечной пыли, видать, нанюхалась вдосталь. Раз ей такой шизофренически четкий сон пригрелся. Это ж надо было вообразить такое! Видать, от застарелого стресса ум за разум зашел да там и слипся. Эдак ей впрямь отпуск на море прописан вместо поисков новой работы, а то окончательно крыша поедет...

Размышляя о поразительной абсурдности яркого сновидения (ну надо же! не с тем принцем ей помолвку устроили — совсем люди даже во сне совесть потеряли!), Варя немножко понежилась в постели, затем неохотно выбарахталась из-под одеяла и бодрой трусцой поспешила в туалет.

Пробегая мимо двери в кухню, она машинально окликнула завтракающего белко-песца:

— Привет, кролик! Приятного аппетита! Только не свинячь сильно!..

И только после того, как закрылась в «кабинете раздумий» и уютно устроилась на «троне», Варя занялась анализом увиденного:

— У меня на кухонном столе сидит и хомячит сырые яйца вприкуску с кетчупом зверь из другого мира. Я же сейчас не сплю? Не сплю. Может, у меня галлюцинации? Не исключено. Может, я завела кошку и забыла об этом? И сейчас кошку спутала с иномирным кроликом? Исключено. Кошку я бы точно не забыла. И он мало похож на кошку. Скорее на... точно! На пустынную лисичку фенека! Только белую и пушистую, как арктический песец. Значит, глюки. Прискорбно, коли так...

Когда она закончила с умыванием и, одевшись, вышла на кухню, песец обнаружился в холодильнике на верхней полке — самозабвенно чавкал, засунув голову в банку с остатками сгущенки.

— Эй, а чем мне кофе белить? — обиделась Варя.

Гость-нахлебник на претензии ухом не повел.

Варя поставила кипятиться чайник, а сама вернулась в комнату. Подошла к шкафу. Открыла дверцы. Отошла и села на диван с неубранной постелью.

Чужой город никуда не делся. Только сейчас там царила ночь. В домах в редких окнах виднелся отсветы огней — камины или свечи. На улице было тихо-тихо, если не считать ленивых арий сверчков и легкого шелеста листвы под свежим ветерком. Зато небо сияло сразу двумя лунами! И широкая дуга кольца, горбом вздымающаяся над горизонтом, светилась отраженным солнечным светом — причем не однородно, а так, будто в полупрозрачный белесый клейстер всыпали гальку, песок, стекляшки и осколки зеркала, да всё тщательно перемешали. Прибавить к этому ярко сияющие звезды, отлично видные над городом, не обремененным электрическим освещением.

Варя распечатала новую банку сгущенки, заварила себе кофе, залила овсянку кипятком, нарезала два бутерброда с сыром — и с тарелкой и кружкой пришла завтракать в комнату, с видом на тихую улицу и потрясающее ночное небо в распахнутом шкафу.

Вскоре к ней присоединился песец, долизавший свою банку дочиста. Довольный, как колобок, зверек явился из кухни — и с невозмутимым видом запрыгнул к Варе в постель, потоптался, как кот, на подушке и свернулся клубком, прикрывшись роскошным хвостом.

— Ну да, ты ведь оттуда, а там у вас сейчас пора спать, — понятиливо покивала она, допивая кофе.

Время, имевшееся у нее до восхода «тамошнего» солнца, Варя употребила с пользой.

Во-первых, она перерыла все шкафы — кроме книжного в квартире имелся старомодный бабушкин шифоньер, который было жалко выбрасывать из-за шикарной натуральной фанеровки, и еще убористый встроенный шкаф в прихожей, шириной во всю стену. Это не считая пары тумбочек. Из многочисленного хлама, обнаруженного в процессе поисков, Варя отложила в отдельную стопку пару красивейших занавесок изумрудного цвета, с растительным узором и фактурной-ажурной выделкой по блестящему атласу. Помнится, она купила их с удачной скидкой, влюбившись с первого взгляда... Но до сих пор не повесила, потому что цвет новых занавесок совершенно не сочетался с интерьером всей комнаты, и ради них пришлось бы делать ремонт и переклеивать обои, на что Варя не была готова ни физически, ни финансово.

Следом за занавесками в ту же стопку отправились мотки цветной пряжи. Нитки для вязания Варя купила в дни очередного уныния после очередного увольнения, но так и не скопила в себе достаточно сил, чтобы сваять веселенький свитер. Она вообще не научилась вязать — собиралась так долго, что устала собираться и трусливо сбежала на новую работу.

Глянцевый альбом-самоучитель по рукоделию она оставила себе — не потому, что нужен, а потому, что книга

была явным продуктом высоких технологий и вошла бы в диссонанс со средневековой атмосферой иного мира. Всё-таки нести туда что-то слишком выделяющееся Варя не хотела — их магическому миру не нужны неуклюжие техногенные подсказки.

Большая картонная коробка с принадлежностями для вышивания (яркие нитки, металлические ножнички в форме аиста, набор иголок, канва, пяльца, наперсток, пайетки, стразики, бисер, стеклярус, нитка хрустальных бус, еще стразики, катушка люрекса, разные красивые лоскутки и отрезки ткани, горсть пуговиц и булавок) тоже была рассмотрена и признана ценной, ненужной и пригодной для товарообмена. (Раз так уж вышло, что Варино подсознание из всех рукоделий признало полезным лишь штопку носок и умение художественно ставить заплатки на домашнюю и дачную одежду, как научила и завещала покойная бабушка).

Попутно Варя наткнулась на бархатный банный халат, который забыла на прошлый новый год подарить отцу. И пушистый плед с тиграми, который отложила и также благополучно забыла подарить маме. Эти стратегические запасы она спрятала обратно на антресоли.

После чего перешла к своей девичьей шкатулке с побрякушками.

Золото Варя трогать не стала — таких украшений у нее было немного, и все были подарены родителями на важные поводы вроде выпускного или на дни рождения, начиная от шестнадцатилетия. Бижутерию она тоже решила с собой не брать, помня постыдную акцию конкистадоров против индейцев, падких до стекляшек. Зато серебра в шкатулке хранилось немало — колечки, браслеты, цепочки, кулоны, серьги — и многие Варя ни разу не надевала, на некоторые вообще взглянула, как будто впервые видит. Ну, вот была у нее сорочья привычка в расстроенных чувствах гулять по магазинам — либо книжным, либо ювелирным. Так что отобрать немного вещей, не дорогих для сердца и души, не составило сложности.

Серебро Варвара сунула в кармашек рюкзака, а выбранное барахло увязала в узелок, приспособив для упаковки бабушкину советскую гобеленовую скатерть, что пылилась на дне шкафа по принципу: «Как же выбросить раритет? Наследство! Я эту вещь с детства помню! Еще подождать десяток лет — будет антиквариатом!»

Пока она готовилась к выходу, в ином мире забрезжил рассвет. По улице проехала повозка молочника. От дома булочников потянуло дымком, а в скорости и ароматом свежего хлеба.

К первым лучам восходящего тамошнего солнца Варя стояла перед шкафом одетая и нагруженная товаром для обмена.

— Ну, надеюсь, сегодня погуляю без неожиданностей, — вздохнула она, готовясь перешагнуть порог.

В ноги ткнулось мягкое и пушистое. Охнув, Варя наклонилась посмотреть — и рассмеялась: до того мило выглядела совершенно сонная мордочка белко-песца. Очевидно, что зверь до смерти хотел бы еще поспать, но просто не мог отпустить ее бродить по городу в одиночестве.

— Так и быть, залезай мне на плечи, и сможешь по дороге подремать, — проникнувшись, подняла его на руки Варя, повесила на себя, как меховой воротник.

Зверь не стал противиться, покорно глубоко вздохнул — и обмяк тряпочкой, свесив длиннющий хвост и лапы ей на грудь. Засопел, уткнувшись носом в Варину шею.

— Понадобится твоя помощь — разбужу, — предупредила она его.

Песец в полусне угукнул, точно что-то понял.

— погоди, а ведь тебе имя надо бы придумать? — спохватилась Варя. — Раз ты при мне остаешься, надо же тебя как-то звать. Глюк? Хм... Песец? Что-то не звучит. Вернее, звучит, но не особо... Фенек? Вот, точно — Финик!

Она скосила глаза и увидела, что всё это время зверек внимательно и как бы снисходительно смотрел на нее, приоткрыв глаза щелочками.

— Не знаю ж, что в вашем мире называют финиками и какие они на вкус, но тебя я буду звать так, — объявила Варя, свободной от багажа рукой почесала свое «манто» за ухом-лопухом. Белко-песец уркнул что-то невнятное, вроде как согласился. — Что ж, Финик, пошли, погуляем.

И неплохо погуляли! Уж гораздо продуктивнее, чем в первый день.

Потолкавшись на базарной площади, Варя выяснила адрес одной из городских портних, куда и понесла своё барахло, чтобы обменять вещи на местные деньги.

Ей повезло — модистка оказалась дома. По случаю раннего утра женщина была относительно свободна от срочных дел (денежные клиенты заглядывали к ней на примерку ближе к полудню и вечером), настроена благожелательно, имела склонность поболтать — и от предложенного к обмену товара пришла в восторг. Особенно ей приглянулась советская гобеленовая скатерть — заявила, что продаст знакомому мануфактурщику на образец. Занавески тоже понравились, тканей с подобной выделкой ей прежде не доводилось видеть. Варя заикнулась было, что занавески — это одежда для окон. Однако портниха ее не слушала и сразу же принялась сочинять фасон бального платья для какой-то княжны, да такого, чтобы ни единого лоскутка чудо-материи не

потратить впустую. Конечно, в этом мире имелись ткани и более богатые, и более красивые — хозяйка ателье показала любопытной Варваре отрезки роскошной парчи, нежных бархатов с тиснением, переливчатых шелков-хамелеонов и тончайшей органзы, затканной ручной вышивкой. Вот только синтетических тут не было!

Прочая швейно-вышивальная ерунда ей тоже пришлась по душе. В итоге остались довольны обе — портниха получила диковинки и вдохновение, а Варя достался полный комплект здешней женской одежды, в который она сразу же и нарядилась, чтобы не привлекать к себе лишнего внимания на прогулке. Правда, нижнее белье предпочла пока что оставить свое, родное. Здешние «комбинашки», состоящие из мягкого лифа-корсета на крючочках и шнуровке, соединенного с чашечками и снабженного бретельками, показались ей с непривычки слишком сложными. А пышные панталончики, предлагавшиеся вместо трусов, вызвали приступ нездорового хихиканья. Для начала Варваре хватило подъюбочника с оборочками, собственно юбки до щиколоток и кофты а-ля «я у мамы дивчина-казачка» — из плотной ткани в мелкий цветочек, застегивающейся на сотню лакированных деревянных пуговичек. В довершении нашлись туфли-черевишки на низкой подошве — из запасов дочки портнихи, с которой у Вари оказался один размер. Сперва менять кроссовки на сомнительную обувь было боязно, однако при примерке черевички так сели по ноге и проявили такую деликатную мягкость, что сомнения были немедленно отброшены.

Кроме того, щедрая модистка дала сверху немного местных денег, поэтому не потребовалось сразу же идти искать лавку ювелира, чтобы продать серебро, на фрукты и мелочи-сувениры Варя пока должно было хватить.

Так что следующие несколько часов она с легкой душой потратила, бесцельно слоняясь по улицам — и исподтишка фотографируя на смартфон особо впечатляющие и колоритные виды. Если кто-то из прохожих и замечал ее подозрительные манипуляции с непонятным «волшебным зеркальцем», ни один к ней с вопросами не подошел. По совету той же портнихи, Варя не стала прикрывать ярко-кнюквенные волосы чепцом или шляпкой, тем самым издав демонстрируя всем свой статус чародейки. И совершенно не важно, что сама Варвара за собой никаких сверх-способностей отродясь не замечала (да и с чего бы, если в цвете волос была виновна краска?). Так уж здесь было заведено — у колдунов и чародеек даже дремлющие, даже слабенькие магические силы проявлялись именно в первую очередь в необычной окраске шевелюры. Обычные люди, к чароплётству не способные, ходили с привычной мастью — брюнетки, блондины, шатены. И если в земном средневековье ярко-рыжие красотки могли запросто угодить на костер инквизиции, здесь чародеев уважали — хоть синеволосях, хоть зеленых, хоть кнюквенных. Хоть сиреневых.

Когда затянувшаяся прогулка навевала аппетит, Варя вернулась к базарной площади. Конечно, она могла бы в своем новом костюме мещанки спокойно пообедать в здешних харчевнях, но поди угадай, что окажется в заказанных наугад блюдах и каково это будет на вкус. Поэтому она пока решила не рисковать и закупиться булочками на базаре. И фруктами-овощами — дома устроит дегустацию. К счастью, продавщицы охотно делились короткими и простыми рецептами, что как лучше готовить и с чем есть.

Кроме вкусняшек, Варя прикупила холщовую простую сумку — не класть же нечищеную, пусть и помытую морковку в рюкзак к вещам и серебру? Тем более там места уже не осталось, еле одежду запихала. После фруктов и пирожков (один из которых, с рыбной начинкой, с удовольствием слопала горячим, прохаживаясь между рядами прилавками и глаза на всё, как деревенщина), Варя приглядела в качестве сувениров для родителей замечательную деревянную шкатулку, сплошь покрытую резьбой — это для мамы. А для отца она выбрала настоящий охотничий нож, такой красивый, что даже ей, ничего не понимающей в клинках городской девице, понравился. Конечно, папа у нее несколько не охотник, но осенью с мужиками за грибами поедет, вот и похвастается подарочком. Ну, и хотелось бы взять пару бутылочек местного фруктового вина — продавец ей плеснул в чарочку попробовать глоточек, аромат оказался божественным.

Жаль, что деньги у нее почти закончились. Всё-таки придется пристроить серебро.

Размышляя, у кого бы спросить дорогу до ближайшего ломбарда, Варя наткнулась взглядом на знакомого усача. Сегодня он был в темном мундире без золотых эполет — и деловито расспрашивал одного из торговцев о заплаченных налогах и пошлинах, с важным видом сверял какие-то бумаги со своими списками, извлеченными из пухлой кожаной папки. Будто почуяв ее взгляд, усач оглянулся в ее сторону — и, узнав, презрительно дернул усами и отвернулся. Пусть Варя минуту назад думала улизнуть и смешаться с толпой, пока он ее не заметил, но теперь такое показательное пренебрежение всколыхнуло в ней волну обиды — и любопытства. Она решительно направилась выяснять отношения.

— Добрый день! — поздоровалась. Приветливо улыбнулась удивленному торговцу, у которого проверял накладные мундирный чиновник.

— И вам доброго дня, барышня, — покосился на нее усач.

— Работаете? — поинтересовалась она, чтобы как-то завязать разговор.

— Как видите. Не каждый ведь день возить девиц во дворец, — ехидно процедил мужчина, — иногда и делом заниматься надо.

— Ну да, разумеется, — кивнула Варя.

— А вы, сударыня, что здесь делаете? — бросил усач изображать равнодушие, всё равно не получалось сыграть достоверно.

— Гуляю, — честно ответила она. Показала холщевую сумку: — Вкусняшек накупила, дома буду готовить, пробовать.

— Гуляет она! — воскликнул чиновник, кивнул торговцу, чтобы оценил шутку. Торговец не понял, но негромко посмеялся из вежливости. — Она гуляет! А во дворце все с ног сбились, обыскались пропавшую невесту принца. Что ж вы сбежали от жениха, сударыня? Не приглянулся?

Варя напряглась — вот глупая, сама подошла! А вдруг он ее сейчас схватит и повезет к тому противоположному белобрысому Злату?

— Нет, не приглянулся, — с вызовом ответила она. — Арестуете меня за это?

— Очень надо! — презрительно дернулись усы. — Мне за это не приплатят! И так столько времени потратил на вчерашний балаган, а работу кто за меня делать будет, а? Пусть дворцовая стража вас и ловит, раз упустили, лоботрясы!

Варя немного успокоилась — за полдня в городе никакой рыщущей стражи она не встретила, а значит, никто ее поисками на самом деле не занимается. Усач просто так злится и страшает, от скверного расположения духа.

— Злат мне сам сказал, что я вольна распоряжаться собой и своим временем, — ради справедливости пояснила Варя внимательно слушавшему их перебранку торговцу, раз усач от нее нос воротит.

— Вы мне лучше другое скажите! — снова дернула она за обшлаг мундира. — Кто был тот второй принц? Верхом на лохматой зверюге. Не отпирайтесь, вы его знаете!

— С чего бы мне рассказывать невесте нашего принца о главе вражеской державы? — хмыкнул чиновник.

— Нешто у нас с Синегорьем война началась? — ахнул в испуге торговец.

Варя слушала внимательно: не хотят ей рассказывать — пусть! Между собой всё сами разболтают.

— Нет, — с важностью ответил мундирный чиновник. — Но война — такое дело, конфликт может вспыхнуть в любой момент и под любым предлогом.

— Уф, напугал, — вздохнул торговец.

— А принц Синегорья часто сюда приезжает? — гнула свою линию Варвара.

— Нет, сударыня, его высочество правящий королевич Зимослав Снежен у нас в Златограде крайне редко бывает с официальными визитами, — соизволил ответить усач. — Он в ссоре с нашим принцем.

— А Синегорье — это далеко? — не думала отставать Варя. — И как туда можно добраться?

— Сударыня! — повысил голос недовольный усач, спохватившись, что случайно выболтал лишнее. — Вас, нареченную невесту его высочества Лучедара Злата, подобные вопросы не должны интересовать в принципе! Извольте соблюдать приличия!

Варя лишь кисло поморщилась на гневную отповедь. И обратилась к хлопающему глазами торговцу:

— Можно у вас спросить? Где здесь хорошая ювелирная лавка?

— Есть тут неподалеку златокузнечная мастерская, — припомнил торговец. — Там честный хозяин, щепетильный, придворные дамы только с ним ведут дела.

— Зачем вам туда, сударыня? — подозрительно окинул ее откровенно недорогой наряд усач.

— Бриллиантов хочу прикупить! — заявила Варя. — Нельзя же возвращаться во дворец да без бриллиантов!

И залихватски забросила себе на плечо, словно дорогое боа, длинный хвост дремавшего песка.

Получив от торговца подробные объяснения, как найти лавку ювелира, Варя на прощание шаркнула ножкой в подобию книксена и с достоинством удалилась, придерживая свободной рукой подол. И услышала за спиной негромкое:

— Зачем ты с ней так? Хорошая ведь девочка.

— Угу, хорошая. И врать умеет хорошо, — мрачно откликнулся усач. — Я, когда обратно ехали, ее спросил прямо: ну, как? А она скромненько эдак: да никак, мол. Тьфу!

— Что ж ты обижаешься, — похихикал продавец, — правдиво врать — это самое нужное умение для придворных девиц. Значит, ей там самое место...

Дальше Варя не слышала, влившись в базарную сутолоку. Казалось бы, что ей до мнения рядового чиновника? Но было обидно — она ведь тогда просто не хотела жаловаться на хамство принца, а то могла бы запросто расплакаться! Но чего уж теперь, оправдываться она точно не собиралась, очень надо!

Магазинчик ювелира был расположен не особо далеко от базарной площади — на тихой респектабельной улочке со зданиями из темно-серого камня. А прямо напротив магазина так вовсе высился готический особняк в пять этажей, с балкончиками и чердачными башенками, обнесенный ажурным кованым забором.

Ювелир, худощавый мужчина с копной волос цвета воронова крыла с тонкими синими прядками вместо седины, внимательно поглядел на рассыпанные на прилавке серебряные безделушки — и вперил в посетительницу

холодный взгляд. Так черные вороны, сидя на заборе, разглядывают спящих мимо прохожих.

— Сударыня, я не торгую амулетами. Тем более заряженными.

— Что? — удивилась Варя. — Что вы имеете в виду? Это просто серебро, которое...

— Это — кристаллы в серебряной оправе, заряженные вашей энергией. Даже я ощущаю мощный заряд.

Барышня, посмотрите на себя в зеркало — мне ли вам объяснять элементарные вещи?

Варя поняла, что ювелир намекает на ее яркую шевелюру и на свои цветные прядки, в его случае, вероятно, означающие небольшую способность к магии.

— Простите, я еще не прошла обучение, поэтому ничего не понимаю в амулетах, — извинилась она.

— Откуда ж вы взялись, барышня, из какой глухой провинции, что не знаете даже таких простых вещей? — сухо удивился ювелир. — С Кольца свалились, что ли?

— Ну, почти что так, — не стала отпираться Варя. — Не подскажите, могу ли я их продать? И где, кому?

— Здесь, в Белозорье, публично торговать заряженными кристаллами без личного разрешения магистрата Чуролота незаконно, так что на базар это нести я вам не рекомендую. Проще всего вам их сдать — за стандартную плату — в академии Тугохвала. Благо далеко идти не нужно. — Он кивнул в сторону окна, из которого просматривался подъезд к готическому особняку напротив. — Думаю, у вас тут наберется немало, хватит на новенькую карету вместе с оравой породистых кроликов. И на домик за городом останется.

Он взял в руку цепочку с подвеской, рассмотрел внимательнее, привычным движением вставив и прижав бровью ювелирную лупу-глазок. Варя машинально подумала, что от этой привычки удерживать лупу у него и развилась способность так выразительно шевелить бровями — накачал мышцы.

— Заряд сильный и чистый. Насколько я могу судить, конечно. Кристаллы, правда, не древние. Хм, свежие, как недавно выдудое стекло. Необычная структура, оригинальная огранка...

— Это фианиты, вроде бы, — вставила Варя. — Искусственно выращенные камни. А не знаете, могу ли я как-то убрать заряд и сдать вам это всё в качестве обычных украшений?

— Зачем, сударыня? Так вы лишь обесцените ваш товар и получите сущие гроши. Правда, вот эту цепочку я бы у вас взял. Необычное плетение, я такого еще не встречал.

Варя охотно согласилась продать цепочку-веревочку отдельно от кулона, тем более цену ювелир назвал неплохую — хватит и на приглянувшуюся шкатулку, и на нож с вином. Уж очень не хотелось отправляться к Чуролоту в мрачный особняк. Вдруг впрямь чародей учиться заставит?..

Пока хозяин магазинчика отсчитал монеты, пока, пользуясь возможностью, с Вариного разрешения взялся с творческим интересом разглядывать в лупу другие украшения и что-то себе в потрепанный блокнот срисовывать, Варя присела на широкий подоконник темного дерева. Попивая предложенный ювелиром горячий напиток, напоминающий крепкое какао, да с маленьким кремовым пирожным прикуску, она задумчиво пялилась на особняк напротив. (Правда, половинку пирожного пришлось отдать на мгновение проснувшемуся песцу — и допивать какао с уже остывшими базарными пирожками).

И пока она жевала и пялилась — оказалась свидетельницей, как к серо-гранитному крыльцу сначала подъехал экипаж, откуда вышел сам главный маг королевства. И только колдун стал подниматься по ступеням, неторопливо беседуя со своим невзрачным спутником — учеником ли, подмастерьем ли — как на верхней ступеньке из ниоткуда появился еще один человек. Высокую мужскую фигуру скрывал черный плащ. Чародей ничуть не удивился пришельцу, напротив, распахнул руки, будто желая заключить в объятия, однако сдержался. Пришелец слегка поклонился в ответ на бурное приветствие. Чуролот между тем взобрался по ступеням до верха, перед ними открылись двери особняка. Перешагнув порог следом за пригласившим его магом, пришелец на ходу сбросил с головы капюшон. И Варя подпрыгнула на месте, разглядев всклокоченные волосы знакомого цвета вялой морковки. Но двери особняка сразу же закрылись, оставив ее в сомнениях, вправду ли был это принц неведомого Синегорья Зимослав Снежен — или ей причудилось? Может, она такой манией заболела — теперь везде ей будет мерещиться сиреневоволосый красавец?

— Простите, это случайно не Зимослав сейчас вошел в то здание? — окликнула она увлекшегося цепочками ювелира.

— Что? А, я не видел. Возможно. Всё-таки Тугохвал был учеником его деда, так что они хорошо знакомы.

— А я слышала, что Зимослав в ссоре с королевской семьей и редко приезжает с официальными визитами, — вернула Варя, внутренне сгорая от любопытства.

— С официальными, — подчеркнул ювелир, торопливо заканчивая заметки. — Но Чуролот им не родственник. Пока что нет.

Поняв, что по этому вопросу она больше ни слова не дождет, Варя неловко сменила тему:

— А еще я слышала, будто на невесту Злата падет проклятие.

— Да что вы говорите! — хмыкнул ювелир. — И где вы такое услышали?

— Ну... люди сплетничали.

— Сплетни частенько врут, сударыня.

— Но ведь жалко же... невесту.

— Да, бедняжке не повезет. С женихом.

— Вы что-нибудь знаете об этом? — с надеждой спросила Варя.

— Впервые слышу, — не моргнув глазом, заявил он. Жестом предложил ей собирать разложенное на прилавке серебро. — Благодарю, знакомство с вами оказалось весьма любопытным.

— Я вот думаю, — вздохнула она, сгребая свое добро в рюкзак, — может быть, есть какой-то способ избежать этого проклятия? Существует какой-нибудь защитный амулет?

— Не исключено. Однако если и спрашивать о специальных амулетах, то точно не у меня, я всего лишь вставляю кристаллы в оправу, — пожал он плечами. — Обращайтесь к магистру и его ученикам, они-то вам дадут толковый совет. И научат.

— Да я и боюсь, что Чуролют-то научит... — еще глубже вздохнула Варя.

Попрощавшись с гостеприимным ювелиром, она вышла из магазинчика. Постояла, разглядывая особняк: прямо сейчас где-то там беседует с придворным магом принц чужого королевства. Вот только не факт, что, если она сейчас же пойдет и потребует обещанной встречи с Чуролютом, она увидит и запавшего в сердце красавчика. Да и какое ему будет дело до чужой невесты? Тем более, если он поссорился со Златом...

Вздохнув так тяжело, что разбудила Финика, Варя развернулась и пошла на базарную площадь. Пока в кармашке имеются деньги, надо купить сувениров.

Следующую неделю Варя ходила в ювелирную лавку, как на работу — каждый день после полудня. Правда, пару раз случалась запертая дверь и табличка «закрыто» в окне, так что приходилось разворачиваться ни с чем и гулять по городу до заката.

К слову сказать, довольно скоро Варя выяснила, что неделей тут считается десять дней, а здешние сутки длиннее земных — пятнадцать часов до полудня и пятнадцать после, против привычных дважды по двенадцать. Поэтому-то она, просыпаясь у себя дома утром, попадала в город то в светлое время, то в темноту. Циферблаты местных хронометров, конечно, выглядели странновато на первый взгляд — как те, что красовались на башне городской ратуши, так и напольные ходики-«шкафчики» в часовых лавочках или высокохудожественные экземпляры для украшения каминных полок: сверху вместо цифры «12» стоял заковыристый значок, обозначающий цифру «15», а на 180 градусов вниз вместо шестерки получалась половина восьмого.

Ладно, хоть сам час как условный отрезок времени практически совпадал с тем, что отсчитывал Варин смартфон. К счастью, она окончательно перестала путаться в днях и ночах, когда одним скучным домашним вечерком, (закончив выкладывать в интернет на платный фото-сток фотографии с красотами средневековой архитектуры), нашла в сети программку-будильник с возможностью выставлять любую фэнтезийную или космическую систему времени. С тех пор заставка ее мобильного показывала два набора цифр.

В связи с удлинненными сутками расписание местных жителей тоже заметно отличалось. Например, в полдень многие ранние «жаворонки» законно прерывали работу или прочие занятия ради трех-четырёх часов полноценного отдыха — и уходили домой подремать. Зато благодаря отраженному от Кольца солнечному свету утренние и вечерние сумерки были такими долгими и ясными (даже в облачную погоду!), что любители «сиесты», хорошенько отдохнувшие днем, могли продолжать активную деятельность допоздна. Итого полноценная ночная темнота и тишина наступала в городе только часов на шесть — когда Кольцо над горизонтом блекло, попадая в планетарную тень.

Поэтому обедали местные жители дважды — до полуденного перерыва и после. Некоторые и завтракали тоже два раза — сперва легкий перекус с булочкой и чашкой какао (это, кстати, оказался отвар из корня здешнего желтого цикория, растущего повсеместно в изобилии — дешевый и полезный продукт). Второй раз на завтрак обычно готовили разнообразные каши, заправленные творогом, сливками, сметаной или сдобренные кусочками сезонных фруктов. Ужинали по обстоятельствам, часто очень поздно. А обеды предпочитали плотные. В харчевнях, как разведала осмелевшая Варя, днем подавали мясо или рыбу с гарниром из вареных, запеченных или пареных овощей. Вместо картошки здесь употребляли либо сладковатую рассыпчатую репу, которая умудрялась вырастать иной раз до пугающе огромных размеров, — либо не менее калорийную, но почти безвкусную розоватую тыкву. И то, и другое Варя попробовала приготовить дома — и осталась очень довольна результатом. (А Финик вообще подметал всё, что находил на столе, на плите или в холодильнике, и на ее умение кухарить не жаловался).

Так вот, пока горожане отдыхали между первым и вторым обедом, Варя неизменно являлась в ювелирную лавку, чтобы из окна-витрины вести наблюдение за зданием академии Чуролюта. Благо, хозяин не прогонял и недовольства ее присутствием не выказывал. Только ехидничал:

— Зимослав, может, еще год здесь не появится — так и будете его поджидать?

Кстати, самого ювелира звали Белокрыс Вран, так что первое впечатление о сходстве с воронами Варю не обмануло.

А ведь другой мужчина на его месте несомненно выставил бы приставучую девицу вон. Только задним умом Варя поняла, что настырными визитами рисковала скомпрометировать в глазах общественности не только себя, но и холостого ювелира.

За свою назойливость она извинялась перед хозяином, чем могла — вкусняшками с базара или из ближайшей кондитерской, затем освоилась и стала приносить из дома собственноручно испеченные пироги или кексы — если их не успевал понакусывать песец. Перетаскала всю свою бижутерию: как выяснилось, недорогие сплавы и стеклянные стражики не накапливали энергию и не могли служить амулетами. Зато прекрасно подходили для того, чтобы ювелир надолго занялся изучением замысловатого плетения очередной цепочки или незнакомой застежки броши. Каждый раз он выбирал что-нибудь для себя необычное и платил не дешевле, чем за первую серебряную цепочку. Варя не без основания подозревала, что в цену он добавлял стоимость купленных ею пирожков, так как справедливо понимал, что просто от платы «за доставку еды» она откажется.

В целом, если не считать обсуждения безделушек, всё их общение ограничивалось чаепитием (или какаопитием), проходившим практически в молчании. После Белокрыс ссылаясь на срочные заказы и удалялся в задние комнаты, где у него располагалась скромная холостяцкая квартирка и мастерская с мини-кузницей — куда он Варвару ни разу за время их знакомства не пригласил. (Впрочем, она и не напрашивалась — в «ватерклозет» можно было пройти и через магазин.) Стук молотка, скрежет напильников, шорох шлифовального круга и прочий рабочий шум подтверждали, что ювелир не тратит часы суеты на сон, в противном случае Варя, разумеется, постыдилась бы торчать в пустом магазине. А так вроде бы и компанию за обедом составит, и за прилавком для вида постоит — пока еще хозяин отзовется на звон дверного колокольчика да руки помоеет после трудов кузнечных.

Наблюдая за ювелиром, Варя не без основания заподозрила, что по многим интересующим ее вопросам ему было известно гораздо больше, чем он старался показать. Точнее, он вообще не желал ничего ей рассказывать, ни о чем. Даже на простые вопросы отвечал так, чтобы отпала охота спрашивать. Не хамил, конечно, но насмешливо посылал прямой дорогой — через улицу, к Чуролюту.

Кажется, только однажды Белокрыс Вран был с ней искренен — на чаепитии с домашними сахарными ватрушками (ставшим, как вскоре оказалось, последним их совместным обедом).

— Если бы я не знал, что вы, сударыня, увлечены Зимославом, я бы мог подумать, будто вы таким изысканным способом соблазните меня сделать вам предложение руки и сердца, — улыбнулся он, отпробовав фирменную Варину выпечку.

— Если не сложится с его высочеством, я рассмотрю ваш вариант, — в тон кокетливо отозвалась Варвара. — А кстати, Зимослав женат?

— Нет.

— И неужели не помолвлен? А как же династические браки? — удивилась она.

— О, вам совершенно не стоит об этом волноваться, — заверил он, отведя взгляд.

А Варя внимательно на него поглядела и задалась вопросом: сколько ему лет? Сорок-сорок пять, вряд ли старше. Если же считать по местному календарю, то и того меньше выйдет. Она достала смартфон и принялась подсчитывать по сделанной на всякий случай памятке: в здешнем календаре ровно по сорок дней в каждом месяце, а в году девять месяцев. Плюс поправка на тридцать часов в сутки... Отсюда выходит, что по земным меркам сорокалетний мужчина здесь будет считаться всего-навсего тридцати двух лет от роду — совсем мальчишка! Эта мысль показалась настолько забавной, что Варя едва удержалась от смешка...

Примерно через час после этого разговора в магазинчик заглянул посетитель. Вран, как всегда, был в мастерской, так что Варя при звонке дверного колокольчика поспешила к прилавку, чтобы сыграть ставшую привычной роль помощника продавца. Однако в этот раз она не увидела посетителя заранее, ибо перед этим не сидела на подоконнике, а аккуратно возвращалась из туалета. (Кстати, к великой радости Вари здешний мир оказался знаком с благами подземной системы канализации, и более того — успели изобрести унитаз со сливом. Не компакт, правда, а более старый вариант с бачком, расположенным почти под потолком, куда предполагалось регулярно доливать воду ведерком, поднимаясь по специально приставленной к стене лесенке. Но это так, к слову.)

Посетителем оказался магистр Чуролют Тугохвал собственной персоной.

Очевидно знакомый с привычками ювелира, чародей, не глядя по сторонам, от порога направился напрямик к дверям, ведущим в мастерскую, на ходу восклицая:

— Белокрыс, друг мой славный! Готова ли наша партия сапфиров?

Это дало Варе секунду форы — и она, оставшись незамеченной, трусливо юркнула за прилавок, спрятавшись под узкой длинной столешницей. И затаилась, как мышь.

Финик, доселе мирно дремавший на верху высокого застекленного шкафчика-витрины, удивленно свесил с края лисью мордочку и навострил широкие лопухи. Варя, забившись в уголок, сев прямо на пол, поджав колени и втянув шею, промаячила песцу помалкивать и не выдавать ее. Финик сделал вид, что понял — и прикрылся хвостом, будто спит, а сам, прищурившись, стал следить за посетителем.

Ювелир, мигом оказавшийся на пороге мастерской, ненавязчиво преградил путь магистру. Варя, подглядывая в обнаруженную щелку, с удовлетворением подумала, что даже именитого клиента не удостоили чести зайти в «святая святых» золотых дел мастера.

Разговаривать даже со столь важным посетителем Белокрысу было сподручнее на обычном месте. Вот только шагнув за прилавок, он наткнулся взглядом на Варю, умоляюще сложившую ладошки перед перекошенной от таинственности мордашкой. Ювелир моргнул в удивлении. Но тотчас вернул на лицо привычную невозмутимость.

— Я слышал, ты завел себе помощницу? — между тем разглагольствовал магистр. — Давно, давно пора! Сперва помощница, там, глядишь, привыкнете, проникнетесь, сделаетесь незаменимыми друг для друга — да и поженитесь, хе-хе!..

— Не думаю, что такое случится в данном случае, — холодно возразил ювелир. — У барышни все помыслы о другом, кому я не ровня.

У Вари мигом уши загорелись: так спокойно обсуждать ее, когда она буквально дышит в коленку!

— Что ж ты так себя не ценишь, — покачал головой Чуrolют. — Барышни — они существа непредсказуемые!..

— И самой непредсказуемой оказалась избранница вашего воспитанника, — ехидно перебил чародея Белокрыс.

— Эх... Тут ты прав, — покаянно вздохнул магистр. — Другая б на ее месте не преминула поселиться во дворце и навести свои порядки, да так, что мы бы с его величеством за голову схватились. А эта — пропала и всё тут. Не слышать ее и не видеть.

— А вы не больно-то и искали, — поддакнул ювелир, стараясь не коситься под прилавок.

— Спрашивается, зачем только вызвалась в невесты? Ведь не силком же мы ее затащили к алтарю! — продолжал сетовать чародей.

— Может, по недоразумению, — предположил ювелир. — Ошиблась, а теперь не знает, как быть, потому и прячется.

Магистр рассмеялся надтреснутым стариковским смехом:

— Скажешь тоже! Ошиблась!.. Мы такое мероприятие устроили, по всему королевству глашатаев рассылали — надо быть не в своем уме, чтобы!.. Нет, тут что-то другое. Не была б невеста такой необученной, я б, право слово, подумал бы, что это какой-то заговор!.. Однако очень жаль, что девочкой никто не занимался до такого взрослого возраста — дар у нее очень сильный, но без направления и разумного...

Тут Варя не выдержала — чихнула. И головой из-под низа о столешницу прилавка ударилась. То ли по примете: «Чихнул — значит, кто-то тебя поминает!» То ли просто холодно было на голом полу сидеть пятой точкой. То ли от нервов. И может, Белокрыс пыль вытирал плоховато.

— Любопытно, — в воцарившейся гробовой тишине произнес Чуrolют.

Белокрыс Вран, отдать ему должное, бровью не повел.

Варя зажала себе рот ладонью, да уж поздно.

— И как я сразу не увидел — такая знакомая яркая аура! — произнес магистр со смешком, от души развеселясь. — Не представишь меня своей помощнице, Вран?

Белокрыс пожал плечами:

— Я б представил, но предлагать уважаемому магистру лезть под прилавок — при всём уважении, я не решусь.

— А если наоборот поступим, и барышня сама выглянет? — хихикнув, предложил чародей.

— Не вылезу! — воспротивилась Варвара. — Вы ж меня сразу во дворец к противному Злату потащите? Уж лучше тут отсижусь!

— Сударыня, я принципиально не преемлю насилия, как морального, так, упаси Матерь, физического! — с чувством заверил магистр. — Никогда никого не принуждал и с вас начинать не собираюсь. Чем хотите поклянусь!

Но Варя не желала слушать, от стресса ее прорвало. А так как орать и топтать ногами, сидя в уголке, было затруднительно, пришлось выскочить на свет божий и качать права, глядя в лицо противника, улыбающееся всеми морщинками.

— И Злата мне вашего вообще не надо! И заговор вообще был — но против меня! Это ваши придворные девицы сговорились и выставили меня единственной кандидаткой! А по закону, если кандидат только один, выборы обязаны отменить и начать новую предвыборную кампанию! А у вас там всё во дворце!.. У вас!.. А вы меня еще хотите обратно?! Фигушки! Погуляю тут до срока, а потом дома запрусь! Пусть ваш Злат сидит без меня с

проклятием, раз такой умный нашелся!

Чародей добродушно подождал, пока она окончательно выдохнется. Затем миролюбиво предложил:

— А давайте, дорогая моя, договоримся с вами так: я приглашаю вас ко мне в школу только для обучения. При этом я никому не расскажу, что вы — невеста нашего Лучедара. И никоим образом не дам знать его высочеству, его величеству или кому-либо из королевского окружения, что вы находитесь у меня. Под моим руководством вы будете заниматься только обучением и ничем больше. Ваш дар заслуживает огранки. А вы, похоже, до сих пор совершенно не подозревали о своих возможностях, и это меня безмерно огорчает. Согласны?

— А вы не станете меня запирать в подвале библиотеки с огромной стопой книжек? — с подозрительностью спросила Варя.

— Нет, вы будете вольны в своих действиях, — заверил магистр, клятвою приложив руку к груди. — Против воли ничего и не получится — это же не банальное заучивание грамоты, а тонкие настройки энергий! Так что сможете хоть каждый день приходиться к нашему другу Белокрысу или гулять по городу. Вот только обучаться вам придется по ускоренной сжатой программе, что меня уже беспокоит — ведь целую декаду пропустили, пока прятались! Так что расписание мы вам составим индивидуальное... Но если вам не понравится, вы сможете отказаться в любой момент. Я прошу — лишь попробуйте. Дайте себе шанс овладеть вашим потенциалом!

Варя стояла молча и лихорадочно пыталась сообразить, есть ли в его обещаниях подвох. Всё выходило слишком гладко, а так не бывает.

Чуролот Тугохвал понял ее смятение.

— Я сейчас оставлю вас, — кивнул он Белокрысу. Добавил для Вари: — Подумайте, успокойтесь. Если решитесь — вы знаете, где меня найти. Просто постучитесь в двери моей школы. Я буду ждать вас ровно час.

— Угу, — только и кивнула Варя.

Колокольчик над входной дверью тоненько звякнул и затих.

Ювелир вздохнул:

— Завидую тебе, Варвара. Если б магистр меня так уговаривал пойти к нему в ученики, я б ни минуты не раздумывал — побежал бы бегом.

Варя постояла, повздыхала с полминутки. Затем аккуратно соскребла дремлющего песка со шкафчика, для чего пришлось залезть на табурет. Нашла свой рюкзак, закинула на свободное плечо — и сорвалась со всех ног, понеслась догонять свой шанс. Даже не ради обещаний чародея, а ради белой зависти Белокрыса. Проняла ее до глубин души его искренность, впервые за неделю он обратился к ней на «ты» да еще назвал по имени.

...Спустя примерно два часа в ювелирный магазин вошел молодой человек в черном дорожном костюме.

— Вран, я опять к тебе! Снова кристаллы полопались! На этой неделе уже вторая дюжина накопителей пропала, — с порога пожаловался он. Подошел и принялся вытаскивать из всех карманов, вываливать на прилавок связки цепочек, унизанных подвесками с камнями, словно новогодние гирлянды лампочками.

Ювелир подцепил пинцетом одну из «гирлянд», нацелился лупой: так и есть, большинство драгоценных камней загублены, изрезаны внутренними трещинами, многие вовсе развалились на части и выпали из оправ.

— Починим, поправим, вставим новые. Впервой, что ли, — невозмутимо пообещал Белокрыс. — Иди-ка ты. Зим, отдохни пока, — он мотнул головой в сторону задней двери. — Мешаешь очень, у меня от твоей ауры все волосы дыбом.

— Это у тебя волосы дыбом? — воскликнул гость. Схватился за свои сиреневые непослушные вихры: — Да я с последнего прорыва до сих пор хожу, как молнией стукнутый!

— Вижу, — ровно отозвался ювелир, — потому и накопители всмятку трескаешь.

— Извини. Опять тебе всю ночь сидеть, — виновато сник гость. Чтобы не раздражать еще больше, послушно направился в задние комнаты.

— Пожалуй, до пятнадцатого часа управлюсь. — Белокрыс окинул взглядом «поле деятельности». Крикнул погромче: — Снежен! Завари чаю. И там еще половина пирога осталась, с творогом...

— Неа, не половина! — донеслось невнятно между чавканьем. — Четверть.

— Не королевич, а поросенок, — хмыкнул ювелир.

— Я слышал! — тотчас отозвался гость. — За неуважение штрафую тебя еще на четверть ватрушки! Где ты такие покупаешь?!

— Это не купленная, а специально для меня испеченная. Завидуй!

— Завидую...

Вран вздохнул с меланхолической улыбкой: ну хоть кто-то и ему завидует.

Глава 5

Изнутри школа магии имени Тугохвала выглядела скучно. Да, готическая архитектура. Да, колонны из серого камня, высокие своды потолков, галереи-коридоры, башенки с винтовыми лестницами и обзорными балкончиками, сине-фиолетовые фикусы в кадках перед высокими окнами... А больше ничего особенного.

Образовательное учреждение специальной направленности, где все немногочисленные обитатели снуют по делам со страшно занятым видом, что учителя, что разновозрастные ученики, даже десятилетние первоклашки.

Ну, еще тут была библиотека, битком набитая старинными и не слишком талмудами, фолиантами, рукописями — которые Варя не смогла бы прочесть, ибо оказалась совершенно безграмотна, чем привела в неподдельный ужас магистра. Тот с трудом привык к мысли, что сие юное дарование не обучено магии — но что новая ученица еще и читать не умеет! Это было выше его понимания, ведь она совсем не похожа на оборванку из неблагополучного семейства.

Варя немного обиделась. На самом деле она уже немного научилась читать, причем самостоятельно. Например, слово «закрыто» она прекрасно запомнила — оно было написано на табличке, что висела в окне ювелирной лавки, и, запирая магазин по вечерам, Белоокрас эту табличку переворачивал надписью наружу. Варя же сидела на подоконнике в рабочее время, поэтому табличка была развернута вовнутрь — прямо перед ее носом. Тут не захочешь, а запомнишь.

Еще она заучила цифры от одного до пятнадцати — эти заковыристые значки, понятное дело, она видела на каждом часовом циферблате. Благодаря покупкам сувениров и вкусняшек разобралась в местной денежной системе. Запомнила курс обмена медных монеток на цельно-серебристые и на те, что с золоченым ободком (причем каждой расцветки монетки были трех калибров). И на практике выяснила, что арифметика в этом мире от земной ничем не отличается — сложение, вычитание и прочая-прочая благополучно происходят по знакомым Варя формулам. Подумаешь, система исчисления не десятиричная, а пятнадцатиричная! Это ж сущие мелочи. Программисты ведь тоже как-то живут со своей шестнадцатиричностью, и нормально им.

Вот с письменной речью дело обстояло сложнее — Варя предстояло, как дошколенку, заучить азбуку, а состоял здешний алфавит аж из сорока пяти букв.

— А в Синегорье используют другие буквы? — с подозрением уточнила она, прежде чем приняться за зубрежку.

Молодой учитель младших классов, которого Тугохвал призвал на помощь, посмотрел на нее с непонятым удивлением. Но спрашивать о причинах ее интереса не стал, ответил обстоятельно:

— Нет, сударыня, вам не придется проявлять лишнее усердие в учебе. В Синегорье и в Вольнополе говорят и пишут на одном с нами языке, лишь с незначительными отличиями. Когда-то три королевства были единой империей. До сих пор между странами сохранилась крепкая связь. Дружеские, почти родственные узы продолжают поддерживать как простые подданные, так и благородные фамилии и королевские семьи.

— Это хорошо, — кивнула Варя и с полной отдачей углубилась в изучение букваря.

К великому облегчению, и здесь ей крупно повезло: пусть прихотливым написанием некоторые символы могли бы перешеголять иероглифы, в целом система письменности оказалась привычной и понятной — никакой китайской грамоты! Буквы обозначали либо гласные, либо согласные звуки, и почти все слова следовали золотому правилу «как слышится, так и пишется». Поэтому стоило Варя произнести написанное слово хотя бы медленно, по складам вслух — тут уже подключалось ее «автоматом» полученное знание языка, и закорючки на бумаге обретали смысл. Конечно, поначалу было сложно — читать, как на иностранном, слагая непривычные символы в непонятные звуки, при этом внимательно слушать собственный голос и ловить мысленно звучащий «перевод». Но Варя верила, что с практикой придет и беглость чтения. (Вот только очень сомневалась, что тот же «автомат», так замечательно работающий в одну сторону, позволит ей когда-нибудь самой написать что-то внятное. Хорошо хоть, что здесь были не приняты «домашние задания» в тетрадочках. И для чародейства совершенно не требовалось ничего чертить, никаких пентаграмм с письменами заклятий).

Кстати, заниматься с молодым учителем Варваре понравилось гораздо больше. И не только потому, что Алояс Вихрь был симпатичным ясноглазым парнем — высокий, стройный, лет под тридцать, с темно-синими волосами, забранными в скромный хвостик. Просто с ним было спокойнее, чем с магистром. И пусть Чуролот вынужденно отступился от данного слова, что лично-де станет обучать свою необычную ученицу — всё-таки он сам человек подневольный и в первую очередь служит королю и обязан срываться во дворец в любое время, когда бы ни вызвали. Главное, Варю раздражала его стариковская эмоциональность. То он ужасается ее необученности, то через минуту чуть не скачет в восторге от ее первых успехов — разве ж магистры так себя ведут? Да и отвлекает такое поведение жутко! Против собственного прозвища Тугохвал на каждом шагу осыпал ее похвалой. Сперва это настораживало, потом чуточку льстило, а через пару дней стало не на шутку бесить. Варя с радостью воспользовалась шансом и вежливо объяснила Чуролоту, что до его уровня знаний ей еще расти и расти, а пока ей самое то заниматься с наставником младших классов.

Вскоре она окончательно утвердилась в правильности своего решения. На четвертый день в школу явился Белоокрас, якобы принести отданные ему для починки амулеты, а как для Вари — ювелир просто соскучился и пришел ее проведать. Тут и выяснилось, что Алояс — родной брат Врану. То-то она с первого взгляда прониклась доверием к такому знакомому насмешливому изгибу бровей! И сам ювелир, хоть и не желал подавать вида, а

вздыхнул-таки с облегчением, увидев Варю под надежным присмотром. Ей даже сделалось немножко стыдно — за нее переживали, а она так увлеклась учебой, что перестала приходить в гости.

Более того, она дома-то перестала ночевать. Как настоящей ученице, ей выделили небольшую уютную комнатку для проживания и для отдыха между занятиями. Варя не стала отказываться — живя при школе, она и время экономила, и окончательно привыкла к тридцатичасовым суткам. И кормили в школьной трапезной вкусно и совершенно бесплатно. К тому же в спальне можно было оставить Финика, обожающего подремать до обеда, а не таскать бедного зверя постоянно на плечах, вместо манто.

Раз в два-три дня по вечерам вместо прогулки Варя навевалась к заветной стене с невидимым проходом в родной шкаф. Чтобы и сам проход проверить, не исчез ли, не затянулся ли вдруг, и квартиру свою, не случилось ли там, не дай боже, какого потопа без присмотра. Вещи кое-какие взять, белье постирать, голову помыть в привычных условиях да с бальзамом, освежающим краску на волосах. Смартфон зарядить опять-таки. Нащелканные фотки в интернет на сток сбросить, а полученные от восторженных покупателей деньги за якобы отфотошопленные снимки якобы косплейщиков — перевести на карточку, чтобы, если время совпадало с дневным, сбежать в соседний супермаркет и купить что-нибудь из привычной еды для полуночного перекуса. И сладостей.

Печеньками и конфетами Варя щедро делилась с мальчишками-«одноклассниками» за то, что те частенько объясняли ей доходчивыми словами какие-нибудь элементарные истины касательно магии, истории, традиций или этикета здешнего мира или зачитывали вслух сложные места из учебников.

К Алоясу она тоже пыталась «подлизаться» с пироженками-пирожками, поблагодарить за то, что учителем он оказался нестрогим и сквозь пальцы смотрит на ее ошибки, терпеливо спускает непонятливость. Но в отличие от старшего брата, Алояс оставался неподкупен. Один раз только, когда наступили выходные, они вдвоем наведались к ювелиру в гости, и Варя заранее озаботилась купить шоколадный торт и испечь дома фирменные ватрушки. Вот только тогда Вихрь не отказался от угощения — и по его лицу Варя с ехидным удовлетворением поняла, какой железной силой воли обладает этот молодой чародей, ежедневно из принципов противостоя ее конфетным приставаниям...

Да, Варя беззастенчиво предпочитала мужское общество — и сама не стремилась завязать близкое знакомство с кем-нибудь из местных дам, хотя школа вовсе не была похожа на монастырское братство. Здесь были и прочие ученицы, и дамы-преподавательницы. Пусть и тех, и других насчитывалось гораздо меньше, чем представителей сильного пола, однако ни о каком ущемлении прав женщин на образование речи не шло. (Кстати, с комнатой Варе повезло еще в том плане, что не пришлось делить жилплощадь с соседкой за неимением других учениц ее возраста. Ну, не селить же ее с преподавательницей! Так что, если девочки помладше размещались по трое в общей спальне, Варя, как принцесса, воевала с Фиником, деля пуховые подушки.)

Между прочим, заведовала школьным имуществом и командовала поварами в столовой тоже дама — благообразная энергичная бабуля со внешностью сдобной крестной феи. Варя долго смущалась и хихикала, когда случайно обнаружила, что экономка по совместительству является сердечной подругой Чуролюта — долгими вечерами они, бывало, уединялись на балконе с видом на Кольцо и пили чай, предаваясь душевным разговорам...

— Сексизм? — на внезапный вопрос своей великовозрастной ученицы выгнул бровь Алояс Вихрь. Получив же разъяснения непонятному слову, пожал плечами: — Наш мир сотворен Великой Матерью, и силы чародеям дарует лишь ее воля. Как, почитая ее, мы можем неуважительно относиться к дамам и считать их в чём-то ниже себя? Мудрец сказал: «Взгляни в лицо своей возлюбленной — ее глазами смотрит на тебя сама Создательница». Физически слабее — да, часто требует внимания и заботы — несомненно. Но хуже? Какая глупость.

И всё-таки чародеек было гораздо меньше, чем мужчин-магов. Как ни парадоксально, в этом была виновата щедрость самой богини. Слишком часто девочки с ярким цветом волос рождались с таким мощным даром, что просто не могли его контролировать. Тогда старшие в роду маги вынужденно запечатывали дар, опасный как для самой носительницы, так и для окружающих. С достижением совершеннолетия печати можно было снять и попробовать снова укротить рвущуюся наружу силу, но далеко не всякая барышня на это решалась — ведь тогда пришлось бы снова столкнуться с огромными трудностями, и усердие отнюдь не гарантировало успеха. Тем более, пока еще у юной не-колдуньи достаточно укрепится дух и воля для второй попытки — скорее ее тело успеет созреть для замужества, а то и для материнства. Кто же в здравом уме станет рисковать благополучием любимых близких? Вот потому и выходило, что умелыми чародейками становились преимущественно обладательницы сравнительно слабых способностей.

А мужчин риском и трудностями не испугать, особенно по малолетству — им всё будет мало! Пусть при рождении Великая Мать одаривала мальчиков более скупой, чем девочек — возможно, как все родительницы, опасаясь тяги к хулиганству? — зато они использовали свои силы по максимуму, ничего не боясь. И со временем талантливый чародей мог значительно расширить возможности благодаря упорным тренировкам, на какие редким барышням хватит упрямства. К тому же мужчины научились «одалживать» силу у женщин своего рода или, что еще

лучше, у избранницы сердца — через амулеты-накопители.

Влить заряд энергии в любой минерал (а лучше, конечно, в драгоценный камень чистой воды) в этом мире способна без преувеличения любая женщина, даже не считающаяся колдуньей или отказавшаяся от дара. Другое дело, что у хороших чародеек и «батарейки» (особенно для возлюбленного) получаются мощными и эффективными. Именно такие амулеты в трудные моменты в прямом смысле слова спасают жизнь: когда маг чересчур увлечется или столкнется с непосильной задачей, то может даже умереть от истощения — но не в том случае, если у него при себе имеется «законсервированный» запас «легкоусвояемой» энергии, такому магу будет всё по плечу.

— А я? — не терпелось узнать Варя. — Я — какая чародейка?

— Разве магистр не говорил вам, сударыня? — усмехнулся ее жажде признания Алояс Вихрь. — Вы — сильная и способная. Удивительно, что вы достигли возраста расцвета, избежав печати, и при этом не poznали страха бесконтрольных всплесков силы. Плохо, что вы совершенно не владеете своим даром. Вы как будто его вовсе не чувствуете.

— Так я и вправду не чувствую, — пожал плечами Варя.

Вот в этой ее «нечувствительности» к местным всепроникающим, всеобъемлющим потокам магии и заключалась главная проблема, которую пытался решить Чуролют сперва единолично, потом в бурных обсуждениях и спорах с Вихрем.

— ...Запомните, Варвара, главную заповедь! — на самом первом уроке вещал чародей с великой важностью. Варя уныло кивала, готовясь к долгой нудной лекции. — Мир — един! И мы, люди, часть этого мира — важная не менее, но и не более, чем любая другая: звери, растения, минералы или стихии. Всё видимое и незримое, что есть или было, или будет в этом мире — всё создано по воле и в любви Великой Матерью! Всё вокруг нас и мы сами — всё пронизано нитями энергий. Эти нити, эти потоки, безмолвно звучащие струны, можно сказать, нервы и лимфа мира — они соединяют, питают, оживляют, делают нас и всё сущее единым целым. И магия — это возможность одалживать энергию, дабы с благословения Великой Матери творить благо для мира. Это привилегия, которой удостоились некоторые из людей. И потому запомните, барышня, главный закон: чародейство не может нести вред! Иначе вы навлечете на себя гнев Великой и понесете суровую кару. Понятно?

— Да, господин магистр, — кивнула Варя, давя зевоту.

— На этом, собственно, всё, — удовлетворился ее понятливостью Чуролют. — Можно переходить к практике.

— То есть как? — искренне удивилась тогда Варя. — Прямо вот так сразу?

— Основы я вам сейчас объяснил, — пожал плечами чародей. — Если хотите больше рассуждений и теорий, на досуге почитайте учебники... Э, Алояс вам почитает, когда у него закончатся утренние занятия с мальчиками. Но учтите, некоторые мыслители напрямую противоречат друг другу! Что не мудрено: сие есть великий обман — пытаться объять мыслью и выразить словами то, что можно лишь прочувствовать собственным сердцем и душой. Поэтому я лично убежден, и мой обширный преподавательский опыт этот вывод подтверждает — на первых ступенях обучения много думать вообще вредно, сударыня. И вам настоятельно не советую напрягать разум напрасно — лишь запутаетесь, утомитесь и окончательно чувственно ослепнете.

Варя недоверчиво хмыкнула: неужели магия в этом мире настолько волшебное легкое и приятное занятие?

Она-то ждала, что будет тяжелее, чем на курсах веб-дизайна с уклоном в программирование. И вдруг здесь ей говорят — не думай! В чем подвох?

Никаких правил — кроме озвученной Чуролютом заповеди: «Не делай зла, ибо схлопочешь обратку от мироздания!»

Никаких заклинаний.

— Нет, пожалуйста, можете придумать себе любую ключевую фразу, если вам так будет легче сосредоточиться, — разрешил Алояс. — Вот у меня в классе в прошлом году был мальчик, ему помогала определенная поза: он вставал на одну ногу, поджав другую, и начинал мычать. К сожалению, мне пришлось поговорить с его родителями, и они наняли ему домашнего учителя — он очень мешал остальным ученикам.

Вообще-то Варя могла бы и азбуку не зубрить — для занятий магией безграмотность не помеха. Здешние чародеи не имели привычки сочинять гримуары и книги таинств со сборниками заклинаний на все случаи жизни. В учебниках, по которым занимались ученики Чуролюта, были прописаны не какие-то конкретные формулы или рецепты, а лишь общие рекомендации, принципы морали, скучные нормы техники безопасности и поучительные примеры из практики предыдущих поколений чародеев. И даже с чтением Варя не приходилось особо утруждаться, всегда поблизости крутились мальчишки, готовые помочь непутевой барышне.

Потом, конечно, выяснилось, что кое-какие формулы для колдовства всё-таки используются — нечто вроде «а» плюс «бэ» равно «цэ». Но это не мог быть рецепт типа: для трехсот грамм варенья возьмите сто пятьдесят три грамма сахара, тридцать семь миллилитров воды — и так далее. Здесь под формулами подразумевались обобщенные логические выкладки: возьмите какие-нибудь фрукты, ягоды, корку арбуза, сосновые шишки или

одуванчики, добавьте сахар, мед, кленовый сироп или что вы там найдете, варите, тушите, запекайте столько времени, сколько посчитаете нужным — и получите повидло, конфитюр, джем или карамель. Но как хорошая хозяйка чувствует, не задумываясь, что к кислым яблокам надо класть «чуть-чуть» больше сахара, а к водянистым ягодам доливать «на капельку» меньше воды, так и умелый чародей обязан на бессознательном уровне учитывать великое множество нюансов обстановки и ситуации, времени и места, когда он собирается творить колдовство. Именно поэтому самым главным орудием мага была его интуиция, твердо опирающаяся на опыт, знания, наблюдения и особо развитую чувствительность к окружающему миру.

«Почувствуй, падаван, единение с миром! Ощути незримое движение скилла! Запомни — ложки не существует...» Просто одно сплошное джедайство! Сперва Варю аж на хихиканье пробивало, стоило ей усесться медитировать под бубнёж Тугохвала.

Собственно, первая ступень обучения только в этом одном упражнении и состояла, оно называлось — «услышать мир сердцем». Только так можно было обнаружить наличие в себе пресловутого дара и наладить контакт с обещанными течениями энергий, буквально кишачими вокруг, но упрямо не желающими показываться на глаза Варваре. Нормальные-то чародеи это ерундой не занимались — они все умели ощущать потоки сил с рождения, неосознанно, просто жили с этим.

— Как вообще можно одновременно расслабиться и сосредоточиться? — пыхтя, возмущалась Варя.

Она изо всех сил старалась медитировать «правильно», следуя подробным объяснениям. То пыталась как можно дольше сидеть без движений, мужественно не обращая внимания на мгновенно возникающее навязчивое желание почесаться везде и сразу. То по совету наставников пробовала, наоборот, ходить размеренным шагом по кругу, сама себе напоминая цаплю. Лежала на полу, изображая тряпичную куклу (Чуролют разрешал валяться только на коврах с толстым ворсом, и лишь на тех, которые недавно подвергались основательной чистке). Медитировала, плавая дохлой лягушкой в просторном бассейне женской купальни — слава богам, тут ее оставили в одиночестве.

Она даже танцевала в свободном стиле «пьяненький девичник» — умирала от смущения, но куда деваться? Взмахивала руками, взбрыкивала ногами, кружилась под ритмичные звуки нестройного квартета — Тугохвал постукивал ладонями по парным маленьким барабанам, двое мальчиков из класса Вихря сносно наигрывали мелодию на виолине и флейте, сам Алояс перебирал струны мини-арфы. Все были крайне сосредоточены и в отличие от Вари не видели в «музыкальной медитации» ничего смешного. К счастью, она сумела проникнуться духом момента и не хихикать. К несчастью, это ей тоже не помогло.

Она медитировала в школе — утром, днем, вечером, ночью. На рассвете, на закате. С видом на полные луны, лицом к Кольцу, спиной на север, потом на юг. Натощак или плотно поевшая. Ее вывозили на природу, медитировать в окружении здешней синеватой зелени, к спокойному озеру, на берег быстрой реки. Ее спускали в глубокий колодец, «поближе» к земной энергии. Ее приводили на самый верх самой высокой в городе башни, откуда поколения магов-погодников руководили ветрами и разгоняли тучи. Ее запустили в крольчатник, и орава дружелюбных белко-песцов облепила ее, как живая шуба, облизала лицо, изорвала юбку и кто-то пописал на макушку, после чего Финик ревниво дулся на нее три дня. Ради нее мальчишки Вихря устроили ночные посиделки во дворе с огромным пионерским костром, едва не спалив её саму, стараясь поближе познакомиться с энергиями огня. Однажды вечером Алояс и Белокрас коварно звали ее в гости и напоили фруктовыми винами до состояния «люблю-обожаю-дай-тебя-расцелую!», но из этого тоже ничего не вышло, кроме утреннего похмелья.

За целую неделю у нее ничего не получилось.

Несмотря на все приложенные усилия, никакое «тайное знание о невыразимой словами сокровенной сути бытия» не залетело в ее голову, кружащуюся от разнообразия попыток.

Вот тут-то подвох и обнаружился — познать магию оказалось вовсе не так легко, как думалось поначалу. Окончилась сплошная полоса ее удачи. Похоже, Варя родилась «толстокожей», как носорог.

За десять дней предвкушение чудес в ее душе остыло, сменилось сперва скукой и недоверчивым ожиданием, затем полнейшим разочарованием и обидой. И Варя решила, что, либо ее обманывают, и нет у нее никакого магического дара. Либо на ее счет заблуждаются, потому что не знают, кто она такая на самом деле.

А раз так, выходит, это она сама всех обманывает? Может, они и правы, и потоки энергий с благодатью богини действительно пронизывают всех и вся — кроме нее. Просто потому, что она не здешняя.

Быть обманщицей Варю ужасно не хотелось. Так что она выбрала удобный момент и позвала Чуролюта и Алояса прогуляться — до заветного прохода в родной книжный шкаф. Где во всём честно призналась, повинилась, всё объяснила. И показала.

Почему-то Вихрь на ее речь среагировал неожиданно — покраснел и отвел взгляд.

— Что? — не поняла Варя.

— Значит, это были вы, — пробормотал он, — мне не показалось...

— Я? Когда?

— В день смотри невест для Злата. Я ходил за покупками. А вы, хм... гуляли в коротких панталонах.

— О... — покраснела и Варя. Хихикнула: — Здорово! Значит, вы — первый, с кем я заговорила в этом мире, не считая кролика. И это были не панталоны, а домашние шорты! Вполне себе приличные, даже не рваные.

Прыгать в стену следом за ней ни тот, ни другой не стали. Алояс решил только рукой «пожертвовать» ради эксперимента: подошел поближе, потрогал зачарованную стену — не нашел ничего необычного. Тогда Варя взяла его под локоть — и сама шагнула вперед, одной ногой перейдя невидимый порог. И Алояс охнул, вскинул брови — в этот раз его рука прошла сквозь стену. Он встряхнул кистью, внимательно проверил, не осталось ли ожогов от чужой атмосферы.

— Действительно, портал, — подтвердил он магистру, следившему за их действиями с крайним напряжением.

И несмотря на Варин уговоры, заглянуть к ней в гости Вихрь всё равно наотрез отказался. А Чуrolют вообще отошел подальше, будто боялся, что его засосет в неведомый мир.

— Простите, Варвара, не считите за трусость. Позвольте поверить вам на слово. С иными мирами у меня связаны не очень хорошие воспоминания: один мой дорогой друг однажды прыгнул в разрыв, а назад потом не вернулся, — вздохнул старший чародей, когда Варя устала мелькать туда-обратно и в растерянности встала перед ними, виноватая, прижимая к груди диванную подушку, прихваченную из дома в качестве доказательства. — Но теперь, сударыня, я стал гораздо лучше понимать вас. Благодарю за признание.

С тем, откровенно расстроенный, задумчивый и растерянный, Чуrolют поспешил откланяться, сославшись на срочные дела во дворце.

— Ему нужно время, чтобы осознать. И понять, как поступить дальше, — извинился за магистра Вихрь, когда они неспешно направились обратно в школу.

— А тебе не нужно? — резковато спросила Варя, решив, что сейчас самый подходящий момент перейти на «ты». — Почему-то ты не выглядишь особо удивленным.

Алояс пожал плечами:

— Я подозревал нечто подобное. Ты ведешь себя иначе, постоянно удивляешься обычным вещам и не особо пытаешься это скрывать. Твоя одежда либо очень новая, купленная в лавке на соседней улице, либо необычная, из редкостных тканей, каких ни у нас, ни за границей не ткут. Еще я видел те вещицы, что ты отдала Белокрысу — необычные сплавы, особенная выделка. Еда и сладости, которые ты приносишь в изобилии свежими, хотя здесь поблизости ничего подобного не продается. Особенно те последние конфеты с яркими обертками из мягкой нервущейся фольги — они были ни на что не похожи! И надписи на них я не смог расшифровать, хотя перерыл всю библиотеку, все справочники по всем известным в нашем мире языкам.

— Так ты всё-таки попробовал? — хихикнула Варя. Но тут же помрачнела — прокололась на фантиках! Из нее та еще шпионка.

— Нет, я исследовал только обертку, конфета меня не интересовала, — уточнил Алояс со строгим видом истинного ученого.

— Погоди-ка! — ухватила Варя крутившуюся всё это время в ее голове мысль. — Дыры между мирами, порталы — так вы знали, что они существуют?

— Разумеется, знали. Все об этом знают! — развел руками Вихрь. — Удивительно здесь только то, что из портала явилась ты — нормальная разумная девушка, а не какое-нибудь чудовище. А сами разрывы — дело обычное.

Оказалось, стихийные порталы, открывающие проходы в самые разные, порой очень экзотические или опасные миры — это настоящее бедствие трех королевств. В любой момент, в любом месте может разверзнуться небо, отвориться земля или дать трещину воздух, и оттуда повылазят невиданные монстры или вылетят ядовитые насекомые, хлынет кислотная вода или огненная лава, просочится непригодный для дыхания газ, проникнет магическое излучение с непредсказуемым эффектом — да что угодно может произойти! Особенно в Синегорье на этот счет беспокойно, там аномалии появляются гораздо чаще, чем в других местах — то ли из-за повышенного рельефа той страны, то ли по какой-то другой загадочной причине. Но факт имеет место быть несомненный: дыры здесь отнюдь не редкость.

— Нынче еще спокойно, — подытожил краткую лекцию Алояс, — учитель Грозоврат и объединенный совет нашли способ стабилизировать пространство. Благодаря этому в Златограде за полвека дежурные маги-погодники не зарегистрировали ни одного стихийного разрыва.

— Угу, — виновато вздохнула Варя, — мой станет первым в новейшей истории.

— Дверь в твой мир отрылась не случайно, — возразил Вихрь. — Сильные чародеи способны творить порталы для собственного перемещения. С другой стороны, очевидно, что ты не подозревала о своих возможностях и создала проход неосознанно.

— Хочешь сказать, это мои собственные художества?! — возмутилась на обвинение Варя.

— Именно. Поэтому тебе не стоит волноваться, что дверь внезапно захлопнется. Ты сама ее отворила, сама

удерживаешь открытой, и запечатать ее способна тоже только ты. К тому же, как мы выяснили, без твоего сопровождения никто посторонний не сможет воспользоваться этим проходом, чтобы проникнуть в твой мир.

— Но... — растерялась Варя. — Это значит, что я действительно могу колдовать? Так, что ли?

— Это подтверждает, что ты обладаешь мощным потенциалом для обучения, — ехидно переиначил Алояс. — Портал был создан неосознанным выбросом силы. Но разумно управлять энергией ты пока не умеешь.

— Эх... — огорчилась Варя, понимая, что теперь от медитаций ей точно не отвертеться, раз она способна прилепить параллельные миры один к другому, как мыльные пузыри. — Стой! А как же Финик? Мой песец! То есть, кролик. Он сам каким-то образом проник ко мне туда, на ту сторону! Я его в первый раз сама не приводила — я подумала, это крыса скребется!

И на этот вопрос у учителя нашелся ответ:

— Твой кролик белоснежной масти. Маги давно заметили, что такие кролики — особенные. В отличие от темноокрашенных собратьев, белые живут гораздо дольше и с возрастом становятся очень разумными. Твоего можно назвать старичком, ему на вид около десяти лет, это уже вдвое больше среднего срока ездового кролика, но он легко может прожить по крайней мере еще столько же. Некоторые владельцы утверждали, что белые кролики способны реагировать на потоки энергий. Возможно, Финик заметил разрыв в пространстве и пришел к тебе из любопытства, буквально нырнув в поток. Но это лишь предположение, настоящие способности этих зверьков пока никто не сумел экспериментально доказать. Белые особи появляются крайне редко. Их трудно заполучить, сложно приручить, а исследовать практически невозможно — юные кролики еще ничего не умеют и мало что понимают, а взрослые слишком ленивы, чтобы что-то демонстрировать, и самолюбивы, чтобы что-то доказывать. Признаться, за всю свою жизнь я видел такого же чисто-белого зверька лишь однажды, тринадцать лет назад — это был любимец моего первого наставника. К несчастью, он пропал без вести.

— Кто? Кролик? — сочувствующе спросила Варя.

— И кролик тоже.

— Ясно, — вздохнула она, решив, что продолжит расспросы как-нибудь попозже, а пока ей надо переварить услышанное.

К тому же они успели вернуться к школе.

Варя не сдалась. Она пробовала снова и снова — раз доказано, что у нее есть дар, то надо его открыть! Иначе получится, что она зря явилась сюда, напрасно продырявила мировые пространства.

Теперь за ее попытками следили не только мальчишки Вихря, но все обитатели школы без исключения. Все болели за нее, а старшеклассники тайком делали ставки. Варя убеждала себя, что она не имеет права не оправдать ожидания стольких людей, искренне за нее переживающих. Она обязана «прозреть»!

Чтобы ей проще было «ухватить» энергетические потоки, мальчишки с разрешения Алояса придумали устроить для Вари настоящий ураган из магии. Однако метод этот был, мягко сказать, нетрадиционный, непроверенный и теоретически небезопасный, поэтому Чуролюта на сей раз в известность не поставили. Более того, подгадали момент, когда он отбыл во дворец.

— Конечно, ты можешь пострадать, — «утешил» Варю Алояс. — Получить синяк, ушиб или испугаться до икоты. Постарайся не завтракать слишком плотно, чтобы не стошнило.

По секрету мальчишки заверили ее, что для эксперимента Вихрь отобрал самых благоразумных и магически слабых учеников младших классов — трех мальчиков и двух девочек. И одну худенькую учительницу.

На площадке для силовых тренировок Варю поставили в середину, «нападающие» окружили ее со всех сторон. И по знаку Алояса взялись дружно заматывать ее в энергетический «кокон».

Сперва Варя чувствовала себя очень глупо: она стоит, ровным счетом ничего не ощущает, кроме дуновения легкого ветерка и тепла солнечного света. А сосредоточенные дети и молодая учительница пристально или искоса, или смущенно на нее неотрывно смотрят. И некоторые делают пассы руками, как фокусники.

Но постепенно «ветерок» крепчал, и припекать стало ощутимо. Длинная юбка ее платья захлопала вокруг ног, в лицо бил жаркий воздух — словно Варвара очутилась в пустыне, в самом центре воронки смерча.

Ураган, кружившийся только вокруг нее, словно только ее одну поместили в узкий стакан кухонного шейкера, делался всё сильнее и сильнее. Варя неосознанно попыталась прикрыть глаза рукой — и выйти из этого заколдованного круга, убежать от непонятной опасности, следуя бьющим тревогу инстинктам. Но шаг — и ноги потеряли опору. Смерч подхватил ее, крепко обнял, опутал струями быстрых потоков — приподнял над землей.

— Варвара, ты в порядке? — пробился сквозь свист ветра голос Алояса.

— О-о-й!.. — только и смогла выдавить из себя «подопытная», а ведь хотела бодро отрапортовать, что всё с ней отлично, полет, мол, нормальный.

— Тебя укачивает? — продолжал допытываться учитель-мучитель.

— А? А-а-а... О-о!.. — болталась в сети ветров Варя, тщетно стараясь нащупать ногами твердую опору.

— Видишь что-нибудь? — не отставал Алояс.

— Ни! Фи! Га! Не! Ви! Жу-у!.. — проорала она, терзаемая противоречивыми ощущениями: с одной стороны в данный момент она сильно пожалела, что согласилась на этот аттракцион и помирала от жары, с трудом глотая душаций, взбесившийся воздух. А с другой стороны, ее распирало от прилива энергии! Еще никогда в жизни она не чувствовала себя настолько бодрой и полной сил — вот только куда бы применить всю эту энергию, она понятия не имела. И применять надо было срочно, иначе можно было лопнуть! Только что именно нужно было делать — непонятно, ибо мозги совершенно отказывались соображать.

— Заканчиваем! Быстрее! — сквозь звон в ушах слышала Варя взволнованный голос Вихря. — Она сейчас сбросит!..

О чем он кричит, Варя не поняла — сознание вдруг словно выключилось. По глазам ударила яркая вспышка. Тело прошло щекочущим разрядом, будто ее кинули в ванну, полную искр статического электричества. Щекотка пробежала от ступней до макушки, потом обратно, растеклась по каждому пальцу рук и ног, собралась на кончиках ногтей десятью колючими искрами. И вслед за вздохом неопишуемого облегчения, вырвавшегося из Вариной груди, эти яркие пульсирующие звездочки вспыхнули лучами, рассекая ветряной «кокон» на куски.

Ураган вокруг нее на миг замер — и оглушающим порывом резко дунул в одну сторону. В сторону хрупкой учительницы, которая одна осталась на площадке, потому что детей Алояс отозвал несколькими секундами ранее.

Варя почувствовала, что падает, лишившись поддержки «кокона». И пусть парила она на небольшой высоте, но всё равно краем сознания испугалась, что сотрясения мозга не миновать. Однако над самой землей ее ослабевшее тело подхватила упругая волна прохладного воздуха и бережно опустила вниз.

Перед тем как ее голова коснулась твердой поверхности, Варя успела заметить, что учительница, в руках которой почему-то оказался кристалл алого минерала размером с человеческую голову — потеряла сознание. Алояс, стоявший за ее спиной, подхватил женщину на руки, не позволив упасть.

На этом в глазах у Вари потемнело, и она отключилась на несколько минут.

Вихрь не напрасно носил свое прозвище, и аттракцион с ураганом уверенно держал под контролем. Пусть при этом волновался не меньше «подопытной». Когда Варвара «перенасытилась» и в прямом смысле слова перегрелась от сомкнувшихся вокруг нее потоков энергии, она неосознанно выбросила мешающие излишки вовне — едва не спровоцировав нешуточный взрыв. Если б Алояс заранее не принял меры предосторожности, от взрыва снесло бы половину школы. Однако Вихрь «укротил» ураган — и погасил взрыв «на корню», направив рвущуюся энергию в припасенный на всякий случай кристалл-накопитель. Правда, «заряжать» камень пришлось через учительницу — чувствительная старая дева стала идеальным проводником. (К тому же она втайне симпатизировала наставнику младших классов, и дуэт из них двоих получился почти безупречным).

Конечно, по возвращении Чуролют понял, что такое тут произошло. На кристалл, утащенный из шкафчика в его собственном кабинете, а теперь заряженный до предела, магистр воззрился с печалью и неодобрением.

Выслушав от очевидцев подробные показания, Тугохвал долго вздыхал. Затем навестил учительницу, в слабости лежащую в своей комнате в постели — по-отечески сделал ей мягкий выговор за безрассудство. Дежурившему возле ее постели Вихрю в шутку пригрозил женитьбой на «соблазненной» деве, отчего та зарделась и мигом вышла из полуобморочного настроения. Разумеется, Алояс знал, что ему, как ответственному за случившееся, еще предстоит разговор с магистром наедине, Тугохвал лишь дал необходимую отсрочку, чтобы перевести дух и придумать оправдательную речь.

После Чуролют отправился на поиски самой героини дня.

Варвара нашла на балконе с видом на сад, закутанная в огромную теплую шаль, в обществе экономки, которая отпаивала ее горячим сладким чаем. Обе умилялись на белого кролика, трескавшего вафли из блюда, поставленного на стол специально для него. Финик аккуратно брал вафельную трубочку за кончик, утаскивал из общей тарелки себе на блюдо, разламывал на кусочки, но не спешил есть — ловил умными глазами взгляд экономки и выразительно тыкал мордочкой в соусник, прося полить вафли сливками, а то у него лапки.

И только Финика не смутило появление магистра. Белко-песец продолжил хрустеть. Экономка, взглянув на мрачное лицо Чуролюта, поднялась с места и, пробормотав извинения, удалилась. Варвара, ожидая выговора и выматывающей нравоучительной лекции, нахохлилась под шалью.

Однако было видно, что и самому магистру нелегко начать разговор. Тугохвал долго и запутанно рассуждал о сортах чая, не замечая, что чайник на столе уже остыл, а песец, перестав стесняться, засунул голову в соусник.

— Вы с упорством и самоотверженностью стараетесь достичь поставленной цели, что не может не восхищать, — наконец-то изрек Чуролют, не глядя ей в глаза. — Варвара, вы хорошая девушка. Я рад, что судьба позволила мне познакомиться с вами, узнать вас, на короткое, но насыщенное время стать вашим наставником.

— Ах, господин магистр, говорите прямо: вы выгоняете меня из школы?

— Нет! Нет, что вы. Я не посмел бы вас так обидеть... Меня волнует другое. Глядя на вас, видя каждый день ваши старания, узнав, кто вы и откуда пришли, я всё чаще задаюсь вопросом: зачем вам это? Нужно ли вам это? Не

совершил ли я великий грех, уговорив вас учиться чародейству? Вы всё больше проникаетесь интересом к нашему миру, всё больше привязываетесь душой, хотя должны всецело принадлежать своему родному дому. Я сбил вас с толку, а ведь первая ваша мысль была верной — утолить поверхностное любопытство и возвратиться назад, не дожидаясь рокового дня свадьбы, забыть о нас, как о случайном сне.

— И что случилось бы при таком раскладе? — тихо спросила Варя, с напряжением ожидая ответа. — Если я убегу, чем обернется для вас всех проклятие невесты принца?

— О, не волнуйтесь, — нервно взмахнул рукой чародей. — Ничего неожиданного не случится, обычный набор карающих несчастий: засуха, неурожай, наводнение, мор, обильный гнус и паразиты, война, гибель королевского рода... Всего и не упомнишь.

— Ну ничего себе проклинали! — поежилась Варя. — Основательно!

— Да, от всего сердца, — рассеянно кивнул Тугохвал. — Но у нас было достаточно времени, чтобы подготовиться. Надеюсь, большую часть несчастий удастся предотвратить... Но вас не должны волновать наши заботы, сударыня. Я пришел говорить о вас! О вашей судьбе!

— Вы хотите мне рассказать об участи невесты? Неужели наконец-то и меня просветят насчет моего будущего! — колоча хихикнула Варя.

Тугохвал виновато вздохнул:

— Вы не должны были об этом узнать до дня свадьбы, однако мне невыносим обман. Утешаю себя мыслью, что вы уже помолвлены, поэтому тот факт, что я раскрою вам тайну, ничего уже не изменит.

— Я вся — внимание! — объявила Варвара. — Меня собираются принести в жертву? Вырезать сердце? Бросить на растерзание диким чебурашкам — или кого вы держите в цирках вместо львов и тигров?

Чародей непонимающе похлопал глазами. Но разумно решил не отвлекаться на пустое.

— Позвольте, я начну рассказ с самого начала.

— Да, прошу вас, не торопитесь, — закивала Варвара. Вытащила смартфон из потайного кармашка у пояса платья, нашла запись: — У вас для объяснений есть еще целых... мм... девятнадцать дней. Кстати, во дворце наверняка вовсю готовятся к празднику? А как для меня будут шить подвенечное платье — без мерок? Балахон какой-нибудь я не надену, так королю и передайте!

«Хочу выглядеть красиво, когда скажу вашему принцу «Нет!» — подумала она, но удержала на кончике языка.

Магистр лишь печально улыбнулся на ее законно раздраженный тон.

Глава 6

— Нет, вы серьезно? — в пятнадцатый раз переспросила Варя, не в силах поверить в поведенную чародеем историю.

Она, взбудораженная открытыми перед ней перспективами, машинально пододвинула к себе большое блюдо с фруктовыми мини-кексами и принялась поедать один за другим — чем немало разочаровала Финика, только-только нацелившегося слизать с них кремовые шапочки. Варя же не то что вкуса не ощущала, она, погруженная в крайнюю задумчивость, кажется, вообще не осознавала, что именно делает и как выглядит со стороны. Впрочем, Чуролют, эмоционально вымотанный откровенностью и переживавший не меньше ее (правда, по совершенно иным причинам), не обращал внимания на манеры собеседницы.

— Я не стал бы вам лгать, Варвара, — сокрушенно покачал он головой.

— Нет, ну вдруг вы перепутали? Вы точно о том самом проклятии мне рассказали, не о каком-то другом, похожем? Уверены?

— Сударыня, поверьте мне! Речь идет о судьбе вверенного мне королевства — как бы я мог перепутать? Разве я стал бы шутить?!

— Нет, я вас понимаю, господин магистр, но... Но нет, я совсем ничего не понимаю! — с отчаянием воскликнула Варя. И в волнении поменяла опустевшее блюдо на другое, с хрустящим карамельным «хворостом».

— Оба венценосных семейства дороги мне, как родные. Много лет я верой и правдой служу его величеству Благодарну. Его высочество Лучедар вырос на моих глазах — я люблю его так же сильно, как собственных двоюродных внуков. Но и Зимослав занимает в моем сердце не меньше, поверьте слову старика! Он — самый талантливый и способный ученик, какой у меня был. Мне самому посчастливилось быть учеником его славного деда — самого Путивеста Грозоврата! Величайшего чародея нашей эпохи! Без преувеличения он заменил мне отца. С его единственным сыном, Кудеяром Славомиром Смуром — да будет милостива к нему Создательница, где бы он ни скитался, среди живых или мертвых! — с Кудеяром мы жили, как родные братья. Хоть он и младше меня по возрасту на четырнадцать лет, но в учебе быстро меня догнал, такого ума и силы был чародей. Зимослав в этом пошел весь в отца и деда... Да как бы я стал плести о них небывлицы, сударыня? Горько мне видеть ваши сомнения.

И от огорчения Чуролют захрустел глазурованным печеньем.

— Простите меня, — искренне повинулась Варя. — У меня просто в голове не укладывается! Как такое может быть? За что мне такое везение? Не может быть такая удача случайностью! А если судьба так ко мне благосклонна,

то какую цену назначит впоследствии? Скажите честно: меня принесут в жертву? Зимослав меня не к алтарю поведет, а на алтаре зарежет, да? Сожжет? Чтобы проклятие окончательно развеять? Или со мной сделают что-то другое? Слепят? Покалечат? Язык вырвут? Что? Чем я заплачу за это совпадение?

— Что за ужасы у вас на уме, барышня?! — не в шутку испугался за ее рассудок Тугохвал. Сухой шершавой ладонью потрогал ее лоб, не началась ли горячка. — Какое жертвоприношение? Мать с вами! Как вам такое в голову взбрело? Да, это не совпадение, тут вы правы — вы пришли в наш мир, ведомая судьбой и высшими силами. Путь ваш оказался предопределен заранее. Но не ждите за вашу, как вы выразили, удачу возмездия — нет на вас вины, не за что Небу вас карать. Лишь кротко примите волю судьбы — и дальше вас продолжит хранить Создательница и боги вашего мира. Знаю, вам будет трудно смириться с выпавшей долей, слишком у вас, сударыня, свободолюбивый нрав, чтобы ощущать себя игрушкой высших сил. И да, тяжело вам придется с Зимославом, но, уверен, когда вы узнаете его ближе, вы по достоинству оцените его прямой характер...

— Да бог с вами, зачем вы мне его нахваливаете? — смешалась Варя, боясь, что дальше разговор может зайти в слишком смущающее русло. — Я и так его не боюсь. И он мне... вовсе не противен.

— Но ведь он напугал вас? — удивился ее возражениям чародей. — Тогда, в день выбора невесты, когда судьба привела вас во дворец — он чуть вас не покалечил, наскочив на своем чумном сайгаке...

— Ой, да бросьте! Это еще вопрос, кто на кого тогда наскочил с разбега, — хихикнула Варя.

— Вы с такой горячностью расспрашивали всех о нем, я подумал, что вы хотите потребовать удовлетворения...

— Я так выглядела со стороны, да? — еще больше смутилась Варя. — Хотя, смотря что подразумевать под «удовлетворением»... — мечтательно протянула она.

— И еще вам предстоит такое унижение от него! — продолжал ей сочувствовать чародей. — Я не могу представить, как вы переживете!

— В смысле? — не поняла Варя, насторожилась. — Что я не переживу?

От волнения в горле пересохло, она схватилась за чашку с остывшим чаем.

— Похищение же! — всплеснул руками Чуролют. — Вас ждет прилюдное унижение, какое для девицы хуже не придумать! Пусть само событие задумано как месть и пострадать должна гордость Лучедара, весь королевский род в лице его высочества будет посрамлен — но вы-то! Похищать будут вас! Выдержите ли вы подобный удар — потерять волю и девичью честь?

— Погодите... — поперхнулась чаем Варя. — Я честь должна потерять? Что, прямо вот прилюдно? Небось, прямо на алтаре? Ну, логично — чтобы с гарантией проклятие снять с королевства... Господи, ладно я! Я уж как-нибудь перетерплю, в обморок упаду в крайнем разе, мое дело пассивное. Но ваш-то Зимослав разве сумеет? Осилит ли такое, хм, испытание своей мужественности?

Настал черед Тугохвалу непонимающе хлопать глазами — чародей уставился на нее, пытаясь понять, о чем речь. Варя покраснела еще больше, но глаза прятать не стала — надо ж тренировать решимость, раз такое приключение затевается! Но даже так — она не отступится. Принцы во всякую эпоху в дефиците, и раз не удосужилась вовремя сделаться королевной — изволь завоевывать своего суженого, пусть и такой ценой!

До чародея вроде бы дошла ее мысль.

— Сударыня, страшусь уточнить, неужели вы подумали...

— Ну да, вы говорили о девичьей чести, — кивнула Варя, понизив голос. — Как еще ее теряют?

— Ох, Великая Мать... — выдохнул в ужасе Чуролют. — Неужели в вашем мире принято таким зверским образом снимать проклятия?

— Нет, что вы! У нас вообще в проклятия мало кто верит. — Варя готова была под землю провалиться за свою глупость — вот же наболтала невеста что! Стыдоба! — Зато, кстати, невест похищали повсеместно, говорят, в давние времена это было обычной практикой. Ну, если родители были против или сама девица кочевряжилась, вот тогда добрый молодец и снаряжал сани... ну, или не особо добрый... или не молодец, а джигит какой-нибудь...

Тугохвал взирал на нее квадратными глазами:

— Это же смертный грех — брать жену против ее воли! Святотатство пред лицом Создательницы! Да и как потом возможно жить в таком браке?

— Ну, как-то жили, разводиться только недавно вошло в моду, — пожалала плечами Варя. — Бывало ведь и такое: невеста сама подговаривала избранника, чтобы тот ее похитил. После тайного венчания молодожены обычно возвращались к родителям прощения просить. Тесть зятю, конечно, для порядка фонарь под глаз ставил, но потом благословляли, куда ж деваться. А иные родители и сами были рады, что за дочерью приданое можно не давать.

— Фонарь? Покаянную лампаду держать заставлял, что ли?.. Впрочем, это не важно. Хм... Кажется, теперь я немного понимаю ваше спокойствие, сударыня, — проговорил Тугохвал, нервно хлебнув чайку. — Если таковы традиционные обряды в вашем мире, то похищение действительно не должно вас сильно пугать. Наши-то барышни

подобное посягательство и вообразить неспособны.

— Обещаю, я публично истерить не стану! Разберусь с вашим Зимославом сама уж как-нибудь, — с напускной бодростью отмахнулась Варя.

В тот вечер Варя, понятно, о медитации даже не помышляла. Какое тут спокойное мирозерцание и глубинное познание собственного «я», коли сердце так и трепещет, так и стремится выскочить из груди — то в голову, оглушая стуком по ушам, то ухнуть в пятки!

Поэтому, побродив задумчивой тенью по тихой на закате школе, потискав Финика, повалившись в своей комнатке на скомканной постели, съев первый ужин вместе с двойной добавкой, не почувствовав вкуса даже десерта... Варя решила — и побежала в ювелирную лавку делиться новостями.

— Ты знал! — обличительно воскликнула она с порога.

— И тебе добрый вечер, — невозмутимо отозвался Белоокрас Вран.

— Ты знал! — не унималась Варя. — И не сказал мне! Даже не намекнул!

Ювелир соизволил оторваться от своих дел за прилавком, захлопнул учетную книгу и вперил в гостью немигающий взор.

— Из-за проклятия, которое дед наложил на род Злата, Зимослав будет обязан украсть меня из-под венца! — торжествующе объявила Варя. — Прямо во время свадьбы! Похитит невесту! О, я всё равно не верю, что такое возможно!

От избытка эмоций она закружилась по магазинчику, мечтательно прижав руки к груди. Финику, сидевшему у нее на плечах, это не понравилось, он сиганул на знакомый шкафчик, отозвавшийся мелодичным звоном.

— Танцевать иди на площадь, — буркнул ювелир.

— Ты! Почему ты молчал?! — снова обрушилась с упреками Варя.

— Потому что проклятие подразумевало, что невеста должна стремиться замуж именно за Злата, а не наоборот страстно мечтать о похищении, — вздохнул Белоокрас. — В этом и был смысл переданной по наследству мести — разбить сердце принцу Белозорья. Даже не знаю, сработает ли теперь вся эта затея. Из-за твоей увлеченности не тем королевичем наша страна может испытать на себе все прелести стихийных бедствий.

— А ничего, что Злату на меня начхать? — прищурилась Варя. — Знаю я или не знаю — не всё ли равно, если при моем похищении сердце здешнего принца никак не пострадает? Даже если бы на моем месте оказалась любая другая девчонка, которая жаждала бы выйти замуж за этого вашего напыщенного красавчика — при таком раскладе разбилось бы только ее сердце. Разве в таком случае месть была бы справедливой? Грозоврат проклял королевский род, а отдуваться — одной невесте?

— Тоже верно, — вздохнул Белоокрас. — Путивест Грозоврат об этом не подумал. Гениальный чародей был в ту пору очень молод, влюблен и смертельно обижен на изменщицу — какие тут размышления.

— Изменщицу? — фыркнула Варя. — Все вы мужики одинаковые — во всем вините женщину! Прабабка Лучедара имела право отказать настырному жениху, если он ей не приглянулся.

— Так тебе это подал Тугохвал? — выгнул бровь Белоокрас.

— А что, приврал? — мигом наострила уши Варя. — Он сказал, будто этот самый легендарный Грозоврат посватался к прабабке Злата, та обещала подумать, а потом ее увел другой прохиндей, которого она впоследствии сделала королем. Грозоврат от досады, что у него увели невесту, распахивался — и проклял белозорскую династию. И вот теперь, чтобы проклятье не сбылось, его внуку Зимославу придется похитить невесту Злата прямо со свадьбы. Не так разве?

— Так-то оно так... — покачал головой Белоокрас. — Пойдем, я заварю чай.

Варя даже не обратила внимания, что он пригласил ее в задние комнаты. Обычно-то чаи-какао они распивали на территории магазинчика, за низким столиком у окна-витрины.

Оказалось, Тугохвал подал скандальную историю прошлой эпохи деликатно, обойдя молчанием пикантные подробности.

Прежний государь Синегорья действительно был в свое время без памяти влюблен в прабабку Злата — молодую незамужнюю королеву, полновластно правившую Белозорьем. Посватавшись к соседке честь по чести, Путивест Грозоврат предложил руку, сердце, всю мощь своего выдающегося колдовского дара — и объединение двух королевств. Амбициозная королева только об этом и мечтала: спала и видела, как возродит империю, завоеует или подчинит дипломатическим путем Вольнополье — и станет править северным материком нежной, но твердой рукой. Грозоврат с удовольствием отдал бы бразды власти супруге, сам он был по натуре больше чародем-ученым-изобретателем, обязанности государя его тяготили.

При таких выгодных условиях крепко призадумалась королева. К тому же у нее в роду не было магов, поэтому столь одаренный муж мог бы подарить ей замечательного наследника — талантливого, как отец, и умного, как мать. Их общему сыну, без сомнений, подчинился бы весь мир.

— И конечно, немалую роль сыграли советники королевы, единым хором одоббившие жениха, — продолжал обстоятельно излагать Белоокрас.

— Разве чье-то мнение могло бы заставить королеву принять неудобное ей решение? — усомнилась Варя. — И вообще Тугохвал сказал, будто у вас тут девиц нельзя выдавать замуж без их согласия.

— Чурулют — идеалист. И закоренелый холостяк. Что он может знать о семейной жизни? Тем более согласие невесты можно получить разными способами, и оно вовсе не означает взаимной любви.

Долго королева медлила с ответом — разумом она была согласна на союз, вот только сердце ее и тело не желали соседа в мужья. Потому что место в постели королевы давно было занято другим мужчиной.

— Грозоврат знал о том, что у его возлюбленной есть постоянный любовник, — мрачно продолжал Вран, совершенно не обращая внимания на румянец на щеках собеседницы.

Варю немало смущало то, что речь шла о предках ее истинного суженого. Она с королевичем-то едва парой слов перекинулась, только-только обнаружила, что их свела сама судьба — а уж ей про семейные интимные тайны рассказывают! Да не какая-нибудь брюзгливая тетка-сплетница на лавочке, а статный мужчина, с которым она, был грешок, в шутку кокетничала за ватрушками. Засмущаешься тут! Но несмотря на сии соображения Варя продолжала слушать внимательно.

Любовник королеве был дорог, ибо был подле нее безотлучно с раннего детства и не раз спасал ей жизнь и изо всех сил помогал удержать власть в слабых женских руках, хотя сам не был ни вельможей, ни чародеем. Надо ли говорить, что советники и весь двор терпеть не могли безродного фаворита.

Вопрос о союзе двух государств был наконец-то решен в тот день, когда Грозоврат, ослепленный любовью, великодушно разрешил невесте оставить фаворита при ней на правах названного брата и секретаря.

— Представь же степень разочарования жениха, — усмехнулся Белоокрас, — когда он вошел в покои своей невесты в утро дня свадьбы — и узрел ту в объятиях любовника.

— Может, она просто в обморок упала? От тугого корсета, от волнения, — заговорила в Варю женская солидарность. — И вообще, у нас недаром есть традиция: жених не должен видеть невесту в подвенечном платье — это к несчастью! Так что сам виноват, пришел не вовремя.

Вран на ее брюзжание усмехнулся еще шире, хищно:

— Боюсь, в тот момент на королеве не было ни корсета, ни платья.

— Сплетни и домыслы! — упорствовала Варя.

Застав свою невесту наедине с соперником, жених потерял самообладание — и в сердцах проклял всё королевство.

— И не убил никого?

— Нет, не убил.

— Просто он переоценил свою неревнивость, — вынесла вердикт Варя. — Так что всё равно бы проклял, до женитьбы или после, какая разница. Даже хорошо, что до венчания взорвался, иначе заново королевства пришлось бы делить. Уж супружеская жизнь ему бы много случаев предоставила для ревности — это ж надо быть совсем слепым, чтобы бывшего любовника жены в упор не замечать.

Королева в ту же весну вытребовала у своих советников одобрение и посадила-таки фаворита на трон по правую руку от себя. Зимой у них родился сын.

— Ну, значит, Грозоврату не почудилось, — с неудовольствием поменяла мнение о добродетели королевы Варя.

Правитель же Синегорья долго не мог забыть коварную возлюбленную. Извинился-то за проклятие он быстро, в тот же день понял, что натворил в сердцах: как только смог, смягчил условия и последствия, но отменить полностью не сумел.

— А то! Слово — не воробей! — поддакнула Варя.

Многие годы Грозоврат не хотел обзаводиться женой — то ли всё не встречалась та, кто залечила бы его разбитое сердце, то ли собирался таким образом разрушить проклятие. Пожалуй, был бы он обычным чародеем-отшельником, так и зачах бы в своей высокой башне в унынии и одиночестве. Однако титул правителя диктовал свои требования, в почтенном возрасте король-чародей обзавелся-таки милой супругой и долгожданным наследником. Вскорости после этого и королева-соседка сделалась счастливой бабушкой.

— Почему же проклятие не сработало на его сыне и ее внуке? — уловила нестыковку Варя.

— У королевы родилась внучка, — рассмеялся Белоокрас. — Единственная внучка. Когда принцесса вошла в возраст, ей подыскали достойного мужа.

— Не сына Грозоврата?

— Нет, об этом не могло быть и речи после прошлого оскорбления. Но похищать у соседки жениха Кудеяр Смур не стал бы за все богатства мира, так что проклятье перешло на следующее поколение.

— Тугохвала удар бы хватил, поди, если б его названный младший братишка заинтересовался мальчиками, — захихикала Варя.

Юный Кудеяр к той поре был прочно влюблен в свою будущую жену. Почтенный Грозврат, тогда уже старик, искренне радовался, что сыну не грозят муки неразделенной любви — пылкая его страсть нашла не менее горячий отклик в сердце барышни. Пусть избранница не могла похвастать ни родовитостью, ни магическими способностями, ни красотой, Грозврат обвенчал влюбленных, как только невеста достигла совершеннолетия.

«Да ладно! — на этом замечании мелькнула у Вари мысль. — Сын-то у них получился на загляденье, лучше некуда. Значит, нормальная Кудеяру попалась жена, не шибко страшная, и нечего тут привередничать!» Правда, эту мысль она оставила при себе.

Вслух же произнесла:

— Вообще-то я пришла к тебе не чай пить! И не прошлые скандалы местных знаменитостей ворошить.

— Неужели? — выгнул бровь ювелир.

Варя потупилась и протянула чашку, чтобы долил погорячее.

— Я пришла за твоим советом, профессиональным. У нас есть обычай: жених и невеста обмениваются кольцами, как бы скрепляя клятву принадлежать друг другу. Я, конечно, понимаю, что со своим талмудом в чужой монастырь не лезут. И ничего это на самом деле не будет значить для фиктивной помолвки ради снятия проклятия... Но мне было бы приятно подарить Зиму перстень, — пробормотала она под конец совсем тихо.

Вран расслышал.

— Перстень с камнем был бы ему весьма кстати, — задумчиво проговорил он. Варя встрепенулась — в его словах не слышалось обычной для Белокрыса легкой насмешки, из-за которой было вечно неясно, серьезен он или шутит. — Знаешь, те камни, которые ты приносила в серебре...

— Фианиты?

— Да. Искусственные кристаллы из твоего мира — из них получатся превосходные накопители. Они абсолютно пусты внутри, и для амулета это огромное преимущество — ты можешь заполнить его значительно большим зарядом, чем любой настоящий природный камень. Энергетически они чисты, как свежее выплавленное стекло. Но при этом прочны и устойчивы, как самые лучшие алмазы.

— Да-да-да! — аж вытянулась, внимательно слушая, Варя. — Я именно и думала про накопители! Если Зимослав в действительности такой могучий колдун, как вы все расписываете, то он не откажется принять от меня лишний накопитель, верно же? Наверняка ему много их надо!

— О, да! Редкий кристалл на нем держится дольше недели.

— Вот-вот-вот! Мне Алояс рассказывал: чем сильнее маг, тем в большем количестве амулетов он нуждается, — подхватила Варя. Затараторила недавно заученное: — Сильный маг не мелочится, из-за могущества его зовут решать те проблемы, которые требуют огромного энерговыброса, поэтому он быстрее опустошает свой личный резерв и чаще оказывается беззащитен перед истощением, чем какой-нибудь слабенький чародей. Чтобы поддержать минимальный уровень и скорее восстановиться, маг бессознательно вытягивает энергию из кристаллов, как из батареек. Чтобы восполнить колоссальную потерю сил, маг опустошает кристаллы на крайне высокой скорости и до последней капли, поэтому камни с небольшой емкостью просто взрываются! А для действительно могучих колдунов любой кристалл покажется слабым.

— Всё верно, — улыбнулся на ее энтузиазм ювелир.

Варя мгновенно застыдилась, сникла, сдулась и немножко даже съежилась. Но всё же добавила:

— Еще мне объясняли, что редкие мужчины чародеи умеют заряжать амулеты сами себе про запас. Большинство нуждаются в поддержке женщин своей семьи. А у Зимослава, ты сам только что сказал, мама не волшебница.

— Да, у него с амулетами, прямо скажем, туго, — не стал скрывать Белокрыс. — Снежену заряжает кристаллы младшая сестра. Увы, ей достался довольно слабый дар, поэтому наш королевич после чародейства частенько пребывает на грани обморока.

Варя жалостливо охнула. Выпалила:

— Так вот я и подумала: раз стану после похищения его невестой, пусть нелюбимой, номинальной, я же смогу зарядить для него хоть одно колечко?

— Уверен, он будет рад, — мягко произнес Вран.

Обнадеженная и окрыленная, Варя попыталась не улыбаться, как счастливая дурочка, но судя по смешку Белокрыса, у нее плохо получалось давить в себе ликование. Однако она сообразила:

— Ой, только я не знаю, какого размера кольцо-то покупать.

И на этот вопрос у ювелира нашелся ответ. Извинившись, он покинул ее на пару минут, затем, изрядно погрохотав в мастерской выдвижными ящичками рабочего стеллажа, где хранил всякую всячину от проволочек до молотков — вернулся, неся помятое, видавшее виды серебряное колечко с пустующим кружочком оправы.

— Примерь на себя, чтобы потом тебе было проще выбирать, — предложил он. — Снежен носил его года два назад на безымянном левой руки, сомневаюсь, что за это время у него растолстели пальцы.

Варя с легким трепетом тут же принялась продевать в сей образец «лома драгметалла» свои подрагивающие пальцы поочередно — «призрак» перстенька пришелся впору на указательный на правой руке.

— В нашем мире мужчинам не принято носить украшения, — не унималась она. — поэтому, наверное, придется взять женскую модель, тем более если надо с фианитами — мужские-то печатки все либо без камней, либо с черными агатами какими-нибудь, они совсем некрасивые... Раньше, в давние времена, у нас тоже были аристократы, и они тоже любили камушки. С тех пор мода сильно изменилась, парни если и носят перстни, то всякие черепушки, волчьи зубастые морды из нержавеющей стали... или кольца-спиннеры. О, Вран, я тебе такие принесу, если найду — занятная вещица!

— Если бы в вашем мире существовали чародеи, то и мода на украшения не исчезла бы, — пожал плечами Белокрас, уже изрядно утомленный ее болтовней. — То, что необходимо использовать ежедневно, не пропадет из-за веяний моды.

— Так-то оно так, — согласилась Варя. — Но, может, у нас тоже колдуны какие-нибудь есть, недаром ведь ходят слухи, будто настоящие экстрасенсы бывают, ведуны всякие, только скрываются... А может, те чародеи, которые использовали драгоценности, сгинули вместе с аристократией в эпохи революций, кто ж знает...

— А какого цвета камень лучше брать? — встрепенулась она. — Они же продаются всех оттенков!

— Какой по душе придется. Тебе же его заряжать — выбирай по своему вкусу.

— Но ведь цвет зависит от примесей! Железо, титан там всякий, никель, алюминий... Неужели от этого не изменится характеристика камня как накопителя?

— Сударыня! Мне магазин пора закрывать. Мне тебя выгнать или сама уйдешь?

— Ладно-ладно, — заворчала Варя. Вернула «призрак» перстня, который всё теребила в пальцах, вложила в требовательно протянутую руку. — Ухожу я уже... Спасибо за советы — и спокойной ночи!

Не успел Белокрас выдохнуть и перевернуть табличку «закрыто» надписью наружу, как снова бренькнул колокольчик над входной дверью, и Варвара опять сунула нос в щель:

— Вран, а давай бизнес наладим? Я буду фианиты сумками таскать, а ты их здесь продавать, а? Разбогатеем!

— Барышня, все камни, которые ты принесешь, окажутся заряженными тобою же. Никто, кроме тебя самой и Снежена, не сможет ими воспользоваться. Я не собираюсь из-за твоей прихоти нарушать закон и продавать запрещенный товар. Прекрати молоть ерунду, стоя на пороге моей лавки — позоришь меня на всю улицу.

— Ох, значит, я такая могущественная, раз всю сумку махом заряжу? Вот это да! — обрадовалась своему Варя.

— Ты меня слышала? — повысил голос Вран.

— Да-да! Я помню — заряженное продавать запре... А почему нельзя-то? Если маги не используют никакие другие амулеты, кроме сделанных кровными родственницами?

— Ты Алояса плохо слушала? Он объясняет это своим первоклашкам на первом же уроке.

— Первые уроки у меня были с Чуроллотом, — надулась Варя.

— Что ж, старик запросто мог забыть просветить тебя о прописных истинах. Во-первых, амулеты способны использовать не только чародеи, но люди без дара, если им известны некоторые хитрости. И в большинстве случаев эти смельчаки — аферисты, шарлатаны или обычные преступники. Бесконтрольный выброс энергии из использованного не по назначению накопителя практически всегда наносит вред не только тому, кто использует амулет, но часто и окружающим. Во-вторых, кровное родство вовсе не обязательное условие: невеста имеет право заряжать кристаллы для свекра, мачеха — для пасынка, и так далее. Богатые фамилии тоже считаются одной семьей, хотя на деле зачастую включают в себя разнообразные «младшие ветви», семьи потомственных слуг и прочих работников. В таких домах, например, няня или гувернантка заботится об амулетах для своего воспитанника. Иногда родители временно «удочеряют» девушку в помощницы для своего сына, пока тот не подыщет себе жену, хотя зачастую именно эти девушки и остаются потом в семье на правах уже невест. Существуют также чародейки, которых называют «названные сестры», они зарабатывают себе на жизнь, заряжая кристаллы на заказ. Обычно у них быстро складывается устойчивый круг клиентов, иногда довольно обширный, если дар позволяет. И это не считается продажей амулетов, ведь кристаллы им приносят заказчики, таким образом заряженный амулет не попадет в случайные руки. По закону эти барышни должны иметь лицензию с печатью главного придворного мага, однако есть и такие, кто действует на свой страх и риск, лишь бы не платить пошлину в казну.

— Подпольные «сестры милосердия»! Неплохо зарабатывают, наверное? — хихикнула Варя.

— Наверное. Но и рискуют при этом немало — чародейку без регистрации могут похитить и заставить работать в рабских условиях, в прямом смысле слова до изнеможения, до смертельного истощения.

Варя охнула:

— Жуть! А как же вера в Великую Мать? Безбожники?

— Преступники, — пожал плечами Вран. — Или безумцы. Люди на свете бывают разными.

— Я учту, спасибо за предупреждение. Слушай, а почему Зимослав себе не нанял такую «няню»?

— Случайная совместимость обнаруживается редко. Целенаправленно достигнуть гармонии можно благодаря доверительным дружеским или семейным отношениям. Используя накопитель, заряженный неподходящей лично ему энергией, маг может серьезно пострадать. И чем сильнее дар самого мага, тем сложнее ему найти ту, кто станет ему поддержкой... Так! Тебе не кажется, что мы уже слишком заболтались? Лучше спрашивай об этом у своих преподавателей, пожалуйста. Сейчас ворота школы запрут, где ночевать будешь?

— У тебя нельзя? — она бессовестно состроила глазки. — Непустишь? Тогда домой пойду, тут недалеко же. Не проводишь?

Но Белокас с облегчением кивнул возникшему за спиной Варвары брату.

— Так и знал, что она тут тебя донимает! — воскликнул учитель, положив руку на плечо беглой ученице.

— Мы разговаривали о важных вещах! — возразила Варя, надула губы.

— Ал, забери ее, ради всего святого!

— Раз ты так просишь, братец...

— Финик! Где мой песец? То есть, кролик — без него не уйду!..

Когда в молчании пересекали улицу, возвращаясь в школу, Алояс Вихрь заметил, как подрагивают в волнении руки его ученицы. В сумеречном холодном сиянии Кольца Варя выглядела до жуткого бледной — и страшно решительной.

В голове Варвары засела одна важная мысль: пусть Вран твердо уверен, что ее амулеты подойдут синегорскому королевичу из-за ее статуса «назначенная проклятием в жертвы похищения» — по сути же она «невеста без места»! Нет никаких гарантий, что между ней и Зимославом возникнет энергетическая совместимость.

Значит, она обязана это проверить как можно раньше. Если совместимости не будет, нечего надеяться на дальнейшее развитие отношений — такому магу, как королевич, хорошая жена нужна, как воздух, а случайная «невеста» будет только мешать ему наладить нормальную жизнь.

Значит, подарить кольцо — совсем не глупая мысль? Не прихоть, а необходимость.

Если ее амулет подойдет, кольцо вправду станет залогом ее чувств...

После напряженных раздумий придя к этому выводу, Варя ощутила прилив эйфории — у нее есть надежда! Либо отвергнет сразу, либо увезет к себе — так или эдак, судьба ее решится мгновенно! И шансы на успех или неудачу равны (если не слушать всяких ювелиров, чтобы напрасно не обольщаться).

С тем она плюхнулась на свою постель, совершенно вымотанная, зато наполненная иррациональным девичьим счастьем от кончиков пальцев ног до кончиков волос на макушке. Всё-таки у нее есть шансы!

Почему-то ступни покалывало жаром, словно она прошлась по уголькам. Голова слегка кружилась. Под сомкнутыми веками плясали золотистые и фиолетовые искорки. В ладонях мелко вибрировало и зудело... Но разбираться со странными ощущениями у Вари не осталось сил — она заснула, едва укрылась одеялом. Даже не почувяла, как Финик забрался на голову, чтобы свить из ее волос гнездо.

Однако поход по магазинам родного мира пришлось отложить.

Утром Варя пробудилась, чувствуя себя совершенно разбитой. Всю ночь ее преследовали запутанные сновидения с бредовым сюжетом. И еще эти золотистые волны — они были повсюду! Пронизывали все строения, растения, деревья и протекали сквозь людей и зверей, не причиняя никому вреда или неудобства. Они вились, качались, струились, текли, колыхались... Варю во сне из-за них укачало почти до морской болезни!

— Финик, может, я заболела? — слабым голосом спросила она у кролика, обнаружив того спящим у нее на животе.

Белко-песец поглядел на нее умным глазом искоса. Развернулся из позы «клубочек компактный» в позу «потягушеньки всеми лапками кверху пузом» — и плавненько свалился с ее живота. Куда-то подозрительно далеко вниз поехал, аж сам передумал падать — извернулся, вцепился когтями в одеяло, но всё равно продолжал съезжать, вытаращив глаза, попутно стаскивая одеяло с хозяйки.

Варя резко развернулась, протянула руки, пытаясь удержать питомца от падения — мало ли, вдруг она на краю кровати лежит, а он об пол сейчас как треснется...

И завизжала.

Да так громко, что Финик соскреб когтями с нее одеяло окончательно — и с ним плюхнулся вниз, на постель, виднеющуюся под Варей метра на три ниже, чем надо бы.

Пока кролик тщетно метался по кровати, накрытый упавшим сверху одеялом, Варя визжала. Сперва от неожиданности, потом от восторга, что летает, затем от страха, потому что самостоятельно спуститься вниз не получалось, как ни барахтайся. Ладно хоть еще выше не поднималась — потолок в комнате был метров пять

высотой, есть где парить вдоволь. То ли к счастью, то ли наоборот, еще и балдахина над кроватью не было предусмотрено — не за что зацепиться, но и пикировать удобнее сразу на постель.

Трепыхаясь всеми конечностями, кружась и мотаясь туда-сюда, точно елочная игрушка, подвешенная на перекрученной ниточке, Варя между тем не могла не оценить красивого вида из узкого стрельчатого окна — теперь открывшегося ей с новой точки зрения. Прежде это была в основном вертикально срезанная долька неба и башенка от школьного крыла напротив, теперь же стала видна часть внутреннего двора. По двору как раз шествовали под ручку, о чем-то беседуя, магистр Чуролют Тугохвал и Зимослав Снежен, чью вихрастую сиреневую макушку Варя ни с чьей другой спутать не смогла бы.

— А? — вякнула Варя. Заорала с новыми интонациями: — А-а!!! О-о! Ой-ёй-ёй!..

Теперь страхи грохнуться и расшибиться или случайно вылететь в окно, разбив оное вдребезги, сменились единственным ужасом: вдруг суженый голову поднимет, глаза в ее сторону обратит, а тут она в окне! Мотыляется в шелковой пижамке, неприличной по здешним меркам — коротенькие шортики да маечка на ляпочках. Стыдоба! Причем от дерганий шортики норовили сползти и улететь без вести и оглядки, а маечка задиралась и ляпочки съезжали...

От переизбытка адреналина у Вари в глазах золотистые искры заплясали. Или не в глазах... Она зашлась в ойканье-оханье, пытаясь стряхнуть с кончиков пальцев рук пляшущие на ногтях и подушечках огненные искорки. Они жалились, мать их так!.. Варя растопырила ноги на зависть воздушным акробатам — на ногах точно такие же паразиты мерцали. Неужели она впрямь заболела? Вдруг в этом мире у магов свои блохи водятся, которые ногти жрут? Или она грибок специфический подхватила?

— Ой-ёй-ёй!.. — только и ныла Варя, кувыркаясь в воздухе. Вывернув шею, взглянула в окно — счастье! Ушли, не заметили...

В дверь комнатки постучали.

Варя от неожиданности закрутилась мячиком, попавшим в речку.

— Варвара, это вы кричали? У вас всё в порядке?

Она выдохнула, узнав голос учительницы, подружки Алояса.

— Нет, простите! Не в порядке! То есть, да! Я кричала, извините!

— Вам нужна помощь? Мне можно войти?

— Пожалуйста! Открыто!

Варя мысленно похвалила себя за привычку к разгильдяйству — вечно она забывала запереться, перед тем как лечь спать. Сейчас бы до двери не «доплыла», и учительнице пришлось бы звать мужчин на помощь, чтобы замок вышибить. Вот хороша бы она была, если б предстала перед всеми в неглиже! Ладно бы перед Вихрем, этот бы пережил, уже свой «в доску», а вот Чуролюта удар бы хватил...

Пока нелепые мысли проносились в ее голове, учительница осторожно заглянула в комнату. И ахнула. Немного «зависла», щурясь и пытаясь разглядеть против света из окошка — ученица болтается в воздухе голая или всё-таки одетая?

— Помогите мне, пожалуйста, спуститься, — жалобно заныла Варя. — Я не знаю, как это произошло. Я ничего такого не делала, я спала. Проснулась уже вися! То есть, вишу... Парю! Можно это как-то прекратить, а? Я в туалет хочу...

Учительница уяснила ситуацию, кивнула:

— Спонтанная левитация. Это довольно часто бывает с детьми при начале обучения, поэтому мы стараемся селить учеников в общие спальни, чтобы в случае необходимости другие дети позвали бы взрослых и сами оказали бы помощь товарищу. Но у взрослых я вижу подобное проявление впервые!..

— А еще меня подташнивает! — пожаловалась Варя.

— Не волнуйтесь, я уже начала плести для вас энергетическую сеть. Прошу меня извинить, я немного растерялась... Ну, вот! Сейчас я вас плавно опущу вниз, вы сможете одеться и дойти до уборной. Только не делайте резких движений, иначе опять воспарите.

Варя послушно замерла, ощущая, будто в лифте, плавное движение вниз. Дождалась, пока ее «приземлят» на кровать, робко уточнила:

— Значит, я не заболела чем-то заразным?

— Нет, что вы! Это просто энергия льется из вас таким необычным способом.

— Спасибо! Не знаю, что бы я без вас делала! — искренне поблагодарила ее Варя.

— Пустяки, — смущенно улыбнулась учительница. Она ученицу не бросила, видя, что дрожащие пальцы не справляются с застежками платья, принялась помогать. — Это мой долг — следить за девочками не только во время занятий, но и вне классов.

— А долго еще я буду подпрыгивать на каждом шагу, как космонавты на Луне? — спросила Варя, досадливо не попадая ногами в обувь.

— Что, простите? — не поняла метафоры учительница.

— Это со мной навсегда? Или пройдет?

— Пройдет, — успокоила она. — У девочек левитация обычно прекращалась после ужина, у мальчиков — после обеда.

— Значит, мне просто нужно хорошо позавтракать? — пошутила Варя. — Плотно набить пузо едой для тяжести!

— В вашем случае нельзя сказать точно, когда потоки силы в вас успокоятся и обретут новые русла... — замялась учительница.

— В смысле? — пришел черед переспрашивать Варю.

— Раньше в вашей ауре энергия двигалась по узким канальцам, это вроде кровеносных сосудов, грубо говоря. После многочисленных упражнений уровень энергии у вас повысился. Наверняка вы сегодня смогли увидеть нечто такое, чего раньше никогда не видели? Вот, это и было так называемое пробуждение магии, этого магистр Тугохвал от вас и добивался. Однако забурлившим потокам потребовались новые, более широкие каналы, поэтому рисунок вашей ауры стал другим за одну ночь — и теперь вам нужно лишь немного подождать, когда тело приспособится к новой системе.

— А, ясно! Это как смена магнитных полюсов у планеты! — осенило Варю. — Еще бы у меня голова не кружилась — от такого-то кульбита!

Учительница то ли поняла ее сравнение, то ли сделала вид, что поняла.

— Лишь непосвященным кажется, будто потоки энергий мало влияют на организм чародея, — пояснила она, словно они сидели на уроке прикладной чаро-биологии. — Влияние самое прямое, на уровне химии: в мышцах много легковозбудимого железа, кровь, лимфа и прочие жидкости подвержены перепадам и приливам, нагреванию и охлаждению, в нервах и мозге проходят разряды, сравнимые с ударами молний, уж что говорить о дыхании! Разумеется, после сильного энерговыброса почувствуешь себя дурно, будто палками битый.

Варю за натягиванием чулок посетила замечательная мысль:

— Можно вас попросить еще об одной услуге?

— Да, конечно, о какой?

— Научите меня заряжать амулеты! Вран уверяет, будто я делаю это бессознательно. Но вдруг я воздействую на кристаллы как-то неправильно? Я ж тогда наврежу тому, кто будет использовать амулет!

— Если хотите, я позанимаюсь с вами, — с некоторым сомнением ответила учительница. — Но ваш наставник — Алояс, и наверняка у него составлен план вашего обучения. Мне не хотелось бы ему мешать, в некоторых вопросах у нас с ним расходятся взгляды на методику. К тому же раньше он сам прекрасно управлялся с накопителями. До переезда в Златоград он служил личным помощником у Зимослава Снежена. Правда, после несчастия, случившегося с их наставником, отцом королевича, аура Алояса изменила рисунок, и, к сожалению, он потерял многие уникальные навыки, в том числе способность обращаться с кристаллами. Я уверена, он знаком с вашими наклонностями куда лучше, чем я, и его уроки будут для вас гораздо полезнее.

— Ладно, я поняла, — промямлила Варя, огорошенная новыми сведениями. — Всё равно спасибо вам большое. Выходит, энергетика чародея может изменяться?

— Верно, по самым разным причинам, — кивнула учительница. — Сегодня вы сами почувствовали это на себе. Пойдемте? Я провожу вас до уборной.

Варя благодарно кивнула и взяла протянутую руку. Они пошли по коридору: учительница степенно, а Варвара — подпрыгивая на полметра при каждом шагу.

...Финик наконец-то вздохнул с облегчением: он нашел-таки выход из лабиринта скомканного одеяла и выбрался на свободу! Наморщил нос, тряхнул ушами-лопухами — и громко чихнул.

Глава 7

Оказалось, каждый магически одаренный индивид воспринимает потоки энергий, пронизывающих мир, по-своему: кто-то через слух, как звон или вибрации, кто-то кожей — как струи ветерка, глазами — как вспышки света, рассыпанные повсюду искры, особенно яркие в сердцах живых существ... И так далее до бесконечности образов и сравнений.

— Для тебя — это золотые волны, — пояснил для рассеянной ученицы Алояс Вихрь. — Пока что ты видишь их во сне, после тренировок сможешь особым образом концентрироваться и видеть наяву.

— Укачает же! — вяло возмутилась Варвара.

— По первому времени, пока не привыкнешь — запросто стошнит, будь к этому готова, — «обнадежил» наставник, не скрывая ехидную улыбочку.

В зависимости от восприятия, каждый чародей изобретает свой личный способ «одалживать» у мира силы на свои колдовские нужды. Кому-то проще черпать энергию из воды — у дождя, из речек, озер или просто испаряя тазик-другой жидкости. Кто-то предпочитает подпитываться от огня или, напротив, от растений. Многие

«подзаряжаются» от солнечного тепла, от сияния Кольца или света одной из двух лун. (Причем маги, которых по земной традиции называли бы некромантами, здесь тоже существуют, они берут энергию из процесса гниения мертвой плоти).

Однако это вовсе не означает, что чародеи зависят лишь от выбранной стихии или особого способа «зарядки» — при необходимости каждый способен переключиться на любой другой доступный «источник». Узкой специализации у здешних колдунов нет, всё зависит лишь от предпочтений и удобства. (Другое дело, что все способы естественного восстановления энергетического резерва требовали времени, в точности как элементарный отдых для обычного человека. Поэтому амулеты-накопители берегли для экстренных условий как «скорую помощь» при угрозе истощения).

— А откуда беру энергию я? — резонно поинтересовалась Варя.

— Отовсюду понемногу, как губка, — ответил Вихрь. — Я сразу это заметил, для тебя энергообмен естественен, как дыхание. Тебе совершенно не нужно думать, чем восполнить резерв, причем он у тебя впечатляющего объема изначально, без всяких «растягивающих» упражнений. И еще огромное преимущество — тебе нет нужды контролировать процесс поглощения, ибо ты заимствуешь из окружающих предметов и существ так мало, что никому не нанесешь вреда.

— То есть, я никого не выпью досуха, ненароком при этом уморив?

— Именно так. Ты восполняешь свой резерв по капелькам, зато постоянно, без перерывов и усилий. Поэтому тренировки по контролю поглощения можно отложить на будущее, когда научишься сознательно использовать относительно затратные чары.

— Как мне повезло! — обрадовалась Варя. — Терпеть не могу себя ограничивать! И сидеть на диетах. Я — Губка Мери-Сью, Квадратные штаны!..

— Что? — выгнул бровь Алояс.

— Не обращай внимания! — весело отозвалась она. И завопила:

— «Лунная призма, дай мне силу!» — отчего мигом сиганула под потолок, при этом больно треснувшись плечом о нектати попавшуюся на пути люстру. Люстра закачалась, забренчали стеклянные подвески, вниз посыпались свечки, толщиной каждая с Варин локоть.

— Не балуйся! Тугохвал заругает! — снизу укорили ее первоклашки, пробегавшие по своим делам.

— Я сильно извиняюсь! Я не нарочно! — крикнула им вслед Варя.

Хорошо, что для тренировочных полетов, имеющих целью обуздать спонтанные всплески левитации путем выработки у проблемной ученицы привычки к полетам осознанным, Вихрь избрал не внутренний двор, а самое просторное помещение в здании школы — вестибюль при центральном входе. Что логично: под открытым небом Варвара могла бы так лихо воспарить, что даже он, повелитель штормов, не успел бы ее поймать. А тут только шишки набьет, о сводчатый потолок макушкой постучит, вдруг заодно наука лучше в голове уложится?

Плохо, что учительница ошиблась, и у Вари левитация не прошла, как досадная икота, в тот же день после ужина. Как прилипчивый насморк, неуправляемое парение затянулось на неделю. И как тот же насморк — особенно мешало спать: Варе приходилось самой привязывать себя к кровати. Ужасно не хотелось среди ночи очнуться где-нибудь в коридоре под люстрой или на лестнице, над колодцем между пролетами. И даже над кроватью висеть — что в этом хорошего? Одеяло падает, Финик не высыпается, из-под низа поддувает!

Вихрь тоже был не рад этой помехе — ученица зевала на уроках, не могла усидеть на месте в прямом смысле слова. И новые знания в голове ее не удерживались никак, хоть по десять раз повторяй. Практические упражнения тоже не девались: поток направляемой ею энергии рикошетил непредсказуемым образом. Например, при попытке передвинуть чашку по столу, она чай в ней кипятила до состояния фонтана гейзера. Пытаясь зажечь предложенную лучинку — без огня обращала в прах неповинный фикус, мирно стоявший в углу. Попробовала фокус со всевидящим зеркальцем — так отполированное серебряное «блюдец» раскололось, будто стеклянное, и хищные осколки-клыки роем полчаса металась по классу, пытаясь достать спрятавшихся под столом наставника и ученицу. Потом угомонились и сами собой сложились в сложнейшую объемную снежинку, намертво повиснув в воздухе над глобусом вместо солнышка (причем в темноте начинали светиться).

Варя всё нервно хихикала и повторяла какую-то глупую считалку: «Хотела грозу — получила козу!», а Вихрю было не до шуток.

И вот сейчас, пока подопечная с любопытством разглядывала потолочную роспись и пересчитывала подвески на люстре, Алояс, сложив руки на груди и задрав голову вверх, с тоской во взгляде пытался придумать, что ж ему делать с проблемной ученицей. Сейчас, в минуту душевного отчаяния, ему казалось, что и не надо было им столь упорствовать, лучше б вовсе не пробуждали в ней дремлющие силы...

— Слушай, Ал! — неожиданно окликнула его Варя, что-то вспомнив и отчего-то разом посерьезнев.

Попыталась для разговора спуститься, но сбежать по стене вниз, будучи параллельно полу, не сумела — на полпути поскользнулась и закрутилась колесом, словно подвешенная на пояс каскадерша. Ругнувшись, Варя

самостоятельно остановила верчение, уцепившись за попавшуюся под руку оконную штору. Придерживаясь за переливчатый плотный бархат, обратно поднялась к потолку, где устроилась основательно, не давая себе шанса на болтанку, растопырилась конечностями, упершись в угловатые каменные ребра свода. Только рот открыла, чтобы продолжить беседу...

Штора не выдержала нагрузки, с шорохом наполовину оборвалась с карниза, повисла трагичной драпировкой. Варя виновато охнула.

— Да? — изобразил невозмутимость Алояс, только бровь нервно дернулась. — Ты хотела что-то спросить?

— Угу... Отец Зимослава пропал без вести, угодив в стихийно возникший портал?

Вихрь озадачился, но лишь на мгновение.

— Откуда ты узнала?

— Да вы все не больно-то от меня таитесь, мне только остается развесить уши и слушать, — заметила Варя, — и складывать кусочки услышанного, как мозаику.

— Зачем от тебя что-то особо скрывать, если ты скоро станешь полноправным членом нашей компании, — вздохнул Алояс.

— Но и рассказывать мне всё толком по порядку вы не собирались, — обидчиво возразила Варя.

— Всею свое время, — парировал Вихрь. — К тому же эта история давняя, к нынешней ситуации она никакого отношения не имеет. Неважно, что ты сама явилась из другого мира — ведь этих миров бесчисленное множество. Неизвестно, в который именно угодил...

Их беседу грубо прервали.

Тяжелые входные двери распахнулись от пинка, в школу по-хозяйски вошел знакомый Варе придворный паж. Наглый юноша заорал с порога, нисколько не стесняясь помешать урокам:

— Дедуля дома? Мы к нему по важному королевскому делу! — и широким шагом направился к центральной лестнице, языком спускающейся через половину зала фойе от галереи второго этажа.

Алояс смерил нахала гневным взглядом, ледяным тоном окоротил:

— Радмил! Нельзя ли соблюдать приличия не только во дворце?

— Отстань, ветродуй, мы спешим, — отмахнулся от занудства учителя тот.

— Если бы у короля было дело к Тугохвалу, его величество послал бы за магистром кареты, а не тебя, — злился Алояс.

— Слушай, ты чего мне тут указываешь? Имею право приходить, когда мне надо — Чуролют мне родной...

— Двоюродный! — снова чародей уличил пажа во лжи.

Пока эти двое скрежетали зубами, а Варя сверху на них дивилась, гадая, ревность ли это между внуком и учеником или они просто не переваривают друг друга — никто не обратил внимания, что паж действительно явился не один. Следом порог переступила, изящно придерживая подол изумрудно-зеленого платья, красавица княжна, с которой Варя также познакомилась на нелепом отборе невест.

— Радмила, угомонись! — глубоким грудным голосом рассмеялась она. — Стоит увидеть друг дружку, тотчас сцепитесь! Не надоело вам?

— Он думает, раз дед дал ему здесь место, то можно всех поучать! — обернувшись к спутнице, всплеснул руками паж.

Честное слово, Варвара изо всех сил пыталась затаиться у себя в уголке потолочного свода. Но так некстати разглядела, что роскошный и вместе с тем сдержанный по стилю наряд княжны, эта «амазонка» для будних городских визитов, сшита не из какой-то обычной местной ткани — а из занавесок! Тех самых, что Варя самолично сторговала модистке.

«Хрюк!» — весело разнеслось под сводами с эффектом готического эха.

Все внизу подняли головы.

— О! — удивилась княжна.

— Ты?! — завопил паж, мигом забыв изображать барана перед Вихрем в роли новых ворот. — Так вот ты где прячешься?!

— Я не прячусь! Я тут учусь, — оскорбилась Варя. — А ты, кстати, мешаешь моей тренировке.

— Учишься висеть на потолке? — съехидничал паж.

— Радмил, не смейся, — неожиданно вступилась княжна, одернула противного парня. — Ты не знаешь, каким беспомощным себя чувствуешь, когда сила льется из тебя, не подчиняясь твоей воле.

— Конечно, откуда мне знать! — едко отозвался тот. — Это вы все тут одаренные, а я-то обучения не удостоился, пусть и родная кровь самому Тугохвалу!

— Радмил! — укоризненно произнесла княжна.

А Варя мысленно галочку поставила: вот и нашлась причина неприязни внука к ученику — наследник оказался глух к магии.

— Мне говорили, что ты никуда не уехала, а продолжаешь ошиваться в городе, — продолжал донимать Варю паж с непонятной злостью, которая уже определенно не относилась к зависти к магическому дару. — Многие видели, как ты слоняешься по улицам в то время дня, когда незамужним барышням полагается сидеть дома под присмотром няnek. Ты неоднократно покупала на рынке вино — без сопровождения слуг!

Варя аж заинтересовалась, что именно ей вменяется в вину: покупка спиртного или отсутствие прислуги?

— Тебя видели, когда ты торговалась до хрипоты за фунт морквы!

— Тот продавец безбожно завысил цену! Как же не торговаться? У меня каждая монетка на счету! — обиделась Варя.

— Похоже, ты коротко сошлась со скупщиком старья, — предъявил следующие обличительные слухи поганец. — Дворцовая челядь мне докладывала со смехом, как ты расхваливала пройдохе какой-то разбитый горшок, требуя за него пять монет серебром.

— А вот это наглое вранье! Высечь надо вашу челядь за дезинформацию! — вспыхнула Варя. — Во-первых, горшки я не продавала, а покупала, и не треснутые, а хорошие, глазурированные! Маме, для комнатных растений. Во-вторых, старьевщик — порядочный человек! Он подсказал мне, куда лучше отнести хрустальную вазу — красивую, не битую, тяжелую, старую советскую, мне от тети в наследство досталась — почти антикварная! И посоветовал, какую за нее просить цену. Эта дура и у нас-то стоила бы в интернете немалых денег, а у вас тут вообще диковинка. Я видела, с какой охотой хозяин посудного магазина за нее ухватился, наверняка перепродает потом втридорога. А мне ваши местные деньги нужны — я ж не могу в одном и том же платье постоянно ходить! У Тугохвала приличная школа, а не сиротский приют всё-таки.

Варя выдохлась — и мысленно застонала от стыда, так неловко вышло перед учителем! Алояс внимательно слушал, не повел и бровью. Она и впрямь позорит заведение! Ведь ее без оплаты приняли, комнату выделили, кормят не сосчитать сколько раз в день, а она!.. Причем в любом случае выходит срамота — и что учиться из рук вон плохо, и что в гардеробе всего три скромных платья, (не считая странных по здешним меркам ее «родных» нарядов, которые она старалась не надевать, выходя в город). И что пытается товарообмен в свою пользу наладить не только через ювелирную лавку, а то Врану уже, наверное, опостылела... Варя от всего этого совестливого роя жужжащих мыслей хотелось куда-нибудь провалиться... или вылететь сквозь потолок в чистое небо.

— Невеста принца побирается и приторговывает старьем! — трагически возопил паж, будто мало ей стенаний внутреннего голоса. В это мгновение Варя была как никогда в жизни близка к свершению преступления в состоянии аффекта.

— Позвольте представиться, — воспользовавшись повисшей тяжелой паузой, обратилась к ней княжна, шаркнула ножкой в легком книксене, — мое имя Мстислада. Кажется, при прошлой встрече я забыла назваться.

— Очень приятно. Меня Варя зовут.

— Я помню. Рада снова увидеться, Варвара! — ослепительно улыбнулась благородная дева.

Варя всё косилась на осуждающе поджавшего губы паж. Не сдержалась, затараторила ядовито:

— А еще я продала на базаре десяток стеариновых свечек в форме дедов морозов! И подарочный набор кухонных ножей в деревянной подставке. И почти нетронутую коробку цветных карандашей. И еще две вазы — фарфоровую с розочками и маленькую стеклянную. И шарфик с люрексом. И!..

— В это время мы с ног сбились, разыскивая сбежавшую почти-принцессу! — подлил масла в огонь паж.

— Если б впрямь искали, давно бы нашли!

— Вот извини, не догадались на базар заглянуть, — фыркнул противный парень.

— Вот интересно, как это вы его миновали, если базар расположен на самой что ни есть центральной площади! — всплеснула руками Варя, от этого движения перекувырнувшись в воздухе. — Или вы меня в самых темных подворотнях по окраинам выискивали?

— Варвара, позвольте... — попыталась остановить пререкания княжна.

— Извините, не могу спуститься, — из вежливости сказала Варя, хотя продолжать с ними разговоры не больно-то хотелось. А на платье из занавески вообще смотреть без фырканы не получалось. Но красивое сшили, и сидит на стройной фрейлине, как родная шкура на анаконде, уж этого не отнять.

— Пустяки, виси-виси, не беспокойся, — взмахнула рукой в перчатке дева. — Я прекрасно помню, как в свое время, в нежном возрасте бурного развития дара почти месяц промаялась с полетами. Мне каждый день говорили «потерпи!», обещали, что вот-вот пройдет, вот-вот закончится мое мучение — как бы ни так! Чихнуть не могла спокойно — пушечным ядром отлетала, то в стену, то в потолок, то в окно. Уж поверьте, это совсем не весело.

— И как ты справилась? — заинтересовалась Варя.

— Опытным путем я нашла одну хитрость, — благосклонно поделилась та секретом, — чтобы прекратить летать самой, нужно поднять в воздух кого-нибудь другого.

— И что, помогло? — изумилась Варя.

— Очень оригинальный способ, — неодобрительно проворчал Вихрь.

— Два дня упражнений — и моя проблема исчезла, — развела руками княжна. Предложила: — Попробуйте сами, это совсем не сложно. Вот увидите, сразу же подействует. Вон, хоть на том белом кролике. Очаровательный зверек, кстати, чей он?

— Мой, — растерялась Варя. — Нет, на Финике экспериментировать не стану! Пусть он и белый кролик, но нет. Он нежный и хрупкий! И уже старенький. Мало ли, вдруг я его так далеко запущу, что домой дорогу не найдет? Или ударю невзначай, уроню? Нет и нет, я не могу!

— Тогда... — протянула княжна. Она и Варя, не сговариваясь, уставились на пажа.

— Что? — мигом взвился тот. — Кролика им жалко, а меня нет? Если меня уроните, Лучедар вас казнит!

— Правда твоя, казнит, не помиует, — огорченно вздохнула Мстислада. Засияла улыбкой: — Тогда остается наш дорогой Алояс! Чародей ветра просто рожден для полетов.

Паж мстительно хихикнул.

Варя открыла рот, чтобы выдать какую-нибудь отговорку, мол, обязательно попробует, но попозже, вечером, без свидетелей.

— Ладно, давайте проверим ваш способ, — обреченно согласился Алояс. — Если, как вы изволили выразиться, ненароком «запустите» меня подальше, уж как-нибудь сумею приземлиться, не сломав шею, и отыщу дорогу домой.

— Заодно на обратном пути от нас отдохнешь, — поддакнул паж.

Варе не позволили отказаться от эксперимента. Она взглянула в глаза своего наставника, и по решительному виду поняла, что ради нее он готов рискнуть собой.

— Я постараюсь осторожно, — промямлила она.

Изо всех сил заставила себя сосредоточиться, настроилась, мысленно помянув мастера Йоду и иже с ним... И тонким потоком направила свою энергию в сторону наставника.

— Вот же, прекрасно получается, продолжайте, — подбодрила внимательно наблюдавшая Мстислада.

Сперва у Алояса удивленно распахнулись глаза. Затем замерцали камушки-накопители в перстнях, браслете и на кулоне. Кулон, впитывая энергию, аж на цепочке взлетел, будто в невесомости. Потом у Алояса поднялись дыбом волосы, точно как от электричества. А после он и сам взлетел — резко дернуло вверх метра на три. Варя охнула, сама напугавшись, торопливо сбавила поток — и дальше к высоким сводам Вихрь поднимался уже плавно, вылитый буддийский монах перед туристами (только не лысый, а с синим облаком-ершиком на голове).

— Отлично получилось! Вот видишь, Варвара, тебе помогло, — похвалила княжна, гордая за сработавшую подсказку.

И правда — Варя, переживая за судьбу учителя, совсем не обратила внимания, что в это же время сама она плавно спустилась и уже минут пять крепко стоит на ногах, попирая обувью мозаику на полу.

— Классно! — воскликнула она, обрадовавшись.

— Уй! — послышалось сверху. Отвлечшись, Варя подкинула наставника, и тот тюкнулся головой о ребристые своды.

— Прости!.. — пискнула она виновато.

— Ничего страшного, — прошипел тот, потирая макушку.

— Подержи его еще пару минуточек, и лишние бурлящие волны энергии из тебя выльются, — посоветовала Мстислада. — Но завтра в это же время рекомендую повторить, чтобы тебя снова не начало подбрасывать...

— Тсс!.. — вдруг шикнул на них паж. И вскинул руку, ткнув пальцем вверх.

Рядом с Алоясом с треском разорвался воздух. Чародей отшатнулся, и от резкого движения крутанулся в безупречном фуэте.

Из открывшегося портала донесся голос:

— Вихрь, не занят?

— Ну, как сказать... — смутился тот, стараясь выровняться. — Не особо.

— Раз так, иди сюда, ты мне нужнее, — решили с той стороны.

Из портала вытянулась рука в черном рукаве — цапнула учителя за локоть и рывком втащила в прореху в пространстве. С чавкающим звуком портал затянулся.

Княжна осуждающе покачала головой:

— Снежен, как всегда, бестактен. Относится к своим приближенным без капли пиетета.

— Чего? — ошеломленно переспросила Варя.

— Пиетета, — благожелательно повторила Мстислада. — Без уважения то есть.

— Нет, я поняла, — замотала головой Варя. — Я не поняла! Это сейчас Зимослав был?

— Он самый, — с раздражением фыркнул паж. — Делает, что вздумается! Кто ему разрешал дырывать пространство в нашем королевстве? А он дырявит! Каждый день через порталы туда-обратно шастает! Если может себе позволить тратить на это силы, потратил бы на что-нибудь полезное — нет же, куда ему! У него свое

королевство есть — пусть там хоть всё издырявит, не жалко! А к нам извольте ездить, как положено — на колеснице! Да хоть на своем блохастом сайгаке, но не через порталы!..

Пыша праведным гневом, паж направился к лестнице. Бросил княжне:

— Пойду поздороваюсь с дедом. И заодно про его любимчиков расскажу, что они себе тут у нас позволяют.

Проводив его взглядом, Варя негромко произнесла:

— Почему-то мне казалось, что у Чуrolюта внучки... двоюродные...

— Их у магистра несколько, — отвела глаза княжна.

По боковой лестнице с цоканьем каблучков торопливо сбежала учительница, прижимая к груди горсть позвякивающих украшений с самоцветами.

— Я заряжала! — отрывисто пояснила она, пробегая мимо Вари. — А они забыли! Уже ушли, да?

— Да, совсем недавно, — подтвердила княжна.

— Надеюсь, успею! — воскликнула на бегу та, пересекая обширный зал.

Распахнув входные двери, подруга Вихря выдохнула с облегчением:

— Мастер Вран! Ал уже там... да, сказали, только что. Прощу! Благодарю вас!..

Дверь за спиной учительницы плавно закрылась на встроенном в петли пружинном механизме.

Варя опомнилась, перестала тянуть шею, как любопытный жираф — побежала к дверям. Распахнула... и застонала в разочаровании — на крыльце уже никого не было.

Сзади к ней неспешно подошла Мстислада:

— Снежен держит здесь постоянный портал. Только, пожалуйста, не спрашивай, как он открывается — я не знаю, ни разу им не пользовалась.

Варя обернулась к ней, взглянула в лицо:

— Прогуляемся по школьному саду?

— С удовольствием, — улыбнулась княжна. — Когда меня привозили сюда на уроки, мне вечно не хватало времени, чтобы спокойно посидеть у фонтана, полюбоваться цветочками на клумбах...

...Варя не подозревала, что в дальнем тенистом уголке есть милейший маленький фонтан, журчащий в три струи: каменная чаша на рюмочной ножке, на бортике которой сидят три бронзовые позеленевшие лягушки, глядя в небо с открытыми ртами. За всё время в школе она сюда не добиралась, целыми днями окруженная заботой двух придирчивых наставников.

— Кстати, твоим подругам вернули шпильки и брошку, которые вы мне одалживали на смотрины? — вспомнила Варя, когда чинно уселась на скамейку под разлапистым местным каштаном, увешанным длинными тонкими плетями соцветий нежно-салатового оттенка, точно паутина колыхавшимися на слабом ветерке.

— Да, на следующее утро. Мы тогда ужасно удивились, ведь это такой пустяк!..

— Для вас, может, пустяк, — ворчливо согласилась Варя. — Вам, может, позволительно терять бриллиантовые шпильки хоть каждый день.

Мстислада промолчала, с интересом ожидая продолжения разговора.

— Вообще-то я знаю, что случится на свадьбе. Мне рассказали, — произнесла Варя. — Почему ты решила выставить невестой меня?

Княжна пожала плечами:

— Прости. Выбора не было. Иначе на эту роль назначили бы меня, а я вовсе не горела желанием покидать Златоград даже ради нашего милого Снежена. У меня, видишь ли, свои собственные планы.

— Тебя? Почему? А как же весь этот отбор? Было столько желающих! Вы их всех обманули, у них не было ни шанса?

— Отбор упомянут в завещании Грозоврата как обязательное условие. Он требовал, чтобы судьбе дали шанс выставить особую фигуру на игральную доску. Так и вышло. Ты могла явиться откуда угодно, оказаться кем угодно — да хоть мальчишкой, переодетым в платье! — она расхохоталась. — Но, к счастью для всех, ты оказалась тобой.

— То есть, я — темная лошадка, которую все ждали?

— Да. Не совсем поняла, что ты подразумеваешь под этим выражением, но мыслишь ты верно. Если б ты не появилась, я бы расстроилась больше всех. Среди всех невест я лучше прочих подходила Зимославу как происхождением, так и способностями к магии. Ведь мы, порядочные соседи, не могли подложить будущему королю в супружескую постельку какую-нибудь единорожку!

Она снова рассмеялась. (А Варя припомнила, что единорогами тут именуют домашних зверей вроде овец, отличающихся неопрятностью и крайней глупостью. В отличие от баранов и коз, у этих животных имелся непарный рог, который они использовали не столько ради самозащиты или боев за самку, сколько для почесывания поясницы, благо длина шеи позволяла. И, если верить байкам, подслушанным на базаре, эти самые единороги умудрялись постоянно застревать везде, где только можно и нельзя — от дверей сараев и нижних веток кустарников до... всех вариантов и не перечислить. Варю посетила мысль, что у нее всё-таки есть кое-что общее с

единорожками — если взглянуть шире, она сама застряла в чужом мире под довольно нелепым предлогом из-за собственного глупого любопытства).

Мстислада же продолжала — всплеснула руками, посетовала в полушутку:

— У всех был выбор, кроме меня, понимаешь? Ты могла объявиться, а могла и вернуться к себе в свой мир. Зимослав может согласиться исполнить завет деда, а может плюнуть на всё и устроить несчастье для всех, и для себя в первую очередь. Злат мог бы учудить и ткнуть пальцем не глядя. А я!.. В отличие от прочих придворных барышень, я просто не имела права увильнуть от отбора и представить родителям и всему двору какого-нибудь дурачка в роли моего временного жениха. Сама понимаешь, у меня есть причины оставаться в глазах его величества Твердивера добродетельной, во всех отношениях невинной девой.

Варя покачала головой: выбор у княжны был не хуже, чем у прочих перечисленных. Зато упрямства в достижении цели, похоже, хватило бы на целую армию невест.

— А что, если бы ты ошиблась? Что, если бы я не хотела познакомиться с Зимославом? — прищурилась Варя.

— Полно тебе! Я же не глухая, — растянула губы в игривой улыбке Мстислада. — Ты забыла, как сама расспрашивала всех о прекрасном всаднике? В наше время на сайгаке верхом разъезжает лишь один-единственный эксцентричный молодой чародей. К тому же морковный цвет волос большая редкость. Да у тебя голова была полна лишь думами о нем и воспоминаниями о мимолетном взгляде его прекрасных золотистых очей!

— Скажи еще, что я думала очень громко, — проворчала Варя, отвернувшись, чтобы не насмешить собеседницу вспыхнувшим румянцем.

Но та всё поняла и вновь залилась мелодичным смехом. И пусть хохотала она необидно, можно даже сказать, от души сочувствуя, Варя всё равно испытала иррациональное желание уколоть ее:

— Ты знаешь, что твое платье сшито из шгор?

— Нет. Неужели правда? Впрочем, пусть. Меня это несколько не волнует. Видишь мои серьги? Это жемчуг, его нельзя использовать для амулетов, так что это всего лишь украшение. Очень дорогое и очень красивое. Но кто-то уверяет, будто жемчуг — это застывшая слюна морских слизней. Если задуматься, страшная гадость, не правда ли?

— Ясно. А почему тогда не бальное платье?

На этот вроде бы простой вопрос княжна разразилась длинной тирадой. Мол, наряд для бала может быть только одноразовым: во-первых, его увидят сразу все именитые знакомые, все твои заклятые подружки-сплетницы и вообще весь двор. Во-вторых, пока протанцуешь до упаду ночь напролет, лиф пропитается потом, смешанным с духами, да еще пудра осыплется, помадой мазнешь — фу! — подол обметет полы и сапоги кавалеров, а при обилии отделки наряд не постираешь. Вот и идут роскошные платья сразу обратно к швеям, чтобы те распорили, отдали прачкам, затем перешили во что-то совершенно другое, ибо повторы в подобных «эксклюзивных» вещах абсолютно недопустимы.

Но эта «заморская» ткань слишком хороша, слишком необычна, чтобы истратить ее красоту на одну ночь. В костюме для визитов незачем показаться несколько раз, за неделю объехать знакомых разных рангов, не только придворных аристократов. Раскатывая в открытой колеснице по городу, ты позволишь полюбоваться собой во всей красе множеству людей!.. Строгое платье для визитов не испортится от аккуратной стирки, и в нем не возбраняется отправиться летом в приморский курортный город, где порядки куда проще, чем в столице, хотя публика та же. А после отдыха на море можно навестить родное поместье: и спокойно надевай «скромный» костюм, отправляясь в гости к соседям, не хуже подойдет он для прогулок по окрестностям, для охоты на бабочек, для игр, для сельских праздников, пикников на лоне природы... Одним словом, рачительная барышня найдет способ долго не расставаться с любимым нарядом и при этом сохранит должный уровень и достоинство.

— Угу... — не могла не одобрить подобную экономию Варя. Вспомнила о неприятном паже: — Слушай, а Радмил тебя не хватится?

— Вряд ли, — пожалала плечами Мстислада. — Радмил не та особа, кто станет беспокоиться и искать пропавшего спутника. Скорей, он и не вспомнит, что приехал не один. Но благодарю за твою доброту, я ценю это.

— Да ладно тебе, — фыркнула Варя.

— Нет, правда! Если тебе потребуется помощь, Варвара, имей в виду, что я твоя союзница, — с полной серьезностью заверила княжна, ловко завладев обеими ее руками и развернув к себе лицом, дабы проникновенно заглянуть в глаза.

— А-а... Хорошо, учту, спасибо. Большое спасибо, — кивнула та, неловко отодвигаясь на конец скамейки и давая желание спрятать руки за спину.

Мстислада снова коротко расхохоталась:

— Хорошо с тобой болтать! Нет, правда, от тебя веет приятной освежающей энергией. Как... от водопада! Или от летнего дождя — знаешь, когда ливень, а солнце сквозь прорехи в облаках играет на каплях, а потом — радуга!.. Кажется, ты бессознательно зарядила мне все камушки, не удивлюсь, если и жемчуг не стал исключением! — она

кокетливо рассмеялась. — За Радмила не волнуйся, я послала ему мысленное сообщение, где я. Подождет пару минут, не растает. И... знаешь, на самом деле он вовсе не такой противный, каким был сегодня...

— Постой! — дошло до Вари. — Ты телепат? Мысли читаешь?

Мстислада невинно похлопала глазами:

— Немножко. Хочешь, научу?

Пришел черед смеяться Варваре:

— Нет, спасибо! Боюсь, при моих нынешних успехах у подопытных голова взорвется скорее, чем я угадаю, о чем они думают.

Княжна наклонила голову к плечу, стрельнула глазами:

— Да брось. Вон, посмотри, кто к нам идет. Неужели даже без чтения мыслей не угадаешь, о чем сейчас размышляет наш милый паж?

Варя резко обернулась в сторону дорожки, пересекавшей газон — и правда, решительно шагает! Ну вот, а ведь так хорошо болтали без него. Настроение опять испортит, что за вредный типчик!..

— Госпожа Варвара, прошу прощения за мое недавнее неуместное поведение, — подбежав, паж порывисто склонился в поклоне.

— Чем тебя Чуролют опоил? Пусть мне рецепт шепнет! — воскликнула княжна, искусно сделав вид, будто искренне изумлена и глазам своим не верит.

— Дед вкратце объяснил, кто вы и откуда прибыли, как усердно занимаетесь... и как отважно настроены, что... ну... всем сердцем желаете спасти наше королевство от проклятия, — проямлил Радмил, переминаясь с ноги на ногу.

— А главное, он наверняка упомянул, что твой ненаглядный, обожаемый Злат нужен мне, как лысому бигуди! — хмыкнула на столь разительную перемену Варя.

— Так значит, нужен? — пробормотал паж в растерянных чувствах, от волнения не сразу вникнув в оборот речи.

— Радмил, Варя пошутила, — мягко пояснила княжна. К Варе же обернулась с полной серьезностью: — Между прочим, позволь заметить, если рассмотреть твоё сравнение более пристально, может оказаться, что лысому человеку бигуди не помешают в некоторых случаях: первое — если он служит в суде и носит парик, который следует время от времени завивать. Второе — если у него есть жена или дочь, которым он может это приспособление отдать в пользование.

Теперь озадаченных было двое: паж непонимающе смотрел на Варю, Варя таращилась на княжну. Княжна держала лицо и не улыбалась даже уголком рта — вот что значит благородное воспитание!

— То есть, всё-таки не нужен? — насупился Радмил, не преминув обидеться за своего драгоценного принца. — В него невозможно не влюбиться с первого взгляда...

— А мне начхать, — заявила Варя. — Не в моем вкусе!

Паж поджал губы и насупился, метая глазами молнии:

— Ну, знаешь! Вкус у тебя, видимо, отвратительный! Раз ты своего лохматого Зимослава предпочла нашему!..

— Вашему распрекрасному причесанному принцу, ты хочешь сказать? — понесло и Варю. Она аж со скамьи вскочила, встала грудью к груди, будто два бойцовых петуха, благо ростом и телосложением были равны. — Да ваш Злат пусть хоть в золоте вымажется, хоть карамелью обольется — всё равно не взгляну в его сторону! Только и знает, что ходит расфуфыренный, как гусак!

— Как кто?! — взвился Радмил.

И Варя с запозданием припомнила, что гусаками здесь называют экзотических «треххвостых» ленивцев, отличающихся сильным неприятным запахом. (Однажды она наткнулась в учебнике зоологии на изображение очаровательного глазастого зверька, напоминающего лемура. Услышав ее умиленный возглас, мальчишки не упустили возможности над «одноклассницей» посмеяться: сперва по секрету сообщили, что в столичном королевском зверинце есть вольер с этими созданиями. Когда же Варя стала умолять сводить ее на экскурсию и схватилась проверять зарядку и память у смартфона, чтобы вдоволь пофоткать — мелюзга ехидно объявила ей на ушко, из-за какой-то особенности физиологии неповинный зверек получил название «треххвостый», если на самом деле у него от природы только два хвоста, да почему на картинке в учебнике нарисовали только мордочку, да отчего в зверинце к этому вольеру смотрители не подпускают незамужних барышень. Варя ожидания мальчишек не оправдала — и не подумала смущенно пищать и ругаться за пошлые шуточки. Ее возмутил факт дискриминации! А ведь Вран уверял, будто здесь женщин в правах никогда никто не ущемляет...)

— Прости, — скисла Варя. Подумала и отвесила опешившему пажу поклон, не особо низкий, но достаточно вежливый. — Я не то имела в виду. В нашем мире гусаки — очень важные птицы. Говорят, они своим гоготанием древний город спасли от пожара, вроде бы... Да, они забавно ходят вразвалочку и вид имеют глупый и горделивый, но на воде выглядят не хуже лебедей. Я видела, у вас есть отдаленно похожие птицы — позади ратуши есть пруд,

там лилии цветут... тьфу! Там птички плавают, на лебедей похожие, только у них по четыре крыла, клюв с зубами и размером они со страуса!.. А, теперь про страусов объяснять, да?

— Она имеет в виду белоокрасов, — подсказала догадливая Мстислада.

— А-а... — переосмыслил спорное сравнение Радмил. Обижаться передумал, то ли найдя в этом образе что-то лестное для объекта обожания, то ли умилившись неуклюжести изящной четырехкрылой птицы в сухопутной среде, так напоминающей некоторые повадки избалованного принца, иногда выходявшего «в люди».

— Правда, что ли? — изумилась Варя, обернувшись к княжне, захлопала глазами. — Врана, выходит, действительно в честь птицы назвали?

— Возможно, родители сулили ему этим именем богатую вальяжную жизнь, — пожала плечами княжна. — Но со временем стало ясно, что никакой он не увалень-белоокрас, целый день ныряющий за жирной рыбкой или высоко парящий на четырех широких крыльях, красуясь длинным хвостом-веером. Он самый настоящий вран — резкий, стремительный, больно клюющий.

— А этот вран?.. — решила уточнить Варя, — он у вас какой? Черный и каркает?

— О, сейчас покажу! — Мстислада улыбнулась, сделала знак «подожди минутку!» — и, сложив губы бантиком, особым образом посвистела: «Тюфыть-фыть-фыть!»

На ее поднятую руку мгновенно спикировала пташка, уселась на указательный палец, как на жердочку.

«Прямо как Белоснежка!» — подумала Варя. Однако умиляться на сказочные умения чародейки было недосуг, Варя осторожно приблизилась мелкими шажками.

Предъявленный для утоления любопытства вран оказался ястребом! Полный чувства собственного достоинства, изящный и опасный, абсолютно черный хищник... размером меньше воробья, на тоненьких ножках длиной с карандаш.

— Мда... — протянула Варя, и княжна подбросила птичку обратно в небо.

Тут было, о чем поразмыслить: имя ювелиру дали в честь пернатого крокодилища, а прозвище он получил от гордой пичуги совсем иного калибра. Может, отсюда и чувствуется это его внутреннее противоречие, душевный разлад с самим собой?.. Варя сделала себе заметку на будущее: если братья еще раз заманят ее на чарку сладкого вина, она устроит им сеанс психоанализа.

— А что означает имя Алояс? — заодно спросила она в целях лучшей адаптации к традициям этого мира.

— «Алый и ясный» очевидно, — предположила Мстислада. — Похоже, он родился то ли на рассвете, то ли на закате — алом, предвещающем ветреную погоду.

— Ну, хоть у Вихря полная гармония вышла, — порадовалась за наставника Варя.

— Да уж куда им обоим до его высочества Зимослава Ледомира Снежена! — фыркнул паж.

— Будто Лучедар Злат из Златограда чем-то обделен! — парировала Варя.

Напрасно она волновалась и сидела до глубокой ночи на окошке с видом на главное крыльцо — Вихрь и Вран вместе с подругой благополучно возвратились живыми и здоровыми. Видно, что сильно устали, но выглядели довольными. Мужчины попрощались с учительницей тут же на крыльце, Алояс в благодарность за помощь с чувством поцеловал ей руку, чем немало смутил барышню. После ее поспешного ухода братья отправились к ювелиру — чистить перышки, ибо оба были заляпаны грязью по уши, что стало видно в свете фонарей, висевших над воротами школьного забора.

Варя уж хотела покинуть свой пост на подоконнике, да задержалась, вспомнив, что ворота-то на ночь запирают. Стало ужасно интересно, как эти двое справятся с задачей... Но нет, ничего интересно не случилось: насколько она разобрала, вглядываясь издали, Белоокрас просто отпер калитку при воротах — набором отмычек. И, пропустив младшего брата, отмычкой же и запер обратно.

Варя фыркнула и наконец-то со спокойной душой пошла спать.

Правда, когда она проходила мимо дверей женской купальни и услышала тихое журчание воды и плески, мелькнула мыслишка: а не воспользоваться ли усталостью учительницы и не расспросить ли ее хорошенько с пристрастием, чем таким они занимались целый день всей компанией с Зимославом во главе? Только совесть остановила ее от столь подлого шага. Варя урезонила себя тем соображением, что утром расспросить Алояса будет гораздо честнее. Ну, а если он ничего не расскажет — что ж, выйдет ей еще один урок: доверие нужно заработать.

Глава 8

По причине ночного бдения Варя совершенно не выспалась. Поэтому она почувствовала себя очень несчастной утром, услышав стук в дверь и требование:

— Варвара? К вам пришли! Вставайте, одевайтесь поскорее — вас ждут!

Собрав волю в кулак, она спихнула с себя недовольно засопевшего Финика. Оделась и умылась, почти не разлепляя глаз. На автомате умудрилась спуститься с «женского» этажа по длинной лестнице вниз, вышла на крыльцо, следуя просьбе, послушно села в колесницу — где снова благополучно задремала.

Только когда повозка остановилась перед незнакомым вычурным зданием, Варя открыла глаза и с недоумением обнаружила, что находится вовсе не в машине, совсем не с родителями, и приехали они точно не на дачу.

За рулем, в данный момент развернувшись вполоборота, сидел принц Белозорья — Лучедар Злат собственной златокудрой персоной. На переднем пассажирском диванчике, спиной к водителю, расположился Радмил. И вроде бы эти двое терпеливо ждали, когда Варя проснется — но сами времени не теряли даром и очень нежно переглядывались между собой. Варя, проморгавшись и опознав два профиля, сблизившихся почти нос к носу, замерла, деликатно пытаясь не спугнуть дуэль пристальных взглядов.

Однако Радмил почувствовал чужое внимание — резко обернулся к ней, уставился, будто мысленно проклиная на чем свет стоит. Нежная улыбка с губ Злата тоже слиняла.

— Такую доверчивую соню нетрудно похитить и увезти на край света, — скривился в усмешке Радмил, метя подколоть Варю.

Только та и не подумала смущаться:

— Разве не для похищения я вам нужна? — парировала она.

— Чему ты сама безмерно рада, — заметил паж.

— А то! — кивнула Варя. — Жду не дождусь, когда его высочество Зимослав явится, дабы избавить вас от моего общества.

Принц Злат при этом ее заявлении недоверчиво покосился на пажа, Радмил же ответил ему торжествующим взором, будто они оба выиграли в лотерею главный приз.

Варя привстала с места и оглянулась по сторонам — эта улица была ей незнакома.

— Можете играть в гляделки хоть целый день, только будьте любезны, скажите, в какую сторону мне идти, чтобы вернуться в школу, — потребовала она. — Иначе по вашей вине я опоздаю на занятия.

— У тебя не будет сегодня уроков, — объявил паж. — Я предупредил Вихря, не изволь волноваться о своем драгоценном наставнике. Сегодняшний день ты проведешь с нами.

— Ой, какая честь! — всплеснула Варя руками. Однако на место не села, встала, подбоченясь, отчего все кролики, вылезшие из колеса, побросали кормушку и прочие свои дела и с любопытством на нее уставились. — Это с какой же радости я заслужила ваше внимание, господа? Учтите, в нервном трепете я могу неосознанно немного поколдовать, а чародействую я пока крайне непредсказуемо. Так что заранее предупреждаю: если вам приспичило познакомиться ближе, за последствия я отвечать не собираюсь.

Радмил смерил ее насмешливым взглядом:

— Полагаю, ты отбросишь нелепые подозрения, если дашь мне сказать хоть слово.

Варя на это выразительно фыркнула.

— Сударыня, — несмело заступился за пажа Злат, — в беседе с Тугохвалом вы обмолвились, что желаете участвовать в выборе подвенечного платья. Поэтому мы привезли вас сюда — к главному придворному портному. И просто не успели сообщить вам о цели поездки, так как не хотели тревожить ваш сон.

— О, так это — столичный Дом Моды? — сообразила Варя, мигом раздумав ссориться.

Вычурно изукрашенное здание выглядело многообещающе, а принц — немного виноватым. Поэтому она решила проявить великодушие и смиренно потерпеть компанию этих неприятных до изжоги типов, раз предстоит такое важное дело.

Впрочем, принц не пошел вместе с ними, смущенно заверив, что ему, как формальному жениху, не полагается присутствовать на примерке платья невесты, а уж костюм для свадьбы он как-нибудь подберет из своего «повседневного».

Зато Радмил увязался с нею — и немедля взялся командовать армией модисток и портных. Без зазрения совести забегал к Варе за ширмы во время переодеваний, до хрипоты спорил со старшим модельером о фасонах и тканях, проявляя при этом немалый вкус и осведомленность — за что Варя сразу же прониклась к нему искренней благодарностью. Одна бы она не выстояла против целой армии, вооруженной булавками и иглами для наметок.

К счастью, задолго до их визита о платье невесты похлопотала Мстислада. То ли фрейлина опасалась, как бы не упустить сроки и не ударить в грязь лицом перед иностранным «похитителем». То ли она сделала это еще раньше, когда думала, что ей самой не миновать сей участи — в любом случае ее старания Варя оценила высоко.

Невесте представили на выбор три великолепных наряда — почти готовых, правда, пока собранных на «живую» нитку, чтобы можно было подогнать точно по фигуре. И все три платья отличались роскошью, изяществом и немалой оригинальностью. Это вам не унылое земное средневековье! И даже не ренессанс с классицизмом, а самый что ни есть *judashkin-style* в лучшую пору расцвета. Невесте предлагалось предстать перед публикой и женихами либо в образе цветочной феи, чей наряд, соответственно, был украшен белыми шелковыми розами и заткан тонкими растительными узорами. Либо сделаться снежной королевой в строгом платье и бесконечно длинной мантии, отороченной лебяжьим (белокрасовым) пухом. Или же стать богинеподобной

золотой дивой в чем-то струящемся, переливающимся, с тугим корсетом и обширным декольте.

— Золотое не хочу! — сразу заявила Варя, едва взглянув на себя, такую всю сверкающую, в ростовое зеркало. — Я ж не за Злата иду замуж. То есть, за него, конечно, но не из любви к нему... Ну, в общем, ты меня понял, Милка!

— Верно, такому декольте требуется грудь Мстислады, а не твоя, отвисшая, — поддержал паж.

Варя его замечание высокомерно проигнорировала.

— Цветочки меня полнят! — решила она, примерив образ феи.

— Цветочки чудесны, но не на такой жопе, — не моргнув глазом, поддержал ее Радмил.

Таким образом остановились на наряде снежной королевы. Варе пришлось по душе и ткань, искрящаяся, как снег в морозный ясный день. И обманчиво простой крой юбки с прямым силуэтом, и длинные рукава с затейливой отделкой. Вырез декольте тут был умеренно скромный, в форме перевернутого треугольника, а роскошный воротник, стоячий, ажурный и легкий, напоминал узоры инея. Даже в неподогнанном варианте Варе понравилось, каким стройным выглядело ее отражение. А мантию с лебединым пухом она попросила заменить на струящуюся серебристую накидку — не совсем фата, но что-то вроде.

Когда все вопросы по подвенечному наряду решили, а Варя наделала вдоволь селфи с помощью зеркала, выяснилось, что Мстислада не долее как вчера успела заказать в подарок для новой подруги пятнадцать «повседневных» платьев, и они тоже требовали примерки и подгонки. Первым порывом Вари было отказаться от щедрого сюрприза. Однако паж заверил, что княжна может легко себе позволить хоть полгорода принарядить без ущерба для своего кошелька, а полтора десятка платьев для нее сущий пустяк. Во-вторых, Мстислада никогда ничего не сделает без выгоды для себя. Здесь же она зрит в грядущее и понимает, что будущей королеве Синегорья совсем без приданого к жениху уезжать никак нельзя — у него там тоже придворные не дикие и понимают толк в моде. Впоследствии Варя, сделавшись женой правителя соседней страны, несомненно оплатит подруге за столь своевременную услугу.

— Угу, как королева королеве, — вздохнула Варя.

Ну хоть кто-то верит в ее счастливую судьбу! Сама же Варвара, поглядев на себя в подвенечном наряде, изрядно струхнула и вообразила, что похититель за блеском платья свою суженую-наряженную и не разглядит. А как домой вернется с «добычей», так задвинет невесту в темный уголок к паукам и прикажет носа не высовывать. Неужто у него дома нет красавиц виднее, чем она, попаданка убогая? Куда она ему такая понадобилась? На нее королевич лишь разочек взглянет, и только из-за дедовского проклятия. Да разве он выберет себе в жены не пойми кого, взявшуюся невесту откуда? Определенно Варе не на что надеяться — фиктивная помолвка с одним принцем в лучшем случае поменяется на фиктивный брак с другим королевичем. И будет у нее не замужество, а бракованная фикция!..

Такие мысли накатили на Варю, захлестнули, закружили голову и под конец примерки довели до тихой паники и крупной дрожи. Когда же королевский модельер вызвал королевского сапожника, и тот явился с парой туфель для подвенечного наряда — на низком каблучке, почти прозрачные, почти ювелирные, все блестящие и будто вырезанные из горного хрусталя... Варя, узрев поданные ей на алой бархатной подушке эти золушкины туфельки, так прониклась предчувствием неминуемого провала, что без прелюдий разразилась рыданиями в голос.

— Эй, ты чего?! — напугался Радмил.

— Ничего особенного, со всякой невестой случается, — заверил пажа сапожник, деловито обувая рыдающую взхлеб невесту, обращаясь, словно ласковый конюх с лягачей кобылой. — Бесполезно успокаивать, нужно дать власть проплакаться.

— Лишь бы колдовать не начала, она ведь недоученная, — озабоченно предупредил всех присутствующих Радмил.

Впрочем, никого этим не испугал — персонал у портного был опытный, всяких невест повидали на своем веку. Кто-то кстати припомнил байку про беременную чародейку, в истерике перебившую все зеркала в заведении.

Варе было ужасно стыдно — она никак не могла унять рыдания и икоту. Как кукла стояла перед зеркалом в нижнем белье, в глазах всё плыло от потоков слез, а модистки деловито продолжали ее обмерять по всем местам и размерам, расторопно прикидывали к раскрасневшейся физиономии разные ткани, проверяя, пойдет ли ей такой-сякой оттенок-расцветка, не бледнит ли, не полнит ли. Не невеста, а позорище, манекен с воющей сигнализацией!

В конце концов ее заботливо одели в прежнее платье и выпроводили за дверь. Радмил под локоть довел до колесницы, посадил, запихнул, усадил.

— Чего это с ней? — нахмурился Злат.

— Обычное для невесты состояние, — пожал плечами Радмил, стараясь скрыть собственную растерянность.

— П-п... про... сти-ти-те!.. — проклацала зубами Варя, уже сама до крайности измученная истерикой.

— Ты ведь не завтракала? — осенило принца. — Это с тобой от голода!

Как ни странно, он попал в точку.

Они втроем зарулили в какое-то заведение общественного питания (еще не ресторан, но уже не просто харчевня), через черный ход прошли в отдельную комнатку, где для них тотчас накрыли стол. И стоило Варю через силу, проталкивая каждую ложечку через комок в горле, похлебать горячего, вкусного, наваристого супа (с лапшой, да с жирной ножкой местной курицы), как ей сразу же полегчало.

— С-спа... си-ибо... — прошелестела она, дрожащими пальцами показывая, что говорить нормально еще не может, узел нервов в горле ослаб, но мог в любой момент подкатить обратно, перехватывая дыхание.

— Пустяки, — смутился Злат. Кивнул на паж, хрустевшего жареными в сухарях крылышками: — С ним раньше такое же бывало. Вот я и запомнил, что нужно делать.

Радмил оторвался от еды, возмущенно поднял голову:

— Со мной? Когда это?!

— Давно. Ты мелкий был, поэтому не помнишь. Орал так, что синел весь. А потом два дня ходил молчал, говорить не мог.

— Не было такого! Врешь ты всё! — стоял на своем паж, аппетит потеряв.

— Снежен приедет, у него спроси, он наверняка помнит, подтвердит, — уверенно заявил Злат. Для Вари пояснил: — Он тогда старше всех нас был в компании, он и догадался, что истерику похлебкой тушить надо.

— Зим-то старше, а ты-то был из нас самый младший! — парировал Радмил.

— Неправда! Чара на полгода меня моложе, — со смешком вспомнил Злат. Варю кивнул: — Чара-Чаруша, сестренка Милкина двоюродная. Девчонкой была шустрая! Вот она в истерики не ударялась — она мальчишек колотила по любому поводу. Снежена, правда, уважала и на него не наускаивала, зато Милонегу от нее каждый день доставалось. Хотя Нежка был не намного младше Снежена, зато выше того на голову.

— Угу, а ты — младше меня на полгода, что ты вообще мог понимать? — проворчал паж.

Злат кинул на Варю выразительный взгляд, призывая быть снисходительной к пустому брюзжанию его компаньона.

Варю молча закивала. Как же плохо не иметь возможности спрашивать, когда разговор ушел в такую интересную сторону! Выходит, двоюродные внуки Тугохвала и Лучедар в нежном детстве тесно дружили с соседским королевичем? Несмотря на разницу в возрасте, особенно ощутимую в детскую пору.

...Злат оказался отличным парнем. Он заказывал новые и новые кушанья, крошечными порциями, зато много разных — каждое лакомство вкуснее другого. После третьей кружки пенистого фруктового сидра (и похода в уборную, где не забыла ополоснуть лицо холодной водой), Варю сумела расслабиться, и узел в горле пропал. Впрочем, она продолжала помалкивать и внимательно слушать, потому что язык развязался у принца. Не похоже, что так на него подействовала слабенькая выпивка — в сидре было больше пузырей и аромата, чем алкоголя — просто он окончательно поверил, что лично для него Варю не представляет угрозы.

Он болтал и болтал, даже когда Радмил ушел в уборную, бурча ругательства в адрес подлого пойла, из-за которого он вынужден оставить своего легкомысленного принца наедине с коварной невестой. И Варю не могла не заметить, как долго паж не возвращался — наверняка сторожил под дверью, не пуская прислугу, деликатно позволяя Лучедару всласть выговориться с глаза на глаз.

Для начала Злат, потупившись, со всей серьезностью попросил прощения за свою неоправданную грубость при первом знакомстве. Варю чистосердечно заверила, что зла не держит — и намекнула, что вместо многословных извинений с удовольствием бы послушала о проклятии, из-за которого заварилась вся каша с фиктивной невестой.

Злат ее просьбу исполнил, однако ничего нового для себя Варю не узнала, в его изложении история мало отличалась от той, что рассказал Белокрас Вран. Зато принц вспомнил о случае из собственного прошлого:

— Ведь из-за этого дурацкого проклятия мы с Зимом и поссорились. Насмерть. Он — со мной. Ему было тогда лет двенадцать, кажется, а мне почти вдвое меньше. Я смотрел на него снизу вверх, как на взрослого...

Варю мигом прикинула в уме: двенадцать местных — это примерно пятнадцать земных лет. Подростковый возраст, самое время для ссор насмерть и на всю жизнь.

— ...Нам кто-то рассказал о проклятии, — продолжал Злат, и по его лицу было понятно, как он скучает по той безмятежной дружбе. — И Зим очень расстроился. Мне даже показалось, что эта чушь стала для него большим потрясением, чем весть о пропаже его отца. Впрочем, когда дядя Кудеяр исчез, мне было три года, и, если честно, я плохо помню, как тогда вел себя Снежен... Зим и остальные только-только приехали сюда и едва привыкли к нашей семье, к нашему дворцу, и тут такая весть... Говорят, он до сих пор верит, что отец вернется, просто блуждает между миров и не может найти дорогу обратно... Прости, я плохой рассказчик.

Варю горячо (но коротко) заверила Злата, что его сбивчивость и перепрыгивание с события на событие несколько ее не сбивают.

— Они у нас четыре года прожили. Я их всех считал уже родными моими братьями и сестрами! И еще бы дольше вместе оставались, если б не узнали о «наследстве» от Грозоврата. Кстати, он тогда еще был жив, древний

старикашка. Снова вступил на престол и правил Синегорьем вместо пропавшего сына и малолетнего внука. Тетя Буря — Хранислава Буря, мать Зимкина — из нее государыня вышла плохая, всё-таки неблагородное происхождение сказывается, нет в ней нужной струнки. Если б не дед Путивест, она бы одна не справилась — война из горящего Вольнополя запросто перекинулась бы на их земли. А дед стиснул кулак, и в его паучьей костлявой руке мятеж захлебнулся кровью. Конечно, Кудеяр тоже успел много сделать. И дядя Яснолики и Милонегга тоже себя не щадили, мстили заговорщикам за растерзанных короля и королеву, как безумные... Я-то этого всего не знал, мне потом рассказали, — добавил он с ноткой вины. — Не представляю, как Краса и Неж выдержали, ведь их родителей зачарованная толпа убила у них на глазах! Мне ничего не говорили, я в свои три года считал, что они грустные, потому что их отослали к нам учиться... Они вправду прилежно учились — у Тугохвала, он тогда и задумал создать свою академию. Зато ни я, ни Милка, как ни тужились, дар в себе пробудить не сумели. Но всё равно приходили и делали вид, что занимаемся, а сами, конечно, только мешали всем, — он рассмеялся, с теплом вспомнив былое. — Я страшно завидовал Зиме, а Милка — Чаруше. Я всё рвался поехать к деду Грозоврату, мечтал стать его учеником. Не понимал, что старику едва хватало терпения на управление страной, на родного-то внука сил у него не оставалось. А жаль, одно занятие с легендарным колдуном стоило бы этих четырех лет учебы у нашего пустозвона Тугохвала. Мой отец долго не желал расставаться с мечтой, что я стану первым чародеем на престоле Белозорья, и меня заставляли заниматься по принципу: «А вдруг?!»

— О, как я тебя понимаю! — не могла не улыбнуться Варя, вспомнив собственные старания, благо воспоминания были свежее некуда.

— У Зима всё получалось играючи, — вздохнул Злат, грея в руке стакан сидра и провожая пузырьки рассеянным взглядом. — Я обожал его и ходил за ним хвостиком. Уже тогда, мальчишка, он мог бы потягаться с Чуроллютом. Правда, ему запрещали расходовать силы даже ради тренировок, ведь он не научился соразмерять возможности и в пустяковом заклятии осушал себя за считанные минуты. Плохо, что к тому времени он остался без поддержки Алояса. А Зореслава, младшая сестра Снежена, была еще слишком мала — младше меня на два года. Из нее, младенца, Грозоврат выщедил единственный накопитель и отправил Зиме с наказом использовать лишь под угрозой неминуемой смерти. Мне, конечно, не понять, но уже тогда я подозревал, что это суцая пытка — носить в себе могущество огромной силы и при этом не иметь возможности эту силу применить и даже толком опробовать. Впрочем, Вран говорит, он и сейчас почти всё так же связан по рукам...

Варя прикусила кончик языка — вот когда она точно узнает, что ее накопители подходят желтоглазому королевичу, тогда и похвастается своими перспективами. А пока это всего лишь предположения Алояса и Врана. Им, конечно, виднее, но мало ли! Тут главное самосглазом себе же не подкузьмить...

— Так из-за чего вы с Зимославом поссорились-то? — напомнила она о самом интересном.

— А я разве не сказал? — захолопал глазами Злат. — Какая-то старая гримза, то ли одна из моих нянек, то ли вообще посторонняя старуха, рассказала Снежину о проклятии Грозоврата. Я, как обычно, ходил за Зимом по пятам, поэтому тоже всё услышал. Удивился, конечно, но в целом прекрасно помню, что мне было наплевать — женитьба казалась делом далеким, где-то рядом со старостью. А он распахнулся. Прибежал во дворец — я за ним. Заперся в комнате — я прошмыгнул. Тут он на меня и наорал: «Зачем ты ходишь за мной и хочешь дружить? Если я должен буду украсть твою невесту! Ты полюбишь девочку, а я вас разлучу! Ты понимаешь? Я стану злодеем! Из-за тебя, из-за твоей невесты! И из-за вас мне запрещено самому выбрать себе судьбу!» Смешной такой. Сам наорал на меня, сам на меня разобиделся и сам же разрыдался. Кричал на меня и плакал, слезами брызгал. А я стоял, ошарашенный этой его первой и единственной вспышкой — и не знал, что делать, чем загладить вину, если провиниться мне предстоит только много лет спустя. Потом-то я понял, почему он взбеленился — в то лето он умудрился впервые в жизни влюбиться. А я, как олицетворение давнего проклятия, встал у него на пути. Но тогда я мало что соображал. Только нашелся сказать: что ты на меня-то взъелся? Виноват твой дед, ругайся на него! Зим решил, что я прав — собрался и уехал на следующий день. Вот уж не знаю, что он высказал Грозоврату. Сомневаюсь, что он так же орал на него, как на меня. Но как-то, видимо, они объяснились, раз дед оставил его при себе и спустя пару лет передал трон... В общем, дело давнее. Но Милка до сих пор на него за это злится — блюдет мою попорченную честь. А Зим на меня дуется и не разговаривает.

— То есть, поэтому ты во время отбора невесты был злой, как в попу укушенный? Боялся выбрать ту, которая твоему другу не понравится?

— Ну, и поэтому тоже, ты угадала.

— А еще почему? — заинтересовалась еще больше Варя. Осенило: — А, ясно! Твое сердце занято, и сама мысль о ложной невесте тебе противна до умопомрачения.

— И тут угадала, — усмехнулся, отведя глаза, Злат.

— Короче, вы оба дураки! Каждый из вас считает себя виноватым, поэтому боитесь идти на контакт!

Принц похвалил с ехидцей:

— Сообразительная ты какая! Недаром за тебя Тугохвал ухватился.

— Но-но! — вольно пригрозила Варя. — Не надо мне строить глазки, ты не в моем вкусе.

— Это хорошо! — расплылся в довольной улыбке Злат.

— Ты всерьез опасался, что я в тебя, такого красивого, как клещ вцеплюсь? — фыркнула Варя.

— Обычно барышни так себя и ведут со мной, — с тяжелым вздохом констатировал он.

Варвара в задумчивости залпом допила свой стакан. Икнула от ударивших в нос пузырьков, запоздало ойкнула и прикрыла ладошкой рот. Поиграла бровями, пытаясь поймать важную мысль. Ухватила-таки волнительную суть:

— А в кого Зимослав в то лето влюбился? А?

— Откуда мне знать, — не поднимая глаз, буркнул Лучедар.

«Врешь!» — поняла Варвара.

Но нажимать на принца остереглась, у них только-только установилось хрупкое подобие взаимопонимания. Иметь официального жениха в союзниках сейчас ей было важнее, чем узнать о возможной сопернице. Варя утешила себя соображением, что было это давно, Злат в ту пору был глупым мальчишкой и мог всё перепутать, поэтому полученные из его рук сведения с равным успехом могут обернуться вредной дезинформацией и наоборот собьют ее с толка. Уж лучше Варвара продолжит смотреть на окружающих непредвзято и сама сделает выводы.

— ...Куда теперь? — просил паж, когда они втроем покинули гостеприимное заведение, по-братски обнявшись за плечи, будто собрались отплясывать греческий хоровод. — Во дворец? Или проводим барышню к Чуролюту?

— А пошли ко мне! — широким жестом взмахнула рукой Варя. Ее немного повело в сторону от вышитого сидра, но это лишь рассмешило компанию и ее саму в первую очередь.

— В твой мир? — ахнул Радмил, еще теснее прижался к Лучедару, у которого мечтательно засверкали глаза.

— Ага! — азартно кивнула Варя. — У меня только Финик бывал, а Чуролюту смелости не хватило! И Вихрь струхнул. Хотите, станете первыми моими гостями, а?

— Алояс и Тугохвал — они-то понятно, отчего отказались, — вздохнул Радмил. — Кудеяр Смур сгинул при них, они у него в помощниках тогда были и вытащить не сумели.

— Всегда мечтал побывать в других мирах, — признался принц. — Но куда уж мне! Это только Зим прыгает из портала в портал... С другой стороны, неизвестно, как твой мир, по твоим словам лишенный магии, повлияет на наших чародеев, — вывел он умную мысль. — Ведь есть такие миры, которые из колдунов силы за минуту высасывают, иссушают до смерти! Если в такой попадешь, обратно вернуться не сможешь. Тугохвал как-то раз проболтался, что Белокрас, когда мелким был и метил в ученики к деду Грозоврату, однажды угодил в стихийный портал и там едва не погиб. Старик чудом его спас, вытащил назад, но своего дара Вран полностью лишился. А сам дед Грозоврат долго не мог оправиться и даже из-за этого передал трон Кудеяру раньше срока.

Все дружно помолчали, сочувствуя.

— А кто сказал, что мой мир лишен магии?! — вдруг вскинулась Варя. — Ведь вот я! Я же сама открыла портал к вам сюда — и держу его целый месяц, бессознательно и не прилагая усилий, черт его знает как! И шастала к вам сюда еще до того, как во мне разбудили эту вашу местную силу. Значит, магия в моем мире должна быть! Просто она другая совсем, не такая явная и общеизвестная, как ваша тутошняя.

— Тоже верно! — поддержал соображения Злат.

Между тем они подошли в колеснице, и он махнул кроликам условным жестом, отчего те сиганули занимать свои места в колесе. Лучедар, как истинный джентльмен, помог своим спутникам-собутыльникам забраться в повозку, после чего занял водительское кресло. Варя хихикнула, гадая, не остановят ли их городские стражи порядка за вождение кроликов в нетрезвом виде? Или принцу всё простительно?

— А давайте! — громко воскликнул паж, напугав ездовую хвостатую стаю, так что все ушки с кисточками обратились в его сторону. — Чего нам бояться, есть там магия или нет — какая разница?! Ни мне, ни Злату потерять дар не грозит, ибо нечего терять-то!

— Значит, сначала едем во дворец! — объявила Варя. Пояснила, критически оглядев спутников: — Для начала вам надо переодеться, потому что в моем мире такое не носят.

Те поглядели на нее в недоумении, ведь сегодня оба были в обычных своих костюмах придворных вельмож: сдержанные благородные оттенки фиолетового с розовым и винного с оранжевым, совсем немного золотого шитья, почти никаких драгоценностей. Можно сказать, сама скромность в отличие от парадных одежд, которые Варя удостоилась лицезреть в день отбора невесты.

— Надеюсь, у вас в гардеробе найдется что-нибудь темненькое, неброское? — с надеждой уточнила Варя. — В стиле «горожанин среднего достатка»?

— Полагаю, — с долей сомнения сказал Радмил, — костюмы для уроков фехтования должны подойти. Как раз на днях их вернули от прачек.

...Не напрасно Варя помянула о самослазе! На базарной площади их тормознул-таки прекрасно знакомый ей усач — и добрых полчаса внушал принцу о недопустимости вождения колесницы в нетрезвом виде. Якобы кролики

не выносят даже малейшего запаха алкоголя от водителя и перестают слушаться его команд. Надо отдать должное Злату — он выслушал лекцию с кротостью и смиренно поклялся, что больше подобного не повторится. Варя на его месте провалились бы от стыда сквозь землю — получить показательный разнос на глазах у всей столицы! А Лучедару ничего, встряхнулся и дальше поехал, будто каждый день подрабатывает «наглядным пособием» для собственных подданных. Хотя возможно так оно и было.

До дворца доехали с ветерком.

Во дворце пробежались по залам быстрым шагом — впереди Злат, рассекая толпу удивленных придворных и прислужников, за ним, с трудом поспевая, привычный паж и запыхавшаяся Варя. На нее, узнавая в ее лице нареченную невесту, пялились все без исключения.

— Ваше высочество! Примите поздравления! — слащаво сыпалось со всех сторон.

— Принимаю, благодарю, — на ходу милостиво откликнулся Злат, надевший привычную маску приветливого равнодушия. — А с чем поздравления? У нас какой-то праздник, о котором я забыл?

— Ну как же! Вы счастливо воссоединились с будущей супругой! — отвечали ему с радостным смехом.

— О, точно! Спасибо, что заметили, — улыбался он, не сбавляя шага.

— А почему мы не прошли черным ходом? — недоумевала Варя, спеша за спутниками вприпрыжку.

— Наследный принц по собственному дому черными ходами не ходит! — провозгласил Лучедар.

— Ну и зря, вышло бы быстрее, — заметил Радмил. Льстивые поздравления придворных навели на пажа черную тоску.

Прихватив дежурившего у дверей принцевых покоев камердинера, Злат с пажом заперлись в спальне — принялись бойко переругиваться, точь-в-точь как давно женатая супружеская пара, и потрошить сундуки с нарядами. Брошенная в одиночестве Варя послонялась под дверью, послушала отголоски стихийно разгоревшегося скандала, смутилась — и ушла ждать в смежную гостиную.

Отдать должное вышколенному персоналу, перед ней тут же возникла горничная с вопросом, не желает ли сударыня что-нибудь выпить или дать какое-либо поручение. На что Варя мгновенно вспомнила о количестве уже выпитого и стеснительно попросила проводить ее до дамской комнаты.

Когда Варя вернулась, принц и паж еще не закончили снаряжаться, но притихли и выставили вон из спальни камердинера, статуей застывшего под дверью. Зато в гостиной ее поджидала княжна Мстислада.

— Так и знала, что это из-за тебя весь двор расшумелся! — воскликнула она, поднимаясь с кресла навстречу Варя.

— Не волнуйся, я здесь ненадолго, — пообещала та с полной уверенностью. И коротко пояснила, зачем, собственно, они «на минутку забежали домой к Злату».

Пока они разговаривали, красавцы явились не запылились — оба в строгих черных жилетах, застегнутых под горло, в белоснежных рубашках с просторными рукавами и кружевными манжетами, в облегающих черных штанах и лаковых ботфортах выше колена, на каблуках.

— Ну... — протянула Варя, оглядев обоих, — в принципе, сойдет. Если кто спросит, скажем, что играем в театре. Или еще лучше — снимаемся в ремейке «Гардемаринов»!

Никто шутки не понял, но оба активно закивали.

— Не желаешь отправиться с нами? — предложил Радмил княжне, хихикавшей под прикрытием веера.

— Чего я там не видела? — приподняла брови Мстислада.

Все вопросительно обернулись к Варя.

Варя на мгновение озадачилась: а верно, на что там смотреть утонченной благородной деве? По музеям гулять — так это надо в Питер ехать, а это слишком долго, да и нафига? А в ее городе, в ее районе ничего кроме запаха бензина и серых многоэтажек не увидишь... Разве только в зоопарк их сводить и в кино? Только Варя понятия не имела, что нынче показывают и найдется ли что-то достойное...

Княжна на ее озадаченную физиономию развеселилась еще больше. Ткнула пальчиком в шелковой перчатке в «гардемаринов»:

— Вот они придут и расскажут, что там интересного. Верно?

Злат просиял, будто ждал от нее разрешения:

— Да, сестренка! А не боишься меня, единственного наследника трона, отпускать невесть куда?

Та расхохоталась:

— Потому и отпускаю! Если там пропадешь, его величество меня замуж позовет, чтобы я наплодила ему новых наследничков. Тогда наконец-то сбудется мечта твоих предков — на трон сядет могущественный чародей! Уверена, мои дети будут очень одаренными.

Паж незаметно пихнул Варю в бок:

— Не смотри так ошарашено. Она ему не кровная сестренка, а кузина троюродная.

Княжна услышала, залилась пуще:

— Просто мачехой называть меня еще рано!

— И много будет с тебя чести, сестренка! — парировал принц. — Станешь королевой, всё равно сестренкой останешься.

— Да хоть бабулей зови, — вздохнула та, отсмеявшись, резко захлопнула веер. — Мне кажется, я успею состариться прежде, чем твой отец сделает мне предложение... Ну, что встали? Идите, развлекайтесь! А я пока придумаю достоверную сплетню, куда ты со своей невестой подевался. Иначе, если король и Тугохвал узнают правду, оба умрут от потрясения, а потом посадят тебя под замок до скончания века. Или сперва посадят, потом умрут...

За Фиником в школу Варя заезжать не стала, иначе Алояс наверняка бы отговорил Злата от их эксперимента. Она рассудила, что белко-песец спокойно проживет без ее общества еще полдня, а если проголодается — пойдет к экономке или подруге Вихря, и те его всегда накормят до отвала, а потом и круглое пузико почешут.

В свой мир она провела взбудораженных парней ошеломительно просто — взяла за руки, шагнула вперед и дернула за собой что было силы. Те хором вскрикнули, боясь расшибить лбы о каменную стену... и присвистнули, дивясь на далеко не дворцовый интерьер однушки.

В отличие от Финика, которого волновал в ее доме только холодильник, этим всё было интересно — от люстры на потолке до радиоприемника. Варя старалась объяснять про всё как можно проще, условней и короче, иначе они бы застряли в квартире до ночи, а хотелось всё-таки выйти на прогулку. И очень кстати получилось, что завалились они к ней до полудня — куча времени на развлечения! Если с толком подойти к делу и не застывать на кухне перед дряхлой магнитолой. (Но зато, переключаясь с волны на волну, Варя выяснила, что ее «пришельцы» прекрасно понимают русскую речь, зато не понимают иностранные языки. Видимо, такое было правило у волшебного портала — где очутился, тому наречию автоматом и научился.)

Переодеваться в «родное» она раздумала — решила гулять так гулять! Народ всё равно станет пялиться, а вместе с нею, наряженной в старинное платье, их троица будет выглядеть куда органичнее и веселее.

Пока парни шокировано и заинтригованно пялились на чужой мир, выйдя на крошечный балкон, Варя успела сунуть в карман платья кошелек с наличными и кредитками. Нашла для смартфона запасную внешнюю «батарейку» и заменила карточку памяти на пустую — сегодня она собиралась наделать очень много фоток!

Начала прямо от подъезда, пощелкав послушно позирующих парней на фоне клумбы и угла соседнего дома, стандартной серой девятиэтажки. (У Вари был свой резон: на том портале, где она неплохо зарабатывала на якобы художественно офотошопленных снимках, всё чаще комментаторы стали задаваться вопросом, где же она берет натуру для своих «коллажей». На ее отговорки сетевые остряки начали строить предположения одно фантастичнее другого, и Варю это почему-то ужасно раздражало — ей хотелось сохранить тайну портала в другой мир только для себя, а догадки прекратить, выложив «необработанные» снимки друзей-«косплейщиков». Конечно, она понимала, что потом посыплются восторги от девушек и требования дать ссылку на профиль Злата, но это будет уже совсем другая история.)

Очень кстати у соседнего подъезда на лавочке сидели знакомые пенсионерки — пару раз Варя присматривала за их котами-собачками и поливала цветы, когда бабульки уезжали в санатории. Варя подошла, поздоровалась, спросила о здоровье — и вручила самой бойкой старушке смартфон, показала, куда нажимать, чтобы вылетела птичка. И с удовольствием сфоткалась, встав между двумя красавчиками и приобняв их за талии.

— Да знаю я, куда тыкать-то! — заулыбалась пенсионерка, уверенно наставляя глазок камеры. — Чай мне внучок каждое воскресенье из ихней Америки по скайпу названивает через такую же аппаратуру-дуру. А ты-то сама, Варюш, куда пропала? Не видать тебя которую неделю!

— Работаю, баб Зин, — отговорилась та, быстро проверив снимки и удалив пару смазанных, чтобы не занимали драгоценное место в памяти.

— Так на работу-то не видать что ходишь! И с работы не возвращаешься, — настаивала на своем соседка. — И по магазинам за хлебом-молочком не бегаешь.

— Ой, так я дома сиднем сижу, — нашлась Варя. — Снова фрилансом занялась. Да вот еще — косплеем! — Она покрутилась перед лавочкой, демонстрируя широкую юбку.

— Видим уж, видим! Красота, как в кино! — оценили старушки. Заблестели очками на помалкивающих парней: — А это кто с тобой? Ладные юноши!

— Тоже косплейщики. В интернете познакомилась, — сочиняла она, не моргнув глазом. — Там, вы не представляете, совсем другой мир! Я словно попала в другую вселенную со своей особенной магией! В общем, это не описать словами.

— Ты только там поосторожней, в своих соцсетях, — проворчала другая соседка. — Неровен час, в секту какую не попади. Знаем мы этих магов-чародеев-экстрасенсов!

Тут за экстрасенсов обиделась первая пенсионерка, поклонница паранормального теле-шоу. И Варя сделала знак парням, что можно убегать, пока про них забыли.

До трамвайной остановки дошли «тройкой» — Варя подхватила обоих под локотки и крепко держала, не позволяя отходить от себя ни на шаг. Конечно, ни принц, ни паж не были настолько дикими, чтобы глупо лезть под мимо проезжающие автомобили, однако отвлекались на любую вещь и смотрели куда угодно, но только не под ноги.

— Мне не нравится запах от здешних колесниц! — капризно сморщил нос Радмил. — Они выглядят красиво, и внутри сидения кажутся удобными. Но воняют!..

— Это из-за топлива, — пояснила Варя. — Есть машины, которые работают на электричестве, они не газуют. Вроде бы.

— На топливе? На масле, как лампы? Поэтому так же чадят?

— Нет, на бензине. И на солярке... Но масло в автомобилях тоже есть, это точно.

— Смотри! Что это за зверь такой?

— Собака. Хаски, крупная порода. Вон, там тоже собака — йоркширец.

— Это — тоже собака, как та? — не верил пораженный Радмил. — Но почему та здоровенная хаски тоже не одета в чепец и платье?

Варю хрюкнула, представив живописную картинку.

— Ну... Во-первых, это был не чепец, а панамка. Во-вторых, смотри вперед, не крутись, иначе мы опоздаем на трамвай...

— Злат, смотри! У них тут тоже луна бывает видна днем! Растущий месяц, надо же. А у нас сейчас убывающие... Погоди, а вторая где?

— У нашей планеты только одна луна, — пояснила Варя. — И нам хватает, это у вас лишняя.

— У них тут и Кольца не видно, — продолжал находить отличия Радмил.

— У нашей Земли нет кольца, — констатировала Варя, терпеливо исполняя роль хозяйки планеты. — Кольцо есть у другой планеты в нашей звездной системе, у Сатурна, но там люди не живут.

— А это тоже собака? Вон та полосатая прелесть? — умилился Злат, вывернув шею на ходу, разглядывая кошку на окошке.

— Нет, это кошка... Побежали скорей, наш трамвай пришел! — и Варя припустила последние полсотни метров до остановки, потащив за собой парней.

— Ты хочешь сесть в эту гроыхающую колесницу? — уточнил на бегу дотошный Радмил.

— Ага! Покатаемся, вам понравится!

Успеть-то они успели, только Варя не учла, что запрыгивать на ступеньку в платье старинного фасона несподручно. Хорошо, что Злат ее посадил, а следом и Радмила «закинул», и сам лихо вспрыгнул, будто всю жизнь на трамваях разъезжал.

Группа школьников, занявшая заднюю половину вагона, встретила «ряженных» одобрительными возгласами. Чтобы не разочаровывать молодежь, Варя отвесила им общий театральный книксен — и пихнула своих парней на свободное двойное сидение. Сама оплатила проезд и села сзади, благо мест было достаточно.

— Я так понимаю, это повозка тоже не кроликами приводится в движение, — оглядевшись, вывел Радмил.

— Верно, — подтвердила Варя. — Трамвай на электричестве ездит. Вон, видишь, по всей улице столбы, к ним крепятся провода, по проводам течет ток. Но первые трамваи, если я не путаю, были на конской тяге. Кони, то есть лошади — это такие копытные крупные звери, чуть помельче ваших сайгаков...

— Я понял, — остановил ее лекцию Злат. — И снова здесь всем управляет сила электрического тока. А ты еще говоришь, что у вас нет магии! По-моему, она в вашем мире вся в электричество утекла и в проводах процветает.

Варя смутилась:

— В чем-то ты прав, конечно. Технологии, особенно цифровые, достигли такой сложности, что большинство людей совершенно не понимает, как это работает. Ты нажимаешь кнопки на пульте — и у тебя включается телевизор, кондиционер, свет, музыка... Умная кофеварка варит кофе точно к приходу хозяина с работы, робот-пылесос убирает дом и развлекает скучающего кота, холодильник сам в себе пересчитывает продукты и заказывает в магазине те, что закончились... Даже вот смартфон — плоская дощечка с экранчиком, в нем и кнопок-то нет, надо просто пальцем водить — а сколько он всякой всячины умеет делать! А ведь еще есть медицинская продвинутая техника, от которой в оторопь бросает. Что уж говорить о военных разработках!.. Для простого человека, вроде меня, кто еще помнит из детства черно-белые телевизоры в деревянных корпусах-ящиках и телефоны с дисками, все эти вещи кажутся чудом. Непостижимой магией...

Радмил, внимательно слушавший ее спонтанную исповедь, сочувствующе покивал:

— Сложно жить в вашем мире. Ощущать себя тупее холодильного шкафа — такое не каждый разум выдержит.

...В зоопарке всем очень понравилось. Варя фотографировала своих ребят на фоне почти каждого вольера,

чтобы потом показать снимки Мстисладе и Тугохвалу. Злат пришел в детский восторг от рысей и вовсе онемел перед вальяжной красотой тигров. Радмил с удовольствием умял две порции сахарной ваты и перепробовал четыре вида мороженого.

В то же время другие посетители зоопарка с удовольствием фотографировались с ними и выспрашивали, какое кино они рекламируют. Варя усердно путала следы, ссылаясь то на очередных мушкетеров, то на новых пиратов, а то и вовсе придумывала нечто чудовищное вроде «Приключения эльфийского Дозора и маркизы Анжелики, невесты Дракулы, в стране Зазеркалья среди лилипутов-мутантов-зомби».

Насмотревшись на флору и фауну вдоволь, они отправились гулять по магазинам. Варя быстро провела своих пришельцев по супермаркету бытовой электроники — и заодно завернула в фото-отдел, чтобы отдать в экспресс-печать заполненную карточку памяти. Фотографии обещали сделать за пару часов, и за этот срок Варя планировала успеть еще два важных дела: выбрать сувениры друзьям и устроить подарок себе, любимой.

За сувенирами она отправилась (а парни, понятно, вместе с ней) в ее любимый ломбард.

Как почти все магазины в спальном районе, ломбард успешно совмещал торговлю по нескольким направлениям: собственно отдел приема и продажи бывшей в употреблении техники и ювелирки, а также обширную комнату букиниста, не менее богатый склад старьевщика-антиквара, витрину с фарфором, с подарочными музыкальными шкатулками, с каминными часами, и так далее.

Варвару же интересовал уголок с новенькими золотыми и серебряными украшениями. Там полновластно царила дочь владелицы ломбарда — Мария, ровесница Вари и хорошая ее знакомая. (Точнее, Машка была однокурницей Аньки, Вариной одноклассницы и лучшей подружки. Пару раз они пересекались на общих девичьих посиделках, куда Варя, надо признаться, выбиралась крайне редко. Под чай с тортиком тогда разговорились — и обнаружили объединяющую их обеих сорочью страсть к блестящим побрякушкам. С тех пор регулярно общались к обоюдному удовольствию исключительно через прилавок: Варя утоляла жажду блеска, а Маша высчитывала ей скидку как постоянному vip-клиенту и демонстрировала свежие новинки, еще не попавшие на витрину, прислушивалась к запросам при закупках и, бывало, придерживала приглянувшиеся вещички до «получки».)

— Какие люди! Какими ветрами? — грудным басом приветствовала любимую покупательницу пухлая владелица «фианитового уголка». — Давно тебя не было видно, Варюш, я аж заскучала.

— Зато сегодня я за оптовыми закупками, — многообещающе поиграла бровями Варя.

— В театр устроилась костюмером, что ль? — разглядела ее наряд Мария. — Тогда тебе надо бижутерией закупиться для декораций. Зачем кровную заначку на серебро тратить, если проще взять стекляшки покрупнее, чтобы с задних рядов было видно.

— Нет уж, стекляшек мне не надо, не та у меня публика, — туманно отозвалась Варя, а сама загоревшимися глазами забегала по бархатным лоточкам с колечками-сережками-подвесками-браслетиками.

У Машки тоже глаза загорелись — увидала за Вариной спиной блуждающих между витрин пришельцев в костюмах романтической эпохи.

— А это что за Ромэы с тобой? Целых двое, мамоньки! Охранники твои? — пригнувшись, зашептала она, часто задыхалась высокой грудью, заволновалась, заколыхалась, торопясь поправить прическу и убрать складочки на обтягивающей кофточке.

— Они не местные, гости, — тоже шепотом пояснила Варя. — Вот, выгуливаю по городу.

— Вижу, что не наши, — с придыханием отозвалась Мария, поедая глазами высокую статную фигуру принца. — У нас-то таких орлов не водится...

Между тем Злату наскучило разглядывать уцененную технику. Подойдя к Варе, усмехнулся:

— И здесь ты к ювелирной лавке прилипла?

— Да вот, хочу Зиму накопитель подарить, — пояснила она, с трудом имитируя равнодушный тон. — Вран жаловался, что на нем все камушки взрываются, замучился чинить. А фианиты вроде как покрепче будут. Как думаешь, какой перстенёк для него выбрать?

— Тогда уж не один перстень, а гарнитур с серьгами, — встал с другой стороны Радмил, взглянул на блистающий в свете ярких лампочек ассортимент. — С серьгами получится сразу три камня.

— О, точно! — обрадовалась идее Варя, посчитав, что камни из сережек пойдут в запас на замену того, что в перстне.

— И для Зима выбирай в серебре, — уверенно посоветовал Злат. — От стали, меди, золота и разные других сплавов у него чесотка и сыпь.

— Аллергия, значит, — поддакнула Машка, стрельнув густо подведенными глазами в принца. Тот ответил ей вежливой улыбкой.

— Ой, а можно мне примерить вон то колечко? — загорелся Радмил, высмотрев вещичку по своему вкусу.

— Отличный выбор! — похвалила Мария, расторопно отпирая витрину. — Мистический камень! Только на

той неделе привезли.

— Пряма-таки мистический? — фыркнула Варя, опознав в причине восторга пажа всего лишь радужно окрашенный темный фианит в зачерненной оправе.

— Конечно, мистический! — твердо стояла на своем Машка. — Смотри, как завораживает глубина! Игра света! Переливы цвета! О, и на пальчик село, как влитое. Берете себе, молодой человек? Дизайн унисекс, не нужно стесняться своей индивидуальности!

— Очень мило, — отвел глаза Радмил. Но колечко с пальца снял. — Спасибо, нет.

— Нет так нет, — легко согласилась Мария, но убирать не спешила. — Подумайте, вдруг передумаете. Вот еще есть браслетик к нему в пару, тоже с мистическими камушками и с огненными опалами, вижу, аккурат ваш размер, на тонкое запястье хорошо будет.

Смущенный ее профессиональной скороговоркой, Радмил счел за лучшее отойти от прилавка.

— Я куплю! — шепотом сказала Варя Машке, указав глазами на отложенное колечко.

— И браслет, если можно, — тихо добавил Злат. — Варвара, я отдам долг, как только вернемся...

— Брось, ерунда, это недорого. Считай это предсвадебным обменом подарками. Ты ведь оплачиваешь мое подвенечное платье, а я куплю тебе скромный сувенир на память.

— Спасибо, — с чувством ответил Злат. — Но платье оплачиваю не я, а мой отец. Точнее, средства казначейства...

— Неважно, — отмахнулась Варя. — Нет, стой! Не уходи. Мне нужно еще выбрать перстни для Чуролота, Врана, Вихря... И, пожалуй, серьги для Мстислады. Раз выбираем из серебра, мне денег на всё хватит.

— А главное, понесешь покупки ты, потому что мне нельзя к ним прикасаться, чтобы случайно не зарядить, — шепнула она принцу на ухо.

Для чародеев и ювелира удачно нашлись украшения с очень крупными бесцветным, красно-оранжевым и синим фианитами минималистического стиля. Варя заставила Злата всё перемерить, чтобы наверняка убедиться в достаточно большом размере колец (и этим едва не утомили Марию, чей главный фетиш был именно в лицезрении сверкающих перстней на изящной мужской руке). С серьгами для Мстислады вышло еще проще — взяли самые замысловатые.

А вот над выбором гарнитура для Снежена Варвара задумалась надолго. Как нарочно, идеально подходящими оказались два набора, оба с нужным размером кольца и с крупными, чистыми, сверкающими кристаллами. Оба ужасно Варе понравились. Однако банковское приложение в смартфоне выдало ей ультиматум: сейчас оплатить она сможет только что-то одно.

— Аметисты? Нежно-морковный тон под цвет его волос... — бормотала она, сосредоточенно сверля глазами лежащие на стеклянном прилавке комплекты. Утомила даже Злата, который присоединился к Радмилу, оба уставились на выставленный на полку телевизор, передающий последние новости.

— Окстись, мать! — печально-расслабленно укорила ее Мария. — Какой морковный тон, ежели аметисты сиреневые? Да и не аметисты это, а те же искусственные циркониты, то бишь наши любимые фианитики.

Подперев подбородок рукой, она облизывала взглядом фигуру принца, «лакомясь» напоследок мнимой близостью того, кто никогда не согреет ее одинокую девичью постель, но навсегда останется запечатлен в сокровенных мечтах.

— Или взять медово-золотистые? — не слыша ее слов, продолжала бубнить-медитировать Варвара. — Под цвет его глаз?..

— Ты коту комплект покупаешь, что ли, не пойму? — еще больше удивилась Машка. — Глаза желтые, волосы сиреневые — что за покемон у тебя завелся?

Варя это ее обидное замечание пропустила мимо ушей.

— Мань, как думаешь, какой камень крепче окажется на износ — желтый или сиреневый? Фианиты и есть фианиты, но вдруг примесь для цвета влияет на емкость...

— На какую-то такую емкость?

— Ну, то есть, на твердость...

— Откуда ж мне знать? Я на геолога не училась.

— На геммолога, — машинально поправила Варя.

— Вот-вот, — поддакнула Мария. — Нафига мне геморрой? Мне главное в ценах разбираться. И в трендах. А ты, это... замуж собралась, что ли? Про платье подвенечное всерьез говорили?

— Ну да, готовимся к свадьбе, — рассеянно кивнула Варя.

— А кто жених? — с дрожью в голосе уточнила Маша, заранее приготовилась завидовать.

Варя кивнула в сторону спутников:

— Злат. Блондин который.

Мария не села на свою табуретку — рухнула. Выдохнула:

— Нет, чо, правда? Не шутишь?..

Варя тем временем нашла способ решения задачи: закрыла ладонью глаза, помахала рукой над прилавком — и ткнула наугад пальцем. Обрадовалась:

— Всё, Маш, я выбрала! Беру желтенькие! Пробей всё вместе, пожалуйста.

— Да бери уж и аметисты, дарю, — вздохнула приятельница. — Раз такой повод.

— Ой, Маш, правда? — обрадовалась Варя, чуть не запрыгала на месте. — Вот спасибо! Я тогда тебе что-нибудь интересенькое привезу, обещаю! Я б тебя на свадьбу пригласила, но мы за границей будем, с его родней, сама понимаешь...

Мария подсчитала скидку, приняла оплату кредиткой, стрепла все покупки в подарочный блестящий пакетик. Проворчала:

— Тяжко тебе придется с таким мужем, Варюш. Ох, намучаешься! Он тебе платье заказал, чтобы ты перед его родней покрасовалась. А сам тебя, невесту, заставил покупать колечко для своего любовника. Вот ведь мужики пошли! Чем красивше, тем подлее и гаже.

Варя не удержалась, прыснула, покосившись на прилипшую к телеку парочку:

— А ведь правда, так и получается с кольцом-то!.. Но ты, Маш, зря так про Злата. Он только на первый взгляд противным выглядит, а на самом деле парень хороший.

И тут же требовательным тоном жены подозвала принца забрать пакетик, чтобы самой случайно не прикоснуться к камням. Злат мигом исполнил да еще вежливо поблагодарил Марию за услуги.

— Вот видишь, какой покладистый! — ехидно шепнула Варя вновь сомлевшей приятельнице. — Ладно, прощай! И спасибо тебе. Передавай привет своим от моих!

— Да чего передавать-то, — слабым голосом пробормотала Мария. — Наш Смурфик в своем логове сидит, пойди сама поздоровайся. А то скажу ему, что ты заходила, а он разобидится — как раз недавно тебя вспоминал. И это... удачи тебе с твоими... покемонами.

Отправив спутников подождать ее у выхода, Варя всё-таки решила заглянуть в отдел букиниста, чтобы повидаться с Машкиным отчимом, который по прихоти судьбы дружил с Вариными родителями задолго до знакомства самой Вари с Машей. Падчерица ласково прозвала приемного папу «Смурфиком» по его фамилии Смуров.

— Дядя Слава? — вошла она в обитель пыли, оторванных корешков и размочаленных корочек. — Я на минутку, только поздороваться, а то давно не видались.

На ее голос из лабиринта стеллажей выглянул высокий худой мужчина породистой наружности, но, к сожалению, лысый, как коленка, зато с густыми черными бровями и пепельно-седыми усами щеткой, как у ризеншнауцера.

— Варюша! Ты как будто еще подросла? Совсем невестой стала! — распахнул он длинные руки для объятий, будто Варя была ему родной племянницей, а не просто дочерью хорошего друга, у которого он полгода бомжевал на даче, пока Машкина мама не прибрала его себе и не встроила в семейный бизнес.

— Да ладно тебе, дядь Слав...

Варя не зря отшатнулась, ускользнув от смущающих объятий — неловкий взмах руками, и с обеих сторон тесный проход засыпали сотни потрепанных книжек, взметнув туман пыли.

— Эх, едрёна канитель, опять двадцать пять, — забавно выругался букинист. — Варюш, не обращай внимания, я потом разберу... А почему ты так странно одета?..

Однако попытка перешагнуть через груды книжек обернулась новым «книгопадом». Спасаясь от лавины, Варя пришлось спешно выскочить из опасного лабиринта букинистического отдела. И вовремя — дверной проем наискось загородило перекосившимся стеллажом.

— Долго объяснять, дядь Слав! Я очень сейчас спешу! Правда!

Растерянный книжник, беспомощно утопая в макулатуре по пояс, взмолился:

— Погоди, Варюш!..

— Извини, дядь Слав, меня ждут! А-ап-чхи-и!..

— Варь, ты скажи только: ты недавно где-то была?.. куда-то ходила?.. Даже не знаю, как сказать...

Но «глас утопающего» был плохо слышен из другого отдела, где к тому же вещал телевизор с рекламой.

— Что? Апчхи-и!.. Дядь Слав, я убегаю! Если я вдруг понадобится — эсэмесь! А лучше пиши на мыло, ! Машки адрес есть. И кстати, моим родителям позвони! Отец жаловался, что давно с тобой не видались, ему выпить рюмочку и культурно поговорить не с кем, а мать не наливает. Всё, я ушла! Не убейся там! Чхи-и!..

Книжник прислушался к удаляющимся легким шагам. Расстроено всплеснул руками, отчего снова за клубилась густая пыль с душком плесени:

— Ну вот, убежала. Минутки жалко, а мне теперь мучиться и гадать: показалось или нет?.. Свихнусь скоро окончательно... Машунька-а!!! Спасай, родимая!..

— Смурф, у меня покупатель! — послышалось зычное из отдела техники. — Сейчас деда крикну! Дедуль!!!.

На басовитый вопль отдел антиквариата отозвался шумом, треском ломаемой трухлявой древесины и крепким стариковским матерком. Книжник вздохнул: теперь тесть неделю будет пилить его за какой-нибудь рассыпавшийся комод дореволюционной поры.

Обещанный срок по фотографиям еще не истек, зато все трое нагуляли аппетит — и Варя с полным правом повела своих гостей в кафе. В то самое, где работала ее лучшая подружка Анька.

Удача ей не изменила — бывшая одноклассница, (в школьном прошлом подло отбившая у Вари мальчика), никуда не делась, не ушла на больничный или выходной, а как миленькая дежурила на своем посту.

Посетителей в заведении было немного, поэтому, стоило переступить порог, обе мгновенно почуяли друг друга — скрестились пронзительные взгляды.

Варя со своим эскортом гордо прошествовала за столик.

Аня, до этого болтавшая с товарками возле стойки с кофемашинами, в секунду успела «просканировать» Злата от макушки до каблучков ботфорт. Прочие официантки тоже заметили видного блондина и наперегонки ринулись обслужить столик — но не тут-то было, Анна на старте остановила коллег властным жестом.

— Добрый день! Желаете ознакомиться с меню? — подошла она к столику походкой от бедра, ослепила посетителей стоваттной улыбкой во все тридцать два идеально отбеленных зуба. — Варюша, ты ли это? Тебя не узнать! По какому поводу прикид? Снова сменила профессию?

— Да ерунда, — прикинулась светской львицей без минуты принцесса. — Нас с мальчиками пригласили на костюмную вечеринку, но мы рано собрались и решили выпить кофейку. Сообрази нам три чашечки вашего самого вкусного, будь любезна?

— Разумеется, — кивнула подруга, — сварю лучший сорт, с божественным ароматом. А на вашей вечеринке девушки в костюмах официанток не нужны случайно?

— Полагаю, там будут горничные, — не краснея, продолжала Варя вдохновенно привирать. — Вечеринка-то закрытая, увы, только по приглашениям.

Перекинувшись еще парой фраз с подругой, Варя переключила внимание на своих спутников, успевших пролистать меню с картинками. Уточнив пожелания, она заботливо заказала к кофе большую вазочку с ассорти из разноцветных шариков мороженого, взбитых сливок, вафельных трубочек и шоколадных тросточек (для Радмила, который еще не устал от холодного лакомства), пиццу-ассорти (для Злата), и пару пирожков с капустой для себя.

Пирожки она пошла выбирать лично — и «совершенно случайно» у витрины с выпечкой снова столкнулась с подругой.

— Быстро рассказывай, где ты такого блондина отхватила? — шепотом потребовала та, заглядывая Варю в самую душу своими круглыми, как чайные блюдечки, глазами.

— Да так, случайно познакомились, — потупилась Варя, сияя от удовольствия триумфа. — Можно сказать, нас свела судьба.

— И кто он тебе? — допытывалась подруга. Для вида она взялась накладывать в тарелку пирожки, да вместо двух с капустой машинально соорудила шаткую горку из ватрушек и глазурованных пончиков.

— Жених! — честно объявила Варя. И с наслаждением полюбовалась, как глаза-блюдца распахнулись еще больше.

— Да ладно?! — опешила Анька. Оглянулась на дегустирующую непривычный напиток парочку, прищурилась. Воскликнула свистящим осипшим фальцетом: — Да он на своего приятеля с большей любовью смотрит, чем на тебя!

— Ну... — протянула Варя, понимая, что врать дальше не может физически, ибо это, как оказалось, тяжелый труд. — Ну да, у нас фиктивная помолвка.

— Это как это? — не сразу сообразила подруга.

— У него, понимаешь, предки...

— А-а, богатенький мальчик!

— Можно и так сказать, — согласилась Варя, рассеянно откусив пончик.

— А ты его, значит, прикрываешь, чтобы его не прокляли? — удовлетворенно кивнула Анна, логично связав концы с концами.

— Как ты догадалась о проклятии? — подумала о своем Варя.

— А чего гадать? — возмущенно отрезала подруга. — Вон же он глаз не сводит со своего мальчика. Знаем мы этих фиктивных, небесной окраски! Все они хитропопые, прости господа.

— Да ладно тебе! — шикнула на разошедшуюся приятельницу Варя.

— И правда, — спохватилась та, обиженная за разыгранный перед ней спектакль. — Чего я разоряюсь? Переживаю за тебя! Ты ведь, поди, тоже свою выгоду с него поимеешь?

— Не без этого, — зарделась Варя, уличенная в корысти.

— У-у, хитрюга! — засверкала улыбкой Анька. Легонько пихнула ее в бок локотком. Сунула в руки тарелку с горкой пончиков, милостиво шлепнула пониже спины, направляя к столику: — Ладно, потом расскажешь, как у тебя там сложится твоя фиктивная санта-барбара!

На обратном пути не забыли заглянуть за фотографиями. Варю выдали целую стопку глянцевого ярких карточек, сопроводив словами:

— Ваши друзья заграничные модели? Такая красивая пара!

С искренним комплиментом Варя не могла не согласиться. Быстро пролистав фото, с удовлетворением отметила, что ее подозрения полностью подтвердились: накрепко наложенные чары, ставшие роднее, чем собственная кожа, не выдержали испытания мощью технологии, и на снимках проявился-таки истинный облик одного из ее спутников. И снимки от этого хуже не стали, даже напротив. В общем, останутся парочке на счастливую память. К тому же, никому постороннему Злат их точно не покажет. Похвалив себя за прозорливость, Варя спрятала пухлый конверт в потайной карман широкой юбки. Отдаст потом, в качестве прощального подарка.

— Значит, не покажешь? Ни одну? Вредная жадина! — обидевшись на ее решение, припечатал Радмил.

А вот Злат справедливо заподозрил в ее хитрости подвох, отчего заметно напрягся. Варя, улучив момент, когда Радмил отвернулся, поспешила принца успокоить — приложила палец к губам и сделала страшные глаза, требуя, чтобы он молчал. Посчитав ее жуткую мимику обещанием сохранить секрет, Злат с облегчением выдохнул.

Глава 9

И вот наконец-то настал долгожданный день «икс»! Варя была и счастлива, что сегодня решится ее судьба, и готова в обморок упасть от одной этой мысли. В общем, вела себя подобающе событию: то дергалась от каждого шороха, то каменела от страха и не слышала обращенных к ней слов. Она пребывала в восторге от подвенечного наряда — и одновременно в глубине души мечтала изрезать его ножницами, считая, что платье сказочно чудесно, да не по ее фигуре — слишком обтягивает живот и попу, грудь подтягивает к подбородку, и вообще она в нем сутулая. Уж лучше выдали бы ей какую-нибудь хламиду и километр вуали замотаться с головой, чтобы «похитителя» вид жертвы с порога не отпугнул!..

Одно хорошо — спонтанно летать она окончательно перестала. Видимо, подсознательно сработал исконный девичий ужас перед первой брачной ночью: ни один порядочный жених не потерпит, чтобы невеста болталась в темноте на потолке спальни, будто таракан или призрак в ночнушке, бесноватая избранница Дракулы...

Из-за того, что волноваться Варвара начала сильно загодя, только-только сам успокоившийся после полетов Алояс так и не успел ее ничему научить. Ему оставалось лишь надеяться, что не напрасно он надиктовал ей толстенную тетрадь с краткими указаниями на все случаи жизни. К сожалению, проверить ее записи он не мог — Варя конспект-шпаргалку накорябала на родном языке. Напутала ли она там чего фатального, слушая учителя в пол-уха — покажет лишь время.

...Утром в академию явился десант горничных, присланный любезной Мстисладой. Девушки вытряхнули Варю из постели, из пижамы, прополоскали вялую сонную и поэтому почти не сопротивляющуюся невесту в купальне, завили ей волосы мелким барашком, присыпали искристой пудрой, покрасили личико, облачили в доставленное от королевского портного подвенечное платье, обули в «хрустальные» туфельки — и на крыльце сдали с рук на руки Радмилу, возглавляющему отряд королевских гвардейцев.

На колеснице, движимой стаей откормленных кроликов особой породы «королевские золотистые», под почетным караулом стражников в парадных мундирах и в высоких шапках, хлопающую глазами невесту доставили на центральную городскую площадь. Не на базарную, к счастью, а на другую, тоже центральную — ту, что идеально ровно простиралась между зданием ратуши и дворцом городской королевской резиденции. По двум другим сторонам площадь была обсажена в геометрически-правильном порядке хвойными деревьями благородного голубовато-серебристого сорта. Здешний аналог кремлевских елок украшали крупные плоды вроде кабачков, в изобилии висевшие на макушках, ярких оттенков желтого, алого и даже лилового цвета (это самые спелые, заметно обгрызенные бурундучками-летягами и птичками). Утренние птички трели был не в состоянии перекрыть присланный из дворца военный оркестр и распеваящийся гвардейский хор во главе с капитаном королевской охраны. (Хитрый ход, кстати — использовать в церемонии множество военных, способных в нужный момент защитить августейшее семейство, но при этом не раздражающие своим присутствием горожан).

Все двери королевской резиденции были распахнуты, прислуга и придворные сновали туда-обратно.

Пиршественные столы для почетных горожан ставили под открытым небом на площади со стороны ратуши, люду попроще планировалось раздавать угощения с лотков и наливать вино из огромных бочек, заранее распределенных по улицам. Военным отвели зону сбоку от дворца — чтобы могли при надобности перекрыть подъезд или наоборот организовать безопасную эвакуацию королевской семьи. Дворян и благородных гостей ожидало приглашение в парадные залы резиденции, где готовилась отдельная развлекательная программа.

Ровно в центре площади, как главное украшение, на высоком столике, задрапированном пестрыми лентами и бантами, возвышался многоярусный торт с марципановыми фигурками брачующихся на вершине. Кондитеры постарались, вылепили подвенечное платье с натуры, не забыли о клюквенно-красных волосах невесты. А вот жениха рядом поставили безликого, в условной короне на круглой голове без шевелюры, да еще утопили его в кремовых розочках, чтобы не привлекал внимания. Всё это великолепие закрывал прозрачный купол магии, сверкающий всполохами праздничных искр. Чары сохраняли первозданную свежесть лакомства — но, как впоследствии выяснилось, не гарантировали сохранность самого торта в целом. (Впрочем, у этого произведения кондитерского искусства было две копии, одна ждала своего часа в ратуше, вторая — в резиденции).

Примерно на равном расстоянии от торта и дворца организаторы торжества установили замысловатую ажурную конструкцию-арку, увитую цветочными гирляндами. Под ее сенью располагался алтарь со всеми атрибутами, необходимыми для проведения венчания.

Наконец-то ровно в полдень все приготовления были завершены, и на площадь впустили восторженных зрителей, чинно разместившихся по периметру. К алтарю подошли главные (после новобрачных) действующие лица церемонии — его величество Твердивер Благодан и главный чародей королевства Чуролют Тугохвал, которые должны были соединить «любящую» пару по законам божественным и людским. Оба при официальных регалиях и в самых роскошных нарядах, соответствующих торжественности момента.

Варя к тому времени успела проехаться на колеснице вокруг площади, приветствуя горожан — махая ручкой и мило улыбаясь. Сто раз вспотела под тугим корсетом, измучилась от невозможности почесаться там, где хотелось (а хотелось от нервного напряжения везде, будто блохи завелись!), и дважды уронила высокую диадему, которую плохо держали шпильки в ее сделавшихся от завивки еще более коротких локонах. Прочие барышни и дамы подобные украшения втыкали в прически-башни или подпирали свернутыми в бараньи бублики косами, а Варя такого богатства к свадьбе отрастить не успела, за что теперь отчаянно краснела, ровняясь тоном щек с клюквенной мастью кудряшек.

Хорошо хоть туфли не натирали.

Под уговоры Мстислады не волноваться, невеста, коротая время на балконе ратуши, выпила две кружки травяного успокаивающего чая и одну кружку сидра, четыре раза сбежала в уборную (благо в здании их было достаточно — всё-таки испокон веков здесь проводились многолюдные собрания, так что условия были предусмотрены соответствующие). Еще она умудрилась поссориться с пару раз подбежавшим свериться о ее самочувствии Радмилом. Нахамила Чуролюту. Поплакала, размазав макияж. Поправила макияж и освежилась, отконвоированная горничными княжны в малую купальню при кабинете лорда-мэра. Там и заперлась до полудня, чтобы отдышаться — пока не позвали идти к алтарю.

От нее даже Финик устал — сперва ходил следом и заглядывал в глаза, потом смылся в известном направлении, ведомый дуновениями вкусных запахов.

Под звон колоколов на часовой башне ратуши Варвара вышла (на самом деле ее почти вытолкнули силой) на центральное крыльцо с высокими ступенями. До алтаря ей предстояло пройти через всю площадь, под гром музыки, бравое пение военного хора и рукоплескания публики. За нею с изяществом последовали незамужние фрейлины во главе с Мстисладой, призванные нести за невестой шлейф накидки — пятнадцать высокородных барышень, и на всех хватило длинного полотна, затканного вышивкой и сверкающими стразиками.

В этот момент все мучившие ее сомнения разом отступили, в голове образовалась пустота, в которой гулко, как колокола, билась лишь одна мысль: надо пройти мимо торта и не опрокинуть его. И не важно, что путь обозначала ковровая дорожка, достаточно широкая и абсолютно свободная, главное — торт возвышался в опасной близости. А у Вари было ужасное предчувствие — и широкая юбка, на подол которой легко было наступить, оступиться, грохнуться, свалить, сломать, размазать крем, всё испортить...

Но нет. Мучаясь навязчивым кошмаром великого позора, она не сразу заметила, что опасность в виде торта благополучно осталась позади.

Варя вздохнула с невероятным облегчением. Теперь она смело могла посмотреть вперед — и пойти навстречу своей судьбе!..

Всё настроение испортил бледный в зелень Лучедар Злат. Из-за торта ей было не видно, что одновременно с ней, вышедшей из ратуши, из королевской резиденции выпнули наследного принца, и тот обреченно брел к алтарю с другой стороны. И тут Варя обнаружила несправедливость! Жениху-то надо было проделать путь втрое короче, чем ей. Да еще без шлейфа.

Когда оба встали перед алтарем, Варя едва сдержалась, так хотелось ну хоть бы на ногу ему наступить. Впрочем, вид у принца был настолько виноватый и несчастный, что вскоре ее злость испарилась.

Стараясь не слишком заметно вертеть головой по сторонам, Варя поискала глазами Радмила. Паж прятался поблизости, в тени цветочной арки, и вид имел злой и обиженный. Впрочем, он нашел в себе великодушие и, поймав взгляд невесты, обнадеживающе ей кивнул, тряхнув пером на своем неизменном берете, на сей раз

белоснежного бархата, в тон всего пажеского костюма — в свою очередь выбранного в цвет наряда блистательного принца.

Чуролют и Твердивер начали церемонию с полагающихся славословий во имя Великой Матери, затем на два голоса перешли к непомерно длинному благословию собравшимся гостям, прося всех быть свидетелями знаменательного события — и так далее, и тому подобное. Собственно к брачному обряду подобрались ровно через час — Варя засекла, косясь на башенные часы.

Однако когда подошло-таки время жениху и невесте обменяться клятвами верности и отпить по глотку вина из священной чаши, похититель так и не явился.

— Прошу любого, кто желает выступить против сего союза, выйти вперед, не таясь! — провозгласил Твердивер. — Говорите ваше слово сейчас — или же молчите всю оставшуюся жизнь!

Над площадью воцарилась полнейшая тишина. Подданные затаились, стараясь не кашлянуть и не чихнуть, благобно ожидая начала свадебного пира.

— Я не понимаю, Снежен давно должен быть здесь, — пробормотал Тугохвал в беспокойстве.

— Мы выслали ему напоминание вчера, он подтвердил, что явится к полудню, — вполголоса ответил король, не менее озабоченный опозданием похитителя.

— Придется тянуть время, — сказал Злат. — Венчанную жену даже под угрозой проклятия он не осмелится у меня отобрать. Отец, ты подготовил речь?

— Ох, да! — Его величество благодарно кивнул сыну за напоминание и извлек из-за манжета камзола шпиргалку. Долго разворачивал много раз сложенные листки тончайшей бумаги, исписанные бисерным подчеркиком. Прочистил горло, начал: — Пользуясь случаем, хочу обратиться ко всем моим подданным. Жители Белозорья! Верный закону и заповедям Великой Матери народ!..

Варя снова заметила время — речь короля растянулась на час с четвертью. Он отчитался перед народом об успехах в стране, достигнутых за последние несколько лет, начиная от строительства мостов, возведения южных пограничных крепостей, освоения новых технологий сохранения и переработки урожая, о продвижениях в сфере международной торговли. Коснулся планов на будущее, которые уже сейчас разрабатывает под его руководством кабинет министров... В общем, Варя почувствовала огромную благодарность мастерам, сделавшим ее туфельки. В неудобной обуви она бы столько времени ни выстояла.

Затем король приказал взять слово первому министру. Тот, не ожидавший такой подлости в праздничный день, обозначил важнейшие вехи в жизни государства скороговоркой, тезисно, с довольным видом уложившись в четверть часа. За такую скорость король из-за спины Чуролюта показал ему кулак, отчего премьер изумленно икнул, забегал глазами и благоразумно счел за лучшее раствориться в толпе придворных.

Чуролют тоже выступил с речью, обращаясь, в первую очередь, к гражданам Белозорья, имеющим магический дар. У него нашлось много разнообразных мыслей, какими он хотел бы поделиться со всеми. К тому же имелись вопросы, касающиеся и тех людей, что к чародеям, казалось бы, отношения не имели. Итого главный маг королевства наговорил еще на полтора часа.

Исчерпав темы для обращений, король и чародей решили вернуться к бракосочетанию. И повторили церемонию с самого начала.

Опять дошло дело до клятв верности — и всё так же от похитителя не было ни слуху ни духу.

— Может, мне в обморок упасть? — шепотом предложила Варя. Ей даже не пришлось бы притворяться, изображая слабость, ибо многочасовое ожидание измучило душевно и физически.

— Тебе нельзя, — хмуро отозвался Злат, — иначе соседи потом придерутся, будто мы подсунули им больную невесту.

— Тогда сам падай! — разозлилась Варя. — Или скажи, что у тебя живот заболел!

— Отец? — обернулся принц за советом к родителю.

— Я бы сам с радостью, дети мои, — вздохнул Твердивер. — Но король обязан иметь железное здоровье, иначе подданные будут волноваться, а недруги воспрянут.

Все развернулись к чародею.

— Что? — не сообразил тот сразу. — А, вы хотите, чтобы я?.. Что ж, как вам угодно, ваше величество, ваше высочество. Хотя недужный чародей — это абсурд, при моих-то возможностях...

Ворчливо брюзжа, он вышел на видное место, чтобы все сразу обратили на него внимание, схватился за поясницу, пригнулся и горестно воскликнул:

— Ай, как стрельнуло! Наверное, продуло. Ваше величество! Нижайше прошу прощения, что по моей вине срывается обряд венчания. Умоляю, сделайте милость — давайте прервемся на часик? Дабы я не осквернил священнодействие своими неблагоприятными стариковскими стонами...

— Друг мой! — возвестил король Твердивер, спеша своему верному советнику на помощь. Обнял его за плечи, якобы помог разогнуться, поддержал в остром приступе боли, от коего Чуролют старательно сморщил лицо. — Как

же вы так? Не бережете вы себя! Ай-ай-ай!.. Эй, где распорядитель торжества? Велите покамest музыкантам развлечь публику! А когда музыканты устанут, позовите циркачей!

Военный оркестр немедленно приступил к исполнению — маршевым шагом выйдя на центр площади, оцепили торт и грянули гимн. (К слову, циркачи были запланированы по программе, но готовились выступить позже и только в зале резиденции. За непредусмотренное представление на площади нерастерявшиеся артисты запросили двойную оплату. Им без торга заплатил сам премьер-министр, лишь бы понапрасну не гневить короля.)

От усталости Варя плюнула на регламент и ушла следом за королем и принцем во дворец. На пороге их нагнал Радмил:

— Прошу прощения! У меня срочное сообщение!

— От кого? — грозно нахмурил брови Твердивер.

Паж кивнул в сторону остановившейся поодаль барышни, в волнении заламывая локти. Из-за непривычно пышного яркого наряда и праздничной прически Варя не сразу узнала в ней учительницу, подругу Алояса Вихря.

— Непредвиденные обстоятельства неотложного характера вынуждают сами знаете кого сильно задержаться, — понизив голос, передал Радмил. — Предположительно, он освободится не ранее чем через два часа. Его высочеству и его величеству велено передать глубочайшие извинения. О точном времени прибытия нам обещали сообщить заблаговременно.

— Что ж поделать, — вздохнул Твердивер, — лишь бы явился.

— Мне сделать объявление? — предложил паж. — Скажу, будто Тугохвалу было ниспослано знамение о том, что брак, заключенный на закате, окажется более удачливым.

— Неплохая идея, — пожал плечами король. — Ступай.

— Лучше пойти мне, — вызвался Злат. — Мстислада!

— Да, ваше высочество? — мигом обнаружилась княжна.

— Пойдем, постоишь рядом молчаливым подтверждением, народ тебя обожает.

— Ах, вы мне льстите, ваше высочество!

— Прекрати, и так тошно.

— На людях не смею обращаться к вам иначе, мой принц.

— Издеваешься?..

Следующие два часа ожидания показались Варе минутой — сидя-то на мягком диванчике! Да притом что Радмил приказал служанкам принести для будущей принцессы освежающие напитки и легкие закуски, а еще тазик с прохладным травяным настоем, чтобы, сняв туфли и чулки, унять гудение в ногах, ведь впереди еще бал на всю ночь. В этот момент Варя воспылала к пажу искренним обожанием и от всей души предложила его расцеловать. Тот, хмыкнув, от поцелуев увернулся, впрочем, от тарталеток из одной тарелки не отказался.

...Солнце низко склонилось к горизонту, площадь и небо над нею окрасились в золотисто-персиковые тона. Музыканты, циркачи и певцы продолжали концерт, веселя публику. Горожане под стенами ратуши не удержались и начали праздник вперед именитых гостей. Дворяне осуждающе косились в их сторону, перешептывались между собой, но терпеливо ждали королевского указа, разрешившего бы войти в резиденцию и наконец-то сесть за давно накрытые столы. Впрочем, некоторые благородные особы (в основном молодежь) отрунули предрассудки, вняли радушным приглашениям своих нетитулованных знакомых и теперь счастливо крейсировали между двух полюсов, разнося шутки, сплетни и хмельное веселье.

Ровно в назначенный срок к дежурившему на крыльце Радмилу подошел Белокрас Вран. У запыхавшегося ювелира был не завязан шейный галстук, не застегнуты манжеты праздничного камзола, дорожные сапоги вычищены явно на скорую руку, а сзади под коленом на штанах, не гармонирующих с камзолом, виднелось грязное пятно. Он явно очень торопился успеть принести доверенную весть.

Выслушав то, что ему шепнули на ухо, Радмил, отбросив ставшую уже излишней секретность, с крыльца проорал, пытаясь перекрыть шум праздника:

— Наш гость прибудет через пять минут!

Злат и Варя, коротавшие время, сидя на открытой галерее с видом на площадь, дружно подхватились и ринулись по лестнице вниз. На выходе они столкнулись с чародеем и королем, едва избежали общей кучи малы — и все вместе быстрым шагом, стараясь не сорваться на бег и сохранить достоинство, направились обратно к алтарю.

— Прекратить музыку! — орал-распоряжался Радмил. — Очистить центр площади! Быстро всем отойти вс избежание несчастного случая! Не устраивайте давку! Хор! Где хормейстер?! Начали венчальный гимн, сейчас же! Не с начала, пойте с окончания! Ну?!

Твердивер и Тугохвал также существенно сократили обряд и, протараторив самые необходимые формулы, быстро перешли к финальной части, где ставился главный вопрос дня:

— Присутствует ли здесь кто-нибудь, кто желает препятствовать соединению этого мужчины и этой

женщины? Если у кого-либо имеются важные причины высказаться против сего союза — говорите сейчас!

Снова над площадью воцарилась тишина.

Варя обратила внимание, что солнце успело полностью скрыться, по небу разлилось красивое зарево — от сдержанно-розового на западе через сочно-бирюзовый в зените и далее в мягкую синеву на востоке. Зато Кольцо, широкой дугой висящее на южной части небосвода, засияло, кажется, еще ярче, отражая лучи ушедшего за горизонт светила. И ровно над серединой Кольца — два золотистых растущих месяца, спешащие друг за другом.

Его величество и главный чародей королевства продолжали молчать. Тянули паузу, словно так и надо, будто это обязательная часть церемонии. Принц Злат тоже окаменел, и Варя по его примеру замерла, только глазами стреляла по сторонам.

Минуты шли, ожидание затягивалось, растягивалось, тянулось, словно теплая карамель, почерпнутая ложкой...

...и оборвалось внезапно.

Оглушающий треск заставил всех обернуться. Примерно между ратушей и тортом воздух разорвался неровным зигзагом. Рваные края растянулись в стороны, открыв проход. Из искрящегося колючими молниями портала на площадь выскочила крылатая косматая зверюга.

Высокие ходули-«босоножки» сайгака громко ударились о мостовую. Засеменя лапами и замахав крыльями, чтобы удержать равновесие, закрутив хвостом, зверь сбил в гармошку ковровую дорожку, но на скорости с трудом развернулся-таки боком — и умудрился не влететь мордой в торт, хотя всё к этому шло.

Над толпой пронесся общий вздох изумления и восхищения ловкостью скакуна.

Но ходули поскользнулись на сбитом ковре, сайгак на мгновение припал на лапы... И от резкого движения зверя наездник вылетел из седла. Упав прямо на торт. Купол чар, защищавший свежесть кремовых розочек, не спас кулинарный шедевр. Столик под тортом опрокинулся, смятая бисквитная башня мягко и неотвратимо накрыла рухнувшего на мостовую всадника липкой лавиной.

Варя испуганно вскрикнула.

— Снежен? — позвал Злат, но тот не пошевелился. — Он без сознания!

Белокрас кинулся бегом на помощь, Злат последовал за ним.

Из-за прилипшего крема недоумевающая толпа не смогла рассмотреть не то что лица гостя, но даже разобрать, во что тот одет. Злат и Вран, пока его поднимали, пока приводили в чувства, затем повели во дворец, поддерживая с двух сторон — тоже оба измазались. Вдобавок под пятнами крема на госте постоянно что-то взрывалось, будто по всему телу у него были прикреплены петарды, под высокие резкие щелчки ошметки бисквита и взбитых сливок разлетались во все стороны.

— Осторожно! Не подходите, может ранить осколками! — предостерег всех Вран. И сам тотчас получил царапину на щеке.

Они скрылись во дворце, и толпа зашумела, торопясь обсудить неожиданное явление.

Испуганно ревущего сайгака поспешил успокоить Чуролют — потрепал зверя по лохматой шерсти, заставил пригнуть голову, что-то пошептал в мохнатое широкое ухо, ласково почесал между рогами. Сообразительный зверь чувствовал свою вину за несчастье с хозяином, но всё-таки позволил опасливо приблизившейся прислуге увести себя в более спокойное место.

— Дамы и господа! Любезные подданные! — с крыльца резиденции обратился к народу король. — Произошла досадная неприятность, однако спешу сообщить, что с нашим... хм, внезапным гостем всё будет в порядке. Полагаю, в скором времени мы наконец-то сможем завершить церемонию бракосочетания. Пока же скрасим ожидание пиршественным застольем!

Горожане обрадовано зашумели и вернулись к празднованию вокруг уже изрядно разоренных столов под стенами ратуши. Благородная публика вздохнула с облегчением, приосанилась — и чинно потянулась следом за его величеством в парадные залы королевской резиденции.

— Что стоишь? Идем скорее! — дернула Мстислада за руку растерянную Варвару. С лукавой, многообещающей улыбкой повела во дворец, только воспользовалась неприметной дверцей для прислуги, чтобы не угодить в затор аристократов.

— Куда ты меня тянешь? — почуяла подвох Варя.

Быстро миновали узкий извилистый коридорчик, и княжна втокнула ее и вошла следом в какую-то душную темную каморку, наполненную теплым влажным воздухом.

— Где мы? — потребовала объяснений Варя.

— Тс-с-с! Не повышай голос, — шепнула Мстислада, хихикнула, — не то опозоримся!

Зашуршала занавеской на стене, сдвинула немного в сторону, впуская в каморку тусклый свет из оконца, забранного замысловатой решеткой, выточенной из камня.

Варя пригляделась — и, покраснев, резко развернулась спиной. Зашипела:

— Ты это к чему вообще?!

— Разве не интересно поглядеть на своего будущего мужа? — снова захихикала та. — Тебе же с ним в постель ложиться, имеешь право узнать заранее, каков он собой, полюбоваться на телосложение.

Каморка оказалась подсобным помещением при купальне, здесь стояла печка, и нагретая вода из высокой металлической бочки по трубам уходила в просторную бронзовую ванну за стеной.

И сейчас в купальне находились двое полураздетых мужчин — Вран и Зимослав.

— Я не буду подглядывать! — в злости прошипела Варвара.

— Твое право, — пожала плечами княжна, чуток обидевшись за нецененные старания. — Не хочешь, не смотри. Тут и смотреть пока особо не на что. Белокрыс, конечно, мужчина симпатичный, но без рубашки больно худой, аж жалость берет. Вон он его синегорское высочество тоже из рубашки вытряхнул. Королевич хоть и еле сидит, зеленью отливает, того гляди опять в обморок рухнет, а всяко покраще ювелира смотрится — и плечи широкие, и руки мускулистые, и торс... ничего... и талия... ах, стройная... Хотя наш Злат, пусть помладше, а покрупнее вырос. Этот жилистый, откормить бы надо, да? Ну, надеюсь, тебе представится случай, позаботишься. Всё, можешь оборачиваться, Вран его в ванну запихнул, а сам штаны, похоже, снимать не собирается, только голову от крема отмывает... Мда, жаль... О! Надо же его высочеству чистую одежду принести! Наверняка никто не подумал распорядиться. А ведь королева Хранислава нам заранее прислала с секретным гонцом — как знала, что пригодится! Она-то думала, он на свадьбу, как обычно, в черном явится, как на похороны, так вот и пошла ему что-то светленькое, дабы не осрамился... хи-хи-хи!..

С тем и улизнула из каморки. Оставила Варвару наедине с ураганом чувств — смущением, тревогой, стыдом и... любопытством.

Сквозь шум воды из купальни доносились обрывки фраз. Похоже, Вран на правах старшего друга отчитывал королевича за легкомыслие:

— ...у тебя была своя задача, у них — своя! Зачем ты полез им помогать?

— Испугался, — виновато пробурчал тот, послушно сидя в воде по шею, отмокая, завесившись слипшимися потемневшими волосами. В огромной бронзовой ванне, где легко убралось бы сразу человек шесть, синегорский принц показался Варя хрупким мальчишкой.

— Сами бы справились! — продолжал ругаться Вран, ожесточенно намыливая себе голову в третий раз, ибо крем на торте оказался безбожно жирным. — Уж как-нибудь не дали бы себя убить, не впервой! А ты? Знал же, что тебя здесь ждут! Должен был сообразить и побережь силы. И так все накопители повзрывал — знаешь же, что больше у тебя нет запаса. У меня в мастерской только незаряженные есть, сколько-то успел с прошлого раза починить. Сиди теперь и цеди по капле из воды. Уж извини, снегопадов для тебя не предвидится до зимы!..

Пока он ворчал и споласкивал волосы, поливая из ковшика над шумным медным тазом, Зимослав сидел тихо. Так тихо, что Варя заподозрила неладное. А уж когда сиреневая макушка нырнула под воду и долго не появлялась оттуда, кажется, целую минуту, Варино сердце не выдержало переживаний. Она кинулась прочь из каморки, чудом сообразила, где искать проход в купальню, без сомнений распахнула дверь — и подбежала к ванне с криком:

— Вран, он утонул!!!

Белокрыс, от неожиданности от нее шарахнувшийся, попутно облив штаны и сапоги, чертыхнулся и тоже бросился к вяло булькающему на дне приятелю. Попытался отодвинуть мешавшую девушку, да не тут-то было — Варя, тщетно стараясь выловить потерявшего сознание парня, едва не спихнула в ванну и ювелира, тот чудом удержался за бортик, только окунулся вниз головой по плечи.

Вытянуть пускающего последние пузыри без минуты утопленника оказалось чертовски сложно — Варя не хватало сил, вблизи Зимослав оказался куда крупнее, чем ей мнилось. Вдобавок в воду было добавлено мыльное средство, а кожа королевича скользила от остатков крема. Подтягивая его за руки, она невольно подивилась, какое всё-таки мужское тело твердое по сравнению с женским — кости да каменные мышцы, не особо внушительные, зато без капельки подкожного жира.

— Хуже, чем я думал... — услышала Варя обеспокоенный вздох Врана.

Тот наконец-то сообразил подойти с другой стороны: забравшись в ванну как есть в сапогах, подхватил приятеля под мышки, подтянул повыше, устроил сидя, лишь бы голова оказалась над водой.

Снежен слабо закашлялся, но в себя не пришел даже от ощутимых хлопков по щекам, голова безвольно висела, почти утыкаясь носом в воду.

— Варя! — будто только сейчас увидел ее Белокрыс.

Та струхнула, подумав, что ее ждет разнос за аморальное поведение.

— У тебя есть с собой накопители? — вместо ругани с надеждой спросил Вран.

Она закивала, суетливо полезла в декольте, выскрывая парчовый мешочек с «аметистовым» гарнитуром. Тот, как нарочно, провалился чуть не до пояса, к тому же промокшая ткань липла к вспотевшей коже...

— Вот! — Она протянула на ладони кольцо с крупным сиреневым камнем. — Я хотела ему потом подарить...

— Лучше прямо сейчас, — хмыкнул Белокрыс. Выудил из воды расслабленную руку, ухватив за запястье, протянул Варя: — Надевай!

Та смутилась, замямлила:

— А если моя энергия ему всё-таки не подходит? Если ему от этого станет еще хуже?

— Подходит, поверь мне, — заявил ювелир. — Я точно знаю.

Зимослав, продолжая пребывать в отключке, громко чихнул — и от этого едва снова не ушел на дно, благо Вран вцепился и удержал, пусть и пришлось поднатужиться.

Варя испуганно схватила суженого за руку, мимоходом отметив на запястье несколько тонких браслетов с наполовину выщербленными камнями, а на пальцах — наводящие жуть пустые оправы. И кожа белая-белая, как молоко, и синие венки сквозь нее видно... Сделав судорожный вдох, она сорвала с его безымянного пальца бесполезное кольцо с осколком и решительно надела свой перстень.

— Спасибо, — с облегчением кивнул Вран.

— Угу, — пискнула Варя.

Подхватила с мокрого пола — и, придерживая потяжелевшие юбки, рискованно поскользываясь на мыльных лужах, унеслась прочь из купальни — под грохочущий стук собственно сердца, выпрыгивающего из груди. И не важно, что Белокрыс запихнул друга в ванну прямо в нижних подштанниках, как она запоздало заметила, всё равно ситуация была вопиющей. Особенно для невесты в день свадьбы — какой стыд!..

За дверью Варя едва не налетела на Мстисладу.

— Ого! — воскликнула та с горячим одобрением. Не позволила убежать, схватила за локти, встряхнула, приперла к стенке. Варя бы закрыла горящее лицо руками, да какое тут!

Вместе с княжной явился Злат, нагруженный стопкой сменной одежды для двоих. Сам принц тоже успел привести себя в порядок и переоделся — в темно-зеленый с тусклым золотом костюм. Понимающе хмыкнув в сторону девушек, он юркнул в купальню.

— Ну, как? — впила пылким взором княжна в ее сморщенное личико.

— Как? У меня платье испорчено! — всхлипнула Варя, высвобождаясь из вольных объятий подруги. — Я вся мокрая и в мыле! Как мне под венец теперь идти?!

— Мда, — соболезуя, оценила Мстислада. — Переодеваться некогда, это тебе не мужской костюм, тут за полчаса не управимся. Значит, будем сушиться так! Пойдем.

— Как это — так?! — чуть не плача возмутилась Варя. — Ты меня в печку запихнуть хочешь целиком, что ли?!

— Ты будущая королева или плакса?! — шикнула на нее княжна. — И мы с тобой чародейки или кто? Самые сильные в трех королевствах, между прочим! Ну, не считая Красы и Чаруши, но эти две лентяйки не в счет.

Благодаря княжне Варвара не только спустила пар (в прямом и в переносном смысле слова), но и немного успокоилась. Отвлеклась на разучивание нового для нее полезного волшебства, высушившего одежду прямо на ней за считанные минуты, да еще и почистившего от пятен и идеально разгладившего даже самые сложные оборочки и кружавчики. Мстислада заговорила ее, насмешила, развеяла тоску и вселила уверенность, что она снова стала самой красивой и самой нарядной — достойной невестой для любого принца...

Вот только близкого знакомства с предметом своих воздыханий она так скоро не ожидала. Ей-то казалось, у нее еще есть время привыкнуть к его присутствию — сперва заново венчание (опять, в который раз за день!), потом пир, и только потом, может быть, они поговорили бы наедине...

Варя вздрогнула всем телом, когда он подошел — то ли слишком углубилась в свои переживания, то ли он подкрался бесшумно, то ли шум с площади заглушил шаги. Она забралась на галерею третьего этажа, откуда открывался самый лучший вид на народные гуляния, на цепочки уличных огней, бездумно взирала на толпу внизу, на циркачей — как раз выступали жонглеры с факелами, эффектные в сгустившейся темноте вечера.

— Прощу прощения...

— А-а!!!

— О, извините, ради всего святого, я не хотел вас напугать! — ошарашенный воплем, отскочил от нее на два шага синегорский королевич.

Варя заставила себя выпрямиться и не цепляться столь судорожно в перила.

— Прости... — те... — пролепетала она, густо краснея и в глубине души радуясь, что резкие тени и слабые отсветы от уличных огней достаточно скрадывают ее пятнистый нервный румянец, и может даже, придают ей хоть какой-то шарм загадочности. Хотя это вред ли, но помечтать можно.

— Простите, я просто задумалась... и не ожидала... — Она опомнилась и присела в подобающий по этикету книксен. — Ваше высочество, счастлива вас видеть в добром здравье.

— Спасибо, — смутился он. Нерешительно подошел-таки поближе. — Я просто хотел вас поблагодарить за помощь. — Вместо объяснений показал на кольцо, но торопливо спрятал руки под манжетами, потому что пальцы

всё ещё заметно дрожали от слабости. Смущенно улыбнулся: — Без вас бы я, наверное, умер. Ну, или приходил бы в себя неделю, доставив всем множество забот.

— Пожалуйста, — заулыбалась и Варвара. — Я рада, что тебе помогло... Ой, извините, ваше высочество!

— Не стоит, лучше без церемоний. Я тоже ужасно рад, что ты... появилась в нашей компании. Белоокрас проболтался, что знаком с тобой целый месяц. А Вихрь — он вообще... Вот, в общем, такие у меня друзья оказались, — заключил он со вздохом.

— Замечательные друзья, — хихикнув, возразила Варя. Вспомнила: — Ой, а если вам... то есть тебе нужны еще, вот, пожалуйста, возьми!

Она сунула ему мешочек с серьгами, который всё это время нервно комкала в руке, отчего подарочная упаковка растрепалась по шву, смялась и в целом пришла в откровенно непрезентабельный вид. Однако королевича это не смутило, он с любопытством заглянул в мешочек, вытряхнул серьги себе на ладонь — с искренней благодарностью выдохнул:

— Ты просто сокровище!

Осторожно положив подарок на перила, он принялся торопливо избавляться от старых накопителей, в которых камни всегда страдали в первую очередь. Варя уставилась на него круглыми глазами — она и предположить не могла, что под нестриженной вихрастой шевелюрой можно спрятать три пары длинных висячих сережек, по десятку камней в каждой. Правда, теперь-то в них ни одного целого кристалла не осталось, и выглядели опустошенные амулеты довольно жалко.

Под ее пристальным вниманием Снежен смутился еще больше, тем более пальцы от напряжения задрожали сильнее.

— Это ведь на тебя я наехал тогда на площади? — спросил он, неожиданно вспомнив, отчего ее лицо, особенно с таким вот изумленным взглядом, ему знакомо. — Месяц назад, когда я приезжал сюда проверить, начался ли отбор невест для... хм... для Злата. Ты не поранилась тогда?

— Да, это я... случайно на вас наскочила, — хихикнула она. — Извини, я была невнимательна.

— Нет, это моя вина, — настаивал он. — Еще раз приношу свои извинения, я был тогда очень зол после объяснений со Златом и не следил за дорогой. А Друня редко бывает в большом городе, поэтому вечно отвлекается и глазет по сторонам.

— Друня?

— Мой сайгак.

— А! Да нет же, я сама просто немного растерялась тогда...

— Прости, ты не сможешь вдеть серьги? А то я боюсь выронить такие красивые накопители.

— Ой, — от неожиданности пискнула Варя. — Нет, я не справлюсь...

На самом деле от волнения у нее руки затряслись не меньше, чем у него от энергетического истощения.

— Прости, конечно, — спохватился Зимослав, — я не должен был, это бестактно с моей стороны, я виноват. О такой услуге стоит попросить горничную, а не невесту моего друга.

Варя мимоходом удивилась: всё-таки он считает Злата своим другом? А тот уверял, что они десять лет не разговаривали.

— Нет, позволь мне попробовать! — передумала она, сообразив, что, если не поможет сама, то ему впрямь недолго кликнуть служанку или вовсе кто-нибудь из придворных барышень подсуетится. — Только не вини меня, если я случайно оторву тебе ухо.

— Не получится у тебя, — рассмеялся он с облегчением, — мне всё детство няньки уши откручивали, так они у меня только крепче стали. Спасибо.

Он немного пригнулся, чтобы ей было сподручнее, пригладил непослушные волосы, заправив пряди за уши. И опустил глаза, чтобы ее не смущать. У Вари сердце затрепетало при столь близком лицезрении густых темных ресниц, молочно-белых бескровных губ, которые так и тянуло согреть, заставить заалеть от поцелуя... Она невесомо тронула подставленную мочку, серьезно раздумывая, не пришел ли ее черед падать в обморок.

— Смелей, — шепнул Зимослав с улыбкой, — мне тоже неловко. Вдруг нас кто-нибудь застанет?

Варя мысленно себя пнула. И обругала нехорошими словами. Припугнула: «Если ты сейчас в обморок просишься, как же брачную ночь переживешь — в коме? Какая от этого будет радость?! Привыкай давай быстро! Это мой мужчина, сама выбрала! Лучше некуда! Хватай его, пока даётся!»

Хватать, конечно, тем более за уши, она королевича не стала. Но с сережками справилась сносно.

— Благодарю, — с наслаждением выдохнул полной грудью Зимослав. Тряхнул головой, привыкая к тяжести новых камней, много крупнее его прежних. — У твоей энергии очень чистый и приятный тон. Алояса отругаю — столько времени прятал тебя от меня! Конечно, кому захочется делить возлюбленную даже с другом, но ему ли не знать, как мне нужны накопители...

— Погоди, мне кажется, ты немного перепутал... — проямлила Варя. Сообразила: так вот почему он назвал

ее невестой друга! Он не Злата тогда имел в виду.

Тут и упомянутый чародей объявился, подошел к ним, легок на помине — при параде, нарядный, зато с разбитой губой и наливающимся синяком на скуле.

— Вихрь, дама твоего сердца чудесно заряжает амулеты! Я даже как будто немного под хмелем от этой чистой силы.

Снежен поманил приятеля подойти вплотную — и в доказательство вернувшегося всемогущества легким прикосновением свел с лица поморщившегося чародея следы недавнего приключения. Тот принял помощь, как должное.

— Зим, боюсь, ты ошибся. Роза, если ты имеешь в виду ее, стоит вон там, — Алояс указал вниз, на праздничную сутолоку. — А это Варвара, она — твоя суженая.

— Не шути так, а то я поверю, — рассмеялся Снежен. Но стер улыбку с губ, внимательно взглянув на друга. — Нет, ты серьезно? — Вопросительно оглянулся на замершую Варю: — Это правда?

— Тебе только дай волю! — усмехнулся Вихрь. — Вот так поглядишь влюбленными глазами, прикинешься обездоленным принцем... хотя ты и есть такой. Барышням много ли нужно? Пара улыбок — и аура меняет течение энергий, и вот вам уже совмещение и полная гармония. Нет уж, свою подругу я к тебе близко не подпускал и впредь подпускать не намерен. И очень рад, что ты наконец-то перестанешь завидовать нашему с Враном запасу амулетов.

— Ревнивец, — растерянно фыркнул Зимослав.

— Идите! — кивнул Алояс на венчальный алтарь на площади. — Без вас представление никогда не закончится.

И ушел вперед, не дожидаясь их. Благородно дал им еще минуту побыть наедине.

Варя не смела отвести глаз от своего избранника. Ведь так и выходило, что это она его выбрала. Он же о ее существовании всё это время не подозревал и только сейчас оказался поставлен перед фактом без права выбора.

Зимослав теперь взглянул на нее совсем иначе. Как будто с настороженностью.

— Прости, я не запомнил твоего имени.

— Варя. Варвара.

— Необычное. Что оно означает?

— Ну... Примерно: чужестранка, явившаяся из далеких северных лесов и не знающая правил этикета.

Бесцветные губы тронула улыбка:

— Тебе подходит, ты выглядишь...

— Дикой?

— Непосредственной. Выходит, ты с самого начала знала, что не станешь принцессой Белозорья?

— Не с самого, — повинилась она. — Я вообще случайно оказалась невестой Лучедара. И, скажу честно, собиралась сбежать под конец срока помолвки. Но потом мне рассказали о проклятии. О тебе. И я осталась. В любом случае за Злата я совершенно не хотела выходить, чем хочешь поклянись.

— Это плохо, — покачал он головой. — То есть хорошо — для всех нас. В одном не уверен — как это отразится на условии проклятия.

— Поживем — увидим! — оптимистично объявила Варя. Хихикнула: — В любом случае свою настоящую любовь Злат тебе не отдаст даже под угрозой каких угодно катаклизмов.

— Очень нужно! — заразившись ее весельем, фыркнул Снежен.

Варя осмелела — подошла вплотную, и королевичу ничего иного не оставалось, кроме как предложить ей опереться на его руку. Так они под локоток и стали спускаться по широкой лестнице. Вроде бы просто болтая о пустяках — на самом деле Варя заметила, что у Зимослава всё еще немного кружится голова, и ее пусть хилую, но помощь по сохранению равновесия на ступенях он принял с благодарностью.

Чтобы не терять время зря, она положила свободную руку поверх его запястья, нащупала под манжетой браслеты:

— Можно, я пока уцелевшие камни заряджу?

— А тебе самой дурно не станет? — нахмурился он.

— Неа, из меня прямо прет энергия! — воскликнула Варя. Смутилась: — Прости за выражение. Короче, мне очень надо куда-то сбросить лишнее, иначе я чего-нибудь учую.

— Что ж, прошу, — улыбнулся Снежен. Поежился от мурашек, ощутив, как струйки ее силы окутали его, пробежали по коже, выискивая множество спрятанных в одежде и на теле амулетов: кулоны и цепочки на шее, многочисленные браслеты на обеих руках, причем не только на запястьях, пояс с цепочками и подвесками, застёжки на воротничке, запонки в манжетах, даже самоцветные пуговицы на нарядном камзоле из переливчатого шелка, голубого с лиловым проблеском. — Никогда не чувствовал себя так... необычно.

— И я, — чуть слышно шепнула она, отвернувшись, чтобы не выдать вернувшегося смущения. Добавила

громче: — Я надеялась, что Вран и остальные окажутся правы и мои амулеты тебе пригодятся. Только я вовсе не была уверена, что так оно и будет. Так что не подумай, меня твоей невестой назначили не поэтому! И я не хочу этим обстоятельством как-то давить на тебя... в общем, это просто случайность.

— Удачное стечение обстоятельств, — явно не поверил ей Зимослав. Просветил: — На самом деле, это не так уж важно. Конечно, для меня твоя энергия бесценна. Но в большинстве браков совместимость, если ее не было изначально, наступает со временем, самое позднее при первой беременности супруги.

— Ага, мне на уроках в школе рассказали, — закивала Варя. — Зато чародейки обладают способностью решать самим, когда и от кого им заводить детей... Ох! — вырвалось у нее запоздало стыдливое. — Что-то мы слишком далеко забегаем в будущее, тебе не кажется?

Королевич лишь негромко рассмеялся.

Их встретили многозначительными улыбками. Тугохвал и Твердивер залюбовались долгожданной парой, у обоих от умиления чуть щеки не трескались!

Перед алтарем снова пришлось разыгрывать надоевшее представление. Варя с сожалением отпустила руку одного принца и подошла, встала рядом с другим.

Публика не безмолвствовала, как днем, а вовсю гомонила, поддерживая короля, старшего чародея и новобрачных криками и шуточками. Причем благородные особы уже мало отличались поведением от простолюдинов.

Король и чародей в который раз за день, теперь еще более прочувствованно, обратились к Великой Матери, благословили жениха и невесту, грозно спросили, нет ли среди присутствующих тех, кто желает выступить против союза. Радмил пихнул заслушавшегося Зимослава в спину, тому волей-неволей пришлось выступить вперед с требованием возмездия за поруганную честь деда. Зрители изумленно ахнули, Твердивер и Чуролют одобрительно закивали.

Злат для вида поупрямился, объявил, будто бы влюблен в сию благородную деву и без боя даму сердца похитителю не отдаст. Военный оркестр грянул марш, намекая на дуэль. Оттуда же принцам подкинули легкие мечи для фехтования (не сабли и не шпаги, но и не рыцарские тяжелые рельсы). В два удара Зимослав легко обезоружил соперника, на что Злат обиделся, и Снежену пришлось извиняться: мол, он не подумал, что принц Белозорья настолько хил, потому сил не рассчитал. Обычно-де он с благородными милордами не сражается, вообще не помнит, когда с людьми дрался, предпочитая схватки со свирепыми чудовищами. Их препирательства прекратил Чуролют, объявивший народу, что дуэль прошла честно и правитель соседнего королевства не использовал подлых приемов или колдовства, чтобы одолеть их принца.

— Так возьми же свой трофей и запечатай девственные уста властным поцелуем! Сверши многолетнюю месть, славный похититель! — прокричала разруганная от восторга Мстислада.

Разгоряченная толпа подхватила ее клич, зашумела на разные лады.

Варвара в смущении замешкалась, и Радмил счел своим долгом любезно указать ей верное направление да со всей душевной страстью придал ускорение. Таким образом «похищенная» невеста буквально с разбега влетела в объятия нового жениха.

Сообразительные музыканты грянули гимн соседнего государства, безбожно фальшивя от волнения.

Варя прикрыла глаза и подставила губы.

Тут пришел черед смущаться похитителю. На белой коже слабо проступил бледный румянец, Зим задумчиво и растерянно уставился на вверенную в его власть девушку.

Варя терпеливо ждала, стояла, не шелохнувшись. Боялась испугнуть свое счастье.

Зимослав склонил голову. Варя дышать перестала, ощутив тепло его дыхания на своем лице...

И тут раздался гром среди ясного неба. Молния разрезала звездный купол, достигнув концом жемчужной дуги Кольца...

А в следующее мгновение над площадью взлетели ракеты, взорвались в вышине, рассыпались огнями фейерверки.

Под канонаду взрывов Чуролют обратился к озадаченному Зимославу:

— Гром — это твоя работа?

— Ты что, дядя Чур, я едва на накопителях держусь! — отозвался тот, машинально обнял прильнувшую сбоку невесту.

— Чуролют, ты гром устроил? Напугал ведь! — строго окликнул чародея король.

— Нет, я ученикам велел только фейерверк подготовить! — стоял на своем магистр. — Пойду выясню, кто гром придумал. Похвалю умника, что хорошо вышло, но и поругаю, что предупреждать надо!.. — и с ворчанием удалился.

Зато теперь к ним подошли Радмил и Злат, оба ехидно ухмылялись, так что Варя поспешила отойти от жениха на приличное расстояние. Вот только Зимослав отпустил ее лишь на расстояние вытянутой руки, скользнув

ладонью по узкому рукаву платья и удержав за кончики пальцев.

— Вижу, вы нашли точки соприкосновения. Поздравляю, — довольно заметил Радмил.

Злат же обратился к Снежену:

— Ты останешься на ночь?

— Да, если приглашаешь, — вежливо кивнул тот.

Варя поняла, что между ними двумя лед былой ссоры окончательно растает еще нескоро.

Радмил же вспомнил, доложил:

— Я позаботился о твоём сайгаке. Его отвели в каретный сарай. В прошлый раз он сказал, что ему не понравилось в крольчатнике, тесно.

Зимослав коротко поблагодарил пажа. (А Варя надолго затихла, сраженная нарисованной воображением картиной: драконо-зубр, примостившийся на белко-кроличьем насесте среди множества крошечных теремков, прилаженных к высоким столбам, как скворечники.)

Вскоре именитых гостей пригласили в ярко освещенные залы к заново накрытым столам. Иностранному принцу и его новоявленной суженой отвели почетные места по левую руку от короля сразу после первого министра. По правую руку от Твердивера сидел, понятно, Злат, за стулом которого дежурил Радмил, далее было место Чуролюта, потом министров и так далее. Мстислада скромно довольствовалась тем, что возглавляла второй по «именитости» стол, где щебетали приближенные фрейлины и гомонили прочие многочисленные советники и доверенные лица его величества. Так как первый министр в этот вечер сидел исключительно смиренно, будто воды в рот набрав, получилось, что синегорскому королевичу и его невесте никто не мешал свободно общаться исключительно друг с другом.

Варя только думала приняться за яства, как ощутила, что ее дергают за подол. Заглянув под скатерть, она обнаружила там своего неподражаемого белко-песца — Финик успел объесться до состояния шарика на тонких ножках. Однако прыгучести не потерял, мигом взобрался к ней на колени, где собирался с удовольствием улечься спать, но от ленивых планов его отвлек Зимослав.

— О, это твой? — заметил королевич зверюшку. — Двенадцать лет не видел белых! Какой упитанный красавчик. И нос забавный, на финик похож.

— Как ты угадал! — обрадовалась удивительному единомыслию Варя. — Я назвала его Фиником. Только нос у него — вылитая черничина, а не финик.

Белко-песец одарил хозяйку высокомерно-сытым взглядом — и, вальяжно потянувшись, плавно-лениво перетек на соседний стул, где его подхватили заботливые руки.

— Погоди, а как ваши здешние финики выглядят? — спохватилась Варя.

— В каком смысле? — удивился Зимослав, увлеченно наглаживая развалившегося у него на коленях зверька. — Так же, как везде, полагаю: низкие кустики с мелкими овальными листочками, из них еще чай лекарственный заваривают с противным запахом.

— Не-ет, — протянула Варя, — не везде! У нас финики растут на пальмах и вот такого размера с вот такой косточкой, — доходчиво объяснила она на пальцах.

— У вас — это где? — уточнил Снежен. — На южном континенте?

— Нет, — вздохнула Варя, решив и ему признаться, всё-таки муж в перспективе. — Знаешь, на самом деле я не из этого мира.

— Расскажи! — потребовал он.

Так они и болтали только друг с другом, не обращая внимания на развлекательную программу из всё тех же циркачей, актеров и акробатов, лишь досадуя на певцов, когда те слишком голосили, мешая расслышать собеседника. Варя то сбивалась, то торопливо тараторила, а ее похититель не отводил от нее глаз, горящим живейшим интересом, и засыпал вопросами на самые разные, порой неожиданные темы. В конце концов, Варя немножко охрипла и сама себе подивилась — оказывается, она так много всего знает обо всем на свете!..

И когда после долгого ужина объявили собственно бал, танцевать ни тому, ни другой не захотелось, чему оба втайне лишь порадовались — Зимослав из-за легкой слабости не желал лишних телодвижений на публике. А Варя постеснялась заранее попросить у Мстислады учителя, потому что была заведомо уверена в своей хореографической необучаемости. Зато у них появилась причина пораньше покинуть многолюдные парадные залы.

Прощаясь с королевским семейством (как в тот момент думалось Варя, лишь до утра) она не забыла украдкой вручить Злату свой подарок — пачку глянцевых ярких фотографий. Заинтригованный, белозорский принц пообещал не отрывать конверт, пока не окажется наедине со своим пажом.

— А тебе точно можно туда? — в который раз засомневалась Варя, хотя они уже стояли перед стеной с невидимым проходом в ее родной мир. — Там нет привычной тебе магии, а ты не успел восстановиться.

— Я не собираюсь колдовать с той стороны, — в очередной раз поклялся Зимослав. — Только посмотрю — и

сразу же отведешь меня назад.

Он сидеть не мог спокойно за ужином от любопытства, а перед стеной вовсе извелся в нетерпении.

Варя поглядела на белко-песца, будто зверь мог бы дать дельный совет, да куда там! Финик благополучно заснул, повиснув дохлой шкуркой у Снежена на плечах, когда еще только переступили порог королевской резиденции и отправились на пешую прогулку по ночному городу.

— Ну, ладно, под твою ответственность, — вздохнула Варя. Протянув руку, отвела взгляд: — Пойдем тогда.

Глава 10

Как только перешагнули «порог» книжного шкафа, у Вари в кармане тихонько зазвякал смартфон, (как позже она посмотрела, долетели эсэмески с уведомлением о пропущенных звонках, о балансе и с прочей нужной и не особо информацией). И черт бы с ними, да только от необычных звуков настороженный гость шарахнулся в сторону — ровно на полшага, потому что особо в тесноте не разбежишься — и толкнул плечом дверцу открытого шкафа. Створка распахнулась сильнее, ударилась о стоявший рядом торшер. Тот в свою очередь покачнулся на высокой стойке и тюкнулся плафоном о стену. Да так неудачно, что хрустнул стеклом.

— Ох, прости... — поймал опасно шатающийся светильник Зимослав. И машинально провел рукой по треснувшей поверхности, рассыпая с кончиков пальцев искры.

— Не трогай, осторожно! — только успела пискнуть хозяйка.

Однако починить магией плафон не вышло, наоборот, толстое стекло взорвалось, рассыпавшись на мелкие кусочки. Снежен болезненно зашипел и схватился за руку.

— Ты порезался? — всполошилась Варя. — Где? Покажи!

Она отпихнула гостя к дивану, усадила, захлопотала, пытаясь разглядеть царапину или, не дай боже, застрявший осколок. (Разбуженный Финик воспользовался моментом и с недовольным фырканьем спрыгнул с плеч королевича, задрав хвост, отправился проверять кухню).

— Всё хорошо, извини, — пробормотал Зим, вежливо возвращая себе обследованную конечность. — Немного обжегся.

— Ты обещал не колдовать здесь! — возмутилась Варя.

— Прости, случайно получилось, по привычке, — покаялся тот, нахохлившись. Видимо, рука всё-таки болела. Или сильно огорчился от такого недружелюбия чужого мира. — Выпустил лишь капельку, а из меня рвануло, как фонтаном! И тут точно не моя несдержанность виновата, это ваш мир такой — откроешься на чуток, а через эту точку тебя начинает наизнанку выворачивать.

— Идем назад? — нахмурилась Варя, внимательно глядя в бледное лицо гостя. Впрочем, он вечно бледный, эдак по нему ничего не определишь, пока уж совсем не позеленеет.

— Нет! — вскинулся Зимослав, добавил: — Иначе ты меня больше не пригласишь. А я хочу увидеть больше.

— Ну, много ты сегодня не увидишь, — вздохнула она, оглянувшись на темноту за окном. — Прости, я не рассчитала, в такое время у нас особо не погуляешь. Хотя, теоретически, в больших городах должно существовать полно мест, где можно развлечься ночью. Например, если вызвать такси и поехать в клуб... Но я в таких заведениях не бывала, уж тем более не хочу вести туда тебя.

— Не волнуйся, главный опыт по изучению твоего мира я уже провел, как видишь, — попытался он пошутить.

Варя поглядела на него с сомнением. Придумала:

— Если хочешь, чтобы я не волновалась, на-ка вот надевай новые! — и вручила запасной комплект фианитов. — Те-то уж, поди, израсходовал. Жалко, если взорвешь, лучше я потом заряду снова.

Снежен поглядел на нее, как на какую-нибудь сказочную властительницу вроде Хозяйки Медной горы.

Варя зарделась. Подхватилась с дивана, засуетилась. Принесла из холодильника гель от ожогов, заставила намазать руку. Решила, что надо бы чаем гостя хотя бы напоить. Нашла кило значенных в тумбочке конфет, насыпала в красивую вазочку, выставила на журнальный столик, к дивану прилагавшийся. Туда же пристроила ноутбук — и запустила ролик с чарующими видами ночных городов. Пока Зим жадно впитывал информацию, Варя сбегала на кухню, поставила чайник, выудила из морозильника белко-песца вместе с брикетом пломбира в зубах, там же нашла домашнюю ватрушку, замороженную про запас, сунула ее в духовку разогреть, предварительно вытащив из духовки шепутного Финика...

В общем, спустя полчаса уютное домашнее чаепитие можно было считать удавшимся. Причем Варя предложила на выбор кофе и какао, красное вино и даже абрикосовое игристое, припасенное на Новый год, но гость по примеру песца сунул любопытный нос в пачку с чаем и потребовал жасминовый зеленый. От конфет королевич пришел в тихий восторг и каждую смаковал с сосредоточенным видом, будто медитировал, при этом не забывая посматривать, что еще интересного покажет «чудная музыкальная шкатулка».

Вместо прогулки вышли проветриться на крошечный балкончик. Как раз к тому времени поток машин на улицах поредел, и воздух заметно посвежел, напоенный запахом скошенной на газонах травы. Еще и луна выплыла в туманном ореоле, зависла над крышами соседних домов.

— Как необычно, — тихо сказал Снежен, — один спутник. И нет Кольца. У нас летом Кольцо не мешает, даже хорошо с ним в сумерки. Зато зимой оно крадет много света — солнце не поднимается высоко и сперва проходит по верхней кромке Кольца, как по дорожке, а потом вовсе прячется за него на целый месяц. Если прибавить плотную облачность, то днем становится темно и страшно уныло.

— А когда солнце появляется снова, вы устраиваете праздник? — предположила Варя, беззастенчиво любуясь профилем своего суженого.

Тот ожег ее блеском золотых глаз, чей цвет выгодно подчеркивал розоватый свет уличного фонаря:

— Конечно. Мы, колдуны-погодники, рады возвращению светила больше всех — ведь в этот день мы получаем королевское разрешение погасить зимние звезды. Под конец сезона они ужасно надоедают.

— Ты же сам сейчас вместо короля, какого разрешения ты должен ждать? — удивилась она. — И что это за звезды такие?

— Праздничные указы подписывает королева, — пояснил Зимослав. — Мы с мамой поделили обязанности: я отвечаю за безопасность страны, внутреннее хозяйство и внешнюю политику. Конечно, не один, с поддержкой кабинета министров. Она же заведует праздниками, встречает иностранные посольства и покровительствует образованию и искусствам.

— А зимние звезды? — напомнила Варя. — Почему ты вообще на что-то должен тратить силы, в твоём-то положении?

— Зимой у меня не случается энергетических истощений, — даже чуть обиделся на такое отношение королевич. — Мой любимый источник силы — снегопады. В тех краях, где я живу, снег валит без остановки три месяца в году. Ну, и еще случается в начале весны и в конце осени, итого, считай, полгода я бодр и переполнен силами. Так что мне не составляет труда влиться в общую для погодников сеть и зажечь на сумеречный сезон пару десятков крошечных золотых солнц над городами и поселениями. Над деревнями и поместьями за звезды отвечают дворянские семьи или наемные маги, тут уж кто во что горазд — крестьяне, бывало, жаловались на зеленые или красные светила, которые только еще больше добавляют хандры.

— То есть, вы создаете магические фонари? — попыталась представить Варя. В академии Чуролюта ей об этом обычае не рассказывали, то ли не летняя тема, то ли в Синегорье свои традиции.

Зимослав усмехнулся:

— Ну да, фонарики. Над деревнями обычно хватает звезды размером с мяч. Над столицей в свой прошлый год рождения я вешал маленькое солнце диаметром с центральный купол главного храма. Вообще-то ради яркого света не тратится много энергии, это очень простые чары. Тем более к ночи светила на девять десятых гасятся, чтобы людям не мешали спать или любоваться на луны и Кольцо. Но целый месяц проверять чары, следить за уровнем свечения и оттенком света — это слишком нудное занятие, это утомляет больше, чем собственно приложенные усилия.

— Зачем же вы этим занимаетесь? — недоумевала Варя.

— Мой дед изобрел звезды в начале своего первого правления, без малого век назад. Оказалось, искусственные солнца делают людей счастливее. Народ меньше болеет, меньше пьет спиртного, в семьях реже случаются ссоры, ремесленники лучше трудятся и крестьяне охотнее начинают весенние работы. Даже зверье в лесах лучше плодится, про домашнюю живность и не говорю. На ярмарках значительно улучшилась торговля, что приятно сказалось на сборах налогов... Двенадцать лет назад, когда пропал отец, деду стало не до звезд, и все маги-погодники сосредоточились на охране границ. Тогда сумеречная хандра и ожидание возможной войны измучили народ, и один-единственный проскользнувший лазутчик сумел учинить такое моровое поветрие, что весной половина пахотных земель осталась не засеянной. С тех пор мы не изменяем традиции. Зимние звезды над городами стали символом королевской власти и защиты. Когда я вернулся из Белозорья, дед устроил мне испытание, после которого позволил занять его место в сети погодников. До сих пор помню, с каким чувством я поднял в небо над площадью свою первую звезду, — добавил он негромко с улыбкой, и Варя невольно ощутила гордость за своего жениха. — Это было гораздо важнее для меня, чем официальная церемония передачи короны.

— Хотела бы я это увидеть, — вздохнула она мечтательно.

— Время пролетит незаметно, конец лета уже близок, — пожал он плечами. — Увидишь.

— Надеюсь, — кивнула она. — Хочешь мороженого? Финик шоколадное не тронул.

— Тот холодный десерт? — оживился королевич-сластена. — С удовольствием попробую. У нас делают похожее лакомство, с орешками и глазурью... А ватрушек еще не осталось? Я влюбился в твои пироги с первого укуса!

— Ух ты! — только и вымолвила Варя, польщено рассмеявшись на такое пылкое признание. — Кажется, в морозилке завалилась еще одна, правда, неказистая. Пойду ее тоже разогрею.

— Завидую Белокрасу — ты целый месяц кормила его пирогами! — объявил Снежен, пользуясь тем, что в крошечной квартирке разговор можно не прерывать, даже если собеседница ушла на кухню. — И он наотрез

отказывался признаваться, что за фея поселилась в его магазине. Я грозил, что сам найду тебя и заставлю его на тебе жениться, а я бы навещался к вам в гости и напрашивался каждый день на обед и ужин.

— А вышло всё наоборот, — хихикнула Варя, а у самой почему-то сердце в пятки упало.

Уж слишком легкомысленно звучали эти слова в его устах. Она очень огорчится, если он продолжит воспринимать ее не как свою невесту, а как новую приятельницу, подругу его друзей. С другой стороны ясно же, что он так спокойно и доверительно с нею общается исключительно из-за ее дружбы с Вихрем и Враном, словно старшие его товарищи поставили ей на лоб печать качества-годности. Но что-то такое читывала Варя в интернете о преодолении френд-зоны, резиново-растяжимой, и вместе с тем неприступной для барышень, стремящихся именно замуж... Не сыграют ли полезные умения заряжать амулеты и вкусно готовить с нею злую шутку? Оставит он ее на коротком поводке, на расстоянии вытянутой руки: дальше не отпустит, чтобы не ушла, но и ближе не позволит подойти, чтобы не понадобилось отталкивать. Вон, Вихрю за тридцать, а он вроде бы и не собирается жениться на своей учительнице. Вран в свои сорок пять закоренелый холостяк, за месяц знакомства ни разу не обмолвился о женщинах вообще. А Чуролют? Тот вовсе не помышляет делать эконолке предложение, и та смирилась, на старости лет довольствуется лишь беседами по душам! Варя, конечно, понимала, что после половины дня общения рано делать выводы, но упускать драгоценное время тоже было страшно — вдруг именно сейчас она обязана сделать какие-то важные шаги в нужную сторону? Но какие? И как при этом его наоборот не вспугнуть? Парень-то, вроде бы, ласковый, точно большой, уверенный в себе желтоглазый кот, но, как любой хищник, он лишь прячет свою постоянную настороженность, как когти в мягкие лапы. Наверняка готов дать деру в любой момент. А то и вовсе убить — королевские особы с подозрительными личностями церемониться не станут, тут никакая дружеская гарантия не поможет...

Определив ватрушку в духовку и вынув Финика из пустого кувшина, где тот застрял круглым пузом, болтая в воздухе задними лапками и размахивая длиннющим хвостом, Варя вернулась в комнату с двумя порциями обещанного мороженого.

И к своему изумлению застала гостя, стоящим перед книжным шкафом. У шкафа была закрыта одна створка, а это значит, что полки с книгами вернулись на свои законные места. В руках Зимослав держал толстый справочник мифических существ с цветными иллюстрациями.

— Знаешь, в твоём мире магия всё-таки существует, — задумчиво произнес он, увлеченно листая страницы.

— Если ты решил так, разглядывая чудищ на картинках, вынуждена тебя огорчить — это всё неподтвержденные выдумки...

— Нет, ты не поняла. Позволь объясню. Хотя, конечно, я могу и ошибаться, но...

Но Варя заранее была уверена, что ошибаться чародей его уровня не может. Увлечись рассуждениями, удариться ногой о подставку торшера и ушибить мизинец через мягкую кожу сапог — это запросто. Опрокинуть чашку и вылить остатки (к счастью, холодного) чая себе на штаны — тоже легко. Получить удар хвостом по лицу от расхаживающего по диванной спинке кролика, расчихаться от попавшей в нос шерстинки и не заметить, как с палочки обгрызают мороженое — проще простого. Но неправильно понять принцип распределения магической энергии в чужом мире — это вряд ли.

И при всей своей неуклюжести, возрастающей до опасного в момент полной концентрации на интересующей проблеме, синегорский принц оставался для Вари самым красивым парнем на свете. Точнее, на целых два мира. Он бормотал что-то, далеко не всегда ей понятное, увлеченно объяснял, не дожидаясь ее вопросов, на пальцах пытался растолковать законы вселенной, одинаковые для всех миров, где он побывал — а, как оказалось, захаживал он в сотни самых разных миров... И всё равно, в своем придворном костюме, увешанный множеством поблескивающих амулетов, с сиреневыми всклокоченными вихрями, сверкая медово-желтыми глазами — он так уместно и реально смотрелся в ее скромной квартирке, на ее стареньком диване, с таким аппетитом уплетал подгоревшую ватрушку, что Варвара просто диву давалась. Сама себе не верила, аж хотелось ущипнуть себя... но не стала, суеверно опасаясь, вдруг ей это снится и сон-таки рассеется.

С другой стороны, она отчетливо понимала, что элементарно хочет спать. Слишком долгий и утомительный выдался день. (И венчальное платье ужасно надоело, а переодеться в домашние потертые джинсы было стыдно).

Наконец-то понял это и королевич.

— Прости, я слишком много болтаю, а у тебя глаза слипаются, — повiniлся он.

— Нет-нет, продолжай! — заверила она, с трудом подавила зевок. — Я внимательно слушаю. Ты утверждаешь, что земная атмосфера...

— Не атмосфера — эфир, — поправил Зимослав. Не отказал себе в удовольствии, отправил в рот еще одну конфетку, мимоходом полюбовался на яркий фантик. Снова поднялся с дивана и вернулся к шкафу. — Эфир вашей планеты перенасыщен информацией. Эта информация постоянно льется из предметов вроде твоей чудесной музыкальной шкатулки...

— Ноутбука.

— ...И волшебного зеркала.

— Смартфона.

— Но у тебя эти вещицы информацию выдают малыми дозами, а принимают в огромных количествах — считывая из эфира, куда ее выплескивают гигантские излучатели.

— Ну, всё верно, я же показала тебе ролик про орбитальные спутники, про телевышки, про изобретение телеграфа, радио и тому подобное.

— Вот-вот! Видимо, с тех пор, как люди на твоей планете стали всем этим заниматься, магия сделалась особенно уязвимой и неустойчивой. Поэтому, чтобы чары сработали, маг должен прибегнуть к помощи знаков, надписей...

— Ага! — подхватила Варя. — А еще призвать фамильяров, разложить по пентаграмме кристаллы, приготовить талисманы, сварить зелья, рассыпать порошки, станцевать с бубном...

Снежен терпеливо ее выслушал и ухом не повел. Продолжил свою мысль:

— Возможно, всё перечисленное срабатывало раньше. Пока магия не исчезла из эфира. Теперь в пространстве образовалась пустота. И эта пустота опасна для чародеев вроде меня — пустота стремится быть наполненной, при попытке колдовства она высасывает из живого тела больше энергии, чем ты собирался потратить. Мой отец пропал именно в подобном агрессивном мире — он угодил туда с опустошенным резервом и не смог накопить достаточно сил, чтобы открыть портал и вернуться. Здесь просто невозможно восполнять энергию так, как мы привыкли это делать, здесь не разлита повсеместно благодать Великой Матери, нам неоткуда подпитываться.

— Но ведь у меня сил предостаточно, — возразила Варя.

— Ты родилась здесь, ты — часть этого мира, и поэтому тебе открыты те возможности, которые я почувствовать не в состоянии, — пожал плечами Зимослав. — Как тебе пришлось приложить усилия и потратить время на то, чтобы прорасти чувствами в наш мир, так мне пришлось бы немало потрудиться, чтобы найти источники энергии в вашем. К счастью, мне не нужно приспособливаться ради выживания в чуждой среде, так как ты снабдила меня амулетами и скоро вернешь нас обратно. Не найдется ли у тебя чего-нибудь, чем можно писать на стекле? — неожиданно огорошил он ее вопросом, имея в виду створки шкафа.

— Зачем? — удивилась Варя.

Поразмыслила — и принесла ему губную помаду темного оттенка, который оказался ей не к лицу, к тому же у помады вышел срок годности.

— Раз обычным способом я не могу колдовать, попробую немного изменить чары твоего портала, добавив кое-какие надписи, — ответил Снежен, с интересом разглядывая футлярчик с винтовым механизмом.

— Надеюсь, ты его не закроешь, — нахмурилась Варя. — Просто я понятия не имею, как смогла его открыть, так что не сумею повторить это чудо при всём желании. Получится, что ты сам себя запрешь здесь.

— Не беспокойся, я знаю, что делаю, — уверенно ответил он, принимаясь покрывать створки размашистыми росчерками. — Весь фокус в том, что магия здесь у вас хранится, запечатанная в книги. Этот принцип является полной противоположностью привычной нам техники обращения с текущими энергиями. У нас энергию и заготовки для чар запечатывают только в кристаллы, и то на недолгое время. А у вас в книгах хранят готовые формулы, куски заклинаний, от простейших до очень сложных — у нас бы они просто не сработали. При этом совершенно не важно, какие знания запечатлены на страницах, якорями для колдовства может стать любой символ, любая буква в строчке.

— Ну, это не новость, — зевнув, заверила Варя. — Про особенные книжки ходит множество легенд и сочинено миллион историй. Это если не считать всяческие откровенные гримуары, сборники заклятий и заговоров... А всё-таки, зачем ты разрисовываешь мой шкаф?

— Чтобы через него можно было попасть не только в Златоград. Очень удобная помада, кстати. При случае покажи футлярчик Белокрасу, он наделает таких и продаст придворным модницам — разбогатеет!

— У вас же пластмассу не производят, — снова зевнула Варя.

— Ну и что? Материал можно заменить, скажем, на металл, кость, окаменевшую смолу или мореное дерево. Уж Вран сообразит, что лучше подойдет.

— Я опасаясь приносить в ваш мир чуждую технологию, — надулась Варя.

— Ерунда! Твое зеркальце или музыкальную шкатулку наши ремесленники, конечно, не скопируют, потому как не поймут принцип без должной подготовки. Но чем навредит нашему развитию помадный футляр?

— У нас умные люди говорят, что невозможно предсказать последствия самого мелкого поступка: на одном континенте наступишь на бабочку, из-за этого на другом конце света пройдет ураган.

— Такое возможно при исключительно благоприятных для пакости условиях. Один шанс из тысячи тысяч. Вообще мироустройство вовсе не такое хрупкое, как некоторые думают. Вот у нас — не мир, а решето! Почти каждый день случаются разрывы пространства, в которые лезут все, кого не приглашали.

— Вот спасибо! — обиделась Варя.

Зимослав рассмеялся на ее мнительность:

— Ты просто не видела тех тварей, которых я на той неделе выпроваживал. Причем так было испокон веков, и летописи уверяют, что раньше было куда хуже, чем теперь. И ничего — как мы жили себе помаленьку, так и здравствуем, слава Великой Матери. А ты говоришь: изобретение изменит мироздание! Как бы не так. Что помада? Мой дед за свою долгую жизнь наизобретал кучу всякой всячины — и она хламом хранится в подземелье башни. Из всех его изобретений прижились только зимние звезды, прачечные машинки да кроличьи колесницы. Последние лишь потому, что сайгаков держать в городах сложно, и летом они отказываются работать, плохо переносят жару. Наверняка в твоём мире тоже было полно изобретений, которые обогнали свою эпоху, и люди вспоминали о них спустя пару сотен лет?

— Ага, что-то такое слышала.

— Вот видишь. А тебе помады жалко.

— Зим, ты мне нравишься.

У Вари само собой вырвалось. Она даже не поняла, как это случилось. Услышала свой голос, произносящий слова, полдня стучавшие в ее голове, как горох в пустой банке — и обмерла, не веря, что способна на подобное безрассудство. Неужели она сказала это вслух?!

— Спасибо, ты мне тоже, — отозвался Зимослав безмятежно и даже не обернулся, продолжая рисовать знаки на дверцах. Полностью проигнорировал трепетный тон, каким было вымолвлено признание. — Я рад, что судьба назначила тебя моей невестой. Надеюсь, мы подружимся. Потому что тебе придется какое-то время пожить у меня, чтобы окончательно избавить Белозорье от проклятья моего вспылчивого деда.

Варя промолчала. Пылая от стыда и первого очевидного поражения, обкатывала в смятённом разуме полученный ответ. Он сказал «подружимся»?!

Между тем Зимослав закончил мучить помаду. И распахнул сразу обе дверцы. Варя невольно ахнула — портал не открылся!

— Погоди, я еще не закончил, — хмыкнул на ее испуг королевич-чародей. Принялся переставлять книги в лишь ему понятном порядке.

— Хотел бы я познакомиться с тем колдуном, кто зачаровал эту книгу, — сказал он, протянув Варю «Алису в Зазеркалье». — Чары наложены много лет назад, но даже спустя время чувствуется отголосок огромной силы. Ты случайно не помнишь, как эта книга к тебе попала?

— На день рождения подарили, — пожалала плечами Варя. — Но кто именно... Прости, я не помню, это было пятнадцать лет назад.

— Пятнадцать? — огорчился Снежен. — По времени не совпадает... Что ж, у меня вообще нет никаких оснований считать, что отец мог попасть именно к вам. Тем более слишком наивно надеяться, что он оставил след прямо в твоём шкафу, из которого ты пришла к нам. Даже смешно.

Замолчав, он вернулся к перестановке книг.

— Не расстраивайся, — робко попросила она. — Я позвоню родителям, вдруг они вспомнят, кто мог подарить мне эту книжку. Не сейчас, конечно, если ночью позвонить, у них память отшибет напрочь. Но потом спрошу! Если найдем этого местного колдуна — вдруг он поможет проверить, не появлялся ли здесь твой отец? Мало ли! Может, погадает нам или чего подскажет.

Варя тоже умолкла. К тому, что в ней проснулся дар к чародейству, она вроде бы кое-как привыкла. Но в то, что среди знакомых ее родителей обнаружился настоящий колдун — в это совершенно не верилось!.. Наверняка всё объяснялось проще и запутаннее: книгу купили у букиниста, а туда ненужную макулатуру сдает полгорода — поди, теперь отыщи, откуда она взялась. Но как об этом сказать Зиме? Что нет надежды найти след. Он ведь совсем расстроится...

Между тем Зимослав закончил перенастраивать портал. Он попробовал открыть сначала правую створку шкафа, затем левую — и книги с полками плавно растворились, явив проход на крыльцо знакомого здания.

— Это же академия Чуrolюта? — опознала Варя улицу.

— Мне показалось, так будет проще, — заявил Снежен. — Передвинул твой портал совсем чуть-чуть и привязал к своему для стабильности. Я потом покажу, как им пользоваться оттуда, это совсем не сложно, у тебя легко получится.

Он закрыл шкаф, подождал пару секунд — и открыл снова, но теперь начал с левой дверцы. И вновь книги исчезли, сменившись видом полутемного просторного зала, в котором Варю прежде бывать не доводилось.

— Добро пожаловать в мои владения, — с улыбкой взмахнул Зим рукой, приглашая перешагнуть порог.

Варя, не долго думая, шагнула вперед. И впрямь оказалась в гулком зале. В высокие окна лился лунный свет. От ее неуверенных шагов по вытянутым теням разбегалась гулкая тишина... Варя поежилась и обернулась — за спиной обнаружилась неохватная колонна, центральная опора для потолочных сводов. Треугольная в сечении, внизу, на уровне человеческого роста, она была оформлена резными арками и ступенями, ведущими в ниши,

полные мрака. Из одной из этих ниш она только что вышла.

Варя поежилась еще сильнее — синегорский принц не спешил за ней следом. Стоять же посреди пустого зала в одиночестве было жутко. А чтобы вернуться назад, ей нужно подняться по ступеням и войти в непроглядную тьму? Влетать в стену с разбега было куда приятнее!..

И всё же через минуту тщетного ожидания она это сделала.

Ворвалась к себе домой с отчаянно колотящимся сердцем. И наткнулась на слегка перекошенную ухмылочку королевича.

— Ты не пошел за мной!.. — начала было Варя. Но под его взглядом осознала и договорила: — ...потому что это мой портал, я должна была провести тебя сама.

— И кролика не забудь, не оставлять же его в одиночестве, — любезно напомнил Зим.

— Да, конечно, — кивнула она.

На всякий случай она привычно быстро проверила квартиру: замок на двери, газ, воду, закрыла балкон. «Соскребла» с диванной спинки спящего расслабленного Финика, повесила себе на плечо, выключила свет.

Опустив голову, протянула королевичу руку.

Зимослав слегка сжал ее ладонь.

Снова войдя в темный зал, Варя удивилась — ничего не изменилось, но это место перестало выглядеть пугающим, словно декорация к готическому ужасу. Как будто обитель колдуна почуяла своего хозяина и сняла с гостыи статус незваной подозрительной особы.

— Как поздно, — констатировал Зим, взглянув на луны, заглядывающие в огромные окна. — Идем, я провожу тебя до твоих комнат.

— Моих? — рассеянно удивилась Варя.

— Конечно. Я подготовился заранее, ведь предполагалось, что я похищу в Белозорье свою будущую жену, — усмехнулся он.

— Предполагалось, что несчастная девушка должна быть против похищения, — ехидно заметила Варя. — Представляю, какие комнаты ты приготовил для укрощения строптивой суженой — с решетками на окнах, на дверях замков...

Снежен многозначительно промолчал.

Покинув зал и миновав несколько переходов, поднявшись на два этажа выше, они вошли в сравнительно небольшую гостиную. Зимослав распахнул следующие двери — там оказалась просторная спальня, которую осветили мгновенно вспыхнувшие свечи.

— Зажечь камин? — предложил он.

— Не стоит, — отказалась Варя, недоумевая, почему он не предложил прислать служанку. Такой деликатный, что стесняется потревожить спящую прислугу? Нет, Варя не нужна была помощь незнакомой женщины, чтобы наконец-то улечься спать, но от принца невольно ждешь чего-то подобного.

Она прошлась по спальне — огромная кровать, огромное окно, никаких решеток... На кровати — белая пена кружев ночнушки.

— Прошу заранее простить, если тебе что-то не понравится или не подойдет, потом ты можешь приказать переделать здесь всё по своему вкусу, — извинился он на всякий случай. — Утром мне нужно будет забрать из Златограда моего сайгака, и заодно я захвачу твой багаж.

Варя вспомнила о многочисленных роскошных платьях, заказанных для нее Мстиславой — и ей стало жаль сайгака, на которого все эти сундуки повесят.

— Можешь багаж не весь брать, там тяжело получится!

— Да брось, — отозвался Зим, — от истощения не умру. Пусть я не умею экономить силы, зато восстанавливаюсь быстро, привык при слабеньких амулетах.

— Такие резкие перепады, вообще-то никому не добавят здоровья, — заметила Варя.

— Осторожничать буду в старости, — отрезал тот. Добавил мягче: — Мои комнаты этажом выше. Если что-то понадобится — постучи в потолок и крикни, я чутко сплю. Не беспокойся, ты никому не мешаешь, мы в башне совершенно одни.

Варя хлопала глазами, не понимая, как ей реагировать на такие сведения.

Кажется, королевич тоже затруднялся с решением, как лучше поступить. Судя по его виду, он склонялся к тому, чтобы просто поскорее откланяться и уйти к себе.

— Хм... За этой дверью платяной чулан. А за этой купальня, я говорил?

— Нет еще, но спасибо, что сказал, — кивнула Варя, гадая, почему он медлит.

— Воду специально греть не нужно, там два вентиля, почти как у тебя дома — в общем, думаю, ты разберешься. Или наполнить тебе ванну?

— Не стоит, спасибо.

— Тогда позволь пожелать спокойных снов, — сказал он.

И подошел.

Наклонился к ней.

И поцеловал...

...в уголок рта. Просто коротко притронулся губами. Почти невесомо.

— Это для снятия проклятия, — пояснил он, отведя взгляд. — Конечно, для полной уверенности можно было бы отринуть приличия и...

Варя прикусила губу, зажмурилась, затаила дыхание.

И услышала смешок:

— Пожалуй, не сегодня.

После чего поганец развернулся, вышел и закрыл за собой дверь.

Варя плюхнулась на кровать. Уставилась в потолок.

Встряхнутый сонный Финик сполз с ее плеча, переместился на подушки, где мгновенно снова засопел.

Сердце терзалось противоречивыми чувствами — сожалением и досадой. Почему он не поцеловал ее по-настоящему? Не хочет? Сомнительно, что не умеет, в его-то возрасте, при его-то титуле. При его-то внешности. Бойтся ее шокировать? Эх, надо было самой на него кидаться, пока ехидничал!.. Или тогда она бы его шокировала? Тоже большой вопрос... С другой стороны, это у них не первая брачная ночь, ведь они даже не помолвлены! Но если бы он заботился о ее репутации, то разве поселил бы практически в соседней комнате в пустой башне...

Тут разум Вари, совершенно забывший о недавно столь желанном отдыхе, занялся новым вопросом: а куда она, собственно, попала? Что это за башня? Угловая башня дворца? Донжон замка? Одинокая, как перст, башня колдуна?

Чтобы это выяснить, оказалось мало встать с постели, распахнуть окно и выглянуть наружу. К тому же было просто темно. Созерцая какие-то невнятные заросли, верхушки деревьев и уловив вдалеке мерцание то ли реки, то ли озера, Варя благоразумно решила отложить решение этого вопроса на утро.

Дышалось здешним воздухом не в пример слаще, чем ночным городским в ее мире. Варя прилегла на подоконник грудью, подперла тяжелую голову руками.

Ветерок донес откуда-то тихую ненавязчивую мелодию, наигранную на пастушеской флейте. Звуки нежно и печально струились сквозь шелест листвы...

Где-то внизу в отдалении раздался стук открываемых ставень. И надтреснутый женский голос проорал в темноту:

— Огняр! Тебе днем дудеть вредность не позволяет?!

Мелодия мгновенно оборвалась, смутившись, что ее услышали.

Скрипнули другие ставни, кажется, расположенные немного левее первых. Из-за стены кудрявых деревьев послышался нежный девичий голос, звенящий от возмущения:

— Огняр, не слушай ее, играй, если душа требует!

— Ваше высочество! — снова раздался первый голос. — Не потакайте мальчишке! Ночью не музицировать, а спать надо! Так что немедленно отправляйтесь в постель и закройте окно!

— Сама закрой окно, Росана, раз тебе музыка мешает, — парировала принцесса. — А мне душно!

Варя хихикнула, услышав, как распахнулось окно этажом выше, чем ее. Выглянувший Зимослав негромко ругнулся.

Но ему высказаться не дали — еще левее принцессиного окна со скрипом отворилась дверь, прошлепали шаги на крыльце, точно ноги были обуты в растоптанные галоши. И голос древней старухи воззвал к совести всех участников полуночной переключки:

— Всем тихо! Не видите, что ли, огонь в башне зажегся? Знать, его высочество вернулся из Златограда, привез-таки себе невесту. У них первая ноченька на двоих! А вы, дуры, разорались, романтику поганите. Быстро всем спать! А ты, Огнярушка, играй, умница.

Варя чуть в голос не расхохоталась, услышав, как поспешно и старательно тихо закрыл свое окно Зимослав. Короткий вскрик и новая порция ругани сквозь зубы возвестили о ненароком прищемленном ставнями пальце.

Она свое решила оставить открытым, благо комаров-мошек здесь не водилось.

Жаль, флейта снова не заиграла, видать, музыкант сразу удрал куда-то, едва его окликнули.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. Синегорье. Глава 11

Проснулась она поздним солнечным утром от стука. Неторопливое «бум... бум...» исходило из гостиной. Не подумав одеться «приличнее» — вернее, сочтя более чем приличной необъятную ночнушку с широченными длинными рукавами и оборчатый подолом в пол, украшенную ленточками-бантиками — Варвара в полусонном любопытстве сползла с перин и дошла до двери спальни, заодно наслаждаясь-ежась от ощущения толстого ворса ковра под подошвами босых ног.

Приоткрыв дверь и высунув нос, она узрела в гостиной Снежена и сундуки, из чего сделала логический вывод, что королевич уже смотался к соседям за ее приданым. Теперь перед ним стояла задача перетащить все сундуки от входных дверей башни в Варины покои, чем он в данный момент и занимался. Зимослав не стал звать лакеев или стражников, чтобы дюжие молодцы поработали грузчиками, тем более на узкой внутренней лестнице некоторые особо громоздкие «чемоданы», присланные Мстиславой, запросто застряли бы. Он распахнул широкое окно — и левитировал по одному сундуку, по воздуху поднимая их с земли, плавно доставляя в гостиную, со звуком «бум» опуская на поскрипывающий дощатый пол. К моменту пробуждения гости он уже справился с половиной багажа.

— Доброе утро! — заметив ее появление, отвернулся от окна, приветливо улыбнулся Зимослав, а очередной сундук, будто бы без всякого присмотра, продолжал неторопливо и послушно пролезать над подоконником, еле-еле вписываясь в размер рамы.

— Доброе, — отозвалась Варя с сомнением. Машинально поправила съехавший с плеча просторный ворот сорочки. — Извини, я не знала, что Мстислава так расстаралась. Как ты всё это... дотащил?

— Ерунда! Кстати, тут большая часть — это свадебные подарки от дяди Твердивера и остальных. Надо было, конечно, портал из Злагограда открыть сразу сюда, в эту комнату. Но я подумал, что ты еще спишь, во-первых. А во-вторых, дед так защитил башню от вторжений, особенно из-за границы, что пришлось бы полдня рассчитывать обходной... А, впрочем, неважно, — оборвал он сам себя, поняв, что слишком увлекся с объяснениями. Заботливо спросил: — Как спалось на новом месте?

— Спасибо, хорошо, — ответила Варя, отчего-то сразу засмутившись. Только сейчас вспомнилось, что под сорочкой на ней нет белья, а зубы не почищены и рожа не умыта.

Но королевич на нее не думал пялиться — он хмурился, прикидывая, куда бы примостить сундучище. «Гроб с музыкой» согласно его раздумьям повис в двух метрах над полом, ибо небольшая гостиная и так уж была загромождена хаотично расставленным багажом. Пришлось Зиме заняться «уборкой» — передвигать всё, недалековидно брошенное диагонально и поперечно, да сооружать пирамидки, чтобы расчистить достаточно места.

Среди сундуков, ларцов и шкапулок Варя заметила собственные сумки с вещами, присланные из школы Чурулюта — наверняка Вихрь заставил позаботиться об этом свою подругу. Мысленно поставив себе «зарубку на носу» при случае поблагодарить учительницу, Варя первым делом утащила в спальню родное барахло. С приданым она и позже разберется, причем наверняка придется просить о помощи какую-нибудь служанку, ведь в роскошные платья не запакуешься так же легко, как в домашние джинсы...

Пока оба сосредоточенно занимались каждый своим делом — не заметили, как в комнату поднялся незнакомый Варе молодой человек военно-рыцарской наружности. Причем появился он, будто специально выгадав самый подходящий момент! Варвара как раз скомкала, намотала на руку мешающийся подол ночнушки, подтянула выше колена, чтобы перешагнуть через лабиринт ларцов и достать выпавшую из сумки косметичку. А Зим совершенно случайно наклонился в ее сторону, присел на колено, чтобы собрать какую-то рассыпавшуюся мелочь из некстати раскрывшейся опрокинутой шкапулки. Ну, вот и получилось, что взору визитера предстала двусмысленная сценка.

— О! — оценил он зрелище. Тотчас развернулся, собираясь удалиться. — Простите ради всего святого, я не хотел помешать!

— А? — не поняла Варя. На всякий случай торопливо опустила подол, хотя никакой вины за собой не ощущала, ибо не до подмышек же она сорочку задирала. Такую прорву оборочек вообще поди подбери, постарайся! И так еле-еле ходила не спотыкалась.

— Венцемир? — окликнул парня Зим, закончив со шкапулкой, поднялся. — Стой, вернись. Раз явился, помоги тут разобраться.

Тот, подчиняясь приказу и, в большей мере, собственному любопытству, охотно обернулся, выразительно стрельнул зелеными очами в сторону хлопающей глазами Варвары.

— Ваше высочество, как можно? Помогу, раз велишь, но виданное ли дело, чтобы третий лишний вмешивался в отношения влюбленных? Разбираться с невестой изволь лично, мое дело сторона!

Варя вспыхнула, фыркнула и, прижав к груди косметичку, метнулась в спальню. Однако хлопнуть дверь не стала, задержалась на пороге.

— Балабол, — буркнул Зимослав рассеянно. — Подвинь-ка тот гробище... Не этот, вон тот. Да не в ту сторону, соображай! Что встал столбом, словно барышень в неглиже не видал никогда?

— Барышень видал, — покладисто взялся двигать сундуки Венцемир. — А вот невесту твою, с боем отвоеванную и выкраденную из соседнего королевства — лицезрю впервые! А ножки ее стройные вообще вряд ли удостоюсь впредь увидеть.

Варя затаила дыхание, ожидая ответа королевича.

А тот с недоумением переспросил:

— Ножки? — Оглянувшись на невесту, удостоверился, что на ней по-прежнему ночнушка в пол. И лишь шумно вздохнул, выражая раздражение легкомыслием своего подчиненного.

Варя с трудом поборолла искушение продемонстрировать до обидного невнимательному жениху хотя бы шиколотку. Вместо этого благоразумно заперлась в спальне, чтобы быстренько умыться и одеться. Делала она это тихонько, как мышка, чутко прислушиваясь к разговору в соседней комнате.

— Повезло тебе с женою, просто на зависть попалась красавица! — продолжал со вкусом помощник по двиганию сундуков, разве лишь языком не прицокнул. — И грудь высокая, спелая! И талия тонкая, бедра крутые! Ножки длинные, коленки ровные, икры полненькие, не волосатые, лодыжки изящные, ступни узкие, пальчики ладные, ногти без грибка! Иной ведь раз захочешь возлечь с красавицей, а она как юбки сбросит, чулки-туфли скинет — так всё желание завянет!..

Громopodobный «бум!» прервал поток красноречия. Сразу за этим раздался сдавленный рык боли — явно кому-то «гроб с музыкой», оброненный с двухметровой высоты, угодил по ноге.

Варя напряженно замерла, успев наполовину застегнуть скромное платье, в котором обычно ходила на прогулки по Златограду.

— Что ж ты так неловко-то... — послышался из-за двери сочувствующий голос болтливого рыцаря.

Значит, попало Зиму? Варя кинулась проверять, что там у них стряслось, не подумав, что они и без нее разберутся, а ей бы не помешало закончить с одеванием и причесаться.

Действительно, напрасно она выскочила, однако запирается обратно было бы еще более неловко, чем остаться. К тому же, как тут уйдешь, если такое творится-то?

— Отпусти! — шипел-рычал Зим, прыгая на одной ноге и при этом пытаясь отбиться от поймавшего его в охапку Венцемира. — Или хочешь в окно вылететь? Сейчас устрою!

— Хотел бы меня выкинуть — давно бы... Да сядь ты, трудно, что ли?! И не брыкайся, тебе же хуже будет.

Рыцарь силой усадил-таки сопротивляющегося королевича на тот же злополучный сундук, ловко развернулся к Зиму задом, ухватил за брыкающуюся ногу и принялся задира́ть штанину к колену.

— Отстань! — продолжал рычать Зим, болезненно скривился, закусил губу. — Я сам! Не трогай!

Венцемир заметил застывшую у двери Варю:

— Сударыня! Помогите обуздать этого упряма!

— Как? — не поняла та, но с готовностью подошла.

Зимослав смущенно затих, лишь глазами посверкивал.

— О, я хотел предложить поцелуй или подзатыльник, но, похоже, надобность отпала, — хмыкнул Венцемир. — Тогда, если не зазорно, обувьку расстегните. Чую перелом косточки, а этот... неразумный человек не позволяет хотя бы осмотреть повреждение, грозитя сундуками кидаться.

Варя угукнула и взялась за ремешки с черными пряжками, коих на высоком башмаке, смахивающем на армейский ботинок, нашлось аж пять штук.

— Всё, благодарю, сударыня, сниму я сам! Тут особая аккуратность требуется, — отстранил ее Венцемир.

Зим уже не брыкался, поэтому держать его за коленку стало не нужно, и рыцарь присел перед ним на корточки, осторожно снял башмак, стянул чулок крупной вязки — и с озабоченным видом осмотрел подъем пострадавшей ступни, покрасневший и на глазах принявшийся распухать.

— Точно, перелом, — вынес он вердикт. — Множественный! С раздроблением.

— И без тебя знаю, — прошипел сквозь зубы Зимослав. Чтобы отвлечься, поймал за руку стоящую в шаге от него Варю, притянул к себе — и лично взялся застегивать мелкие пуговички на лифе ее платья, не заботясь, что тем самым вгоняет невесту в пунцовость.

— Дашь вылечить? Или опять сам будешь пробовать? — уточнил рыцарь, глянув снизу вверх. — Как в прошлый раз?

— А что было в прошлый раз? — поинтересовалась Варя.

— Видите ли, сударыня, как многие из нас, его высочество не умеет применять чары на самом себе, особенно лечебные. В прошлую попытку он хотел самостоятельно исправить вывих запястья, причем правого. После месяца вынужденного простоя ко мне явилась делегация от кабинета министров — с угрозами! У них все дела государственной важности остановились, потому что кто-то не мог ставить подписи на документах.

— Лечи, — вздохнул Зимослав.

Венцемир взялся колдовать над доверенной конечностью. Разлившееся в воздухе от его рук жаркое тепло ощутила даже Варя.

Между тем Снежен застегнул платье до самого горлышка, хотя обычно она последние пуговички на воротничке оставляла, чтобы дышалось легче. Затем без лишних слов перешел к рукавам, где пуговики были нашиты от запястья до локтя. Варя даже немного расстроилась, сообразив, что ее просто-напросто используют в качестве антистресс-игрушки, отвлекающей от болезненной травмы и малоприятного лечения. Благо рыцарь управился

быстро, аккуратно когда незастегнутые пуговицы на Варином платье закончились.

— Извините, я вас толком не представил друг другу, — ворчливо произнес Зим. Рыцарь тут же вскочил, отвесил Варе галантный поклон, будто настоящей принцессе. А может, как будущей королеве. — Варвара — моя невеста благодаря проклятию деда Грозоврата. Уроженка иного мира.

— Весьма любопытно, — оценил сие обстоятельство рыцарь.

— А это — Венцемир Хвощ, капитан королевских рыцарей.

Варя подавила чуть не вырвавшийся нервный хрюк — очень уж сильно «хвощ» было похоже на «хлыщ»! Что подошло бы щеголеватому капитану не меньше. Хотя она уже знала, что в этом мире хвощом называют кустарник вроде акации. У здешней акации колбочки были длиной по пятнадцать сантиметров, зато цвела она роскошными кистями, и каждый отдельный цветочек напоминал многоярусную лилию декабриста, а пах клубникой.

— По совместительству личный лекарь его высочества, — вкрадчиво добавил Венцемир, беззастенчиво строя чужой невесте глазки. (И Варя не могла не согласиться — это у него получалось замечательно: глаза сияют, губы манят к поцелуям! Прибавить военную выправку, гусарскую лихость, рыцарскую статью... Издалека видно — закоренелый бабник и любимец дам.)

— Идеальный соратник в бою, — усмехнулся Зимослав. — И совершенно невыносим в мирное время.

— Невыносим, значит? — хмыкнул Венцемир. Снова по-рыцарски опустился на одно колено, взялся помогать обуваться, начав с чулка. (Заодно проверил, как нога сгибается-разгибается после лечения, пристально проследив, не поморщится ли пациент, ибо ведь ни за что не пожалуется по доброй воле.) — Ну-ну, это я, пожалуй, запомню... до следующего прищемленного пальца, ваше высочество!

А Варя, глядя на них, запоздало ужаснулась: «Мамочки, а ведь Зим на самом деле настоящий принц! Пусть непутевый растяпа, но самый что ни есть прирожденный королевич. Избалованный преданной свитой — парнями, которые всё для него сделают. Зачем ему вообще жена, при таких-то рыцарях?! А я еще на Лучедара Злата ругалась, что тот капризный папенькин сынок. Этот, выходит, несколько не лучше! И зачем мне такой муж? Куда я вообще полезла, сумасшедшая?..»

Легкие шаги на лестнице возвестили, что к ним поднимается еще кто-то. Венцемир уже без осторожности напялил на королевича башмак, предоставив самому затягивать ремешки, сам же поспешно вскочил, торопливо оправил одежду — и нацепил на физиономию самое слащавое выражение, на какое только был способен. Варе даже стало интересно, перед кем же так трепещет капитан королевских рыцарей — вариантов ведь было немного. И она не ошиблась в догадке.

— Вы чем там заняты? — послышался звонкий голос еще издалека. — Баба Вера устала подогреть чайник! Братец, почему до сих пор не пришел завтракать?! От голода ты делаешься просто невыносим!

Последнее принцесса произнесла уже, стоя в дверях и глядя брату в лицо. (Варя узнала ее по голосу — вчера слышала во время ночного «концерта» в саду.)

— А мне он только что заявил, что это я невыносим! — не преминул пожаловаться Венцемир таким тоном, будто был капризным пажом, а не капитаном рыцарей.

— Ты всегда невыносим, сколько тебя ни корми, — отмахнулась от него принцесса. Развернувшись к Варе, решительно ткнула пальцем в молча застегивающего башмак королевича: — А этот тип, если вовремя не подкрепит, становится желчным, противным, рассеянным и ужасно неуклюжим! Я слышала, вчера на празднике в Златограде он опозорился, опрокинув огромный торт! Наверняка и сейчас что-нибудь разбил или сломал, верно?

— Ну... — промычала Варя.

Сестренка у Зимослава оказалась миниатюрной и тоненькой, точно это с нее лепили тех фарфоровых балерин, танцующих на музыкальных шкатулках. Настоящая принцесса! Юная, лет шестнадцати на вид, и очень симпатичная, хотя в чертах лица с братом у них было неожиданно мало схожего. Светлые волнистые волосы бледно-оранжевого оттенка с розоватыми прядками она заплетала в толстую длинную косу и при плохом освещении могла легко сойти за обычную рыжую девчонку. К тому же одета она была на удивление простенько и даже скромно, так что Варе не пришлось смущаться за свое повседневное платье.

— Как будущая жена ты обязана повлиять на него, — сообщила принцесса, сверля Варю пронизательным не по годам взглядом.

А ту осенило и снова едва не пробило на хихиканье: вот оно, общее у брата и сестры — шевелюра цвета морковки, натертой с майонезом! У Зимослава — в тон местной, сиреневой. А у сестренки — земной, оранжевой.

— Венцемир, представь барышень друг другу, — буркнул Снежен, незаметно пробуя наступить на вылеченную ногу, для начала без веса, сидя.

— Изволь, — охотно выступил тот. Согнулся в полупоклоне перед принцессой, дабы той из-за маленького роста не пришлось слушать его, задирая голову. — Ваше высочество! Имею честь и высочайшее дозволение, к моей величайшей радости...

Принцесса просто наступила ему на носок сапога пяткой. Его счастье, сапоги у него были добротные,

крепкие. Она же носила мягкие черевички-«балетки», а не туфли на каблуках, да и веса отчаянно не хватало для реального отдавливания, так что Хвощ и не моргнул.

— Понял, сожалею, — мигом исправился он. Ослабился во все сорок зубов, засюсюкал: — Зорюшка — это Варюшка! Варенька — это Зоренька!

— Зореслава-Сияна Вешнесинь, моя младшая сестра, которая по необоснованным причинам считает себя умнее кабинета министров, — вздохнул Зимослав, указав на принцессу, а то Варя бы не сообразила. Указал на Варю, пояснил сестре: — Варвара. Откликается на уменьшительное «Варя», на «Варежку» обижается почему-то. Умеет печь роскошные ватрушки и заряжать для меня амулеты.

Обе барышни обменялись смешливым фырканьем — и учтиво присели в книксенах.

— Про ватрушки — это очень кстати, баба Вера половину ледника творогом забила, я замучилась обновлять чары свежести, — затараторила принцесса, мигом приняв гостью как подругу. — А кристаллы заряжать — это вообще великолепно! Я так устаю от амулетов, а этому проглоту постоянно надо новые и новые, да непременно полные подавай! А откуда я столько возьму?! — Она в возмущении тряхнула юбками, будто энергия у нее в карманах хранилась.

Варя охотно поверила, что такой миниатюрной девчужке много сил не накопить. Пусть Мстислада или подруга Вихря, например, были не вот уж сильно крупнее принцессы, но от тех — особенно от княжны! — просто веяло мощью магии, так что хрупкими их назвать язык ни у кого не поворачивался. Сама же Варя никогда не ощущала в себе хрупкости ни во внешности, ни внутри. Напротив, время от времени худеть пыталась.

Сестрицын щебет и Варварины мысли нарушил поднявшийся с насиженного места Снежен. Принцесса мигом замолкла, глядя на брата с напускной строгостью и плохо скрываемым обожанием.

Тот кивнул на сундуки с приданым:

— Зорь, поищи тут платье, к маме на прием чтобы сходить. Представить надо невесту. Выбери что-нибудь блестящее, но не пышное — чтобы в лодку удобно забираться. А мы пока пойдем пообедаем.

— А... — растерялась от неожиданной просьбы принцесса. Перевела вопрошающий взгляд на Варю.

— Прости, не смогу ничего подсказать. Я сама понятия не имею, что тут где лежит, — смущенно призналась та. — Если сможешь разобраться, буду очень признательна! Вот только, боюсь, одной тебе не управиться. Тут у вас вообще горничные-то есть?

— Полно! — хмыкнул Венцемир. Не дожидаясь остальных, он первым направился к выходу. То ли так было положено — идти впереди охраняемого объекта, то ли успел проголодаться.

— Ладно, — получив разрешение хозяйничать, обрадовалась Зореслава-Сияна. Направилась в спальню, на ходу сообщая: — Сейчас девчонок крикну. А вы идите-идите! Я-то уж два раза успела чая попить с сырниками, пока с нянюшкой вас ждали.

Зимослав сделал вид, что послушался. Однако остановился у выхода к лестнице и, обернувшись к последовавшей за ним Варе, приложил палец к губам, усмехнулся.

Принцесса в спальне распахнула окно — и чуть ли не свесилась через подоконник вниз головой. Закричала:

— Эй, бездельницы?!

Ей мигом ответили, проорали издали:

— Да, госпожа? — видимо, были приучены к подобному обращению.

— Скажите бабе Вере, что его высочество изволит идти зав-тра-кать! — специально по слогам прокричала она для понятности.

— Щас скажу-у! Наконец-то надумал, ажно раньше ужина вспомнил!..

— Скажет она! — вступил в переключку старушечий голос. — Я и сама не глухая! Эх, сырники-то остыли, побегу греть...

— А вы сами-то где, госпожа?

— В башне! Пришли ко мне трех девчонок! Надобно гардероб разобрать! Остальные пусть берутся за уборку — брат скоро к маме уезжает, как раз тут успеем порядок навести! Хоть лестницу отмоете в коем веке!

— Гардероб? Да за такое задание они у меня щас все передерутся! Вы уж, госпожа, сами поименно выберите, кого вам послать, сделайте милость!

— А чей гардероб-то разбирать? Его высочества? Неужели наконец-то позволил?!

— Держи карман шире! — откликнулась принцесса ехидно. — Братов гардероб только тараканы с молью пешком из башни вынесут, когда штопать будет нечего! Невестино приданое будем сегодня смотреть!

— Невесты? Это которую господин вчера привез?! Которую не видал еще никто?

— На то она и не-веста, что не-из-вестная! — изрекла старуха. Видимо, расторопно управилась на кухне и снова вышла на крылечко.

— Сейчас к бабе Вере пойдут — вот и увидите! — объявила Зореслава.

— Это ж... — засуетились внизу, понизили тон. — Это ж они уже спускаются, значит... Девки! Быстро! Егс

высочество надобно проводить от башни до бабы Веры!

С разных сторон послышались недоуменные голоса, вопрошающие:

— Это зачем? Сам дорогу не найдет, что ли? Заплутает? Вон, Хвощ уж добежал, значит, у его высочества всё хорошо — иначе б этот охламон не удрал вперед него-то...

— Дуры! Забыли, где господин вчера побывал?

— А где?..

— Дадим им еще минутку? Так проще выйдет, — шепнул Зимослав, кривовато усмехаясь.

Варя угукнула.

А принцесса с чувством исполненного долга закрыла окно в спальне, развернулась... и взвизгнула от восторга:

— Кролик? Беленький?!

— Затискает! — покачал головой королевич. Громко позвал в открытую дверь: — Финик! Твоя хозяйка собирается пойти кушать! Без тебя!

Намек был услышан: белко-песец неуловимой глазу молнией выскочил из спальни, пропрыгал по крышкам сундуков — и, проигнорировав раскрытые объятия Вари, взлетел на плечо Зимы, где и растянулся шкуркой, тяжело вздохнув, будто они его, спящего, чуть не оставили на растерзание чудищу.

Спускались они из башни к выходу на вольный воздух ну очень неторопливо! Зато хоть Варя успела оглядеться. Вчерашней-то ночью ничего толком и не разобрала с усталости да в темноте. Впрочем, ничего особенного и нынче не заметила: лестница как тянулась, так и тянулась по всей высоте башни размашистым зигзагом, соединяя этажи до самой крыши. По внутренней стене на лестницу выходили разнокалиберные двери и дверцы, арки перпендикулярных коридоров. С другой стороны, во внешней стене, были проделаны узкие окошки — все на разных уровнях от ступеней, так как расположение их зависело не от прихоти архитектора, а от размеров внушительных каменных глыб, из которых была сложена башня. Когда получалось выглянуть, вытянув шею и привстав на цыпочки или, наоборот, пригнувшись, Варя любопытствовала, что там ее ждет снаружи. Как выяснилось, тоже ничего особенного: синевато зеленел сад, шелестели под ветром макушки не ведавших стрижки деревьев, плутали среди клумб и кустов заросшие травой дорожки да виднелись веселые черепичные крыши маленьких домиков и беседок. И служанки бестолково носились, подобрав юбки, точно вспугнутые курицы. Разглядывать разномастные двери было и то занятнее.

Перехватив ее задумчивый взгляд, брошенный на очередную запертую дверь, Зимослав принялся пояснять:

— Тут склад ингредиентов для зелий. Там вон кладовка с разным хламом. Здесь держим книги — но это не библиотека, а свалка, так что не заходи туда, не то засыплет с головой, погибнешь бесславно. Ну, зато тело сохранится, как свежее — там даже самые трухлявые летописи хранятся отменно, комната сухая и оплетена устойчивыми консервирующими чарами... На чердаке лаборатория погодника, типичнейшая. Потом поднимемся, покажу, если интересно.

— Конечно, интересно, — незамедлительно заверила Варя.

— А здесь — большая купальня. У тебя при спальне есть малая, ну ты видела, и у меня такая же на моем этаже. А в большой — просторный бассейн, в котором можно зимой плавать, с фонтанчиками. Правда, я воду спустил год назад, когда трещина появилась и нижний этаж промоchило, всё не успеваю починить.

— А почему ты не позовешь ремонтников? — удивилась она.

— За то время, что здесь жил дед, башня настолько пропиталась его энергией — а за последние лет десять еще и моя добавилась сверху — что мне проще самому что-то сделать, чем пускать чужих людей и следить, чтобы они не напортачили или чтобы башня от них не избавилась, как от непрошенных вторженцев, затянув в камень стен... А в подвале у нас, кроме склада дедовых изобретений, есть еще некромантская мастерская. Дедуля одно время увлекался, разные косточки собирал и дохлятину в банки консервировал. Баба Вера потом, когда он эксперименты бросил, часть препаратов потихоньку на корм зябликам перевела под предлогом: «Чего мясо пропадать будет?»

Варя поежилась, представив, но использование «тушенки» по более правильному назначению одобрила. Про местных зябликов она знала пока лишь то, что этих зверей в загородных усадьбах северного Синегорья используют вместо сторожевых псов.

— Постой, а как пройти в зал с порталами? — спохватилась Варя.

— Через большую купальню: не доходя до бассейна, сворачивай налево, там прямо и направо.

— А... двери всегда заперты?

— В башне — всегда. Зато в пристройке всё вечно нараспашку. Иначе нельзя — если служанки в дедовы рабочие кладовые залезут и затеют там уборку!.. — Он оглянулся на нее, с мимолетным недоумением отметил расстроено поджатые губы. Понял: — А, прости, что сразу не объяснил: раз я поселил тебя сюда и наши с тобой энергии совместимы, башня и весь Жуков Улей отныне считают тебя моей личной доверенной помощницей. Ну, или, проще говоря, хозяйкой, как будущую жену. Так что у тебя возможности даже шире, чем у Зорьки. И уж точно запирающие чары для тебя не станут преградой. Только посторонних не допускай в башню.

— О... — только и выговорила огорошенная Варя. — А какие обязанности? Ну, кроме как заряжать амулеты.

— Печь ватрушки? — рассмеялся он. — Шучу, баба Вера вряд ли тебя допустит на свою кухню.

Он галантно открыл для нее тяжелую входную дверь, обитую темным металлом, и Варя вышла на ступени аскетично-простого низкого крыльца.

— А что такое Жуков Улей? — запоздало уточнила она.

— Добро пожаловать в поместье Жуков Улей! — грянул нестройный хор голосов.

От неожиданности Варя чуть назад за порог не отпрыгнула, да Зимослав не позволил, хотя она случайно наступила ему пяткой на многострадальную ногу. Королевич, отдать ему должное, не поморщился, удержал пугливую невесту, положив руки ей на плечи.

Лишенная возможности к отступлению, Варя растерянно воззрилась на прислугу и обитателей усадьбы, выстроившихся возле крыльца в два ряда, будто почетный караул. Всего человек двадцать, половину из них были женщины разных возрастов, в опрятных темных платьях с передниками, вероятно, горничные, кухарки и прачки. Бородатые мужчины сурового вида наверняка служили сторожами, а может, какими-нибудь конюхами или егерями. И если женщины и девицы без сомнения на «параде» были по своей воле — все с великим любопытством, кто прямо, а кто украдкой, разглядывали Варю и ее наряд — то мужики, глянув на гостью ради ознакомления с новым лицом, переминались-хмурились, будто бабы их силком пригнали. Похоже, так оно и было, ибо Зимослав, усмехнувшись, строго обратился к женщинам:

— Сударыни, разве я приказывал бросить все дела и собраться здесь?

— Нет, ваше высочество, — ответили те хором и присели в поклоне. Впрочем, ни в голосах, ни в лицах не было заметно ни тени боязни или смущения.

— За нарушение правил я вас прощаю, но только сегодня, — смилостивился королевич. — Надеюсь, впредь вы продолжите вести себя, как полагается прислуге — незаметно. Вы все меня слышали?

— Да, ваше высочество! — Тут и мужики приглушенными басами присоединились — и поспешили сбежать.

Бабы и девицы отошли в сторонку, сгрудились в кучку, принялись громким шепотом обсуждать внешность и манеры гостыи.

— Тихун, погоди! — Зимослав заметил доселе прятавшегося за спинами мужчин длинного, как жердь, парнишку лет пятнадцати. — Подойди!

Тот неохотно подчинился, хотя, судя по угрюмо опущенной голове, предпочел бы удрать. Из-под бурой фетровой шляпы с низко обвисшими полями торчали прядями, как петушиные перья, давно нестриженные волосы огненно-алого цвета. Занавешенное челкой лицо подростка было невозможно толком разглядеть, только узкий подбородок и худые щеки сверкали сплошной рябью веснушек. Одет паренек был в поношенные вещи, залатанные-заштопаные, однако некогда изысканные — чего только стоили кружева на манжетах рубашки или частично сохранившаяся вышивка на жилете. Варя сделала вывод, что прежде одежда принадлежала самому королевичу. (И мысленно возблагодарила местную Богиню за то, что Снежен такой же вот жердью не остался, а к своим двадцати годам — по здешнему летоисчислению, а по земному выходит на пять лет больше — раздался-таки в плечах и малость нарастил на костях мускулов. Иначе стояли бы перед ней сейчас два сутулых глиста, прости господи).

— Огняр Тихун, — Зим представил подростка Варя. — Он единственный, кому позволено бывать в башне в любое время и присматривать за ней в мое отсутствие. Если тебе что-нибудь потребуется, обращай к нему.

— Хорошо, буду иметь в виду, — постаралась состроить самое серьезное выражение Варя. Нелюдимый подросток надежности не внушал, но не хотелось обижать недоверием, причем обоих.

Отвесив порывистый поклон, паренек незамедлительно удрал восвояси.

— Я не хочу видеть и слышать прислугу. Жаль только, что они этого уяснить не могут, — произнес Зим, жестом предложив следовать за ним. — А с Тихуном наоборот — иной раз кажется, что играешь с ним в прятки. Пока отыщешь, где он схоронился, уж и забудешь, о чем хотел попросить-то.

— Это он вчера ночью играл на дудочке? — вспомнила Варя.

— Вот-вот, если бы не его флейта... — проворчал королевич, подумав о чем-то своем.

Чтобы сменить тему, он пустился в объяснения, почему приходится на обеды (а также на поздние завтраки и ранние ужины) ходить через половину сада к бабе Вере, вместо того чтобы чинно трапезничать в башенной пристройке. Всё дело в том, что баба Вера, бывшая в свое время кормилицей его величества Кудеяра Смура, после пропажи короля осерчала на всех чародеев на свете и на деда Грозоврата конкретно — и дала клятву никогда в жизни не возвращаться в башню. Ну, и в пристройку заодно. А бросить юного королевича-сиротинушку на произвол судьбы старушка не смогла. Потому и поселилась в очаровательном, прямо-таки пряничном домике в глубине сада, откуда руководила жизнью всего поместья. (Понятно, что клятва «не возвращаться» не приравнивалась к условию «не переступать порог», иначе как тут похозяйничаешь — например, погребок для домашних вин и наливок нянюшка обустроила в подвалах пристройки).

Кстати, пряничных домиков в саду набралась целая улочка — прямо-таки женское царство! — и бабы Верин

был самый просторный среди прочих, ибо включал в себя обширное помещение кухни. Далее в зарослях чего-то цветущего и благоухающего располагался двухэтажный, с чердаком и балкончиком, теремок королевны. Следующим был домик с обширным ухоженным огородом — принцессиной гувернантки. За ними — общие домики для незамужних горничных и кухарок. (Замужние и семейные люди жили в деревеньке за воротами усадьбы. А у Тихуна была своя каморка при конюшне сайгака Друни, за которым парень обязан был ухаживать в первую очередь и лишь в остальное время исполнять поручения хозяина. Конюшня и кроличий сарай размещались на противоположной стороне усадьбы, дабы не тревожить барышень запахами зверинца).

Когда удалились от башни на достаточное расстояние, Варя оглянулась назад, задрала голову вверх. Хотелось уважительно присвистнуть: мрачная громада, возвышающаяся над верхушками деревьев и упирающаяся в облака, показалась ей внушительнее небоскребов. Несомненно, в подобных твердых положено обитать колдунам-гениям, старикам-отшельникам с длинной седой бородой. Если верить картинкам в школьных учебниках, дед Путивест Грозоврат был именно таким чародеем.

«Пристройка», как небрежно называл ее Снежен, примыкала к башне сбоку, будто подпирая ее, точно домик зрителя к маяку. Только это был самый настоящий дворец, пусть и урезанный по длине, без полагающихся дворцам крыльев. Зато с колоннадой при центральном входе, с островерхой сложной крышей, украшенной собственными башенками и мансардными окошками. Покои на верхних этажах красовались балконами и высокими окнами. Нижний и второй этажи щеголяли витражами бальных залов и ажурным ритмом галерей. Сквозь огромные окна в просторном холле виднелась шикарная парадная лестница, соединяющая все этажи, прихотливо заплетенная широкими витками сама на себя, будто перевернутый кальмар, да еще украшенная статуями.

— И что, неужели во дворце никто не живет? — изумилась Варя.

— Нет, — отозвался Зимослав. — Я-то не против, это ведь не башня, но там никому не нравится.

Путивест Грозоврат велел возвести пристройку, когда надумал жениться. Супруге и ребенку требовались компаньонки, свита, няньки, слуги — разместить их всех в башне было невозможно по многим соображениям. Во времена детства отца Снежена, дворец при башне был сердцем королевства, но не мозгом — вершить государственные дела королю Грозоврату приходилось в столице, во Дворце Министров.

Когда трон перешел к Кудеяру Смуру, его супруга, Хранислава Буря, потребовала переезда в столицу. Там по ее желанию в центре города, напротив Дворца Министров, возвели новый роскошный дворец, сделавшийся отныне королевской резиденцией.

После похорон бабушки Снежена, дед Грозоврат перестал пользоваться пристройкой, для скорби и размышлений ему хватало своей башни. Когда же и он преставился, четыре года назад, поместье окончательно перешло Зимославу. Хотя фактически королевич сделался здесь хозяином гораздо раньше, ибо столетнему чародею давно было не до житейских мелочей.

Подросткой Зореславе-Сияне, переехавшей в поместье вместе с братом, тоже не приглянулся бабушкин дворец, от просторных залов она успела устать в родительском столичном гнезде.

— Нет, ну в чем-то я твоих женщин понимаю, — пробормотала Варя, входя следом за Зимославом в обитель бабы Веры, от самых сеней благоухающую выпечкой и ароматами пряностей. — В маленьких домах уютненько. И убираться проще. И отапливать несложно — ты ж говорил, у вас тут зимы холодные... Добрый день! Простите за беспокойство...

Баба Вера оказалась именно такой, какой ее ожидала увидеть Варя — небольшого роста бойкая жизнерадостная и вместе с тем строгая хлопотливая старуха, суетящаяся между печью и обеденным столом.

К слову, проходя мимо двери, ведущей в смежную горницу, Варя заметила, что в домике есть и большая столовая. Но их, видимо, как опоздавших, хозяйка посадила чаевничать на кухне — чтобы далеко не носить подогретые сырники и пироги, чтобы сразу же разлить по чашкам чай из зашумевшего медного чайника.

Здесь же обнаружился и Венцемир, примостившийся в уголке — спешно расправлялся с ноздреватыми, истекающими маслом блинчиками с мясным фаршем, политыми густым ягодным соусом.

— Вы только пришли — а я уж всё, убегая, — вскочил он с места, дожевывая на ходу, сорвал салфетку с ворота. Вдоль стеночки прокрался к выходу, не забыв на прощанье чмокнуть хозяйку в привычно подставленную щеку. Оглянулся на Зима, будто нуждался в распоряжениях: — Ваше высочество! Прикажете готовить лодку? Значит, пойду наловлю зябликов, загоню их к причалу.

— Угу, — подтвердил Снежен, хищно нависнув над столом, прикидывая, что бы выбрать из предлагающихся вкусовностей.

У Вари тоже невольно слюна набежала от манящих запахов и от завлекательного вида угощений — тут и блинчики с разнообразной начинкой и соусами, и пироги, и сырники, и... блюда местной кухни, которым она названия еще не знала.

— Куда тянешься, рук не помыв?! — обернувшись от печки, баба Вера возмущенно замахнулась на королевича

поварешкой. Ею же грозно указала на имеющийся в углу рукомойник.

Зимослав заворчал что-то жалобное невнятно, но покорно отправился наводить чистоту, кивнув Варя присоединяться, что та и сделала, пожившись под пристальным взглядом кухонной генеральши.

Полотенце, висевшее на крючке возле рукомойника, было вышито по кромке занятным узором, в котором угадывались резвящиеся белко-песцы — и хрустело от крахмальной свежести. Видимо, только что поменяли, пока их ждали.

— Так-то лучше! — сменила гнев на милость бабка. — Прощу за стол! Зимуско, что будешь? Сырнички, поди? Или сперва блинцов с мясом? Так бы и дала тебе трёпку, государь сопливый! Кто ж по делам ездит без завтрака, а?! Слышала я новость, как ты вчера перед соседями осрамился, без чувств посреди площади рухнул! Ладно, Белокрас с Аленьким рядом оказались — хоть мальчонки за тобой, обормотом, приглядывают, им спасибо!..

Варя, едва сделавшая выбор в пользу открытого пирога с овощной начинкой, от внезапной отповеди застыла с поднятой вилкой. Зимослав же и ухом не повел — не теряя времени даром, приступил к уничтожению куриных котлеток. И невесту легонько пихнул локтем, чтобы отмерла. Опустив глаза к своей тарелке, Варя ойкнула, обнаружив рядом с кусочком пирога ассорти из прочей еды — разные разности, всего по чуть-чуть на пробу: пока она дивилась, Зим решил дополнить ее скромный выбор.

— Ешь, — негромко приказал он. — Сегодня до второго ужина, наверное, не освободимся.

Между тем и Финик пригляделся-принюхался — высунулся из-под воротника и сиреневых вихров, спрыгнул с плеча королевича и направился к жареным в кляре крылышкам.

— Матушки! — всплеснула руками только сейчас заметившая зверька баба Вера. — Это кто ж тут такой? Беленький?!

И она расторопно подхватила со стола кролика в одну руку, в другую — облюбованную им тарелку.

— Простите, — поспешила вступить за питомца Варя, — он аккуратнo кушает...

— Он-то аккуратнo, а хвостом над блинами махать нечего, — проворчала старушка. Усадив смиренного кролика на широкий подоконник, поставила ему перед носом мисочку, куда отложила обнюханное крылышко. — И вредно им такое! Лакомки, меру не знают, а потом животами маются. Я лучше ему отварную птицу достану...

В душе Варя была несказанно признательна Финику за то, что отвлек хозяйку на себя. Под пристальным вниманием королевской кормилицы она бы ни кусочка не проглотила. А стоило той заняться кроликом, как аппетит тотчас вернулся — да еще какой! Все кушанья оказались безумно вкусными, и горка, получившаяся в тарелке с легкой руки Зима, исчезла в считанные минуты — а Варя как будто не наелась!

На ее смущение и растерянность Зимослав лишь фыркнул — и придвинул ей поближе блюдо с еще не отведаанными блинчиками.

— Я же растолстею! — шепотом ужаснулась Варя. Но соблазнилась и пару блинчиков себе отложила.

— Через недельку привыкнешь и станешь разборчивее, — заверил он.

Сам-то Зим уже прикончил большую тарелку сырников под ягодным сиропом и только чай допивал, поджидая спутницу.

Устроив пир для кролика, баба Вера под села за стол со своей чашкой, за компанию.

— Спасибо, всё очень-очень вкусно! — искренне поблагодарила хозяйку Варя.

— На здоровье, милая, — улыбнулась та сердечно. — Как звать-то тебя?

— Варя. Варвара.

— Необычное какое имя-то. Откуда ты, Варя-Варвара?

— Издалека, — вежливо, но твердо остановил ненавязчивый допрос Снежен. Как раз Варя расправилась с блинчиками, и можно было подняться из-за стола. — Благодарю, всё как всегда превосходно.

— Да полно, — отмахнулась, зардевшись, баба Вера. — Девчонки стряпали, я-то только следила, чтобы не пересолили...

Покинув гостеприимный домик (и оставив Финика под присмотром старой кормилицы хрустеть куриными хрящиками), они вновь направились к башне. Варя подумала, что с эдаким ежедневным променадом растолстеть ей впрямь не грозит. Это немного напоминало санаторий, в котором она в детстве побывала с родителями, только гораздо вкуснее, волшебнее, роскошнее и...

— Тебе нужно придумать новое имя, — огорошил ее Зимослав. — Что-нибудь обычное, не привлекающее внимания и не вызывающее вопросов. В столице вовсе не обязательно всем знать, кто ты и откуда. Достаточно того, что ты училась в Златограде у Чуrolюта.

— Угу, — согласилась Варя. — А какое имя?

— Любое, какое тебе придется по душе, — пожал он плечами.

Позже, переодевшись для визита к королеве, Снежен постучал к Варя:

— Ты готова?

Та откликнулась, слегка запыхавшись:

— Почти! Прости! Это платье... оно, конечно, элегантно, и я понимаю, почему твоя сестра его выбрала...

Отчетливо прозвучавшее в голосе отчаянье и нотка зарождающейся паники не оставили ему выбора — Зим распахнул дверь и решительно вошел в девичью опочивальню.

Варя была почти одета — в действительно чудесное платье, которое ей шло, даже будучи не совсем застегнутым. Именно застегжки, располагавшиеся на спине от горловины до копчика, заставили ее помучиться — как ни заламывай руки, как ни крутись перед ростовым зеркалом, а без посторонней помощи невозможно справиться.

— Позови, пожалуйста, горничную, что ли, — пробормотала она, отводя глаза и покусывая губы.

В ее понимании, конечно, ничего неприличного не случилось — самые нижние крючки, заменявшие в этом мире «молнию», Варя сумела-таки застегнуть, да и под платьем была надета сорочка, так что «обнаженной» можно было посчитать разве только шею. Однако в то же время она прекрасно осознавала, как ситуация выглядит с точки зрения принятой в этом мире морали.

Впрочем, Снежену, похоже, было начхать на этикет.

— Некогда, — отрезал он, развернул Варю к себе спиной, занялся крючочками. — Пока они передерутся между собой за право тебе прислуживать, пока явятся, у Венцемира все зяблики разбегутся по поместью.

Закончив с платьем, он не менее решительно взял с прикроватного столика щетку для волос, пригладил Варю растрепавшуюся от усилий макушку, куда вслед за тем водрузил шляпку, идущую с платьем в комплекте — с жемчужным гребнем, напоминающим небольшой кокошник, и с бисерными подвесками, прикрывающими лоб. Затем ловко пристегнул сзади на потайные пуговицы-бусинки тонкую до прозрачности вуаль.

— Готово! — объявил с гордостью. Спыхватился: — Туфли! Чулки надела?

— Разумеется, — надулась от смущения Варя.

И приподняла край подола, ибо, найдя приготовленную пару туфель перед кроватью, королевич вознамерился помочь ей обуться, ради чего не пожалел парадных штанов и преклонил перед своей дамой колени.

— Не жмут? — деловито уточнил он.

— Нет, — буркнула Варя, упрямо отводя взгляд.

Очень уж хорош был королевич в парадном наряде! Не как разряженный индюк, а как гордый голенастый фазан с золотыми переливчатыми перьями!.. Тыфу ты, откуда только возникло в ее голове такое сравнение? Из-за похода в зоопарк с Радмилкой и Златом, не иначе. Но Снежен действительно был хорош на загляденье. Да еще пригладил вихры в коем веке: зачесал сиреневую гриву назад, и только несколько прядей непокорно выбились из челки и упали на лоб. Теперь-то Варя поняла, почему мама в шутку называла подобные прядки «завлекалочками». И еще стали видны крупные посверкивающие серьги — те самые, что она ему подарила...

Варвара и не заметила, что уже с минуту пялится на принца, пристально смотрящего на нее в ответ.

— В уборную на дорожку загляни, — понял по-своему ее молчание Зим. И развернулся выйти.

— Мне не нужно! — вспыхнула до корней волос она, кинулась за ним, мимоходом радуясь тому, какие же удобные туфли ей подобрала Мстислада — эдакие каблучищи, а будто в тапочках!

— Тогда поспешим, — усмехнулся он и взял ее за руку.

Так и понеслись, будто на поезд опаздывали. Варя дорогу толком не разобрала, только заметила, что в этот раз обошли башню с другой стороны — и спустились по довольно крутому склону, благо в нем была устроена лестница с отделанными шершавым камнем ступенями.

Шагавший впереди нее широким шагом королевич, не отпуская ее руку, просто ослеплял. Дыхание в ее груди спирало от волнения, возможно, поэтому она не успела запыхаться, пытаясь поспеть за ним, несмотря на мешающие юбки, более тяжелые, чем обычные, из-за обилия золотого шитья и драгоценных камней. За ее спиной словно выросли невидимые крылья!..

— Это кто?!

Очнувшись Варя от морока накатившей влюбленности, стоило увидеть на берегу озера Венцемира, увлеченно играющего с крупными косматыми зверями: то ли заросшие длинной шерстью медведи с хвостами куницы, то ли суровые коты-манулы, сильно подросшие на хорошем корме.

Всего зверей наблюдалось не меньше десятка, они рассыпались по коротенькой набережной — кто-то в кустах откоса пыхтел, кто-то клумбу перекапывал широкими когтистыми лапами. А несколько с увлечением и азартным взрыкиванием, отдаленно похожим на мяуканье, резвились в компании капитана королевских рыцарей. Тоже, между прочим, вырядившегося в блестящее парадное облачение и чудом не успевшего изгваздаться, хотя звери этому всячески пытались поспособствовать.

— Это зяблики, — сказал Зимослав.

Услышав его голос, звери мигом бросили забавы — сбились тесным рядом и наострили полумедвежьи морды, будто впрямь собрались с благоговением внимать командам его высочества.

С плохо скрываемым трепетом подойдя ближе, Варя удостоверилась, что они впрямь не сводят с Зимослава обожающих умных глаз.

— Чуют чародеев, — пояснил ей Венцемир, пока Зим с улыбкой приветствовал зверюг, каждого погладив по голове, почесав между кругленьких ушек. — В поместье, которое им доверили охранять, они считают своим вожакom самого могущественного мага.

— А почему зяблики-то? — продолжала недоумевать Варя. — Неужто при такой шубе мерзнут?!

Крайний в ряду зверюга, который уже удостоился ласки «вожака», подкрался к ней сзади, припадая на передние лапы, что, вероятно, должно было обозначать почтение — и ткнулся влажным теплым носом ей в ладонь. Варя едва удержалась от визга и чуть не подпрыгнула на месте. Но взяла себя в руки — и запустила пальцы в густую шерсть. Зяблик охотно подставил необхватные щеки и по-кошачьи зажмурился, утробно заурчал — отчего всем телом мелко затрясся.

— Вот потому и зяблики, что трясутся постоянно, — рассмеялся Венцемир.

— Ничего себе у вас тут котики, — пробормотала Варя. — У нас в зоопарке тигры мельче...

Следом за спутниками сойдя с набережной к самой кромке воды, она увидела, что возле широкого дощатого пирса их ждет подготовленная к отплытию лодка — длинная, востроносая. Двое дюжих бородатых мужчин заканчивали проверять прилаженную к корме систему колес: два нижних, наполовину погруженных в воду, как у старинных пароходов, с лопастями — и два верхних «надпалубных», похожих на «двигатели» в кроличьих колесницах, только рассчитанные на куда более крупных зверей.

— Это для зябликов? — сообразила Варя. — А они туда разве поместятся? А они не упарятся в таких-то шубах?

Ехать в столицу вызвались четверо зверюг. Причем именно сами вышли вперед — и подождали, пока мужики помогут им загрузиться на лодку, чтобы не дай бог не замочить шкуру. В лодке двое степенно улеглись на корме на дно, а двое, опять-таки самостоятельно, забрались в беговые колеса, где немного прошлись для разминки.

— Рулевой переключает механизм с холостого хода на две скорости, — снова любезно пояснил Варя Венцемир. — Звери могут двигаться, как им будет удобно, при этом система шестеренок и тормозов...

А Зимослав ничего пояснять не стал. Просто коротко велел:

— Не выпади из туфель.

И подхватил Варю на руки. Легко, будто куклу, занес в лодку, где очень аккуратно усадил на носовое сидение, ловко гася встречными легкими качками шатания лодки от Вариных нервных трепыханий. При этом зяблики недовольно прижимали уши и с брезгливостью косились на водную гладь за бортом.

— А они-то плавать умеют? — робко уточнила Варя, имея в виду зверюг.

— Умеют, но не любят, — охотно откликнулся Венцемир, тоже забираясь в лодку. — Подшерсток у зябликов такой плотный, что практически не намокает, поэтому нырять за рыбой, которую они обожают, у них не получается, а относительно короткие лапы и широкое тело...

Мужики с пирса длинными шестами помогли развернуть лодку в нужном направлении. Венцемир, не прекращая болтать, занял место рулевого. Зимослав устроился рядом с ним. Зяблики с невозмутимым видом пустились рысью, завертели колеса, сразу придав лодке немалую скорость.

Варя со своего почетного места на носу, заметно приподнявшегося над водой, получила возможность во всей красе обозреть окрестности.

Башня издаലെка выглядела особенно мрачной, как высокий трухлявый пенёк с дырами-окнами. Или как темный столб термитника. Так что название Жуков Улей башне очень даже подходило. Из сих размышлений Варя сделала вывод, что наверняка в здешних лесах водятся некие жуки, которые запросто могут оказаться пчелами или муравьями, и они строят подобные колонно-образные муравейники.

— Так вот ты какое — Синегорье! — не удержалась, пробормотала она с пафосом.

Пологие горы и холмы, окружавшие озеро со всех сторон, покрывала сплошная синеватая растительность. Особенно впечатляли виды горизонта с середины озера. Варя только и делала, что вертела головой, пытаясь уловить, чем одни горы или холмы отличаются от соседних. С непривычки они все казались совершенно одинаковыми. В итоге Варя сдалась и прекратила пугать Зимослава своими попытками вывалиться за борт.

Время от времени зяблики менялись местами со своими отдохнувшими напарниками, что позволяло лодке двигаться без перерывов, а зверям не слишком утомляться.

Зимослав и Венцемир вполголоса шушукались между собой, гадая, какие проблемы кабинет министров сегодня предъявит его высочеству в числе первых. Варя недолго подслушивала разговор, ибо заботы правителя навевали скуку не меньше, чем выпуск теленовостей о политике-экономике: всё то же сельское хозяйство, требующее дотаций, вместо бизнеса — гильдии ремесленников, вместо упрямых олигархов — своевольная аристократия, и еще казна, нуждающаяся во вливаниях, налоги, которые должны быть гибкими и при этом не хлестать, как плетка... И так далее, и тому подобное.

У Вари пока что хватало собственных забот, куда ей до государственных. Первым делом следовало обдумать разумное требование Снежена о смене имени. Уже скоро они окажутся в столице — как она представится королеве? Нужно срочно изобрести для себя приличное, звучное и красивое имя!..

Как нарочно в голову лезли одни Даздрапермы, складывались в местном стиле Вислокривы, Велилепы, Пустозвониславы да Вертихрустки, в лучшем случае вспоминались Параши с Грушами.

Хорошо, что путешествие не заняло больше часа, иначе она успела бы удариться в панику от собственной тугомудрости и скудохрабрости.

Плохо, что за короткую прогулку по озеру она вместо отдыха только устала.

Глава 12

Пришвартовался их катер на зябликовой тяге к городской благоустроенной пристани. Из похожей на декоративную беседку сторожки тотчас выбежали стражники в мундирах почетного караула, принялись помогать прибывшим высоким лицам. Зябликов увели отдыхать в специально предназначенное строение с палисадником для прогулок. Его высочеству и капитану королевских рыцарей отдали честь и кратко отрапортовали, что в столице царит полный порядок. После чего посадили в кроличью колесницу — и с ветерком доставили во дворец. (Варю, понятно, тоже не забыли — стражники на нее косились из-под козырьков шлемов, а большего проявления любопытства не позволял строгий устав).

Быстрая поездка по чистым светлым улицам произвела на Варю приятное впечатление, у нее в родном-то городе историческая часть выглядела не такой ухоженной несмотря на весь технический прогресс.

Ко дворцу — внушающему трепет многоэтажному мрачноватому комплексу — подъехали сбоку, так что за высокими деревьями с ажурными кронами, затеняющими окна, Варя толком не успела рассмотреть красоты архитектуры. Ее спутники (и следом она, стараясь поспевать) быстро поднялись по крыльцу, украшенному каменными изваяниями стилизованных зябликов, вошли в двери, которые для них распахнулись, словно сторожившие вход дюжие лакеи только их и ждали. Хотя, может, и правда ждали или просто увидели в окошко, как подъехали.

Из невеликого холла свернули сразу к лестнице, направились наверх — до пятого этажа, как в итоге насчитала Варя.

Над пролетами и площадками, в простенках между окон были развешаны живописные полотна в темных резных рамах — в основном пейзажи, изображавшие озеро и башню Жукова Улья с разнообразных ракурсов, а также портреты. Благодаря картинкам в учебниках по магии Варя уже знала, как выглядел дед Зима — великий король-колдун Путивест Грозврат. Выходило, что на большинстве портретов как раз он и был запечатлен в разные годы своей завидно долгой жизни, зачастую разительно отличаясь чертами лицами — очевидно, художники писали много позже избранного периода, опираясь не столько на прижизненные портреты или одряхлевшую натуру, сколько на собственное воображение. Варя похихикала, на одном особо эпичном полотне опознав в юноше, сжигающем волшебным огнем страхолудную кляксо-черную зубастую многоголовую гидру, самого Зимослава собственной персоной. Да, внук может быть похож на деда, но не настолько и не в данном случае уж точно, ибо характерный крючковатый нос Грозврата Снежену не достался — к великой Вариной радости. (Если бы она задержалась перед картиной на полминутки дольше, Варя заметила бы в углу полотна еще несколько фигурок, как будто страхующих малолетнего чародея: белобородого старика, двух синеволосых худоцавых парней и невысокого мужчину с круглым лицом и с посохом, украшенным самоцветами).

Последний портрет, на который она обратила внимание, был помещен на почетное место и словно бы взирал с высоты на каждого, кто поднимался по лестнице. У молодого мужчины на портрете было гладко выбритое узкое лицо, впалые щеки, густые черные брови, умный спокойный взгляд — и роскошные темно-фиолетовые, как сочный баклажан, кудри, волнами лежащие на белоснежный воротничок, отделанный тонко выписанным полупрозрачным кружевом. Полотно в полтора человеческих роста высотой выглядело откровенно велико для непарадного хода.

— Ух ты! — вырвалось у нее негромко.

Заметив, что Варя сбавила шаг, опередивший ее на половину лестничного пролета Зимослав задержался, коротко пояснил:

— Он раньше не здесь висел. Мама приказала перевесить, чтобы он ей глаза не мозолил. Здесь-то она никогда не бывает.

Варя почувяла, что за сухим замечанием скрывается давняя жгучая обида.

— Такое чувство, что я его где-то видела, — тихо произнесла она, так что услышал лишь Венцемир, тогда как Зимослав бросил их и удрал еще на пару пролетов выше. — Кого-то вы мне напоминаете, дяденька...

Она в задумчивости уставилась на тщательно выписанные корешки книг, на стопку которых по воле художника эффектный брюнет опирался локтем.

— Снежена, кого ж еще, — выдал объяснение капитан рыцарей. — Это же его отец.

— А, точно! — кивнула Варя, увлеченная новой подброшенной мыслью, принялась выискивать общие черты. — Но в Зорьке тоже что-то от папы чувствуется. Определенно форма губ...

— И общая семейная вредность характера! — припечатал Венцемир. Вежливо тронув ее за локоть, потянул вперед, чтобы не отстать совсем.

Нагнали они королевича, когда тот попал в окружение черных камзолов, белых воротничков и блестящих от напряжения лысин. Дворец слухами полнился, и, заслышав о прибытии Зимослава, кабинет министров почти в полном составе немедленно ринулся встречать строптивное высочество.

Пользуясь тем, что в небольшом зале, куда вывел проход с лестницы, не наблюдалось никого постороннего, почтенные министры, потрясая папками с рабочими заметками, обступили правящего принца в тесный кружок — и, перебивая друг дружку, вывалили все срочные вести и безотлагательные требования. Вторым кружком, на два шага позади, выстроились секретари министров, готовые немедленно записывать распоряжения и уточнения.

Зимослав стоял, сложив руки на груди, и внимательно слушал, сурово посверкивая очами, видимо, привычный к подобному ведению дел. Даже успевал отвечать — будто на занятии фехтованием меткими ударами парировал сыпавшиеся градом выпады.

— Лорды южных провинций просят повысить закупочную цену на зерно из-за низкого урожая!

— Вышлите тайную ревизию — проверим сперва, не продают ли неучтенными поставками за границу.

— Лорд Шафран подал жалобу! Якобы из-за позапрошлого разрыва вы, ваше высочество, сделали непригодными для земледелия часть пахотных земель, ему принадлежащих. Он требует возмещения!

— Какая наглость! — зашикали прочие министры.

— Было такое, — не стал отпираться Зимослав, — кислотой два поля залило, Вран потом четыре амулета истратил на очищение. Поднимите отчеты о налогах за три прошедших года, посмотрите, какой доход лорд получал с означенных земель. Уверен, составляя прошение о возмещении, он позабыл истинные, им же самим заверенные размеры прибыли. В любом случае в следующем году земли снова можно будет использовать... Или лучше выкупите эти поля в королевскую собственность! Лорд не знает подробностей, поэтому цену не станет задира. Будигор, исполнишь?

Один из секретарей, отличающихся от прочих яркими лиловыми прядями в темных волосах, деловито кивнул, пробормотал, делая заметку себе в бумагах:

— Не учите меня, ваше высочество, торговаться. Я уже направил туда своего человека.

— Почему действуете без моего ведома? — нахмурился один из министров.

— А почему вы забрали себе дело, которое касается исключительно казначейства? — парировал секретарь. — И докучаете пустяками его высочеству.

— Как вы смеете, юнец! — зашипел министр, хотя прочий кабинет на склочного старика поглядывал с молчаливым неодобрением. — Я ведаю земельными делами! Если вас назначили исполняющим обязанности казначея, это не значит, что вы можете считать себя мне ровней! Не забывайте!

— Будет вам! — Зимослав положил ладонь старику на плечо. — Остыньте.

Тому волей-неволей пришлось уняться.

Снежен обернулся к секретарю:

— Кстати, как поживает твой начальник?

— Благодарю за участие — стабильно плохо, — поклонился тот. — Не желает ни уйти в отставку, ни помереть наконец, как грозится последние сорок лет.

Зим усмехнулся:

— Что ж, желаю твоему прадеду крепкого здоровья, а тебе терпения. За прежние заслуги уважим упрямство нашего почтенного друга и подождем его решения до осени, как раз отметим его сто десятилетний юбилей.

— Сто пятнадцатилетний, — поправил дотошный секретарь.

— Но указ о твоём назначении на его место я уже подписал — поставь любую удобную тебе дату.

— Благодарю, ваше высочество. Как-нибудь потом, не хочется торопиться в таком важном деле.

Снежен усмехнулся снова — у ворчливого приятеля было свое понимание гордости.

Министры, примолкшие из уважения к упомянутому коллеге, взревновали за уделенное «юнцу» внимание, загомонили снова. На что Зим лишь поднял ладони, будто сдаваясь, вынужденно повысил голос:

— Господа! Позвольте мне поприветствовать ее величество — и ровно через час я приду в вашу обитель, где клянусь остаться до ужина, дабы решить все накопившиеся за эти дни вопросы.

Обещание министров удовлетворило, и старики в сопровождении своих секретарей благодушной толпой направились к лестнице, ибо совет Кабинета заседал в своем собственном «белом доме», расположенном по другую сторону дворцовой площади.

Варя, всё это время топтавшаяся у порога, немножко испугалась, как бы ее не снесло «черным» людским потоком, но Венцемир бдительно увлек ее в сторонку.

Однако не все обладатели белых воротничков удалились — возле королевича задержались двое министров с их помощниками и замказначая.

— Кстати! — взглянув на Варю, обратился к последнему Снежен. — Гор, будь любезен, нужно назначить моей невесте содержание.

— Невесте? — сухо удивился тот, и сию тщательно отмеренную эмоцию с ним разделили все остальные мужчины, впрочем, промолчавшие.

— Забыл? Я же предупреждал тебя, что привезу из Златограда прекрасную деву, предназначенную мне судьбой.

— О-о... — невыразительно протянул будущий казначей. — И сколько же вам требуется денег, сударыня?

— Мне? — пискнула Варя. Перевела беспомощный взгляд на Снежена. — Зачем? Ты и так поселил меня у себя, и у меня всё есть!

— А также у тебя есть твой собственный дом, который наверняка требует расходов, — возразил Зим. — У тебя уютное и полезное гнездышко, его необходимо сохранить и поддерживать в должном состоянии. К тому же ты вольна совершать траты и самые разные покупки по своему усмотрению, и естественно, на это тоже потребуются средства.

— Я в состоянии сама заработать на свои нужды! — оскорбилась Варя, пусть отчасти сознавала, что глупо спорить о деньгах с правящим принцем.

— Считаю, отныне ты работаешь на меня, — невозмутимо отрезал Зим. — Моей личной помощницей и хранительницей амулетов. Больше ни на что другое у тебя времени и сил не останется. Итак, Гор, сейчас мы с моей невестой навестим матушку, а после поручаю тебе сопроводить барышню в прогулке по городу. Заодно выясни, в каком виде ей удобнее получать средства, ибо имеются некоторые нюансы с расходами по ее личному жилищу. Полагаю, на первое время будет достаточно положить ей такое же содержание, как получает моя сестра.

— Хм... — хмуро отозвался замказначая.

— Считаешь, на дочь короля уходит много денег? — сверкнул глазами Снежен.

— Нет, ваше высочество, как бы я посмел. Напротив, если бы вы оба брали пример с вашей матушки и жили бы здесь в столице, устраивая балы и посещая все празднества, казна опустошалась бы с гораздо большей скоростью, нежели ныне.

— Разговорчивый ты сегодня, Будигор, — покачал головой один из оставшихся министров, представительный мужчина лет шестидесяти (по земным меркам), однако без брюшка, зато с благородной сединой в уложенной волной челке.

— Первый министр и любовник королевы, — шепнул Варе на ушко Венцемир. Сам же продолжил громко: — Кстати, господин Велирод, как поживает ее величество? Всё еще посещает тайные ночные собрания?

Премьер дернул породистой бровью на нахальство капитана рыцарей:

— Разве охрану ее величества передали вашим заботам, господин Хвощ?

— Я просто волнуюсь за ее здоровье — под вашим попечением королева совершенно не высыпается! А в ее возрасте это особенно вредно, знаете ли.

— Мир, хватит, — поморщился Снежен. обратился к премьеру: — Лорд Радей, надеюсь, вы сумеете оградить мою мать от происков недоброжелателей и удержать ее саму от опрометчивых поступков.

— Прилагаю все усилия, — поклонился тот без улыбки. — Спешу вас порадовать — тайные наблюдатели нащупали кое-какие ниточки, ведущие от зачинщиков ночных бдений к жожакам белогорцев.

— Многообещающая новость, — помрачнел Зимослав.

Варя только хлопала глазами, надеясь, что позже ей кто-нибудь что-нибудь разъяснит. Из учебника географии ей было известно немного: Белые горы представляли собой хребет из скалистых заснеженных пиков и тянулись по северной границе Синегорья. Населялась эта страшно некомфортная для проживания местность не совсем людьми, а некими особо склонными к магии существами, обожающими холод и зиму. Эдакие снежные эльфы, жутковатые на вид, если верить картинкам в учебниках географии. Плохо, что их полудикие племена испокон веков воевали с соседним королевством, почти каждую зиму совершая разорительные набеги на приграничные деревни. Учебник гласил также, что приструнил снежных эльфов не кто иной как дедушка Грозоврат.

— Не хочется вас огорчать, господа, — вновь вступил в разговор Венцемир, — но охотники из приграничной заставы донесли моим людям неприятные известия, которыми я собирался поделиться с вами чуть позже, дабы не омрачать и без того мрачное настроение нашего королевича перед встречей с ее величеством.

— Говори! — рассерженно рыкнул Зимослав на подобную бестактную заботу.

— Извольте, — смиренно поклонился капитан королевских рыцарей. — Белогорцы собирают воинов со всех племен. Определенно они готовятся нанести удар в неурочное время.

— Летом? — не поверил премьер. — И давно ли снежные дикари прониклись любовью к теплу?

— Похоже, их шаманы что-то эдакое нашаманили вроде нетающего льда, — развел руками Венцемир. — Судя

по донесениям, они готовы объявиться на южной стороне гор со дня на день.

— Ясно. Значит, они не хотят встречаться со мной зимой, как в тот раз, — без веселья усмехнулся Зимослав. — Что ж, господа, обсудим этот вопрос чуть позже в более располагающей к беседе обстановке. Не будем утомлять мою невесту и заставлять ждать королеву.

Он галантно предложил растерянной Варе руку — и повел через анфиладу залов. За ними хвостом последовали остальные.

Особенно торопился министр, которого Варе не успели представить. Он семенил сбоку, то с трудом забегая вперед, то отставая на шаг:

— Ваше высочество! Лыщу себя надеждой, что вы, побывав в Златограде, виделись с магистром Чуроллотом!

— Разумеется, — бросил на ходу Зим, заранее поняв, к чему министр клонит, и оттого помрачнев еще больше.

— Чудесно! Ваше высочество, порадуете ли вы нас новостью, что Ограждающий Камень, который заказывал у Чуроллота еще ваш батюшка, его величество Кудеяр, наконец-то готов?

— Порадую, сударь. Давно готов, — процедил Зимослав.

— О! — возликовал министр. — И когда же вы думаете его привезти и установить у нас здесь?

— Когда придет время! — резко ответил королевич.

— Позвольте, ваше высочество, — опешил министр. Оглянулся на помрачневшего премьера в поисках поддержки. — Как же так? Ведь на собрании Кабинета вы всякий раз обещали...

Похоже, из всей спешащей компании Варя была единственной, кто обратила внимание, что поначалу безлюдные залы сменились всё более оживленной обстановкой — чем ближе они подходили к «месту обитания» королевы, тем больше народа толпилось вокруг. Сновали слуги, громко хохотали мужчины в мундирах, князья высокомерно внимали лести провинциальных дворян, красавицы собирали компании для сплетен... И этот варившийся в собственном соку мирок стремительно прорезало появление правящего принца. Все разговоры затихали, все взгляды жадно устремлялись к ним. Если зал попадался достаточно длинный, придворные дамы и кавалеры успевали вскочить со своих мест, выстроиться в две почтительные линии и склонить сверкающие драгоценностями головы. (Причем — Варя не могла не заметить — даже мундирные мужчины сверкали камнями ничуть не меньше дам. Из чего она сделала вывод, что ее королевич выглядит по местным меркам очень скромно и амулетов на него можно навесить еще больше! Что и взяла себе на заметку на будущее.)

— Но ведь вы обещали? Ваше высочество! — продолжал горестно возмущаться министр, не отставая, хотя Зим безотчетно прибавил шаг.

— Я обещал, что Камень сделают! И никогда не говорил, что сразу же его установлю! — потеряв терпение, рявкнул королевич.

— Но ведь это защитит всех нас! И вас в первую очередь! Неужели вы не устали бороться с разрывами? Ваше высочество, одумайтесь! Если бы ваш отец мог вернуться, он давно это сделал бы! Сколько еще вы намерены упрямяться? Вы же рискуете собственной жизнью!

Варя испугалась не на шутку — Зимослав на уговоры стиснул зубы, стараясь заглушить в себе ярость.

— Я не обязан вас слушать, сударь! — вырвался из его груди угрожающий рык. Он нарочно старался отвести глаза от маячившего возле плеча надоедливого старика, отвернул лицо к онемевшей от страха невесте, попытался ободряюще улыбнуться, но получившейся гримасой вогнал в тихий ужас.

— Но что, скажите на милость, мы будем делать, если вы погибнете, как ваш отец! — в конец потерял голову министр.

Тут, как на грех, из толпы выскочил какой-то парень и резво бросился королевичу наперерез.

— Ваше величество! — заголосил он восторженно. — Позвольте заверить вас в моей преда!..

Зимослав, заметив краем глаза движение, машинально расценил это как угрозу нападения — и, вскинув руку, ударил первым, одновременно с тем второй рукой толкнув Варю себе за спину.

Парня отнесло волной ледяного ветра к стене, где почти расплющило, аж лакированная деревянная облицовка раскрошилась вокруг него, отдаленно напоминая изломанными трещинами рисунок снежинки.

Зимослав не подумал остановиться, чтобы проверить состояние несчастного, попавшегося под горячую руку. Притянув к себе Варю, он поспешил войти в очередные двери, раскрытые лакеями. За дверями оказался точно такой же зал, с еще большей толпой.

Венцемир на ходу отдал лакеям распоряжение:

— Бедолагу подобрать и отнести к лекарю! После доложить мне, выжил ли.

Варя с трудом вывернулась из-под тяжелой руки и оглянулась: министры шагали следом, не проронив ни слова. Причем премьер выглядел озабоченным, его коллега откровенно удрученным и разочарованным, и лишь будущий казначей — довольным, как будто так и следует обращаться с придворными.

Капитан рыцарей также не видел в происшествии ничего страшного. Бодро улыбнулся Варе:

— Не волнуйтесь, сударыня, мальчишка жив. Я даже переломов не заметил — везунчик! Хорошо, что на

подсвечник не напоролся. Небольшое сотрясение мозга, отлежится и умнее станет.

— Нельзя было помягче как-то? — пробормотала она. — Я всё понимаю, но...

— Кто это был? — буркнул Зим.

Ответил будущий казначей:

— Провинциал без наследства. Еле живой добрался в столицу из сельской дыры. Сбежал из дома, потому что папаша, бывший рыцарь, растранил последние деньги и пропил поместье. У мальчишки осталось лишь имя бравого деда, служившего Грозоврату. Мечтал устроиться к вам на службу, ваше высочество.

— Что ж, он получил два ценных урока, — повысил голос Зим, прекрасно понимая, что его слышат все в наполненном людьми зале. — Если желает остаться при дворе, обязан усвоить: никогда и никто не смеет величать меня королевским титулом! Король Синегорья — мой отец, Кудеяр Славомир Смур! И никто не смеет убеждать меня в его смерти! И пока мой отец не возвратится домой, я буду хранить для него корону и королевство. Клянусь, я исполню свой долг, даже если мне придется отдать жизнь!

Благоговейно внимавшие короткой речи правителя, придворные разразились патриотическими рукоплесканиями, вогнав наследника трона уже в каменную мрачность.

— А второй? — спросила Варя.

— Что? — встрепенулся Зимослав.

— Ты сказал «два урока».

— Не кидаться на их высочества без предупреждения и не будучи представленными, — вместо него ответил Венцемир. — Знаешь ли, после всего, что у нас тут бывало, излишняя предосторожность никогда не повредит.

По брошенному искоса виноватому взгляду Снежена Варя поняла, что все вопросы следует отложить до более подходящего момента.

Они наконец-то достигли личных покоев королевы.

Встретившая их доверенная фрейлина почтенного возраста, соорудив высокомерную мину и задрал подбородок (и напрасно, ибо всем стала видна черепашня обвислая шея), чопорно проводила Зима и Варю в кабинет государыни, велев остальным дожидаться в приемной.

Как выяснилось, в кабинете королева занималась исключительно вышиванием. Варя сразу заметила станок для шитья гобеленов возле окна, где был вправду весьма удачный свет. Рядом на столе лежали ворохом клубочки и моточки. На другом столе, в центре комнаты, сияла ваза с фруктами и на салфеточке, на подносе, стоял чайничек и пара чашек. Из носика вился пар — видимо, королева с фрейлиной как раз собирались сделать перерыв от дневных трудов. Письменных принадлежностей в кабинете не было в помине, даже для декора.

Возле центрального стола размещался диванчик с гнутыми ножками и жестким даже на взгляд сидением. Напротив дивана красовалось большое кресло с вышитыми подушками — «малый трон» королевы для приема визитеров.

Королева, услышав облетевшую дворец новость, не имела терпения усидеть на месте и в волнении расхаживала по кабинету, на резких поворотах рискуя сбить юбкой расставленные повсюду в тайном порядке корзины для рукоделия.

— Мама, рад вас видеть в добром здравии, — вежливо поклонился Снежен.

— Сын мой! — воскликнула Хранислава Буря, всплеснув руками.

Вроде бы хотела броситься к наследнику с объятиями, но передумала. На Варю взглянула мельком, с явной неприязнью, как на случайно залетевшую в окно муху.

— В каком веке решил проведать меня? Удостовериться, что я еще жива и не сошла с ума, беспокоясь о тебе?

— Прошу простить меня, я действительно редко к вам заглядываю, — невозмутимо покачался королевич. — Множество дел, требующих моего внимания, не могут служить оправданием моего к вам пренебрежения. Но сегодня у меня есть особая причина посетить вас. Хочу вам представить...

Королева его перебила. Похоже, она не слушала и не собиралась его слушать, поглощенная собственными мыслями.

— Тебя снова видели в компании этих никчемных братьев, Вихря и Врана. Я же подписала указ, чтобы их духу не было в Синегорье!

— Мне это известно, мама, — опустил глаза Зим, ибо гневно сверкать очами на родительницу с первых же минут встречи было всё-таки неправильно. — Смею заверить, в Синегорье они появляются исключительно по моим особым просьбам, исполняя мою волю, пребывая в моем обществе.

— Они твоего отца погубили, хочешь, чтобы и тебя уморили?!

— Вы наказали их без всякой вины, сделав изгнанниками, лишив родины, дома и поддержки родных.

— Что ты можешь знать?! Тебя там не было!

— Вас тоже! И это вы отослали меня из дома, хотя я мог бы помочь деду вернуть отца. Если бы я вовремя узнал, что случилось...

— Грозоврат не вернулся, а ты была малолеткой и подавно не помог бы. Разве забыл, какое тогда было время? Война! Мятеежи! Жалеешь, что я тебя от смерти спасла? Сам теперь смерти ищешь? Хочешь меня в могилу загнать? Давно бы короновался и отпустил бы меня, я устала сидеть на троне и заботиться о стране!

— Король Синегорья — мой отец! И когда он вернется, трон будет ждать его. И от чего вы устали, позвольте спросить? От балов и праздников?

— Неблагодарный! Кто тебе сказал, что я развлекаюсь?! — вскричала Буря, потрясая полными руками.

Варя наконец-то поняла, кого ей напоминает будущая свекровь — злую бухгалтершу с предпоследней Вариной работы. При небольшом росте и немалом лишнем весе та тоже обожала наряжаться на корпоративы в пышные платья с рюшками и блестками.

— Я безустанно ищу тебе достойную невесту! Кто-то же должен позаботиться о твоём будущем и о наследнике рода, если ты сама всю жизнь витаешь в облаках.

— Вот кстати, мама, познакомьтесь — моя невеста. — Зимослав бессовестно взял Варю за плечи и выдвинул впереди себя, невзирая на ее робкие поползновения спрятаться за его спиной. — Благодаря ей Белозорью больше не грозит проклятье Грозоврата, а я получу стабильный запас накопителей.

— Большая честь познакомиться, ваше величество! — промямлила Варя. — Позвольте представиться, меня зовут...

— Мне безразлично, как тебя зовут, милочка. Помолчи, я разговариваю с сыном, — соизволила обронить королева.

— Может, мне выйти? — уточнила с надеждой Варя у жениха. — Чтобы не мешать семейной беседе?

— Нет уж, сядь! Раз тебя мой сын привел, изволь проявить уважение к матери будущего мужа.

По команде Варя машинально села — на диванчик, едва не отбив попу о жесткую непроминаемую набивку. Зимослав со вздохом опустился рядом.

Королева еще немного порасхаживала перед ними взад-вперед — и с утомленным стоном, будто смертельно раненая в самое сердце, рухнула в свое кресло.

— И что теперь? Ты окончательно перестанешь думать о безопасности и будешь каждый день пропадать со своими дружками? Этому я должна радоваться? — спросила Буря, не ожидая ответа. Впрочем, Снежен и не собирался припираться, позволяя матушке спустить пар.

Варя не знала, куда ей смотреть. На королеву, колыхающую затянутыми в парчу телесами — вроде бы неприлично коронованную особу в упор разглядывать. В пол — нельзя, ибо сочтут за скромницу и растопчут. На Зимослава — эдак заглядеться недолго.

— ...Или я должна быть счастлива, что ты привел в семью безродную девчонку? — между тем продолжала сетовать Хранислава. — Неизвестно откуда ее взяли наши соседи! Они столько лет живут под страхом проклятия, и ты думаешь, они тебе благодарны за это? Выбрали тебе порядочную девочку от широты душевной? Как же, жди!

Зимослав перехватил взгляд, который Варя вперила в вазу с фруктами, сочтя ее наиболее безопасным объектом для приложения внимания. Он взял оттуда плод, похожий на красный апельсин, и передал Варю. Та благодарно приняла — теперь можно было занять руки и не бояться, что будет заметно, как дрожат пальцы от волнения. Разодрав ногтями ароматную шкурку, Варя подала две дольки Зимю. Тот бездумно отравил их в рот — подсластить льющуюся из материнских уст желчь.

— ...Наверняка подсунули увечную, убогую или бесплодную! Чтобы ты с ней всю жизнь промучился.

— Во-первых, ваше величество, я не безродная! — вспыхнула Варя, мигом позабыв о робости. — У меня есть родители, и свою родословную я знаю до восьмого колена — сплошная интеллигенция и один священник, а прапра-какой-то там дедушка имел лично пожалованное дворянство и служил...

— Помолчи, пока королева говорит! Ты же горюшь желанием стать частью нашей семьи, так что сперва научись слушать!

Варя пожалала плечами — и пихнула королевича локтем, чтобы передал еще один фрукт. Это оказался крупный аналог абрикоса с легко вынимающейся косточкой и запахом арбуза. Варя разломала и сунула половинку Зимю. Тот рассеянно взял со стола хрустальную солонку (в которой оказалась вовсе не соль), приправил свой ломтик, передал солонку Варю. Та сперва куснула фрукт без приправы — он оказался вырвиглазно кислым и нестерпимо вяжущим. Она постаралась жмуриться от кислоты не очень откровенно, но чувала, что плохо получается. Впрочем, королева в упоении вещала свою отповедь и ни на кого не смотрела. Так что Варя смело посыпала надкушенную половинку из солонки. Беловатые кристаллики мгновенно растаяли на сочной мякоти, аромат усилился многократно. А вкус... теперь-то вкус сделался более чем приятным, освежающим и раздражающим аппетит. Покосившись на экспериментирующую невесту, Зим без лишних слов предложил ей посыпать чудо-солью дольку местной яблочно-зеленой дыни.

— Помню, как я отговаривала твоего отца, когда он послал тебя и сироток жить к Твердиверу, — заливалась королева. — И как чувало мое сердце! Ты вернулся от них весь в слезах! Я неделю бессонницей мучилась, гадала,

что они тебе сделали, что ты в пятнадцать лет рыдаешь, как младенец, круглыми сутками в комнате заперался!

— Мама! Попрошу вас... — вскинулся задетый за живое Зим.

— А дедушка твой так переживал, что здоровье подорвал и вынужден был отойти от правления! — повысила голос родительница. — Тебе, сопляку, передал государственную печать! Кстати, верни мне ее, я ее спрячу, чтобы соседи через эту подосланную девчонку не украли.

— Мама, печать не имеет магической силы. Если ее украдут, ничего плохого не случится. Она окажется в моей руке в тот же момент, как только я этого пожелаю. К тому же, печать давно лежит под замком в кабинете вашего любовника.

— Как ты смеешь! — вскочила с кресла Хранислава, тучей нависла над сыном. Тот позволил ей возвышаться, сам остался сидеть. — Это ты из-за своего проклятого упрямства не позволяешь объявить меня вдовой! Поэтому мне, вот уже двенадцать лет безмужней жене, приходится жить во грехе. Велирод — порядочный!..

— Да я не сомневаюсь, что лорд Радей порядочный человек, ведь я ему доверяю вести государственные дела. Что касается греха, мы с вами, мама, об этом много раз говорили. Пожалуйста, я в любой момент подпишу документ, расторгающий ваш брак с пропавшим без вести. Но вдовой я вас объявить не хочу и не могу по закону — нет никаких доказательств смерти отца. Но ведь вы сами не хотите развода?

— Конечно нет!

— Конечно. Ведь придется отказаться от титула королевы и стать всего лишь женой первого министра.

Королева шумно дышала, как бык на старте, перед которым помахали флагом.

— Эта девушка будет моей единственной невестой, — продолжал Зим, кивнув на переставшую жевать Варю. — Так что можете прекратить искать мне жену, другой мне не нужно. Тем более у нас с ней прекрасная совместимость, и мое здоровье от этого союза станет куда крепче — если вас это еще волнует.

— Что?! Совместимость! С тобой?! — схватилась за грудь королева и плюхнулась в кресло, не забыв перед тем поправить подушки. — Она уже беременна от тебя?! Вы согрешили до свадьбы? Поэтому ты велел Твердиверу разыграть спектакль, чтобы они подсунили тебе именно эту девицу? Да кто она такая?! Да как она посмела совратить моего сына! Она возомнила, что таким грязным трюком сможет заполучить тебя и титул королевы?!

От подобного наезда Варя поперхнулась кусочком пряной дыни и закашлялась. Зимослав нежно приобнял ее за плечи, жестом велел матери, чтобы та налила для будущей невестки чашку чая. Королева обомлела от требования, но с кресла поднялась и со скрипом смирила желание вылить невесте чайник на голову, под строгим взглядом сына исполнила роль радушной свекрови. Варя справилась с кашлем раньше, чем получила чашку, но из вежливости отпила пару мелких глоточков.

— Мама, моя невеста — порядочная девушка и не позволяет до свадьбы даже поцелуя.

На это Варя снова захотелось раскашляться — в качестве намека излишне щепетильному жениху, что она вовсе не против перейти к полноценному исполнению супружеских обязанностей, не дожидаясь церемоний. Но из уважения к свекрови промолчала.

— Ваше величество, — с ноткой раздражения диктовал матери Снежен, — просто примите к сведению мое решение, договорились? И очень прошу вас, воздержитесь от необдуманных порывов в отношении моей невесты. Угроз она не испугается. А я о ваших проделках, мама, рано или поздно узнаю.

— За кого ты меня принимаешь? — едко уточнила Хранислава. — Ты считаешь, что твоя мать недостаточно благородна? Смеешь попрекать меня моим происхождением? Так ты — мой сын, моя родовитость и тебя касается.

— Мама, я вовсе не о том, — досадливо вздохнул Зим. Поднялся с диванчика, потянув за собой Варю. — Рад был с вами повидаться.

— Или ты думаешь, что раз твой отец сделал королевой меня, дочь кухарки и нищего рыцаря, то и ты имеешь право жениться на первой встречной?! — королева считала тему не исчерпанной. — Не уходи от разговора, посмотри в глаза своей матери!

— Меня ждет Кабинет министров.

— Не изображай передо мной примерного правителя! И я... Я до сих пор не услышала имя твоей невесты!!!

Пришлось парочке затормозить у дверей. Снежен вопросительно взглянул на Варю. Та раздумянулась на его молчаливое одобрение, выданное заранее и не глядя. Выпала:

— Горидива-Румяна-Алаягода-Сладкоклюква!

— Как? — в один голос переспросили озадаченные сын и родительница.

— Гори... э-м... — мгновенно сбилась Варя.

Зим понял, что невесте временно отшибло память. Развернулся к матери, внушительно объявил:

— Горислада Клюква. Разве трудно расслышать, мама? Прощайте, доброго вам дня!

Перешагнув порог следом за женихом, Варя услышала брошенное в спину негромкое с ехидцей:

— Румяна Алаягода? Тебе идет, милочка, ровно в цвет щечек!

Так она, пылая от стыда, и вышла к поджидавшим министрам и Венцемиру.

— Что ж... — обернулся к ней Зимослав. Лицо его внезапно оказалось так близко, и взглянул он так ласково, а глаза заискрились весельем, что у Вари разом весь румянец слинял, а сердце вообще в пятки упало от нахлынувшего влюбленного восторга. — Благодарю за поддержку, моя дорогая невеста... хм, Горислада Клюква.

Венцемир хрюкнул от неожиданности.

Зимослав же взял ее за руку — и подвел к ожидавшему распоряжений Будигору.

— Прошу позаботиться о моей будущей супруге. Если через два часа я не закончу с делами, отвезите Ва... госпожу Горисладу в Жуков Улей.

— Как пожелаете, — поклонился невозмутимый замказначей.

— Своди ее в кондитерскую, что ли, — предложил Зим.

— А, вот оно что! — уличил королевича Будигор. — Так бы сразу и сказал, что пришло время расплачиваться по счетам.

Снежен смущенно хмыкнул, не отрицая двойного умысла.

— О, к слову о счетах! — воскликнул Венцемир. — Ее высочество просила купить ей пару безделиц.

Вытащил из-за пазухи своего парадного мундира список, вручил Варе. Та, не сумев разобрать торопливый мелкий почерк, передала листок Будигору. У замказначей глаза округлились:

— Эдак нам полдня не хватит по лавкам гулять! Почему ее высочество не отправила за покупками своих служанок?

— Гор, ты же знаешь порядки в Улье, — попытался вступить за принцессу Венцемир, да вышло наоборот: — Служанок отправлять бесполезно — купят что подешевле, а сдачу прокутят. Совсем разбаловала их Зорька! А как начнет ругать своих бездельниц, те вдобавок нажалуются, на какие сласти не хватило денег — Зорька разжалобится и еще сверху отдаст.

— Ох уж эти незапланированные траты... — тяжело вздохнул Будигор.

И выразительно поглядел на Варю. Та справедливо возмутилась:

— А я-то чего? Вы меня даже не знаете! Я такая бережливая, что просто жадина!

Взиравший на сие представление Снежен благостно улыбнулся:

— Как же мне повезло с невестой!.. — Оглянулся на министров, смиренно протянул руки, будто на него собрались надеть кандалы: — Ведите меня на заседание! Пока я не передумал.

Те поторопились, подхватили правителя под оба локтя — и повели. Замыкал шествие Венцемир, заложивший руки за спину и опустивший голову. Вышагивал, бормоча:

— Опять целый день из-за бумажек потеряем...

За ними, чуть на отдалении, словно смущаясь балагана, повел к выходу и Будигор вверенную его попечению даму.

— Любимая, не жди меня! — на крыльце обернулся к пунцовой от стыда невесте Зим. — Вернись домой засветло, иначе зяблики спать лягут и плыть откажутся!

Варя была железобетонно уверена, что это его «любимая» услышал весь город.

— А ничего, что вас озоботили мною и покупками? — спросила она у замказначей, проводив жениха взглядом через площадь. — Разве вам не нужно тоже присутствовать на заседании?

— Пустяки. Если мне что-то требуется от его высочества, я сам выезжаю в Жуков Улей и запираю его на вершине башни, пока он всё не подпишет.

...Следующие несколько часов Варя изо всех сил старательно доказывала одобрително побрякивающему будущему министру финансов, какая она экономная. Отчаянно торговалась за каждую мелочь, прописанную в принцессиним списке: от атласной ленты до горсти жемчужного бисера. Конечно, хозяйева лавок, признав замказначей в лицо да выведав, что перед ними невеста самого Ледомира Снежена, охотно отпустили бы товар вовсе бесплатно. Но Варя подарков не желала! И лавочники радостно вступали в игру, сыпля прибаутками и препираясь, уступая по медяшке за ход.

К счастью, несмотря на длину списка, посетить пришлось всего два магазинчика, и располагались оба недалеко от дворцовой площади, так что Варя отказалась от кроличьей колесницы. Прогуляться по чистеньким улочкам при умеренно прохладной, ясной летней погоде, любуясь аккуратными домами — одно ж удовольствие!

Закончив с покупками, они передали свертки, сумки и кульки прихваченному из дворца лакею. И будущий министр финансов с чистой совестью повел будущую королеву в самую лучшую кондитерскую в столице, а значит, и во всё Синегорье.

Называлось заведение «Любовь принца».

Хозяйка кондитерской оказалась сдобной улыбчивой красавицей с высокой грудью и толстой русой косой. Точно такие же блестящие булочки-плетёнки лежали стройным рядком на прилавке перед нею. Насколько Варя могла судить по пристальному взору казначей, принявшему мечтательное выражение, также барышня была по совместительству и покорительницей черствого сердца экономного чиновника.

— Господин казначей! Как давно вы к нам не заглядывали! Я так рада!..

— Ах, оставьте, сударыня! Не нужно намеков. Скажите прямо — когда его высочество изволил в последний раз оплатить счет?

— В последнюю неделю того месяца. Да вы не беспокойтесь! Его высочество всегда в срок платит. А нынче, скажу вам честно... — Она понизила голос и поманила молодого почти-министра подойти еще ближе, что тот охотно сделал да склонил ухо к подставленным розовым губкам. — Я волнуюсь за его высочество! В две минувшие недели он почти не притрагивался к пирожным! Будьте со мной откровенны, господин Будигор, скажите прямо: здоров ли наш королевич?

И она уставилась на него, как на посланца высших сил.

— Не извольте волноваться, моя дорогая, — развеял ее тревогу казначей. — Да, наш любезный Зимослав хандрит в последнее время, но у него на то были веские причины.

Кондитерша вскрикнула с жалостью:

— Что-тостряслось?

— Любой мужчина теряет аппетит, коли дело идет к женитьбе! — усмехнулся Будигор, павлином красуясь перед барышней. — Его высочество буквально вчера ездил в Златоград за невестой. И к счастью, дева пришлось ему по сердцу. Так что теперь тревоги позади, а пирожных готовьтесь готовить втрое больше!

Барышня залилась звонким смехом, махнула на кавалера рукой:

— Какой вы остроумный, право! «Готовьтесь готовить» — надо же такое придумать!

Смахнув слезинку, она вздохнула с облегчением, поразив взор казначея колыханием бюста, сокрытого строгим платьем и отчасти оборчатый фартучком.

— Но что же по вкусу невесте? — задумалась кондитерша деловито. — Мы отправляем в башню только те десерты, что нравятся их высочествам. Не хотелось бы попасть впросак и не угадать, не угодить нашему принцу и его даме сердца...

— Дорогая, вы и сама блещете остроумием: не угадать — не угодить! — промурчал, лучась от удовольствия, замказначей.

— Полноте, — отмахнулась барышня. — Оставим шутки, я о деле говорю! Если вечером его высочество будет неудовлетворен вкусом пирожных, утром вы же сами ощутите на себе его скверное настроение.

— Верно судите, — вздохнул Будигор. Хитро улыбнулся: — Но зачем же гадать, если можно спросить у самой будущей королевы?

Варя, смущаясь ролью невольной свидетельницы, тихонько устроилась за столиком в уголке. Ослепленная кавалером, хозяйка ее только сейчас заметила.

— Батюшки! — заволновалась барышня, прижала ладони к щекам, будто вдруг решила избавиться оные от округлости. — Неужели сама невеста пожаловала?

— Я привел согласно распоряжению Ледомира, — с небрежностью подтвердил будущий казначей.

Варя прикрылась кулачком, чтобы громко не хихикнуть: похоже, Будигор был из того сорта мужчин, что резко глупеют рядом с желанной дамой. Определенно, если бы кондитерше вдруг взбрело в голову сделаться секретаршей министра финансов, Снежен мигом разочаровался бы в своем казначее и разжаловал бы бедолагу в посыльные.

Смущаясь и робея, кондитерша подошла к важной посетительнице и принялась перечислять самые разнообразные и без исключения завлекательные варианты выпечки и десертов, пытаясь определить Варины пристрастия. Варя была согласна на всё! Однако кое-что ее волновало в данный момент особенно сильно.

— А у вас есть что-нибудь с клюквой? — сглотнув невольно набежавшие слюнки, выдвинула она встречный вопрос. — Очень хочется попробовать, какая она у вас тут местная.

Кондитерша озадачилась:

— Увы, консервированная закончилась еще весной. Кажется, в запасах есть немного сушеной... Я могу предложить вам чай с настоем из ягод! Но, к сожалению, вкус будет далек от совершенства. Боюсь, придется подождать хотя бы месяц, пока появится свежая.

Делать нечего, подождать Варя согласилась. Тем более скрасить ожидание было чем! Она лично подошла к прилавку и потыкала пальчиком в самые заманчивые вкусняшки.

Замказначей заказал скучные, как он сам, рыбные пирожки.

Глава 13

Зимослава они не дождались — не спешили отпускать королевича вредные старики-министры. Но судя по оживленной суете, возникшей вокруг дворцовой площади невзирая на конец рабочего дня, Снежен в отместку развил широкую бурную деятельность, спеша разделаться с делами не только за прошлую неделю, но и на месяц вперед. Колесницы носились по улицам, едва не сталкиваясь, водители нервно ругались между собой, кролики что-то свое стрекотали, недовольно фырча стайка на стайку. Курьеры и секретари ехидно поглядывали на

специфические «пробки» — и бежали исполнять поручения бегом, зажимая папочки с документами под мышкой. Стражники с озабоченно-хмурыми физиономиями вышагивали от «белого дома» до королевского дворца и обратно — то какие-то ларцы сопровождали, то вельмож провожали-конвоировали. Те либо радовались предстоящей долгожданной аудиенции, либо возмущенно недоумевали, зачем их вызвали.

Замказначей постоял вместе с Варей в сторонке, позволил ей издалека полюбопытствовать на столичную суету. Затем тронул за локоток, напомнил, что пора возвращаться в поместье.

— Если, конечно, вы не хотите остаться на ночь во дворце.

— Нетушки! — поехала Варя. — Не надо мне такой радости.

Замказначей пожал плечами: мол, кто вас, принцесс, разберет с вашими капризами? Может, будущей королеве до свадьбы взбредет подробнее ознакомиться с причитающейся жилплощадью.

Варе напротив хотелось обратно в Жуков Улей. И желательно вместе с Зимом. Но что уж тут поделаешь, раз такого обязательного принца в женихи выбрала, придется пока довольствоваться обществом занудного финансиста.

Будигор одну ее в лодке через озеро не отправил, ответственно составил компанию. Зяблики его признавали и слушались не хуже, чем Венцемира, видно, он в поместье впрямь был своим человеком.

И всю дорогу занудным тоном вещал лекцию об устройстве государства Синегорского: сколько городов да земель включает в себя, какими князьями и губернаторами управляется на местах, какие края чем славятся в плане производства, промысла, природных ресурсов и прочих особенностей; чем торгуют с соседними странами, что наоборот завозят, какие отрасли стараются развивать; какие налоги и подати берутся с разных слоев населения, какие программы социальной направленности проводятся; какие праздники отмечаются в течение года...

— Я ж всё не запомню! — взмолилась Варя, чувствуя, как голова приобретает квадратную форму от избытка знаний.

— Ничего страшного, — отозвался замказначей. — Я повторю столько раз, сколько потребуется, мне не трудно. Это лишь самые общие сведения...

Варя застонала от жалости к самой себе — еще один учитель по ее душу! У Зимослава все друзья как на подбор!

К счастью, когда Будигор перешел к рассуждениям о проблемах нехватки молодых чародеев-специалистов в области сельского хозяйства, они уже приплыли.

С принцессой Зореславой-Сияной столкнулись на полпути к «пряничным» домикам. Та обрадовалась покупкам, как девчонка, кликнула крутившихся рядом служанок, чтобы отнесли сумки. А уж те, пробегая мимо, успели доложить о визите замказначей кормилице.

— Будигорушка! Как славно! — издалека был слышен голос бабы Веры.

С меланхолическим видом будущий министр финансов откланялся — и отправился свидетельствовать почтение многоуважаемой старушке.

Зорька тотчас состроила ехидную мордочку и по секрету (хотя об этом знало всё королевство) сообщила Варе, что когда-то, в мифическую пору юности бабы Веры, к королевской кормилице-красавице посватался министр финансов, но та, несмотря на бурно вспыхнувший роман, ему отказала, предпочтя долг служения венценосной семье личному счастью. Так что Будигор бабе Вере почти как родной правнук!

— Угу, точно как Венцемир и все остальные в этом поместье, — понятиливо покивала Варя. — Бедняга, до утра придется новости рассказывать. На работу хоть успеет вовремя вернуться?

— Чего это бедняга? — засмеялась Зореслава. — Будигор единственный из нас, кто способен переговорить бабу Веру! И воспоминания ее слушает с историческим интересом, чему она и рада. Ничего! Покормит обедом, потом ужином, на ночь оставит, в баньку отправит, наутро на попутную телегу посадит и платочком вослед помашет!

— На телегу? — Варя хихикнула, представив, как чопорный замказначей восседает на деревенской телеге, размышляя о государственных проблемах. — Получается, до города есть обычная дорога?

— Конечно, есть. Вкруг озера.

— Но ведь так дольше выйдет, чем напрямую на лодке.

Принцесса помотала головой:

— Зяблики рано утром не поплывут — там знаешь какой ветрище до полудня!

— После заката они не ездят, до полудня тоже! — засмеялась-возмутилась Варя. — А как же Зимославу прикажете возвращаться? Пешком или вплавь?

— Он порталами шастать предпочитает, — напомнила сестрица. — Тем более сейчас от привычки не откажется, раз ты у него появилась.

Варя аж малость смутилась от такого замечания.

А принцесса ресничками похлопала, под ручку ее подхватила и повела за собой вглубь сада:

— Надеюсь, ты не слишком устала? Поможешь нам с заготовками на зиму!

Смущенное молчание сменилось потерей речи от шока: она не для того в сказочный мир переселялась, чтобы и здесь банки с соленьями закатывать!

К счастью, против ее опасений, процесс заготовок оказался интереснее, чем можно было ожидать.

В саду развернулось мини-производство! В прямом смысле «кустарное». Служанки (они же в другое время горничные, они же помощницы кухарок и белошвейки) численностью более двадцати хихикающих лиц занимались конвейерной обработкой урожая. Несколько девушек шуршали в кустах по ягоды или со стремянками собирали с деревьев созревшие плоды. Несколько сидели над большущими корзинами и разбирали-сортировали собранное. Другие мыли отобранное в широких решетках, подставляя под струи проточной воды, подаваемой по специальной системе труб для полива. Остальные хлопотали вокруг сооруженных из широких досок столов — раскладывали фрукты в определенном порядке по заранее заготовленным емкостям. И нет, это оказались не те до зубового скрежета знакомые Варе трехлитровые банки, которые ее родители очень уважали, особенно в осенний сезон, когда их вечно не хватало то под компоты, то под соленья. А Варя, даже после своего отселения в однушку продолжавшая «отбывать повинность» у родителей в качестве кухонной помощницы, на долю которой приходилась львиная часть дела — не могла спокойно смотреть на эти самые банки спокойно вплоть до витаминной тоски марта месяца...

Здесь использовали тусса из тонкой выделанной коры, очень похожей на березовую. Цилиндрические высокие посуды примерно пятилитрового размера по доньшку выстилались особыми листьями, затем слоями выкладывалось ассорти из просохших после мытья плодов и ягод, сверху опять клались листья, с острым запахом, средним между лаврушкой и мятой. Потом «консервную банку» закупоривали плоской крышкой из кружка той же коры и тщательно заклеивали щель между крышкой и стенкой туссы колбаской из мягкого воска.

Но на этом процесс консервирования вовсе не заканчивался. Далее начиналось бытовое чародейство — «закрутки» следовало запечатать так, чтобы время внутри туссов остановилось.

— Нет, неверно! — замахала руками дама, которая руководила всем консервным производством.

— Тогда сама объясняй, как правильно, — надула губки Зореслава. Спихватилась, представила Варю: — Это Росана, моя гувернантка.

— Компаньонка, ваше высочество! Компаньонка! — возразила и на это дама. — Сколько вам повторять, чтобы вы привыкли? Вы уже не ребенок, чтобы иметь гувернантку.

— Но ты всё равно продолжаешь меня поучать! — досадливо попеняла принцесса.

— Не давайте повода, ваше высочество, — лукаво хохотнула та.

Варя во все глаза глядела на даму — эксцентричная особа! Родись она в другое время и в другом мире, наверняка стала бы хиппи. Моложавая, лет под пятьдесят, но подвижная и живая. Одета в пестрое струящееся платье цыганистого фасона, с ярко накрашенным лицом. Темно-оливковые с нитками проседи волосы острижены по плечи, на макушку сдвинута соломенная шляпка с поникшими бумажными цветами. Резкие движения дамы, ее громкий голос с приказными нотками, подавляющая аура наводили на мысли о былом военном прошлом. Варя надолго задумалась: неужели в этом мире бывают дамы-рыцари? Если да, Росана определенно принадлежала в молодости к числу амазонок, но после какой-то жизненной трагедии переметнулась в стан цветочных фей.

— Время остановить невозможно! — между тем громогласно объявила бывшая гувернантка, воздев руки к небесам, обращаясь не только к принцессе и Варю, но ко всем девушкам. Служанки слушали внимательно, пусть и незаметно обменивались улыбочками между собой, продолжая заниматься каждая своим делом.

— Время — неподвластно людским желаниям и воле! Остановить течение времени невозможно, как не в силах человек остановить солнце или луны, бегущие по небесному своду. Но! — тут она сделала театральную паузу и обернулась к Варю с шальной улыбкой гения-маньячки. — Но мы способны замедлить увядание, гниение и порчу. Посмотрите на эти плоды, щедрые дары Великой Матери!

Она развела руки, словно желала охватить весь урожай, а то и весь сад, и прижать к мягко колышавшемуся бюсту.

— Мы обязаны сохранить свежесть каждой дарованной нам ягодки! Сохранить сочность и божественный вкус этой нежной редьки! Терпкую сладость этих спелых рыжих огурцов! Кислинку дыни и неприступную жесткость рябины!..

— Простите! — прервала ее Варя, не удержалась. — А клюквы тут нет случайно?

Мадам Росана посмотрела на нее изучающим взором, будто просветила рентгеном. И внезапно безмятежно улыбнулась:

— Нет, зайка, клюква еще не поспела. Потерпи, в свое время мы будем все вместе делать на зиму сладкий полезный морс!

Служанки дружно испустили тяжкий вздох — видимо, прошлогоднюю осень вспомнили.

Варя же вспомнила, что зайцами в этом мире называют родственных кроликам зверюшек, только побольше

размером и с ярко-малиновым мехом — эдаких гигантских саблезубых белок. Поэтому решила на мимоходом приклеенное прозвище не обижаться.

И вплоть до самого заката (часа полтора-два) Зореслава и ее гувернантка обучали Варю хитростям местной консервации с помощью бытового чароплетения. (Она лишь сбегала в башню переодеться в платье попроще — не в парадном же кухарить!)

В теории это было довольно простое колдовство: на каждый туесок следовало набросить чары-паутинку с запретом на изменение содержимого. В полностью закупоренном ограниченном пространстве добиться необходимой стабильности было нетрудно. В теории. На практике же Варю, согласившуюся из интереса помогать, поджидали закономерные трудности.

— Не выпускай столько энергии! — подсказывала по ходу дела мадам Росана. — Легче, ниточками! Вот так, правильно... Теперь заматывай весь туесок, чтобы ни одного пятнышка пустоты не допустить. Хорошо, правильно... Теперь будь внимательна! Ставь печать сохранности ровно до момента, когда откроют крышку — и еще две недели после этого. Двух недель хватит, чтобы успеть приготовить из этих фруктов начинку для пирога или что угодно, чтобы съесть — и чтобы еда прошла через организм и естественным образом оказалась в отхожем месте.

— Фу!.. — скривилась принцесса, в поте лица «закатывая банку за банкой», пока Варя с Росаной над первым туеском колдовали.

— Не фукайте, ваше высочество! Если используете чародейство, извольте просчитывать все последствия вашего заклинания! Представьте, что случится, если вы ошибетесь? Человек — может быть, вы сами! — съест неверно запечатанный плод, а он начнет гнить прямо в желудке! А что, если это случится на празднике? И отравятся десятки людей! Мы, женщины, должны быть хранительницами...

— ...семейного очага, — вырвалось у Вари.

— Правильно! — подхватила Росана с горячностью. — Мы делаем эти заготовки, чтобы долгой зимой вкусно кормить мужчин и баловать детей! Наши простые и полезные чары должны приносить радость и пользу! Именно поэтому мы обязаны быть вдвойне — нет! в сотни раз более осторожными, чем... Даже чем маги-погодники!

Неторопливо склоняющееся к горизонту золотистое солнце окрашивало синеватую зелень сада в ярко-изумрудные оттенки, в то время как удлиняющиеся тени делались всё синее до фиолетовости. Птицы перекликались по верхушкам крон, будто делились между собой новостями, перед тем как лечь спать. Всяческие бурундучки-ляги и полосатые мини-шиншиллы с веселым стрекотом сновали вверх-вниз по стволам, утаскивая в гнезда и норки перезревшие плоды, оставленные на ветках специально для них, чтобы неспелые не грызли. В общем, вечерняя дачная идиллия. Легкий ветерок, пряные запахи трав и листвы, нотка влажной от полива почвы — и сладкие ароматы свежих фруктов...

Варя взорвала свою первую «консервную банку», превратив содержимое в брызги пюре. Сложновато было справиться с практически ювелирным плетением тончайшего, как паутинка, колдовства. Особенно с непривычки. Поглядев с завистью на второй десяток туесков, идеально получившихся у принцессы, Варя грешным делом подумала, что со слабым даром бытовая магия дается легче... Но нет, завидовать на самом деле было нечему — Зореслава под тоненьким платьем успела взмокнуть от усердия, хоть отжимай.

— Для первой пробы неплохо, — утерев лицо от ягодной «маски», похвалила Варю мадам Росана. — С практикой всё получится! Нужно лишь немного терпения.

Служанки огорченно зароптали — не для того они возятся с урожаем, чтобы туески взрывали у них на глазах! Но принцесса и гувернантка на них шикнули, чтобы не отбивали своим нытьем у новенькой охоту к познанию и совершенствованию.

— Погодите, что-то я не пойму! — решила Варя немного отдохнуть от упражнений и порассуждать. — Если на фрукте лежит печать сохранности — как его можно приготовить и съесть? Его ж тогда нельзя ни ножом разрезать, ни зубами пережевать! И тем более переварить в животе. Раз он должен быть целым, неиспорченным и свежим, точно как сегодня. Разве это логично?

— Кстати да! — остановилась перевести дух и принцесса. — Я тоже об этом думала. Раз так, то выходит, что всё-таки эти чары замедляют время? Фрукт остается таким, как сегодня, ровно столько, сколько нам это нужно. Как будто мы передаем его через портал, но не сквозь расстояние, а через полгода времени!

— Вот-вот! — поддакнула Варя.

— Девочки! Зайчики! — всплеснула руками мадам Росана, окончательно сдавшись и расстроившись. — Идите вы с вашими умозаключениями к Чуролюту! Я старая простая колдунья — как меня учили, так я и вам передаю эти знания и навыки. Вот что угодно мне говорите, а всем известно, что время ни замедлить, ни остановить нельзя. Хоть на ноготок! Хоть на волосок!.. Итак, вы будете дальше заниматься, барышни, или мне уйти?

— Будем! — неохотно промычали Варя и Зореслава.

Со следующим туеском у Вари вроде бы начало что-то получаться. Нет, она всё еще ничего не поняла, но на

интуитивном уровне что-то почуяла... Самым сложным для нее оказалось дозировать свою лихо рвущуюся силу — словно лить из ведра в чашку по капельке.

— Нет, не выходит! — вовремя остановила себя Варя, умудрившись не взорвать емкость, а лишь сорвать крышку и взболтать содержимое в заготовку для джема. Одна из служанок со скорбным видом унесла это безобразие на кухню к бабе Вере, чтобы не пропало зря.

— Что ж, для начала у тебя неплохо получается, — снова вздохнула мадам Росана. — Ты же говоришь, что силы в тебе проснулись лишь месяц назад? Тогда ты достойна отдельной похвалы! Помню, как бушевала моя дорогая Яснолика Краса! А было ей тогда годиков пять или того меньше... Ох, все во дворце ходили по струночке! Только дядек своих слушалась, никого больше — всех в кулачке держала!

— Да с Красой и поныне так, — фыркнула Зорька.

— Это она о ком? — шепотом спросила у принцессы Варя.

— О своей первой ученице, королевне Вольнополя. Зря она ее вспомнила! Вечером опять рыдать будет...

— Почему? — растерялась Варя.

— Потом расскажу! Надо бы ее отвлечь чем-нибудь...

— Ага, сейчас!

Тут Варя сообразила мигом: обернулась к помрачневшей гувернантке:

— А покажите мастер-класс? Может, на вашем примере я лучше пойму принцип консервной печати!

— Ой, не надо было!.. — только успела пискнуть Зорька. Съежилась, как будто Варя выдернула чеку из гранаты.

Мадам Росана печально улыбнулась:

— Зайка, если б я могла, разве я не помогала бы сейчас ее высочеству?

В доказательство она взяла первый попавшийся плод — мятный белый персик-редьку — сжала в кулаке... и из руки высыпалась на землю струйка пепла.

— Увы, — продолжала Росана, глядя Варе в глаза, — такова наша участь: женщина обязана порождать жизнь! Колдунья, однажды свершившая убийство, выворачивает саму себя наизнанку. Ее сила никогда больше не сможет воссиять былой чистотой и благодатью. Знаешь ли, скольких людей довелось убить мне? У-у!.. Поэтому ничего у меня больше не выходит, кроме как уничтожать и обращать в пепел и смрад...

Вздохнув, она подхватила со стола еще один редько-персик, с хрустом вонзила в него зубы — и, чавкая, отдала служанкам приказ продолжать без нее.

— Утомили вы меня! — хохотнула она на прощание. — Пойду с Будигором повидаюсь.

Стоило ей скрыться за кустами-деревьями, Зореслава горестно запричитала:

— Ну вот! А мне теперь и запечатывать, и руководить тут всем! Сил моих нету!.. Выдохлась уже, а еще вон сколько делать-то!..

— Извини, я не знала, — повинулась расстроенная Варя.

— Ай, да откуда ж тебе было знать? — отмахнулась тонкой рукой принцесса. Пригорюнилась, опершись на дощатую столешницу, благо служанки запечатанные туюски вовремя относили в погреба прятать. — Пока что я тут хозяйка, мне за всё и отвечать... Ну, надеюсь, баба Вера и Будигор помогут ей отвлечься от воспоминаний. Я расскажу тебе ее историю, Варь, только сперва давай тут закончим...

Варвара огляделась вокруг: и впрямь уже поздновато, пора закруляться. Солнце почти село за горизонт, сквозь деревья сверкали последние розоватые лучи. Облака и небо буйствовали ярким контрастом малиновых оттенков и густой бирюзы. Впрочем, зажигать фонари еще долго не придется — Кольцо сверкало, как белоснежное кучевое облако в полуденную пору.

Варя придумала, как заглядеть свою вину. Конечно, она сознавала, что новая инициатива может обернуться для нее еще одним грандиозным провалом, однако внутренний голос упрямо твердил, что стоит попробовать.

— Девчонки! — обратилась она к служанкам. — Ставьте все готовые банки... тьфу — туюски в круг! Да, можно прямо на землю, думаю, они от этого не испортятся. Поближе ко мне, пожалуйста... А теперь всех прошу отойти на безопасное расстояние! На всякий случай. Зорька, тебя тоже касается.

Принцесса вздернула носик на такое обращение, но послушалась — отогнала девиц за стену сарайчика, где хранились садовые инструменты, и высунулась обратно из-за угла в первых рядах любопытствующих.

Варя потеряла руки:

— Ну-с, приступим!

И, пока сама не испугалась и не передумала пробовать, ка-ак вдарила заклятьем сразу по всем туюскам! Ну, не получалось у нее цедить закликательные паутинки по капельке — вот и плеснула этой паутины сразу фонтаном да во все стороны.

И вышло! Сперва глазам не поверила, а как поглядела пристальнее — обрадовалась, чуть на одной ножке не запрыгала, хвастливо повизгивая:

— Какая я ж молодец! Одним махом всех побиваху!

Зореслава вышла из укрытия, вежливо похлопала в ладоши, на что Варя, предовольно сияя, шутливо раскланялась, широко отмахивая подолом юбки.

— И правда молодец! — похвалила принцесса. — Жаль только, что всё вместе связалось.

Варя поглядела еще раз на дело своих рук — и скисла. Действительно, общее заклятье не скопировалось отдельными печатями, как ей хотелось, а легло на партию в целом.

— Упс, — вздохнула она. — Недочет.

— Ничего, — утешила Зорька, — подпишем, чтобы открыли на братишкин день рождения. Баба Вера с девчонками вечно пир горой закатывают, им и этого, поди, мало окажется. Еще ворчать будет, что мало мы запасли!

Приказав и без того знавшим свое дело служанкам наводить порядок, Зореслава повела Варю ужинать. Та лишь вздохнула про себя: вот в чем счастье быть принцессой! Да еще чародейкой — знай себе колдуй да мусори, а про уборку и прочие занудные хлопоты можешь забыть. Красота!

Ужинать Зореслава-Сияна изволила у себя, в своем кукольно-пряничном коттедже. И только наедине с Варей — эдакий девичник на две персоны. Попавшуюся по пути кухарку среднего возраста, не участвовавшую в закатах, принцесса послала на кухню за кушаньями и горячим кофейником с какао. А сама быстренько навела красоту в уютной гостиной: распахнула двойные двери, ведущие на заднюю веранду, впуская вечернюю свежесть и аромат местных роз, что произрастали вокруг домика буйными зарослями. Зажгла вместо свечей мерцающие радужным сиянием лампы, где фитили были заговорены на год горения без долива масла. Стол, круглый, с вышитой скатертью и салфеточками, Зорька тоже сама накрывала — достала из украшенного резьбой буфета серебряные приборы, фарфоровые тарелки и хрупкие изящные чашечки. Варю усадила в кресло с подушечками, помогать не позволила.

Разговор начали с обещанной истории мадам Росаны.

Как уже Варе было известно из рассказа Злата, в соседнем королевстве Вольнополье пятнадцать лет назад вспыхнул мятеж, подстрекаемый аристократами-предателями и ведомый их черными магами.

— Ох, много тогда дел наворотили! — вздохнула Зорька горестно. Не по-королевски водрузила на стол локти и подперла щеку ладошкой. — Короля с королевой растерзали зверски толпой, Ограждающий Камень взорвали, дворец сожгли... Муж у Росаны был главным придворным колдуном. Она говорила, он себя винил, что допустил такое: надо было, мол, злодеев вовремя пытаться и казнить, а не в ссылку отпускать. Поэтому, когда они с Росаной из горящего Дивогорска бежали с наследниками, ее муж без колебаний собою пожертвовал — жизнь отдал, чтобы время выиграть. А Росане потом, пока они к нашей границе добирались, столько людей убить пришлось, что не сосчитать. Она ведь сильной чародейкой прежде была. И ради своих воспитанников тоже себя не пожалела — растратила всю силу до капли. Убивала и убивала, пока дар ее не иссяк полностью. Но и после этого она не остановилась — не могла сдаться, ибо тогда все жертвы были бы напрасными! Росана говорит: от того, что силы свои использовала во вред другим, в душе у нее дыра появилась выжженная. И когда силы кончились, черпать энергию она стала из этой черной дыры. И такое могущество ей эта чернота подарила, что ей самой теперь вспомнить страшно... В общем, папа наш, когда их сюда к нам привез, долго с Росаной занимался, чтобы она успокоилась и поняла, что больше никого убивать не нужно. И Красу с Нежкой — наследников вольнопольских, которых она спасла — специально с Зимом вместе в Златоград отослал подальше. Вот, так всё и было. С тех пор она колдовать не может. И нам всем себя в пример ставит, что нельзя идти против светлых заповедей Великой Матери.

— Угу... — сочувствующе кивала Варя. Но ей, хоть и стыдно признаться, было интересно совсем другое: — Выходит, твоя гувернантка сперва служила воспитательницей у соседей, а потом уже тебе досталась? По знакомству перешла, стало быть, с рекомендациями.

— Можно и так сказать, — хихикнула Зореслава. — Я родилась-то в год восстания, учительница мне понадобилась гора-аздо позже.

Варя снова покивала, мысленно прикинула: получается, по земным меркам принцессе около пятнадцати лет.

— А эти соседские принц с принцессой, они... эм... — Она замылась, пытаясь поставить вопрос помягче.

— Яснолика Краса и Милонег, — подсказала Зореслава. — Я с ними — да и с родным-то братом тоже — познакомилась, только когда они назад из Златограда приехали, четыре года спустя — все взрослые такие были! Ну, мне так показалось.

— Угу, — согласилась Варя. Еще бы, десять лет разницы в возрасте, конечно! По местному времени восемь лет получалось, но тоже не мало.

— А вскоре, когда их дяди с бунтовщиками окончательно разделались, Краса и Неж домой уехали, — заключила Зореслава. — И Росану с собой звали, но она не смогла. Говорит, духа не хватило вернуться туда, где погибли все дорогие ее сердцу люди. Правда, Краса с Нежем тоже решили жить не в столице. Отдали

государственные заботы дядям, а сами, как мы с Зимом, поселились в уединенном поместье. Хотя нет, наш-то Зимка от долга правителя не уваливает, в отличие от Яснолики-лентяйки. Та в своей столице показывается даже реже, чем я в нашей.

Варя заметила мелькнувшую в тоне принцессы досаду. Или обиду на старую ссору?

— А теперь вы как с соседями ладите? После такого-то, сколько ваша семья им помогала.

— Хорошо ладим, — пожалала худенькими плечами Зорька, но губки поджала. — Мама, правда, о Вольнополе слышать ничего не желает. Считает, что, если бы они не втянули нас в свои внутренние проблемы, то и папа остался бы жив. А Зимка рычит, что мама ничего не понимает, и если бы мы не вмешались тогда и не помогли бы погасить войну, то и нашу страну ждал бы в скором будущем такой же кошмар, если не хуже, учитывая, что бологорцы тоже не упустили бы своего шанса. А затем и Белозорью досталось бы.

— Мда... — протянула Варя. Мысленно добавила: всё-таки политика штука сложная, с наскока не вникнешь! А если к войне примешивается магия, белая против черной — у-у, тут только держись!..

— Зимослав верит, что ваш отец жив. А ты?

— А что я? — вздохнула Зореслава. — Я его не помню. Думаю, за всеми заботами и отец на меня, новорожденную, едва успел взглянуть.

— Прости, зря я об этом заговорила.

— Ничего. Грустно, конечно, что Зим переживает из-за всего этого, а я мало чем могу помочь.

— Ты помогаешь! — горячо возразила Варя. — Еще как! Даже я вижу, хоть я тут всего день провела. Без тебя твоему брату было бы гораздо хуже!

— Конечно — кто бы ему амулеты заряжал? — улыбнулась та.

С обоюдным облегчением девушки решили сменить тяжелую тему на что-то более приятное и понятное. Варя порадовала принцессу рассказом о белозорской кухне (которую успела изучить на уровне приличной домохозяйки). Зорька наперебой взялась уточнять тонкости да выискивать отличия от рецептов кухни синегорской. Варя на это не удержалась и невольно выдала парочку сравнений с едой из родного мира. Правда, удалось не сболтнуть лишнего, и принцесса удовлетворилась обтекаемым «приехала в Златоград учиться издалека». Видимо, география Зореславу не особо волновала. Куда больше ее заинтриговали загадочные кушанья из склизкого вареного теста — лапша, спагетти и пельмени с варениками. Она не отстала от Вари, пока та не дала обещание приготовить вышеперечисленное в ближайшее время и, если, конечно, принцессе понравится вкус экзотических блюд, то и обучить стряпать здешних кухарок.

В свою очередь Зорька поделилась своими интересами. Выяснилось, в свободные от домоводства и заготовок дни она обожает шить. Не вышивать, как полагается каждой благородной барышне — этого бессмысленного занятия, отнимающего уйму времени, она терпеть не может. Зато на ровные строчки ей усилий не жаль. Для нее нет большего удовольствия, чем примерка нового, придуманного самой наряда. Более того, смущенно зардевшись, Зореслава по секрету призналась, что она мечтает однажды сотворить для себя подвенечное платье такой красоты, что все ахнут. Впрочем, при этом синегорская принцесса совершенно не горела желанием свои наряды «выгуливать» в свет. Одна мысль о том, чтобы появиться в столице, а тем более во дворце, где живет их с Зимославом родительница, навевала на Зорьку уныние и черную хандру.

Обогатившись поверенными тайнами, Варя сделала себе мысленную заметку, что теперь-то ей известно, чем можно подкупить будущую золовку, буде такая необходимость возникнет — теми самыми журналами мод семидесятых-восьмидесятых годов, что пылились у родителей на даче в память о покойной двоюродной бабушке, всю жизнь мечтавшей о собственном кооперативном ателье. Уж на этих слегка помятых страницах, Варя прекрасно помнила, было представлено сколько угодно моделей свадебных платьев, от минималистических до самых заковыристых. Оставалось лишь надеяться, что отец не осуществил давнюю угрозу и не сдал объемистую стопку в макулатуру или не отдал дяде Славе в букинистическую свалку. Но если с журналами не получится, на крайний случай можно скачать на ноут видеоролики с дефиле от кутюр. Но это только в крайнем случае — с современными моделями велик риск шокировать нежную психику юной принцессы.

Легла спать Варя в тот день поздно: пока наговорилась с принцессой, пока вернулась к себе, пока сладила с зачарованными на длительное горение свечами и наигралась с обнаружившимся в спальне, в разворошенной постели Фиником. Потом выбирала себе одежду на завтра. Затем решила принять ванну — и, отмокая, долго пыталась понять принцип системы водопровода в башне при отсутствии котельной и насоса. А как улеглась, принялась перебирать в уме события насыщенного дня — в общем, еле задремала...

Но Снежен явился домой еще позднее. Кольцо в небе успело сперва полностью поблекнуть, затем снова начало светиться с восточного конца, предвещая рассвет, не скорый, правда.

Варя проснулась от едва слышного шума воды и от топота на лестнице. Пусть башня была выстроена основательно, но кругом-то царила абсолютная тишина, не то что в вечно гудящем городе. Поэтому каждый шорох,

пусть приглушенный стенами, всё равно был отчетливо различим.

Лежа в своей широкой кровати, Варя сквозь дрему отследила, что ее «сосед сверху» поднялся в свои покои в сопровождении Тихуна (Венцемир болтал бы беспрестанно, а больше и подумать не на кого), потом отправил того обратно вниз, скорей всего на кухню за ужином, а сам ушел в ванную, где плескался полчаса. За это время помощник успел раздобыть и подогреть еду — через гостиную, отделявшую спальню от лестницы, до Вари просочились аппетитные запахи, да и шаги Огнеяра, когда он поднимался с подносом, отличались разумной осторожностью, а посуда чуть позвякивала. Затем королевич, видимо, потребовал отчет о том, что происходило в поместье за день его отсутствия — Тихуна опять не было слышно, только твердый голос, задающий вопросы. Слов Варя не могла разобрать, но судя по тону, Зимослав пребывал в раздражении после трудового дня, однако недовольства на помощнике не сорвал, быстро его отпустил, а сам еще примерно час не ложился спать, слоняясь по своим покоям.

К счастью, Варе его бессонница не мешала, отзвуки шагов ощущались на грани слышимости и осязания волосками на коже. Даже наоборот, стало спокойнее, что в башне есть кто-то еще, кроме нее. Тем более что этот кто-то — Снежен. Она сладко потянулась, перевернулась на живот и блаженно раскинулась поперек ложа. И, в полусонном состоянии наплевав на стыд, мысленно послала этажом выше «поцелуйчик», присовокупив волну нежности и уверенности, что всё у него получится, проблемы решатся, и вообще он у нее умница и красавец.

Прежде чем она сама поняла, что именно сейчас сделала, сверху раздался грохот. Мгновенно забыв о сонном наваждении нежности, Варя вскинулась в кровати. Финик, спавший на подушке возле плеча, перекатился под бок и, не просыпаясь, возмущенно заворчал.

«Эй, ты там живой?!» — всеми мыслями обратилась она к потолку, напряженно прислушиваясь. Раз крика не было, значит, просто что-то уронил. Но вдруг не ойкнул, потому что треснулася головой и потерял сознание? Вдруг бежать надо спасать, а она тут расселась и решает, прилично ли врываться к жениху в спальню посреди ночи?..

«Всё хорошо. Извини, что разбудил».

Варя хлопнула глазами. Ответ ей пришел мысленный, без слов, но четкий и понятный. Словно дуновение теплого весеннего ветерка, овевшего разгоряченный лоб...

Наверху снова послышался шорох — видно, Зим пытался устранить последствия предыдущего грохота. Поняв, что ничего ужасного не произошло, Варя со вздохом облегчения плюхнулась обратно в постель. Подгрести снова заворчавшего Финика к себе поближе. Хотела было поразмышлять о принципах магической телепатии, возможна ли она в этом мире, упоминали ли ее на уроках в академии, но стало так лень...

Наутро о происшествии Варя едва вспомнила — мало ли что за ночь могло причудиться! На новом-то непривычном месте.

К тому же сразу по пробуждении обнаружился приятный сюрприз: на широком подоконнике ее ждал нежный букетик из местных лесных фиалок, бережно завернутый в смоченный водой платочек с кружевами. Тут же рядом стояла очаровательная корзиночка, наполненная земляникой — желтенькой в красную крапинку. И ягоды, и цветы источали чудесное благоухание, поэтому не заметить их сразу было бы просто невозможно.

Под корзинкой нашлась записка на клочке бумаги. Варя с трудом разобрала размашистый и одновременно с тем убористый колючий почерк, напоминающий бешеную кардиограмму: «Это морошка и лютики. Клюква еще не поспела».

Фыркнув на намек, Варя принялась гадать, как же подарочек попал к ней в комнату. В том, что в спальню никто не заходил, она была совершенно уверена — и сама спит чутко, и Финик под боком встрепыхнулся бы. И Зим не посмел бы настолько нарушить этикет. С другой стороны, на ночь она оставила оконную раму чуть-чуть приоткрытой, ибо форточек здесь еще не научились делать, а наслаждаться свежим воздухом хотелось. Но от земли до окна было четыре этажа (причем, потолки тут высокие, дворцовые, нечета многоэтажкам), а по отвесной стене легко карабкались лишь плети вьюнка — и они, эти самые плети, всю радостно цвели, намекая, что никто их не тревожил. Так что по всему выходило, что либо Зимослав перемещал презент порталом, либо умел летать. Оба предположения показались Варе забавными и нелепыми.

К сожалению, напрямую спросить о загадочном способе доставки и поблагодарить за сюрприз не удалось — еще на рассвете Снежен снова уехал в столицу, о чем Варе за завтраком поведала Зореслава. Еще оказалось, что цветы и ягоды королевич с вечера наказал собрать ребятишкам из ближней деревеньки. Варя чуток расстроилась, хотя и понимала, что самому правящему принцу такой ерундой заниматься некогда — и с досады по-сестрински отдала половину ягод Зорьке, аккуратно сошли за десерт. У принцессы же одолжила займы милую вазочку для фиалок-лютиков, их оставила у себя в гостиной, а сама пошла гулять.

Целый день — с перерывами на чай и обеды — Варвара слонялась по поместью в компании Финика и в сопровождении одного бдительного зяблика. Знакомилась, так сказать, с территорией. На самом деле хотела поймать Огнеяра Тихуна, чтобы хоть разглядеть паренька поближе. Но тот, видимо, посчитал их давешнее знакомство уже достаточно близким, и, едва удавалось издалека засечь его местопребывание, всякий раз успевал

улизнуть в неизвестном направлении.

Зато Варя познакомилась с приветливыми, но малость косноязычными мужиками, следившими за забликами и крольчатником. Обнаружила прачечную и птичий двор, где попутно выяснила, что здешние куры весьма напоминают индюшек. Нашла милую, почти дикую тропку, которая выводила к калитке, за которой начинался настоящий лес. Посидела на бережке озера, наслаждаясь солнечным ненавязчивым теплом и красотой природы...

После первого ужина она решила, что прогулок с нее пока достаточно — и взялась осматривать саму башню. Как и обещал Зимослав, все запертые двери покорно открывались перед ней, стоило взяться за ручку. Варя в помещения пока решила не заходить, лишь заглядывала, оставаясь на пороге — разумно осторожничала. В каждой каморке и, тем более, в каждом зале царил такой загадочный бардак, что без хозяина или хотя бы его помощника разобраться, что там к чему, казалось нереальным.

Так она прогулялась от самой крыши до подвала.

И ниже, обнаружив проход в подземелье.

— Вот не знала, что подвал и подземелье — это разные вещи! Хотя, если назвать подвал цокольным этажом...

Она даже нашла трубы, поставляющие воду в верхние спальни. И если с канализацией было всё предельно понятно — сливы они и есть сливы, отводятся куда-то, и ладно, — то насос и нагревающую систему она так и не обнаружила. Хотя сам источник воды определился без труда — на минус-втором ярусе подземелья имелся колодец с широким, выложенным каменными блоками устьем.

— Логично, в каждом замке на случай осады обязательно должна быть собственная скважина, — с умным видом покивала Варя, глядя на темную неподвижную гладь, виднеющуюся сквозь прикрывающую колодец решетку.

О проблеме водопровода она начисто забыла, когда незадолго до второго ужина вернулся Снежен — и позвал ее за собой в дворцовую пристройку.

— Пока опять не забыл! — пояснил он внезапную спешку. — На твоём месте мне было бы неприятно — как будто я привез тебя сюда и запер, лишив свободы перемещения.

Оказалось, он имел в виду порталы.

Как Зим и обещал ранее, научиться пользоваться порталами не составило большого труда. Нужно было лишь не пытаться вникнуть в излишне подробные и, признаться, довольно запутанные объяснения, а просто внимательно присмотреться к квадратной колонне с арками. Вернее — принюхаться.

От того прохода, что вел в Варину однушку, тянуло запахом именно дома. Не в том смысле, что Варя была ужасной хозяйкой, злоупотребляла парфюмами или курила и не проветривала — хотя, признаться, в самом деле уже давненько не затевала уборку, занятая более интересными делами, наверняка накопила пылюги. Но стоило повести носом, и сразу становилось ясно: вот тут воздух холодного, почти необитаемого дворца. А тут — сквознячок из родной квартиры, где есть шкаф, полный вкусно пахнущими книгами, где есть духовка, в которой позавчера разогревали ватрушку, ванная с полкой благоухающих шампуней, ковер, на который когда-то пролили кофе... и забытая на столике вазочка ликерных конфет. Разумеется, каждая нотка была совершенно неразличима, но в голове тотчас вспыхнула цельная картинка, как будто Варя уже открыла дверь и стояла на пороге.

От другого портала пахло улицей — непередаваемой смесью едва уловимых запахов летнего неторопливого городка. Этот запах она тоже прекрасно узнала, всё-таки целый месяц проучилась в академии Тугохвала.

— Ну, я домой ненадолго! — радостно объявила Варя. Смартфон у нее был, как всегда, с собой и его как раз пора было зарядить.

— погоди! Я не всё объяснил, — удержал ее Зимослав, не дав перешагнуть ступеньку и уйти в густую тень, скрывающую проход портала.

Сперва он отвел ее в Златоград, чтобы и там всё показать-рассказать. Ибо порталы — штука сложная, и мало уметь выйти, надо суметь и зайти обратно.

Очувтившись на крыльце академии, они не стали никуда уходить и просто развернулись лицом к двери.

— Посмотри на дверную ручку. Но не прямо на ручку, а так, слегка рассеяв взгляд, будто сморишь сквозь дверь на что-то, находящееся на шаг за нею. Не смотри на дверь, смотри на ручку!

— Я смотрю!

— Не смотри в упор, рассеяй взгляд.

— Я пытаюсь...

— Ну же, сосредоточься. Расслабься и проникни взглядом в самую суть дверной ручки...

— И сосредоточься тебе, и расслабься, ишь ты! Ладно, поняла я: ручки нет...

— Да есть ручка, только пойми, что она не одна.

— Ох, еще и не одна...

— О, кого я вижу!

Дверь не вовремя отворилась, на крыльцо прошествовал Тугохвал. Магистр сиял улыбкой и был искренне

счастливи видеть парочку вместе — всё-таки они были его самыми особенными учениками.

— Варенька, как вы поживаете? Как вам понравилось в Жуковом Улье? Очаровательное местечко, не правда ли?

— Истинная правда, господин магистр, — смутилась Варя, будто ее застигли за чем-то предосудительным, оттого насупилась и отвела глаза. — Рада вас видеть, но мы с его высочеством немножко заняты. Если позволите...

— Да-да, разумеется! Не смею вам мешать!

Чародей подмигнул Зимославу, не успевшему ни слова вставить, и ретировался обратно за дверь.

— Погоди! — удержала Варя королевича, который открыл было рот, чтобы продолжить объяснения.

И точно — магистр вспомнил-таки, зачем и куда он направлялся до их встречи.

— Простите, еще раз вынужден вам помешать, — пробормотал он, снова выскользнув из-за двери собственного заведения с виновато-лукавым видом. — Меня желает видеть его величество Твердивер, так что уж я пройду, с вашего позволения...

Почтенный чародей резво сбежал с крыльца и унесся к воротам, где его ждала колесница.

Варя вернулась к созерцанию дверной ручки.

— Ничего не говори! — подняла она ладонь, вновь остановив Снежена. — Дай сосредоточусь.

Тот вздохнул.

Варя попробовала взглянуть, как он говорил: рассеянно, расслабленно, отстраненно... И получилось! Немножко косолазия — и вот уже перед ней не одна, а целых три разных ручки, словно на прозрачных кадрах наложенные одна на другую. И три двери! Причем была и такая, что точно копировала дверцу книжного шкафа. А другая виделась в форме арки. Третья же оставалась прежней и являлась собственно входом в здание школы.

— Кажется, получилось, — скромно возгордилась собой Варя. И открыла для королевича дверь-арку: — Прошу, ваше высочество!

Зим ответил одобряющей улыбкой, от которой у Вари запылали щеки.

...После ужина она снова вернулась к колонне порталов — теперь уже одна. Дома впрямь накопилось много дел: пока смартфон стоял на зарядке, Варя наскоро пропылесосила квартирку, простирала в машинке белье, ответила на эсэмески от родителей и Аньки. Загрузила пару фильмов, обновила на смартфоне музыкальный плейлист. Попыталась вспомнить, зачем недавно хотела позвонить родителям... но отвлеклась на выбор домашней одежды.

Так как в башне посторонние не появлялись, Варя решила, что может себе позволить в нарядах чуточку больше свободы, чем имела в Златограде. Например, кто ей мешает ходить в своих покоях в привычной пижаме? Зим без стука и разрешения к ней точно не заглянет. Да если и зайдет, не беда. Варя прихватила большой махровый халат, который когда-то забыла подарить отцу — в случае чего в него завернется вместо пеньюара, хоть трижды замотается, хоть с головой. И еще новенький пушистый плед с антресолей достала, с тиграми, решила тоже забрать — для уюта, чтобы вещь из родного мира скрасила кислотно-яркой расцветкой непривычный пока интерьер.

Еще она набрала полный пакет книжек, чтобы было чем развлечься долгими спокойными вечерами. Нет, те книги, что были выставлены в шкафу, она остереглась трогать, дабы случайно не нарушить магию портала. Однако шкафом ее запасы не ограничивались, самые свежие покупки на полки давно не влезали и запикивались под кровать — вот и настало наконец-то время разобрать завалы.

Поразмыслив, она забралась в самый дальний уголок самой дальней антресоли. Там, будто тайком от самой себя, она хранила купальник. Плавать Варя не умела и никогда не пробовала учиться — не в ванне же? На море не бывала, в речках не купалась, опасаясь пиявок, бассейн тоже не посещала, помня обо всех возможных заразных болезнях. Но теперь-то у нее под рукой есть целое озеро! И лето в Синегорье, говорят, на излете, остались последние бархатные теплые деньки — когда ж еще попробовать прелести пляжного отдыха? Конечно, она и не надеялась научиться плавать самостоятельно, но поплескаться-то где-нибудь за ширмой камышей на мелководье — вполне запросто.

Глава 14

Следующий день для Вари прошел почти так же, как предыдущий.

Утром она снова нашла на подоконнике букетик цветов, на этот раз, кажется, полевых. И корзиночку с местным аналогом розовой малины. И записку, где Снежен любезно просвещал ее касательно названий растений и напоминал, что клюква еще не созрела.

Зимослава опять до поздней ночи поглотили государственные дела. Зорька загорелась идеей очередного наряда и усадила за шитье всех не занятых служанок. Гостью тоже приглашала присоединиться к «развлечению», но та вежливо отказалась. Варя охотнее помогла бы с консервацией, однако новая партия фруктов-ягод-овощей пока еще не была собрана. Баба Вера руководила пересчетом припасов на зиму — соленья измерялись бочками в

человеческий рост, крупы и мука — мешками, овощи и зерно — амбарами и сусеками. Кухарки так и носились, подобрав юбки, боясь попасть суровой старушке под горячую руку. Мужики вообще попрятались, зная, что скоро получат разнос за недокупленную провизию. Гувернантка-компаньонка Росана в гордом одиночестве полола сорняки в оранжерее и регулярно прикладывалась к фляжечке, что держала в кармане под рукой. В общем, все были заняты своими заботами.

И Варя снова слонялась по поместью в компании кролика и зяблика.

Правда, на этот раз она уделила больше внимания линии берега — выискивала местечко, где можно было бы обновить купальник. В этом ей особенно помогал зяблик: меховым фырчащим клубком скатывался к кромке воды с кругого или не очень кругого склона и наглядно демонстрировал, способна ли будет Варя туда спуститься и оттуда подняться. И еще зяблик широкими когтистыми лапами взрывал для пробы грунт — ей-то хотелось пляж, пусть даже малюсенький, но с песочком, а не земляной или глиняный. Или покрытый сплошной тиной, брр!..

К ее радости, такой нашелся — и вполне даже просторный, правда, надо было довольно далеко уйти от башни.

Еще через день, ошалев от свободы и безделья, выспавшись за все предыдущие годы недосыпа, Варя проснулась с первыми лучами солнца.

И оказалась свидетельницей появления на подоконнике подарков. Ахать и тотчас вскакивать она не стала, поэтому удалось проследить весь процесс от начала до конца.

Этажом выше снова стукнули оконные ставни — похоже, этот звук и разбудил Варю.

А затем в верхней части окна показалась медленно ползущая вниз корзинка, внутри которой вверх ягод лежал новый букетик. Корзинку спускали на веревке с металлическим крючком.

Когда корзинка доползла до уровня подоконника и, слегка качнувшись, плетеным боком поскреблась о приоткрытую щелкой ставню, Финик, дрыхнувший у Вари под боком в растяжку, мгновенно проснулся — поднял ушастую голову, поглядел на окошко, потом оглянулся на Варю (та успела зажмуриться). Кролик встал, потянулся, бесшумно спрыгнул с кровати, пробежался по спальне, вскочил на подоконник — и головой боднул створку рамы, чтобы открыть окно пошире.

Корзинка только этого и ждала: она пару раз плавно качнулась на веревке, как маятник — и благополучно опустилась на подоконник. Финик, разумно поджидавший в сторонке, не желая ненароком схлопотать корзинкой по мордочке, тотчас подскочил к подарку и ловко отцепил крючок, выпихнул его наружу. Освобожденная веревка сразу же поползла обратно наверх, рывками, явно наматываемая на локоть.

В это время кролик «забодал» створку в первоначальное положение, после чего аккуратно выволок букетик из корзинки, вытащил и записку, подпихнув ее под плетеное донце. С чувством выполненного долга полакомился ягодами, умыл довольную мордочку лапкой — и припрыгал обратно в постель досыпать.

Варя едва нашла в себе силы не захихикать в голос. Стараясь замаскировать сдавленное прихрюкивание под храп, она подождала, пока кролик свернется клубочком и засопит. Лишь после этого изобразила пробуждение — и удивление по поводу сюрприза. Даже сунула недовольному белко-песцу корзиночку под нос, чтобы тот оценил аромат. На что Финик одарил хозяйку выразительным взглядом, в коем отчетливо читалось: «Рад за тебя, но свои ягоды ешь сама, а мне дай поспать!» Полюбовавшись на хмурую мордашку, Варя готова была аплодировать его актерскому мастерству. Она-то наивно полагала, что привередливому зверьку не нравятся сильно пахнущие ягоды, а оказалось, что он просто успевал попробовать их раньше нее!

И на раннюю прогулку к озеру Финик тоже не согласился, хотя Варя манила его заранее припасенными пирожками для пикника.

На пирожки соблазнился знакомый зяблик, крутившийся возле входа в башню, будто только и ждал, когда Варя выйдет. А может, и правда ее ждал. Своему верному сопровождающему Варя выдала половинку пирожка авансом, остальным пообещала поделиться потом, после купания. Медведе-манул всё понял — и потрусил на шаг впереди, ведя ее короткой дорогой напрямик к примеченному вчера пляжу.

Прогуляться по утреннему лесу было очень приятно — кругом пели птицы, мелкая живность занималась своими делами в кронах деревьев. На стволах или камнях в лучах солнца, растопырив слюдяные крылышки, грелись миниатюрные ящерки, блестящие, точно драгоценные брошки. Летали бабочки, стрекозы, жуки всякие, пахли цветы и душистые травы.

Выйдя на берег, Варя поставила корзинку с пирожками и свернутым полотенцем на траву, сбросила босоножки и прошлась босиком по рыхлому, чистенькому мелкому песочку. И тихонько завизжала от удовольствия — песок оказался теплым сверху и прохладным, чуть влажным внутри, стоило поглубже зарыться пальцами ног.

На ее восторженный писк зяблик оглянулся с недоумением. Окинул умным взглядом кошачьих глаз, сделал вывод, что опасности никакой нет — и потрусил к кустам, в свое удовольствие мышковать с нагло снующими бурундуками. Те и не подумали разбежаться — влезли на порывкивающую гору меха и взялись драть пух для утепления гнезд на зиму. Зяблик для вида поогрызался, помахал широкими лапами, словно впрямь собирался кого-

то ловить, а потом рухнул на землю, перевернулся на спину и подставил мелюзге пузо, чтобы вычесывали мелкими коготками.

На всякий случай поглядев по сторонам, не идет ли кто по берегу выше или нет ли поблизости на широком просторе озера лодок — Варя решительно выскользнула из платья, оставшись в бикини. Поежилась, чувствовать ветерок кожей всего тела было непривычно. Но зато и тепло солнца обласкало всю целиком. В конце концов, не перед зябликом же смущаться! — тот и не смотрит на нее, сам балдеет от массажа.

А вот вода оказалась прохладной, не успела еще согреться после ночи. Варя пискнула, зайдя по щиколотку, покрылась мурашками. Какое тут учиться плавать! Выбежала на песок обратно, попрыгала, поскакала — и снова влетела с визгом в воду... аж по колено. Дальше никак не смогла себя заставить. Но и так получалось замечательно плескаться на низко кружащих стрекоз, которые мгновенно взмывали на полметра выше, чтобы через секунду застрекотать сзади, целясь сесть на яркие плавки. Или можно было бродить по мелководью, разглядывая сквозь воду дно и играющих мальков...

На рыбок загляделась так, что не заметила, как на дальний конец пляжа выскочили двое зябликов. А следом за ними из-за деревьев прошествовал к воде сайгак. Снова вышагивал на своих забавных ходулях, широко растопырив крылья. Впрочем, в воду «обутым» заходить не стал — степенно снял «сандалии», лапой задвинул ходули под тень кустов. И только после этого, забавно переминаясь и всхрапывая, забрел в озеро.

Оглянувшаяся на фырчание и плеск Варя не сразу увидела из-за крыльев, что на спине громадного зверя восседает, без сбруи и седла, Зимослав. Похоже, сегодняшнее утро королевич решил посвятить своему косматому скакуну и вывел того на помывку. Сам Зим почти светился в ярких лучах солнца белоснежной кожей — голый по пояс, в коротких, обрезанных по колено штанах, босой, и сиреневые вихры гривы растрепаны еще больше обычного. У Вари аж сердце всколыхнулось от необузданного вида ее прекрасного принца.

Пока она ошарашено взирала на сие явление, ее успели заметить зяблики — принеслись с пыхтением через весь пляж, встали на кромке воды, разразились приветствующим громким фырканьем. Чем привлекли внимание Снежена.

— Варвара?

Сайгак радостно вскинулся, приблизился в два скачка, разбрызгивая воду во все стороны (заодно волной окатив зашипевших зябликов).

Зим, сжав колени, заставил зверя развернуться боком — и с изумлением окинул Варю взглядом, будто не узнал:

— Ты?..

— Ага, я. Привет! То есть, доброе утро.

Она с трудом подавила в себе желание прикрыться руками, напоминая самой себе, что в бикини ничего стыдного нет. Чтобы конечности не мешали демонстрировать фигуру, спрятала руки за спину. Подумаешь, ну есть у нее лишний жирок на талии — эка невидаль! Зато грудь и попа прилагаются правильных очертаний. Да еще и ноги не забыла побрить, вот как чуяла.

— Прости, что помешали, — пробормотал Зим, отвел глаза. Легонько ударил скакуна пяткой, чтобы разворачивался обратно. — Пожалуйста, считай, что я ничего не видел. Но впредь, прошу, устраивай купание, как полагается — с ширмами и в купальном наряде...

— А я в купальнике! — перебила его Варя.

Смело шагнула вперед, ухватила сайгака за длинную шерсть, чтобы не уходил.

— Такие вот купальники в моем мире, — продолжила она беззаботным тоном. — В них очень удобно плавать — ничего не мешает! Ну, так говорят. Сама-то я не умею... Ох!

Из-за того, что Друнь в любопытстве повернул голову и случайно толкнул ее рогом, Варя, не устояв на ногах, плюхнулась в воду и нырнула с головой.

Конечно, Зимослав тут же соскользнул с загривка скакуна и поспешил выловить нелепо тонущую на мелководье невесту.

— Я!.. не!.. ы-ы... не нарочно! Клянусь!.. — отплеываясь от воды, заголосила Варя.

И замолкла, осознав, что Зим держит ее на руках. И крепко прижимает к груди. Мокрой. Голой. Мускулистой.

Варя засуетилась, забарахталась, невнятно запросилась слезть с рук:

— Эм... Ну?.. Ы-ых...

Зим с сомнением поставил ее на ноги. Но от волнения подкосились коленки, и Варя снова очутилась у него в объятиях.

— Солнцем голову напекло, похоже.

— А?.. Э-э... Угу. Наверное.

Не в силах отвести взгляд, Варя зачарованно пялилась на посверкивающие на ярком солнце серьги. Те самые, что она сама выбрала, с золотистыми фианитами. Даже на прогулке с любимцем Снежен не забывал о

безопасности и носил при себе накопители.

— Вот, посиди в тени, отдохни.

— А?..

Варя и не заметила, что, пока она любовалась своим женихом, тот вынес ее из воды и посадил под кустиком.

— Что-нибудь хочешь?

— А?.. Нет, ничего, всё хорошо...

Варя рассеянно потянулась за замеченной неподалеку корзинкой, в которой было пляжное полотенце и сложенное платье. Зим, проследив ее взгляд, передвинул корзинку ближе. Варя робко взялась за полотенце, и из складок на землю выпал пластиковый флакон.

— Что это? — подобрал Зим, поглядел на яркую этикетку с непонятными письменами.

— Лосьон от загара. Или для загара... Или вместо... Ну, мазь, чтобы не обгореть на солнце.

Потеряв интерес, Зим вернул флакон в корзинку.

— А вы чем тут мажетесь, чтобы не обгорать? — решила продолжить разговор Варя.

— Это надо у Зорьки спрашивать, — пожал он плечами. Улыбнулся сконфуженно: — Я таким не пользуюсь, ничего тебе подсказать не смогу.

— Но как же так?! Ты же такой бледный, наверняка мигом сгораешь!

Он снова пожал плечами с легким недоумением на ее беспокойство.

— А кстати, в кого ты такой уродился? — озадачилась Варя. — Мама твоя обычная. Отец, если верить парадному портрету, тоже не белая поганка... Ох, прости, вырвалось! И Зорька не такая.

— Да я сам удивлялся, когда мелкий был, спрашивал деда, почему так. А дед отшучивался, мол, это оттого, что он когда-то в юности пытался изучать секреты магии шаманов Белых Гор и однажды, до женитьбы на бабушке, совратил одну снежную ведьму. Уж не знаю, правда это или нет. Да и как тут проверишь.

— О-о... — почтительно выдохнула Варя. — И как это, интересно, связь с любовницей могла сказаться на генетическом материале мужчины — спустя много лет и вообще через поколение? Чудеса!..

Впрочем, глядя на бледного, как вампир, жениха, в подобное семейное предание верилось очень даже легко.

Оставив ее отдыхать, Снежен вернулся к главной задаче своего утра: помывке сайгака. Тот воспринимал всё как игру и весело плескался крыльями, лапами и хвостом, окатывая хозяина тайфуном волн.

Варя загляделась, как оба резвятся, не давая друг другу спуска, хохоча, урча и радостно фыркая... И не обратила внимания на подсевших вплотную зябликов. Медведе-манулы мелко затряслись от едва слышного урчания, ткнулись с обеих сторон Варе в плечи и неприкрытые купальником бока влажными холодными носами — и принялись с упоением ее облизывать. А языки у них были самые настоящие кошачьи! Широкие, гибкие, покрытые ворсинками-крючочками — шершавые до умопомрачения!

Варя посидела, похихикала, попыталась отбиться, но отталкивать широкие усатые кайфующие морды оказалось бесполезно.

— Да что я вам так приглянулась-то? Не мазалась я валерьянкой!.. Ой, а вы не от лосьона забалдели, случайно?..

Оказалось да, от него самого. Третий зяблик носом перевернул корзинку, не тронул кулек с пирожками, зато флакон весь обмусолил, катая по земле и пуская слюни. Так Варя опытным путем выяснила, что на здешних кошаков запах ванили действует, как кошачья мята.

Долго пытки облизыванием она не выдержала — сбежала, понеслась к сайгаку и королевичу с воплем:

— А можно мне тоже с вами?!

Друня встретил ее возвращение плесканием крыльев по воде и приветственным всхрапом.

Зимослав пояснил добровольной помощнице, как и что мыть. И усилием воли заставил себя больше не отводить глаз, даже если яркие лоскутки, названные купальником, маячили перед самым носом. Он понимал, что его невеста пришла из иного мира и привыкла к иным правилам, изводить же ее незаслуженными упреками он не собирался. Тем более, Зим был в этом совершенно уверен, в подобном виде она никому постороннему себя не покажет. А он уж как-нибудь потерпит...

— Да уж, пахнет от тебя, Друнечка, как от мокрой курицы!

На бестактное замечание сайгак засмутился, попытался спрятать голову под крыло — но передумал и, смешливо фыркнув, пихнул обидчицу лбом под зад. Варя на этот раз не прозевала нападение, расхохоталась, ловко увернулась — и уцепилась за массивные рога, макнув морду в воду. Друнь расценил ее действия по-своему и подкинул нахальную барышню себе на загривок. Варя только взвизгнула и дрыгнула ногами в воздухе — сама не поняла, какой кульбит совершила и каким образом очутилась верхом на лохматой мокрой громадине.

— Слушай, а тебе его часто приходится вот так мыть?

— Обычно он в песке купается.

— В песке? А, поняла, как шиншиллы! Говорят, при густом мехе пыль неплохо впитывает сало с волосков.

— Но пока погода хорошая, почему бы не постирать этот стог шерсти.

— Ох, сушиться ему потом неделю! — со смехом ужаснулась Варя.

Потом сайгак час стоял неподвижно, жмурился и ловил распахнутыми крыльями солнечные лучи. Высыхал он на удивление быстро, длинная шерсть вставала торчком, и в целом после «стирки» скакун вид имел растерянный, смущенный и взъерошенный, чем очень напоминал своего хозяина. Варя любовалась на них обоих украдкой, хихикала — и потчевала пирожками, коими ее щедро снабдила баба Вера.

Теперь-то ей стала понятна эта внезапная щедрость — наверняка многоопытная старушенция просчитала заранее их случайную встречу, потому и выдала полную корзинку, якобы разрешая побаловать охранявшего ее зяблика. Впрочем, зяблики без угощения тоже не остались, чинно скушали по половинке пирожка и занялись взаимным вылизыванием, осуждающе косясь в сторону сайгака, что столь подло брызгал в их сторону водой.

К великому Вариному сожалению, идиллия безделья на природе не затянулась надолго.

— Тина улеглась, — проверил чистоту взбаламученной воды Зим. — Поплаваю, потом пойдем домой.

— Угу, — вздохнула Варя.

— Тебе тоже не помешает искупаться, если не хочешь пахнуть сайгаком, — ехидно заметил Зим. И подал ей руку, помогая встать с расстеленного на травке полотенца.

— А... О, фу! У-у, ты прав...

— Не бойся, я не позволю тебе утопиться.

Варя хмыкнула на это обещание: наоборот, от тесной близости с почти раздетым королевичем она вернее захлебнется! Слюной или озерной водой, уж как получится...

Но ничего, выжила кое-как. Позволила Зиме завести себя в воду по шею. При этом он держал ее за обе руки и безотрывно смотрел в глаза. Варя пылала не только щеками, но, казалось, всем телом, однако прохладная вода отрезвляла, а дно, норовящее уйти из-под ног, не позволяло забыться. В общем, семь холодных потов сошло с нее, пока она не вернулась на сушу...

Но рано обрадовалась — назад в поместье они поехали верхом на успевшем просохнуть сайгаке. И Зимослав любезно посадил невесту впереди себя, всю дорогу бережно обнимая за талию, чтобы не навернулась с эдакой-то высоты вниз головой. А она могла — очень хотелось от переизбытка чувств рухнуть в обморок.

Перед входом в башню спешили и отпустили Друню — самостоятельный зверь не нуждался в конюхах, чтобы те отводили его в стойло. Разумеется, Зимослав спрыгнул на землю первым и подхватил в заботливые объятия неуклюжую, как мешок поклажи, спутницу. И целую секунду Варя вновь ощущала себя хрупкой и слабой в его сильных руках...

Кажется, если бы она попросила, он бы не отказал и отнес бы ее вверх по лестнице до самых дверей спальни... Вспыхнув от такой мысли маковым цветом, Варя выскользнула из объятий и с топотом ринулась на свой этаж вперед хозяина башни.

Но оказалось, тот не сильно отстал. На пороге гостиной, прежде чем подняться к себе, Снежен задержал ее:

— Спасибо! Сегодняшнее утро было самым веселым за последние... хм, пожалуй, за последние десять лет точно так не веселился! Ты очень понравилась Друне.

— О, я польщена, — хихикнула Варя, потупившись.

— Если получится, давай на этой неделе прогуляемся в лес? Покажу тебе окрестности. Проверим, не поспела ли клюква.

— Прогуляемся? — переспросила она, распахнув глаза.

— Верховая прогулка, как сегодня — ты, я и Друнь. Зяблики и твой кролик, если захотят примкнуть.

— А... а ему не тяжело с двумя наездниками?

— Нисколько.

— Ну, тогда я не против...

— Прекрасно! — обрадовался Зимослав. — Я пока не знаю, когда у меня выдастся еще одно свободное утро. Но постараюсь предупредить тебя накануне вечером, хорошо?

— Чудесно, — промямлила Варя, тая от его улыбки.

Внутренний голос ехидно намекал, что несчастный правящий принц устал от забот и в ее лице всего лишь нашел предлог для отгула и побега на пикник. Но что в этом плохого? Они знакомы-то несколько дней, а уже отлично ладят. И зверюшкам его она пришлась по душе... и по вкусу.

Очнувшись от мечтаний, Варя поспешила в купальню. Пусть она ополоснулась после ласковых зябликов и мокрого сайгака в озере, но потом-то они опять на Друне ехали, и запах косматого скакуна сквозь платье впитался в кожу.

Плескаясь в просторной ванне, она не без удовлетворения отметила, что наверху тоже шумит вода. Впрямь, целый день управлять королевством, попахивая «мокрой курицей», было бы слишком мучительно для снежного принца.

Обещанной прогулки пришлось ждать почти неделю. Варя всё это время снова оказалась предоставлена сама себе. Но, признаться, жить на полном пансионе и маяться от скуки при чудесной летней погоде, на фоне прекрасной природы, да в поместье, где все готовы тебе услужить — это ли не блаженство? Если бы еще и Снежен вдруг бросил все дела государственной важности и упал бы на колени к ее ногам с признанием в любви, Варя уверилась бы, что сошла с ума и всё это ей мерещится в бреду. Но прекрасный принц временно был недостижим, из-за его отсутствия в блаженстве сиял значительный изъян, и сия «ложка дегтя» оставляла надежду, что Варя пока еще не тронулась рассудком, и это ей не снится.

Да, временами она сама себе не верила. Уходила порталом в родной мир. Долго сидела в тишине пустой квартиры и сверлила скептическим взглядом книжный шкаф. Задавалась мыслью: как это возможно? И почему произошло именно с нею?.. Спустя час к ней пробирался Финик и кусал за пальцы, требуя вернуться в башню.

К прогулке в лес Варя подготовилась основательно: заранее припасла костюмчик защитной расцветки, который ей когда-то подарил папа с расчетом на то, что дочурка составит компанию в дачных походах за грибами. Варе костюм ужасно понравился, особенно великое множество кармашков, пришитых даже на брючинах и рукавах. Но комаров и прочую кусачую живность она ужасно не любила, поэтому спец-одежда сохранилась в прекрасном состоянии, почти не ношенная и без пятен — в самый раз красоваться перед избранником. Еще Варя приготовила резиновые сапожки — ведь они шли смотреть на клюкву, а та, как известно, растет на болотах. Да и местность вокруг озера, должно быть, сырая. Ну и вдобавок по кармашкам распихала множество совершенно необходимых в походе вещей, от многопредметного складного ножа до одноразовых платков.

В назначенный день Зимослав рано утром постучал в дверь ее спальни:

— Варя? Ты готова?

Та накануне так разволновалась, что половину ночи проворочалась, полная душевного смятения, а вторую половину потратила на успокоительное чтение — и не нашла в себе сил закрыть книжку, пока не узнала, кто кого убил и кто за кого в итоге пошел замуж.

И вот сейчас от стука Варя резко вскинулась в постели. Почти не разлепляя глаз, хриплым бодрым голосом отозвалась:

— Готова! А к чему?

— К прогулке, конечно. Забыла?

— Ты что! Я помню! Сейчас, уже одеваюсь! Обуваюсь!

— Я подожду, — усмехнулся на ее наглое вранье Снежен.

Подхватившись с кровати, Варя заметалась по комнате, спешно заскочила в ванную... Спустя рекордный срок выскочила в гостиную, наряженная и даже слегка накрашенная.

Зимослав (он между тем успел собрать на столике скромный завтрак на двоих и от скуки соорудил на Вариной тарелке многослойный супер-сэндвич) поперхнулся глотком какао. Отставил чашечку, вытер губы салфеткой. И, плюнув на этикет, указал пальцем:

— Что это?

Варя сдернула с головы широкополую шляпу, снабженную черной сеткой, закрывающей голову, лицо и шею.

— Шляпа. От кровососущих насекомых.

— Здесь такие не водятся. Оставь, это не нужно.

— Как это не водятся? Везде водятся, а у вас нет? Не поверю!

— Я давно так решил, поэтому у нас в округе никаких кусающихся или жалящих насекомых нет.

Варя скептически пожала плечами, но шляпу послушно поменяла на пятнистую кепку.

— Думаю, в этой обуви тебе будет жарко, — указал Зим на резиновые сапожки. В отличие от зеленой гаммы одежды, сапожки сияли кислотно-розовым цветочным узором.

— Но ведь ты поведешь меня смотреть на клюкву! В болото!

— В болото? — Королевича аж слегка передернуло. — Нет, я не хочу в болото... Ты очень хочешь там побывать? — с тоской во взоре уточнил он.

— Но клюква... — промямлила Варя, которая тоже не горела желанием прыгать по кочкам.

— Будет тебе клюква, — снисходительно улыбнулся Снежен. Махнул рукой, будто отгоняя муху: — Пойди переобуйся. Быстренько.

И вернулся к недопитому какао.

Варя на миг задержалась на пороге спальни, оглянулась: сидящий в изящном кресле принц, аккуратно расправляющийся ножом и вилкой с сэндвичем с паштетом, одетый в облегающий жакет из темной шелковистой ткани с едва заметным узором серебряной нитью, блистающий множеством амулетов... Не верилось, что с этим потомственным аристократом она отправится гулять по лесной чаще.

Варя отринула сомнения и послушно надела кроссовки.

Однако на этом не закончили. Усадив безалаберную спутницу завтракать — хотя от пристального внимания ей кусок в горло не лез — Зимослав бдительно провел ревизию некоторых ее карманов, особенно заметно оттопыривающихся.

— Что это?

— Спички в непромокаемом фуляре. Вдруг придется заночевать и нечем будет разжечь костер.

— Я разожгу костер щелчком пальцев, даже будучи истощенным до полуобморока. Уверен, ты тоже легко справишься с этой задачей. А это что?

— Антимоскитный спрей. Ну, то есть от комаров.

— Повторяю: здесь нет назойливых насекомых. Ведь ты сама это заметила? Выходила же к озеру, гуляла по поместью до самого вечера, не закрываешь окно на ночь...

Он осекся под ее насмешливо-вопросительным взглядом. Ежедневные утренние презенты они пока еще не обсуждали.

— Это вот что такое?

— Ракетница.

— Для фейерверка? Ты хочешь что-то отпраздновать?

— Нет, это для подачи сигнала. Если мы заблудимся, я выстрелю, и по дыму и висящему в небе огоньку нас обнаружат.

— Варя, дорогая, я не собираюсь вести тебя до Белых Гор. А здешний лес я знаю как свои пять пальцев. Уверяю тебя, мы не заблудимся.

— Ты, может, и нет. А за себя я ручаться не могу.

— Тебя я не отпущу от себя ни на шаг.

— Ой, а если мне в кустики приспичит? Как же быть тогда?

Зимослав прикусил губу, чтобы не зарычать от ее упрямства. Махнул рукой и вышел, бросив на ходу:

— Как знаешь! Доедай, подожду тебя внизу.

— Уже бегу!

— Нет, не бежишь, а спокойно ешь!

— Угу-угу.

Варя с облегчением отложила вилку, ибо супер-сэндвич доедала бы еще полдня. Вскочила с места, дохлюпала какао, пританцовывая у стола в нетерпении. А ракетницу сунула обратно в карман.

Когда она спустилась, Огнеяр уже подвел снаряженного Друню к крыльцу. На заливке драконо-зубра красовалось седло — двухместное. Причем комфортабельное даже на вид, основательно разделенное высокими луками, чтобы двое наездников друг другу не мешали. То есть, напрасно Варя не спала ночь, предвкушая, как Снежен снова будет бережно обнимать ее за талию. При такой посадке он сможет придержать ее за плечо, но никак не прижать к себе всем трепещущим от смущения девичьим телом.

Сразу испортилось настроение, и без того не радужное после недосыпа и отчитываний за лишнее барахло.

— Хочешь сесть впереди или сзади? — любезно предложил выбор Зимослав, подцепляя к сбруе сайгака переданную от бабы Веры сумку с провизией для пикника.

— Сзади, — буркнула Варя.

— Ну и правильно, так тебе не придется следить за низкими ветками.

Одно хоть приятно — Зим никому другому не доверил посадить невесту в седло. От его прикосновений, от ощущения сильных и даже в какой-то мере властных рук на своих ребрах по Варе еще долго бегали мурашки...

Сайгак не изменил привычкам и гулять отправился в «сандалиях». Из-за длины лап и ходулей шаги у него получались поистине широкими, при этом он не особо спешил. В седле Варю не трясло, а приятно покачивало. Зимослав, когда тропинка ныряла под деревья, заботливо отводил ветки, и Варя за его спиной чувствовала себя почти принцессой. К тому же он постоянно говорил с нею, позволяя отмалчиваться в ответ. Рассказывал о местности, о хозяйстве поместья: о том, в какой роще какие грибы в какой сезон растут, где деревенская молодежь собирает ягоды, а где устраивает гуляния на праздники, на каких лугах мужики косят лучшее сено, а вот там подальше, за теми полями, есть море душистого клевера, туда выгоняют пастись коров и коз, и вот там-то полно медоносных жуков, которые запросто могут ужалить неосторожного человека...

При этом он, на своем сайгаке продираясь иной раз сквозь чащу, как танк, умудрялся сохранять камзол в идеальной чистоте — ни хвоинки на нем не повисло, ни паутинки не прилипло!

...Местная клюква оказалась развесистой. Варе предъявили невысокое кустистое дерево с узловатым толстым стволом. С резными листьями, почти как у клена. И с ягодами, собранными в кисточки, как у смородины, но размером с мелкую сливу. Варя не послушалась предостережения и сорвала одну, раскусила — кисло, горько! В общем, совершенно невкусно.

— Говорю же, не созрела пока, — бубнил Зимослав. — Видишь, еще много зеленых. Надо ждать месяц, а то и дольше. В южных землях скорее поспеет, но ее там мало растет. Привезут, конечно, в Грозовградск на базаре торговать, но она будет дорогая, вялая и помятая. А вот наша будет вкусная, но только после первых заморозков, тогда из ягод горчинка уйдет...

— Ладно, уговорил, подожду, — смилостивилась Варя.

Окинула удовлетворенным взглядом рощицу — заросли одной лишь клюквы! И никакого болота.

— А Грозовградск — это где?

— Да там, на другой стороне озера, — небрежно пояснил Снежен. — Городок вокруг дворцовой площади.

— Ваша столица? — поняла Варя, застыдилась. — Ой, а я и не знала, что она так называется. Извини пожалуйста!

Королевич ответил многозначительной ухмылкой:

— И это моя будущая королева? Разгуливает в пятнистых штанах, рвется в болота... И ладно, если хоть в штанах! — Он присовокупил тяжкий вздох, явно намекая на бикини.

Варино лицо залилось клюквенной краской негодования:

— Ну, знаешь!.. Я... Мне... Мне нужно в кусты! Не смей подсматривать!

Выпалила и пошагала прочь.

— Не задерживайся! Иначе пойду искать, — крикнул ей вслед Зим. — Потом спустимся к ручью помыть руки и устроим завтрак на траве. Здесь рядом есть очаровательное местечко с видом на холмы...

Дошагав до намеченной гряды густой синеватой зелени, Варя остановилась и задумалась: и чего она вдруг взъелась? Из-за двойного седла? Мало ли с кем раньше катался Снежен! Наверняка Зорьку выгуливал вот точно так, как сейчас ее. Или со своими парнями куда-нибудь в походы или на войну ходил. Вовсе не обязательно ему было устраивать верховые прогулки ради свиданий с барышнями! Тем более Друня не всякую к себе подпустит... Варя очень хотелось на это надеяться. Но перед глазами невольно рисовалась картинка, как королевич приглашает покататься какую-нибудь профурсетку, так же поддерживает ее, ухаживает... Тьфу! Аж подумать противно! А ведь наверняка у него кто-нибудь был до нее, парень-то он взрослый, видный, с положением!..

От ревнивых размышлений на глаза сами собой навернулись слезы. И потому Варя не сразу заметила, что неподалеку шевелятся кусты.

Обернулась на приближающийся шорох, в испуге сморгнула слезы...

Завизжала что было духу. Выхватила из кармана ракетницу — и бабахнула в воздух. Даже в шоке она не собиралась никого калечить, лишь бы отпугнуть громом выстрела и вспышкой. Чуть сама не оглохла.

Где-то над головой ракета ударилась в ствол, срикошетила на землю. Яркий огонь зашипел, засверкал среди палой листвы, сыпля искрами...

И похоже, именно эта ослепительная цветная вспышка, а не грохот выстрела, отпугнула неведомое существо, которое едва не набросилось на Варю.

Снова шорох кустов, белесое пятно метнулось прочь — таким Варя увидела сквозь брызнувшие слезы сбежавшего странного человека.

И треск веток с другой стороны — Зимослав и Друня неслись на помощь.

— Что? Ты цела? Что тут было?

Зим схватил ее в охапку, осмотрел, потряс, чтобы обратила на него внимание, не дождался внятного ответа, прижал, плачущую, к себе, обнял.

Сайгак прошелся по полянке, брезгливо понюхал потухшую ракету, затем нашел след — презрительно фыркнул, топнул ходулей, мотнул хозяину головой, всхрапнул, предлагая скакать в погоню. Но Снежен покачал головой, и рассерженный сайгак разочарованно вздохнул.

— Кто это был? — мрачно спросил Зим.

— В-высокий такой... страшный... — с трудом справилась с трясущимися губами и непослушным языком Варя. Уткнулась лбом ему в грудь, несмело обняла за пояс. — В белом мехе, как йети... Ну, то есть, снежный человек. Худой, руки длинные, как у обезьяны, до колен. На поясе какое-то оружие... Прости, я толком не разглядела... не успела, не заметила его за кустами. У него такая физиономия жуткая! Глазищи, как у прищельца! И зубы острые. Смотрит на меня и щерится, будто я таракан, из мусорки вылезший!.. У-у!.. Я чуть не описала-ась!..

— Всё обошлось, не реви. Я поэтому и просил не отходить от меня... Но ты молодец, сама справилась! Не растерялась. Яркого света они очень не любят. Это белогорец был, они иногда подсылают к нам лазутчиков, граница-то близко. Но раньше только зимой появлялись. Совсем обнаглели!..

Он ругался сквозь зубы и гладил ее по голове. А Варя затихла — и тихонько злилась на себя: вот же, оказывается, надо было в этого йети-шпиона стрелять, а не в воздух! В упор бы не промахнулась, отдала бы королевичу трофей. А теперь Зима отпускать не хочется. Он ведь, как только поймет, что она истерику закатывать раздумала, посадит ее на Друню и отправит домой в башню. А сам наверняка пойдет шпиона выслеживать...

Получилось и так, и не совсем так. Забыв о пикнике (всё равно оба аппетит надолго потеряли) вместе доехали до поместья. Там Зимослав передал Варю Росане, как самой опытной и ответственной. Сам же собрал местных мужиков из персонала и охраны, объяснил ситуацию, потребовал повысить бдительность. Затем что-то долго обсуждал с Огнеяром. Там и Венцемир прилетел — первым делом заглянул к Варе, убедился, что она жива-здорова и пышет праведным гневом на обидчика, посмеявшегося напугать ее до соплей и сорвать долгожданный пикник. С Венцемиром Зимослав унесся в неизвестном направлении, не слушая сетования бабы Веры, что и не позавтракали толком из-за супостата, и обедать отказался — как в эдаком голодном состоянии к войне готовиться?

— У вас всегда так... не скучно? — сердито уточнила Варя.

— Да постоянно, — дернула плечом Росана. — Зимой вообще чая попить бывает некогда. Что, передумала замуж выходить?

— Не дождетесь! Дайте срок, научусь управлять магией — у меня эти йети дань платить станут!

Она решительно погрозила кулаком в сторону окошка.

Глава 15

Несмотря на происшествие с лазутчиком, жизнь в Жуковом Улье продолжалась привычным чередом. Все занимались своими делами. Зимослав целыми днями пропадал невесть где, иногда даже ночевать не возвращался. Варя помирала от скуки.

От безделья она взялась за учебу. Всё-таки не овладеть толком магическим даром, раз уж оный у нее пробудился, было бы слишком расточительно. К тому же больше не хотелось ощущать себя беспомощной как в бытовом плане, так и в вопросе безопасности.

Для самостоятельных занятий у нее имелся конспект, надиктованный Алоясом Вихрем. В торопливых накарябанных записях нашлось много полезного и интересного, если не считать уймы занудных упражнений, необходимых начинающим магам, как гаммы будущим музыкантам. В кое-какие общеизвестные чародейские премудрости ее охотно посвятила Зореслава. Потом и Росана присоединилась к посиделкам, не утерпела — выиграла-таки жилка многоопытной гувернантки.

Еще Варя решила научиться готовить без привычной бытовой техники, для чего втерлась в доверие в бабе Вере и проникла на кухню не только в качестве потребительницы еды. Старушенция не отказала в помощи — проявила себя строгой, придирчивой наставницей.

— Вот помру! — грозилась королевская кормилица, потрясая черпаком, — тогда ответственность за здоровье государя ляжет на твои плечи! Здоровье зиждется на пище телесной и спокойствии душевном. Кто, как не жена, обязана бдительно следить и за тем, и за другим?

Варя не перечила, старательно запоминала рецепты и хитрости. Хотя исподволь не забывала толкать просветительские речи о пользе сырых овощей в целом и клетчатки в частности, так как считала, что в меню имелся очень уж явный перекося в сторону мучного и жареного. Впрочем, сама же познакомила кухарок с феноменом пельменей и с блюдами из лапши.

А однажды приволокла из своего мира корзину яблок и пакеты с замороженной клюквой — и испекла парочку огромных пирогов. На один внушительный ароматный кусок самолично выловила-таки Огнеяра. (Потом еще пару раз успешно «прикармливала» с рук, так что парень больше от нее не шарахался почему зря, хотя и сильно разговорчивее тоже не стал). Другой же кусок отложила заработавшемуся Зимославу в качестве позднего ужина, сопроводив запиской, что это за ягода такая. (И пусть над запиской из нескольких слов пришлось помучаться, а потом пережить смущающий момент, когда попросила Огнеяра проверить ошибки, но всё-таки для Вари и это тоже стало своего рода достижением).

Вот только успехами в романтическом плане она похвастаться не могла, к великому своему огорчению.

Да, Зимослав не сидел дома. Но! Даже короткие встречи Варя старалась использовать с пользой. Вернее, с корыстным интересом.

Каждый день королевич заходил в ее гостиную, чтобы забрать заряженные накопители из шкатулочки, специально для этого поставленной на подоконнике, и положить амулеты опустошенные — такой вот круговорот камушков получался. Если ему приходилось отправляться по делам очень ранним утром, Зим крался на цыпочках, чтобы не разбудить невесту. Но всё чаще Варя успевала подловить его — и встречала то в сорочках или пеньюарах, как будто только спрыгнула с кровати, то в «домашних» нарядах, принесенных из своего мира. И, сказать честно, поначалу шортики и маечки, пижамки из тонкого трикотажа или юбки выше колена заставляли королевича замирать на мгновение, хмуриться, смущаться. Но очень быстро он привык к эпатажным привычкам своей невинно хлопающей ресницами суженой и перестал краснеть, нервно дергать бровью и запинаться. Определенно, правящий принц отличался профессиональной выдержкой.

Утренними провокационными приветствиями Варя, понятно, не ограничивалась. По вечерам она поджидала жениха, расположившись в своей гостиной с книжкой, ноутбуком или смартфоном — и оставив дверь на лестницу открытой. По привычке Зим сперва поднимался к себе, чтобы помыться-переодеться, затем либо отправлялся

ужинать к бабе Вере, если было не слишком поздно, либо вызывал Огнеяра, чтобы тот принес ужин в комнаты. Теперь же в первую очередь ему приходилось заворачивать на Варин этаж, ибо проигнорировать ее самоотверженные бдения было бы крайне невежливо. А потом или они вместе под руку отправлялись ужинать — или оставались здесь же, в уютной гостиной, и разделяли полуночную трапезу только на двоих. (В определенный час Варя сама накрывала стол, чему Огнеяр был только рад, ведь ему больше не приходилось бегать по этажам среди ночи). В последнем случае Варя повторяла маневр с причудами в нарядах, чередуя пенные кружева с обтягивающими джинсами и с парадными платьями, якобы примеренными от скуки просто так, чтобы моль в сундуках не завелась. Зимослав старательно прятал усмешку, ибо актриса из Вари была никакая.

Но он не жаловался на ограниченный ее вкусом выбор блюд и безропотно поглощал Варину стряпню, неизменно расхваливая старания и подмечая успехи вроде не подгоревших котлет или в меру подсоленного рагу. Часто и сам приносил пирожные из столичной кондитерской. Иногда, по настроению, добавлял на десерт густой ликер или ароматную наливку из бездонных дедовых кладовых — не выпивки ради, а лишь по рюмке к чаю в качестве «жидких конфет». (Едва початую бутылку Варя потом «забывала» у Росаны или на кухне, ибо Зим ценил разнообразие вкусов и через несколько вечеров в любом случае откупоривал следующую).

За столом они беседовали, много и о пустяках — Варя рассказывала о своем прошедшем дне и успехах в чародействе. Он жаловался на деятельных министров, эгоистичных придворных и жадных лендлордов. Давал неплохие советы касательно колдовства, если, конечно не увлекался чересчур объяснением теории, тогда Варя переставала слушать, а просто любовалась и кивала.

В ответ на ее наряды Снежен тоже стал позволять себе вольности в одежде — спускаясь к ужину, забывал надеть камзол, потом и жилеты ушли в отставку вместе с крахмальными шарфами и шейными платками. Свободная рубашка с незастегнутым воротом или просторный сероватый блузон крупной вязки вкупе с домашними мягкими штанами и стоптанными тапками-сапожками сводили Варю с ума, настолько велик был контраст с королевичем утренним, чопорным и изящным, застегнутым на все пуговицы. А еще ее в жар бросало от вида влажных после ванны сиреневых вихров — как они начинали трогательно пушиться, высыхая...

И всё равно ежедневных свиданий Варе было мало.

Всё чаще ее посещала мысль, что пересечь френд-зону в их отношениях будет очень и очень трудно — Снежуну, похоже, всё нравилось, как есть. А ей самой схватить его за уши и поцеловать от всей души — не хватит духа даже после бутылки ликера. Каким-то образом ему удавалось и зачаровать ее, и заморозить одной улыбкой...

— ...Открыть бы портал вроде этого да и выпнуть белогорцев куда подальше, — сердито проворчал Огнеяр Тихун, хмуро взирая на дыру в воздухе. Та разевала свою пасть всё шире, расплываясь просторными воротами.

— Нельзя, — назидательным тоном отозвался Будигор. — Они живут на своей земле, нет у нас права лишать их исконного дома.

— А чего тогда к нам постоянно лезут? Надоели, — буркнул Тихун. Сорвал колосок травы, принялся обдирать.

Парни сидели на пригорке, на почтительном расстоянии от стихийного прорыва пространства. Зимослав запаздывал — министры, видать, вцепились клещами. Но ничего, в этот раз промедление не страшно: дыру Тихун почуял заблаговременно, так что открылась она практически у них на глазах, расширялась сравнительно медленно, пространство не пыталось вывернуться противно законам материи. Оттуда лезли только мелкие панцирные зверюшки — настороженно выглядывали в здешний мир, принюхивались, пугались громкого Белокарасовского «Кыш отсюда!» — и сигналы обратно восвояси. Лишенные магической ауры, нездешние тварюшки и не ушли бы далеко, ограждающее кольцо, поставленное Огнеяром, не позволило бы им разбежаться по округе. Вот бы все стихийные дыры им такие же попадались пустяковые!

Одно не давало Алоясу покоя: тамошние звери оказались незрячими — слишком жестокое солнце сияло в том мире. Даже те лучи, что проливались на здешнюю почву, в короткое время спалили траву до желтой трухи, очертив полукруг «порога». Похоже, в том мире выживали лишь растения с толстой кожурой, а звери защищались костяными щитками.

Вихрь подошел к расплывчатым краям, вытянул руку, пробуя атмосферу на той стороне. И быстро отдернул — кожа покраснела, зачесалась.

— Венцемир, захватил мазь от ожогов?

— Разумеется. И перчатки, и шлем с забралом из черного стекла. Пузырь с воздухом не требуется, я так понимаю.

— ...Вот в такую бы палящую пустыню да всех белогорцев, — не унимался Огнеяр.

— Ты сам знаешь, Великая Мать посчитала бы это убийством и сурово тебя покарала бы за преступление против чужой жизни, — покачал головой Будигор.

— А им нас убивать можно! — взвился Тихун. Только тема мести могла заставить молчаливого парня

повысить голос. — Наши военные колдуны способны лишь держать защиту. Если кто попробует с помощью дара убить врага — он окажется проклят. Это несправедливо! Белогорские ведуны несут смерть нашим воинам, а мы не можем им ответить тем же!

— У нас есть солдаты, которым не нужны чары, чтобы оказать достойный отпор, — сказал Будигор. — Нашим магам нет необходимости очернять свой дар.

— Белогорцы верят в других богов. И магия у них иная, — напомнил подошедший к ним Вран. — И в этом есть хорошая сторона — им не нужна энергия, которой подпитываются наши чародеи. Нашим не подходят вибрации, необходимые их шаманам. Даже в отношении колдовства мы абсолютно различны. Если когда-нибудь удастся понять, что же они ищут на наших землях, мы легко сможем заключить мирное соглашение, ведь по сути нам с ними совершенно нечего делить.

— Напомни им об этом, когда они явятся нынче зимой, — проворчал Огнеяр.

— Против нас настроены лишь некоторые кланы, — терпеливо втолковывал младшему товарищу Будигор. — И то внутри семей нет согласия, иначе к нашим границам явилось бы такая армия, что нам пришлось бы звать на помощь Белозорье и Вольнополье вместе взятые. Только кажется, будто на суровых склонах с трудом выживают крошечные деревеньки — на самом деле белогорцев много, очень много...

— Да-да, я слышал байки о подгорных городах, — перебил Огнеяр.

— Это не байки, — присоединился к разговору вышедший из собственного портала Зимослав. — Дед Грозврат бывал в гостях у подземной белой королевы... Венцемир, вижу, объявил вам о ситуации?

— Нет, еще не успел, — повинился капитан королевских рыцарей. — Это мы просто от скуки языками чешем.

— Ты принес плохие новости, полагаю? — нахмурился Вран.

— Не особо плохие, но и не слишком приятные, — кивнул Снежен, огляделся, оценивая обстановку. — Но сперва давайте управимся с дырой.

Парни заговорили наперебой, торопясь коротко и емко объяснить особенности сегодняшнего стихийного разрыва и мира по ту сторону.

— Хорошо, согласен, давайте вашу мазь. И шлем давайте...

— Позволь мне пойти вместо тебя! — взволнованно вызвался Огнеяр, заставив старших замолкнуть.

Алояс покачал головой:

— Лучше пойти мне. Дыра не велика, моих сил хватит. А от тамошнего солнца Зим точно получит чесотку.

— Венцемир вылечит, — легкомысленно отмахнулся Снежен. Обернулся к помощнику, взглянул в умоляющие глаза. Покровительственно потрепал парнишку по вихрам: — Не в этот раз. У тебя есть свои обязанности, ими и занимайся.

— Дай мне попробовать! Я же не прошу невозможного — эта дыра закроется просто, я справлюсь!

— Попробуешь в свое время, — отрезал Снежен. — Когда я однажды застряну в чужом мире, как мой отец, тогда ты и займешь мое место. А пока я буду выполнять мой долг, а вы — меня поддерживать. Так что извольте начинать, господа!

Королевича ждать не заставили, все приготовления были завершены до его прихода.

Вран задействовал амулеты, заряженные подругой Вихря, так он мог направлять остальных членов их маленькой команды. Алояс сосредоточился на той стороне прорыва, расчистил пяточок пространства, чтобы никто не навредил и не помешал Зимославу, шагнувшему в стихийный портал. Огнеяр, обиженный недоверием, продолжил следить за огражденным периметром по эту сторону. Будигор занялся самой дырой — занудный процесс тщательной «штопки» у замказначая выходил лучше всего. Венцемир оставался пока что не у дел.

— ...Будигор, стягивай сильнее! Снежен, не торопись, — командовал Белокрыс, благодаря амулетам чувствуя все тончайшие нити переплетающихся в единый узор чар. — Огнеяр, помеха слева!

— Просто птичка, — буркнул Тихун, заставляя пичугу свернуть с пути.

— Если она влетит в закрывающийся проход, полетишь за ней следом. Это чужой мир! наших птичек, жуков и таракашек там не ждут.

— Сам знаю!

— Алояс!

— Братец, не кричи, я всё прекрасно вижу. Зим, ты как там? Не спекся еще?

— Тут правда жарковато. Прореха пустычная, я почти закончил.

Голос королевича донесся глухо — из-за шлема, закрывающего лицо, и из-за увеличивающегося расстояния между отдаляющимися мирами. Портал постепенно превращался в длинный коридор — в нору с зыбкими стенками, по которым пробегали волны-судороги.

— Будигор? — поторопил Вран замказначая.

— Еще чуть-чуть... — пробормотал тот, накладывая завершающие «стежки» в «штопке». — Еще немножко... Венцемир! Ал! Вытаскивайте его высочество.

— Зим, закончил?

— Да. Начинаю стягивать.

— Закрываю! — подхватил Будигор.

— Ловлю-ловлю! — шутливо воскликнул Венцемир, по пояс высунувшись в плавно сужающийся портал и протянув руки. — Да вы дымитесь от усердия, ваше высочество!

Зимослав, запустив чары со своей стороны, успел прыгнуть в сужающуюся дыру — и, пролетев невесть сколько расстояния, ибо между мирами не существовало понятия длины — ухватился за Венцемира.

— Отпускаю, — сообщил Алояс, прежде чем дыра на той стороне окончательно затянулась.

«Коридор» между мирами, потеряв вторую точку, стал стремительно укорачиваться. Дыра на этой стороне сделалась узкая, что чердачное оконце, обхватив Венцемира за пояс — отчего тот выразительно задрогал ногой, ибо наорать на приятелей, чтобы поторопились, не смог бы при всём желании.

— Будигор, не спеши! — одернул Вран.

— Да держу я, держу, — с натугой отозвался тот.

— Я помогу, — подскочил Огнеяр, перебрасывая Врану ставшую почти ненужной сеть чар, следящих за окружающим пространством.

Двоем они затормозили стягивание и, более того, сумели чуть растянуть проход обратно, не нарушив заклятий.

Вихрь и Вран подросли на помощь — и, вцепившись в Венцемира, вытащили обоих. Портал глухо выдохнул, выпустив пузырь воздуха — и закрылся. Лишь сожженная нездешним солнцем трава осталась в напоминание.

Все без сил плюхнулись на землю. Только Зимослав, высвободившись из крепких объятий личного лекаря, тотчас вскочил на ноги, зашипев. И принялся с неловкостью избавляться от перчаток и от шлема.

— На этот раз было проще простого! — объявил Огнеяр.

— Да, с предыдущими воинственными демонами не сравнить, — согласился Вран.

Венцемир помог королевичу снять шлем — и нахмурился, всматриваясь в покрасневшее лицо и нездорово слезящиеся глаза.

— Что видишь? — спросил лекарь, помахав перед ним двумя растопыренными пальцами. Зим даже не моргнул.

— Вспышки, — вздохнул он, сдаваясь без препирательств. — Больше ничего. Я ослеп?

— Не совсем, но близок к тому. Парни, откройте-ка нам портал.

— В Грозовградск, к тебе в лечебницу?

— Или к Чуrolлоту?

— Только не к нему, — взмолился Зим.

— Ну, значит, будешь терпеть мою методику, — без веселья хмыкнул Венцемир.

— Я с вами, — решил Алояс.

— Да-да, присмотри, чтобы этот коновал не угробил нам правителя, — вставил Будигор. — Нам еще с белогорцами воевать, а зимние звезды я вешать не умею.

— Не говори ничего о звездах, — простонал Снежен. Потянулся потереть припухшие веки, за что получил от личного лекаря шлепок по руке.

Помрачневшего Врана и распереживавшегося Огнеяра замказначей отправил по домам также через порталы.

Варя очень удивилась, когда Зимослав поскребся к ней в спальню среди бела дня.

— Варя, накопители не заряжены...

— Прости, я собиралась после обеда ими заняться! Если тебе срочно, я сейчас...

Она торопливо вскочила с кровати, где среди одеял играла с Фиником в кошки-мышки, и бросилась открывать дверь.

И остановилась на пороге буквально с отвисшей челюстью.

Принц предстал перед нею в таком виде, что и во сне привидеться не могло: глаза покрасневшие, будто полдня рыдал, нос припух и шмыгает, губы растрескавшиеся. Лицо поделено на красную и белую половины, словно он катался на лыжах в большущих очках и умудрился то ли сгореть, то ли отшлифовать щеки льдом. Но главное — пришлепал босиком. В одних коротких подштанниках. Без обычных многочисленных цепочек-браслетов и тому подобного. Замотавшись в одеяло такое страшное, что приличная моль побрезгует: от разноцветных заплат и штопки живого места нет, а между ними — дыры, протертые и прожженные.

— А-а... — протянула Варя.

— М-м? — Зим поднял на нее мутноватые глаза.

— Надеюсь, Венцемир тебя уже видел?

— Угу.

— Очевидно, ты не в солярии так обгорел...

— Что?

— Я... могу тебе чем-то помочь?

— Угу. Накопители, ты не могла бы...

Придерживая одеяло одной рукой, он протянул ей в горсти оба комплекта фианитов. Все камни были опустошены до капли. А кожа на руках алела пятнами. На запястьях вовсе белели мелкие волдыри.

Варя рассеянно угукнула, камушки забрала.

— А почему ты в этом? — не удержалась, спросила.

Зимослав смущенно шмыгнул носом:

— Зато мягкое.

Варя пощупала краешек одеяла. При жутком виде пуховая ткань впрямь оказалась нежной. Впрочем, не настолько, чтобы мириться с заплатами.

— Оно у тебя с детства, что ли? Дорого, как память?

— Да нет, просто нравится. Принесешь, как зарядишь? — пробормотал он, собираясь уйти.

— Погоди-ка! — осенило Варю.

Бросив камушки на тумбочку у кровати, она схватила с постели плед, при этом стряхнув кролика на подушки — и решительно развернулась к жениху.

— Вот! А этому определенно пора в стирку! И в починку. А лучше отдай в крольчатник на подстилку.

Она лихо содрала с него, болезненно ойкнувшего, безобразное старье — и закутала в свой подарок, пушистый, яркий, с китайскими тиграми.

— М-м, приятный, — оценил Зим, потершись щекой о шелковистый ворс. — Как мех у зябликов после линьки.

— Ты... пьян? — в лоб поинтересовалась Варя.

— Не сказал бы, — пожал он плечами, и от этого движения поморщился, коротко зашипел сквозь зубы. Закутался осторожнее. — Венцемир опоил своими зельями. Велел лечь спать, а как тут ляжешь, если всё горит... И Огнеяр где-то шляется...

Расстроенный и больной, королевич пошлепал к себе, двигаясь осторожно, будто его неплохо штормило.

— А почему Венцемир тебя не долечил-то? — спросила вослед Варя.

Снежен хотел было ответить, но подумал и счел за лучшее уйти молча. Его личный лекарь и по совместительству капитан королевских рыцарей, вернув зрение обожженным глазам, в полуобмороке от усталости упал на руки караулившего Вихря. Чем Снежен тотчас воспользовался — собрал оставшиеся силы, открыл портал и сбежал домой.

И нет, совесть его нисколько не мучила — у Венцемира имелся завидный запас накопителей и амулетов на все случаи жизни. Если бы Зим остался в его владениях, приятель, восстановившись в считанные минуты, принялся бы проводить над ним всяческие опыты, пользуясь временной беспомощностью. Он давненько намекал на разнообразные экспериментаторские пытки, под маской рыцаря-шута скрывая кровожадную натуру врачановатора. Одурманенный зельями, без накопителей, Снежен не смог бы сопротивляться — и кто знает, когда бы он оттуда выбрался!.. На Алояса надежды не было, этот не станет спасать, а с удовольствием присоединится к кровопусканиям и прочим забавам ученого изверга, твердя о пользе для самой жертвы.

Пусть лечит себя Зимослав умел скверно, но именно с чесоткой и сыпью он знаком с детства, и никто, даже дед Грозоврат, был не в силах ему помочь, так что пришлось научиться применять кое-какие хитрости. Главное, чтобы Огнеяр явился побыстрее и чуточку помог настроиться...

...Варя мысленно велела себе успокоиться. На совесть зарядила амулеты, выплеснув туда излишек всколыхнувшейся энергии. Затем отыскала в шкафу большой банный халат — и тщательно пощупала, лишний раз удостоверившись, что ткань именно такая бархатистая, как она помнит. Затем перерыла аптечку в поисках геля от ожогов. Это средство она уже испытывала на Зиме, когда он неудачно поколдовал в ее квартире, тогда раздражение снялось в считанные минуты. Конечно, такой бледной поганке заработать проблемы с кожей пара пустяков!

Вооружившись тубиком и прихватив камушки и халат, Варя решительно поднялась этажом выше. И на пороге поняла, что еще ни разу не была у него «в гостях».

Гостиная оказалась обставлена почти так же, как ее собственная. Только мебель выглядела более обшарпанной, не было вазочек, салфеток и ковриков, на столе вместо чайной посуды располагался «набор юного алхимика». Впрочем, колбы сверкали хрустальной чистотой.

В спальню Варя вошла без стука. Просто не придумала, что сказать, и побоялась, что он не разрешит войти.

Там ожидаемо царил бардак, свойственный всем мальчишеским «норам» — везде разбросана одежда, в одном углу свалена в кучу обувь, в другом красовалась груда холодного оружия — кинжалы, мечи, ножи и даже

маленькие топорики. Из-под кровати выглядывали корешки книг — наверняка какие-нибудь жутко древние гримуары. На прикроватной тумбочке поблескивали и мерцали магические кристаллы на подставках, все разных цветов, размеров и форм. Странно, но всё это безобразие чудом обходилось без пыли и занавесей паутины — либо Огнеяр старался, либо действовали чары башни.

— Долго же тебя ждать! — недовольно буркнул с кровати Зимослав. Он не поднял голову, лежал на животе носом в подушку. Повозился, сбросив с голой спины новый плед, приказал: — Давай уже!

Варя на мгновение опешила, встала на пороге спальни, пытаясь сообразить, что именно требуется делать.

На лестнице послышался топот — Огнеяр влетел в гостиную. И затормозил с разбега, узрев невесту хозяина. Варя приложила палец к губам и сделала ему знак: «Кыш-кыш!» Помощник понятливо кивнул — и в ответ замахал руками, стараясь дать подсказку: сложил пальцы щепотью и принялся рисовать в воздухе вензеля.

— Дверь-то закроешь? — раздраженно зарычал Зим в подушку. — Сквозняк! Мне еще простуды не хватало!

Варя торопливо помаячила парнишке: «Отстань, сама разберусь!» — и, тихонько затворив дверь, подкралась к кровати.

Снежен невнятно заворчал, но продолжал смирно ждать. Рядом, прямо на кровати почему-то стояло блюдо, наполненное темной густой жидкостью, напоминающей черничный сироп. Тут же лежала крупная мягкая кисточка для каллиграфии и сложенный вчетверо листок бумаги, весьма потрепанный, пожелтелый и заляпанный кляксами.

Варя положила халат и накопители с краешка, осторожно забралась коленями на постель, чтобы далеко не тянуться. Выдавила из тюбика гель на ладони — и очень нежно прикоснулась к покрасневшей коже, начав с лопаток.

Не успела она как следует размазать средство, Снежен вскинулся, почувяв подвох. Встрепанный, злой, сверкающий глазами из-под челки. Приподнялся на локтях, воззрился на Варю.

— А я вот, принесла, — невинно улыбнулась она и показала тюбик. — Тебе в тот раз помогло, помнишь?

Зимослав оглянулся на дверь, сообразил, что, раз помощник до сих пор не явился, значит, эти двое вступили в сговор. Нахмурился.

Варя не растерялась: пока он глазами хлопал, деликатно приподняла край подушки, с которой он обнимался, прицелилась — и надела ему на палец свежезаряженный перстень.

Зим еще раз сверкнул глазами, скривил губы, ясно выразив мысль: «Что ж, сама напросилась!» — и плюхнулся обратно.

— Так мажу дальше? — уточнила она.

— Как хочешь, — буркнул.

Варя сказала бы ему, как она хочет, да пришлось язык прикусить.

Размазывала гель очень аккуратно, тончайшим слоем, иной раз прикасаясь к особенно покрасневшим участкам лишь подушечками пальцев, а Зим всё равно болезненно вздрагивал под ее руками. К тому же попутно она обнаружила множество шрамов и совсем недавно заживших царапин, синяки свежие и почти слинявшие.

«Нелегка жизнь средневекового принца, к тому же мага-экстримала...» — мысленно вздохнула она. А вслух брякнула (лишь бы отвлечься, а то оглаживать плечи с играющими под тонкой кожей мускулами оказалось более волнительно, чем представлялось):

— Мда... Если б я не видела тебя утром на озере, могла бы подумать, что ты вампир, прогулявшийся в полдень без зонтика.

— Кто? — нелюбезным тоном уточнил он.

— Вампиры-то? Да так, нечисть из сказок. Летают по ночам, залезают в окна к девицам и сосут кровь. Я тебе потом кино про них покажу, если интересно.

— В вашем мире водятся такие идиоты? — фыркнул Зим.

— А кто ж их знает, может, водятся, может, нет. Про колдовство я тоже раньше думала, что всё это выдумки... Отлично, спину я тебе намазала, а до остального сам дотянешься. Вот тебе тюбик, тут еще много осталось, а я пошла.

— Я тебя не отпускал.

— Эм... Ладно. Что мне нужно сделать?

— Бумагу видишь?

— Вижу.

— О небо! Так разверни и посмотри.

— Ну, как скажешь... Это что за ритуальный боди-арт? — озадачилась Варя, ибо на потрепанном листке обнаружилась схема — силуэт человека, вид спереди и сзади, весь расписанный плавно изгибающимися линиями и завитками. Похоже, на этот узор намекал Огнеяр своей пантомимой.

— В блюде краска, кисть у тебя, э... под попой. Раз Тихун чрезмерно занят, будь добра, нанеси мне узор,

точно соответствуя рисунку.

— И это тебе поможет?

— Всегда помогало. Так мне будет легче направить течение энергий... — Он приподнялся и глянул на нее через плечо сквозь взлохмаченные вихры. — В общем, просто сделай, хорошо? Я сам понятия не имею, как и почему это на мне срабатывает, но когда няньки так делали, мне становилось гораздо лучше.

«Бедный мой аллергичный снежный принц!» — жалостливо подумала Варя, представив Зима капризным проблемным карапузом.

— И поторопись, иначе я насмерть замерзну!

Варя послушно схватилась за кисточку — вдруг снова разозлится, выгонит ее и позовет Огнеяра назад? Нет уж, отныне это занятие станет ее привилегией как законной невесты!

Поглядывая на листок, держа в одной руке блюдце, а в другой кисть, Варя с увлечением принялась за дело. Оседлала бы его за бедра, но вовремя сообразила, что под подштанниками скрываются такие же ожоги.

— А если получится немного криво, не страшно? Я ж в первый раз, без опыта сложновато, чтобы вот совсем прямо и ровно. Хотя, конечно, для дизайнера это не оправдание, но боди-артом я никогда не думала заниматься... А твои «няньки» — ты имел в виду случайно не Вихря с Враном? А ничего, что краска так быстро впитывается? И кожа вокруг синееет так подозрительно. Это нормально? А что это за краска вообще?

Снежен, наконец-то расслабившийся под влажно-щекотными прикосновениями кисти, растекся на постели, обняв подушку, и отозвался лишь на последний вопрос, все остальные лениво пропустив мимо ушей:

— Это варенье из чернильных фиников. Можешь попробовать, оно съедобное. И вкусное...

Не дожидаясь, пока он договорит, Варя слизнула капельку:

— Фу, кислятина!

— ...если патоки добавить. Но я-то не хочу быть липким.

— М-м, ясно. Всё! Я закончила.

— Благодарю. Полностью впиталось?

— Так точно!

Он блаженно потянулся — и перекатился на спину. Взглянул ехидно:

— А теперь рисуй дальше.

— В смысле, спереди? — уточнила, запылав щеками и ушами, Варя.

— Ну да.

— Ну уж нет!

Она вскочила с кровати, едва не выплеснув на покрывало остатки краски с блюдца. Представила, как будет водить кистью по груди и торсу, да вокруг пупка, а подштанники при этом едва на бедрах держатся, а этот бледнолицый во все глаза за ней следит...

— С этим ты и сам справишься перед зеркалом!

— Тебе трудно помочь, что ли? — жалобно протянул он.

Варя поняла, что он просто издевается, испытывает ее терпение, а попросту говоря, берет на «слабо». И твердо решила, что не уступит!

— Тогда не пялься, а то ошибусь. — И накрыла удивленную физиономию халатом.

— Что это? — не понял он, в первую очередь среагировав на чуждый запах отдушки стирального порошка. Поднял от лица, попробовал развернуть ткань, разобраться. В этот момент ленивыми движениями и заинтересованной мордашкой он особенно напоминал Варе желтоглазых избалованных котиков из интернета.

— Подарочек. Тебе от меня, — буркнула она, водя кистью по умеренно рельефному торсу. — Вижу, давно пора навести порядок в твоём гардеробе.

Он хмыкнул. Отложил презент в сторону. Поглядел на нее, такую сосредоточенную и старательную, долго и пристально, пока Варя не начала ляпать кляксы куда попало.

— Спасибо.

— На здоровье!

Про угрозу касательно гардероба Варвара не забыла. И вскоре представился случай привести оную в исполнение.

Однажды днем, пока Зимослава, как обычно, не было дома, Огнеяр наведалься в его комнаты с целью уборки. (После, задним умом, Варя догадалась, что Снежен сам приказал прибраться именно из-за ее визита). Более-менее устранив бардак, Тихун собрал кое-какую одежду и поволок вниз. На лестнице из необъятного комка выпал ремень и пряжкой простучал по ступенькам. Разумеется, на подозрительный шум немедленно выглянула Варя.

Выяснив, чем он тут занят, она завернула не посмеявшегося перечить парня к себе в гостиную, где устроила подробный разбор бардака. Да потом еще и сама наведалься в платяную кладовку на верхнем этаже. Итогом

генеральной ревизии стал печальный вывод: королевичу нечего носить! Полдюжины черных с серебром френчей не в счет.

— Вообще-то, его высочество велел разобрать гардероб от летних вещей, чтобы было куда складывать теплые зимние, — бубнил Тихун. — Стирка у нас по расписанию, и сегодня как раз очередь хозяйского белья. Если опоздаю, прачки ругаться станут. А штопкой занимаются девицы-белешвейки, что состоят при ее высочестве...

Но Варя лишь отмахивалась — успеется. Она заново лично отсортировала полсотни рубашек и приуныла — рваных оказалось втрое больше, чем приличных. Негоже правящему принцу в штопаном ходить! Подштанники Огнеяр стыдливо умыкнул, заверив, что среди кальсон дырявых нету. Про носки Варя тоже милостиво поверила на слово. Со штанами, лосинами и брюками оказалось и просто, и сложно — либо имелись любимые, изношенные донельзя, либо ни разу не надетые, но все одинаково темные или черные, так что соваться в эту область она тоже не решилась — не пришивать же на колени заплаты, в самом-то деле? А вот сюртуки, камзолы, куртки и даже вязаные Зореславой домашние блузоны подверглись тщательному осмотру.

— Это ему в плечах мало, это тоже, так что мне разрешено донашивать, — пояснял Тихун. — А это порвано — велел выбросить. И это тоже. И вон то.

— Нифига себе выбросить! Да тут золотого шитья на пять кило! — возмутилась Варя, ухватившись за парадный белый мундир с распоротым по диагонали плечом. И за бледно-бирюзовый камзол с широким разрезом поперек груди. — А свитера в стирку тащи! Поди, с весны лежат, за лето моль наверняка проела. Потом мне вернешь, сама заштопаю — осень на носу, скоро понадобятся, а поди угадай, когда Зорькины белешвейки до них доберутся. И заплаты на локти пришью из замши — модные станут!

Огнеяр на ее самоуправство пожал плечами — смысл ему спорить с будущей хозяйкой. Если что, пусть с ней сам Снежен и разбирается.

Чтобы служанки не ругались на припозднившегося Тихуна, Варя помогла дотащить барахло до прачек, трудившихся в суверенном уголке поместья. Полюбовалась на стиральную машину, изобретенную достопочтенным Грозвратом и работающую на накопителях. Затем заглянула к Зореславе — попросить подходящей тесьмы, чтобы замаскировать штопку на мундире и бирюзовом камзоле.

Против ожидания принцесса от идеи вернуть дорожкой одежде новую жизнь скривила носик.

— Братец этот мундир ни за что больше не наденет, — заявила она. Поколебавшись, раскрыла причину: — Его порезали нынче весной, когда Зимушка меня в столицу вывозил на праздник в честь моего дня рождения.

— Порезали? — моргнула Варя. — Как это?

— Ножом или кинжалом, — дернула плечиком принцесса. — Я не разглядела. Целились в меня, но брат вовремя прикрыл, вот ему и распороли всё шитье. Жалко, конечно, но даже если красивенько зашьешь, он носить это не станет даже дома. И бирюзовый тоже испортили негодяи, когда на маменькин летний бал прокрались.

— То есть, на вас обоих регулярно совершают нападения?

— Ну да. А что?

— Нет, ничего. Извини, что напомнила.

— Пустяки. Кстати, на тебя тоже будут нападать после оглашения помолвки, ты учти!

— Спасибо, учту...

И всё-таки тесьму Варя решила купить — сама, когда в город поедет, благо в прошлый раз с помощью Будигора разведала нужные магазинчики. В крайнем случае, перешьет и перекрасит! Хотя бы из уважения к ручной работе тех, кто эту одежду сделал.

Глава 16

В город ей удалось попасть нескоро. Обрадовавшись, что в хозяйстве появилась полномощная чародейка, баба Вера принялась Варю всю эксплуатировать. Согласилась даже на риск ошибки по неопытности, лишь бы не пришлось до последнего момента уповать на вечно отлынивающего от домашних дел хозяина. Так что неделя прошла под знаком «хозяка»: Варя успешно «законсервировала» на зиму от порчи и паразитов амбары с зерном и мукой, сушеки овощехранилища, лари с крупами. Под чутким руководством Росаны обновила заклатья на холодных погребах и на теплицах с оранжереями. И нигде не напортачила! Всё-таки чары со значительными выбросами энергии давались ей гораздо легче, чем канитель с баночками компота.

Узнав о бурной деятельности невесты, Зимослав поначалу разворчался и вынес бабе Вере выговор за неосмотрительность и угнетение недоученной чародейки. Но потом, оценив, какой гордостью светится суженая, смягчился и лишь попросил чересчур не утомляться — дабы оставались силы и для его накопителей.

И только потом — будто в награду! — Варю отпустили в столицу погулять по магазинам. Выдав длинный список покупок, троих девиц и двух мужиков да кроличью колесницу с грузовым прицепчиком, так что путешествовать пришлось по суше, в объезд озера.

Впрочем, навязанная свита не помешала ей первым делом «заскочить на чай» к королеве.

Явилась Варя не с пустыми руками, не зря же в прошлый раз заметила страсть Храниславы Бури к

рукоделию. Отыскала у себя дома в антресольных закромах три тяжеленных глянцевого фоллианта — наконец-то пригодились! Энциклопедия вышивки, сплошь состоящая из фотографий и понятных без перевода схем, альбом «Тысяча и один узор вязания крючком» (который сама Варя листала лишь однажды — в книжном магазине, когда горяча выбирала себе новое хобби), и вдобавок роскошное издание «Классические шедевры Третьяковки».

Приближенные фрейлины так громко ахали и охали, восторгаясь «искусными заморскими гравюрами», что ее величеству поневоле пришлось обращаться с будущей невесткой ласково. Варю усадили в мягкое кресло в общей гостиной, угостили ароматным чаем с крошечным кусочком хрустящего торта. Правда, пришлось изыскать предлог, чтобы удалиться для приватного разговора в кабинет, ибо за безумолчной трескотней фрейлин расслышать друг друга через стол оказалось совершенно невозможно.

Варя прикинулась невинной овечкой и, мило стесняясь, уточнила: когда же намечена их с Зимославушкой свадьба? Ибо спрашивать о таком у самого королевича ей, видите ли, не позволяет девичья скромность. Ведь уже столько времени живет в его поместье, а приказа готовить подвенечное платье всё нет и нет! Эдак ее честь подвергнется сомнению. Стыдно представить, что о ней могут подумать в обществе!

На тираду, исполненную вполголоса с чувствительным придыханием, Хранислава хмыкнула и припечатала:

— Какая свадьба, если между вами помолвки не было?

— Хорошо, когда же меня осчастливите статусом помолвленной девицы? — смиренно спросила Варя.

— Никогда! — расхохоталась Буря.

— Но как же так? — преувеличенно обомлела горе-невеста. А в кровожадных мыслях пожалела о подарках — этими бы тяжеленькими альбомами да свекрухе по ейной пороссячьей!.. Но сама же себя одернула, ибо всё ж таки перед ней родная бабушка ее будущих детей.

— А вот так! — торжествовала королева. — В проклятии Путивеста Грозоврата что было указано? Ради возмездия умыкнуть чужую невесту! Зимослав условие выполнил. Про твою с ним свадьбу ни слова не было сказано. Это он просто от жалости тебя продолжает при себе держать.

— Тогда уж из выгоды — я ему амулеты заряжаю, — вставила справедливости ради Варя своим обычным тоном без ужимок.

Королева поглядела на нее с подозрением.

Варя опомнилась и вернула маску заповошной скромницы:

— Но ведь я его люблю!

— Чего ж его не любить — правитель, красавец, могучий чародей, — снисходительно согласилась Буря. — Только это всё равно не значит, что он выберет в жены тебя. Коли хотел бы, кабы влюблен был бы — не держал бы тебя в диком углу как позорную содержанку, а поселил бы во дворце и сразу повел бы под венец да наградил бы ребеночком.

— Он не хочет идти вам наперекор и ждет вашего благословения! — разыграла козырную карту Варя.

Та снова хмыкнула на глупую наивность.

— Не любит он тебя, и не надейся.

— Тогда позвольте мне заслужить его любовь! И ваше доверие, — горячилась она, в действительности уязвленная материнской уверенностью. Вдруг королева не блефует, а впрямь знает, что где-то есть та, что вперед Вари навсегда украдет сердце снежного принца?

— Ведь наверняка существуют традиционные испытания для невесты, как в Белозорье? Я честно прошла отбор на глазах у короля Твердивера. Подскажите, как мне доказать вам, всему Синегорью и его высочеству Зимославу, что я достойна его внимания?

— Дорогуша! Клюковка моя горько-сладкая, — расплылась в хищной ухмылке свекровь. — Я — самодержица Синегорского королевства. Я ответственна за все государственные празднования и разрешаю народные гуляния. Без моего указа и подписи никто, даже мой сын, не посмеет объявить о незапланированных торжествах. Пока я жива, я не стану устраивать ради тебя никаких отборов и испытаний! Тем более славные правители нашей династии свободолюбивы и берут себе супружниц исключительно по велению сердца. Если Зимослав от тебя еще не отказался, значит, он просто тебя жалеет и ждет, когда ты сама поймешь, что корона королевы не по твоей головушке.

Варя молча проглотила отповедь. Вежливо откланялась и в задумчивости вернулась к колеснице и заждавшейся прислуге. Венценосная зараза сумела-таки посеять в ее душе колючие семена сомнений. Или они давно проросли в глубине сердца? Только сама Варя старательно делала вид, что всё прекрасно, и верила, что станет еще лучше...

Поразмыслив, она пошла ва-банк. И притащила из своей квартирки механическую швейную машинку — антикварную, но отлично работающую, доставшуюся по наследству от двоюродной тети. (Кстати, отдавать раритет было не жалко — у родителей имелась точно такая же машинка, от бабушки по отцу. Так что, если Варя вдруг понадобится подшить занавески, мама будет только счастлива избавиться от громоздкого старого чемодана).

Ее высочество Зореслава-Сияна Вешнесинь, разобравшись, как работает подарок, визжала от восторга и прыгала вокруг, будто малое дите. Наскакавшись, взახлеб принялась по секрету показывать Варя, какой наряд она сейчас шьет — для Огнярушки к празднику зимних звезд. И нажаловалась с обидой, что примерить-то на него не может, ибо тот, вредный человек, упорно не ловится!

Проболтав с принцессой полвечера, посочувствовав ее заботам, Варя перевела разговор на свою печаль.

— Может, я не нравлюсь твоему брату?

— Ты что?! Как ты можешь не нравиться! — горячо возмутилась Зорька, любовно поглаживая колесо швейной машинки.

— Может, ему девушки не по душе?

— В смысле? — изумилась принцесса.

— Ну... в любовном, — потупила взгляд Варя. — Вокруг него вон сколько красавчиков, все надежные, все на что угодно готовы ради него...

— Это ты про его банду олухов? Про Врана и остальных? Про распутного Венцемирку?!

Зорька хохотала полчаса. Потом еще час всхлипывала, давясь смешинкой:

— Не выдумывай. Он просто у нас ледышка! Ему привыкнуть к тебе надо. Через годик еще скажешь, что надоел, прохода не дает с нежностями, вот помяни мое слово!

— У него вообще женщины были? — шепотом спросила Варя, краснея, как помидор. — Ведь уже не мальчик, а как же мужчине без постельных утех, если только сам не по мальчикам?

Зореслава поджала губки. Покосилась на швейную машинку. Вздохнула — и рассудила, что невеста в принципе имеет право узнать о прошлом жениха из первых уст, а не из сплетен.

— Были. Точно тебе говорю, сама видала, как на рассвете мышками выскакивали из опочивальни в неподобающем виде с довольным хихиканьем.

— Кто? Принцессы? Фрейлины? — У Вари сердце остановилось.

— Не бледней! Было-то это лет семь назад, — покровительственно похлопала ее по руке Зорька. — Бесилец он тогда, без девок с ума бы сошел. Вот и попортил матушкиных горничных, аж четыре штуки потом замуж за надежных людей определил, никто в претензии не остался. Впрочем, «портил» громко сказано, они и до него робостью не страдали. Мы тогда во дворце еще жили, бесстыдницы сами к нему в постель радостно прыгали, а ему не всякий раз хватало настроения их выгнать. От высокородных барышень еще отбивался, предвидя козни от их родителей, а на служанок рукой махнул.

— И что, всех беременными пристроил замуж? — едва не закричала зубами Варя.

Зорька фыркнула:

— С ума сошла от ревности, да? На что ему дар мага, если б он не сумел выбирать, кто станет матерью его наследника? От простолюдинок ему никак нельзя заводить ребенка. Родовитые князья и так на нас фыркают из-за низкого происхождения нашей маменьки. А тут кровь Грозоврата оказалась бы совсем разбавленной! Нет, следующей королевой должна стать только сильная чародейка — вроде тебя.

— Но я ж не княжеских кровей, — пригорюнилась Варя.

— А ты про это помалкивай! Ты не здешняя — кто докажет обратное? — хитро вывела принцесса.

— И что, с тех пор у него нет любовниц?

— Нету, — развела руками эгоистично довольная Зорька. — Тут не мамин двор, ненадежных девиц я б при себе не потерпела и братцу невесть кого подсовывать бы точно не стала. Да и он на молодых служанок смотреть не желает.

— Это да! — сообразила Варя. — При мне их отчитывал, чтобы не смели на глаза попадаться.

Принцесса слегка смутилась:

— Ну, бабам языки не укоротишь, а выгонять за глупость и пустую болтовню, чтобы потом набирать и обучать новых, тоже не дело. Прознав про Зимкину прошлую несдержанность, пустоголовые девчонки и сейчас норовят ему глазки строить. А его от их ужимок мутит — видать, сразу бывшее вспоминается.

— А в городе у него тоже никого нет? Он же там целыми днями...

— Вот именно — когда ему? Он там постоянно у всех на виду — то чахнет с министрами, то со старшими магами заседает, то дела королевского суда разбирает, то с Венцемиром устраивает смотры войскам. А то вовсе уносится на другой конец страны и до икоты донимает проверками князей и баронов, ежели на тех простолюдины жалобу подадут за притеснение. Опять-таки стихийные разрывы с парнями латает. В пограничных крепостях помогает унимать оголтелых белогорцев или вольнопольские разбойничьи банды. В Дивогорске с регентами союзную военную политику обговаривает. У Твердивера и Чуролюта едва не каждую неделю бывает. Носится, в общем, как кролик в колеснице — а ты говоришь, любовница! К тому же это он с твоими амулетами такой бодренький сделался, будто нынче зима, а не лето.

— А почему тогда он был неразборчивый? Случилось что-то? Он же юный был совсем! И как только эти бабы

посмели домогаться невинного мальчишку?!

Зорька снова повздыхала, взвешивая, говорить или не стоит — и таки «продала» братову тайну, уж очень Варя подарком угодила. Понизила голос до шепота:

— Сердце разбитое пытался по осколкам собрать.

— Да ты что?! — шепотом же воскликнула Варя. — Какая же дура его бросила?!

Зореслава снова поджала губки, отвела взгляд:

— Не важно, какая. Важно, что он в нее был влюблен до умопомрачения. Ну, или воображал, что влюблен, по юности это одинаково больно, — рассудила она глубокомысленно, будто не было ей сейчас столько же лет, как брату тогда. — А Кра... красавица эта, когда узнала о дедушкином проклятии и о том, что не сможет ни при каких условиях сделаться законной женой Зимки, взяла и...

Она замолчала, тяжело вздохнув, в мыслях заново окунувшись в события минувших лет. Варя ей искренне сочувствовала — похоже, подростком Снежен был впечатлительным и импульсивным. По психике крошечной сестренки ураганом прошлись все его переживания и страсти, ведь проблемы обожаемого брата ее до сих пор волнуют больше собственных забот.

— В общем, она ушла от нас, — нашла в себе силы заключить Зореслава.

— О, боже... — выдохнула Варя, вообразив подростковое самоубийство в порыве запретной влюбленности. — Прости, что спросила, мне очень жаль... Действительно, от такого шока трудно найти избавление.

— Вот видишь, поэтому Зима нельзя обвинять в распутстве.

— Ох, какое уж тут...

Они еще полчаса согласно поохали и разошлись в печали и задумчивости.

Известие о несчастном финале первой любви Снежена затмило для Вари колкости королевы. В следующие дни она невольно старалась обращаться с женихом с особой трепетностью, отчего тот всерьез насторожился и хмуρο принялся вычислять возможный подвох.

Зато вскоре из-за его подозрительности Варя получила сюрприз в виде полноценного домашнего выходного в компании объекта своих чувств. Говоря проще, Зимослав извелся ожиданием неприятностей и решил плотнее пообщаться с непривычно задумчивой невестой. Пришлось, конечно, серьезно разругаться с министрами, но зато удалось освободиться пораньше и явиться домой аж ко второму обеду. Варя как раз заканчивала под присмотром бабы Веры печь ватрушки.

За обедом не только Варя удивленно поглядывала на королевича, но дивились все, кто сидел с ними за общим длинным столом — очень уж непривычно было видеть, что хозяин никуда не торопится, а спокойно наслаждается едой и благожелательно выслушивает брюзжание бабы Веры, докладывающей о подготовке к зиме. Кстати, королевская кормилица не обошла вниманием Варино активное участие в общественно-полезных мероприятиях — правда, не всегда было ясно, то ли старушенция ее нахваливает, то ли от души костерит.

После трапезы Снежен предложил Варе вместе прогуляться по поместью, (разумеется, не по всему, с причитающимися полями, лесами и деревней, а по прилегающей к башне территории). То ли для того, чтобы лично удостовериться, всё ли в порядке в обширном хозяйстве и благополучно ли проживают многочисленные обитатели. То ли для того, чтобы понять и самому увидеть, как люди относятся к Варваре, приняли ли ее, согласятся ли назвать в будущем хозяйкой. Не молчит ли она столь подозрительно из-за вспыхнувшего за его спиной конфликта, вдруг ее кто-нибудь посмел оскорбить или отнестись к ней с пренебрежением?

Но нет, как ни приглядывался Зимослав, ничего плохого не обнаружил. Его невесту доброжелательно приняли все — от кроликов и зябликов до последнего дворника.

Прачки, правда, наябедничали, что молодая госпожа приходила их поучать, как и чем выводить пятна с белья и скатертей, будто они сами не смыслят в своем деле. Варя тотчас вступила в дискуссию, доказывая, что со всей дури лупить бельем по ребристой доске нет проку, ткань-де от такого обращения изнашивается быстрее, а лучше замачивать белье на ночь. И воду для стирки удобнее нагревать не над огнем, чтобы потом таскать кипяток ведрами, плеская себе по ногам, а сразу в чане машинки, раз в агрегате Грозоврата предусмотрена такая функция, а они, непросвещенные бабы, элементы прогресса дружно игнорируют. Да еще сливают мыльную воду не в колодец отстойника, а в овраг, откуда сливы с ручейком уходят напрямик в озеро, загрязняя экологию... В общем, Зимослав еле остановил завязавшуюся перепалку. И государевой волей постановил озеро не загрязнять, а воду нагревать разрешил по старинке, ибо прачки таким образом заряд на амулете сэкономили. Варе же пообещал на досуге найти инструкцию, оставленную дедом к агрегату, так как заклинание на амулет полагалось накладывать особое, ей пока что незнакомое.

Потом они наведались в гости к Друне.

Варя уже знала, что обособленное деревянное строение, похожее на японский деревенский храм, что располагалось в прозрачной рощице и имело вместо крыльца большую дощатую террасу с резными столбами-

подпорками — это и есть «конюшня» зубро-дракона. (Причем «мансарду» под крышей, куда вела боковая лесенка, занимал Огнеяр Тихун). Но ей не приходило в голову обойти вокруг, а между тем оказалось, что на заднем дворе сайгак «выращивает» свой собственный «сад камней». Выглядело это как огромная песочница, по углам которой возвышались бесчисленные пирамидки из булыжников и валунов — от совсем маленьких до внушительных, в два человеческих роста.

— Молодец какой, еще одну построил! — похвалил умного скакуна Зимослав.

Друнь зажмурился от удовольствия и принялся игриво бодаться с хозяином.

— Неужели это он сам сложил все пирамиды? — изумилась Варя.

— Сам, конечно.

— А зачем?

— От скуки. Сам находит камни на берегу озера, сам притаскивает сюда. Это его ванна с песком, он ее так украшает. Может, со временем хочет стену построить, чтобы никто не подглядывал за его купанием. А может, его просто тянет сложить гнездо. Сайгаки ведь в горах живут, там не всегда можно найти подходящую пещеру, а спать на голых скалах неудобно.

В версию про гнездо не очень верилось. Зачем оно, если есть персональный домик с крышей и террасой? С разрешения Друни Варя зашла в «теремок». Здесь пахло зверем вовсе не так сильно, как думалось. И было очень даже уютно: стены из смолистых бревен, два малюсеньких окошка — для вентиляции и чтобы можно было подсмотреть, что делается снаружи. Подстилка из свежего сена и ворох старых одеял вроде того, что она недавно отобрала у Зима. Два входа, причем двери при надобности сайгак мог закрыть сам, потянув зубами за ручку, сделанную из веревки. В углу лежали игрушки — мячики, сшитые из обрезков кожи и из цельного мешка, набитого опилками, большущая кость со следами зубов, обрезок толстого каната с объемными узлами. И запасные ходули-сандалии. Те две пары «босоножек», которые сайгак носил нынче, чистоплотный скакун оставил на ступеньке перед входом на террасу. Седла и сбруя, видимо, хранились где-то отдельно.

— Он никогда не войдет в дом в обуви, — хихикнул Снежен, — особенно в свой. И брезгует наступать необутыми лапами на землю — особенно осенью, когда кругом лужи и грязь. Песок исключение.

— А другие сайгаки так же себя ведут?

— Нет, мой особенный!

— Кто же придумал для него обувь?

— Мама. Она первая заметила, что мой найденыш отказывался выходить на улицу, если ему не удавалось стащить с кухни четыре ровных полешка. Маленьким он был таким забавным.

— Может, потому, что рожденный летать...

— Тсс! — неожиданно шикнул на нее Зим. На ухо тихо предостерег: — Мы не любим говорить о полетах. И о крыльях.

Варя растерянно кивнула, заверила, что обязательно это запомнит.

— А... а где у него туалет? — нашла она, поменяла тему.

— Вот там неподалеку есть болотистый длинный овраг с густыми зарослями папоротника, — принялся бодро объяснять Снежен. — Болото напрямую с озером не соединяется, не волнуйся за загрязнение. Растения миглом усваивают отходы, превращая к весне в отменное удобрение, за которым стоят в очередь все окрестные земледельцы.

— Скажи еще, что в этом овраге папоротник цветет буйным цветом, — хмыкнула Варя.

— Цветет, и еще как. А что?

Когда стемнело, попрощались с уставшим от игр сайгаком и завернули к Зорьке в гости, там напросились на чай. У присоединившейся Росаны Снежен выспросил об успехах невесты в обучении чародейству. Гувернантка, помня о многочисленных «забытых» бутылочках первоклассного ликера, воодушевленно рассыпалась в похвалах, при этом заговорщицки подмигивая Варе, так что Зимослав не удержался и предложил вылечить нервный тик.

— Варя, учти, ты не обязана заниматься хозяйственными чарами. Если тебе неловко отказать бабе Вере, я с ней поговорю. Лучше сосредоточься на изучении основ...

— Но мне нравится учиться на практике! Это весело!

— Весело? — не поверил Зим.

— Конечно! Когда тебе разрешают взорвать амбар с запасами репы — такое доверие вдохновляет!

— И ты взорвала?

— Нет, я очень постаралась и наложила заклятие правильно — причем, с первого раза. Но я честно предупредила, что может быть взрыв, и баба Вера заранее пообещала не ругаться.

— Действительно, ты ей очень понравилась.

К великому облегчению удостоверившись, что и сестра новую подругу не просто ценит, но обожает, Снежен позвал Варю домой, в башню. И отвел на самый верх под крышу.

На просторном чердаке у него располагалась лаборатория мага-погодника. Мол, давно пришла пора подкорректировать заклинания, регулирующие потоки ветра, влажность облаков и температуру воздуха, а то по ночам стало заметно прохладней, на пару градусов ниже положенной по сезону нормы.

Пока Зимослав многословно объяснял суть управления энергетическими потоками, разлитыми в высоких слоях атмосферы, и бубнил что-то малоинтересное о гильдии погодников и управляющей сети, состоящей из башен-лабораторий, упорядоченно расставленных по всему матерiku, Варя не особо прислушивалась и просто разглядывала хитрые магические приборы. В сердцевине каждого из них имелась здоровенная друза кристаллов — накопителей для определенного заклятья, растянутого во времени согласно вложенному чародеем заряду энергии. Например, прибор, помогающий погоднику управлять ветром (о чем гласила витиеватая гравировка на подставке), выглядел как медный тазик с белым мерцающим камнем в центре, поверх которого полусферой переплеталась сложная сеть из проволочных обрuchей и направляющих линеек. По ним следовало передвигать в загадочном порядке металлические «паучки» с закрепленными в них кристалликами поменьше — видимо, чтобы указывать ветру, в какую сторону ему дуть и с какой силой.

— Неправильно! — занудно возразил Снежен. — Ветер не появляется сам собой, это всего лишь движение воздушных масс, зависящие от давления, влажности, температуры, вращения планеты, сезонного положения относительно солнца...

— Ой, я всё равно ничего не пойму! Это выше моего разумения, — отмахнулась Варя.

— Разве в твоём мире не управляют погодой?

— Да ты что! Ее только недавно предсказывать-то научились, и то врут постоянно.

— И это при том, что у вас люди летают по небу в стальных кораблях! — возмутился он. Завистливо добавил: — И при том, что у вас всего лишь одна луна и нет Кольца.

— А чего луна? — не поняла Варя. — Ну, приливы на море — это я знаю, от нее. А чем она на погоду влиять может? Она всё-таки висит от Земли далековато, вон, космонавты только один раз за столько лет до нее смогли долететь.

На это замечание ее любезный чародей-погодник разразился долгой нудной лекцией о влиянии притяжения небесных тел на планетарную атмосферу, которую Варя благополучно пропустила мимо ушей. Одно лишь уяснила — высчитывать параметры хорошей погоды без засухи, потопов, ураганов, вредных для сельского хозяйства заморозков и прочих сюрпризов в этом мире крайне непросто. (В земном было бы раз плюнуть — если б, конечно, магия не была в дефиците).

— Ты ещё солнечный ветер добавь, — съехидничала она. На что получила добавочную к лекции справку о потоках энергии от светила.

Но нашелся и другой немаловажный фактор, отравляющий погодникам жизнь — это другие погодники. Маги соседних королевств с удовольствием исподтишка подпихивали на чужие территории особо пакостные циклоны и плохо управляемые грозовые тучи.

Одну такую спиральную шуструю «осьминожку» Снежен обнаружил, когда «включил» «главный монитор» лаборатории. Варя и не обратила сперва особого внимания на лежавшую на широком столе карту — карта как карта, нарисованная тушью на желтой плотной бумаге, изображает три королевства, Белые Горы и частично прилегающие соседние страны, острова и моря. Но стоило Зиму повелительно провести рукой над столом, как над картой засветилась волшебная дымка, превратившая рисунок в трехмерную проекцию местности, полноцветную и выпуклую. Горные пики засверкали снежными шапками и отбросили густые фиолетовые тени на долины. Синегорье поднялось лесистыми бирюзовыми холмами. Злотоград оказался окружен зеркально блестящими озерами, равнины Вольнополя прорезали широкие реки. И над ландшафтом миниатюрными клочками ваты поползли облака и тучки, двигаясь в реальном времени.

— Подсунули-таки! Пару дней не проследил, и уже воспользовались! — рассвирепел Зимослав, ткнув пальцем в облачные завихрения, старательным пропеллером катящиеся в сторону Грозовградска. — Ну я им отплачу! Они у меня зубами постучат! Давно не получали снега летом? Завтра получите!..

Рассерженно пыхча, он подошел к висящей на стене доске для записей, взял угольный стержень и принялся строчить формулы умопомрачительной сложности — и всё ради того, чтобы в рекордные сроки согнать большую снеговую тучу с Белых Гор и повесить ее над нерадивыми соседями. Варя только благоговейно повздыхала, поглядев, как лихо он управляется без счет и калькулятора с многозначными числами, дробями и градусами. Ведь это только на первый взгляд просто — раз и заколдовать! На самом деле следовало учесть главенствующие потоки, просчитать, чтобы снег не вылился дождем раньше времени, да еще и подать это как случайную прихоть природы, на пару дней оставшейся без должного присмотра. К тому же придется как-нибудь намекнуть остальным синегорским погодникам, чтобы не препятствовали «аномалии» следовать намеченным курсом...

Чтобы не мешать, Варя отошла дальше пялиться на приборы. И надолго застряла в углу возле «комнатного фонтана».

Конечно, на самом деле это был вовсе никакой не фонтан, а очередной инструмент для управления погодой — влажностью, дождями и прочая. В округлом, как волейбольный мяч, камне с радужными прожилками было вложено заклятие притяжения воды. Установлен камень был в центре широкого чугунного чана, к днищу которого прикреплялись две трубы. Из той, что располагалась прямо под камнем, вода прибывала, бурля ленивым гейзером, а через дальнюю трубу оттекала в бочку этажом ниже, чтобы потом попасть в личные купальни при жилых покоях.

Сверху камушек был накрыт «шапочкой»-регулятором из металлических лепестков, скрепленных системой пружинок и винтиков. Всё это венчалось жестяной перевернутой воронкой — вроде тех, что использовались на кухне, когда требовалось что-то перелить в кувшины с узким горлом. Только эта была покрупнее раз в десять и к ней крепилась гибкая трубка, что уходила через специальное отверстие на крышу, соединяясь в свою очередь с конструкцией вроде громоотвода — Варя уже видела их, эти торчащие в небо «антенны».

Не трудно было догадаться, что приспособление позволяло регулировать осадки — стоило лишь правильно настроить магическое излучение, приоткрыв или сомкнув лепестки крышки над камнем. В то же время строители башни определили кристаллу и бытовое назначение — вместо насоса поднимать по трубам воду из того самого колодца, что Варя обнаружила, гуляя по подземелью.

Она зачерпнула горсть воды и ради интереса плеснула в сторону кристалла. Капли, вместо того, чтобы просто пролететь по дуге и шлепнуться вниз, выписали в воздухе зигзаг и прилипли к нижней части камня. Видимо, это усилило заклятье притяжения — вода в чане вздыбилась горбом, дотянулась до капель на камне, вобрала их в себя, а затем под собственной тяжестью всей массой ухнула обратно вниз, хлестанув волной через бортики. Варя, не ожидавшая подобного, не успела отпрыгнуть и оказалась облита с ног до головы.

— Понятно, — хмыкнула она. — Ну извините! Больше брызгаться не буду, урок поняла.

— Что ты там делаешь? — услышал неладное Зимослав, подошел к ней, благо как раз закончил с метеонастройками и мстостью соседям. — Не стой близко, иначе голова разболится... А, ясно, и здесь проводила наглядные опыты?

— Слушай, я поняла, как вода попадает в купальни, — с гордостью за свою сообразительность объявила она, — но где она нагревается?

— Ну уж нет, накопители, отвечающие за жар и холод, я тебе пока не покажу, — твердо заявил Снежен. — А то еще начнешь по привычке проверять действие чар, и башня на зиму останется без отопления! Одними каминными при наших морозах не согреешься, здесь тебе не Белозорье. Потом придется заменять замороженные трубы и выбрасывать половину испорченных ингредиентов из лабораторий...

Варя оскорблено надула губы, но больше в шутку, ибо остаться без горячей воды в личной купальне не хотелось.

Вспомнив о мокром платье, в купальню она и отправилась.

Дав ей время привести себя в порядок, Зимослав вновь объявился у нее на пороге — и ввел в состояние изумленно разевающей рот рыбки тем, что пригласил в свои покои на чашку согревающего какао с пирожными. Разумеется, Варя оценила этот беспрецедентный жест доверия. (Тем более она — как чуяла! — переделалась в соблазнительно обтягивающие джинсы и в девственно белую футболку на два размера меньше нужного, «запамятовав» о свойстве трикотажа просвечивать при отсутствии лифчика).

В спальне королевича оказалось — о чудо! — тщательно прибрано. Варя проигнорировала зажженные свечи на столике в гостиной и целеустремленным танком пропылила к кровати, накрытой подаренным пледом. На нее и запрыгнула, сбросив тапки, устроилась с комфортом, поставив подушки в изголовье повыше, чтобы было удобненько сидеть.

— Иди сюда! — хлопнула рядом с собой. Показала прихваченный смартфон: — Будем кино про вампиров смотреть. Классика! Я тебе всё переведу, не волнуйся, для того и нужна кнопка паузы.

Зимослав поглядел на нее пристально. Фыркнул выразительно. Вышел, чтобы погасить лишние свечи в гостиной, зато вернулся с подносом вкусняшек — сообразил-таки, как нужно правильно проводить время в постели!

Пирожные оказались те самые, из лучшей кондитерской Грозовградска. И наконец-то Варя выяснила, как Зиму при всей занятости удавалось регулярно баловать ее (и себя) свежайшими и нисколько не помятыми гостинцами. Он, хитрец, просто устроил постоянный миниатюрный портал, соединяющий особо отведенную полку в столичной кондитерской — с ящиком тумбочки в его спальне. В назначенное время хозяйка лавки выставляла туда заранее обговоренное количество сладостей, а утром не потребовавшиеся забирала, чтобы не черствели зря. Впрочем, чары продления свежести их сохраняли лучше, чем в холодильнике.

— Можешь приходить и выбирать сладости в любое время, даже если меня не будет дома, — великодушно разрешил он. — Если захочешь чего-то особенного, просто оставь записку, и утром тебе это приготовят.

— Если я захочу чего-то особенного, я не стану никого просить и ждать, а сама пойду и приготовлю! — гордо задрала нос Варя. — Не зря же баба Вера доверила мне свою кухню, все чуланы и погреба с запасами.

— Баба Вера не жалуется сладости и конфеты, — с тяжким вздохом пожаловался Зим, устроившись с ней рядышком на кровати. Передал чашку с какао, поставил на покрывало блюдо с пирожными, жестом предлагая угощаться. — Она считает, что сладкое вредно.

— Но на пироги это не распространяется, — уточнила Варя.

— Угу. Пироги — это пироги! А взбитые сливки и — ужас! — желе, или — кошмар! — фигурки из марципана доводят людей до выпадения зубов. Всё детство за мной следила и разрешала только свежие ягоды или кислое варенье, брр!.. Только в Белозорье, глядя на уплетающего карамельки Злата или лопающего пастилу Нежа, до меня дошло, что чародеи могут волноваться о зубной боли в самую последнюю очередь.

— Не говори ничего о зубах, — поехала Варя.

Она невольно поморщилась, глядя на воздушное чудо, что успела поднести ко рту, но еще не откусила. Вспомнилось, как в академии Чуrolюта подруга Вихря обучала новеньких девочек (и ее за компанию), как нужно правильно чистить зубы. В этом мире не знали о щетках и пасте. Ухаживать за зубами помогала специально сваренная ароматная смола — полагалось откусить кусочек от брикета, тщательно разжевать, катая по рту пару минут, после чего выплюнуть. Малюсенький жесткий кусочек от слюны разбухал и становился невероятно липким, хуже всякой ириски или жвачки. Да, налет счищал просто превосходно. Но на третий раз заодно выдрал у Вари половину пломб. Дрожа от ужаса и чуть не плача, она побежала к учительнице, чтобы отпроситься с занятий на пару дней, думая вернуться в свой мир и записаться к стоматологу. О ее беде услышал Алояс — и сам затрясся от ужаса от описаний способов лечения зубов путем сверления по живому. Схватил хнычущую ученицу в охапку — и отвез к лучшему в Златограде магу-лекару, который в считанные минуты зарастил ей все дырки и научил профилактическим чарам, избавляющим от кариеса... Пожалуй, то приключение было самым шокирующим и одновременно самым счастливым из всех Вариных испытаний, что она пережила за дни, проведенные в стенах академии.

— А ты не говори ничего о моем тайнике бабе Вере, — в ответ потребовал Зим. — Знаешь, как она обидится. Вся еда должна готовиться только под ее бдительным присмотром.

— Угу, ведь это получается форменная контрабанда! — хихикнула Варя, впившись зубами в хрустяще-кремовую сладость. Прочавкала: — А как же Зореслава?

— У Зорьки есть свой тайник, правда, поменьше этого. Но она им редко пользуется, боится располнеть, ведь тогда придется перешивать все ее платья... О, я вспомнил!

— Что?

— Мы раньше с Зорькой вот точно так же полуночили! Она запрыгивала ко мне в постель и кланчила, чтобы я почитал ей книжку. Уже сама отлично умела читать, а притворялась маленькой. Хотя, она вправду была крошечной...

— И до сих пор не особо выросла, — хихикнула Варя. И сама себя мысленно обругала — если его без вина потянуло на воспоминания, поддакивать надо аккуратнее, чтобы не сбить!

Впрочем, он определенно был настроен поговорить по душам. Щелчком пальцев зажег в камине заговоренные на бездымное многоцветное горение поленья, чтобы можно было смотреть на играющий огонь, откинувшись на подушки изголовья и грея ладони о чашку с какао.

— Это точно. Но когда я увидел ее после четырех лет, проведенных вдали от дома... Я запомнил ее пищащим свертком кружевных одеялец, а она успела стать настоящей принцессой!

— Но ты тоже, наверное, повзрослел за это время, — понимающе подхватила Варя.

— Сияна мне так и заявила: неужели у меня есть такой большой красивый брат? — признался Зим, мягко улыбаясь оставшимся на блюде пирожным. — Тогдашнего задохлика она посчитала большим и красивым...

Варя заняла рот очередным шедевром кондитерского искусства, чтобы не возникало желания перебивать и лезть с уточняющими вопросами. Зим и так поражал откровением за откровением. Извинился, что иногда ведет себя бестактно — в том смысле, что, например, может без разрешения помочь застегнуть платье. И вообще для него не сложно прислужить даме вместо личной горничной, он даже помнит, как делать кое-какие женские прически — на сестренке научился. После возвращения из Златограда они стали неразлучны. И оба ужасно скучали по отцу, хотя Зорька знала его лишь по рассказам брата, скучным упоминаниям постоянно занятого делами ворчливого дряхлого деда и непрекращающимся рыданиям-причитаниям матери. Хранислава оплакивала пропавшего супруга так яростно, что на несколько лет буквально заперлась на своей половине дворца, потрясая стены криками, выливая обиду и горе — и не желая видеть детей, так на него похожих, унаследовавших чародейский дар, приведший того, как она считала, к верной гибели.

Варя не удержалась, спросила:

— Зореслава упоминала о покушениях на нее...

— Было, — кивнул Зим. — Это одна из причин, почему она не любит бывать в городе, не хочет жить во дворце и почему я привез ее сюда, под защиту дедовой башни.

— Но за что? Кому придет в голову убивать юную, ни в чем не повинную принцессу?!

— Разумеется, она сама не успела никому насолить. Но без ее поддержки было бы очень тяжело выжить мне.

— А ты кого обидел?

Он усмехнулся:

— Многих — лишь своим существованием.

За долгое, почти столетнее правление Путивест Грозоврат, конечно же, только в своем королевстве нажил немало врагов, не считая соседних. Его недруги вряд ли сумели пережить легендарного чародея, но передали тлеющую ненависть по наследству внукам. Возможно, и причины вражды уже были похоронены под грузом времен, возможно, в некоторых случаях никаких причин вовсе не было, но завещание обязывало к мести.

— К тому же я сын своей матери. А она у нас простого происхождения. Народу она нравится, а вот благородным родам не особо.

— Но как же так? — расстроилась Варя. — Нет покоя в собственном отечестве! Вон же Злат Лучедар — спокойно разгуливает без охраны по своей столице, и никто не посмеет на него напасть, его все обожают!

Зимослав улыбнулся ее наивности:

— А меня там терпеть не могут, если ты успела заметить.

Варя промолчала — что-то такое мелькало.

— Охрана у Злата настолько хорошо выучена, что их невозможно увидеть, если не знать заранее, куда смотреть. Во-вторых, на нем многослойные защитные заклятия Чуролюта. В-третьих — сам он не колдун.

— И что?

— А то, что людей без магического дара рождается гораздо больше, чем магов. Простому народу удобно пользоваться услугами колдунов, но правителем они предпочитают видеть обычного человека, как они сами, с понятными возможностями и запросами. Чародеи слишком таинственны и непредсказуемы. Естественно, народ нас опасается, и не без причин. Чем сильнее маг, тем он страшнее. Самое страшное для страны — правитель-чародей. Такие, как я и мой дед, легко можем стать тиранами-самодурами, и на нас не найдешь управу, а притеснять страну мы будем долго, ибо могучий колдун и жить будет век с лишним.

— Но ведь ты не станешь делать ничего плохого? — возмутилась Варя.

— Объясни это тем, кому на королевском суде я выношу обвинительный приговор. Или баронам, у которых я отнимаю титул и земли за неподобающие поступки, хотя они наверняка считают правыми себя.

Варя не нашла, чем возразить, хотя внутри всё кипело от несправедливости.

— Еще на Злата не покушаются, потому что его смерть бесполезна для врагов королевской семьи, — неожиданно вывел он.

— Как это?

— Нет особого смысла его убивать. У него же есть довольно молодой отец — если Твердивер лишится наследника, то просто поскорее возьмет в жены Мстисладу и родит еще детей. А так как она сильная чародейка, то дети у нее получатся одаренными. Следовательно, в свое время трон перейдет к колдуну — а это, как ты уже слышала, многим не по вкусу. И наоборот — если убьют Твердивера, то на престол тут же взойдет Злат и несомненно продолжит политику отца.

— А вот на тебе королевский род Синегорья прервется, — подхватила Варя. — Ибо тому, кто найдет способ избавиться от тебя, не составит труда уничтожить и Зореславу. И пусть твоя матушка еще не стара, ее гипотетический ребенок от премьер-министра не будет иметь прав на корону.

— Ты всё прекрасно поняла, — похвалил он.

— А давай с тобой сами ребенка родим! — осенило ее гениальным решением.

Зим дернулся от неожиданности и уронил себе на рубашку едва надкушенное пирожное, пышным кремовым завитком вниз. Одарил сияющую Варвару подозрительным взглядом, в котором ясно читался вопрос: «Очумела, что ли?» Но вслух спросил иначе:

— Не рано ли?

— А почему нет? — и невинно захлопала ресницами.

Он невинно что-то промычал и поспешил слезть с кровати. В задумчивости удалился в примыкавшую к опочивальне гардеробную, дабы переодеться. Дверь же оставил открытой, так что его было не видно, но слышно:

— Мне кажется, обсуждать этот вопрос несколько преждевременно.

— Если ты волнуешься за то, что ребенок родится внебрачным, то зря, — заявила Варя, веселясь от души, наслаждаясь его плохо скрытым смятением. — У нас будет достаточно времени, чтобы успеть зарегистрировать брак по всем законам. Беременность, знаешь ли, быстро не проходит! А если что, скажу, будто родила младенца, не доходя срок пару месяцев. Такое ведь случается у женщин и в вашем мире, полагаю?

Он вернулся в свежей рубашке с трогательно топорщащимся воротничком. Варя хлопала по кровати, чтобы он сел, и потянулась поправить ему ворот.

Зимослав поднял на нее взгляд, золотистый и пронзительный, как лучи рассветного солнца из-под сиреневого легкого облака.

— Варя, я не могу просить тебя о таком.

— Почему это? Я тебе не нравлюсь? — надула она губы, прекрасно сознавая, что слишком давит на жениха.

— Нравишься! — поспешно заверил он. Проникновенно продолжил: — Ты очень важна для меня. Дед, направив тебя с помощью своего проклятия, сделал мне огромный подарок. Совсем недавно ты вошла в мою жизнь, но я уже не представляю, как без тебя обходился прежде. Мне становится спокойнее, когда я вспоминаю, что ты ждешь меня здесь. Мне нравится видеть тебя каждое утро и ужинать с тобой поздними вечерами. Ты делаешь для меня так много! Поладила с моими близкими и друзьями, познакомилась с моей матерью, поддерживаешь и помогаешь мне во всем. А что я могу дать тебе взамен? Мне стыдно, ведь я только принимаю и не в состоянии ничем ответить на твою доброту.

— Ты даришь мне цветы каждое утро, — умилилась на его искреннее огорчение Варя. — Катаешь меня на сайгаке...

— Я не шучу, — покачал он головой.

— И я серьезна! — подхватила она. — Ты поселил меня в замечательном месте, где лучше любого санатория. Ты познакомил меня с замечательными людьми. Я целыми днями бездельничаю, а ты оплачиваешь все мои расходы. Ты позволяешь мне делать всё, что мне захочется — и при этом оберегаешь меня, будто я настоящая принцесса в волшебной башне! Поверь мне — я счастлива. И я надеюсь стать еще счастливее, когда ты сделаешь мне главный, самый долгожданный подарок.

Он внимательно ее слушал, неверяще распахнув глаза.

— Зимослав Ледомир Снежен, ты станешь моим мужем? — выпалила она.

Зим слегка испуганно кивнул:

— Конечно.

Варя попыталась не сиять, как дурочка, хоть и подозревала, что широченную улыбку от уха до уха спрятать не получится.

— Но я уточнила у твоей мамы, — протянула она жалобно, — и ее величество сказала, что не даст разрешения на нашу помолвку.

— Да, беда, — признал Зим, — я не смогу обойти ее запрет. Придется экономить — объявлю помолвку в праздник зажжения зимних звезд, а свадьбу сыграем в день звезд гаснущих.

Варя радостно взвизгнула — и кинулась к нему на шею:

— Я люблю тебя!

Зим неуверенно обнял ее. Правда, промолчал в ответ, и это ее больно укололо.

— Но ты не влюблен в меня, — вздохнула она.

— Я не знаю. Честно. Прости, похоже, мне нужно еще немного времени. Думаю, супружеская привязанность придет позже и будет глубже, чем простая влюбленность...

Варя отстранилась.

— Уверена, ты не сомневался в чувствах, когда влюбился в свою первую девушку, из-за которой поругался со Златом восемь лет назад! — ревниво бросила она. И тут же пожалела, что не удержала язык за зубами.

У Снежена не дрогнул ни один мускул на лице. Но золотистый взгляд потускнел.

— Извини, — пробормотала Варя.

— Не стоит. Ты имеешь право знать всё о прошлом человека, за которого выйдешь замуж, — отозвался он тихо.

— Прости, — повторила она, нервничая еще больше от его внешнего спокойствия. — Я не должна была так грубо лезть не в свое дело. Не представляю, как больно тебе сделала, что напомнила. Она давно умерла, но, кажется, твое сердце всё еще принадлежит ей. Невозможно сравниться с покойницей, у меня нет таких достоинств, чтобы затмить память о той, что пожертвовала жизнью ради твоего будущего...

Зим поглядел на нее с крайним изумлением:

— Кто умер? Ты о чем?

— О девушке, которая была твоей первой любовью. Я всё знаю! Она любила тебя и не смогла смириться с проклятием, поэтому покончила с собой. Чтобы подавить чувство вины, ты беспорядочно спал с горничными...

Он поджал губы — и Варя мимолетно поразились, как в этом недовольном выражении схожи брат с сестрой.

— Признаю, я не брезговал лаской служанок...

— Я вовсе не о том!

— Но это единственное, что здесь правда, — раздраженно рассмеялся он. — Кто тебе рассказал такое?

Варя промолчала.

— Зорька? — догадался без подсказок. — Либо она тараторила обо всем сразу, либо ты неправильно ее

поняла. Та девушка никогда бы не покончила с собой. Она жива и здорова, и теперь у нее всё хорошо, уверен, хоть мы и не виделись года два. Когда я... заболел нервной горячкой, которую принял за влюбленность, я пришел к матери и объявил, что собираюсь жениться. Я руководствовался примером отца, он в свое время точно так же потребовал у деда разрешение, не дожидаясь совершеннолетия. Представь, каково же было мое удивление, когда мне запретили и думать о подобных глупостях!..

— Вообще-то, Злат описывал момент, когда вам рассказали о проклятии, несколько иначе, — не утерпела, вставила Варя. — Именно поэтому ты поспешил вернуться домой из Златограда.

— Да? Не важно. Может быть, — отмахнулся Зим. — Вполне возможно, что к матери я пошел позже, за объяснениями. Я плохо помню. Говорю же — у меня была горячка, а не любовь. Может, некоторые трудности с управлением магией тоже дали о себе знать. Это всё неважно. На деда я ужасно разозлился — получалось, что из-за давнишней своей прихоти он проклинал меня, а не Белозорскую династию! Он отнял у меня право выбора, а значит, и право на будущее счастье. Мне и сейчас стыдно за то, каким тоном я тогда с ним посмел разговаривать. Я, наверное, еще полгода на него злился. Поэтому подробности растолковывала мне мама. Она объяснила, что если я вздумаю ослушаться и в нужное время не отправлюсь в Златоград, чтобы украсть чужую невесту, я буду наказан — мой дар исчезнет. Я тогда подумал: и пусть! Всё равно от него одни проблемы. Но всё оказалось сложнее.

— Например, на Белозорье должны были обрушиться стихийные бедствия, — поддакнула Варя.

— Мне было в то время плевать на Белозорье, — честно ответил Зим. — Однако свое собственное благополучие я, к счастью, ценил. Наше королевство слишком долгое время зависело от правителя-чародея. Те же белогорцы не развязывали полномасштабную войну, потому что боялись мощных чар Грозоврата. Дед был стар еще до моего рождения, а после исчезновения отца его здоровье резко ухудшилось. Я обязан был принять бразды правления из его слабеющих рук. Лишившись дара, я сделался бы бесполезным. Да меня просто убили бы где-нибудь в темном уголке дворца!

— Как и твою сестру.

— Именно. Но даже при самом лучшем раскладе, я просто не осознавал, как сильно изменилась бы моя жизнь без чародейства. Взять ту же погоду — я очень привередлив и не выношу летней жары, например. Я не люблю затяжные дожди осенью и сильные оттепели зимой. Я ненавижу град и обожаю безветренные снегопады хлопьями. Кто станет учитывать мои капризы, если я потеряю трон и силу? Никто, разумеется. Обычным погодникам едва хватает сил бороться с засухами, ураганами и наводнениями от ливней.

— Дай угадаю: твоя привередливость устраивает всех и помогает земледельцам получать отменный урожай на зависть соседям? — съехидничала Варя.

— Ну... Не без этого, — буркнул уличенный королевич. — Еще я привык пользоваться порталами вместо утомительных длительных путешествий. В конце концов, закрывать стихийные разрывы на территории Синегорья без меня тоже было бы некому. В общем, нашлось множество веских причин остаться чародеем. Я одумался, всё взвесил — и решил, что пылкая страсть не стоит подобных жертв. Поэтому объяснился... с той девушкой, и она меня прекрасно поняла и простила.

— То есть ты ее бросил, и вы расстались друзьями, — усмехнулась Варя.

— Верно, — улыбнулся в ответ и Зимослав. Перевел дух с облегчением, словно объяснение далось ему нелегко. Будто ему было важно убедить ее в своей правоте.

— А ничего, что у тебя давно мерцает рубин в колечке? — резко сменила она тему.

— Кому-то срочно вздумалось со мной поговорить, — вздохнул Зим.

— Мне лестно, конечно, что ради меня ты отлыниваешь от дел, но вдруг там что-нибудь важное?

— Там всегда что-то важное, — еще тяжелее вздохнул он.

— Ответь! Я выйду, если мешаю.

— Остайся.

Но прежде чем раскрыть мини-портал для переговоров, Зимослав покосился на Варин бюст, обтянутый футболочкой, и прикрыл оный уголком пледа.

В повисшем над кроватью окошке появилось изумленное лицо Белокрыса Врана:

— Ах, теперь ясно, почему ты от нас больше часа отмахивался! Давно же я не видел в твоей постели девушек.

— А что, раньше вы за ним подглядывали?! — возмутилась Варя.

— Если можно, сразу о деле, пожалуйста, — перебил их насупившийся королевич. — И покороче — уже полночь, а утром мне в министерство.

— Можно и коротко, — кивнул Вран. — Тихун предсказал новую дыру. Откроется через... а, вот уже и открывается. Идешь?

— Куда я денусь? — проворчал Зим, поднимаясь с кровати.

— А можно мне тоже с вами?! — подхватила и Варя, вскочила, забыв о пледе.

Вран на мгновение округлил глаза и поспешил деликатно отвернуться.

Зим шикнул — и швырнул в невесту сюртук. Та быстренько его подхватила, продела руки в рукава и, застегивая пуговицы, объявила:

— Я готова!

— А обувь тоже мою наденешь? — прошипел Зим.

— Могу и в тапочках, — парировала Варя. — Сейчас спустимся к выходу, захвачу кроссовки. У тебя ведь местный портал на входной двери башни настроен?

— Ты спустишься и останешься у себя в покоях! — снова зашипел он.

— Но я хочу с вами, поглядеть на эти ваши стихийные дыры!

— Нет! Это опасно!

Вран решил, что ему пора вмешаться:

— Да пускай посмотрит! Издалека. Дыра небольшая, вон, Будигор уже успел всех вылезших чудищ загнать обратно. Никаких ядовитых испарений или излучений я не обнаружил. Варя ведь благоразумная барышня и не станет вмешиваться в чароплетение...

— Не стану!

— ...даже если покажется, будто без помощи мы не справляемся?

— Клянусь! Буду молчать и стоять в сторонке.

— Ну и славно, — подытожил Вран, многозначительно улыбаясь стиснувшему зубы королевичу. — Ждем вас!

Глава 17

Закрытие дыры прошло хорошо и почти без неожиданностей. Варю все встретили без вопросов или недоумения, будто давно ждали, когда она наконец присоединится к их компании. Только Огнейр по-мальчишески фыркнул, намекая, что негоже бабе лезть в мужские дела. А Варя и не лезла — как обещала, чинно стояла в сторонке и внимательно следила за процессом. Даже когда в почти заштопанную дыру следом за вернувшимся на эту сторону Зимом прорвалась какая-то летающая огненная сколопендра метров пять длиной и понеслась, извиваясь, напрямик на нее — Варя с места не сдвинулась, даже не ойкнула. Даже рука ее, смартфон с включенной камерой сжимающая, не дрогнула. Чудище у нее перед носом на полном скаку расплющилось о невидимую стену барьера, а затем, увлекаемое чарами Венцемира, злобно шипя и плюясь едкой паутиной, с трудом протиснулось задом в отверстие между мирами, придерживаемое Будигором и Снеженом...

В общем, Варе понравилось. На следующий день она приставала ко всем домочадцам Жукова Улья с предложением показать шикарное видео.

Пребывая в восхищении, она не сразу обратила внимание, что после того разговора по душам Зимослав практически стал ее избегать. Почти на неделю прервались их совместные ужины. В башне королевич показывался набегами, даже на ночь не оставался. Только амулеты менял, опустошенные на заряженные, и то умудрялся выбирать такой час, чтобы Варя его не застала.

Потом постучался поздно вечером. У нее к тому времени глаза слипались, поэтому она была не настроена задавать лишние вопросы или устраивать сцены, на которые к тому же, как считала, не имела права. Он, пряча виноватый взгляд, вывалил ей на постель все свои камушки, даже те, которые редко теперь носил — от запонок и брошек до кулонов и запасных длинных сережек. И попросил зарядить незамедлительно, до упора. Варя не отказала. И полчаса просидели в тишине, нарушаемой только взаимным сопением: она усердно наполняла кристаллы, почти позабыв о его присутствии, а он сосредоточенно о чем-то размышлял, на нее, полусонную, пристально глядя. Но в итоге так ничего и не сказал. Забрал побрякушки, поблагодарил и сбежал.

А за завтраком Зореслава-Сияна строго спросила:

— Ты хорошо зарядила брату все амулеты?

— Да, конечно, — удивилась странному вопросу Варя.

Принцесса вздохнула:

— Еще неделю его не увидим — к северной границе белогорцы подтянулись. Опять с ними воевать придется.

Варя пирожок мимо рта пронесла от такой вести.

— Не волнуйся, Хвоц всех своих рыцарей и пехотинцев собрал и туда перебросил. Ешь спокойно, — велела Зорька. И сама продолжила нервно нарезать блинчик в тарелке до состояния мелкой лапши. — Соседские бледные вожди и шаманы поглядят издалека на нашего бледного королевича, да и разойдутся каждый в свою сторону, как обычно. Зачем только приходят, спрашивается...

Варя не отстала от принцессы, пока та не рассказала о жителях Белых Гор всё, что сама знала.

— Ну... Они любят холод и носят белую одежду, чтобы быть незаметными на снегу, а может, наоборот, чтобы лучше видеть друг друга в глубоких пещерах, где они обитают. Они не строят городов, живут большими семьями, деревнями. Молятся своим богам. Среди них есть маги, но они используют совсем другие виды энергий и способы заклинаний, чем мы. Вроде бы ими правит королева, которая стоит над вождями всех племен...

— Они жуткие! — поежилась Варя. — Я видела в лесу одного — просто вампир-йети, точно как на картинке в

учебнике!

— Тот шпион, наверное, был в маске с накладными клыками и с закрытыми глазами, — пояснила Зорька. — На самом деле картинкам в книгах не стоит слишком верить. Художники просто не хотели рисовать наших давних врагов красивыми.

— Как эти снежные гоблины могут быть красивыми? — не поверила Варя. — Да у него были руки ниже колена!

— Это просто рукава длинные.

— И ноги кривые короткие!

— Шпионы любят штаны особого кроя, со свободным швом в шагу, — пояснила любительница кройки и шитья. — И ходят они на полусогнутых, отчего силуэт кажется коротконогим. Но на самом деле им просто так удобнее быстро бегать или бесшумно красться.

— А глаза-то у него были! Глаза-то!.. — вспомнила и содрогнулась Варя.

— Да говорю же — закрытые у них днем глаза, — настаивала принцесса.

— Как это? — не поняла та.

— Третьим веком, от яркого света. Представь: вылезают они из пещеры или подземного хода, а снаружи солнце сияет и снег блестит — так и ослепнуть недолго! А жизнь в горах не сладкая, долго моргать некогда. Вот они и приспособились днем держать глаза закрытыми. Еще от сильного ветра, говорят, помогает, от мороза и от пурги с колючей ледяной крошкой.

— Третьим веком? — повторила Варя, соображая. — А! Это как у кошек? То есть, у зябликов? Два века нормальных, нижнее и верхнее, а под ними вертикально ходит полупрозрачная пленка?

— Именно. У белогорцев она темная, поэтому издалека кажется, будто глазницы страшные, как у черепов. На самом деле глаза у них огромные, насыщенного цвета, как драгоценные камни, выразительные, как у тех же зябликов, и, говорят, вообще мерцают в темноте. Не все, конечно, красавцы, но ведь и люди бывают разными. Ну, и красота их всё-таки своеобразная, к ней привыкнуть надо. Так вот! Благодаря чувствительности их зрения, дедуля и придумал вешать зимние звезды — они и отпугнут яркими вспышками даже среди ночи, и послужат сигналами для людей, предупредят о вторжении.

— А меня Зимослав уверял, будто зимние звезды придуманы, чтобы у людей улучшалось здоровье и настроение, — фыркнула Варя.

— Одно другому не мешает, — хихикнула Зорька. — Какое тут здоровье, если солнце месяц не показывается из-за Кольца, на небе почти всегда густые тучи и дни становятся темные, как сплошные сумерки? Прибавь холод и снег — и банды бодреньких белогорцев, разгуливавших по приграничным землям, будто у себя дома! Хотя нет, у себя дома они вряд ли стали бы грабить соседей и громить всё подряд. Так и спускались со своих гор сотни лет, каждую зиму, с незапамятных времен, когда три королевства еще были единой империей. А вот когда братец встал во главу погодников и военных и подвесил под тучами лично доработанные солнышки-маяки — тут-то и пришел конец их зимнему раздолью. При всем уважении к деду и отцу, их звезды получались сторожевыми и отпугивающими — но когда еще стража примчится на помощь? Зато братьевы могут иной раз так обогреть непрошенных гостей, что от них кучка пепла останется! Такие вот чары срабатывают, если те посмеют пролить кровь наших подданных.

— Поэтому белогорцы решили теперь, что холодов ждать нет смысла, — подхватила Варя мрачно, — надо наступать, пока Зим не получил свой любимый источник сил от снегопадов.

— Они ж не знают, что у него появилась ты, — многозначительно добавила Зореслава. Вспомнила: — Если хочешь на третье веко поглядеть, пошли к Друне? Попросим его показать, он тоже умеет с закрытыми глазами разгуливать. Правда, наш-то привычен к яркому свету, поэтому редко жмурится. Кстати, это ведь белогорцы придумали приручать сайгаков — на них удобно ездить по тропкам между скал или перелетать через расщелины.

На сайгака пошли глядеть, не откладывая.

— А разве Зим не взял своего скакуна с собой? — запоздало спохватилась Варя.

Принцесса помотала головой:

— Он же порталами шныряет везде. Чтобы переносить сайгака, это ж сколько энергии нужно! И вообще, Друня у него исключительно для парадных выездов. В опасные путешествия братец его никогда не возьмет.

— А на чем же ездят королевские рыцари? — не унималась Варя. — Разве не на сайгаках?

— Нет, на сайгаках давно никто не ездит верхом, кроме нашего Зимки и белогорцев.

— Неужели ваши всадники на кроликах скачут? Или на зябликах?!

Зорька от ее «почемучек» отмахнулась, ибо уже пришли.

На заднем дворе «конюшни» что-то грохотало, словно там работала бригада лихих каменщиков. Огнеяр Тихун сидел на верхней ступеньке боковой лесенки, ведущей ко входу на его чердак, взирал на творящееся во дворе свысока и наигрывал на флейте умиротворяюще-печальную мелодию.

Услышав звуки флейты, Зореслава ахнула и остановилась послушать. И Варю придержала за руку, чтобы пока не подходила и не мешала музицировать. Но у парня был хороший слух, даже на расстоянии и сквозь грохот он их услышал и тотчас перестал играть.

— Привет, Огнеярушка! — зарумянилась маковым цветом принцесса. — За Друней присматриваешь?

— Угу, — ответил Тихун. Встал с места и явно собрался улизнуть, как только девушки отвернутся.

А Зорька будто не замечала и продолжала настырничать:

— Как там наш сайгак? Сердится, что братец без него на войну уехал?

— Угу, — снова был содержательный ответ.

— Пусть не переживает зря! — нарочно громко объявила она. Шум на заднем дворе прекратился — похоже, сайгак прислушивался к их разговору. — Сейчас же лето! А всем известно, что летом белогорцы еле ноги волочат, какие уж им военные походы. Это они, наверное, от солнечного удара умом тронулись, с горных склонов кубарем скатились — так возле наших границ и очутились. Братец им быстро объяснит, что мы их в гости не ждали, да обратную дорогу укажет! Верно говорю?

— Угу! — подтвердили хором Варя и Тихун.

— А нам можно к Друне заглянуть, разрешишь? — продолжала принцесса строить глазки Огнеяру.

— Угу, — опять промывчал он и пожал плечами, что можно было понять как: «Если вам больше нечем заняться и не боитесь получить камнем, то идите, мне-то какое дело?»

Варе как-то резко расхотелось тревожить пребывающего не в духе зверя, но Зореслава потянула ее за собой. И велела Тихуну:

— Спускайся! Раз твоя музыка не успокоила Друню, будем вместе ему шерсть вычесывать! Неси грабли! А не то вдруг сгоряча сломает свою обувь или купальню испортит — будет еще неделю горевать.

— Или крылья повредит, камнями-то кидаясь, — негромко пробормотала Варя.

Зорька ее услышала и шепотом, сделав страшные глаза, сообщила:

— Ты что! Крылья — его больное место!

— Почему? — шепотом же спросила Варя. — Он же умеет ими махать, почему летать-то не научился?

— Отец нашел Друню в горах совсем еще птенцом, тот из гнезда выпал и в щели между скалами застрял. Зимка и дед его выходили, поэтому Друня к братцу привязался. Но без взрослых сайгаков рядом Друнь не смог вовремя научиться летать. Когда поняли, в чем проблема, было уже поздно — он подрос и набрал вес. Кормил-то дед его хорошо, разбаловал, пока Зим в Златограде жил. А крылья остались слабенькие, на таких ему никогда в жизни в небо не подняться. Вот с тех пор он и хандрит временами, особенно если братца долго не бывает дома.

— Мда... — сказала Варя. — Надо с этим что-то делать.

Как и Друне, ей было очень обидно, что Зим не взял ее с собой на войну. Но поделаться с этим она ничего не могла, да и умом понимала, что, если оставили сайгака, то ей тем более на границе не место. Значит, надо дома провести это время с пользой. Например, научить зубро-дракона летать. Даже если не получится, то хотя бы не будет сидеть в башне у окошка и переживать, как там ее суженый — не ранен ли, не угодил ли в плен...

Очень удачно в ее тетради с конспектами нашлись упражнения по развитию лекарственных способностей. И Варя с воодушевлением начала с чар диагностики. Оные показали, что сайгак здоров, как бык. Точнее, как хищный пешеходный пегас с хилыми крыльями. Причем назвать мышцы и кости слабыми можно было лишь относительно — махать верхними конечностями Друня умел и в приступе упрямства мог этим заниматься часами. (Для тренировок он, кстати, сгреб все камни из сокрушенных сгоряча пирамидок в одну высокую кучу, на которую и забирался). Размер у крыльев был внушительный, размах впечатлял, и, если честно, Варя вообще представить себе не могла, как должны выглядеть крылья у сайгака летающего. Или летающие не будут весить, как зоопарковый слон? Всё-таки в снежных горах и на скалистых склонах с питанием дела обстоят куда суровей, чем в благополучном поместье.

Для начала Варя прописала своему пациенту регулярные укрепляющие тренировки — каждый день в несколько подходов, а не раз в неделю в приступах меланхолии. Еще назначила диету, чтобы избавиться от жирка, что прощупывался под мохнатой шкурой. А также ввела в правило долгие прогулки на природе — в ближнем лесочке или вокруг озера, или до деревеньки и обратно. Чтобы было веселее, гуляли всей компанией — Варя с сайгаком и Зорька с Тихуном. Последний откровенно морщился от ласкового натиска осмелевшей в отсутствии брата принцессы, но стоически продолжал отмалчиваться на все заигрывания.

— Зорь, а у тебя точно нет какого-нибудь забытого жениха, назначенного проклятием деда или родительским заветом? — на всякий случай уточнила Варя. Ей Огнеяра было немножко жаль. Но, с другой стороны, раз он всё еще терпит, а принцесса наслаждается вольной жизнью, то почему бы ей и дальше не хихикать в свое удовольствие, втихомолку любуясь юной парочкой?

— Нету! — радостно объявила принцесса, вновь повиснув на плече красного, как закат перед бурей, кавалера.

— А Зимослав знает о твоих тайных симпатиях? Не влетит мне, что я устраиваю ваши свидания, прикрываясь

заботой о здоровье Друни?

— Его высочеству прекрасно известно про романтическую блажь ее высочества, — соизволил буркнуть Тихун.

— Братец нисколько не против! — расцвела смущенная и счастливая Зореслава.

Когда остались наедине, принцесса для успокоения Вариной совести обстоятельно пересказала трагическую историю Огнеяра. Оказывается, парень происходит из благородного рода военных магов и унаследовал титул барона, правда, без подкрепления в виде фамильного замка. Замок, а вернее, приграничная крепость была разрушена при очередном набеге белогорцев. Его величество Кудеяр Смур с товарищами лично отправился на помощь гарнизону, но опоздал на считанные минуты — вся семья Огнеяра погибла, а сам он, трехлетний малыш, выжил чудом. Кровных родственников, желающих взять сироту на воспитание, у него не нашлось, потому тихий и серьезный мальчуган остался во дворце в свите принцессы. До статуса королевского рыцаря-мага он пока, правда, всё еще не дорос, но под покровительством Снежена успешно развивает дар предвидения и прочие незаурядные магические способности.

— Только на войну Зим его, наверное, никогда не возьмет, — призналась Зореслава. — Огнеяр настолько ненавидит белогорцев, что при виде их мгновенно приходит в слепое бешенство. А нет ничего страшнее для соратников, чем неспособный держать себя в руках могущественный чародей.

«Боже мой, ну и в семейку я попала! — подумалось Варе. — Принц с принцессой — безотцовщина. Паж у них — круглая сирота. Чудо-конь — и тот найденыш! И, похоже, у всех депрессия...»

Но если меланхолия Зорьки была прямым отражением депрессии брата, а в тоске Зима следовало винить пропавшего отца, то источник огорчений сайгака был куда проще. И Варе не пришлось долго ломать голову, пытаясь найти для зверя лекарство для души.

— Мне кажется, Друнька, или ты немножко похудел у нас? — объявила она после нескольких дней, заполненных долгими прогулками и тренировками на укрепление мышц. — Ну-ка, давай еще разок залезь на свою горку и помаши крыльями, чтобы ветер поднялся! А я посижу тут, погляжу на тебя.

Она впрямь уселась на заднем углу террасы, подстелив прихваченный у Зорьки половичок. Да не просто собралась глазеть и бездельничать, а заодно полезным рукоделием заниматься — домашний свитер Зимослава чинить, протершиеся локти штопать и заплатки из контрастной замши класть. Ну точно старая нянька при детской площадке!

Сайгак с неохотой послушался, полез на свою горку булыжников, что собрал в нескольких метрах от песочницы. (Варя уже прикинула, что зимой, когда Друнь сможет принимать ванны из снега в любом другом месте, она из этого «курганчика» и песочной ямы соорудит ледяную горку. Даже если Зим не захочет с нею повеселиться, то уж Зорька точно Тихуна пару разиков по накатанному спустит с визгом.)

— Маши-маши! — подбадривала Варя унылого зверя, у которого сегодня выдалось особо мрачное настроение. — Не халтурь! Поднажми! Не стесняйся хорошенько пропотеть — потом пойдем на озеро купаться!

Друня насупился, состроил поистине звериную морду — напрягся, замахал крыльями активнее. Даже привстал на задние лапы, поджав передние.

Варя, продолжая демонстративно штопать, исподтишка направила на него тоненький поток чар — то самое заклятие левитации, из-за которого Вихрю довелось повисеть под потолком родной академии.

— Еще-еще давай! Еще чуточку быстрее! Ну-ка, ну-ка!.. Да ты же взлетел!!! Дружочек, погляди-ка, у тебя получается! — заорав в восторге, Варя аж с места вскочила. Вообще-то она честно очень обрадовалась, ведь точно не была уверена, что чары сработают на таком немаленьком звере.

Друня не поверил сперва, презрительно фыркнул, выпустив из ноздрей клуб огненных искр. (Он, оказывается, вправду умел плевать горячим «секретом», когда нервничал или очень злился). Но Варя продолжала назойливо восторгаться, и он-таки соизволил поглядеть себе под задние лапы. А те... впрямь не касались когтями верхних булыжников.

От такого открытия Друнь взревел во весь голосище!.. И потерял равновесие, выпал из-под действия чар — кубарем скатился с горки в песочницу, плюхнулся в зыбучую яму, подняв тучу пыли.

— Друня!!! — завопила Варя, вообразив, что в эдаком кульбите он себе не только крылья переломает, но запросто ноги вывихнет и шею свернет.

Она кинулась было к нему на помощь... Но едва сама не свалилась с края террасы — кто-то дернул ее назад, ухватив за локоть.

— Ты чего?! — Резко обернувшись, Варя столкнулась нос к носу с Тихуном. — Он упал! Покалечился!..

— Ничего с ним не случилось, — буркнул Огнеяр. — Он при мне с крыши сколько раз спрыгивал — пока дом не разломал, чинили потом.

— С крыши? — Варя задрала голову, невольно сравнивая высоту конька «конюшни» с размером «курганчика». Выходило минимум раза в три выше.

— Не с этой крыши. С кухонной. Залезал, пока баба Вера не видела. Она его потом скалкой лупила.

— Бедняжка... — пожалела сайгака Варя.

И действительно — полежав чуток в пыльной купальне кверху лапами и устремив мечтательный взгляд в небеса, Друнь вдохновенно забил роскошным хвостом. Потом вскочил — и пустился в пляс, скача в песочнице кругами и вздрагивая всеми лапами сразу и по очереди.

— Ну, и что дальше делать будешь? — кисло осведомился помощник.

— Ты, Тихун, любишь молчать — так вот и помалкивай впредь! — шикнула Варя. — А мы тренировки продолжим. Мышцы нужные накачаем! Научимся держать равновесие. И от психологического блока избавимся. Конечно, потребуется время, но реабилитация дело такое! Трудное, но выполнимое, вот.

Против предсказания Зореславы, Варя увиделась с Зимом раньше, чем через неделю. Разумеется, в этом оказался виноват закончившийся в накопителях заряд.

Снежен постучался к ней за полночь. Не дождавшись ответа, тихо вошел в спальню.

Умаявшаяся за день с сайгаком Варя уже легла — хотела почитать перед сном, да так и заснула, уронив раскрытую книжку на грудь.

В изголовье тускло светился фонарик-ночник, согласно наложенным чарам обязанный плавно угаснуть, когда в нем перестанут нуждаться. Зимослав, подойдя к кровати, движением руки велел ночнику прибавить яркости. Опустился на край постели, всмотрелся в лицо спящей невесты. Улыбнулся на ее размеренное сопение. Наклонился и осторожно коснулся губами ее приоткрытых губ.

Веки ее вздрогнули, Варя взглянула на него сквозь ресницы. И в сонном взгляде не было удивления — то ли королевич ей снился до этого, то ли сквозь сон она слышала его тихие шаги. Или опознала по нюху — пусть даже к знакомым ноткам его хвойного шампуня, травяной отдушки гардероба и собственно легкой горчинке мужской кожи примешивались непривычные запахи дыма, свежей древесины, влажной лесной земли и острого привкуса грозových молний. Вместо ожидаемого возмущения она крепко обхватила его за шею, снова притянула к себе и жадно поцеловала по-настоящему.

От неожиданности Снежен замер. Потом прикрыл глаза и попробовал достойно ответить, перехватить инициативу, как положено мужчине... Но Варя так увлеклась, что через минуту пришлось намекнуть, чтобы отпустила. Что она сделала с явной неохотой.

— Я тебя подзаряжаю, а ты мычишь, вырываешься... — проворчала, позволив ему немного отстраниться — только на расстояние ее вытянутых рук, коими она цепко ухватила его за воротник черного мундира, украшенный на уголках золотным шитьем. — У вас тоже есть сказки, где утверждают, что спящих девушек надо будить исключительно поцелуями?

— Есть, — повинулся он, отвел глаза.

Варя покосилась на эполеты из золотого шнура:

— Ого, внушает! Но зачем? Ты ж, вроде, не любишь такое.

— Положено. Чтобы все издалека видели, где командующий.

— Твои сиреневые вихры и так издалека видно.

— Я же шлем надеваю.

— Похвально, думаешь о безопасности, молодец. Ну, так что там у вас? Закончили с войнами?

— Пока еще нет. Извини, я ненадолго...

— Да всё понятно! Давай свои камушки... Сам можешь идти перекусить чего-нибудь.

— Благодарю, я не голоден, — улыбнулся он. — Отпустишь, может быть? Я бы амулеты тебе отдал.

Варя со вздохом уронила руки поверх одеяла, покусывая губы в досаде, что вот сейчас он встанет и снова уйдет... Но нет, Зим выпрямился, вытащил из-за пазухи сверток с опустошенными амулетами, развернул платок на одеяле перед Варей. И остался молча сидеть рядом, поглядывая на нее, надутую и нахохлившуюся.

Варя подтянулась повыше к изголовью, села, подобрав ноги, нарочно не подумала поправить сползшую с плеча бретельку пижамной майки. Кинула на молчащего жениха колючий взгляд искоса, убедилась, что тот собирается ждать, пока она закончит — и погрузилась в процесс зарядки.

Хотя сосредоточиться было ох как непросто! Мешало стойкое ощущение дежавю из-за прошлого его визита недельной давности. И безумно смущало то, как Зим задумчиво пялился на нее. А у Вари от этого его рассеянного и вместе с тем внимательного взора внутри пожар полыхал, так что энергия просто фонтанировала — в десять раз больше кристаллов могла бы зарядить!

— Готово, забирай, — проворчала она наконец. Зевнула, отвернувшись.

— Благодарю.

Он быстро собрал камушки и спрятал обратно под мундир. И неожиданно наклонился ближе — придерживая рукой за затылок, чтобы не отворачивалась, прильнул к губам.

Жаль, отпрянул, развернулся и удрал слишком быстро. Варя и облизнуться не успела, огорошено глядя вслед.

Утром казалось, будто поцелуи ей приснились.

Зимослав снова, в который раз за день, поднялся по исхоженной тропке на облюбованный пригорок. Отсюда прекрасно просматривались окрестности — оба берега неширокой пограничной реки. И оба военных лагеря, вдоль оных берегов растянувшихся. Правда, самого королевича также было отлично видно с той стороны. Но это ему было на руку — пусть противники знают, с кем имеют дело, и трепещут в предчувствии поражения! А то зачем еще он надевает опостылевший мундир с блестящими эполетами (и подстёжкой из зачарованной кольчуги), а сиреневые вихры прячет под вороненым шлемом, украшенным золотым гребнем короны? Тяжелым, между прочим! Свои-то подчиненные его и так опознают, без мишуры.

Вот только противники не особо спешат трепетать. Видать, с самого начала рассчитывали на встречу лично с правящим принцем Синегорья.

Они и сами нынче явились не дикарями, как бывало прежде. Все без исключения расхаживали в шлемах, закрывающих чувствительные глаза забралами, сделанными не из хрупкого затемненного стекла, а из мелкой сетки из тонкой проволоки. Для защиты от здешнего (нынче довольно прохладного, надо признать) лета, какой-то горный гений придумал наколдовать охлаждающие плащи — разумеется, белые. При каждом резком движении со складок сыпалась на луговые травы снежная мука инея. Точно такими же попонами эти умники накрывали в полуденную жару и своих косматых сайгаков.

Другое дело, что и наступать белое войско не торопилось! Как пришли, так и встали на своем берегу. Да, донимают явившихся встречать соседей атаками, но исключительно дальнобойными — стрелами, снарядами или чарами. Пересекать же водную преграду они будто и не собирались.

А Зимослав не собирался отправлять своих людей на тот берег.

Венцемир расстарался, в считанные дни собрал для его высочества внушительную армию — солдат на этой стороне реки было раза в два больше, чем белогорцев на той. А главное, среди простых воинов степенно расхаживали заметные издали королевские рыцари-маги...

Вернее, как расхаживали — они, конечно же, ездили верхом, как и положено рыцарям. Вот только скакуны у них были очень уж голенастые — каждая нога в четыре человеческих роста длиной! Если такой скакун вытягивался в струнку вверх, расправляя острые коленки, то никакие дозорные вышки не требовались. Скорпионы — искусственно выведенные для военных нужд огромные пауки. С маленьким (по сравнению с лапами!) плоским телом, на котором удобно крепилось кресло-седло для наездника. С аккуратными небольшими клешнями, примерно по метру каждая, которые с легкостью поднимали бревна при строительстве укреплений, перекусывали сети из канатов, с размаха проламывали кирпичную стену, вспарывали мостовые, ежели требовалось что-то выкопать — ну, и так далее. На шести долгих ногах, покрытых жестким, как щетка, длинным пухом, было удобно вышагивать среди толпы, пронося паучье тело и всадника над головами пехоты. Причем обычно скорпионы двигались степенно, даже неторопливо, восемью глазами внимательно глядели, куда ступать, и ощупывали пространство ворсинками на лапах. Но в бою от медлительности не оставалось следа.

И пусть, повинувшись заветам Великой Матери, рыцари-маги не смели убивать противников, дабы не извратить собственный колдовской дар, зато они прекрасно защищали отряды пеших воинов, ставя щиты и барьеры. (А уж те, простые смертные, не боялись запачкать рук и смело пускали в ход клинки, копья, пушки, бомбы и прочее вооружение). Зато рыцари могли проводить косвенные или неслетельные атаки: например, вызвать обвал или наслать на врагов чары сна или оцепенения, наколдовать под ногами зыбучее болото или пошутить с одеждой, чтобы та превратилась в крепкие путы. Жаль, на белогорцев подобные трюки давно не действовали, у них имелись собственные колдуны и шаманы. Те научились противостоять излюбленным приемам людских магов — и нагло их же перенимали, переиначивали. Пошлешь на них волну огня — они ее назад отобьют. Кинешь шквал ветра, чтобы с ног сбило — поглотят, сыто рыгнут и попросят добавки.

Единственным колдовством, какому белогорцы не сумели подыскать достойный ответ, оставались зимние звезды. Их Снежен и развесил над серединой реки, целую гирлянду ярко сияющих шариков. Рыскающие по кромке того берега белые воины то и дело поглядывали на звезды — наверняка под шлемами скрежетали зубами от злости.

Конечно, звездами Зим не ограничился. Он поставил над своим берегом добротный барьер от снарядов любого вида и от проникающих чар — выше полета стрел, шире протяженности лагеря. Снабдил отряды отдельными магическими щитами, что должны были сами собой раскрыться при угрозе нападения. Выдал рыцарям амулеты-проводники. Имея такой, каждый наездник на скорпионе делался представителем королевича в прямом смысле слова: при необходимости Зимослав видел их глазами и плел чары их руками, но с собственной мощью, (до которой даже самому лучшему рыцарю было очень далеко). Таким образом, если белогорские шаманы и вожди хорошо следили за магами противной стороны, то должны были возомнить, будто в Синегорье каждый чародей не уступает по силе правящему принцу. Ну, а если они следили лучше, чем хорошо, и разгадали уловку, то

Зимослав всё равно остается в выигрыше — с амулетами-проводниками он практически получил возможность перемещаться по берегу со скоростью мысли, а то и быть в двадцати местах одновременно, что в бою стоит немало.

Одно плохо — рыцари на скорпионах были подделкой.

На самом деле в лагере, не считая самого Зима, было всего лишь пятеро магов — старый лекарь и его ученики. Снежен очень надеялся, что их услуги потребуются исключительно бледным пленникам.

Настоящий отряд королевских рыцарей Венцемир оставил себе для других, более важных задач. Объявил, что с таким скучным, вялым противостоянием его высочество прекрасно справится в одиночку — его могущества с лихвой хватит, чтобы удержать барьер над всей северной границей. Ведь всего-то и нужно наблюдать и никого не пропускать.

И вот теперь Зимославу приходилось использовать проводники при любых нападениях, даже самых слабеньких, разведывательных, откровенно заигрывающих. Белогорцы будто нарочно испытывали его терпение. (Хотя почему «будто»? — именно нарочно!) То пару дней сидят тихо и похлебку варят. А то круглые сутки не унимаются, от темноты до темноты: с одного конца нападут на лагерь, подожженными снарядами из катапульты закидают (естественно, ни один не долетел до шатров). И тут же, одновременно с этим, на другом конце устроят попытку прорваться колдовством и удушить синегорских солдат злобным мороком. А через минуту — по центру шарахнут заговоренным каменным ядром, так что только барьер успевай поддерживать и щиты поднимай. Вот бы и носился Снежен из угла в угол, как суматошный кролик в колесе, кабы не паучьи всадники. Ну, подумаешь, к ночи голова кружится от того, что приходится смотреть сразу десятком пар глаз — не смертельно же.

Но амулеты-накопители опустошал иной раз горстями.

И с нетерпением ждал, когда же это «великое речное стояние» двух армий закончится.

Венцемир обещал разобраться с делами еще неделю назад, между прочим, и вернуться к нему с отрядом рыцарей...

Вглядываясь в легкую дымку, укрывшую ставку противника, Снежен гадал, какую каверзу на сей раз для него готовят. И что это за дымка, откуда взялась? Не похоже, чтобы от костров. Неужели охлаждающие плащи исчерпали заряды чар и изошлись паром? Вот было бы забавно!..

Словно разгладив воздух ладонью, он разрешил открыться переговорному порталу. Покосился на возникшее в окошке лицо Венцемира — капитан состроил загадочную мину, а сам сиял предовольно.

— Ну? И долго мне еще здесь сторожить? — ворчливо протянул Зим вместо приветствия. — Будто у меня других забот мало!

— Безусловно, ваше высочество! Королевская свадьба на носу, а тут такая досада! Я прекрасно понимаю ваше горячее желание поскорее...

— Цыц! Говори, какие новости?

— То цыц, то говори! — возмутился Венцемир. Но дурака валять перестал и обстоятельно отчитался об успехах тайного предприятия.

Пока Снежен всеми силами убеждал противника, что королевские рыцари сторожат границу вместе с ним, а белогорское войско в свою очередь делало вид, будто вот-вот эту границу переступит и развернет конфликт в полноценную войну — Венцемир и его молодцы следили за настоящей, тайной стороной нападения: под шумок на территорию Синегорья пробралось несколько десятков групп лазутчиков-диверсантов. Потому-то и пришлось задействовать всех рыцарей-магов и даже их учеников и оруженосцев.

Некоторых выловили сразу, пока те не успели подстроить людям грандиозные гадости. Некоторых решили оставить под тщательным наблюдением, дабы выяснить, что еще они замышляют и кто из местных запятнан предательством.

Большинство лазутчиков имели какую-то цель в столице. Причем они были вынуждены пробираться туда сложными окольными путями, даже через границу Вольнопожья. (Пусть напрямую от северной границы до Грозовградска рукой подать, но при этом миновать земли поместья Жуков Улей было просто невозможно — а туда рисковали соваться только самые отчаянные шпионы).

Именно в Вольнополье нашлись белогорцам союзники — разрозненные семьи черных колдунов, побежденных в мятеже двенадцатилетней давности. Хуже, что перед обещанием больших денег не могли устоять и уроженцы Синегорья — чародеи-неудачники с нереализованными амбициями, глупые доверчивые юнцы, едва овладевшие магией, или представители обиженной властью провинциальной знати.

Передвигались группы по стране единообразно, согласно общему плану — в закрытых кибитках, в сопровождении одного чародея. Стражникам, следящим за порядком на трактах, Венцемир заранее разослал приказ пропускать магов с подозрительным грузом, так что напрасно те радовались своей удаче и внезапно возросшему мастерству маскирующих иллюзий и умению отвести взгляд. Кабы не приказ, лазутчиков легко обнаружили бы с помощью особо зачарованных поисковых амулетов.

— Без охлаждающих плащей в повозках они долго не просидели бы... — заметил Зимослав.

За разговором он не забывал поглядывать в сторону противоположного берега. Дымка поднималась от земли всё выше, сгущаясь до молочной белизны. Подозрительный туман. Прищурившись, Зим мысленно подал команду гирлянде зимних звезд увеличить яркость. На всякий случай прощупал плетение чар нижней кромки барьера, что проходила по реке, проникая под воду на глубину в человеческий рост. Крепкие узлы отозвались беззвучным звоном — всё чисто... Но какое-то нехорошее ощущение всё равно не отпускало. Он поежился — как будто кто-то издалека сверлил его ненавидящим взглядом... Хотя, почему «как будто»? Наверняка пялились, уж точно не любовались...

— Через пару дней первые кибитки доберутся до окраин Грозовградска, — продолжал рассуждать Венцемир. — Тогда-то мы и выясним, кто из именитых вельмож покровительствует этому плану или стал по каким-то причинам их союзником. Наверняка все отряды соберутся в одну армию — в чьей-то усадьбе, откуда и запланировано нанести удар по столице...

— Всё идет подозрительно гладко, — пробормотал Снежен. — Тех белогорцев, которых раскрыли и арестовали — куда ты их определил?

— Не сбегут они, не переживай! — отозвался Венцемир.

— Они в столице? Все собраны в одном месте? — запоздало осенило Зимослава.

— Ты полагаешь... — напрягся и капитан рыцарей, уловив тревожную мысль.

— Зачем мучиться в тесных кибитках, если можно показаться стражникам, и те любезно распахнут перед тобой портал? Обитатели пещер с удовольствием посидят в темноте подземелий, ведь им прекрасно известно, что у нас не принято подвергать гостей пыткам, — мрачно произнес Зим. — И кто сказал, что среди шпионов нет колдунов, которые легко справятся с решетками, когда им наскучит тюремная еда?

— Мы же проверяли, — неуверенно напомнил Венцемир.

— Наши чары слишком различны! — рыкнул, медленно свирепея, Снежен. — Мы ничего не понимаем в их магии — как мы определим, кто из них владеет даром? Если они отвлекли нас угрозой вторжения, а сами гуляют по стране, то почему бы им не заморочить нас снова? Делая вид, что пытаются отвести нам глаза, они действительно указали нам, куда смотреть!

— Чтобы рассредоточить королевских рыцарей... — понял Венцемир. — Тогда я немедленно!..

Он не договорил — открылось новое окно.

— Будигор? Что случилось? — По выражению лица присоединившегося к беседе замказначея Зимослав понял, что вести тот принес недобрые.

— Представьте себе, господа, — произнес будущий казначей растерянно, — я внезапно узнал, каким образом обитатели Белых Гор проделывают в скалах свои знаменитые извилистые ходы. Их чары плавят камень! И, как выяснилось пару минут назад, кирпичную кладку тоже.

— Сбежали из-под стражи, — кивнул Зимослав мрачно.

— В одной опустевшей камере я нашел начерченный от руки план, — продолжал торопливо, но обстоятельно докладывать Будигор. — Пометки написаны на нашем языке. Несомненно, чтобы его сделать, потребовалось немало времени. Там обозначены тайные ходы и подземелья, о которых даже мне было неизвестно...

— План чего? — нетерпеливо гаркнул Зим.

— Королевского дворца, разве я не сказал? — озадаченно моргнул замказначея.

— Предатели нацелились на мою мать?! — зарычал Снежен. Немедленно приступил к чарам открытия портала.

— Стой! — выкрикнул Венцемир. — Не вздумай уходить оттуда! Ты должен оставаться на месте, иначе они добьются своего! На это они и рассчитывали!

— Ваше высочество! — взмолился и Будигор. — Признаю, я огорчен собственной недалекостью, но королева под надежной охраной. Мы вовремя раскрыли их действия, и сейчас стража дворца готова встретить нападение, оцеплены все ходы и выходы, в первую очередь потайные. Белогорцев мало, я же вызвал в качестве подкрепления всех рыцарей-магов, почти все уже прибыли. Ее величеству ничего не грозит, клянусь!

— Они умеют плавить камень, — напомнил, меча глазами молнии, Снежен. — Им наплевать на то, где вы их ждете. Им плевать на черные и потайные ходы, ты понимаешь?!

— Успокойся! — потребовал Венцемир. — Кучка шпионов в столице не сравнится с армией, которую ты обязан сдерживать.

Очень не вовремя открылось еще одно окно. У Зимослава невольно возникло чувство, что беды окружили его со всех сторон.

В новом портале возникло лицо принцессы.

— Братец! — звонко воскликнула Зореслава-Сияна. — Ты только не волнуйся, у нас всё хорошо! Мы со всем отлично справляемся!

— Что?! — рыкнул Зим.

Сестренка ойкнула и выдала правду:

— Жуков Улей окружен! Поместье штурмуют, но у нас всё хорошо...

— Белогорцы? Как они проникли к вам мимо меня?!

— Нет-нет! Не они. Разбойники какие-то. И один князь, не помню, как его там зовут, противная такая физиономия... Но магов среди них почти нет, — тараторила Зорька. — Мы справимся, не отвлекайся от своих дел, приедешь, когда освободишься, я просто должна была тебе сообщить, иначе бы ты потом стал ругаться...

— Что значит «почти нет»? Сколько их всего?

— Всего-то? — хлопнула глазами Зорька. Соврать не посмела: — Да немного! Может, сотня или две. А колдунов всего десяток, ну, полтора. Барьер башни никому не по зубам, отсидимся! Ты только сам осторожнее там, Зимка, не переутомись! А то Варя как раз к себе ушла, мы за нею кролика послали с запиской, чтобы пока не возвращалась. Ну, некогда мне! Пойду мужиками командовать. И Росану за ворота выпущу, она давно рвется в бой.

Ее окошко закрылось.

Зимослав стиснул зубы — он готов был рычать от злости! Их обыграли по всем фронтам, подловили, как детишек, и ударили сразу в ключевые точки!

— Я к тебе, — пробормотал Венцемир, сосредоточившись на переделке и расширении портала.

— Нет! — рявкнул Зим. Попытался взять себя в руки и говорить убедительно, словно в первую очередь решил убедить сам себя: — Ты идешь во дворец. Затем, если успеешь раньше меня, отправишься к Зореславе. Она права, в крайнем случае они отсидятся в башне. Но если предатели захватят дворец, родовитая знать потом сживет меня со света.

— Ты уверен? — спросил Будигор. — У меня и так здесь рыцари...

— Быстрее справитесь — быстрее пойдете снимать осаду с башни, — отрезал Зимослав. — Всё, идите!

— Но ты один... — заикнулся Венцемир.

— Я сказал — идите!

От его рявка мгновенно закрылись оба окошка.

Снежен заставил себя дышать размереннее. Ситуация не так уж плоха — все на своих местах, все выполняют свой долг. И он тоже.

Он огляделся, стараясь выбросить из головы лишние мысли и совладать с волнами тревоги, пробирающей до мурашек...

И понял, что снова угодил в ловушку.

Туман за время разговора успел закрыть всю реку плотным тягучим киселем. Цепочка зимних звезд едва светилась сквозь толщу мути. Его воины стояли растерянной толпой и зачарованно смотрели в сторону наползающей на берег, колышущейся белесой стены — туман медленно отодвигал барьер, таранил незримую преграду. Толкал и бил сразу на всём протяжении, по всей огромной площади, выискивал малейшую трещинку в защите.

— Всем приготовиться! Поднять щиты! — громко скомандовал Зимослав с высоты пригорка.

Люди вздрогнули, точно очнулись от сна наяву, схватились кто за оружие, кто за амулеты, активирующие щиты. Даже скорпионы успели прикорнуть — и теперь торопливо поднимали оседланные тела с земли, топорща коленки, обеспокоенно переступали лапами и воинственно клацали клешнями. Их наездники тоже приготовились, справедливо ожидая следующей команды для себя.

— Рыцари!..

Но только он успел обратиться к проводникам, как амулеты, висевшие у тех на груди, принялись с оглушающими хлопками взрываться. Зим не успел ничего понять — как это? Почему?..

Вместо ответа прямо перед ним стена тумана выпучилась пузырем. Бесформенный комок сложился в виде лучащегося ехидством лица — огромные, пусть сейчас сощуренные, глаза, тонкие губы и узкий нечеловеческий нос вкупе с острыми, как у черепа, скулами, не оставляли сомнения в том, что на Зима решил эдаким образом взглянуть один из белогорских колдунов.

«Долго же ты нас морочил, королевич! Я закрыл твои чары двойников. Что теперь станешь делать?»

Снежен замер, чувствуя, как под одеждой по спине скатилась леденящая капелька пота.

Лицо растворилось в белесых клубках.

Белогорцы никогда не нападали таким образом. Сотни лет досаждали разбойничьими набегами, заставляя соседей считать себя разрозненными отсталыми племенами. Но даже тогда, когда они притворялись дикарями из подгорных пещер, с ними было тяжело справиться. Теперь же перед Зимославом армия — и с нею пришли колдуны, не уступающие в силе ему самому... Почему именно сейчас? Чего они ждали? Почему смеялись над ним с самого начала — прощупывали, на что он способен? Заставили думать, что он один здесь справится. Приди они прошлым летом, он бы и дня не продержался без накопителей. Выходит, вот чего они добивались — не армия на

реке была отвлекающим маневром...

Из круговорота лихорадочных догадок его вывел шорох. Резко обернувшись, Зим увидел поднимающегося на пригорок рослого старика и следующих за ним четверых юнцов. Лекарь не отвел глаз под хмурым взглядом правящего принца, встал позади, точно приготовился защищать его спину. Ученики встали рядом, будто тени учителя.

— Не мешайте, — бросил им Снежен. И вернулся к созерцанию поля грядущей битвы.

Барьер истончался. И дело было не в чарах Зимослава, он пока не ощущал усталости, а в настырности стены тумана.

— Держать щиты! Всем отступить! Держать строй! Не вступать в бой! Отступить!

Под водами реки барьер не доходил до самого дна — и в этом тоже была его ошибка. Белогорцы под пеленой тумана переплыли реку, поднырнули под нижнюю кромку барьера — и первые из них уже ступили на синегорский берег. Зимние звезды сквозь плотный туман замерцали заполошными вспышками, но сейчас их лучи не представляли опасности для вторгшихся неприятелей.

Скорпионы издали боевой клич — душераздирающее шипение, порождаемое трением вздыбленных щетинок на лапах. Люди воспрянули, над войском послышались призывы:

— В бой! Дадим отпор! Защитим его высочество!

— Я сказал: отступить!!! — рявкнул Снежен, добавив чар в голос, так что даже белогорцы присели обратно в воду. — Всем прочь! Отходите за холмы, ждите подкрепление! Не вступать в ближний бой!

Силовые щиты над отрядами раздались вширь и вверх, засверкали искрами от перенасыщенности магией, влитой с запасом на ближайшие несколько часов непрерывного действия.

У Снежена защекотало кончики пальцев — он и не заметил, что, ослепленный злостью, неосознанно взялся за новое плетение чар. С рук срывались и убегали в землю гибкие трещащие змейки молний. Всё-таки не зря его деда звали Грозовратом. Всё-таки кое-что его внук от него унаследовал кроме упрямства...

Тени пронеслись над берегом — и с неба посыпался град огненных стрел. Не напрасно люди укрылись под щитами! Пока все смотрели на пловцов, белогорские всадники пронеслись над верхней границей истончившегося барьера, проскользнули в охлаждающих плащах и пополах между притушенных туманом звезд — и закружились на поджарых сайгаках над лагерем. Пауки заматались, следуя за тенью — то вытягивались в струнку и клацали клешнями, то бросались на землю, забыв о выпрыгивающих из седел наездниках, и вскидывали тонкие лапы, пытаясь дотянуться до противников. Но горные скакуны не торопились приземляться в их объятия. Хотя нескольких скорпионы умудрились сбить, удачно подпрыгнув — по земле покатались яростные клубки из сплетенных конечностей, лап, крыльев.

Зимослав убрал бесполезный теперь барьер. И погасил звезды властным движением рук. Каждая звезда мигнула напоследок — и дотянулась единственным лучом до кончиков пальцев своего создателя, возвращая вложенную в чары и еще не полностью растратченную энергию. Теперь с его рук молнии срывались такой яркости, что не уступали самому солнцу.

— Ну, держитесь! — усмехнулся он. — Щас спалю всё к чертовой бабушке!

Это выражение он подцепил от невесты. Кажется, оно идеально подходило к тому, что он намеревался сейчас сделать.

Варя сунула заряженный смартфон в карман и развернулась к шкафу, чтобы вернуться домой. Хихикнула мелькнувшей мысли: теперь она считает башню своим домом больше, чем маленькую тихую квартирку!.. И тут ей под ноги выскочил Финик — хвост трубок, на хребте гребень дыбом, уши прижаты. В пасти записка, которую он выплюнул хозяйке на тапочки.

— Ты чего? Кто за тобой гнался, бедняжка?

Варя растерянно подняла клочок бумаги, с трудом разобрала кривые от спешки буквы. Прочитала вслух... Не поняла ни звука. Пусть она заучила, какие звуки соответствуют письменным символам, но смысл-то ей становился ясен, только когда она находилась по ту сторону шкафа!

— Так, раз тебя прислали с запиской, — сделала она логичный вывод, — значит, меня просят срочно вернуться. Пошли?

Финик помотал головой, похлопав ушами. Но, поглядев на хозяйку, понял, что ничего объяснить не сможет, пока она сама всё не увидит. Прыгнул ей на плечо и припал всем телом, вцепился в одежду коготками.

Выйдя из арочной колонны, Варя снова развернула записку. Растерялась:

— «Башню окружили, не возвращайся!» А... так я уже тут. И что делать? Может, Чуролота позвать на помощь? — с сомнением взглянула на второй портал на колонне. — Нет, сначала надо поглядеть, что тут творится. А то подниму всех на уши зря...

Продолжая мыслить логически, Варя решила, что осматриваться лучше всего с самой верхней точки. С тем и

отправилась в башню — в погодную лабораторию. И не ошиблась.

На чердаке оказалось непривычно многолюдно. В одном уголке, свободном от приборов, боязливо жались друг к дружке белошвейки и горничные. В другом закутке тихонько охали и тревожно шушукались прачки и кухарки.

Зореслава деловито-сосредоточенно металась от прибора к прибору, выставляя одной ей понятные значения. Варя мигом догадалась: при необходимости инструменты, позволяющие магу-погоднику управлять стихиями, могут неплохо защитить поместье и округу от вражеского вторжения! Одни грозы и град чего стоят. И даже в ливень, тем более если тот сочетается с ураганом и резким заморозком, вряд ли кому-то захочется идти на штурм.

— А кто напал-то? — шепотом, чтобы не мешать принцессе, просила Варя у бабы Веры, мрачно о чем-то размышляющей, скрестив руки на груди.

Старая кормилица от неожиданного голоса над ухом подскочила — и, не сдерживаясь, матюгнулась. Варя удивилась еще больше: прежде она никогда не слышала в этом мире подобных ругательств. И даже начинала сомневаться, станут ли люди, верующие в Великую Матерь, посылать друг друга по матушке. Но, похоже, поспешила с выводами.

— Ты зачем вернулась? — шикнула на нее Зореслава, оглянувшись на шум, но тотчас продолжив заниматься приборами. — Я же отправила тебе предупреждение! Посидела бы у себя, пока мы тут управимся.

— Угу, записку видела. Только не поняла, почему мне велено отсиживаться, пока у вас тут черте что творится.

— Да ерунда! — махнула тонкой рукой принцесса. — Братец скоро прибежит и всех разбойников в ледышки заморозит.

— А ты пока для его выставки ледяных скульптур погоду выстраиваешь подходящую?

Зорька хихикнула:

— Можно и так сказать.

— А Тихун где? — строго спросила Варя.

Баба Вера молча дернула ее за рукав и подвела к узкому окну. Варя выглянула — и охнула. Шутки шутками, а ситуация впрямь сложилась не из приятных!

Огнеяр, облаченный в тусклые латы и объемистый шлем, с мечом в руках, верхом на пушистом от злости Друне, сторожил главные ворота усадьбы. И заодно руководил мужиками — те носились вдоль стены ограждения, что-то спешно укрепляя, что-то чем-то подпирая, торопливо заколачивая досками калитки. И мимоходом спотыкаясь о грозно шипящих зябликов — те вздыбили длинную шерсть, отчего сделались похожи на круглые помпоны на лапках.

Обитатели ближней деревеньки тоже были здесь — дети, старики и бабы с узелками организованно направлялись к башне, чтобы укрыться за ее стенами. Мужики разбирали из неприметного сарайчика секиры, копья и кирасы.

Но беглого взгляда хватало, чтобы понять: защитников гораздо, гораздо меньше, чем нападающих. За стенами ограды виднелась толпа народа. Судя по всему, они не на демонстрацию сюда явились.

— А Росана где?

Баба Вера ткнула пальцем в сторону ворот же.

— То есть? — заподозрила неладное Варя.

— Дерется, — коротко вздохнула принцесса.

— Одна? — ужаснулась Варя. Но осеклась, вспомнив, каким даром, вернее, проклятием была наделена бывшая гувернантка.

На чердаке снова повисло напряженное молчание. Варя понимала, что защитникам снаружи она ничем не в силах помочь, поэтому стала внимательно следить за действиями принцессы. Зорька почувствовала ее взгляд и между делом отрывисто принялась пояснять:

— Охранные чары вокруг башни включились сами. Но мне нужно следить, чтобы они не исчезли и не истончились в каких-то местах. Поэтому я распределяю энергию равномерно, согласно нагрузке. Жаль, мне не хватит сил, чтобы перейти от защиты к нападению... Росане не нужно было выходить наружу. Но я просто не смогла ее удержать. Когда такое случается, в нее будто вселяется злобный дух безумия.

— Вот и пусть ее безумие и жажда крови послужит нам на пользу, — проворчала баба Вера. — Надо же иногда и бабам душу отводить, не всё в рутине погрязать... Вот тут пятно пропустила, поправь!

Она тоже не стояла без дела — выглядывала наружу, переходя от окошка к окошку. Найдя небрежность, указала принцессе на хитрой круговой линейке прибора. Зорька угукнула и послушно подправила бегунки и проволочки-пружинки, помогающие управляться с чарами огромного защитного колпака. Внутри хрустальной полусферы прибора мерцали парящие искорки, некоторые танцевали друг с дружкой, словно влюбленные светлячки, какие-то висели на месте, замерев. И удивительное дело — чем больше Варя пялилась на порхающие над прибором руки принцессы и на все эти крутящиеся линейки, ползающие сами собой бегунки и парящие

искорки, тем сильнее в ней разгоралось желание присоединиться к Зорьке, чтобы сыграть в четыре руки... Или вовсе отодвинуть принцессу в сторонку и позволить себе расправить крылья души во всю мощь...

— Не переусердствуй! — обеспокоенно брюзжала баба Вера на ее высочество. — Рухнешь в обморок — кому это надо? Тут тоже выправи. С юго-юго-запада новые бандюги скачут, ишь ты! Уплотни и там стеночку, а то пролезут да переломают Росане ее любимую оранжерею, как потом отвечать будем?

— Чую, плохо она там держится, — виновато вздохнула Зорька. — И зачем я ее отпустила... Ох!..

Внезапно закатив глаза, принцесса осела на пол без чувств.

— А? — открыла рот Варя.

— Девки, займитесь ее высочеством! — рявкнула на горничных и белошвеек королевская кормилица. — Не видите, что ли, дурно ей сделалось! Все силы на защиту нас, недостойных, отдала.

Служанки, причитая и всхлипывая, поспешили выполнить указание и отволокли госпожу в сторонку, усадили в кресло, принялись обмахивать фартуками и обрызгивать водой из фонтана.

Огоньки в полусфере прибора заметались — и вдруг слиплись в один пульсирующий комок, прилипли к стенке, будто по ним резко ударили. Круговые линейки замотались вокруг в хаотичном бешеном ритме, бегунки поползли вниз по направляющим, камешки в них тускнели с каждым мгновением.

— Похоже, Росанку, защитницу нашу, убили, — изрекла баба Вера.

Служанки услышали — мигом подняли вой.

— Цыц, дуры! — рявкнула кормилица. — Может, просто оглушили. Будь она в силах, то не позволила бы их проклятушим колдунам бить по воротам со всей дури.

Варя устала на гаснущие огоньки прибора и многозначительно выдавила из себя:

— А-а...

— А если Зорюшку заменишь ты? — надвинулась на нее кормилица, прожгла испытующим взглядом. — Башня-то тебя не зря признала.

— У-у...

— У тебя получится! — обнадежила ее бабка. — Ты, главное, в себе не сомневайся. Давай, шевелись! Не стой тупой чучундрой!

От требовательного окрика Варя отмерла — и кинулась исправлять показатели.

Стоило ей прикоснуться к прибору... как линейки и направляющие замерли, будто их выключили. Искры в полусфере сжались до едва приметных пылинок.

— Что за напасть?.. — пробормотала упавшим голосом кормилица.

У Вари сердце в пятки ухнуло: неужто сломала? Не полезла бы, Зорька через пару минут очухалась бы и снова занялась бы охранной системой. А теперь что? Сдаваться на милость этих, что за воротами сейчас завопили радостно, будто уже победили?

— А ну, включайся, живо!

Варя заорала, не жалея горла. И напряглась всем телом, всем существом, собрала волю в кулак, что называется — и направила магическую энергию в прибор, в этот ключевой узел незримого защитного купола.

И снова заорала — от радости ли, от страха ли, от эйфории. Искры, получив доступ к бурному и безудержному потоку энергии, вспыхнули каждая стоваттной лампочкой, осветив весь чердак до потолочных балок, аж малейшая трещинка на дощатой обшивке проявилась. И странно, Варе не захотелось зажмуриться, этот свет не ослепил ее. Но из-за него в голове сложилась четкая, как те же трещинки в древесине, картинка: стена вокруг усадьбы на всём ее протяжении. И пространство снаружи, особенно контрастное там, где ограждение штурмовали враги.

— А если я вас градом, голубчики? — предвкушающее пропела Варя.

Послала мысль системе чар башни да добавила еще немножко сил. И защитный купол без проблем вывалил на головы неприятелям такие глыбы льда, что дюжие мужики попадали без сознания.

— Ох... — спохватилась она. — Но ведь я же никого не убила? Надеюсь. И калечить их я тоже не собираюсь, честно-честно! Великая богиня, ты меня слышишь? — Она подняла невинные глаза к потолку. — Мне надо их отпугнуть, обезвредить и... Да, пожалуй, так и сделаю.

Она хихикнула, выбрав для себя стратегию. Принялась азартно выкручивать бегунки. Объявила:

— Электрошок! Не смертельно, но доходчиво. Пускай полежат, отдохнут — поди, запарились в наши ворота стучаться. Сказано же им: хозяина нет дома, а мы, девушки, чужим мужикам открывать стесняемся!

Увлеченная процессом пускания молний по внешнему периметру усадьбы и прилегающей, весьма обширной зоне, она не замечала, с каким выражением взирают на нее кормилица и очнувшаяся принцесса.

— А вы куда? — бормотала она, научившись бить грозowymi разрядами и кидаться льдинами одновременно, да еще и более-менее прицельно. — Так понимаю, вы и есть вражеские колдуны. А ну, лежать смиренно под кустиками! Я кому сказала!.. Так-то вот. Зим вернется из командировки, а я ему вас на блюдечке... Эй, куда ползем?! Хм, а если землю задействовать?.. Ого, какая я молодец!..

...Спустя примерно час в Жуков Улей явился взмыленный Венцемир. Да не один, а с войском суровых рыцарей. Варя аж впечатлилась — и чуть не забыла вручить ему пойманных вражин, густо спеленутых стеблями монструозных вьюнков. Впрочем, о них забудешь, как же! Валялись перед воротами, уложенные в штабеля, выйти невозможно, не споткнувшись. Тут уже впечатлился Венцемир. Аж дар речи потерял, только дрогнувшую руку протянул и по голове Варю погладил. Потом глотнул из походной фляжечки, крикнул многозначительно. Велел Огнеяру присмотреть пока за пленниками, а сам полетел со своим отрядом выручать Зимослава.

Но прежде чем его отпустить, Варя взяла клятву, что он постарается и вернет королевича домой сегодня же, чтобы тот мог хотя бы переночевать в родной кровати. Так крепко тряхнула капитана рыцарей за шиворот, что Венцемир, не раздумывая, дал слово, честное пионерское, как она и просила.

Глава 18

То ли Венцемир сдержал данное ей слово, то ли Зимослав сам сбежал от деспотичного лекаря — в общем, так или иначе, грохот этажом выше Варя услышала далеко за полночь.

Судя по звукам, сперва вернувшийся хозяин башни опрокинул нечто звонкое и бьющееся в своей гостиной. Потом запнулся о порог спальни — просто грохнулся, без чертыханий. Вероятно, то, как он поднимался по лестнице, она умудрилась проспять. Затем, пересчитывая на пути все предметы, способные издавать шум, он добрался до ванной — и там затих надолго. Варя уж переживать начала, не утоп ли часом. Даже вылезла из своей кровати и принялась расхаживать по комнате, прислушиваясь к редким плескам и шорохам.

Шум бачка унитаза вселил надежду, однако порог между ванной и спальней тоже оказался труднопреодолимой преградой. Дверь ванной комнаты громко стукнула о стену, следом послышался сдавленный стон, затем глухой звук падения примерно в центре спальни. А дальше воцарилась тишина.

На этом у Вари закончилось терпение, и она понеслась, как есть в пижаме и тапочках, проверить, всё ли там наверху в порядке. А то ведь эдак глаз не сомкнет, продолжая прислушиваться всю ночь.

На стук Зим не отозвался, на голос тоже. Варя вошла без разрешения — и охнула, кинулась поднимать жениха с пола. Тот спал настолько крепко, что от всех торможений даже ресницы не дрогнули. Зато дрожал весь он сам, всем телом, мелкой дрожью. И при этом был холодным, как лед.

— Конечно, вымыться у него сил хватило! А спать лечь нормально — нет! Развезло после Венцемиркиных зелий, что ли? Еще бы не замерз, пол-то без подогрева... — ворчала Варя, отдуваясь.

Перехватила бесчувственное тело под мышки и поволокла к кровати, благо та достаточно низкая, получится суженого туда забросить, не надорвавшись. Да и сам Зим за две недели отошал до неприличия, одни косточки остались... Варя старалась не обращать внимания на незастегнутую рубашку, липнущую к влажной белой-белой коже. Ни на подштанники, светлые кальсоны до колена, и так-то сидящие низко на бедрах, но от процесса волока по полу еле-еле держащиеся приличий. Еще и сиреневые мокрые вихры лезли ей в лицо, холодные капли скатывались в низкий вырез пижамной майки. А прямо перед носом — шея. Голова безвольно моталась, то падая на грудь, то откидываясь всей тяжестью ей на плечо. И вот ей-богу, будь она вампиром — не устояла бы, куснула!..

Завалились на кровать вместе, в обнимку — Варя снизу. Пришлось еще попытеть, покататься по кровати, прежде чем удалось устроить его нормально да укрыть одеялом.

Посидев рядом, отдышавшись, Варя наконец-то поняла, что не так — амулетов на нем не было. Даже сережек.

Спрыгнула с постели, понеслась искать. Нашелся сверток среди сброшенной верхней одежды, в гостиной под опрокинутым столом — бережно завязанные в тонкий шарф кристаллы были выпиты все до края, видимо, Зим снял их вовремя, чтобы не лопнули. У Вари мурашки по загривку пробежали: это же как долго он находился на грани истощения, что успел все их использовать? Чем же он там занимался? Выходит, сейчас он в таком состоянии не только из-за нехватки магических сил, но и просто от усталости?

Выбрав фианитовые сережки и пару перстней, как самые емкие, она вернулась в спальню. И поняла, что под одеялом его колотит ничуть не меньше — дело-то не в холодном полу.

Мелькнула мысль позвать на помощь бабу Веру — уж та наверняка знает, что нужно с ним делать в таких случаях. Но вспомнила: старая кормилица и так нынче намаялась с Зореславой и Росаной, обеих на ночь оставила у себя, чтобы присматривать... Вот оно! Варю осенило, она сама себя обругала за тормознутость: она же видела, как приводили в чувство принцессу после истощения, уж наверняка Зиму не станет хуже от тех же средств. Правда, резерв у Зорьки маленький, ей потеря сил не смертельна, а ему, конечно, нужно куда больше — и времени, и... Варя стукнула себя ладонью по лбу — и заметалась по комнатам. К кормилице или Огнеяру побежит за советом, если сама не справится. А пока нечего терять время!

Итак, первая и самая верная мысль — зарядить накопители и надеть на Зима. Ладно перстни, но пока серьги вдевала, в голову черте какие глупости лезли — и про шанс безнаказанно украсть поцелуй под видом искусственного дыхания, и про разное прочее...

Второй обязательный пункт — накормить сладким, напоить горячим. Ради этого сбегала к себе на этаж, там остались специальные подставки «под горячее», которые позволяли блюдам не остывать, даже если суженый

приходил ужинать под утро. Помня неравнодушие Зима к конфетам из ее мира, Варя быстренько намешала кружку густого-густого, сладкого-сладкого настоящего шоколадного какао — полбанки порошка бухнула! — и поставила греться. За пару минут, что пришлось подождать, нашла свою тетрадку с конспектами и быстренько сверилась с инструкциями, которые предусмотрительный Алояс ей надиктовал на подобный случай. Она-то тогда думала, что это ей дается чистая теория ради общего развития! Уверившись в правильности своих действий, Варя побежала обратно, не забыв захватить кружку. На лестнице ночные сквозняки задували под шелковые шортики, но ей, разгоряченной переживаниями, было нисколько не холодно.

Третий пункт — тепло, чтобы унять дрожь. Жаль, подставки не подходили на роль грелок по некоторым особенностям, а рисковать ожогами и прожженным бельем Варя не хотела. Вот уж если придется бежать к бабе Вере, там у нее и одолжит — судя по тому, как обложили грелками Зорьку, этого добра на женской половине усадьбы полным полно. Эх, зря Варя отказалась, а ведь ей тоже предлагали парочку!..

Поить горячим шоколадом пришлось сперва мелкими глоточками — через поцелуи. Варя краснела, сопела, разок едва не поперхнулась, измазала губы ему и себе. Но после пятого глотка Зим затрепетал ресницами, приоткрыл мутные глаза — и потянулся пить самостоятельно, она только кружку поддерживала. Жадно осушив до доньшка, снова упал головой на подушку.

— Э, нет! Погоди-ка спать! Говори: где болит? — строго потребовала она.

Он непонимающе скользнул по ней рассеянным взглядом.

— Раны есть? Ожоги? Сыпь? Чесотка? — не отставала Варя, обхватила ладонями лицо, чтобы не уплывал.

— Нет... — скорее поняла она по движению губ, чем услышала. — Спасибо...

И всё равно он оставался ледяным. Свернулся под одеялом клубком, мелко трясясь, что те зяблики. Варя проверила накопители — почти полные, значит, резерв у него достаточно восстановился. Пошаманила чарами целительства — диагностические заклятья уверяли, что он полностью здоров. Ну, еще бы, вечного Венцемир не выпустил бы из своих рук.

Значит, оставалось лишь согреть всеми доступными способами. А доступен был, пожалуй, только один — самый смущающий, зато надежный.

Варя скользнула под одеяло и прильнула со спины. Сама поежилась от прохладных ощущений: ну и жених ей попался! Снегурочка-мальчик... Почувствовав тепло, Зим благодарно вздохнул, расправил плечи — придвинулся поближе. Варя стыдливо хихикнула. И обвила его руками и ногами, пристроила подбородок на плече. Заворковала на ушко, чтобы он слышал ее уверенный голос сквозь морок лихорадочного сна и не боялся бы никаких кошмаров:

— Ну, ты спи-спи. А я тебе сказку расскажу. Хочешь? Даже если не хочешь, всё равно расскажу. Слушай! Это я недавно вычитала в учебнике истории, который мне Зорька дала. Значит, так! Жил-был в седой древности император. Жил он очень долго, был могучим чародеем, завоевал множество земель, объединил множество княжеств — и основал великую империю. Потому и стали его называть императором, ну, логично. Но я не об этом. Я про то, что был у него кристалл-накопитель, его мощи под стать. Говорят, огромный такой камень! И заряжала эдакий амулет для императора сотня влюбленных в него принцесс — самые лучшие красавицы-чародейки, собранные со всей империи. Говорят, жил император не одну сотню лет, и процветала под его рукой империя. А погиб он, когда особенно сильное колдовство задумал. Огромный кристалл тогда не выдержал отдачи и лопнул — развалился на три части. Наследники взяли эти куски и развезли по трем городам, и объявили эти города столицами, а империю разделили на три королевства. Говорят, дедушка Грозоврат был прямым потомком того императора. Это я к чему? Вот бы тебе такой же камушек! Уж я бы с зарядкой справилась, не волнуйся, гарем не понадобится. Но вопрос другой: как ты бы стал его с собой носить? В колечко эдакую скалу не вставишь!..

Беззаботно болтая, Варя не прекращала прислушиваться к его состоянию. К великому ее облегчению Зим постепенно согревался в ее тесных объятиях. Дыхание сделалось более глубоким, пульс — она держала ладонь на груди — ровнее, спокойнее. Дрожь пробегала волнами всё реже. Варе мимолетно подумалось, что неплохо бы порыться в гардеробе и надеть на «снегурку» теплые носки, потому что ледяные пятки романтики не прибавляли. Но вылезать из постели совершенно не хотелось — тоже пригрелась, того гляди сама заснет. Она лишь высунулась из-под одеяла, чтобы потушить светильник в изголовье.

А Зим воспользовался этим и, не просыпаясь, перевернулся на другой бок. И подгрел «личную грелку», прижав спиной к своей груди. Варя и пискнуть не посмела, не то что высвободиться. Тем более, обнял он ее так сильно и бережно, и руки под маечку запустил, большими потеплевшими ладонями за грудь пожатал, уместил уютно в две «лодочки»... Да так и затих, посапывая ей в шею.

— Ой, а я еще одну сказку вспомнила, — промямлила она. Начала говорить, чтобы саму себя успокоить, а то уж очень громко застучало сердечко в нахальную ладонь. — Про заблудившегося короля. Мне ее бабушка рассказала, когда мы с нею всё лето жили на даче, а родители ремонт в городской квартире делали, мне в комнате обои жуткие наклеили, до сих пор не забуду... Или не бабушка? Ну, не суть... Интересно, почему я ее сейчас вспомнила?.. Жил-был, значит, король, очень смелый, но очень невезучий. Поехал он однажды... ну, куда-то по

делам отправился. Видит: дыра в воздухе! Большая, как футбольные ворота. Ему свита говорит: не лезьте туда, ваше величество, вдруг там опасно? А он отвечает: как же не лезть? А вдруг через эту дыру всё наше королевство в другой мир вывернется? Надо же заштопать! Вынул он из ножен волшебную иголку, большую, как меч, и взял крепкую нитку — клубочек всегда с собой возил в подседельной сумке — и залез в дыру, чтобы с той стороны заштопать, чтобы крепче получилось и не худилось бы больше. Штопает и стежки подтягивает, штопает и подтягивает... Но пока штопал, большая волшебная иголка о воздух другого мира источилась. А без иголки король не умел делать хитрый узелок, чтобы можно было потянуть и успеть обратно запрыгнуть в свой мир. Свита ему кричит: бросьте, ваше величество! Как же мы без вас будем?! А король отвечает: как же я брошу? Раз начал, нужно доделать! Передайте моей жене и детям, что я найду путь домой и вернусь! Обязательно к обеду, правда, не знаю, в какой день недели. Сказал — и затянул крепкий узелок... И остался, бедный, в чужом мире. А там лес — незнакомый, непривычного цвета листва! Ну, осенью, видно, попал. Долго ли шел, коротко ли — вышел к дачному поселку. Спрашивает у первого встречного: не подскажите ли, как мне в мой мир попасть? Первый встречный посмеялся, подумал, шутка. Но король не шутил. Понял он, что быстро дорогу не найдет домой — расстроился, заплакал. Расстроился от его горя и первый встречный, отвел к себе домой, вернее, на дачу. Напоил самогоном, накормил малосольными огурцами. Поставил раскладушку на чердаке, спать уложил. Утром налил пива и снова спрашивает: откуда ты взялся? Король показания не меняет, повторяет слово в слово. И в доказательство зачарованную нитку и иголку показывает. Нитки совсем маленько оставалось после штопки дыры, и иголка — вернее, ушко от нее, — пока ее показывали, совсем о воздух стесалась, так что в руках рассыпалась. Поверил доказательствам первый встречный — достал из подпола самогону, снова стали разговоры разговаривать... Вообще-то это очень длинная сказка, — призналась Варя совершенно сонным голосом.

Сладко зевнула. Прикрыла глаза, думая про себя, что еще полежит минутку, а потом уйдет в себе в комнату, там вся кровать в ее распоряжении. Не то что тут, в тесноте спать, прижатой к теплому сопящему королевичу. Договорила через силу, через слово зевая:

— Очень длинная... Король там что только ни пробовал, никак не мог путь домой открыть. Но вдруг однажды встретил тамошнюю принцессу — и говорит ей: а выходи замуж за моего сына, он настоящий принц! Как раз твоего возраста. А принцесса и отвечает: а давай, я согласна! А то у нас в мире принцев дефицит большой. И так расхвалил своего сына король, что принцесса влюбилась заочно. И сотворила ее любовь великое волшебство — открыла двери между мирами. Только взял король с принцессы крепкое слово и связал это слово остатками волшебной веревки — мол, не расскажет она его сыну про уговор. Иначе принц обидится, что отец просватал его без ведома и разрешения, и не полюбит тогда свою принцессу... — Варя снова душераздирающе зевнула. — Но там всё обошлось хорошо. Король вернулся домой и привел с собой принцессу. Принц ее как увидел — сразу влюбился. Ну, а что ты хочешь? Сказка же! Принцесса ему призналась в своей давней любви заочной, а тот всё равно не расстроился, лишний раз поблагодарил, что отца домой вернула... Короче, жили все долго и счастливо.

Она расслабленно перевернулась на другой бок, немножко повозилась, удобнее вписываясь своими выпуклостями в его рельефы, уткнулась носом в ключицы. И хихикнула, почувствовав, как его руки скользнули по ее спине и, поднырнув под слабенькую резинку пижамных шорт, остановились на других округлостях, не менее выдающихся и мягких, чем фронтальные.

...Варю разбудило не льющееся в окно яркое солнце. И не щебет бодрых птичек. А пристальный взгляд золотистых глаз.

Жмурясь от солнечного золота, она с расслабленной сонной безмятежностью уставилась в ответ. Зимослав выглядел слегка растерянным, немного сердитым. Но в целом, несмотря на повышенную утреннюю лохматость и легкую небритость, имел вид вполне отдохнувший. Надо признать, эта его щетина, в цвет густо-фиолетовых бровей и ресниц, придала ему неожиданное разбойничье обаяние. Правда, от нее же он делался совершенно синюшным на лицо. Налюбовавшись вдоволь, Варя уткнулась в подушку и забулькала хихиканьем.

Золотистые глаза округлились в недоумении. Зим приподнялся, опершись на локоть. Спросил требовательно:

— Что смешного?

— М-м...

— Понятно. Скажи, пожалуйста, почему ты здесь спишь, если я не помню, как затащил тебя в постель.

— Ну... — протянула Варя, стараясь не улыбаться во весь рот, как дурочка. Откинулась на подушки, сладко потянулась всем телом. — Потому что это я тебя сама затащила в твою постель?

Фиолетовые брови нахмурились. Однако Зим не подумал вскакивать. Наоборот, улегся обратно, подложив под голову руку. Уточнил:

— Я слишком шумел, когда вернулся. Да?

Варя скопировала его позу, улеглась нос к носу.

— Как там ваша военная компания? Закончилась?

Он пожал плечами:

— Непонятно.
— Есть потери? — сочувствующе спросила она.
— Много потерянного времени и мое самолюбие.
— Тогда всё не так уж плохо! Главное, чтобы все живы остались.
— И враги?

— Сегодня враги, завтра союзники — политика так переменчива! — легкомысленно помахала рукой в воздухе

Варя.

— Как прошла осада башни? Ты была здесь?

— Была, угу, — Варя потупила взгляд. — Но я мало что поняла, всё было так странно... Лучше пусть баба

Вера тебе расскажет.

Зимослав понятливо угукнул с непроницаемым видом. То ли Венцемир успел ему наябедничать на Варино самоуправство, то ли вправду еще ничего не знает.

— Но у нас тоже все остались живы, даже враги, — поспешила заверить она.

— Я рад.

Повисла пауза, несколько секунд оба продолжали изучать друг друга. Впрочем, у них было серьезное оправдание не спешить — никогда прежде они не видели друг друга с такой точки зрения и настолько близко. В самом деле, это была их первая ночь под одним одеялом! Хотя и внебрачная.

— Мне приснилось или ты вправду вчера мне сказку рассказывала?

— Какую сказку? — удивилась Варя. — А! Точно... А разве ты слышал?

И покраснела до кончиков ушей, но глаза не отвела.

— Не всё. Очень смутно. Хотелось бы услышать еще раз, там было что-то безумно интересное. Повтори, пожалуйста?

— Это я в книжке вычитала, про императора и огромный кристалл-накопитель...

— Нет, другое. Что-то о короле. Который заблудился.

Варя непонимающе похлопала глазами. Она прекрасно помнила, как он обнимал ее этой ночью. И за грудь жамкал. А о чем в это время она разглагольствовала — совершенно вышибло из памяти. Начисто!

Зим понял ее состояние и разочарованно вздохнул. Прикрыл глаза.

— Расскажешь, если вспомнишь?

— Угу! А ты...

— Что?

— Не хочешь спросить, как поживает моя невинность?

Золотистые глаза снова широко распахнулись.

Варя мысленно обругала себя за неудачную шутку.

Зимослав приподнял одеяло, проверил:

— Странно. Твоя невинность была в опасности? Скромность явно не пострадала.

— Наличие нижнего белья не повод отпираться от ответственности! — шутливо надула губы Варя.

— Кто отпирается? Наша свадьба — давно решенный вопрос. Хотя ты вон тоже в одежде...

— Не проблема! — заявила Варя.

Села, откинув одеяло, и, внутренне шокированная от проснувшейся смелости — или крепко спящей стеснительности? — стянула пижамную майку через голову. Правда, грудь сразу прикрыла рукой — вроде бы от скромности, а на самом деле ловко поддержала, подняв повыше, чтобы выглядела соблазнительными дольками персика.

Зимослав закрыл глаза. Рукой.

— Чего это ты? — обиделась Варя. — Ночью мял, не ворчал! А в сознательном состоянии отказываешься насладиться видом обнаженной невесты? Стыдись, любой другой парень на твоём месте мечтал бы о таком предсвадебном подарке!

— Разве я младенец, чтобы исходить слюной при виде женской груди? — вздохнул он с каплей раздражения. Но руку убрал, заставил себя посмотреть прямо, хотя зубы стиснул, собирая волю в кулак. — И? Что ты от меня хочешь?

— Любви и ласки!

— Мы еще не сыграли свадьбу...

— Но ведь это «давно решенный вопрос»! — перебила она, передразнила его же недавние слова.

Он вздохнул еще тяжелее. Словно она его невесту к чему принуждала, право слово!

— Я только-только вернулся с границы, не успел восстановить силы, мне нужно решить множество важных проблем...

— Вот и лежи, отдыхай. А я напитаю тебя своей энергией!

— Да уж, — усмехнулся он, сдаваясь на милость настырной невесты, — энергия из тебя бьет ключом.

А Варя от его мягкой улыбки вспыхнула — и запоздало оробела. Умом понимала, что идти на попятную уже поздно, но и бросаться и седлать, как сама же грозила — боязно!

Зимослав отбросил одеяло, поднялся на колени, неторопливо снял с себя рубашку. Навис над затрепетавшей невестой, не сводя прожигающего взора. Облизнул губы. Уточнил насмешливо:

— Ты уверена?

— Вроде бы... — пролепетала она.

— Я-то невинность не потеряю. И могу подождать.

— Да я, вообще-то, тоже... — потупилась Варя. Виногато шмыгнула носом.

— Что? — наклонился он близко-близко, заглянул в глаза.

— Ну, как бы сказать...

— Честно. Как и подобает порядочной жене рассказывать обо всем мужу.

— Ну, я про невинность... пошутила, — выдавила она, пылая всем телом, давно уж не только щеками и ушами. — Я ее давно, эм... потеряла. Не помню, с кем.

— Как это? — искренне изумился он. Сел перед ней, взял ее дрожащие руки в свои ладони. И, совершенно не обращая внимания на открывшийся беззащитный бюст, жалостливо уставился глаза в глаза. Посочувствовал от всего сердца: — Как это могло случиться?

— Да ничего ужасного, — вынуждена была покаяться Варя, мечтая провалиться сквозь землю. Но тотчас мысленно отменила опрометчивое желание: если башня ее услышит, лететь ей до подвалов сквозь все многочисленные этажи насквозь! — У подруги был день рождения, отмечали в кафе, где она работает. Народа было очень много. А я редко хожу на такие вечеринки, а с тех пор вообще никогда... Ну, и растерялась, выпила лишнего... И получила провал в памяти. Только дедуктивным методом задним числом восстановила события: какой-то парень приглашал меня танцевать, потом на такси довез до дома... Так и не выяснила, кто это был. — Она хихикнула: — Интересно было бы на него хоть поглядеть, каков из себя.

Зимослав опустил голову, переваривая услышанное. Но руки ее не отпустил.

— Ты теперь от меня откажешься, да? — убитым голосом спросила Варя. Улыбнулась: — Я понимаю, будущая королева не имеет права «на лево»... Но, может, ты согласишься хотя бы разок...

Зимослав поцеловал ее руку, костяшки кисти. И запястье второй.

— Мне очень жаль, что так вышло, — пробормотал он.

У Вари сердце упало. Он умудрился завеситься взъерошенной челкой так, что она не видела выражение его глаз. А голос был слишком тихий.

— Это ужасно. Первый раз для девушки — сакральное событие, — продолжал он.

Варя скривила губы, ощущая, как предательски кипят на веках горячие слезы — что ж, она этого ожидала. Спасибо и на том, что ее принц с нею разговаривает, а не сразу ушел, оскорблено хлопнув дверью. (И хорошо, что она не рассказала, что после первого раза были еще две попытки познать мужскую суть, уже полностью осознанные — и прекрасно запомнившиеся чувством жгучего разочарования. Впрочем, его высочество всё равно выигрывает в счете благодаря старательным служанкам).

— ...Но я понял, почему ты торопишься. Обещаю, я сделаю всё, чтобы ты забыла об этом крайне неприятном событии из своего прошлого.

— А?..

Зимослав поднял голову, и Варя шокировано увидела, что у него тоже глаза на мокром месте.

— Пусть твой обидчик не из нашего мира, но, уверен, Великая Матерь найдет способ покарать его за небрежение к чистоте девичьего тела!

Объявил с чувством — и потянулся к ней, крепко прижал, оглушенную, к своей груди. И по волосам погладил, успокаивая.

— Ты не должна была чувствовать за собой вину. Теперь-то я понял, почему ты меня провоцировала на близость с самого начала.

— А?.. — только и вякнула Варя, не понимая, к чему он клонит.

Он же не спешил ее отпускать. Ее бюст пришмякнулся к его ребрам, соски затвердели и уперлись двумя кнопками «пуск». Ощущать голой кожей контраст между мягкостью и твердостью, жаром и прохладой было, мягко скажем, весьма волнующе.

— Ты показывалась передо мной в откровенных нарядах...

— Но ты не отводил глаза-то, будто всё в порядке! — возмущилась Варя.

— Жене позволительна любая вольность, когда супруги наедине, — парировал он.

— Будто стала бы я разгуливать без лифчика на виду у посторонних! — фыркнула она. Из объятий вырваться не подумала, наоборот, притиснулась плотнее, наслаждаясь. — И вообще-то ты сам первый начал!

— В каком смысле? — удивился Зим. Взяв ее за плечи, отстранился к Вариному неудовольствию, чтобы поглядеть в лицо.

Та скрестила руки на груди:

— Ты поселил меня в соседней комнате! А мог бы соблюсти приличия и выделить мне домик, чтобы Росана и остальные следили за моим моральным обликом.

— Но... в таком случае твое нездешнее происхождение быстро раскрылось бы, — находчиво отбил он выпад.

— Хорошее оправдание! — торжествующе ухмыльнулась Варя. — Но комнату ты приготовил для невесты заранее, еще не зная, кто я такая!

— Мне посоветовали, — буркнул он.

Варя сникла — действительно, Белокрас или Чуролют могли запросто намекнуть ему, что невеста ожидается с неожиданностями.

— Почему тогда не пришел познакомиться до цирка со свадьбой и похищением? — проворчала она обиженно. — Если ты знал обо мне.

— Да не знал я ничего, — стоял он на своем. — Едва заикнусь — все ухмыляются! Даже самые близкие. Спрашивать было противно. И страшно.

Тут уже Варя не устояла — повисла на нем, закинув руки на шею и прижавшись щекой к прохладной коже.

— Одевайся уже, замерзнешь, — муркнула она с легким сожалением, что ночь давно закончилась и пора покидать постель.

И с удивлением почувствовала руку на выгнутой по-кошачьи пояснице — кончики пальцев пробежались по позвонкам, даря нежную, невесомую ласку.

— Я сегодня никуда не тороплюсь. Вообще-то, давно мечтал проспять до второго обеда.

— У-у!.. — одобрила она.

— Мне нужна ясная голова, чтобы решать накопившиеся проблемы.

— Угу, — согласилась она.

— Может, если ты не передумала...

Варя на этот робкий намек ничего не сказала. Просто опрокинула жениха на подушки — и накинута с жадными, пусть и не очень умелыми, поцелуями. Впрочем, в два счета он поменялся с нею местами и сам прижал ее к простыням. Только накидываться не спешил. Снова всмотрелся в глаза, с вопросом, будто даже с тревогой:

— Ты точно согласна?

Варя обняла ладонями его лицо, такое забавное в серьезности и легкой щетине. Пригрозила:

— Если еще раз спросишь — изнасилую! Лежу, понимаешь, перед ним вся готовая, битый час грудями сверкаю, а он еще сомневается!.. Блин, какие у тебя глазищи красивые... Может, снимешь, наконец-то, подштанники?!

Из своих шелковых шортиков она успела выскользнуть...

...После «сакрального таинства» Зимослав мгновенно уснул. Варя же была слишком взбудоражена, чтобы тратить время на сон. Понежилась немного, распластавшись на женихе, она вспомнила о совести и почти одинаковом нынче весе — и аккуратно скатилась, улеглась рядышком. И, лежа на животе и подперев щеку рукой, час напролет любовалась. Расплаваясь в счастливой глупейшей улыбке.

Вот оно какое — женское счастье! И только чумной холостяк назовет его «простым». Ее личное счастье хмурилось во сне от упавшего на подушки солнечного луча. У ее личного счастья длинные густые ресницы обалденного фиолетового цвета. И едва розоватые бледные губы. И трепещущая жилка на шее. И белая вампирская кожа. Варя сглотнула слюну, словно перед нею явилось ведро ванильного мороженого...

Но совесть достучалась до разума. И Варя с сожалением выскользнула из «опороченной» постели «обесчещенного» жениха. И постаралась на время запереть картинку в дальнем уголке мозга, чтобы не плескались перед глазами без перерыва — как он нежно брал ее, столь властный и столь бережный. Как обращался с ее телом, словно с хрупкой драгоценностью, которую следует изучить миллиметр за миллиметром, руками и губами, прикосновениями и поцелуями...

Каким огненным золотом горели его глаза под густыми ресницами, когда он вошел в почти что священный транс поклонения женскому телу. Варя плавилась от одних лишь взглядов, кажется, только этого ей бы хватило для фейерверка чувств. Но ее будущий муж не скупился. И не спешил.

Он выпил ее, будто она сама была кристаллом амулета. И сам же наполнил заново. Сделал своей, запечатав поцелуями снаружи и...

Варя охнула от собственного бесстыдства — замечтавшись, выскочила на лестницу гольшом! В одних тапочках. Решила, что в башне никто ее не увидит, и не стала вытаскивать из-под разметавшегося во сне Зима свою пижаму.

А снизу раздавались шаги. Всё ближе!

Кто-то торопился разрушить покой ее спящего принца.

И она уже не успеет спуститься к себе на этаж, чтобы скрыть от чужих глаз то, что случилось...

Делать нечего, Варя нырнула обратно в гостиную. И прислонилась спиной к двери, твердо намеренная не дать разбудить возлюбленного. Пусть даже Огнеяр явился доложить о конце света! А судя по топоту, это был именно Тихун.

В закрытую дверь вежливо поскреблись.

— Его высочество отдыхает, — шепотом прокричала Варя в щель между створкой и косяком.

— Угу, — невозмутимо отозвался помощник, явно сделав из ее присутствия определенные выводы, но промолчав. — Как проснется, передайте, что к нам едет ее величество.

— Ох ты ж!.. — вырвалось у Вари. — И скоро прибудет ее величество?

— Ее величество обеспокоена состоянием ее высочества. Полагаю, через полчаса приплывет.

У Вари сердце заколотилось еще сильнее. И мгновенно перестало волновать, что она стоит тут без одежды, зацелованная с ног до головы.

— Так! Спустись к выходу и карауль там, — приказала она.

— Угу.

— Никого не пропускай! Даже королеву! Даже если она придет с ее высочеством.

— Угу.

— Здоровье его высочества для нас несравненно дороже, чем душевный покой ее величества!.. Ну, чего стоишь? Иди уже!

— Вас слушал. Иду.

Варя с напряжением вслушалась в удаляющийся топот. И когда решила, что онный удалился достаточно, стремительно проскользнула за дверь. И запоздало подумала, что надо было утащить с собой хотя бы банное полотенце из ванной. На лестнице гуляли сквозняки...

А на пороге родной спальни недоумевал сонный кролик. Принюхался к загулявшей хозяйке — и принялся презрительно чихать.

Варя торопливо привела себя в порядок, принарядилась. Поглядела на себя в зеркало — и поняла, что никаким тональником не замазать счастье, сияющее на ее физиономии.

— Как бы не оплошать! — кокетливо посетовала она самой себе. — Только бы не ляпнуть ее величеству вместо «Здрасьте!» — «Я совратила вашего сына, выкусите!»

Однако ее величество, уже явившаяся и оккупировавшая столовую в домике бабы Веры, будущую невестку, подошедшую поздороваться, удостоила лишь одним взглядом — вскользь, зато пронзительным до мурашек. И далее старательно игнорировала ее присутствие. Зореслава, составившая матери компанию за чаепитием, робко уговаривала ту перебраться из столовой в ее коттедж. Но Хранислава Буря продолжала сидеть во главе длинного стола, точно паучиха — отшучивалась, заявляя, будто на нее нахлынула ностальгия. Она-де желает напоследок окунуться в жизнь Жукова Улья, дабы вспомнить собственную далекую юность, когда была всего лишь девчонкой посудомойкой... Врала и не краснела — она просто хотела испортить аппетит сыну.

Зимослав задерживался.

Варя успела позавтракать, пристроившись на кухне в обществе бабы Веры и Венцемира. А в столовой Хранислава с воодушевлением по второму кругу принялась жаловаться дочери, старательно ахавшей — и уже не пытавшейся вставить хоть слово, тем более рассказать, каким выдался вчерашний денек для нее самой.

От непривычно серьезного Венцемира баба Вера (и Варя заодно) узнали, что же так вымотало королевича и почему в поместье нежданно нагрязнула его матушка. Оказалось, подлые белогорцы провернули тройной финт: пока Снежен и его советники-помощники полагали, что выставленная на границе белогорская армия отвлекает внимание от разгуливающих по синегорской земле шпионов, на самом деле эти самые шпионы нарочно расплывали основные военно-магические силы Синегорья, чтобы оставить Зимослава практически одного против армии невесты где доселе прятавшихся белогорских колдунов.

— Они там такое устроили!.. — вздохнул Венцемир. — Я при его высочестве своего доверенного человека оставил, так старик до сих пор не верит, что Снежен выжил. Только благодаря твоим, Варюшка, накопителям. Землю вспахали! Реку вспять повернули и до дна заморозили. Горы, кажется, своротили... Под конец Зим настолько озверел, что просто выжег в скалах дырищу высотой с эту башню. Потом открыл портал в небе — и всех белогорцев с берега поднял ураганом и в портал забросил. Уж боюсь подумать, где их выкинуло. Повезет им, если в горах в снега рухнут... А после этого Снежен к нам в Грозовградск перенесся, будто мы с Будигором без него бы не справились. Ну как же — долг перед матушкой! Впрочем, я понимаю, — он понизил голос, — если бы не пришел, ее величество впоследствии долго бы ему это поминала. Выяснилось, что те шпионы, которых мы, казалось бы, взяли в плен в честных битвах — они просто позволили нам себя поймать! И наглым образом за наш

счет прокатились до столицы — куда им и надо было. Посидели в темнице, отдохнули — и по сигналу подельников отправились подземными ходами штурмовать дворец.

Баба Вера, слушавшая, не перебивая, сдавленно ахнула. Варя же машинально продолжала перебирать ягоды для компота — у нее просто-напросто это всё военное коварство в голове плохо укладывалось. И если на дворец в целом и на королеву ей было, откровенно говоря, плевать, то не волноваться за Зимослава, пусть даже задним числом, она не могла.

— И что? — шепотом поторопила она капитана рыцарей, сделавшего паузу ради глотка остывшего чая.

— Да заморозил он их, — с плохо скрытой гордостью небрежно объявил Венцемир. — Теперь Будигор со своими людьми ползает по закоулкам дворца и по тайным ходам, по подземельям, ищет и собирает эти статуи.

— Не убил? — уточнила баба Вера.

— Нет, я проверил нескольких — живы.

— Ну и слава Великой Матери, — пробормотала кормилица.

— Мда... — сочувствующе вздохнула и Варя. Про себя подумала: плохо же воевать здешним магам! Силы есть, возможности есть, причины тоже, а убивать врагов не смей, иначе дар выгорит и душа наизнанку вывернется.

Похоже, Венцемир подумал о том же. Спросил:

— Как Росана?

— Лучше, — скупно отозвалась баба Вера.

— Отвязали?

— Отвязали, заперли. Уже не бунит. Полежит, очухается. Не впервой же. Не ходи к ней пока, твои силы для Зимушки побереги. Мы с нею и сами управимся. Очухается.

Венцемир кивнул. Нервно хихикнул:

— Варюшка, помнишь парнишку, который с вами во дворце неудачно познакомился?

— Живой? — удивилась Варя.

— Зим велел определить его в свиту к ее величеству, — поделился Венцемир, улыбаясь, — вроде бы как в наказание — капризы королевы не способен долго выносить даже первый министр. Но мальчик упорный оказался, к фрейлинам втерся в доверие, старухи в нем души не чают. А теперь, поди, на руках будут носить. Когда белогорцы через тайный ход влезли в кабинет ее величества, наш герой с такой отвагой прикрывал государыню и ее камеристку своей тощей грудью, что впечатлил даже бывалых рыцарей. И только благодаря ему королева осталась невредимой.

— Неужели она явилась сюда лично, чтобы сказать Зимушке, что меняет его, родного сына, на этого нового, приемного? — хмыкнула баба Вера.

— Не исключено, — усмехнулся Венцемир. — Только, полагаю, парнишка не согласится. Он сам признался, что готов уже был умереть, когда Снежен открыл портал и вывалился в матушкину спальню.

— Надеюсь, на кровать хоть рухнул? — ахнула Варя.

— Увы, на трюмо. Зеркало разбил, изрезался осколками, я полчаса потом лечил, когда удалось поймать. Я-то ведь в это время с другой стороны к королеве пробивался, дворцовых предателей параличом благословлял. А у нее на личных покоях еще сохранилась защита, поставленная самим Кудеяром — порталы могут открыть только члены семьи. Представьте картину: загнанные в угол паж и две клуши против четверых белогорцев — и тут к ним, как снег на голову, злющий от усталости Снежен! Эффектно является с грохотом, окровавленный, мечущий молнии, матерящийся.

— Красота!.. — зачарованно оценила Варя.

— Вот-вот, — хмыкнул Венцемир, — парнишка ему тоже мгновенно в любви признался.

— Бедняжка... — посочувствовала Варя. Но тут же опомнилась, буркнула: — А вот фигурки ему, перетопчется!

— Но я застал этих двоих за страстными объятиями, — выразительно поиграл бровями Венцемир.

— Что?! — шепотом рявкнула Варя. В кулаке стиснула ягоды, так что сок во все стороны брызнул.

— Наш королевич заморозил разом всех врагов в городе — и рухнул в обморок. Парнишка его и подхватил, — невинно похлопал ресницами змей лукавый.

— У-у-у!.. — только и могла охарактеризовать свое праведное возмущение Варя.

— Хвоц, зачем ты бесишь мою невесту? — вкрадчиво поинтересовался Зимослав. И со спины обнял за плечи громко ойкнувшую от неожиданности суженую, потерся носом о ее висок, мазнул губами по скуле.

— Твое высочество? — проблеяла Варя, с ужасом понимая, что тот не ведает о матушкином визите, иначе не вел бы себя так расслабленно. — Ты же собирался до обеда проспать?

А сама шею вывернула — оглянулась на мнущегося на пороге Огнеяра, замигала ему яростно, передавая послы: «Какого черта ты не предупредил его? Договорились же!» Тихун в ответ соорудил физиономию, будто у него запор, зверски скосился в сторону открытой двери в столовую, рискуя впрямь окосеть — намекая: «Я не

успел! Он не слушал, не дал слова вставить!»

Между тем из столовой их было прекрасно видно и слышно. Ее величество заинтересованно притихла, невозмутимо потягивала чай, мерцая глазами поверх чашечки.

Огнеяр выскользнул за дверь.

Зимослав словно до сих пор не совсем проснулся. Никого не стесняясь, оглаживал ладонями шею и плечи невесты, уткнулся губами в клюквенную макушку.

— Без тебя постель выстыла. Почему ты удрала? — проворчал.

— Да так, что-то есть захотелось... после всего... — натужно хихикнула Варя.

— Хм, хорошая мысль. Я тоже проголодался...

Последнее слово он договорил без выражения — оглянулся и встретился взглядом со смеющимися глазами матери. У Вари от засквозившего холода мурашки по телу пронеслись.

— Мама? Какая честь.

— Не спросишь, зачем я к вам явилась? — насмешливо предложила Хранислава.

Зимослав тяжело оперся о плечи поежившейся невесты.

— Спрашивать такое у государыни неуместно. У матери — тем более глупо. Вы всегда будете дорогой гостьей в Жуковом Улье.

— Гостьей? — наигранно изумилась та. — Когда-то я была здесь хозяйкой...

— Никогда! — отрезала баба Вера, не поднимая глаз от миски с ягодами. — Ты сбежала отсюда, как только смогла. Здесь ты была младшей прислужгой, которой позволили нарядиться принцессой.

Королева выразительно вздохнула, посетовала:

— Что ж, ты права, Веролюта. Пожалуй, теперь и мне нечего возразить моему сыну, который решил последовать примеру отца и променял королевну на бродяжку.

— Это я, что ли, бродяжка? — опешила Варя. — Да я за всю жизнь бу-бу-бу!.. Бу?..

Ее рот накрыла ладонь.

— Полагаю, мама, вы поживете здесь с нами, пока не восстановят дворец? — уточнил Зим.

— Бу?! — ужаснулась Варя.

— Возможно, — пожалала плечами, словно не замечая нерадушной реакции: кормилицу перекосило, точно от кислого, Варвара покраснела и надулась, даже Зореслава опешила, вообразив перспективу сосуществования.

— Но... — продолжала Хранислава, — боюсь, мне будет скучно без моей свиты. Разместить здесь столько людей с достойным удобством не получится. Так что, пожалуй, я переберусь в летнюю резиденцию, пусть не сезон и скоро ударят холода...

— Не так уж скоро, — сказал Зимослав.

— Тебе виднее, — скучаяще согласилась родительница, — ты же у нас главный погодник.

По тому, как Буря опустила взгляд, Варя поняла, что будущая свекровь на самом деле пришла сообщить сыну, что наконец-то окончательно признает его не только действительным правителем королевства, но и главой семьи. «Напугали же ее белогорцы...»

Но аппетит она ему испортила — «Вот зараза!» — ибо Зимослав ласково ухватил Венцемира за шиворот, вытащил из-за стола и объявил, что у них срочные дела. И ушел, без завтрака.

— Куда? Не пожравши?! — завопила им вслед баба Вера.

Вскочила, но поди за ними успевай. Схватила одной рукой за сердце, другой за поварешку. Потрясла оным орудием над головой... да замахнулась в сторону королевы:

— Вот убила бы!.. — И швырнула через всю кухню в мойку, отозвавшуюся звоном разбитых чашек. — Тьфу! Гуляешь без мужа, так хоть бы на глаза мне не показывалась, бесстыдная твоя рожа!

И вышла с топотом вон.

Хранислава продолжала сидеть с каменным лицом, будто на троне.

— Мам... — робко заикнулась Зорька.

Но ее величество наконец-то соизволила обратиться к будущей невестке:

— Вижу, из тебя вышла неплохая зарядка и грелка. Возможно, я разрешу, чтобы твоим детям дали титул учтивости.

— Вообще-то мои дети будут вашими внуками и наследниками трона, — пожалала плечами Варя, уговаривая себя не закипать снова.

— Увидим. Не думай, что, попав к нему в постель, ты ухватила свое счастье.

— Не ваше дело, что я думаю.

— О-о! Показываешь гонор? Молодец, полезное умение, может пригодиться. Но знаешь, что думаю я?

— Что вы несчастная стареющая женщина, которая не может поговорить с любимым сыном и не взбесить его? Да еще оставшаяся без жилья. Сочувствую вам, правда, от всего сердца.

Хранислава скрипнула зубами. Но удержала лицо. Усмехнулась снисходительно.

— Благодарю за доброе слово. Ты хорошая девочка. Жаль только, что в подметки не годишься той, в кого он влюблен.

— Мама! — вскинулась Зореслава.

Но родительница отмахнулась, не взглянув на вспыхнувшую дочь. Она прожигала взглядом будущую невестку:

— Ах, наверное, во всём Белозорье нет такого человека, кто столь же сильно, как я, ненавидел бы злосчастное проклятье Грозоврата. Из-за его глупости мой сын пожертвовал сердцем и будущим.

— Они давно расстались друзьями, — пробормотала Варя, чувствуя, как ее охватил озноб. — Без дров огонь долго не горит.

— Не такой огонь это был, чтобы легко угаснуть. Не Зимослав бросил девицу. Он готов был отречься от титула, наследства, от смысла жизни, от дара, от чар. Но невеста отказалась любить его слабого и бедного, сбежала к себе домой. Вот только чувства его никуда не делись. От времени они сделались тверже, проросли вглубь души. Ты — всего лишь постельная грелка, как те служанки. Но они хотя бы сознавали свое место и не тешили себя мечтами о взаимности.

— Я выйду за него замуж, — упрямо и тихо произнесла Варя.

— Выйдешь, — равнодушно подтвердила королева. — Куда ему деваться.

Хранислава уехала быстро, пожалела дочь, на которой от переживаний лица не было.

— ... Не верь ей, Зимка уже влюбился в тебя! — повисла Зорька на Варя, сама чуть не плача.

— Да вот еще глупости буду слушать всякие, — смешливо фыркнула та. Погладила принцессу по розовым локонам. Обняла крепко в ответ: — Пошли пироги печь? Ватрушки!

Пироги вышли отменные, румяные и пышные. Жаль, что Зимослав не оценил — ни к ужину не вернулся, ни ночевать в тот день не пришел.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. Вольнополье. Глава 19

Осень медленно подбиралась к Жукову Улью. Баба Вера целыми днями вываривала повидло из тыковко-яблок и грозила, что уже скоро можно будет посылать всех в лес за клюквой. Росана поправилась и вернулась к прежним обязанностям компаньонки — днем. По вечерам же уходила в соседнее село, в тамошний трактир, где до утра просиживала в темном уголке наедине с бутылкой крепленого. Благо мужики из поместья туда тоже захаживали и на обратном пути забирали мрачную воительницу с собой.

Зореслава освоила швейную машинку и строчила целыми днями, уверяя, что не собирается шить для Вари свадебное платье.

Венцемир вылавливал оставшихся шпионов по стране. Будигор заведовал ремонтом дворца и успевал искать предателей при дворе, уверяя, что царящий в летней резиденции кавардак после спешного переезда ему лишь на руку.

Зимослав ездил по стране, проверяя сбор урожая и готовность к зиме, принимая разнообразные жалобы от населения и на месте верша королевский суд.

Варя от тоски занялась рисованием картин маслом, а в пасмурные дни изобретала принципы фотографии на магической основе. Впрочем, пока без особых успехов — не хватало базы алхимических знаний.

Если Зимославу выпадала редкая возможность переночевать дома, он предпочитал спать не в своей постели. Приходил, когда Варя уже крепко спала, забирался под одеяло, прижимался тесно. Сквозь сон она чувствовала, как прогибается перина под тяжестью тела, теплого после горячей ванны. И тянулась обнять, бурча: «Моё! Никому не отдам!..» Если просыпалась настолько, чтобы самовольно избавить его от подштанников и рубашки, тогда он откликнулся с жаром и доводил ее до всхлипов и дрожи. Если же сон стряхнуть не удавалось, так и спали в обнимку. Утром он уходил до ее пробуждения, и Варя злилась — на себя, за безотказность. На него, что завел себе удобную женушку и пользуется ею, как хочет — забывая, что ночью всегда делает первый шаг сама.

Больше всего Варя боялась, что так будет продолжаться и после помолвки, и после свадьбы. Став законной женой, она получит примерного мужа, ласкового, доброго, заботливого. По-прежнему влюбленного в другую.

Иногда ей казалось, что она сильно прогадала, разрешив ему, приучив к близости. Уровняла себя с теми служанками. Ведь что есть между ними? Завешание Грозоврата и постель. Желание нежности и тепла. Симпатия и никакой любви.

Временами ей начинало чудиться, что и свою-то влюбленность она придумала. Но это длилось ровно до новой встречи — до следующего взгляда в золотистые глаза.

«Ненавижу тебя, Яснолика Краса, королева Вольнополья! Встретимся — косы выдеру! Столько лет его мучаешь — теперь и мою кровь пьешь дистанционно! У-у, ведьма!..»

Впрочем, Варвара грозила. Но не предполагала, что вскоре ей предстоит посетить третье союзное королевство и познакомиться с воображаемой разлучницей лично.

Народ в трех королевствах повсеместно готовился к главному событию конца лета — празднику плодородия. Про себя Варя окрестила грядущие ярмарки и гуляния «фестивалем урожая», хотя огородно-полевые работы продолжались и не обещали завершиться раньше первых заморозков. Символизировало плодородие конкретное астрономическое явление: в полночь две луны сходились друг с дружкой, ненадолго сливаясь в одно ночное светило. Будто одна гонялась за другой целый год и только однажды, на какие-то полчаса, умудрилась настигнуть и «поцеловать», чтобы затем снова разойтись на небосводе. На самом деле, конечно, луны не сталкивались, а спокойно кружили вокруг планеты на разном расстоянии, не мешая друг дружке, крупная подальше, меньшая поближе. Но с земли всё выглядело очень романтично.

Зореслава, обычно многолюдные мероприятия не любившая, в этот раз загорелась энтузиазмом и поклялась силком вытащить Варю с Тихуном на деревенские пляски...

О празднике в Жуковом Улье забыли, когда услышали известие: в Белозорье объявился дракон.

— Я не знала, что у вас водятся драконы! — восхитилась Варя. Ужасаться и не подумала — что такого может натворить ящерица, пусть даже огромная, если за ее передвижениями взялся зорко следить изумленный Чуролют и вся его академия.

— У нас не водятся драконы, — мрачно пояснил невесте Зимослав, примчавшийся домой, бросив все королевские дела.

— Вылез из стихийного разрыва? — тревожно предположила Зорька.

— Не было такого, — отмел теорию Огнеяр.

Передвигался дракон подозрительным образом: широким зигзагом, будто раздираемый трудноразрешимым внутренним противоречием. То его несло напрямик в сторону Златограда, то он сворачивал на Синегорье.

— Вот оно — первое знамение проклятия Грозоврата! — яростно возликовала Хранислава Буря. — Сначала чудовище разорит селения и пожрет людей. Потом начнутся остальные бедствия. Так что просчитались Тугохвал с Твердивером, подсунув тебе подложную невесту! Гони свою бесполезную Клюкву взащей!

Против уверенений ее величества, на людей дракон не покушался. Да, ломал дома и прочие строения в попадавших под горячую лапу деревнях. Вытаптывал пашни, не утруждаясь ходить исключительно по дорогам. Время от времени воровал скот для пропитания — две-три козы съест, остальное стадо распугает. Но людей не тронул даже кончиком когтя. Даже когда у следующих за ним почетным эскортом рыцарей и магов сдали нервы и они обстреляли чудовище кто стрелами, кто молниями — дракон огрызнулся, но лапам воли не дал, ушел в ближайший овраг грустить и громогласно выть на луны.

— Мы сами разберемся, не волнуйтесь, — заверил Чуролют синегорского королевича, готового сорваться на помощь вместе со своей командой. — Даже не знаю, что нам делать с такой редкостной редкостью. Убить нельзя, прогнать не получится... А содержать его как? И где? Не в зверинце же...

Вот только опытным путем выяснилось, что магия на дракона не действует — отскакивает, как от стенки горох. Чуролют лично прибыл к источнику переполоха, проверил сам — так и есть. Путы, которые теоретически должны были удерживать любое животное заданного размера, дракон стряхивал, не замечая. Когда же чародей попробовал применить более сложные заклятья подчинения, рассчитанные на мыслящее существо, то обнаружил, что его собственный дар отказывается воздействовать на чудовище. В панике Тугохвал снова связался с Зимославом, как с единственным своим учеником, перед которым не стыдно раскрыть обнаруженную слабость:

— Я стал слишком стар!..

— Дядя Чур, твой возраст тут совершенно не при чем, я уверен.

— Хочешь сказать, ящер похитил мой дар?!

— Разве такое возможно? В любом случае, ты бы заметил. Твои подчиненные пробовали подобные заклятья? У них хоть что-нибудь получилось?

— Не пробовали. Я использовал самые надежные плетения чар, очень энергоемкие. Увы, ребят, равных твоим Венцемиру или Будигору, среди моих воспитанников сейчас нет. Алюсом я рисковать не могу, ибо знаю, как он тебе нужен.

— Пошлите Мстисладу! — хихикнула Варвара, высунувшись из-за спины жениха. Как только Зим вернулся, она превратилась в его тень, точно приклеилась — следовала по пятам и всюду совала любопытный нос.

Мужчины смерили ее неодобрительными взглядами. (Чуролют еще и недоумевающим, ибо дома Варя предпочитала носить практичные штаны вместо положенных барышням платьев. Нынче же из-за теплой погоды вовсе надела обрезанные ниже колена джинсы, беззастенчиво пользуясь молчаливым попустительством будущего мужа. Она уже поняла, что для него главное, чтобы невеста не злоупотребляла обтягивающими или прозрачными вещами. А ее голые щиколотки в узком кругу доверенных лиц он был готов стерпеть, даже стоически не обращал внимания на комплименты восхищенного ее смелостью Венцемира).

— А что? — вспыхнула Варя. — На месте Мстислады я не отказалась бы помериться силами с драконом. Ей, как будущей королеве, такой подвиг очень даже пригодится для репутации. Она могла бы зверюшку уменьшить,

посадить в клетку и подарить Твердиверу в качестве свадебного подарка на день плодородия.

— Уменьшить? — задумался Тугохвал. — Неплохая идея на самом деле...

Зимослав отвлекся на мерцание сигнальных перстеньков. Открыл портал сразу высотой в рост. С той стороны терпеливо ожидал недавно помянутый Вихрь.

— Злат Лучедар решил устроить битву с драконом, — насмешливо изрек он. — Снежен, тебе нужно это увидеть.

— Всем-то не терпится насOVERSHAW подвигов... — пробормотал, вздохнув, Зимослав. Обернулся к Огнеяру, приказал: — Останешься дома, сторожить башню.

— Как всегда, — проворчал тот.

Варя тоже оглянулась на обиженного парнишку, строго бросила, едва удержавшись от хихиканья:

— Остаешься дома, сторожишь принцессу! Вишь, драконы расшалились!

А сама юркнула в портал следом за якобы не заметившим ее маневра Зимом.

— Злат? Его-то куда понесло?.. — всплеснул руками Тугохвал. Захлопнул свое переговорное окошко и поспешил присоединиться к любимым ученикам.

— И это что? Это весь драконище? — разочарованно протянула Варя, узрев чудовище воочию. В ее понимании дракон обязан быть размером с гору. Этот же оказался самую чуточку крупнее сайгака. — Динозавр какой-то, а не дракон. Крокодил с крыльями! И то у Друньки размах пошире будет.

И тем не менее, Злат в блестящих рыцарских латах рядом с этим крокодилом выглядел нелепо, как игрушечный солдатик против игуаны.

Алояс привел их на отличное место — с лесной опушки как на ладони просматривалась просторная поляна. И просека, проделанная, похоже, совсем недавно, то ли драконьим огнем, то ли самодеятельностью Чуролютовских магов, ныне попрытавшихся по кустам вместе с кавалерией.

Взгляду прибывших предстал сам дракон, раздраженно рычащий и роющий землю лапами — и два его противника: Лучедар-рыцарь и его верный оруженосец Радмил. Впрочем, стоило немного приглядеться, и становилось понятно, что дракон Злата противником не считал и охотился исключительно на пажу.

— Что за кошки-мышки в трех соснах? — озадачилась Варя, глядя на чехарду.

Дракон рычал, бил хвостом, расшибая древесные стволы в щепки, прыгал и вертелся волчком — преследуя матерно вопящего Радмила. При этом постоянно встающего у него на пути Злата аккуратно отодвигал лапой или нежно отпихивал в сторонку мордой. В последнем случае нередко увлекался и начинал самозабвенно обнюхивать принца с ног до головы, а затем и облизывать длинным широким языком, щедро заливая доспехи липкой слюной. Такое обращение не нравилось Радмилу. Вместо того чтобы воспользоваться моментом и сбежать, паж вопил еще громче, хватался за любую палку или отбирал у Злата его меч, воинственно подскакивал к чудовищу. И дракон вспоминал, что собирался поймать и придушить пажу. Игра в догонялки начиналась сначала.

— Что тут происходит? — присоединился к наблюдающим слегка запыхавшийся магистр Чуролют.

— Я бы тоже хотел понять, — заметил Зимослав.

Он властно протянул руку — и словно бы выхватил Злата из лап дракона, мгновенно переместив опешившего принца к ним на опушку. Ящер лизнул языком воздух, удивился, понял, что игрушку отобрали — и с еще большей злостью ринулся на пажу.

— Мил!.. — не успел испугаться за любимца Лучедар, как Зимослав переместил и его, буквально вручив принцу в объятия.

Сразу за тем Снежен обвел разъярившегося дракона высокой невидимой стеной, будто накрыл гигантским стаканом. И вовремя: чудовище решило вернуть ускользнувшую добычу, взвилось в прыжке — и повисло враспыху на незримой преграде, по которой плавно сползло вниз. Снова встав на четыре лапы, дракон заметался по огороженной поляне, то сердито взрыкивая, то обиженно поскуливая, не сводя горящих глаз с компании на пригорке.

— Ваше высочество! Извольте объяснить ваше присутствие здесь и в таком виде! — шагнул к принцу возмущенный Чуролют. — Я не имел удовольствия согласовывать ваше участие в данной операции!

Злат набычился в ответ:

— Я не нуждаюсь в вашем разрешении, господин магистр! Являясь наследником трона, я обязан защищать земли моего королевства от нападений и атак любого рода.

— Позвольте вам возразить, ваше высочество! — стоял на своем старый чародей. — В дела, имеющие отношение к магическим проявлениям, вы не имеете права вмешиваться! Равно как участвовать в военных компаниях без прямого на то указания вашего родителя. Тем более зачем вы привели с собой Радмила?! Если не бережете себя, будьте любезны побереечь жизнь и здоровье моего внучатого племянника, вверенного под ваше покровительство!..

Пока эти двое препирались, Зимослав, а за ним Вихрь и, понятно, Варвара, пошли знакомиться с драконом.

Тот утомился бесноваться и уселся передохнуть, внимательно следя за людьми и нервно дергая хвостом. Подойдя к невидимой ограде вплотную, Варя осознала, что немного промахнулась, оценивая размеры ящера — преуменьшила раза в два.

— Чара? Чаруша? — позвал Зим.

На нежное имя дракон ответил радостным рыком, забил хвостом с удвоенной силой.

— Впрямь она, — с удовлетворением констатировал Алояс. — И почти вменяемая.

— Она всегда в последнее время почти вменяемая, в любом обликии... И что, никто, кроме тебя, не заметил?

Понятно, Радмила без дара. Но Чур!

— Старееет.

— И еще гадает, почему его заклятья не срабатывают.

— О чем вы? — сунулась Варя. Имя было смутно знакомым, вот только сходу не вспомнишь.

— Посмотри на ауру, — предложил Вихрь назидательным тоном.

Варя надула губы: решил провести для нее незапланированный урок? Нашел время и место! Но послушно сосредоточилась и старательно уставилась на чудище, слегка прищурившись. Дракон будто что-то понял, резко опустил голову, чтобы взглянуть ей глаза в глаза — ее с блюдца, у него с подносы. Моргнул. Варя дрогнула, но не взвизгнула, ибо не хотелось позориться перед парнями.

— Ну как, выяснили, откуда это взялось и как его убрать отсюда? — подошел к ним заскучавший Радмил.

Увидев пажу на соблазнительном расстоянии, дракон снова ума лишился и принялся ожесточенно скрестить невидимую стену лапами и клацать зубами.

Варя обернулась на голос — и машинально «прочитала» ауру Радмила.

— Ой! — удивилась она. Кивнула Вихрю: — Почти одинаковые. Как интересно-о!.. Еще бы знать, что это значит. Намекните хотя бы, а?

— Вихрь, твоя ученица бредит, — констатировал паж. — Что может быть общего у меня с этим чудовищем?

— Страсть к вашему принцу? — невинно предположила Варя.

Паж насупился. Покосился на брызжущего слюной дракона (благо ограда капли тоже не пропускала, и те стекали по прозрачной стенке мутными полосами).

Внезапно — и неожиданно для всех присутствующих, не исключая мигом припавшего к земле дракона — в воздухе над поляной распахнулся немаленький портал.

— Стихийный? — охнула Варя.

— Нет, это... — заикнулся было Зимослав.

Тут расширяющийся портал напоз на невидимую ограду, и стена лопнула с тонким, на грани слышимости звоном. Дракон воспрянул духом.

— Назад! — скомандовал Зим.

Он дернул Варю спрятаться у него за спиной и стал медленно отступать, не сводя глаз с дракона, на ходу сплетая защитные и удерживающие чары. Варя в свою очередь прихватила Радмила, пихнула встать позади нее и пригнуться, чтобы не бесил ящера своим видом. Алояс торопливо выставил щиты. Чуролют прекратил ворчать на принца, поспешил на подмогу...

Однако дракон с нечеловеческой скоростью играючи прошмыгнул мимо всех поднятых барьеров, обошел силовые петли, уклонился от ударов, будто заранее знал, кто что предпримет — и кинулся на примеченную добычу. Вот только нацелился он не на Радмила и даже не на Злата. А на Зимослава.

Этого никто не ожидал, в первую очередь сам Снежен.

Ящер перехватил его пастью поперек пояса, заодно обездвигив руки, распахнул крылья, оттолкнулся от земли задними лапами — и сиганул в портал. Только кончик хвоста махнул напоследок.

— Что?! — заорала Варя. — Куда?!..

И неосознанно вскинула руку, чтобы пульнуть по закрывающейся дыре сгустком чистой энергии. К счастью, не успела — Алояс кинулся на нее, опрокинул на землю, крича:

— Нельзя! С ума сошла?! Убить всех хочешь?!

Варя отпихнула от себя учителя:

— Тогда что делать?! Куда он уволок Зима? Где их искать теперь?!

— Успокойся, — строго приказал Вихрь. Поднялся с земли, отряхнулся, поглядел на опустевшее небо. — Я догадываюсь, где они.

— Тогда сейчас же колдуй портал — идем туда! — потребовала Варя.

— Думаешь, это так просто? Я тебе не Снежен, чтобы прыгать туда-сюда десять раз на дню. Подожди, сейчас свяжусь с Венцемиром и Враном, обсудим...

К ним подбежал Чуролют, захлопал глазами:

— И всё-таки, что случилось?..

— Вот вы! — перекинулась на старого чародея Варя. — Вы сможете открыть портал? Чтобы привел туда же, куда и этот, закрывшийся? Можно же просчитать остаточные следы какие-нибудь и извлечь точные координаты? Чтобы не пришлось гадать и догадываться! — она сверкнула глазами на Вихря.

— Следы?.. — пробормотал магистр, озадачился, задумался. Уставился вверх, ища в пустоте тающие искры чужой магии. — Сударыня, это возможно. Теоретически. Однако потребуется время и многоступенчатые вычисления. Если заняться прямо сейчас...

— Не нужно, — остановил его Алояс. — Слишком долго и ни к чему. Ничего ужасного с Зимом не случится. Если бы он захотел, то уже вернулся бы сам.

— А если его ранили? — взвилась Варя. — Погрызли?! Придушили?!

— Да кто его там станет грызть, — отмахнулся Вихрь.

— Ты же сам сказал — она неменяемая! — не уступала Варя, — эта ваша Ча...

Она осеклась на полуслове. Вспомнила, откуда знает это имя. И почувствовала, как злость медленно заполняет всё ее существо, от пяток до макушки с поднявшимися дыбом волосами.

— Так ты понял, куда его утащили? — включился в бестолковую беседу и Злат, подбежав и вцепившись в своего пажа.

Вихрь вздохнул. Только ради принца вынужденно раскрыл сведения:

— В Кукушкин Дол.

— В Вольнополье? — удивился Лучедар.

— Ах, вот оно что! — мрачно рассмеялся Радмил, но вздохнул с облегчением. Потянул принца за рукав: — Идем отсюда. Игры они тут устроили! На наших землях забавляются! На моих нервах играют!.. — зло выкрикнул в небо, словно обращаясь к кому-то конкретному.

— Так! Если мне сейчас же никто не откроет портал, я сама наколдую! — объявила ультиматум Варя.

— Ты не умеешь, — попытался воззвать к благоразумию Вихрь.

— Не умею! Но сил мне хватит. Поэтому и предупреждаю по-хорошему! Ну?

— Ладно-ладно, — сдался Алояс. — Иди, спасай своего королевича от сумасшедших подружек детства.

И открыл, вредина, окошко чуть пошире переговорного. Видишь ли, решил так силы сэкономить.

— Спасибо! — буркнула Варя и на это. Запоздало пригрозила: — Смотри, если выкинешь меня в другом месте, я тебе это припомню!

Алояс утомленно вздохнул.

Варя бесстрашно полезла в дыру.

Внутри оказалась зыбкая труба метра полтора длиной. Как будто шахта вентиляции, облепленная мягким ватином из плотно свалывшейся серой пыли. Но уж очень узкая.

— Я застряла, подтолкните! — крикнула она, надеясь, что ее услышат. Вдобавок выразительно подрыгала ногами, чтобы точно поняли суть проблемы. И снова мысленно порадовалась, что с утра надела джинсы, а не какое-нибудь дурацкое платьишко с кринолином — вот бы Радмил тогда повеселился, глядя на нее с тыла!..

Замерла, почуяв, как чьи-то руки подхватили ее под коленки и приподняли ноги над землей, чтобы ловчее пропихнуть в окошко застрявшие бедра. (Хотелось верить, что это Алояс, а то ведь за помощь Злата Милка потом с нее спросит с процентами!) Варя поднатужилась, выдохнула поглубже, подтянулась на руках, хватаясь пальцами за податливый пыльный мох — и высунулась из дыры по пояс.

С другого конца портала обнаружилась приятно-бирюзовая солнечная рощица. И тропинка, по которой к повисшей в воздухе Варе спешил симпатичный молодой человек, одетый в богатый камзол серебристого бархата, изысканно гармонирующий с небесно-голубыми завитыми локонами, подхваченными в хвостик синей бархатной же лентой, скрепленной брошкой-камеей... У застрявшей Вари было предостаточно времени, чтобы его обстоятельно рассмотреть.

Ахнув на ее бедственное положение, юноша захлопотал вокруг гостыи. Причем, прежде чем взять ее за обе руки, дабы потянуть со всей силы, кавалер пару минут рассыпался в извинениях за то, что вообще посмел притронуться к руке непредставленной дамы... А когда она наконец-то вылетела из закрывающегося портала, как пробка из шампанского, юноша забавно испугался, что из-за его неловкости гостыя лишилась всех юбок. Варе пришлось тщательно подбирать слова, объясняя, что ее урезанные джинсы — это именно штаны, а вовсе не какие-то новомодного фасона нижние панталоны. Справившись с переживаниями, смущенный кавалер вновь рассыпался в извинениях. Затем спохватился:

— Вы ведь за Зимославом Ледомиром прибыли? Странно, что вы одна. Меня послали сюда, чтобы я встретил отряд чародеев и не позволил им сгоряча взорвать дом... Позвольте, я провожу вас?

— К Зимославу? — уточнила Варя. Хотя сама понимала, что подозревать этого мальчика-одуванчика в коварстве не стоит, такую наивную простоту нарочно не сыграешь. — Надеюсь, мой жених цел и не пожеван? И почему именно дракон? Почему она буянила не у вас тут, а почапала в Белозорье? И почему облизывала Злата, а

украли Зима?

Под градом безостановочных вопросов юноша вовсе растерялся, захлопал ясными глазами, поражая густотой и длиной ресниц, прикусил пухлую нижнюю губу, погружившись в крепкую задумчивость. Пришлось Варе ему напомнить, что стоять посреди тропинки непродуктивно и негостеприимно, чем вызвала новый поток искренних извинений.

— Вот это дача! — ахнула она в восхищении, когда из-за вековых деревьев показался «скромный охотничий домик» на три этажа, не считая угловых башенок.

Впрочем, готично-мрачный особнячок действительно был маленьким — по королевским меркам. И вправду стоял посреди настоящего леса, глядя небольшими окошками фасада на живописное озерцо, которое Варя сходу окрестила болотцем.

И помещьем назвать это было нельзя. Никаких дополнительных построек вокруг особняка, что после Жукова Улья казалось необычным. Не было сада, клумб, оранжерей и даже обустроенных дорожек. Прямо от дверей расходилась сеть тропинок — пустынных, если не считать снующих среди растительности непуганых лесных птичек и зверюшек. Никакой суеты на дворе — ни горничных, ни прачек-кухарок, ни егерей-дворников-садовников, никто не болтает, не переругивается. Да и двора-то нет — так, лужайки. Тишина и шелест листья кругом.

— И еще Зим полагает, будто это он живет в уединении, — пробормотала Варя.

Кавалер любезно распахнул перед ней двери. Отогнав здравые опасения, Варя переступила порог мрачного особняка.

Зимослава искать не пришлось — он нашелся тут же в холле. С озадаченным видом вышагивал вокруг распластавшегося на ковре дракона, поскуливающего в печали и сожалениях. На скрипнувшую входную дверь синегорский королевич оглянулся мельком, ничуть не удивился:

— А, Варя, ты? Надеюсь, мы не слишком тебя испугали? Прости за это недоразумение.

Варя вздохнула с тихим всхлипом — от облегчения, что ее непутевый суженый в порядке и нигде вроде бы не прокушен. Очень хотелось подбежать к нему и хорошенько поколотить, дабы впредь неповадно было к драконам соваться — и заодно бы проверила целостность помятых драконьими челюстями ребер... Но от порыва остановил глубокий женский голос, тянувший слова с насмешкой и ленцой:

— А где обещанный отряд лучших красавцев? Это кто вообще, Ледомир? Ты взял в невесты мальчишку-босяка в оборванных штанишках? Или это у вас в Синегорье мода нынче такая, прогрессивная, м-м?

— Мода, угу, — проворчала Варя, прожигая взглядом приближающуюся статную красавицу с роскошной темно-синей косой, облаченную в свободное домашнее платье. — Наведайся к Зореславе, она тебе выкройку даст. Следующим летом в жару оценишь.

— Благодарю за любезное предложение, — блеснула улыбкой та. — Это в Синегорье для лета сгодятся штанишки. Такого зноя, к какому привыкли у нас в Дивогорске, Ледомир не допустит, он же у нас нежная натура, снежная, хладнокровная. И любит он холод, и любит-то он холодно...

— Яснолика! — одернул ее Зимослав. — Отвлекаешь.

Дракон — вернее, дракониха — тоже вскинула голову, зарычала согласно: пустые разговорчики мешали ей наслаждаться вниманием похищенного принца-чародея. Ящерица уже и на спину опрокинулась, задрав по-заячьи лапки, подставив внимательным ладоням нежное брюхо.

— Ой-ой! Напугали! А вы не отвлекайтесь, — рассмеялась вольнопольская королевна. Снова обернулась к насупившейся Варе: — Пойдем чай пить? Чую, они еще долго будут заниматься ерундой. А я после портала проголодалась. Мало, что тушу сбегавшей дурищи пришлось тащить из чужого королевства — а до того неделю голову ломала, как ее подловить — так она еще и тяжеленного мужика с собой прихватила!

Варя язык прикусила: да как эта принцесска посмела обзвать Зима мужиком?! Да еще тяжеленным?!

— Пойдем, — Яснолика обняла гостью за плечи, развернула к парадной лестнице, будто мнение самой Вари ее несколько не волновало, — обсудим, в чем полезнее перед женихами в жару щеголять — в штанишках, гольшом или в чешуе...

— Краса, фу! — скривился синекудрый юноша.

Дракониха поддержала ворчанием.

— Никакого чая! — рявкнул, отвлекшись от чароплетения, Зимослав. — Краса, отстань от моей жены. Одну ты уже напоила чаями — вон что с ней стало! Варя, подойди ко мне. Поможешь, когда начнем возвратный оборот.

— Жену... — фыркнула Яснолика Краса. Но Варю отпустила, даже легонько в спину подтолкнула, как бы разрешая поспешить к избраннику. Повысила голос: — Ледышка ты, Ледомир! Так плохо обо мне думаешь? Будто я стала бы травить твою долгожданную возлюбленную! А Чара сама виновата. Кто ж в здравом уме мешает вино с зельями? Праздновала свою тоску по Злату, вот и обернулась драконом. Да, Чаруша?

Дракониха заворчала в ответ и от стыда спрятала голову под крыло.

— Ох, чуть не забыл! — всплеснул руками юноша. — Пока Чарушу не обратили, давайте соберем с нее ингредиенты? Краса, ты сама говорила, что надо ее вернуть, чтобы сцедить крови, слюны, желчи, отковырнуть чешую... и что там еще полезного?

Дракониха оскалила клыки и задом заползла под лестницу, попутно опрокинув пару кресел и высокий светильник.

— Точно — клыки! — обрадовался подсказке юноша.

Краса со вздохом закатила глаза. Пожаловалась Варя:

— Братец бывает таким простодушным, что даже мне порой страшно. Милонег, ты еще после прошлых своих опытов мою лабораторию не отмыл!

— Можете когти обрезать, — невозмутимо предложил Зимослав. — Вот посмеетесь потом, когда проведете анализ и поймете, что состав ткани ничем не отличается от женских ногтей.

Яснолика в наигранной задумчивости уставилась на собственный маникюр, будто ища сходство или потенциал для метаморфоз.

— Варя, будь добра, заряди. — Зим протянул горсть амулетов.

Поглядев, как гостя поспешно взялась за привычное дело, находя в процессе своеобразное успокоение для взбудораженных нервов — вольнопольская королева удивленно протянула:

— Гляди-ка, и впрямь верная супруга! Совместимость энергий — это так мило...

Когда Варя закончила, Зимослав строго шикнул на хозяев. Яснолика послушно оставила дурачество. Глядя на нее, притих и ее чуткий братец. Вчетвером все вместе они благополучно распугали обратное заклятье на драконихе. Огромное тело выпустило лишнюю распирающую магию, сжалось до человеческих размеров — и на ковер упала очаровательная хрупкая блондинка с длинными волосами цвета полуспелого лимона. Обнаженная, разумеется.

— Неж, отвернись! — скомандовала Яснолика.

Милонег густо покраснел, чуть ли не до слез — и бегом удрал прочь.

Снежен тоже отвел глаза. Торопливо снял камзол, протянул Варя. Та догадалась прикрыть блондинку.

— О-о... Как же мне худо... — простонала жертва зелий.

С трудом собравшись, села на ковре, легкомысленно расставив колени, совершенно не обращая внимания на едва прикрытую наготу, так что даже у Вари заплыли щеки, а Зимослав ретировался следом за Милонегом.

— Краса, солнышко, — сосредоточив взор, узнала подругу бывшая дракониха, — яви милость! Дай водички, а?

— Конечно, Чарушенька, — проворковала королева.

И, согласно легкому движению ее руки, блондинка исчезла.

Мгновением спустя стены особняка содрогнулись от дикого вопля. Голосили где-то на верхних этажах.

Яснолика невозмутимо обернулась к Варя, ослепительно улыбнулась, пояснила:

— Ничто так не бодрит, как купание в прохладненькой ключевой воде, не правда ли? Что ж, теперь точно нужно выпить чаю. Вот как знала, что гости нагрянут — вчера напекла пирогов! С грибочками, с яичками и зеленью, с лесными ягодами...

— И ватрушек, поди? — ревниво фыркнула Варя.

— Увы, нет, — понимающе покосилась на нее королева. — Как баба Вера в свое время ни билась со мной, постигнуть сокровенную суть ватрушных таинств я не сумела. Зато есть со свежей клюквой! Уважь, не откажись отведать?

Стол Яснолика Краса накрыла в небольшой светлой гостиной с окнами, выходящими на живописное озеро. Накрывала сама. Пальцем указывала на местечко на скатерти — и там возникало блюдо с угощением или кувшин, или бугылка, равно и чашки-ложки-тарелки. Удобный способ — не приходится бегать по особняку.

— Так, а в подвале на леднике у меня еще есть копченая рыбка... А, нет, уже не свежая, таким не потчуют гостей. О, зато икорка просолилась! Как же я про нее забыла. Ну-ка, явись сюда из чуланчика!.. — ворковала хозяйка, расхаживая вокруг стола, перед внутренним взором перебирая запасы провизии.

— Много всего уже, куда еще-то? — проворчала Варя, уныло подперев рукой щеку. Яснолика не послушала отговорки и усадила ее за стол раньше всех.

— Это тебе кажется. Сейчас мальчишки с Чарушей явятся и всё умнут. Ох, чуть про хлебушек не забыла! Он же у меня в печке остывает, свеженький. Вот! Какая корочка получилась румяная, хрустящая.

— Очень вкусно выглядит, — вынуждена была признать Варя.

— Да ты не смотри, а пробуй! Вон масло, вон икра. Или варенье, если хочешь.

— Не будем остальных ждать?

— Незачем, много с них чести. А булки остынут. Тепленькие...

Краса и сама уселась с нею рядышком, локоть к локтю, взялась резать каравай на щедрые ломти. Варя

сдержала порыв отодвинуться вместе со своим стулом. Всем хороша королевна — и внешность завораживает, и манеры простые, речи ехидные, ум острый, смешки необидные. А червячок ревности в сердце так и вертится, так и жжется... Самое стыдное, что Яснолика читает Варини душевные терзания, будто смотрит в открытую книгу — быстро колочки спрятала и окружила заботой. Точно жалеючи.

— У вас слуг совсем нет?

— А зачем нам двоим слуги? Ну, троим, если Чаруша гостит. Хотя что-то она загостилась, пора ее гнать. Правда, с ней веселее. Вечно учудит что-нибудь с тоски. Или Нежку выбесит. Братец, когда из-за нее бесится, совсем ничего не соображает... Всё, жуем молча — идут.

Верно — только притихли, в гостиную вошел Зимослав. Зыркнул с подозрительностью на обеих кумушек, на удивление мирно сидящих бок о бок. Выбрал себе место за столом напротив, сел, не спуская с них настороженного взгляда, будто ждал, когда разнимать придется.

— Что так долго? Где гулял? — осведомилась хозяйка.

— Чуролют задержал. Потребовал объяснений.

Зим потянулся за бутылкой, хотел было налить себе поток ликера для успокоения нервов. Но Краса опередила — бутылка исчезла из-под его руки, зато возникла перед королевой. Зим недоуменно выгнул бровь.

— Вон то для тебя припасла, — указала Яснолика на изящные кувшинчики. — А тут наливка на дюжине лесных травок.

Снежен пожал плечами и послушно налил себе другого вина.

Наливку же Краса разлила себе и Варе. Пахнуло густым сладким духом, точно в бутылку волшебством закупорили летний знойный вечер после грозы.

— Запомни, дорогая: если он тебя обидит, завари ему чай на травках. Потом надиктую, какие брать, чтобы проняло лучше. Или сушеных подарю, если найду в кладовке. С одного глотка тут же сыплю покроется! И так смешно чесаться будет, что обхохочешься и забудешь про все обиды.

Варя поглядела на Яснолику с недоверием: не шутит ведь! Однако и голос не понизила, чтобы на том конце стола было слышно. Вот же подружка детства называется — знает все секреты и слабые места и не пожалеет, ударит по самому больному.

— Варя, не пей эту отраву, — потянув носом запах, велел Зимослав. — Это сбор, развязывающий язык. Выпьешь, и не сможешь отмолчаться или соврать, на любой вопрос выдашь всё, что думаешь.

— Будто не заметил, что себе я налила то же и столько же? — с вызовом сказала Яснолика. Обернулась к замершей гостье: — Наливка слабенькая. Для знакомства в самый раз. Будешь?

И свою рюмку приглашающе подняла.

Варя кинула быстрый взгляд на жениха, но тот, похоже, решил ограничиться предупреждением и предоставил ей право выбирать самой, как поступить. Как будто у нее был выбор! Одно успокаивало — травить ее до смерти соперница не станет, ибо незачем. Но приняв этот шаг доверия, Варя может и выиграть немало.

— Ваше здоровье.

— Закуси! Запей! — наперебой засуетились Зим с Красой, так лихо Варя опрокинула в себя травяную горечь, от которой дух перехватило.

— Пьете? Без меня? — с порога капризно объявила свою обиду так вовремя явившаяся Чара-Чаруша.

По ее слегка мокрому виду легко было понять, что лимонная блондинка только-только закончила плескаться в купальне. Платье застегнула кое-как, даже волосы не полностью высушила, спеша присоединиться к обществу. Возможно, собиралась высказать Яснолике всё, что думает о ее методах лечения похмелья. Но увидев накрытый стол, великодушно простила подругу.

Усевшись по другую сторону от Вари, Чаруша немедленно повисла у той на плече и завладела ее ушами, не вникая, почему гостья утирает слезы и глотает воздух ртом.

— Так ты и есть законная невеста Снежика? Краса только о тебе и болтает, всё лето жужжит и жужжит, спасу нет! «Варенька то, Варенька это!» — тьфу! Ей про тебя и Зорька, и Мстислада докладываются, да еще тетка Буря жалуется в длиннющих письмах. Как же я тебе завидую! Быть признанной парой любимого человека — это такое счастье!..

Она чистила, не делая пауз, не предполагая, что слушательница захочет ответить на вопросы. Правда, Варе и сказать-то было нечего.

— Ты кушай-кушай, — шепнула на другое ухо Краса, подставляя тарелки с угощением поближе. — Иначе зелье слишком резко подействует. А я надеюсь с тобой ночь провести до рассвета.

Варя опять поперхнулась, закашлялась...

Чаруша за считанные минуты выдала немало занятных сведений. Злополучное зелье откровенности еще не начало действовать, потому Варя честно молчала, сопела, елозила на стуле, жевала и слушала, примечая и на ус наматывая. Жаль только, через короткое время блондинка пошла в своих жалобах по второму, по третьему кругу,

мало что добавляя к уже выболтанному. А отлипнуть не собиралась, совсем оглушила.

— ...Радмила ведь что? Да пустое место! Бездарность, магии ни крупинки. Зато самомнение до небес! Злат заслуживает лучшей пары. Но идиот слепой, раз всю жизнь позволяет крутить собой. А я ведь тоже с малых лет его люблю! Уж поди сильнее, чем Милка! Вот просто жить не могу! Сколько ни живу, всё мучаюсь. И ведь выпала же доля — родная кровь меня так подло предала — обскакала, увела! А ведь я даже по возрасту больше гожусь — я-то на год Злата младше, а Милка наоборот его старше. А оба на меня смотрят свысока, будто на дитя неразумное — обидно!.. Радмила-то мне ближе всех, а такой удар в спину... Дедуля Чур у нас общий, брат нашего деда по матери, а между собой мы двоюродные. Но Милке от дедовского дара ни капельки не досталось, всё в меня ушло. А мне что за радость, ты скажи, а? Ну, умею колдовать, и что? Ну, обернулась я чудищем, а толку? Позвало меня сердце — бегу через страны к ненаглядному, мечтаю, чтобы он меня от драконьего обличья спас расколдовывающим поцелуем. А как в себя приду — сворачиваю к Синегорью, чтобы, значит, у Снежика помощи попросить, так как чувю, что самой обернуться назад человеком не смогу... А что они?

Она требовательно встряхнула Варю за плечи.

— А что? — послушно спросила та.

— Они на меня кавалерию! — обиженно заголосила Чаруша. Махнула Милонегу ручкой, чтобы тот поухаживал, подлил ей хмельного пузырящегося сидра, и жадными глотками осушила бокал. — Ах! Никто не признал во мне меня! Скажи, я так сильно изменилась? Или они меня забыли? Даже дед Чур! Родной дед! Он же меня сам учил!

— Лакать все зелья без разбора и оборачиваться в ящеров он тебя точно не учил, — фыркнула Яснолика.

Варя и не заметила, когда к ним присоединился братец Красы, тихий, как призрак. Тот ничего не ел, не пил, лишь мрачнел и бледнел всё больше — и не спускал горящего темного взора с расчирикавшейся Чаруши. Варя поежилась: определенно он неравнодушен к блондинке и ее завывания о любви к прекрасному принцу были для него словно иголки в сердце. Для нее же его чувства не были секретом, Чара пользовалась его покорностью в своих интересах, точно вольнопольский королевич добровольно вызвался быть ее прислугой. Вместе с тем она не скрывала своего к нему презрения, нарочно шпыняла едким словом по любому поводу. И не только словом.

— ...Что зыркаешь? Налей еще!.. Я как Милку тогда увидела — от злости просто ум затмило! Так бы и загрызла, разорвала бы на клочки!.. Эй, ты мне на платье плеснул! — взвизгнула невыносимая барышня, хотя сама же толкнула его под локоть. Да и пролилась всего пара капель. Но Чаруша замахала руками: — Уйди с глаз долой! Надоел до невозможности! Брысь!..

И в сердцах швырнула в него немаленьким сгустком чар — превратила безропотного поклонника в небольшого зверька вроде кошки, с голубым пушистым мехом в цвет его собственной шевелюры.

Краса, похоже, привыкшая ко всякому, вяло возмутилась произволу над братом:

— Чаруш, ты совсем очумела? Немедленно верни в нормальный облик!

— Ему и этот вид нормальный, — фыркнула жестокая красавица. — Самый подходящий такому нытику.

И продолжила лнуть к хлопающей глазами Варю, клянясь в задушевной вечной дружбе, раз они «так славно, с полуслова понимают чувства друг друга». Яснолика ругнулась вполголоса, да и плюнула. Лишь проводила сочувствующим взглядом заползшего под шкаф кота — и вновь обернулась к Зимославу, с которым вполголоса обсуждали недавнее нападение белогорцев.

— Какие они оба умные, — неожиданно сменила тему Чара, тихонько всхлипнула, уместив у Вари на плече хмельную голову. — Смотри, говорят о государственных делах, о границах и войне, а у самих глаза так и сверкают страстью. Эх, какая чудесная пара из них получилась бы! Так жалко, что судьба их разлучила. Вот прямо как меня с моим Златом!..

Варя поняла, что собеседницу окончательно развезло.

В то же время и с ней самой тоже творилось что-то неладное — злость так и плескалась внутри: почему она обязана тут сидеть и эту дуру Чарушу выслушивать?! Почему она молча смотрит, как ее жених увлеченно болтает с другой — на темы, в которых сама Варя ничегошеньки не понимает и поэтому утереть нос сопернице не сможет. Почему бедный лазоревый кот в собственном доме вынужден прятаться под шкафом?! Почему она, Варя, всё это должна терпеть?!

Решительно сбросив с плеча пьяную пивяку, Варвара поднялась с места. Взяла пирожок с рыбой, сурово разломив надвое. И направилась к шкафу, не замечая направленных в ее спину удивленных взглядов. Опустившись перед шкафом на четвереньки — и принялась выманить на начинку несчастного котика, ласково присюсюкивая, что не позволит больше никому его обижать.

Кот-Милонег долго сопротивлялся. Сверкал на нее из темноты растерянными глазами.

За столом разговоры утихли. Чара просто задремала, уместив гудящую голову на локти, а локти на стол. Зим потерял нить обсуждения — какие уж тут плетения пограничных сигнальных заклятий, если опоенная зельем невеста ползает по полу.

— Пожалуй, нам пора домой, — пробормотал он.

— В кои веки навестили, и уже? — негромко возмутилась Яснолика. — Сколько лет с тобой не виделись? Мог бы и погостить до Ночи Дух Лун. Вот Чарушу выгоню, и останемся с Нежкой опять вдвоем. На праздник-то! Одни-одиношеньки посреди дремучего леса. Не жалко?

— Жалко, — холодно отозвался Снежен. Кивнул на Варю: — Но ее жалче.

— Ошибаешься, ей-то как раз будет полезно, — фыркнула Краса.

Зим смерил королевну недоверчивым взглядом:

— Считаешь? Или снова влияние моей матушки?

— Когда это я беспрекословно слушалась тетюшку Бурю? — прищурилась в ответ Яснолика.

Снежен отвел глаза.

— Свяжись с Зореславой, — продиктовала она, нисколько не сомневаясь, что ее послушают и выполнят совет в точности. — Скажи, что погостишь у меня две недельки, вместе с невестой. Саму Зорьку отправь к Твердиверу, иначе издержась. Без нее в Жуков Улей никто не полезет, а в Златограде ее будут охранять, как родную. Хранислава сейчас в летнем дворце, вы с Зорькой исчезнете — представь, как обрадуются в опустевшей столице твои недруги. К тому же слухи разносятся быстро, все решат, что в Белозорье тебя сожрал дракон, а Зореслава поехала на похороны. Если твои мальчишки не прозевают, то получат отличный шанс выловить всех белогорских прихвостней.

— Я поговорю с Венцемиром и Будигором, — уклончиво отозвался Зим. Но по глазам было видно, что он уже мысленно просчитывает варианты последующих за таким шагом событий. — Спасибо.

— Это Чарушу благодари, она вас сюда заманила, — усмехнулась Яснолика. — Пожалуй, не стану ее пока выгонять.

Тем временем Милонег сжалился над Варей, от всего сердца оплакивающей его несчастное положение, и осторожно вылез из укрытия. Та не упустила момент — просияла и сцапала пушистика, притиснула к груди. Зимослав на такое проявление сочувствия недоумевающе заморгал. А Яснолика смешливо фыркнула.

— Пора нам с твоей суженой поболтать наедине, посекретничать по-девичьи.

Глава 20

Варя обиделась на своего жениха. Смертельно! Навсегда. Безвозвратно. Яснолика неизвестно куда ее повела, а тот ни слова не сказал поперек. А если бы соперница ее утопить решила? Вот в этом самом болотце, на бережку которого они уселись закатом любоваться под вишневым сидром с печеньками. Нет, разумеется, Варя ни капли не верила, что Краса может ей навредить. Но почему в это не верил Зимослав? Вот что самое обидное! Где его беспокойство о будущей матери своих будущих детей?!

— Ох, я подушки забыла! Сидеть жестко, — спохватилась Яснолика. Обернулась к шныряющему в высокой траве голубому коту: — Нежка! Будь другом, принеси парочку?

Варя удивилась: как это у ее заколдованного братца получится справиться с заданием? Но спросить не успела, так как рот был набит сладостями. Через мгновение же вопрос сам собой отпал — лазоревый зверек без пререканий перекинулся в прекрасного принца и направился к дому.

— А как же?.. — прожевав и проглотив, глубокомысленно поинтересовалась Варя.

— Удобно, что Нежка умеет оборачиваться прямо в одежде, правда? — хихикнула королева. — А то неловко получилось бы.

— Но ведь его Чара зачаровала! — возмутилась на обман Варя. Она бедняжку так жалела, почти всплакнула над ним! А он, оказывается, нисколько не пострадал.

— Чаруша у нас, конечно, дева исключительной силы. Да только Милонег посильнее будет. И постарше, так что все ее фокусы знает лучше ее самой.

— А почему же он сразу не сбросил заклятье?

— Из принципа, — пожалала плечами Краса. Зарылась в корзинку для пикника, проверяя, не забыла ли захватить с кухни жестянку со своими любимыми конфетами-тянучками. — Вот помяни мое слово — будет ходить цуциком неделю, Чаруше на нервы действуя, пока она сама не извинится и чары не отменит. Хотя, зная ее, говорю наперед — Нежка не дождетя.

— Она, наверное, и не вспомнит к утру, — заметила Варя, сочувствуя несчастному влюбленному всем сердцем. — У нее вечно только Злат на уме.

— Угу, — поддержала Краса, намазывая две булочки кремом — для себя и для собеседницы. Остатки же взбитых сливок поставила на краешек расстеленного на земле пледа. Как потом выяснилось — для братца.

Милонег принес подушки, без лишних слов бросил перед сестрицей — ударился оземь и снова обернулся котом. Но сливки из фарфоровой глубокой масленки вылизал подчистую, после чего снова юркнул в травы — охотиться на светлячков.

— Я ж говорю, — понаблюдав за ним, неодобрительно хмыкнула Краса. Передала одну подушку Варю — всё-

таки вечером земля была слишком прохладна, чтобы довольствоваться только пледом.

— А цуцики — это так голубые коты у вас называются? — уточнила Варя.

— Не у нас, — задумчиво отозвалась Яснолика. — Чаруша наша та еще путешественница — как из дома сбежала, за нами увязавшись, так каждую зиму где-то в дальних странах пропадает. Понятия не имею, где она таких цуциков высмотрела и как они называются на самом деле. И все ли они голубые или только наш из упрямства синее. У нас они не водятся.

— У вас, говорят, и драконы не водятся, — проворчала Варя. — Но это не помешало Чаре превратиться в годзиллу.

— С драконами другое дело, — пояснила Краса. — Цуцики живут на южном материке, а не у нас, на северном. Драконы же являются в наш мир через порталы.

— В стихийные лезут?

— Нет, в управляемые влетают с достоинством. Они существа сознательные, магией владеют лучше нас — прилетают, когда им нужно, улетают, когда вздумается. Никто не знает, зачем. Никто не знает, когда. В последний раз, правда, давно появлялись — еще до объединения трех королевств в империю. Но в принципе могут вернуться в любой момент.

Она замолчала, погрузившись в какие-то свои мысли. А Варя рассеянно хрустела печеньками дальше. Она-то думала, что соперница позвала ее на разговор с глаза на глаз, чтобы выяснить, кто она такая и откуда взялась — и чтобы пободаться за перспективного жениха. А та что-то не спешила вызывать ее на дуэль.

Кроме светлячков над болотцем-озерцом кружили и прочие насекомые. Варя уже пару комаров прихлопнула на себе — самых обычных, ничуть не отличимых от земных.

— Ой, точно! Прости, забыла, — спохватилась королева.

Привычным жестом кинула вокруг заклятье призыва, на которое тотчас слетелись мелкие пташки, среди которых Варя определила знакомых воробьиных ястребков-вранов. Чирикающая братия в два счета облетела бережок, очистила воздух от досадных кровососов. Варя же втихомолку хихикнула — похоже, ее новая знакомая обладает всеми качествами, требующимися от мультяшной принцессы: и готовит отлично, и птичек призывает. Интересно, петь она тоже умеет? Пить-то вот точно обучена — Варю слегка ведет уже, а у Красы ни в одном глазу! Но щекочущий язык вопрос остался не произнесенным.

Яснолика с серьезным видом уставилась на всполохи заката, догорающие сквозь кроны деревьев, и весомо начала разговор — правда, с неожиданного края:

— Как ты успела заметить, мой брат немного...

— Экцентричен?

— Туповат. Потому и ходит за Чарушей, как привязанный зяблик, и не поймет никак, что она с ним давно наигралась... Но ему, знаешь ли, простительно. У нас было невеселое детство. Как настоящий мужчина, он всегда защищал меня. Закрывал меня собой. Нередко на его голову прилетали такие заклятья, что даже дядьку Чура оставили бы дурачком. А Нежке лежать без сознания в гуще резни было недосуг — отряхивался и дальше меня ташил.

Варя осторожно поддакнула:

— Я кое-что слышала о... о том, что случилось с вашими родителями. Это ужасно. Не представляю...

— Никто не сможет представить, не сможет понять, что это было такое, — необидно отмахнулась Яснолика.

— Мне жаль. Это ужасно, — повторила Варя.

— Вообще-то я не для того пила настойку, чтобы говорить о прошлом. — Краса разгладила ладонью юбку на коленях. — Но у этого рецепта свои правила.

— Теперь из-за брата вы живете здесь, а не в столице?

— Нет, я не настолько любящая сестра. Конечно, при дворе ему пришлось бы нелегко. Представляю, как бы фрейлины играли им в мячик, перебрасывая из постели в постель... Но уверена, он бы приспособился. Мы здесь живем, потому что я могу себе позволить тишину и спокойствие. И полнейшее безделье. Ведь это такая роскошь — жить в свое удовольствие, согласись?

— Ну... что-то в этом определенно есть, особая романтика, — обтекаемо высказалась Варя. — Но не одиноко?

Яснолика улыбнулась:

— Ты прямо как наши дядюшки!

— Те, которые регенты? — вспомнила Варя разговоры со Златом и Зореславой.

— Они самые, другой родни у нас не осталось. Дядюшки тоже вечно беспокоятся, как бы мы тут не заскучали.

В прошлом году прислали к нам ораву придворных живописцев! Благо, самые шумные сбежали, не выдержав недели. Самые разумные и талантливые остались на всё лето. А последнего осенью еле выгнала — очень уж ему понравились здешние пейзажи, аж на чердаке от меня прятался.

— И что ты делала с ними без прачек и кухарок? — ужаснулась Варя.

— Прислугу из дворца вместе с ними привезли, — фыркнула Краса. — Я же всё-таки наследница трона, хоть, как ты выразилась, и эксцентричная.

— Наследница... Я, конечно, понимаю, что управлять страной то еще удовольствие. Но не боишься, что, пока вы тут прохлаждаетесь, твои дядюшки захотят передать власть своим детям, а не вам, племянникам?

Краса выгнула бровь в неподдельном изумлении:

— Как это?

— Ну, у них же у каждого есть жена, у жён свои амбиции... — предположила Варя.

— Какие жены? — расхохоталась Яснолика, так что эхо пошло гулять над озером. — Какие дети? У них тоже никого кроме нас нет! Они жизнями рисковали, вместе с Росаной и ее покойным мужем, когда нас из горящего дворца вытаскивали, ночью из захваченного города выводили. Стоит мне заикнуться — тут же с радостью вернут мне трон и власть. Регент — брат нашей матери, канцлер — его муж. Они верны друг другу, как белокрасы!

— Ох... А-а? Хм... — Не сумев выразить гамму чувств от радикально развеянного заблуждения, Варя взяла паузу, чтобы допить свой сидр. Уточнила: — А в вашем мире мужские пары даже с магией не рожают себе детей?

— А в вашем? — парировала Краса.

— В нашем им генная инженерия, то есть лекари и алхимики помогают. И женщин для вынашивания нанимают, как кормилиц.

— Надо бы нашим подсказать, пусть себе наследника сделают — вот счастья-то будет! — недоверчиво рассмеялась Яснолика. — А то мне рожать самой неохота. Да и не от кого.

— Правильно — если в лесу жить! — заворчала Варя, а сама вспомнила, как ее тоже родня попрекала, что ходит незамужняя.

— Если судьбой суждено, любовь и в пустыне тебя отыщет, — усмехнулась Краса.

— От судьбы хоть на печке прячься, хоть за печкой! — в тон подхватила Варя.

И прыснули смешками, поглядели друг на дружку внимательно искоса.

Между тем закатные цвета незаметно вылиняли. Ажурные кроны деревьев скрадывали вечернее сияние Кольца, позволяя сумеречным теням раскрашивать берега озера в фиолетовые тона.

Трава за спиной зашуршала.

— Нежка, бессовестный, подслушивал? Как тебе не сты... Ого! Белый-белый? И ни пятнышка?..

Невзирая на сумеречные тени, высунувшаяся из травы остроносая мордочка почти что светилась белоснежным мехом. Уши-локаторы наострились на королеву, готовые внимать восхищенным возгласам.

— Финик? — изумилась явлению и Варя, но по другой причине. — Как ты здесь очутился?!

— Твой крольчонок? — поняла Краса. Поманила зверька, и тот охотно подошел, обнюхал ее пальцы — дернул хвостиком, поглядел в глаза с недоумением, что ему вкусностей не предложили. На что королева рассмеялась и отломилась щедрый кусок хрустящей вафли. — За тобой пришел, значит.

— Да как?! Я его в Жуковом Улье оставила, потом мы с Зимом порталом в Белозорье махнули, а оттуда сюда. Он точно никак не мог за мной увязаться!

Похрустев вафлей, белко-песец запрыгнул к умилившейся королеве на колени, притулился к ней и, жмурясь, потеряв ушастой головой — будто скучал и давно-давно не видался. Та принялась его гладить, чесать под подбородочком. Только улыбка сделалась задумчивой:

— Дядя Кудеяр подозревал, что его белый кролик умел нырять через пространство. Звали его кролика Фигус, если правильно помню.

Белко-песец снова оглянулся на нее и звонко тьякнул.

У Вари мурашки пробежали по спине, вовсе не вечерней прохладой вызванные:

— Мне уже рассказывали про того кролика. Неужели?.. Фигус?

Финик обернулся к Варе и тоже тьякнул, будто спрашивая, зачем зовет.

— Так ты не Финик, а Фигус? — опешила Варя. — Правда, что ли? Как так может быть?

— Может, — сказала Яснолика. — Я, конечно, не ручаюсь, всё-таки немало лет прошло. Но по его возрасту и окрасу, и повадкам — один в один.

— Почему же Зимослав его не узнал? — еще больше запугалась Варя.

— Почему ты считаешь, что не узнал? — пожалала Краса плечами. — Наверняка узнал. Но признать, что это именно питомец его отца — совсем другое дело. Если поспешишь с выводами, а потом поймешь, что ошибся, будет очень больно.

Варя поразмыслила и призналась:

— Это Финик меня привел. Ну, в ваш мир вообще — и на базарную площадь Златограда в частности. Где мы с Зимом столкнулись. Поэтому я и согласилась записаться на отбор невест для принца — подумала, что для Зима выбирать будут, а оказалось...

Краса рассмеялась:

— А оказалось, что ты всё правильно сделала!

— Думаешь? — вздохнула Варя. И еще раз вздохнула. Собралась с силами: — Мне кажется, я занимаю чужое место. Испытания на смотринах дали сбой, и мое звание невесты ошибка. Зим должен быть не со мной.

— А ты не хочешь быть с ним? — с любопытством уточнила Краса.

— Хочу, — буркнула Варя.

— С его стороны я тоже не вижу отвращения, — хихикнула королева. — Тогда в чем проблема?

Варя уныло пожалала плечами.

— Я знала Грозоврата лично, — сказала Яснолика, оставив шуточки, — он никогда не ошибался в своих предчувствиях, не зря его прозвали Путивест. Он себе верил. Если ощущал, что должен что-то сделать, даже не понимая, зачем, то делал, и потом оказывалось, что делал вовремя и именно то, что требовалось. Его вели высшие силы — те силы, что ведают течениями магических энергий, управляют природой и самой жизнью. Именно поэтому он прожил такую долгую плодотворную жизнь и хранил свое королевство столько славных лет. Завещанный им отбор прошел так, как нужно. Мстислада мне рассказала обо всем в подробностях. Ни у кого в Белозорье нет сомнений — ты и есть обещанная Ледомиру невеста.

— Думаешь? — робко шмыгнула носом Варя.

— Уверена! — отрезала Краса.

— Выходит, Мстислада тебе наябедничала, какой я была душой на отборе, — нашла, к чему придраться. И усталилась на гладь озера, словно прикидывая, не утопиться ли со стыда.

— Ну... — многозначительно отозвалась вольнопольская принцесса.

— Зорька говорила, что Буря слышать о Вольнополе не хочет, — продолжала искать подвох Варя, — а Чара заявила, будто Хранислава тебе письма пишет.

— Вот болтливая пьяница, — фыркнула Краса. Разлила остатки сидра, поставила опустевший кувшин на землю, взмахом руки заставила его исчезнуть, чтобы на том же месте появилась бутылка вина, оплетенная лозой и покрытая добротным слоем подвальной пыли.

— Это же твоя подруга! — укорила Варя. Послушно допила сидр и подставила стакан под вино, потянула носом приятный аромат, не то земляничный, не то ананасовый.

— Думаешь, я не скажу ей в лицо, что она пьяница? Каждый день говорю, а толку! За твое здоровье! Хранислава-то... она пишет. Тайные, длинные письма, ругательские. В каждом высказывает, как не любит Вольнополе и какая я предательница. Велеречиво изливает тревоги материнского сердца. Но я не против, мне ее послания очень полезны — благодаря ей я всегда в курсе всех событий в Грозовградске. Дядюшки из Дивогорска мне столько не докладываются!

— И... что ее величество обо мне думает?

— Много противоречивого, — усмехнулась Краса.

Варя насупилась. Отхлебнула сладкого вина, закусила солоноватой вафлей. Потребовала правду:

— Почему вообще ты-то обо мне печешься? Судись тут со мной, объясняешься, будто обязана!

— Тебе я ничем не обязана, верно, — согласилась Краса. — А вот перед Снежкой и его семьей я в большом долгу. Поэтому вразумить тебя — самое малое, чем я могу ему помочь.

Варя вздернула нос: «вразумить»?! Это что же про нее понаписали Мстислада, Зорька и Хранислава вместе взятые, раз у Красы сложилось впечатление, будто ее, Варю, требуется вразумлять?! Так и подмывало вскочить с места и уйти, хлопнув дверью! (Только дверей поблизости не имелось — ближайшая была входная у особняка, до нее бежать метров двести, и то пришлось бы сначала войти, чтобы эффектно выйти.)

И главное — очень было любопытно послушать, что еще расскажет соперница. А та снова свернула на свою болезную тему.

— Знаешь, почему пропал отец Снежки? Тоже из-за нас. Ты слышала про Ограждающие Камни?

Варя кивнула:

— Большие кристаллы — остатки расколотого гигантского накопителя, принадлежавшего легендарному императору.

— Который, кстати сказать, он украл у белогорцев, развязав с ними многовековую войну, — добавила Яснолика для полноты картины. — Никто не знает, как использовали огромный кристалл белогорские шаманы. А в наше время Ограждающие Камни настроены так, чтобы сдерживать пространственные разрывы.

— Ты о стихийных порталах?

— Именно. В Златограде сохранился их Камень, поэтому маги там живут спокойно — им не нужно рисковать своими жизнями, залатывая дыры между мирами. Два других Камня раньше защищали Синегорье и Вольнополе. Но когда вспыхнула война, наш Камень черные колдуны то ли уничтожили, то ли похитили. Чтобы наша страна не исчезла, издырявленная разрывами, которые некому было закрывать, так как многие наши маги потеряли свой дар

в сражениях, а большинство были убиты — правитель Синегорья Кудеяр Славомир Смур принял решение перенести свой Ограждающий Камень к нам в Дивогорск. Понимаешь, какой это был человек? Мало того, что помогал нашим дядьям справиться с заговорщиками, отражал натиск охамевших белогорцев, улучивших время двинуться на Синегорье, руководил своим королевством в конце концов, но он же еще взял на себя стихийные разрывы! Да, у него была отличная команда помощников, среди них были лучшие ученики Грозоврата — родители Врана и Алояса, отец Венцемира, сын Веролюты... Они не боялись ничего. Поэтому погибали один за другим — на войне с черными или в чужих мирах, пробуя новые и новые заклятия, изобретая самые действенные способы и оплачивая их собственными жизнями.

Она замолчала, спряталась за стаканом с вином, якобы горло пересохло.

Варя шмыгнула носом. И принялась шарить по карманам, искать смартфон.

— Особенно многих Грозоврат потерял в годы между исчезновением Кудеяра и тем моментом, когда Зимослав смог занять его место, — договорила Краса.

Варя между тем нашла видеозапись, которую сделала, когда ее взяли на «штопку» очередного разрыва — включила и придвинулась к Яснолике, чтобы посмотреть вместе.

— Да, со стороны кажется, будто они делают всё играючи, — оценила та мастерство команды Зима. — Надо же, Вран почти не изменился, только тощает и тощает... Но сколько же Снежка сил тратит каждый раз, подумать страшно! И ты будешь уверять, будто ты ему не нужна?!

— В этом-то смысле нужна, конечно, — буркнула Варя.

Яснолика покачала головой, невесело улыбнулась:

— Ты не понимаешь. Найти в ком-то опору, когда чуть не каждый день прощаешься с жизнью — что может быть дороже? Знаешь, как я вцепилась в него тогда? В Снежена, хоть тот был малолетним мальчишкой. Кудеяр Смур вырвал нас из лап черных, когда Росана билась с ними на последнем издыхании. Но она смогла выиграть время — и синегорский король со своим войском успел, смял черных с их нежитью. Вытащил нас, привез к себе — передал Храниславе и снова унесся воевать. И там я, потерявшая голос, потерявшая речь на несколько недель — увидела его. Златоглазый серьезный мальчишка. Тогда еще у него в няньках был юный Вихрь, тот заряжал ему накопители, и Снежен мог пользоваться своим огромным даром без опасений выгорания, к тому же уроки ему задавал сам Грозоврат... О, я будто очутилась в сказке, где было возможно всё! Я прилипла к Снежику, словно приклеенная, видя в нем героя — надежду трех королевств. И тот проникся ролью защитника, ходил со мной к придворным лекарям, и при нем я была послушной. Меня даже не пугало безумие Милонегга, его временное умопомешательство — переведа дух в безопасности, брат впал в буйство, отказываясь верить в случившееся. Кричал, звал родителей, хотя мы оба были там, когда их убили... Я же переживала свое безумие. Я предпочла запереть прошлое поглубже в памяти — и выплеснула пыл сердца на Ледомира. Как же он смутился поначалу, — хихикнула она. — Потом смирился, привык ко мне. А вскоре тетка Буря отослала нас всех к Твердиверу, потому что понимала, что не может уделить нам должное внимание, когда сама разрывается между вечно рискующим жизнью мужем и новорожденной Зорькой. Ну, и во дворец к ним лезла всякая нежить, упорно пытаюсь нас с братом достать... В Златограде Ледомир сделался ответственным донельзя — как же я была счастлива чувствовать себя под его надежной опекой!.. Только мне кажется, он и сейчас слегка путает ответственность и любовь, как ты думаешь?

— Есть такое, — не могла не согласиться Варя.

— А мелкие — что мы вообще тогда понимали? — продолжала Краса со светлой ностальгией. — Он стал моим якорем в шторм... Но я понятия не имела, что он решит, будто любит меня. Вот чем хочешь поклянусь — к любви наши чувства не имели никакого отношения!

— Угу, — надула губы Варя. Так она и поверила! Принц с принцессой в чужой стране, каждый со своей трагедией за плечами, обоим по пятнадцать лет (в земном исчислении) — какая тут может быть влюбленность?!

Яснолика поняла ее справедливые сомнения.

— Это моя вина, — покаялась она искренне. — Привязанность, вызванную моей слабостью, моими страхами, он принял за влюбленность. Но это вовсе не то чувство, с каким мужчина и женщина должны идти к алтарю! Мы просто хорошие друзья.

— Да конечно! — фыркнула Варя.

— Ну, знаешь!.. Пусть, если ты жаждешь это услышать! — воскликнула Краса. — Да, Зимослав Ледомир меня любит!

Варя поежилась — одно дело подозревать, и совсем другое — услышать-таки из уст соперницы.

— Любит! — продолжала та торжественно, — ничуть не меньше, чем Зореславу-Сияну! Хотя иной любовью, потому что Зорька младше и выросла у него на глазах.

— Но почему же тогда он, узнав о завещании деда, готов был пожертвовать королевствами ради шанса быть с тобой?! — вскричала в сердцах Варя, не сдержалась.

— Кто тебе это сказал?! — подняла голос и Яснолика.

— Он сам!!! — заорала та.

Финик возмущенно твякнул.

Обе сели обратно на свои места. Варя в ярости вгрызлась в очередную печеньку.

Краса долго подбирала слова, шумно дышала, открывала и закрывала рот, теребила косу.

— Снежена тоже можно довести до безумия. К счастью, он срывается очень редко. К несчастью, он понятия не имеет, что такое любовь. Я сама не сразу поняла — она не равна привязанности, доверию или симпатии. Когда уяснила это для себя — сбежала. Но для него это чувство до сих пор остается загадкой.

— Или, ожегшись однажды, он больше никогда не захочет открыть сердце снова, — буркнула Варя.

— Нет, это другое! — возразила Яснолика. — Он не потому взбесился тогда, что нас разлучили, вовсе нет! А потому, что ему запретили влюбляться — приказали забыть о собственных порывах, потому что его ждет определенная заранее судьба, решенная задолго до его рождения. Представь, каково ему было? Ты знаешь, как нас, наследников, воспитывают? С пеленок мы только и слышим: ты должен, ты обязан! То, другое, третье, сотое — твой священный долг перед народом, королевством, перед славными предками. Поэтому ты не имеешь права ошибаться, не можешь следовать за сердцем, не прислушиваясь к голосу разума — и хору советников. Ты должен быть мудрым, сильным, справедливым, достойным — должен! А собственные желания утолишь, если они не будут мешать высокому идеалу, которому нужно всегда соответствовать. И вот когда ты окружен запретами со всех сторон, тебе вдруг объявляют, что партия, которую ты сам выбрал, взвесив все выгоды от объединения династий, уверенный в своей правоте и во взаимности избранницы — эта партия невозможна, потому что ты не учел другие свои обязанности, которые нарочно держали от тебя в тайне. Хорошая шутка, а?

— Ну да, есть от чего взбеситься, — вынужденно согласилась Варя.

— Но ты всё равно мне не веришь.

— Это лишь слова! А доказательств нет!

— Да где ж я тебе возьму доказательства-то? — изумилась королева.

— Учти! — стояла на своем Варя, грозно сверкая слегка хмельными глазами, — если я пойму, что он по-прежнему любит тебя, я уйду! Вернусь в свой мир, начав на все проклятия!

— Да как я доказывать-то буду?! Сама посуди! Ну хочешь, попробую его соблазнить, а он откажет мне в близости.

— Конечно, откажет! После того, как спал со мной — он же порядочный парень! Поставь его перед выбором без пошлостей.

— Если мы обе спрыгнем с обрыва...

— Он поймает меня, — перебила Варя, — потому что посчитает меня более беспомощной, а себя связанным долгом.

— Ну тогда я не знаю! — сдалась озадаченная королева.

— А вот придумай! — мстительно поставила ультиматум Варя.

Препирались они еще долго — пока вино не закончилось в третий раз. Замерзнув на посвежевшем ночном воздухе, под ручку вернулись в особняк.

Яснолика привела невнятно бубнящую и порывающуюся тихонько буйнить собутыльницу к себе в покои под предлогом:

— Пошли, одолжу тебе ночнушку!

— Я предпочитаю спать в пижамах! — заартачилась гостья.

— А я не для сна предлагаю, — захихикала не менее теплая хозяйка. — Подберем такую, чтобы тебе было стыдно ее надеть, а Снежику приятно с тебя ее снять.

— Это для чего ж ты такие ночнушки у себя в шкафу держишь?! Ежели живешь отшельницей!

— Так говорю ж, дядюшки то и дело присылают отборных мужчинок — то художников, то музыкантов, то звезд театра, то цвет рыцарства. Зимой оперный тенор приезжал.

— Петь?

— Какое! По дороге простудился, только сипел. Зато к Нежке посмел приставать с непотребствами — так я его сразу обратно в столицу выпнула.

— И правильно! Нежка у тебя нежный, ему Чаруши хватит за глаза. А тебе какие парни нравятся?

— Высокие!

— Как Зим?

— Примерно. И стройные!

— Точно как Зим! — и насупилась.

— Нет, еще стройнее.

— Тощие, что ли? Чтобы откармливать? Логично! Хотя Зимка тоже не толстый... А по профессии?

Исключительно артисты?

— Отнюдь! Например, ювелиры бывают очень даже хороши.

— Ну, тоже художники в своем роде. Знаю я одного — и тощий, и с харизмой... Финик, ты где? Где мой песец?!

— Ты ему на хвост села, не слышишь, что ли, как ругается?

— А... Ой, Финик, прости, не заметила тебя.

— Да ладно причитать, только мех помяла.

— Ой, Финик! — Варя обняла кролика и повалилась с ним на широкую принцессину кровать, намереваясь облить зверюшку слезами: — Оказывается, ты вовсе не Финик! У-у!.. Оказывается, ты у меня уже старенький! С трагичной судьбой!..

Краса поглядела на нее, покачала головой. Удостоверилась, что кролика не придушат и вообще он не против поспать за пазухой — и снова развернулась к шкафу, выискивая подходящую одежду. Ибо негоже соблазнять жениха, щеголя в коротких мешковатых штаниках.

Легок на помине, тот вежливо поскребся в дверь.

— Снеж? Входи, не стесняйся.

— Зимослав Ледомир Снежен... — со вкусом причмокнув, пробормотала Варя, не разлепляя глаз.

На нее, устроившуюся спать в чужой постели, вошедший Зимослав воззрился с недоумением.

— Держи! — Яснолика деловито повесила ему на плечо выуженную из шкафа одежду. — И вот это. И еще вот.

И вот. Пока хватит.

— Спасибо, — машинально ответил он.

— Спасибо потом скажешь, когда фасон оценишь, — хихикнула королева.

— Ну и зачем ты ее напоила? — неодобрительно уточнил Зим, тихонько присев на краешек кровати.

— Мы не пили, мы разговаривали по душам!

— О чем можно болтать так долго? Я уж хотел вас в дом гнать, чтобы не простудились. — Он осторожно прогладил пунцовую макушку, убрал с лица челку, на всякий случай проверил лоб, нет ли температуры, а то щеки уж больно покраснелись.

— Мама, я трезвая, как свёкльшка... — пробормотала сквозь сон Варя.

— Не о чем, а о ком! — многозначительно заявила Краса. Кинула ему на плечо еще одну невесомую полупрозрачную сорочку. — О тебе, конечно же. Потому и так долго — делили тебя!

— Делили? — взлетели вверх фиолетовые брови.

— А тебе и лестно? — хмыкнула королева. Села рядом: — И поделили! Мне верхнюю половину, чтобы вести беседы о политике и экономике. Варя согласилась на нижнюю — ей, как жене, нужнее.

— Какие дикие фантазии, — ужаснулся он.

— А что ты хочешь? Ну, одичала немного, в лесу обитаясь, — не стала отпираться Краса. — Как, договорился со своими-то? Отпустил тебя Венцемир?

— Велел домой не возвращаться.

— Вот и славно.

— Можно ее забрать? Или тебе компания нужна? — кивнул Зим на сопящую невесту.

— Кролика оставь, мне его хватит.

— До сих пор не научилась спать по ночам? — спросил, не пряча сочувствия.

— А зачем? — вскинула она голову, изобразила улыбку: — если утром сон слаще и можно кого-то другого заставить готовить завтрак!

Завтрак Варя получила в постель. Оттого и проснулась, что на подносе звякнула посуда, а в воздухе разлился аромат свежесваренного какао в комплекте с остальными аппетитными запахами. И хотя в голове слегка шумело после вчерашнего, это не мешало ее бурной радости:

— Мне? Блинчики? Неужто сам испек?! И никуда не убегаешь?!

Зимослав с самодовольным видом сбросил халат (присланный из Жукова Улья — тот самый, что Варя ему подарила!) и нырнул под одеяло, под теплый бок к невесте.

— И за сливками в соседнее село ходил. И ягоды собрал в лесу — только для тебя.

— Боже, я сплю? — не поверила Варя.

Дабы развеять ее сомнения, Зимослав потянулся за поцелуем, но получил ягоду в губы.

— Дай умыться хоть, — застеснялась суженая. Хихикнула: — Надеюсь, по лесу ты шастал не в неглиже?

— Там у них за рощей полк кавалеристов квартирует, оказывается.

— Да разве дядюшки оставили бы наследников без присмотра, — ничуть не удивилась Варя. Вдруг кольнуло ревностью: — А Красе, поди, тоже блинчиков напек?! В благодарность за гостеприимство!

— Нет, меня Милонег с кухни прогнал, своим дамам он сам готовит по утрам.

— Бедняга — его в котика превратили, то есть в цуцика, а он Чаре...

Снежен не собирался выслушивать стенания о чужих проблемах — заткнул ей рот поцелуем с кислинкой свежих ягод. Варя не нашла в себе сил сопротивляться неожиданному напору. Только в голове мелькнула мысль: неужели ей не приснилось, что в эту комнату Зим принес ее на руках? Через весь особняк, по длинным лестницам! А потом вроде как сам же ее раздел — полностью... И позволил всласть выспаться.

А теперь инициативно пристает с нежностями!..

Еле уговорила, чтобы выпустил из объятий — очень уж в туалет хотелось. Унеслась, по пути схватив со спинки кровати какую-то легкую тряпочку, опознав в ней одолженный соперницей пеньюар.

— Это чулан! Не та дверь! — любезно подсказали с кровати.

— Я уже поняла, спасибо...

А назад вышла, алея щеками и одергивая себя саму, чтобы руки не тянулись прикрыть стратегические места.

Зимослав, в ожидании ее возвращения вольготно растянувшийся под одеялом поперек кровати, оценил фасон по достоинству:

— Немедленно сними это безобразие!

— Немедленно, но медленно, — хихикнула Варя, потупившись.

— Ну, можно и так, — покладисто согласился будущий муж.

Варя, с одной стороны, очень обрадовалась тому, что Снежен «взял отпуск» — хоть немного отдохнет, перестанет каждый день пропадать по делам, да и ей уделит внимание. С другой же стороны, то, что эти дни они проведут не в родном Жуковом Улье, а здесь, в Кукушкином Долу, в тесном дружеском кругу — это не могло не напрягать.

Радовало, что Краса вела себя прилично. Пусть Варя сама же вызвала ее на «поединок невест» — о чем смутно, но вспомнила-таки на следующее после ночного пикника утро — однако благородная королева не спешила строить чужому жениху глазки или томно вздыхать, сверкая декольте. Только и сторониться дорогого гостя Яснолика не думала — оба увлеченно болтали часами напролет о всякой всячине. Варя умом понимала, что за годы разлуки у них накопилось немало тем для обсуждения — но уж больно счастливыми выглядели что одна, что второй!

«Пусть лучше до свадьбы передумает, чем после, — мрачно размышляла она. — В конце концов, он не теленок на заклании, тоже имеет право на выбор!»

Дабы им не мешать и саму себя уберечь от взрывов неконтролируемой ревности, решила сосредоточиться на другой проблемной паре: Чаруше и Милонеге.

С Нежем было всё предельно ясно — парень сох от давней влюбленности, грозящей перейти в чахнувшую манию. Его можно было бы спасти от умопомешательства, попытавшись переключить внимание на какую-нибудь другую, более подходящую и сговорчивую кандидатку, но, к сожалению, поблизости таких не имелось совершенно — в лесу-то! (А своей добродетелью Варя по понятным причинам рисковать не имела права, да и желания).

Поэтому она решила избрать другую тактику: развеять зацикленность Чаруши. Чара должна увидеть, что Злат вовсе не тот прекрасный принц, который ей нужен, что он совсем не похож на выдуманный ею светозарный образ, а настоящий живой человек со своими недостатками. Это будет совсем непросто, но теоретически выполнимо. В итоге счастье обретут сразу две пары — Злата и Радмила оставят в покое, а Чара вернется (возможно) к верному поклоннику.

Кстати, трезвая Чара оказалась очень милой. Скромная, юная, хрупкая, прехорошенькая, молчаливая в своем унынии. Варя рядом с нею ощутила себя взрослой ответственной женщиной — обязанной позаботиться о несчастной фее. Право, это же несправедливо, как ни посмотри! Разве Чаруша виновата, что влюбилась так рано и так пылко — и, застыдившись, сбежала от объекта страсти, саму себя лишив шанса на взаимность. Злат же попросту привязался к тому, кто остался подле него — только и всего... Варя даже о Красе на время позабыла, распыхтелась решительно, обдумывая план: этим двоим обязательно нужно встретиться! Просто необходимо столкнуться лицом к лицу еще раз. Или раза три, чтобы вернее. А там уж как судьба рассудит — либо Лучедар поймет свою ошибку, либо Чара разочаруется. В любом случае хуже никому не станет. Разве что Радмилу. «А этот перетопчется!» — мстительно подумала Варя, вспомнив, как паж в свое время раздражающе высокомерно вел себя с нею.

От размышлений ее отвлекли неожиданные в лесной глуши звуки — музыка в исполнении многострунной лютни (местной ее разновидности), нежной свирели... и птичьего стройного хора. Заслышав слаженное чириканье и попадающее точно в мелодию щебетание, Варя от удивления пронесла булочку мимо рта. Дамы как раз сидели чаёвничали втроем на балкончике, наслаждаясь видом живописного озера и летней полуденной ленью.

Краса хихикнула и приложила палец к губам, призывая приятельниц к тишине. Чаруша и так молчала,

продолжая меланхолично попивать чай и уничтожать запас конфет-тянучек. Заинтригованной Варе Яснолика указала взглядом на куст под балконом.

На оном кусте и восседала стайка голосящих пташек. А дирижировал щебечущим хором играющий на свирели Милонег, спрятавшийся в тени балкона — плавно двигал концом дудочки, ну точно укротитель кобр.

— Ради тебя старается! — пихнув подружку локтем в бок, шепнула Краса Чаруше.

— Угу, — с кислым видом оценила та, куда больше заинтересованная в блинчиках со сливками, чем в «серенаде».

Поддерживал мелодию негромкий, уверенный перебор струн — Зимослав стоял поодаль, прислонясь к дереву. Заметив внимание Вари — не заметить было невозможно, перегнувшись через перила, она просто впиалась взглядом в своего королевича, — Снежен выразительно пожал плечами и кивнул на вольнопольского принца, состроив страдающее выражение: мол, заставили!

— Лучше придворных менестрелей! — похвалила, смеясь, Краса, встав рядом с Варей. Когда одна мелодия завершилась, потребовала: — А теперь мою любимую! Сможете?

— Ту заунывную, на два голоса? — поморщился Милонег, жестоко обиженный холодностью своей дамы, ради которой и старался. — Мы с птичками не разучивали.

— Так отпусти птичек, не мучай, — рассмеялась сестрица, кивнула на Зима: — вдвоем справитесь.

— Намекаешь, что петь придется мне? — возмутился Снежен. — Вот еще! Я лютню-то больше года в руки не брал, а уж когда пел в последний раз — вовсе не помню. Хочешь меня опозорить на глазах у невесты?

— Вот именно! — подхватила ехидная королева. — Сам подумай, когда еще тебе выпадет возможность спеть для Вари? — И незаметно ущипнула ту, застывшую, за попу, чтобы не стояла столбом, а присоединилась к уговорам. — Вернетесь в Синегорье, снова не до баллад будет. А тут — раздолье! И нет чужих ушей. И за фальшивые ноты никто не обсмеет — честно-честно!

Она снова неприметно пихнула Варю, а та лишь глазами хлопала, не веря — ее прекрасный принц еще и музыке обучен? И петь для нее собрался?! Как положено, стоя под балконом! Правда, не под луной, а при свете дня, но тем же лучше — разглядит его во всей красе, смущенного и озадаченного.

Решившись, Зимослав кивнул Милонегу, и тот начал переливчатую, зовущую мелодию. Прикрыв глаза, Зим тронул пальцами струны, вспоминая правильные ноты. Прихотливый, как журчание ручья среди камушков, ритм вплелся в звуки свирели. Снежен поднял голову, неуверенно взглянул в глаза — в самое сердце! — околдованной моментом Вари. И запел.

Старинная баллада с простыми словами, Варя слышала ее уже не раз — ее распевали мальчишки в школе Чуrolюта, дразня девочек, ее исполняли на «расстроенной-подстроенной» свадьбе Злата. Но вот беда, при всей навязчивости мотива Варя не удосужилась ее выучить — не знала, что пригодится! И ведь уж куда проще, вечная тема влюбленных:

Подари мне взгляд, незнакомка,
Обрати чарующий взор,
Обернись на миг, ведь я только
Ради взгляда мир обошел!
Я всего лишь потерянный странник,
Позабыл себя и свой дом
В бесконечных долгих скитаньях —
Но в толпе тебя я нашел!
Подари мне взгляд, умоляю!
Умереть-пропасть не позволь,
Тебе бросил сердце к ногам я —
О, не раздави каблучком!

Варя застыла, но теперь от ужаса: Зимослав допел свою часть, и, перебирая струны, ждал ответного куплета.

Краса обернулась к ней, подбодрила с улыбкой:

— Ну же! Онемела от восторга? Роскошный у Снежки голос, правда? Все певцы обзавидуются!

— Вы забыли, что Варя не местная? — веско изрекла Чаруша со своего «заднего ряда». — Откуда ей знать слова! Может, она и вообще петь-то не умеет. Эх вы, умники.

Варя запыхтела, не зная, куда смотреть от неловкости. Неприметно сжала кулаки, словно изо всех сил стараясь удержать себя в руках. Ну, не знает она слов — и что с того!

Между тем проигрыш затягивался. Парни под балконом недоумевали, но пока списывали заминку на девичье смущение.

Поняв ее состояние, Краса запела сама, сильным и красивым голосом повела мелодию:

Подарю я взгляд тебе, странник,

Поцелуй отдай мне в ответ!
Сберегу я сердце, избранник,
Каблучком не раздавлю, нет!
Пусть ты мир прошел ради встречи,
Я же обошла сто миров!
Так давай же праздничный вечер
Проведем мы только вдвоем!

А закончили вместе:
Ах, мы долго шли к этой ночи!
Но теперь-то всё решено -
Две луны связали нас прочно,
Соединив два сердца в одно!

Яснолика словно светилась — пела от души, наслаждаясь. Варя хотела бы позавидовать или взревновать, но не получалось, очень уж красивый вышел дуэт, просто до мурашек хорошо!

— Прекрасная пара, — всхлипнула тихонько Чаруша, тоже растрогавшись.

И вот удивительно — песня на два голоса Варю не разозлила, а слышное только ей всхлипывание взбесило мигом!

— Пойдем-ка, выйдем поговорить! — прошипела она, подхватила Чару за локоток и потянула за собой. Красе же, оглянувшейся на них, послала улыбку: — Прости, чая напилась, а где туалеты тут у вас — пока не запомнила. Чаруша меня проводит!

— Угу, — послушно кивнула чародейка.

...Убежав в другой конец здания, Варя наконец-то остановилась и решительно развернулась к покорно притопавшей за нею фее-блондинке. И проглотила готовые сорваться с языка слова — та стояла такая понурая, такая виноватая, что пропала всякая охота ругаться. Варя замаялась: хотела вежливо попросить не вмешиваться в их любовный треугольник, но как после такой просьбы самой влезать в отношения Чаруши и Злата?

В общем, вздохнув, с главного и начала.

При первом же упоминании имени белозорского принца юная чародейка сбросила унылое оцепенение и заинтересованно засверкала глазами. Варе польстило, как ловят каждое ее слово. И так вот, излагая, предлагая, предполагая, перебивая, они в считанные минуты спелись не хуже Зима с Красой — и даже музыки не понадобилось. Осталось дело за малым:

— Я плохо лажу с заклятием порталов, — застенчиво призналась Чаруша. — Когда в дракона превратилась — и то не рискнула перемещаться в Златоград, а пошла пешком. Не получается у меня сосредоточиться на конкретной точке пространства, а в порталах ведь это жизненно важно.

— Жаль, — покивала Варя. — А я вот не умею силу дозировать. И чарам перемещения меня пока не обучали.

— Эх... — вздохнула Чаруша. — Нежка мог бы, но он пойдет к Красе за разрешением. А если Зимослав попросить?

— Он дотошный — не отстанет, пока не выяснит, зачем нам приспичило в Златоград.

— Скажем, что погулять!

— За нами увяжется, не отпустит, — покачала головой Варя.

— А ему туда пока нельзя! — возликовала Чара. — Он же объявил всем, будто бы его дракон сожрал.

На том и согласились.

Зимослав, оторванный от праздного чтения какого-то старинного фолианта, сильно артачиться не стал — и всё поглядывал на Варю с сомнением, не обиделась ли за нечаянный дуэт с соперницей? Но той дуться было некогда — лапки чесались вершить чужие судьбы!

— Милонег с собой возьмите, — велел он, мигом вернув тайно ликующих заговорщиц с небес на землю.

— Ла-адно, — протянула Чара, — раз без него никак...

Время для «операции» выбрали безотлагательно — то есть вот прямо сразу. Чаруша унеслась к себе в покои, сверилась со своими сталкерскими заклинаниями слежения за объектом и поделилась с Варей:

— Как раз сейчас Лучедар не во дворце — перемещается по центральным улицам Златограда в кроличьей колеснице.

— А кто с ним? Не один же он поехал кататься!

— С Радмилкой... и еще с кем-то.

— С кем?

— Не важно! Идем или нет? — рявкнула Чаруша на сообщницу, вся трепеща от волнения.

— Идем! — кивнула Варя.

Зимослав, снова обнаруженный в библиотеке, зыркнул на барышень неодобрительно, но портал открыл

тотчас, как и обещал. Чара вытолкнула на столичную улочку покорного Милонеге, пропустила Варю и выскочила сама.

Вздохнув, Снежен совсем портал сворачивать не стал, уменьшил до слухового окошка и переместил выход немного в сторону, за угол дома.

В библиотеку заглянула Яснолика:

— Ушли?

— Ушли.

Она протянула ему черную атласную накидку с широким капюшоном, хихикнула:

— На случай, если полетишь выручать интриганок. Пойду поищу маску на чердаке — была одна, помню, с блестками и перышками!

Зимослав скептически хмыкнул, но отложил фолиант на столик и поднялся с кресла, дабы примерить маскарадно-маскировочный плащик — оказавшийся несколько коротковатым.

— С лакированными ботфортами сойдет, — объявила вернувшаяся Краса. Голову ее венчала черная широкополая шляпа с роскошными покачивающимися петушиными перьями — оную она немедля нахлобучила на Зима.

— Повтори, какой у нас план! — потребовала Варя, понимая, что от волнения ее напарница впала в ступор. Та уже не дрожала, а тряслась всем телом, намекая на готовность рухнуть в обморок.

— Я забыла...

Варя выглянула из-за угла, удостоверилась — его высочество, паж и две фрейлины еще не покинули модное ателье, где, ясное дело, заказывали себе наряды для бала в честь грядущего праздника. (Причем дам они с Чарой увидели только мельком, уже в дверях).

— Слушай внимательно, — она встряхнула чародейку за шиворот, — мы ждем, когда они выйдут и станут загружаться в колесницу. Мы дождемся, когда все сядут, кроме Злата — он, как джентльмен, наверняка сперва посадит дам и пажа, а сам займет место последним и скорей всего водительское. Тогда я кину перед коляской петарду...

— Что? — слабым голосом спросила Чара.

— Дымовую-шумовую бомбу, — терпеливо напомнила Варя, подразумевая крошечные конвертики из бумаги, содержащие каждый по щепотке неизвестного науке порошка.

Этим своим изобретением она втайне гордилась! Хотя получила его в ходе неудачного эксперимента, пытаясь создать аналог допотопной фотовспышки. И очень хвалила себя за предусмотрительность, ибо успела набить конвертиками все карманы до внезапного отъезда из Жукова Улья — предполагая при надобности ими отпугивать белогорских шпионов. Но вот, и для белозорского принца сгодится.

— ...От взрыва все пугаются, кролики разбегаются, дамы визжат, — продолжала Варя, стараясь уверенным тоном вернуть к жизни струхнувшую чародейку, — в этот момент ты кидаешь на Злата заклятье уменьшения. Я выбегаю, хватаю его и прячу в карман. Мы отступаем, ты вызываешь Зимку, он открывает портал. Мы возвращаемся в ваш охотничий домик — и ты прячешь Злата в своей спальне, где объясняешь ему, как сильно ты его любишь. Всё ясно?

— Угу! — кивнула более-менее осмысленно Чаруша. — А какое заклятье?

Варя сдержалась, не ругнулась — прорычала внушительно:

— Ты же пять минут назад уверяла меня, что знаешь такое заклинание и неоднократно испытывала его на бедном Милонеге!

— А-а! Точно, знаю... А где Нежка? Он вроде с нами был.

— Ты сама отослала его в кондитерскую!

Чаруша покивала. Снова захлопала глазищами:

— Почему же его так долго нет?

— Так это же нам на руку, что его нет, — не поняла Варя.

— Но вон же кондитерская, в двух шагах!

Пришел черед Варе хлопать глазами: на это она как-то не рассчитывала. Из портала они высадились на соседней улице — и сразу отослали навязанный «эскорт» под предлогом острого приступа капризности. Но не учли, что два искомых заведения окажутся расположенными напротив друг друга.

— План менять поздно! — провозгласила Варя решительно. — Придерживаемся прежнего курса — с корректировкой по обстоятельствам.

Так им и подфартило — двери открылись одновременно, и Злат с изумлением узнал нагруженного покупками синекудрого приятеля. Разумеется, встали поболтать прямо посреди улицы.

А Варю ждал еще один — вернее, сразу два сюрприза: дамами оказались не какие-нибудь фрейлины, а

Мстислада и Зореслава-Сияна. Причем последняя с огромным интересом принялась разглядывать засмуцавшегося от ее кокетливого внимания Милонегга.

— Сударыни? — послышался вкрадчивый бас за спиной. — Могу ли я вам чем-то помочь?

Варя и Чаруша мигом обернулись — и обе испуганно присели в почтительном реверансе. Пока наблюдали за объектом слежки, не заметили, как сами сделались объектами. К ним, ведущим себя столь подозрительно, подкрались два усатых господина, высоких и статных, под плащами которых виднелась форма дворцовой стражи, а цвет волос у обоих указывал на немалые магических способности.

— Нет-нет, — пролепетала Чаруша, — мы не тайные поклонницы его высочества... мы просто хотели зайти в кондитерскую, а там у входа... И мы постеснялись, думали подождать...

Пока тайная охрана Лучедара снисходительно качала головами, чародейка молниеносно выхватила у Вари из руки конвертик с порошком — и швырнула стражникам под ноги. Раздался хлопок, впрочем, не особо оглушительный по сравнению с визгом:

— Бежим!..

Проулок заполнился белесым дымом. Чара, подхватив поделницу за локоть, другой рукой приподняв юбки, рванула со всех ног.

Благо, портал услужливо раскрылся перед ними сразу за поворотом. У Вари мелькнула догадка, что всё это время Зимослав за ними втихомолку присматривал, отчего сделалось ужасно стыдно...

По возвращении Снежен ни о чем расспрашивать не стал, хотя взмыленный вид барышень не соответствовал заявленной «просто прогулке».

Милонег вернулся самостоятельно, обиженный, что его бросили с грузом конфет и пирожных. Но быстро повеселел, вспомнив о доверенном Златом поручении: белозорский принц пригласил всю их компанию на бал. Мероприятие устраивали в честь визита принцессы Синегорья, а ее старший брат может явиться на праздник инкогнито.

— Если не придем, Зорька сбежит домой после первого же танца, — нахмурился Зим. — Представляю, кака толпа поклонников соберется, целясь на ее руку и приданое.

— Надо выручить бедняжку, — великодушно согласилась Яснолика. — Придется тогда мне явиться при всем параде, дабы отвлечь кавалеров. Эх, чего ни сделаешь ради друзей...

— А я ни на какой бал не поеду! — заявила поздним вечером Чара, когда они с Варей остались наедине. — Мне нечего надеть! Посмотри на меня — я ужасно выгляжу! Я не могу показаться в таком виде перед Златом! Нет и еще раз нет! И не уговаривай меня!

Варя уговаривать и не собиралась. А вот тайный запас вина из спальни нервной чародейки забрала, на прощание велев той хорошенько выспаться, дабы вернуть лицу красоту и свежесть. Сообразив, что собеседница норовит улизнуть, Чара мгновенно переменила мнение и вцепилась в нее обеими руками.

В итоге Варя добралась до своей гостевой спальни лишь при первых проблесках рассвета, с гудящей от нескончаемых разговоров головой... И неожиданно столкнулась в коридоре с Зимославом, также лишь теперь возвратившимся от Яснолики.

— Завтра — то есть, сегодня уже, — рассмеялся он, не ведая за собой никакой вины и не замечая, как ревниво дуется улегшаяся в постель невеста, — наведуось домой за Друней. Краса разрешила привести его сюда — покатаемся по лесу! У нас-то уже почти осень, а тут еще долго лето продержится.

Угукнув, Варя завернулась в одеяло и показательно собралась спать на самом краешке по-королевски широкой кровати. Зим на сей намек ответил просто — устроился на своей половине и безмятежно засопел, едва уронив голову на подушки.

Варя поворочалась, покрутилась. И под одеялом украдкой переползла к нему под бок. Зим во сне обнял ее, и под приятной тяжестью его руки она счастливо угомонилась.

...Пробуждение случилось такое ласковое и нежное, плавно перетекшее в страстное и горячее, что дуться Варя абсолютно расхотела.

Зим не передумал и вправду привел через портал любимого сайгака. Друнь всем своим лохматым видом выражал радость от встречи с хозяином, с Варей — и даже с Чарушей и Милонегом, с которыми виделся много лет назад, будучи еще жеребенком. И пока Краса отсыпалась по своей совиной привычке, а Чара в назидание-наказание кашеварила на всех завтрак (вернее, конечно же, изводила придирами бедного Нежку, заставляя всё делать вместо себя) — Зим позвал Варю на верховую прогулку по окрестностям.

Знала бы, какой кошмар ее там ожидает — не поехала бы!

Привез — в военный городок через рошу, где обитал кавалерийский полк. Тут-то Варя и поняла, почему сегодня не получила завтрак в постель — с непривычки огромные боевые скорпионо-пауки пугали до икоты. А она-то, наивная, ожидала увидеть белогривых коней в яблоках или тех же сайгаков... Одно утешало — исполинские «долгоножки» оказались на редкость чисто плотными существами, и над городком не витали

характерные запахи конюшни. А уж когда Зим уговорил ее забраться вместе с ним в седло к скорпиону! — невзирая на ревнивое фырканье крутившегося возле лап-столбов сайгака — да подняться на всю возможную высоту этой живой дозорной башни... Варя в детстве на аттракционах в парке так не визжала. Но на высоте вправду дух захватывало — от красоты, от солнца, неба и ветра. И немножко оттого, что будущий муж, с которым всего лишь час назад предавались чарующим непотребствам, сейчас так бережно держит за талию и успокаивающе бормочет на ушко о преимуществах новой породы скорпионов в условиях горного боя в зимний период.

Варя даже несколько не расстроилась, когда по возвращении их встретила на пороге Краса и попросила одолжить сайгака, чтобы съездить в деревню за продуктами к обеду. Оно и понятно — доставка-то провизии рассчитана на три персоны, из-за явившихся незваными гостей потребовалась коррекция планов снабжения. Друня был ничуть не против — всячески ластился к хохочущей королевне, вспомнив о детской дружбе. Зимослав же усомнился в ее навыках наездницы — и вызвался сопровождать.

С крылечка помахав им вслед, Варя, пользуясь моментом, торопливо отыскала Чарушу. Пройгнорировав завтрак (получившийся довольно сомнительным), они вдвоем уговорили Милонегу открыть портал в Златоград. (Пришлось Варю взять грех на душу — соврала, будто Краса перед отъездом разрешила. Без позволения сестры вольнопольский принц осторожничал и по-крупному не колдовал в силу печально известных обстоятельств прошлого. Но к Варю он испытывал особое доверие — ведь в моменты, когда он оборачивался меланхоличным синим котом, только она порывалась таскать его на ручках, чесать за ушком и пичкать вкусняшками для поднятия настроения).

Глава 21

— И что делать будем? — пыталась добиться Варя от непутевой спутницы внятного ответа.

На Чарушу опять напал столбняк с тугоумием! Видимо, вечное ее состояние в Златограде (уж не потому ли Злат и остановил свой выбор на другом кандидате в спутники?!)

Пока чародейка невразумительно мямילה, Варя со вздохом огляделась, стараясь собраться с мыслями. Милонег топтался рядом — на этот раз они не стали для него придумывать поручений, всё равно он рассеянно пялился по сторонам и не прислушивался к их шушуканью.

Варя угрюмо ругала себя на чем свет стоит — поверила влюбленной маньячке! Ринулась в портал, не согласовав заранее план действий. Вот что теперь делать? Злат и Радмил зашли в какое-то заведение и прекрасно могут проторчать там до самой ночи. Прикажете ждать их на улице неизвестно сколько времени? Эдак подозрительную троицу не только Лучедарова охрана приметит-приветит, но обычная городская стража арестует за милую душу.

С другой стороны, вот выйдут принц с пажом на улицу — и что дальше? Лично Варю нравился волшебнo-кукольный план с уменьшением и похищением Злата. Но если Чаруша вблизи от объекта воздыханий тупеет и робеет, какой в похищении вообще смысл? Там ведь главное-то оружие — красноречие! А если ее напоить, чтобы язык развязался и провилаась истинная сущность с характером — тогда Злат от нее точно удерет при первой же возможности.

Теоретически можно еще устроить подложное нападение, чтобы Чара вмешалась в самый критический момент, спасла бы своего ненаглядного — и тот сразу оценил бы все ее достоинства. Но был уже дракон, и Варя сама видела, как на дракона кидался Радмил, наплевав на разницу в габаритах и возможностях — при таком конкуренте Чаре ничего не светит. Следовать же обходным маневром — например, перессорить парочку, чтобы они разошлись, и тогда Чара выступила бы утешительницей разбитого сердца — прибегать к подобному Варя не желала, считая это верхом подлости. Да и вряд ли получится такое повернуть: интуиция подсказывала, что на любое внешнее воздействие парочка ответит сплоченно и единодушно, лишь еще больше слипнувшись друг с другом. По здравому размышлению выходило, что единственно возможный выход из ситуации — не прибегая к угрозам, просто продемонстрировать Чарушу в лучшем виде, дабы Лучедар смотрел и сравнивал. А там и до ревности недалеко, и до ссор с обидами и расставаниями.

Но как именно проводить демонстрацию чародейки? Чара должна выиграть конкурс красоты? Кулинарное соревнование? Местные олимпийские игры? Устроить благотворительный фонд по спасению редких пород цуциков? Сняться в кино в главной роли, и чтобы экранизировали любимый роман Злата? Стать поп-звездой и закатить концертный тур по трем королевствам? Да такой, чтобы всем парням захотелось повесить ее плакат над кроватью...

От раздумий Варю отвлекло вежливое покашливание, раздавшееся за спиной.

— Что, опять?! — возмутилась она.

Снова перед ними стояли двое из дворцовой стражи. Но сегодня дюжие молодцы не стали задавать вопросов. Они синхронно расступились, явив сопровождаемую ими особу.

— Мстислада? — воскликнула Варя, пытаясь скрыть досаду и стыд. — А что ты тут делаешь? Тоже гуляешь, да?

И невольно поежилась — она уж почти забыла, как ослепительно умеет улыбаться блистательная княжна... Так и пришлось сдаться ей в плен и за чаепитием раскрыть коварные планы. Та внимательно слушала — и в голос хохотала.

Зореслава-Сияна тоже присоединилась к компании — кинулась к Варе с объятиями, будто век не виделись! А вот в обсуждении «повестки дня» участвовать отказалась, отговорившись юным возрастом и некомпетентностью в данном щекотливом вопросе. Конечно, ей было не интересно строить козни против белозорского принца, если можно с большим успехом строить глазки мило краснеющему королевичу вольнопольскому, потчuya того тортиками и конфетами.

К великому Варинуму изумлению, пусть обсмеяв проблему со всех сторон, Мстислада вызвалась не просто поддержать, но лично поучаствовать в аванюре.

— Каждый принц имеет право выбора, — с хитрой лисьей улыбкой повторила княжна выдвинутый Варей тезис, причем так многозначительно прищурилась, что захотелось испугаться сразу за всех имеющихся в наличии королевичей.

— После показательной дуэли с Зимославом на вашей расстроенной свадьбе его высочество Лучедар решил улучшить свою технику фехтования. Поэтому сегодня они с Радмилом до обеда тренируются в главном зале рыцарского училища. Пожалуй, мы все тоже можем к ним присоединиться.

— Также будем учиться владеть оружием? — удивилась Варя неожиданному предложению. — Если подумать, я не против взять пару уроков, может пригодиться.

Мстислада снова расхохоталась. И повела девушек переодеваться — даже Зорька не отвертелась.

Зачем это было нужно, Варя поняла, как только они переступили порог «спортивного» зала, где все стены были отделаны зеркалами, дабы ученики могли оценить «хореографию» поединков со всех сторон. В мужских костюмах барышни смотрелись очень по-разному: худенькая Зорька выглядела почти ребенком, у Мстислады и Вари резко обозначились широкие попы. И только Чаруша оставалась феей — стройной, длинноногой, прекрасной хоть в юбке, хоть в штанах, и на фоне остальных дев ее достоинства засияли с удвоенной силой.

Понятное дело, своим явлением они сорвали урок. Парни — дюжина молодцев разного возраста и, судя по качеству одежды и сапог, из разных сословий — остановились, как вкопанные, и буквально разинули рты. Их учитель нахмурил кустистые седые брови и тоже открыл было рот, явно собираясь прогнать глупых куриц... Но опознал княжну, изменился в лице — и выгнал из зала учеников. И сам удалился, напоследок сердечно пожелав его высочеству Злату терпения и удачи.

Радмил же особым терпением не отличался. Если Злат только удивленно хмыкнул нежданному визиту и подошел поприветствовать гостей, шутливо извинившись за непарадный вид, его паж мгновенно почуял подвох. Во время урока спокойно сидевший в уголке у окошка, читая книжку, при их появлении он тотчас поднялся, снял камзол и выбрал с оружейного стенда шпагу. С чем и направился решительно к кухне.

— Отойдемте, — благоразумно предложила Мстислада Варе, Зореславе и Милонегу. — Мы высекли искру, осталось проследить, чтобы костер не запылал слишком жарко.

Радмилу было что высказать сестричке. Особенно горячо он отозвался о ее выходке с превращением в дракона. Чара словно позабыла о присутствии Злата, ответила в не менее ядовитом тоне — и полился поток красноречия с обеих сторон, друг другу ни в чем не уступая. Лучедар попытался разнять спорщиков, но кто б его послушал!

Хорошо, что в просторном зале можно было наблюдать за бурным выяснением отношений с почтительного расстояния.

Варя нашла себе занятие — обнаружила второй стенд с разномастным холодным оружием и принялась всё изучать. Даже захотелось некоторые образцы снять с деревянного щита, потрогать, взвесить клинки в руке, сделать выпад в сторону воображаемого противника. Милонег любезно выступил в роли экскурсовода на выставке — пояснял, как правильно держать, как наносить удары. Но когда Варя предложила ему самому показать, он отказался наотрез.

— Прости, но мне нельзя брать оружие в руки.

— И правильно! — неожиданно поддержала Зореслава, всё это время крутившаяся рядышком. — Я вот Огнеяру постоянно про это твержу, а он всё к мечам-кинжалам тянется! Главное и основное оружие мага — магия и чары. Остальное нам совершенно ни к чему. Тем более убивать кого-либо крупнее мухи нам запрещено божественным заветом. Правда, Неж?

— Угу, — подтвердил помрачневший королевич.

Заметив его нехорошую задумчивость, Зорька мигом сменила тему:

— Варя, а ты будешь танцевать на балу? Дядя Твердивер устраивает вечер в мою честь!

— А? — вымолвила та, застигнутая врасплох. — Что-то как-то... даже не знаю. А точно надо?

— Конечно! — пылко заверила принцесса. — Балы, придворные праздники — это ведь так весело и

романтично!

Варя недоверчиво фыркнула — уж кто бы говорил! Слыхала, как сама-то Зорька от подобных мероприятий открещивается. Впрочем, ей тут же сделалось совестно за скоропалительные выводы — будешь избегать празднований после покушений-то. Зато в Златограде до соседской принцессы никому нет дела, так что можно будет развеяться и развлекаться в свое удовольствие.

— А танцевать тебя научит Милонег! — ехидно предложила Мстислада Варя. — Прямо сейчас можете приступить. Тут и зеркала есть, и без юбок для начала будет проще.

Княжна между тем не забывала бдительно присматривать за страстями, бушующими на другом конце зала. Сперва Радмил громогласно осмеял кузину и ее завистливые притязания, отчего Чаруша пришла в ярость и вызвала родственничка на дуэль. На свою голову вмешался Злат — объявил, что вызов оруженосцу закономерно переходит к рыцарю, поэтому драться с чародейкой он будет сам, насколько благородный муж вообще может драться с дамой... Только он просчитался, и заступничество стоило ему рассеченной в лапшу рубашки — Чара от смущения, смятения, под насмешками кузена-соперника разошлась не на шутку. А биться на клинках она, как выяснилось, где-то в своих скитаниях успела научиться на достойном уровне. Так что Злат быстро отбросил мысли о благородной снисходительности и перешел к плотной защите, дабы не позволить и штаны на себе порезать на лоскутки.

А Варя махнула на эту троицу рукой: спустят пар и сами разберутся. Может, Чаруша наконец-то доведет Лучедара до нужного каления, и он забудет о куртуазности, которую та принимала за благосклонность. В общем, в любом случае полезно побеситься — лишь бы только не поранились и в их сторону рикошетом не попали.

Поэтому с чистой совестью она сосредоточилась на Милонеге, так мило согласившимся побыть ее учителем танцев.

И конечно же вокруг продолжала виться бабочкой Зореслава, всем видом намекая, что сложные фигуры для наглядности королевич может показать в паре с нею.

— Но ведь музыки нет! — канючила Варя по инерции.

— Так даже лучше, не будешь сбиваться из-за мелодий, — успокоил ее Неж. — Музыка может быть самой разной, и при этом менуэт всегда останется менуэтом, а кадрили кадрилию.

— Ох! — вырвалось у Вари испуганно. — Не спутать бы только!

— Не спутаешь, — рассмеялся он. — Ничего не бойся, я покажу тебе несколько основных движений и фигур, остальное всё прекрасно поймешь на месте. В конце концов, ты же не только выйдешь — уж подсмотришь за другими дамами и просто повторишь. На празднике никто не станет следить, с какой ноги ты сделала шаг и вовремя ли притопнула — там будет много вина, шума и веселья. Тем более первыми танцуют артисты театра и барышни и юноши, которые ищут себе пару — всё внимание публики достанется им. А нам же не нужно никого искать, верно?

— Ну, у меня вроде есть «суженая ряженка», одна штука... — пропыхтела Варя, покорно переставляя ноги в указанном порядке. И, собравшись с духом, вlepила вопрос, пока Зорька отошла и не услышит: — А что будешь делать, если Чара в конце концов выйдет замуж не за тебя?

— Тосковать, что же еще? — пожал Неж плечами. Словно с досады следующей изобразил заковыристую фигуру с коленцами.

— Всю жизнь? До старости? — от избытка смелости у Вари на удивление всё чудесно получалось если не с первого раза, то со второго точно. — Давно ты ее любишь?

— Давно. Когда я был мелким, то сильно заболел и впал в беспамятство. Все маги-лекари Синегорья были заняты — ведь на границе продолжалась война... Нет, повтори: шажок-шажок, прискок, поворот! Руку тяни выше. Тогда тетя Буря отослала нас в Златоград, к друзьям Чуролюта. Чара — внучка Чуролюта. Она сидела у моей постели, пока я не очнулся — подпитывала меня своей силой, звала вернуться, вывела меня из мира кошмаров.

— Прости, что лезу не в свое дело, но мне кажется...

— Следи за рукой! Еще повтори пятнадцать раз, чтобы тело запомнило.

— Ох... Я понимаю, что ты благодарен Чаруше, она поступила как настоящий друг. Но стоит ли из-за этого ограничивать свой выбор? Почему бы вам с нею не остаться друзьями, как Зиму с Красой?

— Колено поднимай выше. А шаг делай короче. Поворачивайся плавнее.

— Смотри, — упорствовала Варя, уже не обращая внимания на Зореславу, которая деликатно не приближалась, но дыхание затаила, трепетно прислушиваясь к внушениям. — Если ты женишься на ком-то еще, Чара всё равно останется твоей подругой, ты никогда ее не потеряешь. Даже если она тоже выйдет за кого-нибудь замуж.

— Думаешь? — буркнул Милонег, осторожно взвешивая в уме новую для себя мысль.

— Уверена. Подруга останется подругой, а жена будет женой. Вдобавок наверняка ты подружишься с ее мужем. Таким образом у тебя появится еще двое человек, которым ты сможешь доверять, на которых сможешь

положиться в трудную минуту.

— Довольно на сегодня, — проворчал он, имея в виду и танцы, и разговоры. Машинально потер пальцами висок, выдавая вызванную напряжением головную боль.

Зореслава мгновенно подлетела к нему, зашебетала успокаивающе, предлагая свою помощь — пусть, мол, сил у нее немного, но заговаривать мигрени она наловчилась отменно, натренировалась на Росане. Неж упрямитесь не стал — позволил отвести себя в сторонку.

— Какая красивая будет пара, — шепнула Варя бесшумно подкрадываясь Мстисладу.

— Угу. И она наконец-то отстанет от бедняги Огнеяра. К тому же Неж тоже прекрасно играет на дудочке, Зорька не останется без ночных концертов в тенистом саду...

— Прости, что перебиваю, — встревожилась княжна, — но пора нам вмешаться, иначе свидание закончится печально.

Действительно, как говорится, в воздухе запахло жареным. Чаруша потеряла над собой контроль и прибегла к магии. Против двух не магов это было подлостью с ее стороны. Парой вспышек молний она загнала парочку в угол, сама же, с перекошенным лицом и почерневшими глазами, с поднявшимися дыбом волосами, усеянными грозвыми искрами, показалась Варя в тот момент страшнее мифической Медузы. Понятно, отчего Злат испуганно тарачил глаза, пряча трясущегося от злости Радмилку у себя за спиной.

— Чара!!! — заорала Варя строго. — Посмотри на себя в зеркало! Тебе нужно срочно привести себя в порядок и хорошенько причесаться! К тому же ты вспотела, уж прости за прямоту — идем скорее переодеваться!

Уловка сработала — зеркал-то вокруг хватало. Чародейка взглянула на свое отражение, охнула, вспыхнула стыдливым румянцем, схватилась за голову, чтобы пригладить распушенное неукротимое облако, тут же сообразила, что под мышками мокрые пятна, отчего сжалась, обхватив себя за плечи. Заметавшимся взглядом наткнулась на обомлевшего еще больше Злата, сообразила, что натворила — и впала в ступор, истерично задрожав подбородком.

В общем, пришлось срочно прощаться и покидать Златоград, благо утешенный Зореславой Милонег смог сосредоточиться и уверенно открыл портал.

Оказавшись дома, вольнопольский принц забыл о головной боли, воспрянул духом — и до ночи заливался соловьем, славя очарование и отзывчивость синегорской принцессы. Зимослав, конечно, удивился столь внезапному повороту. Однако, поразмыслив и взвесив, уточнив кое-что у сконфуженной сводни, то бишь у Вари, порыв приятеля поощрил и наградил — долгими рассказами о забавных, милых и просто пустяковых случаях из жизни с сестренкой.

Потеря поклонника, пусть даже опостылевшего, Чарушу добила. Взвыв раненым зверем, брызжа слезами и изрыгая матерные проклятия, она принялась в сердцах крушить всё подряд. Справедливо опасаясь, что взбеленившаяся подруга разнесет особняк и их самих ненароком пришибет и не заметит, Краса без уговоров и предупреждений кинула в нее оборотными чарами и превратила в лимонно-желтую крольчиху. Которую быстро поймала и, схватив за шкуру, выбросила в окошко с напутствием:

— Пока не одумаешься, не возвращайся!

И раму плотно затворила.

Заметив же ошарашенный взгляд оробевшей от такой радикальности Вари, королевна невозмутимо пояснила:

— В таком облике она не способна колдовать. И лапками не вытащит пробки из бутылок и флаконов, так что не напьется и не отравится зельями. А в лесу она ничего ужасного не вытворит, разве что какое дерево в щепки сточит. Пусть бесится на холодке сколько душевнее угодно. Ягодами поужинает, росой освежится — поразмыслит в молчании о сути бытия, глядя на звезды... Ох, у меня же тесто из квашни уползает!.. Снеж! Неж! Хватит болтать — пирожки лепить я одна, что ли, буду?! Марш руки мыть! С мылом!

— Узнаю школу бабы Веры, — фыркнул Зимослав.

— А разве нельзя воспользоваться каким-нибудь заклинанием? — задала давно терзавший ее вопрос Варя. — Раз-два, и всё готово само собой!

— Чарам на кухне не место! — отрезала Краса. — Разве только консервирующим — и с теми следует быть осторожнее, иначе можно наестся тухлятины. Магия — она в доме хороша для чистки и уборки. Например, как ты постираешь бальное платье с золотым шитьем и самоцветами? Или мыть парадную лестницу — дня же не хватит! Или почистить ковер перед входной дверью — и я очень надеюсь, что кто-нибудь этим займется!!! А то Друня брезгует наступать на него необутыми лапами. Кстати, о платьях! Мстислада просила напомнить, чтобы завтра мы заглянули к ней для примерки бальных нарядов.

— Опять?! — ужаснулась Варя. — Я даже не перемерила то, что она мне перед свадьбой пошила! Куда еще-то?!

— Положено!

Оставалось молча смириться — и надеяться, что Чаруша успеет к сроку одуматься и возвратится к дружной

компании.

Сюрприз Зимослав задумал с вечера, но Варю не предупредил — иначе какой же это сюрприз. Просто втихомолку подготовил сбрую Друни, набил чем-то нужным подседельную сумку. И сразу после ужина, в бесстыдно светлые сумерки, уволок невесту в их уголок, где сладострастно надругался над целомудрием к обоюдному наслаждению. В итоге оба уснули, утомившись, еще до восхода лун.

Зато и растормошили Варю спозаранку — и вовсе не для того, чтобы обнять и поцеловать, хотя и без этого тоже не обошлось. Все попытки ее жалобно поканючить «дай еще полчасика» и увлечь почти-супруга под одеялышко не увенчались успехом. Ее подняли, умыли, одели, обули в высокие сапоги — и вытащили почти на руках в рассветную прохладу. Посадили на бодреньего сайгака и повезли в неизвестном направлении, вручив пирожок, чтобы перекусила и не донимала вопросами. Удостоверившись, что они свернули не на ту дорожку, что вела к лагерю паучьих всадников, Варя сооблаговолела вкусить выпечку.

Рассветный, звенящий птичьими голосами лес казался городской жительнице сам по себе сказкой. Но там, куда привез ее королевич, оказалось чудно сверх меры.

— Это что за оптический обман? — уточнила Варя, разглядывая в подзорную трубу город, примостившийся на крутых склонах скалистого высокого острова, что темным клыком торчал посреди реки. Смущало, что река не выглядела особо широкой, а остров — далеким. Но при этом готический собор и дворец, воздвигнутые на острие «клыка», по величию годились для огромной столицы, да и домов и особнячков на спускающихся винтом улочках было великое множество.

— Почему обман? — невинно захлопал глазами Зим, пряча в уголках губ улыбку. — Это город-государство. Здесь живет маленький, но гордый народ. Они не входят в состав Вольнопольского королевства, но века назад заключили с предками Яснолики союзный договор, согласно которому королевский род предоставляет им охрану и покровительство.

— Этнический заповедник, значит, — поняла Варя.

Но тут увидела, как на крышу собора уселась птичка вроде синички.

— Маленький народ, да?! — воскликнула она, догадавшись, в чем подвох. — И как они называются — гномы? Феи? Лилипуты?

— У них сложное самоназвание. Мы привыкли звать их кузнечиками.

— Потому что прыгают высоко?

Зимослав поглядел на невесту с недоумением:

— Потому что они почти все поголовно занимаются кузнечным ремеслом.

— Угу, ясно — артельное производство, — хихикнула Варя. (А сама припомнила, что насекомых кузнечиков в этом мире называют сверчками, сверчков же — цикадами, ибо «цыкают»).

Между тем Зим обустроился на берегу с удобством: расстелил на каменистом пляжике одолженный у Красы плед, выложил из одной подседельной сумки завтрак на двоих, увязанный в скатерку и полотенчику, выставил кувшин лимонада и зачарованный на тепло жестяной походный чайник с какао. Из второй сумки появились предметы, по мнению Вари для пикника мало пригодные: полотняный мешочек муки на пять кило, полдюжины двухлитровых жестяных и берестяных банок-бочонков с солью, сахаром, крупами, коробка с набором специй и фанерный ящичек, полный коробков и флакончиков с алхимическими порошками и снадобьями на все случаи жизни. После того, как всё это добро было сложено аккуратной горкой на дощатых мостках, уходящих от бережка метров на шесть по воде, успевшего заскучать Друню отпустили гулять, наказав не забредать далеко.

— Если это им на зиму припасы, то на целый город, боюсь, не хватит, — съехидничала Варя.

— Припасы им смотрители привозят, — невозмутимо пояснил Зим. — А это дар лично от меня. Ну, деньгами-то они не возьмут — золота и серебра у них своего полно, добывают где-то тут в округе в секретных рудниках. А может, колдовством получают — в легендах по-разному говорится, а как на самом деле — неизвестно, людям свои тайны кузнечики не раскрывают.

Пока завтракали, городок постепенно ожил. На часовой башне дворца мелодично протреникали куранты, звон подхватила колокольня собора. В домах стали открываться окошки. На улицы выходили деловито настроенные граждане-гномы, издали совершенно неотличимые от обычных людей, разве что несколько коренастые. Вот только во дворах у себя запрягали они не коней, не сайгаков и даже не пауков, а синичек или тушканчиков. Военные предпочитали седлать быстрокрылых ястребков-вранов.

Один такой суровый стражник-с-палец прилетел разбираться с гостями. Голосок у мужика оказался тоненький, комариный, но Варя сдерживалась изо всех сил и не заржала-таки. Зимослав же вон, общается с представителем суверенного народца вежливо и корректно! И ей пора учиться держать лицо, всё-таки будущая королева.

На справедливый запрос «зачем явились?» Зим ответил обстоятельно: заказывал-де у местных мастеров

обручальный браслет для невесты. И хотя срок еще не вышел — договаривались, что работу доставят в Грозовградск к первому дню зимы — но нельзя ли узнать, вдруг заказ уже выполнен? Очень уж славно вышло бы подарить браслет избраннице не на помолвку, как планировалось, а на сговор в Ночь Двух Лун, когда по традиции все порядочные парочки друг друга одаривают символами вечной любви.

Покосившись на приготовленную оплату, стражник понятиливо кивнул и проворчал: можно, мол, отчего ж не спросить-то. А ежели не готово, то привезут чего-нибудь подходящее из запасов — нельзя же красную девицу без подарка на праздник оставлять!

Зим искренне поблагодарил за участие — и не удержался, смущенно глянул на Варю. А та сделала вид, будто нет ее тут и вовсе не у нее щеки рассветным румянцем пылают.

Пока ожидали ответа от мастеров, выпытала: оказалось, заказ Зим сделал через сестру — Зорька в письме попросила Красу об одолжении, и та охотно помогла — послала Нежку с поручением.

— Получается, ты понятия не имеешь, что мне подарить, — вывела Варя, развеселясь.

Будущий муж виновато потупился, пробурчал:

— Браслет. Кузнечики славятся мастерством и тонким вкусом. У них любое изделие — произведение искусства.

И поспешно свернул на рассуждения, что в незапамятные времена люди так же жили дружно и с белогорскими племенами: проводили взаимовыгодный товарообмен, походами друг друга не донимали, на чужие земли не зарились...

— Пока легендарный император не свистнул у соседей огромный кристалл, — подхватила Варя.

Зимослав пожал плечами:

— Летописи уверяют, что раздор случился еще раньше. Император взял Камень в качестве трофея, но пошел в горы не за ним — а потому что белогорская правительница натравила на объединенные королевства драконов, коих призвала из иного мира. Ты помнишь Чарушу в образе ящера? Рядом с настоящим драконом она выглядела бы, как птенец врана рядом с матерым белокрылом.

— Ого! — оценила Варя.

— Такие вот гости навевались к нам в мир в те времена, когда Камень был не разбит и хранился в Белых Горах, — вздохнул Зим как-то уж слишком озабоченно для обсуждения старинной легенды. — Разумные, наделенные огромной магической мощью, очень прозорливые существа, для которых люди значили меньше, чем для нас муравьи под ногами.

— И? — поддакнула Варя.

Он встрепенулся:

— Что?

— Это я спрашиваю: и что? О чем ты думаешь?

— О том, — признался Зим, — что война черных магов по некоторым сведениям разгорелся с легкой руки белогорской правительницы.

— То есть ту мясорубку устроили для того, чтобы одна из трех частей того гигантского кристалла снова оказалась в Белых Горах? — сообразила Варя. И от этого вывода у нее тоже невольно пробежали мурашки по загривку.

— Есть такая вероятность, — не стал отрицать он.

— А королева белогорцев, она вообще какая? И почему именно королева? Она что у них, бессмертная, что ли? При императоре была правительница, при Грозоврате, сейчас тоже.

Зим снова уныло пожал плечами:

— Я знаю только то, что рассказывал дед. По его словам, она больше оракул, чем правительница. Белогорцы ведь поделены на племена и семьи, все живут по своим законам, у каждого племени есть свой вождь. Но объединяются они по зову королевы. И свято верят ее предсказаниям, считая посланиями их темных богов.

— Это понятно! А на вид она какая? Зореслава уверяла, будто белогорцы очень красивые, а мне вот не верится.

— У них белая, как снег, кожа и большие глаза яркого цвета. Они живут в подземельях, хорошо видят в темноте...

— И поэтому большие глаза, — поддакнула Варя. — Таращили поколениями, пока не закрепилось наследственно. Что еще?

— Еще... Высокие, тонкие, гибкие. Дед говорил, что у королевы волосы до пят, белые и легкие, как паутина. Изыщные длинные пальцы, унизанные драгоценностями. Красивый звучный голос. Желтые глаза с густыми ресницами. Она носит тяжелую корону со сверкающими камнями. И всегда ее лицо — да и вся фигура — окутана полупрозрачной вуалью. Никто из ее подданных не смеет прикоснуться к королеве, она для них священна — наместница богов на земле. Дед уверял, что та правительница, с которой он пытался заключить мир, сама обладала

огромной магической силой.

— А почему у него не вышло? Уж он точно сделал всё возможное.

— Шаманы из ее ближайшего окружения не хотели мира. Они объявили, будто дед наслал на королеву чары подчинения.

— Ну, всё понятно — объявили ей импичмент, отягощенный харасментом! — возмутилась Варя. — Раз баба у власти, значит, будут клеветать со всех сторон! Тем более Грозоврат по молодости наверняка был красавчик не хуже, чем, хм, твой папа. Потому в оговор все сразу поверили и заперли королеву в глубоком подполе, пока не одумалась. Так?

— Вероятно, — улыбнулся Снежен.

— О, кстати о королевах! Что слышно из летней резиденции ее величества твоей матушки? Какие новости?

Варя думала сменить тему, чтобы Зим перестал хмуриться, а он помрачнел еще больше.

— Не всех твоих злопыхателей вывели на чистую воду? — насторожилась она. — Ты ведь ради этого тут и прохлаждаешься, разве нет?

— Не в этом дело, — вздохнул он. Решил, что будущей жене можно рассказать: — Наконец-то выяснилось, куда матушка ходит тайком по ночам.

— Неужто на собрания секты дьяволопоклонников? — ахнула она, предполагая остроумно пошутить. Однако Зим потребовал расшифровки, и в итоге кивнул:

— Почти угадала. Придворные дамы привечают некую гадалку — мутную во всех отношениях особу.

— И бравый Будигор выследил почтенных фрейлин? — хихикнула Варя.

— Нет, маменька сама пришла с повинной к нашему первому министру.

— К своему любовнику?

Зимослав поморщился на формулировку, но кивнул. Продолжил с кривоватой усмешкой:

— Спасибо хоть на том, что она перестала донимать придворного астролога, чтобы тот вычислил для меня идеальную невесту. После того, как обескураженный звездочет трижды указал на тебя...

— По твоей тайной просьбе? — догадливо подхватила Варя.

— Не моей — Венцемира. Теперь маму занимает вопрос, когда у нее появятся внуки, сколько их будет и какими они получатся по характеру и одаренности.

Варе и самой это было бы интересно знать. Но спросила она о другом:

— Что же такого ужасного наговорила ей модная гадалка, что ее величество решила сдать шарлатанку министру?

— Ей не понравилось, что гадалка применила к ней чары. Мама неожиданно для себя очнулась в сокровищнице — и не могла вспомнить, как и для чего приехала в столицу, во дворец, закрытый на ремонт. Ее насторожило, что в голове крутится навязчивая мысль — об Ограждающем Камне.

— Которого у вас нет, — не поняла Варя.

— О том, что его нет, известно только узкому кругу посвященным. Вообще о том, что существуют такие кристаллы, знают далеко не все маги в трех королевствах. Более того, обычный человек без магического дара не смог бы ощутить на себе чары настолько тонкие — мамино счастье, что при ней были амулеты, созданные еще отцом и дедом.

Настал черед мрачнеть Варе — очевидно, что свекровь влипла в крайне неприятную ситуацию.

— Гадалку, надеюсь, поймали?

— Расставляют ловушку так, чтобы не спугнуть. Учитывая, что она втерлась в доверие ко многим высокородным старухам, схватить ее будет не так уж просто. Благодаря связям и заработанным деньгам она обустроилась в пригороде Грозовградска, как у себя дома.

— Ага, как лиса в логове? Десятки нор и сотня ходов-выходов? Понятно... Но почему фрейлины-то ее покрывают?! Тоже их зачаровала?

— Нет, тут обычное дело, — отмахнулся Зим, — женщины обожают подобные развлечения, а гадание — за исключением астрологии — в трех королевствах запрещено законом.

— В каком смысле?

— В прямом. Чародеи и колдуньи, имеющие разрешение на практику от совета магов, делать предсказания берутся крайне редко и только по очень веским причинам. Те, кто обучался у хороших учителей, прекрасно осознают опасность попыток заглянуть в будущее.

— А-а... — протянула Варя, смутно понимая, к чему он клонит. — Это когда предупредишь человека о чем-то, а он поймет неправильно, станет делать не то, что нужно...

— Нет, это когда маг при попытке увидеть будущее конкретного человека вместо чар отражения видений по недоразумению откроет сквозной портал через узко взятую нить времени, тем самым изменив не только настоящее этого человека, позволив ему увидеть то, что зачастую он видеть не должен, но рискуя неосознанным выбросом

сырой силы пробить ауру и энергетическое ядро человека и принести ему непоправимый внутренний ущерб, чаще всего несовместимый с жизнью, реже — со здравым сознанием, и также легко прошить пространство, буквально свернув его в кольцо... Впрочем, — оборвал он себя, заметив округлившиеся Варины глаза, — тебе еще рано об этом задумываться. Просто запомни, что со временем играть нельзя. Разве Алояс не говорил тебе этого на первых же уроках?

— Не помню, — честно ответила Варя. Поморгала, словно сбрасывая легкий гипноз от мудреных объяснений. — А почему тогда Росана так легко научила меня консервированию? Это ведь то же самое — сворачивать время для банки фруктов!

— Тут время не сворачивается, а растягивается, — терпеливо пояснил Зим. — Совсем другое дело и почти никакой опасности. И в этом случае ты не прикасаешься к самому времени, а словно проталкиваешь предмет через его толщу в пределах ограниченного емкостью пространства. На таком же принципе строятся чары ускорения полета или бега — когда нужно очень быстро переместиться из одной точки в другую, но портал открыть невозможно по каким-то причинам.

— Это когда одна нога здесь, другая там? — вывела по-своему Варя.

— Угу.

— А как же Огнеяр?

— А что с ним?

— Он посчитан этим твоим советом магов? Он ведь пророчествует, когда и где откроется очередной стихийный разрыв.

— Во-первых, да — у него есть разрешение от моего совета магов. Во-вторых, он предсказывает только дыры и ничего больше. И предсказания его основываются не на предвидении, а на особенностях его дара — он чувствует, где истончается пространство и просачиваются энергии, вибрации, тени чужих миров.

— Как белый кролик твоего отца? Где тонко там и прорвется! А Грозврат и твой отец разве не имели дара предвидения? Дедушка вон тебе аж свадьбу распланировал!

— Не было, — сказал Зим. Но сам задумался, добавил: — Во всяком случае мне об этом ничего не известно.

— Вот что тебя ни спросишь — всё-то ты ничего не знаешь! — шутливо проворчала Варя. И перескочила на другой волнующий вопрос:

— А как кузнечики будут печь хлебцы? Они ж такие мелкие!

— Так и хлебца у них маленькие.

— Как просvirки?

Пришлось объяснять.

— А, у нас тоже в начале весны есть праздник в честь Великой Матери, — провел параллель Зимослав, — провел параллель Зимослав, — приходится на ту же неделю, что и день рождения Зорьки. На рассвете перед храмом служители раздают всем крошечные булочки с благословением в знак того, что скоро земля даст новый урожай.

— А кто у вас за батюшек? Ну, за священников? Кто богине служит обедню?

Зим непонятливо хлопал глазами, а Варя утомилась всякий раз многословно объяснять, что имеет в виду. Собралась, сообразила:

— Кто отвечает за ритуалы в честь Великой Матери?

— Маги же! Забыла? Мы все, кто носим в себе ее дар, отмечены особой божественной благодатью.

— А при храмах кто состоит?

— Те, кто захочет, кто к этому расположен духом. Или кого обяжут. Или кого-то временно назначают, обычно в качестве испытания терпения. Следить за храмом очень утомительная работа, знаешь ли.

— А верховный жрец в твоём королевстве кто? — настырничала Варя.

— Я.

Ответил, будто говорил об очевидном. Варя же решила обдумать мысль, что она собирается замуж не только за правящего принца, но и за местного первосвященника, попозже.

— А в Белозорье?

— Чуролют, как старший королевский маг, назначенный правителем.

— А в Вольнополье?

— Яснолика по праву рождения, но она отлынивает, поэтому — ее дядя-регент.

— А венчать нас кто будет?

— Если бы здесь был отец, то венчал бы он. Мама не может, у нее дара нет. Подчиненным же магам проводить брачный обряд над старшим некрасиво.

— Тогда кто? — озадачилась Варя. — Опять Чуролюта позовем? Или ты Красу хочешь? Я-то не против...

— Ей нельзя, она незамужняя.

— Тогда остается Чуролют или регент, — подытожила Варя без энтузиазма. — Но это несправедливо —

Чуролют-то ведь тоже холостяк... Зато хоть дядюшка замужний!

Зим надул губы, отвернулся. Она доносить его не стала — догадалась, в чем дело. До свадьбы-то сроку чуть больше полугодика, и вряд ли за это время пропавший король успеет вернуться домой, если уж за двенадцать лет не нашел дороги назад. То, что у алтаря их встретит не Кудеяр Смур, для его сына станет знаковым поворотом и серьезным разочарованием, грозящим окончательно разрушить и без того хрупкую надежду на чудо...

Удачно, что мрачное молчание их не затянулось надолго — к берегу причалила лодка размером с суповую тарелку.

В одной приплыл кузнечик-кузнец, златых дел мастер, и его помощники подмастерья. Он долго раскланивался с гостями, уверяя, что для него большая честь встретиться с высокими заграничными заказчиками лично. (Варя хрюкнула на двусмысленность эпитета «высокий» в данном случае, но прикрылась ладошкой, сделав вид, будто закашлялась). Кузнец многословно поздравил Зимослава с грядущей женитьбой и заверял, что выкованный им со всем тщанием браслет, да еще подаренный накануне такого значительного праздника, станет для будущей королевы отличным оберегом от любых злых чар. Приплывшие на второй лодке пузатые кузнечики, наряженные в парчу и шелка, оказались здешними королем и главой церкви. Последний заверил, что по обычаю и от чистого сердца освятил браслет — и великодушно предложил сразу же их и обвенчать прямо на месте.

— Заверенный нами брак будет действителен по законам Союза Трех Королевств, — подхватил миниатюрный король. — Не сомневайтесь! Юные влюбленные нередко прибегают к нашим услугам.

— Вот тебе и решение задачки, — фыркнула Варя, повиснув на плече будущего мужа. — Распишемся здесь, и никакой мороки со свадьбой!

— Мне по статусу не положено, чтобы так просто отделаться, — вздохнул Зимослав. Заботливо застегнул невесте на запястье привезенный кузнечиками браслет — серебряную ленточку паутинно-тончайшего плетения.

Пока неторопливо собирали остатки «завтрака на траве» и закидывали плед обратно Друне в сумку, кузнечики успели шустро распотрошить и крупы, и сахар-соль с мукой. Всё, кроме специй и алхимии — дорогие порошки изначально были расфасованы мелкими порциями — представители малого народца крошечными лопатами раскидали по привезенным с собой мешочкам. Мешочки грузили на лодочки — и так и сновали до острова и обратно. За опустевшей крупной тарой обещали прислать летучий отряд: мол, ничего не пропадет напрасно, позже грузовой упряжкой из десятка пташек перетащат жестяные бочонки и приспособят емкости для разных хозяйственных или производственных нужд — на винокурни или в общественные бани, или еще куда. Мешок из-под муки пойдет на паруса.

— Может, проще было отлевитировать всё сразу? — задумалась Варя. — Я не говорю зашвырнуть! Я имею в виду плавно переместить по воздуху. Так и пыли было бы меньше.

— Проще, — согласился Зим, — но это нарушило бы соглашение о суверенитете. И после пришлось бы восстанавливать ограждающие чары вокруг острова — Красу это не обрадовало бы.

— И тут без чар не обошлось?

— А ты как думала? Если к ним проберется любое животное больше кролика или птица крупнее врана, или явится какой-нибудь вор — что останется от их города?

Варя только поохала сочувствующе, руками всплеснула... И залюбовалась на подарок — очень уж приятно сверкала на солнце невесомая замысловатая «паутинка». Но еще больше грела сердце мысль, что это — предсвадебный подарок от Зимослава, его клятва любить вечно...

На обратном пути, правда, он снова проштрафился в ее глазах. Остановил Друню на лугу, полном восхитительных цветов — нечто благоухающее, высотой сайгаку по брюхо, пестрое фиолетово-лазоревого, напоминающее одновременно гладиолусы и колокольчики.

Заверив спутников, что он быстро управится, Зимослав оставил Варю сидеть в седле, а сам спрыгнул, утонув в колышущемся море по плечи — и принялся собирать букет. Нарезал большую охапку, вручил Варе.

— Куда столько-то? — счастливо рассмеялась та, силясь обхватить непокорный веник обеими руками.

— Красе половину поставим, — бросил Зим, взлетая обратно в седло.

Варя язык прикусила, чтобы не ляпнуть что-нибудь обидное. Уточнила только:

— Половину? Не треть?

— Чаруша останется без цветов, а то Неж разозлится. Он только-только начал к ней остывать, нельзя допустить ни малейшей вспышки ревности, иначе все твои усилия пропадут даром.

— Я ровным счетом ничего не делала, — пробурчала Варя. — Они сами с Зорькой снюхались. Так что быть Красе твоей сестрой — ты сам про нее так сказал когда-то, сам и сглазил, вот!

Зимослав только рассмеялся.

Позже днем, когда Краса и Варя накрывали стол к обеду, а парни спорили, каким соусом вкуснее поливать салат, в приоткрытое окошко церемонно постучали. Это было довольно неожиданно, учитывая второй этаж, поэтому вся компания немедленно скучковалась перед подоконником. На котором восседали два кролика —

белый (разумеется, Финик) и ярко-желтая (понятно, заколдованная Чаруша).

Финик важно топорщил усы, сложив передние лапки на пузе, и в целом имел вид степенный и очень ответственный — как полагается почтенному дедушке, притащившему за шкуру взбалмошную девчонку, дабы та взялась за ум и честь по чести принесла извинения.

Чара-белка же сидела насупленная, понутив голову, распушившись шариком.

— Ну? — поторопила Краса, ибо смотреть на них и держать строгое лицо было тяжело. — Кто-то здесь хочет клятвенно пообещать, что не будет вести себя, как капризный ребенок? Что не станет колдовать, не подумав хорошенько, к чему это может привести? Что перестанет пить, как сапожник? Что не притронется к зельям, не посоветовавшись со старшими? Что не станет хамить и буяннить? Прекратит унижать Милонегу и донимать Злату?

Чара колебалась — слишком уж суровую с нее требовали клятву. Невозмутимый Финик, не повернув к ней морды, выразительно хлестнул подопечную хвостом по попе. И та встрепенулась — не поднимая глаз, послушно опустила в низком поклоне, молитвенно сложив лапки.

— Давно надо было так сделать, — хмыкнула Краса, возвращаясь к столу. Махнула рукой, рассеивая чары оборота.

Зим расторопно закутал всхлипнувшую блондинку в плед, удачно оставленный с вечера в кресле, и помог слезть с подоконника.

Финик же с чувством выполненного долга сиганул через полкомнаты прямо на стол, где сразу пристроился к блюду с фрикадельками. Краса с улыбкой почесала его за ушком — и подставила маленькую тарелочку, чтобы положить себе угощений по вкусу, рядом — пузатую пиалку, бывшую солонку, куда налила ложкой бульона. И не забыла подсунуть салфеточку, чтобы вытирал лапки и не наследил бы жирными пятнами по скатерти. Варя наблюдала за ними круглыми глазами — до такого сервиса она сама не додумалась бы! А песец ничего, обращение принял как должное, мигом разобрался, что к чему — и поблагодарил хозяйку выразительным пофыркиванием.

— Всё-таки в культурном обществе обедаем, — перехватив Варин взгляд, пробормотала Краса, посмеиваясь.

— Угу, — подхватил Зим, — я уже видел, как ты повязала Друньке салфеточку на шею. Вернее, скатерть с вышитыми цветочками.

Зато Чаруша уселась за стол принципиально в одном пледе, замотавшись на манер тоги.

Так в пледе и отправилась вместе с Красой и Варей в гости к Мстисладе. Объявила: «Всё равно нас зовут не примерку бальных платьев, так зачем переодеваться лишний раз?»

Княжна эксцентричный вид чародейки оценила, но промолчала.

Зореслава, также занятая подгонкой наряда под присмотром старшей подруги, быстренько завладела вниманием Красы и увела ту в отдельную комнату — им было, о чем посплетничать с глазу на глаз, всё-таки давние подруги по переписке. (За барышнями свитой потянулась половина белошвеек и хлопотливых горничных, умоляя принцесс не потерять на ходу булавки и не выпасть из наспех зашнурованных корсетов).

С платьем для Вари разобрались за рекордные минуты — у портных сохранились ее недавние мерки, так что и подгонять ничего не пришлось. А вкусу княжны касательно придворной моды Варя готова была довериться с закрытыми глазами. Поэтому, оставив снова взбунтовавшуюся Чарушу в неглиже перед зеркалами препираться с главной модисткой, Мстислада пригласила Варю в смежную гостиную попить чаю в относительной тишине.

Пока они там чинно расселись, пока разлили ароматный напиток по тончайшим фарфоровым чашечкам и определились с выбором крошечных фруктовых пирожных, пока обменялись свежайшими новостями — Варя про Чарушу и думать забыла. Поэтому явившемуся Злату только мило улыбнулась. А чаем поперхнулась секундой позже — когда тот уже скрылся за дверью.

— Но там же!.. — заикнулась Варя шокированно.

Мстислада невозмутимо продолжала улыбаться и цедить чай, обнимая чашку тонкими пальчиками. Как будто не она самолично легким взмахом руки направила принца к чародейке, раз тот так вовремя явился, дабы принести чувствительной барышне извинения за вчерашнее недоразумение.

«А ничего, что барышня там полураздетая в трех зеркалах отражается?!» — возмущенным взглядом красноречиво высказала Варя приятельнице.

«Прекрасный момент для откровенности!» — в ответ выразительно затрепетала ресницами княжна.

Грохот и громогласная ругань не заставили себя долго ждать. Сперва из комнаты высыпались перепуганные служанки и портнихи со швеями. За ними, прикрывая отступление, выскочил встрепанный Лучедар, словно едва вырвавшийся из круговерти смертоносного урагана.

— Я приношу свои глубочайшие извинения!!! — отчаянно выкрикнул он с порога, захлопнул дверь и кинулся прочь в сметенных чувствах.

Мстислада невозмутимо продолжила пить чай и поддерживать дружескую беседу, будто их разговор с Варей никто не прерывал. Будто за стеной не бушевал особо опасный тайфун, пышущий бешенством и обидой.

Спустя два пирожных и одну конфетку, застрявшую у Вари в горле комом, Чаруша взяла себя в руки и вышла к

ним. Снова в плеле, подвязанном большим узлом на плече. Кипя от негодования, но стискивая зубы. Села рядом с Варей, и та торопливо пододвинула ей свою чашку. Глотнув, чародейка, взглянув княжне в глаза, сурово спросила:

— Ты, вообще-то, на чьей стороне?

— На своей, конечно, — сверкнула та очаровательной улыбкой. — Исключительно на своей.

Явились Краса под ручку с Зорькой, прилично одетые. Захлопали недоуменно глазами:

— А что тут был за шум?..

На этот простой, в сущности, но одновременно столь сложный вопрос никто не захотел отвечать. Варя просто не решилась. Мстислада не посчитала нужным что-то говорить, словно ее улыбка всё объясняла без лишних слов.

А Чара неожиданно залилась стыдливым румянцем, выхватила из вазочки конфету, нервно развернула фантик — и запихнула за щеку, надувшись, точно вновь стала бессловесной крольчихой.

Так она и молчала до вечера, замкнувшись в задумчивости.

И, видимо, слишком громко думала — чем в конце концов взбесила Милонегу, закричавшего:

— Всё, устал я от вашего Злата! Надоел!!!

С воплем раздражения вольнопольский эксцентричный королевич убежал из дома. Впрочем, отсутствовал недолго. Вернулся, набрав полную запазуху спелых тыкво-яблок.

— Пошли в театр? — попросил он у сестры, смачно грызя сочный плод.

Краса усмехнулась, отложила готовку ужина, вымыла руки:

— Почему бы нет!

С собой пригласили всех, даже послали Зима за Зореславой и Мстиславой — благо Чаруша долго злиться не умела и княжну за пикантную ловушку великодушно простила.

В Дивогорск отправились порталом, открывшимся прямо в королевскую ложу.

Милонегу ждало разочарование — его знакомый тенор нынче в постановке не участвовал. Остальные же актеры заметили, что центральная ложа не пуста, и потому играли с особым воодушевлением. Поэтому тыкво-яблоки просто сгрызли всей компанией. (Огрызки же Неж попросил складывать на носовой платочек — и затем всю кучку отослал тенору в личную гримерку вместо букета-визитки).

— Почему вы не выгнали этого певца, если Неж его так не любит? — шепотом удивилась Варя.

— Почему не любит? Очень любит! Закидывать его во время арий чем-нибудь ярким и липким. У братца театр вроде тира — обожает приходить сюда, когда сильно разозлится. А наш прима-тенор — он хоть и дурак, но поет изумительно! Жаль, сегодня не послушали. Особенно, паршивец, хорош, когда исполняет трагические партии — ни одной фальшивой ноты, несмотря на обстрел! Но ты успеешь оценить — Снежка грозился, что выпишет его петь к вам на свадьбу.

Выяснилось, что оперный театр всегда принадлежал королевской семье, ведя происхождение от придворной труппы, и в свою очередь дядюшки отписали его в собственность Яснолики в качестве подарка на день совершеннолетия. С тех пор она лично следит за репертуаром и время от времени заявляется с ревизией в бухгалтерию, ведь на доходы от спектаклей содержит как сам театр, так свой любимый охотничий домик и соседствующий с ним полк паучьей кавалерии.

В антракте Милонег и Зорька сбегали в буфет — от тыкво-яблок всем дружно захотелось пить — и кроме кувшина с лимонадом прихватили оттуда смущенную младшую буфетчицу с тележкой, полной разных вкусовностей. Краса немедленно разворчалась, что, раз она владеет театром, то совсем не обязательно грабить буфет, где вся еда идет втридорога против рыночных цен.

— Не ворчи, запишешь на наш счет, — рассмеялись два немолодых джентльмена, заглянувших в ложу вместо убежавшей служанки. Судя по тому, как на ходу они снимали шарфы и плащи, и как суетились за их спинами слуги, охранники и секретари, правящие дядюшки только-только прибыли, с трудом оторвавшись от дел.

— Вы опоздали, спектакль давно идет, — заявила Яснолика. Но расцеловать себя в обе щеки позволила без брюзжания.

Оставив свиту за дверью, регент и канцлер скромно пристроились в уголке, предоставив лучшие места гостям, хотя Зим порывался уступить хозяевам свое кресло.

— Ах, сиди спокойно! — отмахнулся на него дядюшка-канцлер с улыбкой. — Снежен, ты же обожаешь оперу — вот и наслаждайся! Это королевская ложа, тут с любого места прекрасно видна сцена.

Обернувшись же к Варе, которая с самого начала села не рядом с женихом, а с краю в тени бархатной портьеры, канцлер по секрету насплетничал тихонько:

— Не знаю, успели ли вы заметить, сударыня, но ваш жених весьма трепетная натура, пусть с первого взгляда по виду и не скажешь.

— Угу, нежен, как снежинка, — поддакнула Краса едва слышно.

— Смотрите, — не повел на племянницу ухом канцлер, продолжал доверительно шушукаться с новой знакомой, — вот сейчас начнется великолепный дуэт... вот! Слышите? А теперь взгляните на Зимослава. Видите?

Он совершенно выпал из бытия, настолько увлечен мелодией и сюжетом.

— И правда, — хихикнула Варя. На мгновение залюбовалась одухотворенным профилем. — Так переживает! А я, признаться, с трудом понимаю, о чем речь в пьесе. Да еще, когда поют, совершенно невозможно разобрать слов. Всё-таки я предпочитаю сначала прочитать книгу, по которой поставлен спектакль, иначе чувствую себя очень глупо.

— Я просто слушаю приятную музыку в сносном исполнении, — по-своему поддержал ее регент. — Иногда, очень редко, можно полюбоваться декорациями и костюмами.

— Чем вам не нравятся декорации? — зашипела на дядюшек Краса. — Я лично слежу за оформлением каждой постановки!

— Вот поэтому, — успокаивающе погладил племянницу по руке канцлер, — мы при каждом визите стараемся водить нашего дорогого Зимослава на спектакли. Бедняжка так погружен в дела, что в родном Грозовградске никогда в театр не ходил, хотя там труппа не хуже нашей! Они приезжали весной с гастролями, так что я знаю, о чем говорю.

— Он министерство культуры отдал под начало ее величеству Храниславе, — пояснила Варя.

— Не могу сказать, что он зря это сделал, Буря отлично справляется со своими задачами, — пожал плечами регент, — но себя развлечениями и отдыхом Снежен обделяет напрасно. В его возрасте такая аскеза особенно плохо влияет на характер. Вы, сударыня, как будущая супруга, обязаны взять эту проблему себе на заметку.

Варя проблеяла, что приложит все усилия и не позволит жениху зачахнуть от трудоголизма.

— Ты им лучше расскажи, — перебила ее, вспомнив недавний разговор, Краса, — про то, как в твоём мире мужики себе детей без жен рожают!

Вопль этот, пусть и был выдан шепотом, но получился шокирующе громким. Варе показалось, что королеву услышала половина театра. Чара с Зорькой стыдливо потупились, Мстислада, напротив, любопытно наострила ушки. А Неж и Снежен и не подумали отвлечься от бушующих на сцене страстей.

В общем, пока под душераздирающие арии кто-то кого-то резал стилетом под лунами, нарисованными на холсте декораций, дядюшки заинтригованно выжимали из Вари всё, что ей было известно хотя бы понаслышке об искусственном оплодотворении, о двойной спирали и всяких загадочных митохондриях. Под занавес, взмокшая от усердия, с гудящей головой, она окончательно укрепилась в подозрениях, что, во-первых, выдала сплошную дезинформацию, а во-вторых — что милые дядюшки в свободное от управления королевством время балуются нейролингвистическими пытками и допросами под гипнозом. Очнувшийся от музыкальных грез Зим чрезвычайно удивился усталому виду невесты, робко запросившейся домой.

Перед прощанием Зимослав предупредил дядюшек, чтобы бдительно следили за охраной Ограждающего кристалла. Те же заверили его, что волноваться абсолютно не о чем — камень, привезенный Кудеяром Смуром, они берегут пуще зеницы ока.

Глава 22

Бал во дворце Твердивера удался. В детстве, читая сказки, Варя воображала балы во всей красе — но любая фантазия меркла по сравнению с нынешним вечером. Всё, как положено: наряды, блеск, веселье, вкусные угощения. Огромные великолепные залы в обилии украшены букетами благоуханных цветов, огнями люстр и волшебных фейерверков, рассыпающихся яркими звездными калейдоскопами прямо под золочеными потолками. Музыка не прекращалась ни на миг, задорно звала танцевать. Улыбчивые лакеи ловко лавировали в толпе, разнося на широких подносах полсотни бокалов с разными винами. Кавалеры соревновались в галантности, дамы — в роскоши сверкающих драгоценностей.

То ли Варя начала привыкать к королевскому обществу, то ли всеобщая праздничная атмосфера влилась в кровь, опьянив легкой эйфорией. То ли сказался магнетизм двух лун, нынче сияющих на небе в плотной связке «восьмеркой». Главное — ей всё сегодня нравилось! Даже не слишком удобное платье с тугим корсетом и куполом широченной пышной юбки, в которое ее переодели служанки в покоях Мстислады. Даже не раздражал Радмил, усердно подсовывающий ей и Зорьке сладкие десерты: суфле на серебряной тарелочке, затем мусс в крошечной хрустальной креманке, потом не разбери что еще — и так до бесконечности, пока Варю не позвал танцевать Милонег.

После нескольких домашних уроков хореографии руку она ему подала смело. А лицо прикрыла веером, ибо неприлично ржать, видя в глазах партнера вселенскую тоску. Оставалось надеяться, что танец с нею послужит хорошей разминкой, и вольнопольский королевич накопит в себе силы духа, дабы ангажировать ту, к коей с начала вечера звало сердце. А Зорька помаринуется в досаде, глядишь, перестанет сиять такой нестерпимой идеальной красотой, что аж принцу подступиться боязно.

Кстати о принцах. Карауливший Зорьку Радмил напрасно взором голодного ястреба следил за своей кузиной. Чаруша развлекалась. Как только переоделась в приготовленное портнихами княжны платье — сразу отбилась от дружной компании и закружилась в людском море, выскивая местных знакомых и флиртуя со всеми хоть

сколькото подходящими кавалерами. На Лучедара Злата она и не оглядывалась. Радмил во внезапное охлаждение не верил, безмолвно кипел и ломал голову, какую очередную каверзу замыслила коварная сестрица-соперница.

Злат же вынужденно (ибо не мог же он пригласить пажа!) составлял пару Мстисладе. Та безмятежно улыбалась, танцевала безусловно лучше всех, была, как всегда, королевой бала — и в мыслях перебирала самые ужасные пытки, которым она подвергнет всех вдовушек и барышень, провинциалок и столичных дамочек, нагло отирающихся возле Твердивера. Его величество не подозревал за собой греха и пел соловьем в сём говорливом пестром цветнике.

Яснолика Краса явилась во дворец с опозданием. Отговорившись пустячными проблемами, вольнопольская королева отправила вперед братца с Чарушей и Варей. Сама же воспользовалась услугами Зимослава, которого также задержал неотложный разговор с Будигором.

И вот явилась, произведя фурор.

Милонег нахмурился и вполголоса выругался. Варя в изумлении прыснула хихиканьем под своим веером. Толпа гостей и придворных приглушенно зашумела. Даже музыканты на мгновение осеклись, но тотчас заиграли гимн Вольнополю, правда, в игривой танцевальной интерпретации.

Декольте на Красе довольно смело открывало плечи и верх груди, однако оставалось в рамках принятой моды, если судить по нарядам прочих дам. Просторные рукава и плотно сидящий корсаж также вопросов не вызывали. От пояса расходились цветком и ниспадали каскадом на бедра замысловато собранные буфы — и шлейфом утекали назад, спускаясь до пола.

Вот только под платье королева надела не юбки с подбюбочниками, а брючки. Строгие и одновременно кокетливые, сужающиеся к шиколоткам, сшитые из того же шелка, того же цвета, что и платье. Вместе с туфлями-лодочками ансамбль смотрелся очень мило — на Варин вкус. Естественно, подавляющее большинство присутствующих были шокированы сим эпатажем, и Краса прошла по залу с победным видом. Впрочем, даже родной братец не спешил подойти к ней, дабы нарушить стену молчания.

С другой стороны, это общее замешательство позволило его величеству Благодану Твердиверу вырваться из кольца обхаживающих его дам и барышень — чтобы кинуться с искренним сердечным приветствием к высокородной соседке. Кажется, он так был рад ее видеть, что совершенно не заметил экстравагантного наряда.

Злат тоже отмер. Жестом подозвал пажа — не Радмила, а настоящего, мальчишку-подростка, одного из множества шнырявших по дворцу — и приказал немедленно послать колесницу за Белокрасом Враном.

Между тем к Варе и Милонегу успела неприметно подкрасться Зорька. Застигнутый врасплох Неж не успел толком испугаться, как пришлось вести новую даму танцевать.

— Сударыня, можно вас тоже пригласить на танец? — проворковали у Вари над ухом.

Она обернулась без удивления или испуга, смерила оценивающим взглядом фигуру «незнакомца», прячущего лукаво блестящие золотистые глаза за черной карнавальной полумаской. Оценила таинственный образ: широкополую шляпу, черную, шелковую с искрой запахнутую накидку, из-под которой виднелись лишь высокие ботфорты — и ехидно выдала:

— Простите, милорд, но следующий танец я обещала другому кавалеру!

Полубовалась на недоуменно вытянувшееся под маской лицо, развернулась на каблучках, бойко подошла к Злату, отодвинула Радмилку плечом и без лишних слов потащила принца за собой.

«Незнакомец» в черном проявил настырность. Когда после танца (почти совсем удачного, Варя лишь пару раз не в ту сторону прокрутилась) Злат отвел даму назад и откланялся, поспешив вернуться к мрачному пажу, перед чуть запыхавшейся барышней появился бокал с прохладительным напитком:

— А что насчет следующего танца, сударыня? Его вы тоже обещали кому-то?

— Нет, — с коварной ухмылкой (подсмотренной у Чаруши) заявила Варвара. Добавила с напускным смущением: — Этот танец я не разучивала! Боюсь вам ноги отдавить, милорд.

— Жаль, — вздохнул «незнакомец», — неужели мы с вами так никогда и не станцуем?

— Ну, отчего же, — она сделала вид, будто задумалась, — например, на свадьбе придется. Наверное. У вас ведь тоже есть обычай, чтобы молодожены красовались перед толпой гостей?

— Да, но хотелось бы попробовать хоть разок до этого события.

— Потренироваться? — хихикнула Варя, подойдя до неприличия близко и глядя прямо в глаза.

Под шелковым плащом нашла руку, затянутую в перчатку, крепко сжала пальцы — и смилостивилась, потянула к центру зала.

Манерные менюэты сменились веселыми мелодиями, пришедшими с деревенских праздников и слегка облагороженными придворными композиторами. Под жизнерадостные мотивы всюю отплясывала и разгоряченная золотая молодежь, и господа и дамы постарше тоже не отставали от младшего поколения — ноги сами просили не стоять на месте.

Вот только под всякие галопы и мазурки особо не побеседуешь — только после, переведя дух возле стола с

напитками.

— Как ты меня узнала? Краса так старалась, подыскивала мне костюм!

Варя смешливо хрюкнула — вот надо же спросить, когда она только сунулась носом в бокал! Покосилась на выглядывающий из-под шляпы сиреневый куцый хвостик, взглянула в золотистые глаза, невольно уставилась на бледные губы, которые он сейчас мельком облизнул, ловя капельку лимонада.

— По запаху.

Брякнула, введя кавалера в недоумение, грозящее перейти в смущение и замешательство.

— Не волнуйся! — поспешила она успокоить со смехом. — Друней от тебя не пахнет. Просто твой шампунь, ну, средство для мытья волос — у него другой запах, не как у обычных. Я заметила, в Кукушкин Дол ты притащил свой вместе с халатом.

— Ну извини, — надулся принц-инкогнито. — Я могу только таким пользоваться, от других волосы желтеют, что на морковном тоне смотрится ужасно.

— А как же Милонег справляется с лазурными локонами?

— У него другое снадобье, — буркнул, — а я некоторые ингредиенты не переношу.

— И от некоторых вопросов, вижу, тоже чешешься, — хихикнула Варя, глядя, как он машинально стянул с руки перчатку, чтобы поправить тесный воротничок сюртука-френча.

Заминку в разговоре (довольно дурачком, мысленно покаялась Варя) спасла подошедшая к ним Мстислада:

— О чем воркуете, влюбленные?

Варю снова хрюкнула в бокал, брызнув лимонадом на жениха.

— А ты его как опознала? — спросила она у княжны, ткнув пальцем в суженого. — Он же в маске явился, понимаешь? В маске!

Зимослав сурово зыркнул из-под шляпы, и Варя замерла, замороженная красотой ресниц. Не отрывая взгляда, машинально допила свой лимонад и причмокнула кусочком льда, скатившимся на язык со дна бокала.

Между тем Мстислада махнула рукой на их предбрачные игры и принялась жаловаться Зимославу на некую особу, не так давно объявившуюся во дворце.

— Графиня Шафран из северных земель Синегорья, — с презрением выплюнула она. — Якобы пребывает в Златограде с личным визитом, но поспешила явиться ко двору, дабы засвидетельствовать ее высочеству Зореславе-Сияне свое нижайшее почтение. Зореславе и двух слов не сказала, сама же при каждой возможности увивается вокруг Твердивера!

Зим с подозрением взглянул на указанную особу. Издалека та на вид ничем не отличалась от прочих кумушек, квохчущих вокруг вдовствующего короля.

— Не могу сказать, что я помню каждого своего подданного в лицо, — произнес он, — однако много кто захотел бы воспользоваться тем, что наша принцесса известная домоседка с узким кругом знакомств. Знаю одно: лорд Шафран — склочный старик почтенных лет, похоронивший трех жен, но на четвертую совершенно точно не решившийся. И у него нет дочерей или невесток, даже любовниц, кто посмел бы назваться...

Он рассеянно умолк на полуслове. И кивнул кому-то, поймав взгляд в толпе. Коротко извинившись перед княжной, взял Варю под локоть и повел неспешным шагом к выходу в смежный зал, значительно меньший по размеру, обставленный удобными диванами и креслами — здесь гости почтенного возраста развлекались, проводя вечер за настольными играми и спокойными долгими разговорами.

Возле окна их уже ждали.

— Венцемир? — удивилась Варя. — Ты тоже приглашен? Почему сразу не подошел поздороваться?

Капитан королевских рыцарей Синегорья расцвел солнечной улыбкой и отвесил своей будущей королеве поклон:

— Разве я мог пропустить бал в честь ее высочества нашей Зорюшки!

Зимослав же на пустые любезности время тратить был не намерен. Мрачно спросил:

— Раз ты здесь, значит... — и остановился, многозначительно не договорив.

— Вполне вероятно, — кивнул Венцемир, продолжая лучиться и сиять.

— Нужна помощь? — уточнил Зим.

— Не волнуйся, ниточки в надежных руках. Здешний командир дворцовой стражи дельный парень и своих людей натаскал отлично. Просто постой в сторонке, как и я.

— Хорошо, постою, — согласился Снежен. — Понаблюдаю.

— Надеюсь, смотреть будет не на что, — ухмыльнулся в ответ Хвощ. — Тайная стража хороша, когда ее никто не видит.

— Ой! — сообразила Варя.

Оба обернулись к ней, напряженные, готовые чуть что творить силовые щиты и хвататься за припрятанное под праздничными камзолами оружие.

— Простите, — повинулась она. — Я просто вспомнила, почему один паж, что крутился возле его величества, мне показался знакомым. Он и его приятель явились на отбор невест для Злата, переодетые девушками, вы представляете! Значит, не зря Радмил с Чуролютом послали их к капитану стражи устраиваться на службу — вышла от оборотов польза.

Парни глубокомысленно кивнули.

Зим повернулся к Венцемиру:

— Вели присмотреть за некоей графиней Шафран. Полагаю, мошеннице недолго осталось строить Твердиверу глазки — Мстислада готова ее собственными руками удушить.

Варя снова ахнула тихонько. Уточнила у поглядевших свысока кавалеров:

— А магам же нельзя убивать?

— Можно удушить слегка, не насмерть, — любезно пояснил Венцемир. — А дальше уж пойдет так, как Великая Мать рассудит — если предупрежденный раскается...

— А ваша графиня Шафран! — перебила его рассуждения Варя, прикрыв рот ладошкой, словно это поможет не прихрюкивать от смеха, — эта графиня, простите, никакая не дама! И не то чтобы мошенница — это второй обормот, приятель пажа. Они его величество пасут вдвоем, то есть, присматривают — наверняка по приказу своего начальника.

Венцемир чуток обиделся, что его посвятили не во все тонкости операции.

— Благодарю, сударыня, возможно, вы спасли меня от неловкого недоразумения.

Варя счастливо зарделась.

Вернулись в бальный зал не вместе — Венцемир ускользнул первым. Только его всё равно заметили. Зорька опознала даже со спины, окликнула, похвалила за преданность, списав его появление на свой счет — мол, покоя не знает, охраняет ее на чужбине неусыпно — и приказала немедленно пригласить ее на танец. От оказанной чести рыцарь засиял так, что люстры померкли.

В другом конце зала тоже было не скучно: явился Белокрас Вран собственной персоной. Даже слегка принарядился в элегантный строгий костюм с ярким галстуком — всё-таки во дворец к королю вызвали. Судя по хмурому подозрительному взгляду, его не предупредили, зачем именно он срочно здесь понадобился — от приглашения на бал он заранее отбрехался правдами и неправдами, а вот на прямой приказ не скажешь «нет, спасибо». Огромным сюрпризом для ювелира оказалось присутствие вольнопольской королевы. Завидев ее издали, окруженную толпой поклонников, он почему-то резко помрачнел — и попытался незаметно улизнуть. Вот только Злат не позволил — поймал и удерживал за локоток, любезно заговаривая зубы, пока Яснолика не обратила на них внимания.

У ее высочества лицо осветилось неподдельным счастьем, от радости негданной встречи дух перехватило, аж грудь в низком вырезе заколыхалась от взволнованного дыхания. Она немедля и без сожаления плюнула на весь рой ухажеров, среди которых были экземпляр и покрасивее Врана, и побогаче, и родовитей, — и поспешила приветствовать старого друга. Тот же, увидав спешащую к ним Красу во всей красе да в брюках — скис, будто вместо вина Лучедар подсунул ему лимонного сока с уксусом.

— Так вот что это были за намеки! — возликовала Варя от запоздало осенившей догадки. — А я-то спяну тогда не поняла, о каких-таких чудосочных ювелирах она мечтает!

Подошедший к ним Милонег угукнул:

— Пока Зим воображал себя влюбленным в сестрицу, она тайком от него бегала за его нянькой.

Зимослав на напраслину вяло возмутился:

— Ничего не в тайне! Поначалу она стеснялась посвящать меня в свои личные дела, но после моего предложения и ее отказа я обо всем узнал.

— Раз давно знаешь, почему их не свел?

— Не умею. Вот Зорька подросла — она пусть сводит.

К компании наконец-то соизволила присоединиться натанцевавшаяся вволю Чаруша. Варя слегка напряглась — у приятельницы снова горели глаза, выдавая вспышку шальной страсти, временами равной одержимости. Хотя Злата поблизости не наблюдалось.

— Кто это? Ты его знаешь? — зашептала она, повиснув у Вари на левом плече и ткнув пальчиком в сторону продолжавших танцевать Венцемира и Зореславы. Ревниво засопела: — Неужто жених Зорькин объявился? Чего она с ним шушукается? Вон как за ручку ее держит!

Зимослав, прекрасно слышавший ее заполошное шипение, только хмыкнул.

— Да нет, ты что, какой жених! — заверила Варя. — Зорька его сто раз при мне посылала на хутор бабочек ловить. В Жуковом Улье у нее другой парень был на примете.

— Кто? — положил ей руку на правое плечо Милонег.

— Ой, а кто это тут у нас такой суровый? — ехидно протянула Чаруша, взмахнув ресницами на бывшего

Поклонника.

— Ой, Неж, не бери в голову! — спохватилась Варя, натужно захихикала. — Тихун от нашей Зорьки скрывался, насколько позволяла территория поместья. Да и не нравится он ей по-настоящему — она просто любит слушать, как он на дудочке играет по ночам.

— На свирели, — педантично поправил Зимослав, глядя в сторону, будто он рядом с ними не стоит и совсем не слушает.

— Неужто всерьез воспылил чувствами? — ехидно накинулась на Нежа чародейка.

— Тебе-то что за дело? — нахмурился тот. — Я сколько лет назад обещал тебя взять замуж?

— Много, уж не вспомню точно.

— Зато я помню: тогда ты согласилась!

— А потом сто тысяч раз передумала, — парировала Чара. — И посылала тебя... — оглянулась на Варю за подсказкой: — Как ты там сказала?

— На хутор.

— Вот-вот! — торжественно объявила чародейка. — А ты услышал только на сто тысяч первый раз.

— Пойду посмотрю, не нужно ли спасти Врана от Красы, — деловито кивнул Вару Зимослав.

— Угу, — пискнула она, брошенная на растерзание неадекватной парочке.

— Итак, — настаивала Чара, — быстро отвечайте: что за статный красавец подле Зорюшки?

— Да свой он — глава банды безопасности у Зима, — протараторила Варя.

— Капитан королевский рыцарей, — поправил Милонег.

— Неж, вы знакомы? — уточнила Варя.

— Были представлены друг другу.

— А меня почему не представил?! — возмутилась Чара.

— Тебе было не до него.

— А-а... — протянула она, частично признавая его правоту. Мигом растеряла боевой запал, закручинилась с долей кокетства: — Ах, брось. Не хочу даже слышать о прошлых ошибках. Я разочаровалась в Злате.

— Почему вдруг? — не сдержала любопытство Варя.

— Ну... — опустила та ресницы.

— Ты же простила Мстисладу за ее неприличную ловушку, так почему на него рассердилась? — ворчливо, но справедливо заметил Неж.

— Да мне его убить хотелось тогда! — снова вспыхнула чародейка, но уже совсем иной страстью.

— Но он же был не виноват! — горячо вступилась Варя.

— Еще как виноват! — упорствовала Чара. Трагично обняла себя за плечи, поежилась, вспомнив роковой момент. — Он отвернулся от меня с такой перекошенной физиономией, будто я какая-то страшная старуха и отныне стану ему сниться в худших кошмарах!

— То есть ты тогда взорвалась не потому, что он тебя застучал в неглиже, — изумленно сопоставила Варя, — а потому что, получив шанс лицезреть тебя без покровов, он не замер с отвисшей челюстью, в восхищении пожирая тебя глазами? Ты на это обиделась?!

Милонег фыркнул. Чара оскорблено промолчала.

— Что-что? — раздался ядовито-вежливый голос, будто гром среди ясного неба. — Повторите, пожалуйста, что именно между вами случилось? Мне показалось или я ослышался?

Варя подняла глаза — и укорила себя за неосторожность. Прямо перед ними стоял, скрестив руки на груди, Радмил. Бледный от бешенства.

А дальше произошла просто катастрофа, иначе и не скажешь.

Радмил вцепился в Чарушу, та отчаянно отбивалась — сперва в словесном плане, потом и в прямом смысле драку затеяли. Разнять сей клубок ярости у Вари не вышло, а больше никто и не посмел приблизиться, даже прибежавший на шум Злат не рискнул сунуться под горячую руку.

В один момент, воинственно взвизгнув, Чара сдернула с головы противника бархатный берет, и длинные русые волосы рассыпались по плечам. В отместку Милка сорвал с соперницы юбку, явив атласные панталончики-фонарики, открывающие коленки и чулочки с бантиками-подвязками...

Милонег долго это безобразие вытерпеть не смог — родственные разборки заставили его перенервничать, что вызвало приступ головной боли, и даже подлетевшая Зореслава не спасла его от срыва.

Зарычав по-звериному страшно, он выпустил круговую волну сырой разрушающей энергии, рвущей звенья гармонии даже в самых крепко сплетенных заклинаниях.

В бальном зале сразу стало тихо — потому что музыка оказалась усиленной чарами. Как и свет потускневших люстр. Разумеется, волшебные фейерверки под потолком тоже потухли. Рассыпались заклатья консервации на цветочных букетах и гирляндах, нежные лепестки осыпались трухой, благоухание сменилось легким веянием

тлена...

С Радмила спала личина, державшаяся на силе амулетов... Ну, как «личина» — всего лишь стерлись неуловимые приметы внешности, благодаря которым красивого юношу можно на взгляд отличить от симпатичной девушки. В целом же что лицо, что фигура бывшего пажа не сильно изменились.

К слову, преобразению мало кто удивился — не в курсе сей тайны были разве только гости из провинции, совсем далекие от дворцовых интриг.

Злат порывисто обнял свою настоящую любовь. И, онемевшую от смущения, страстно поцеловал, не стесняясь всеобщего внимания. Наоборот — как будто опьянел от нежданно свалившейся на него свободы публично признаться в чувствах.

— Это они ее от проклятия Грозоврата прятали, — усмехнулся Зимослав. Варя и не заметила, когда он вернулся к ней и встал сзади, готовый защищать от любой опасности.

— Да знаю я, — улыбнулась она. — Когда я эту сладкую парочку ко мне в гости водила, ну, в мой мир, в зоопарк — еще тогда на фотках проявилась истинная внешность Милки. Правда, я и до того догадывалась. Представляю, как тяжело ей теперь придется — надо будет заново привыкать к женским платьям после штанов!

— Ну, — протянул Зим, — может, и не очень тяжело. Не зря же Краса с твоей легкой руки задала моду на панталоны. А Чара, вон, поддержала — смотри, как ей идет!

— А чего это опять я крайняя оказалась и во всем виноватая?! — притворно возмутилась Варя.

Только поскандальить ей не дали. На другом конце зала раздался истошный женский визг, к которому тотчас присоединился целый хор голосов. Затем к крикам добавился подозрительный шум...

— Эх, не вышло тихо, — посетовал Венцемир с досадой. — Ну, такое тоже случается, что ж поделать.

Как позже выяснилось, Твердивера самоотверженно прикрыл собой помощник капитана тайной дворцовой стражи, тот самый, что изображал графиню Шафран. И чудом парень остался жив, приняв на защитный амулет удар замораживающей магии. Кричали же фрейлины и поклонницы короля. Как тут не закричать, если одна дама из их числа мгновенно превращается в наряженного белогорца. Вернее — белогорскую шпионку. Та же, осознав, что ее тайну раскрыли, машинально швырнула в короля пучок острых, как бритва, льдинок, а сама вознамерилась сквозь землю провалиться в буквальном смысле слова, для чего расплавил пол под ногами, разинув зияющую дыру для побега. Однако не рассчитала с диаметром, застряла пышными юбками и оказалась схвачена подоспевшей стражей.

— Как же так... Я же знала баронессу столько лет... — клацая зубами о стакан с водой, потом вопрошала растерянная Мстислада. — Выходит, она всё это время была не она? Или бедняжку убили и подменили?

— Зачем подменять, — сочувствующе вздохнул Зимослав, — это просто была личина, почти как у Радмилы. Только наши маги заклятья белогорских шаманов почуять не могут. Даже я. Поэтому и распознать обман было совершенно невозможно.

Варя очень сочувствовала княжне. Как ни посмотри, это всё-таки огромное потрясение — узнать, что давняя подруга твоей матери совсем не та, за кого себя выдает, за кого ты ее принимаешь.

— С другой стороны, если так долго и тесно общаться — никакая личина не поможет скрыть настоящий характер и симпатии. Вы знали ту самую баронессу, какой она и была. Подумаешь, не видели каких-то черт ее внешности! Так мы же все пользуемся косметикой и голыми тоже не ходим, так что все что-то прячем друг от друга... — подумала она вслух, не замечая, как усталились на нее все члены их дружной компании, собравшиеся после спешно закруглившегося бала в покоях Злата. — И мне кажется, лед она в Твердивера швырнула не всерьез, а для отвлечения внимания. За столько лет у нее была куча возможностей ему навредить.

Хотя, конечно, Варя рассуждениями больше саму себя пыталась успокоить.

Действительно, оказалось, что белогорцы от людей сильно отличаются. Впервые Варя смогла рассмотреть одного из них так близко, почти на расстоянии вытянутой руки (стычка с «ниндзей» в лесу под Жуковым Ульем не в счет, там было не до разглядывания и вообще слишком страшно).

Стража вывела бывшую баронессу из зала, буквально спеленутую заклятьями подчинения, которые умело наложили рыцари Венцемира. Хвост стоял рядом и расстроено бубнил, что им не хватило всего нескольких дней, чтобы вычислить шпионку и взять ее без шума — под подозрением оставались четыре почтенные фрейлины, малейшая ошибка грозила обернуться грандиозным скандалом...

Белогорка оказалась очень красива. Неземной непривычной гармонией тонких черт. Белая кожа отливала синевой из-за волнения. Волосы были убраны в тяжелые косы и заколоты на голове драгоценными шпильками. Голову на длинной, очень долгой по сравнению с человеческой шее она держала гордо. Узкая спина оставалась неестественно прямой. Статные дворцовые стражники доставали преобразенной баронессе до плеча, такой рослой она была без личины. Она шла сквозь пораженную тихую толпу через зал к выходу с опущенным взглядом. Глаза ее оказались огромными и выразительными, яркими, как самоцветные камни. На тонких бескровных губах замерла рассеянная недоверчивая улыбка. Варя даже как будто разглядела под верхней губой небольшие клыки.

«Утонченная помесь инопланетян и гоблинов», — мысленно окрестила она загадочную расу.

Обширная библиотека в Кукушкином Доле идеально подходила для уединенных размышлений. Если только никто не мешал.

Краса вошла с ехидной миной. Эту особую улыбку, играющую на сжатых губах, Зим прекрасно знал. И молча уткнулся обратно в выбранную книгу, ибо в данный момент от него очевидно требовалось не говорить, а только слушать.

Яснолика уселась рядом на диван, хотя всегда садилась в кресло напротив. Разгладила на коленях юбку. Счастливо вздохнула. Тихонько хмыкнула. Нарочито пристально уставилась на него, в нетерпении ожидая, когда же он поднимет на нее глаза. Зимослав долго томить не стал.

Краса, торжествуя, объявила:

— Ты ревновал!

Зимослав недоуменно взмахнул ресницами. Не припомнил за собой ничего подобного и вернулся к книге.

— Не изображай невинность! Ты знаешь, о чем я. Когда твоя ненаглядная Клюковка танцевала с Нежкой — ты ревновал!

Зимослав хмыкнул, отмечая нелепое обвинение.

— Во время их уроков ты злился! — не отступала подруга. — Ты думал, будто никто не видит. А я-то видела, что ты думал, почему это она не попросила тебя научить ее танцевать. Но это ладно — это понятная досада. Но на балу! Я видела твое лицо, когда ты смотрел на них. Ты ревновал.

— Я был в маске, — справедливости ради напомнил он.

— Ах, брось! — отмахнулась она, рассмеялась. — Такую ревность полумаской не прикроешь.

— И в шляпе. С широкими полями, — добавил Зим, невозмутимо переворачивая страницу.

Краса просто отняла у него книжку. Придвинулась ближе. Снова поймала его взгляд:

— Ты влюбился в свою невесту. Угораздило!

— Хм... Ты думаешь?

— Мои поздравления, — кивнула она.

Зимослав вздохнул: будто мало у него забот... Честно покопался в себе, пытаясь отыскать эту самую любовь. Но внутри, в душе и на сердце, всё было, вроде бы, без изменений.

— Да нет, ерунда. — Он потянулся за отобранной книгой. — Тебе хочется так думать, потому что ты сама без ума от Белокрыса. Кстати, ты с ним поговорила?

— Нет, он сбежал опять. Ведь он же стал еще старше, чем был семь лет назад... Не пытайся меня сбить с толку! Речь сейчас о тебе. О вас двоих!

— А что о нас? — насутился Зим, отвел взгляд в сторону. — Всё в порядке. Она будет моей женой, поэтому мы подружились.

— У-у!.. — Краса взяла его пальчиками на подбородок и развернула обратно лицом к себе, заглянула в глаза. Улыбнулась. — Ледышка начала таять, ледышке боязно меняться.

— Просто мы... я... — Он опустил ресницы. Признался тихо: — Она подарила мне себя. Естественно, что после этого я стал считать ее своей.

— Ты не принял бы ее подарок, если бы она тебе не нравилась, — ухмыльнулась Краса. — Не раньше свадьбы и не с такой охотой! И не нужно смущаться — ты влюбился, не упрямься и не отрицай. Смирись! И прими к сведению.

— Возможно, это ответная реакция: она определенно питает на мой счет романтические иллюзии, поэтому, заряжая своей энергией мои накопители...

Краса поглядела на него с таким умилением, что бледные щеки вспыхнули небывалым румянцем.

— Какой ты милый! — потрепала она его по щеке, будто котенка цуцика. — И почему я выбрала противного упрямого Врана, а не тебя?

— Из вредности, — пробормотал он, ощущая себя крайне растерянно.

— Не бойся, Снежок. Всё у вас заладится. Вот тебе мой благословляющий поцелуй!

— Не надо...

Но пугливой просьбой Красу разве остановишь. Вытянув губы трубочкой, она обхватила его голову обеими руками и пригнула к себе. И, усмехнувшись на то, как он крепко зажмурился, предчувствуя подлое нападение — от души чмокнула в кончик носа.

— Будь счастлив и не чихай!

Отпущенный на свободу, Зим торопливо отодвинулся на самый конец дивана. Покосился застенчиво, не зная, как подобрать слова для разбегающихся мыслей:

— Погоди, но если...

Краса остановила его — заслышав приближающиеся легкие шаги, подняла вверх пальчик:

— А вот и твоя ягодка! Немедленно прекрати так мило смущаться, а то она заметит, неправильно поймет — и тогда точно мне оторвет косу. Я видела эти ее кровожадные взгляды, она давно примеривается.

Против воли Зим вспыхнул еще ярче. На невесту, переступившую порог библиотеки, взглянул мельком, потушился, покусывая губы.

— Простите, что мешаю!..

Влетевшая в светлую просторную комнату Варя резко остановилась, точно наткнулась на стеклянную стену. Краса наградила ее насмешливой улыбкой. Зимослав же... Варя сглотнула — она никогда прежде не видела жениха в подобном замешательстве.

Однако она мигом взяла себя в руки, заставила себя не таращиться. С трудом, но вспомнила, зачем пришла:

— Зим, сейчас Венцемир звонил... то есть, не звонил, а... В общем, он жалуется, что почему-то не может связаться с тобой. А ему срочно надо тебе что-то передать.

— Спасибо, я знаю, — кивнул Снежен, стараясь не смотреть невесте в глаза. Поднялся с места, направился к выходу, сетуя: — Будто две минуты не может подождать, пока я отвечу!..

Варя помедлила на пороге, прежде чем последовать за ним. Буркнула безмятежно улыбающейся королевне:

— Извини.

— Пустяки, — отозвалась та. — Мы всего лишь болтали о всякой ерунде, секретничали про дела сердечные... О, небо! Как же вы похожи, когда дуетесь! Просто прелесть!

Она весело рассмеялась, а Варя шутку не поняла и не оценила. Вздернув нос, унеслась, стуча каблучками.

Сначала Венцемир «порадовал» сообщением, что в Белых Горах снова собирают войска — на сей раз их поведет лично сама королева. К приграничным землям подошло внушительное подкрепление из-за дальнего западного хребта. Причем большую часть армии составляет крылатая кавалерия сайгаков, так что ударить они могут без преувеличения со дня на день.

Сразу после его доклада объявился и Будигор — с горячими вестями из летней резиденции Храниславы. Им там удалось поймать гадалку, морочившую голову придворным дамам. Ее величество безукоризненно исполнила роль наивной жертвы, следуя инструкциям, выданным ей премьер-министром, (к тому же немало помог и самоотверженный новенький паж), поэтому ловушка сработала чисто.

— Дай угадаю! — перебила Варя. — Таинственная особа оказалась белогорской национальности.

— Совершенно верно, — отозвался невозмутимый замказначая.

— И подобралась к королеве, чтобы заполучить Ограждающий Камень, — продолжала она дедукцию, — а то собственными силами оный не нашла. И правильно, что не нашла, ибо его нет.

— Взятая под стражу шпионка уверяет, будто успела отравить ее величество, — объявил Будигор. — Обещает обменять противоядие на Камень.

— Ох... — замерла Варя.

— И сколько дала нам времени? — уточнил Зимослав.

— Щедро отмерила: две недели.

— Давно ожидал чего-то подобного, — со вздохом признался Зим, — с тех пор, как матушка пристрастилась к ночным собраниям. Ее осмотрел лекарь, которого приставил к ней Венцемир?

— Разумеется. Тщательные проверки дважды в день без ведома ее величества. Никакого яда не выявил, никаких изменений в органах, она совершенно здорова.

— Хорошо, но... скверно. Нельзя исключать вероятность, что использовано неизвестное нам вещество. Или шаманские чары, которые сработают только в конце срока, так что с нею может случиться что угодно.

— Или они лишь морочат нам голову, — вставила Краса.

— Или так, — согласился Зимослав. — Думаю, в любом случае они развяжут войну раньше, чем истекут эти две недели.

Потом на связь вышел Алояс: Камень, находившийся в Златограде, похитили. Ему вторил дядя Яснолики — кристалл, защищавший Вольнополье, тоже украли, обойдя охрану, усиленную после предостережения Зима.

Варю и так потряхивало от нервов из-за случайно подсмотренной в библиотеке сцены — хотя мысленно она себя изо всех сил убеждала, что ничего такого там не было, мало ли о чем эти двое могли разговаривать, Красе только дай волю — кого хочешь засмущает! И вовсе не обязательно для этого целоваться... Ну вот зачем она подумала о поцелуях?! Услужливое воображение тотчас нарисовало, как соперница прямо на том диванчике совращает чужого почти-уже-мужа!.. От этого Варю еще хуже заколотило... Теперь и новости добавили переживаний! Аж захотелось малодушно упасть в обморок для перезагрузки мозга. Останавливал лишь вид деловито собранной Яснолики — при ней проявить слабость было бы стыдно. И не потому, что соперница, а потому, что королева-то свои нервы закалила давным-давно, в совершенно адских условиях...

— Я возвращаюсь в Жуков Улей, оттуда сразу в Грозовградск, соберу кабинет министров, — сообщил Зимослав.

Вопросительно оглянулся на Варю, вдруг та от испуга решил спрятаться здесь под крылом Красы. Вместо ответа она взяла его под руку. Охнула:

— Друню-то надо тоже забрать! И Финика сейчас кликну...

— Если не возражаешь, мы присоединимся к вам, — сказала Краса.

Протянула руку Милонегу, и тот без возражений сжал ее ладонь, готовый открывать портал хоть сию минуту. Чаруша, помалкивавшая всё это время в уголке, тоже подошла и с воинственным видом встала плечом к плечу с подругой.

— Благодарю, — кивнул Зим. — Но пока в этом нет необходимости.

— Обещай, что позовешь нас, — потребовала Краса. — Твой отец пришел к нам на помощь, не дожидаясь обращения послов. Я не останусь в долгу. Учти — приду, когда посчитаю нужным, и приведу армию скорпионов.

— Учту, — бледно улыбнулся Снежен. — Но всё-таки подожди немного, я хоть со своими министрами посоветуюсь для начала.

Друню отпустили возле дверей в башню, Финик тоже мгновенно удрал по своим кроличьим делам. Притихшая Варя ожидала, что Зим сразу шагнет в следующий портал, чтобы перенестись в столицу. Но тот направился к дворцовой пристройке. И Варя поспешила за ним.

— Пока время терпит, хочу посмотреть на бывшую баронессу, — ответил он на невысказанный вопрос. — Заодно Зорьку проведу, успокою. Врану и Чуролоту пожалуюсь, может, чего дельного придумаем.

— А я домой хотела заскочить ненадолго, — в свою очередь сказала Варя, поспевая за широким шагом. — Смартфон давно пора зарядить. Ну, и вообще долго не была у себя...

Как истинный джентльмен Зим пропустил ее к арочной колонне первой.

Постоял рядом, посмотрел, как она неловко топчется «на пороге» портала.

— Что-то не так? — не выдержал, спросил после очередной ее тщетной попытки протаранить лбом неподдающийся камень.

— Не понимаю, не выходит почему-то...

Снежен подошел, удостоверился, нахмурился:

— Действительно... Прохода нет. Я ощущаю остатки своих чар, но твои растворились.

— Что? Как? — пискнула Варя. — И что мне теперь делать?

— Во-первых, не переживать. Тебе очень срочно нужно попасть домой?

— Ну, не то чтобы прямо приспичило, но хотелось бы!

— Думаю, это всего лишь небольшие помехи, — заявил Зим, глядя ей в глаза ну уж слишком честно.

— Угу, как в телевизоре, — буркнула Варя, мысленно уговаривая себя не поддаваться панике. — Возмущение эфира, магнитные бури!

— Двойное плетение чар — это тонкая конструкция, — продолжал успокоительно рассуждать Зим. — Может быть множество причин для неполадок. Ты меняешься постоянно, и это естественно. Твоя аура всё больше подстраивается под наш мир, усваивая магическую энергию всё эффективнее. Венцемир даже утверждает, будто ты производишь настолько сильные вибрации на энергетическом уровне, что заменила нам Ограждающий Камень! Ты, наверное, и сама уже заметила, что у нас давно не случалось разрывов пространства. Огнелар изумляется такой тишине, а я молча наслаждался этим отдыхом, боясь сказать вслух, чтобы не сплзнуть. — Он смущенно коротко хихикнул.

— И что это значит? — насупилась Варя, не спеша разделять его напускную уверенность.

— Это значит, что неосознанно сплетенные тобой чары просто нужно обновить, но уже сознательно и по всей науке. Точка соприкосновения между двумя мирами — крайне деликатная область для воздействия. Просто чудо, что у тебя случайно, без знаний и навыков, без ориентиров и целей, получилось столь гармонично создать портал и так долго его удерживать в открытом виде, не прилагая особых усилий...

— Вдруг я не смогу? Что, если мой мир отказался от меня? — перебила она.

— Тоже может быть... но вряд ли! — торопливо заверил Зим.

— То есть, я, как волшебный магнит, поменяла полюса? — подытожила она всё вышесказанное для понимания. — Прижилась тут у вас, ассимилировалась. И теперь могу лучше колдовать. Но так как я давно не была дома — меня оттуда вычеркнули, как инородное тело, поменявшее гражданство... поэтому не пускают обратно!

— Не волнуйся! Пожалуйста! Всё наладится, просто поверь. Я привязал твой портал к своему, поэтому проход никуда не денется при любом раскладе. То, что теперь не работает связка, — он для пущей понятности постучал по каменной арке колонны, — это вовсе не значит, что твой портал закрылся. Скорей всего просто наши энергии слегка не в ладу. Временно! Давай я проведу тебя в Златоград? Ты пройдешь домой через изначальную точку

прохода, удостоверись, что всё нормально, и успокойся на этом. Если нет — останешься у Чуролюта и Вихря, они научат тебя, как правильно строить порталы. Тем более строить-то не придется — только восстановить по оставшимся следам!

— Нет!!! — Варя суматошно вырвалась, не позволяя взять себя за руку. — Я не готова! Вдруг я не смогу?

— Сможешь, — нахмурился Зимослав.

— А если и на прежнем месте нет выхода? А если никаких следов не осталось? Как тогда я найду путь домой? Останусь тут в чужом мире навсегда? Безвозвратно, как твой потерявшийся отец?!

— Ты не должна бояться! — рявкнул Снежен. — Отец угодил в стихийный разрыв, а это — твоя магия! Там — твой родной мир! Это твои чары, и ты должна сама управлять ими! Никто, кроме тебя самой, в этом помочь тебе не сможет!

Варя отошла на пару шагов, сверкая глазами. Перевела дыхание. Заговорила ровным тоном, словно успокаивать теперь нужно было уже самого Зима:

— Вот поэтому лучше мне отдохнуть. А ты не трать на меня время и иди занимайся делами государственной важности. Тебя все ждут: Хранислава, Зорька, им ты сейчас нужнее. Моя проблема может подождать. Просто дай мне успокоиться, переварить, накопить энергии...

Произнося это, она окинула его таким холодным, оценивающим взглядом, как никогда прежде ни на кого, — тем более на него! — не смотрела. На мгновение у Зима возникло ощущение, будто она его не узнает. Не помнит всего, что было между ними. И эта ее внезапная отчужденность испугала его больше, чем весть об отравлении матери — невольно он отпрянул, будто Варя его ударила наотмашь.

Она же не обратила внимания, отчего широко распахнулись золотистые глаза, отчего он побелел сильнее обычного. Просто несколько секунд в упор разглядывала его, взвешивая что-то в уме. Затем молча развернулась и ушла прочь из зала, оставив в растерянности и легком нервном ознобе.

Впрочем, у него не было права тратить время на личные переживания, особенно теперь, когда дорог был каждый час. Он шагнул в портал, напоминая себе, что страхи и эмоции для правящего принца — это непозволительная роскошь. Ведь как-то справлялся до недавнего времени, жил же без нее...

Но что-то Варя в своей комнате не отдыхало. Она честно полежала на кровати. Попыталась почитать какую-то попавшуюся под руку книжку, но та одной своей глянцево-обложкой напоминала о родном мире и злила неимоверно. Бросив книжку под кровать, с ожесточением набросилась на конфетную записку: шоколад оставила на еще более черный день — мало ли? А вот леденцы, собственноручно сваренные из местной вишни под чутким руководством бабы Веры, сгрызла с хрустом. После чего на ворохе фантиков из тонкой бумаги проверила состояние своего магического дара. Фантики успешно испепелились над умывальником, хлопнув в лицо облаком чернильной сажи — демонстрируя, что силы Варю не покинули.

Чем дальше она думала, тем страшнее делалось. Хотя и понимала, что чем больше нервничает, тем нестабильнее становится ее дар — что сказывается на волшебстве портала в том числе. Она могла бы не тратить время и не мотать себе нервы напрасно, а прямо сейчас вернуться в зал к колонне и в одиночку отправиться в Златоград, благо у Зима-то все заклинания работают исправно. Но прийти на знакомую улочку и узнать, что проход всё-таки закрыт — это было бы слишком страшно. Конечно, уж лучше бегать взад-вперед по комнате в подвешенном состоянии, разрываясь между надеждой и ужасом.

— Это всё из-за Красы! У-у, чтобы ей икалось, чучундре эдакой!

Самым простым объяснением проблемы нестабильности Вариного состояния была бы ревность. Да-да, всё из-за той подозрительной сцены в библиотеке! Отчего Зим смущался? Отчего Яснолика ликовала?! Эти двое развлекались, а у бедной Вари теперь беда и огорчение!

И ведь пожаловаться некому! Зорька осталась в Белозорье под крылом Твердивера. Хотя она, несомненно, встала бы на сторону своего брата. Баба Вера назовет горе-невесту дурой и прогонит полотенцем, как поганую муху. Даже Финик — и тот не ведает, как хозяйке плохо! Шастает где-то и в ус не дует.

— Пойду к Росане! — осенило Варвару.

Для бывшей гувернантки у нее и бутылочка ликера была припасена загодя.

Росана поняла ее состояние с первого взгляда. Пригласила в свой домик, усадила в гостиной за стол, быстро выставила из буфета закуски-печеньки.

— Как понять, готова ли ты променять свою прошлую жизнь на парня? — произнесла Варя тоном Гамлета, когда ликер закончился, на столе появился кувшинчик домашней наливки, и разговор перешел на душевные темы.

— Когда выходишь замуж, то так и делаешь в любом случае, — пожал плечами умудренная разносторонним жизненным опытом женщина. — Оставляешь прежнюю семью, чтобы создать новую. Меняешь общественный статус: была чей-то дочерью, а будешь чей-то женой, затем станешь для кого-то матерью. Уезжаешь следом за

мужем, думаешь о его интересах в первую очередь, потом о детях и их благе, и только в конце ставишь себя.

— У меня целый мир в прошлое канет! В буквальном смысле, — посетовала Варя. Спыхватилась: — Ну... Ты ведь знаешь, что я нездешняя? Совсем-совсем не местная.

— Догадывалась, — усмехнулась Росана.

— Если я останусь здесь без возможности возвращаться, то не увижу родителей, друзей и знакомых, затоскую без любимой музыки, привычной еды, без шоколада, интернета, без родной квартиры, без родного города, без зеленых деревьев...

— А они у вас зеленые?

— Да уж позеленее ваших синюшных! Погоди, сейчас на фотках покажу...

И зарылась в папки на смартфоне.

— Во! Это мы со Златом и Милкой по зоопарку гуляли. Видишь, какие кустики и цветочки! А Злату рыси понравились...

Росана заинтересовалась, принялась увлеченно разглядывать, мигом научившись снимки увеличивать, скользя пальцами по экрану. Вот только на пятом кадре телефон показал фигушки: аккумулятор окончательно сел.

— Вот блин!.. — чуть не заплакала Варя от расстройства. Сразу во всех красках ужаса вспомнилось ощущение бессилия перед каменной колонной, упрямо не пропускающей домой.

— Не реви! — строго шикнула бывшая гувернантка. Что-то неразборчиво бормоча себе под нос, поводила пальцем по боковинке, где были отверстия для штекеров. Объявила: — Вот я его и зарядила! Не сложнее, чем с накопителями.

Варя икнула, вскинулась испуганно: всё-таки на долю старшей собутыльницы пришлось вдвое больше вина, тогда как она сама прихлебывала по мелкому глоточку. Неужели Росана спьянилась настолько, что ей начала мерещиться всякая невозможная ерунда? Не исключено! Если саму Варю уже подмывает поплакать... Она осторожно вытянула смартфон из рук Росаны, впрочем, та с безмятежной улыбкой отдала его без возражений.

Внутренне готовая в любой момент прыгать под стол, прячась от взрыва — задним умом вспомнилось о разрушительном векторе искалеченного магического дара, — Варя боязливо взглянула на показатели. Подозревая худшее, в мыслях уже похоронив верный славный телефончик, прошедший с нею все испытания нынешнего бурного лета, словно талисман, связывавший ее с реалиями прошлой жизни...

— Заряд полный? — не поверила своим глазам. Перевела взгляд на приятельницу: — Сто пятьдесят процентов. Это как?

Росана с хмельной удалью развела руками... и улыбку потушила, крепко задумалась. Тоже запоздало спыхватилась:

— Погоди-ка... Неужели получилось? И я его не сломала?

— Нет.

— Впрямь зарядила?

— Угу.

Обе друг на дружку похлопали глазами.

— Как? — спросила Росана.

— Вот и мне интересно! — воскликнула Варя.

— Я даже не поняла, что делаю, — повинилась та смущенно. — Почувствовала, что в твоём зеркальце словно кончаются жизненные силы — и поддержала своей энергией. Но ведь она у меня... плохая?

— Видать, отлично сошла за электричество, — сделала вывод Варя, довольно сияя.

За это открытие выпили еще по рюмашке.

Но так как обнаружившиеся возможности выглядели слишком сложными и глобальными, ни та, ни другая не захотели пока углубляться в изыскания. Варя пометила вопрос как «государственно важный, но не срочный» и отложила на виртуальную полочку памяти до более подходящей поры.

— А что я буду делать в вашем мире, если через год мы расстанемся? — продолжила она допытывать собутыльницу своей самой главной проблемой. Правда, смартфон снова отдала, чтобы той было не скучно ее выслушивать. — Он же красавец! А я — обычная. Он принц! Я — провинциалка. Я не умею петь и играть на музыкальных инструментах. Ему нравится театр, а я люблю мультики. Мы слишком разные, чтобы прожить жизнь вместе и умереть в один день! Куда я пойду?

— Думаешь, Зимушка тебя выгонит? — уточнила Росана, выразительно выгнув бровь.

— Нет, конечно! — фыркнула Варя, отмечая подобную возможность. — Я сама уйду! И вот кем я тут смогу работать? Только зарядательницей накопителей? Так моя энергия исключительно его высочеству подходит. Раз он себе никого не мог найти, значит, и я никому не буду нужна. Батарейка уникальной конфигурации! А если тут революция случится и аристократию на гильотину отправят? А? Как невеста королевича, демократические корни я не докажу, пропаду за компанию и спасти никого не сумею. А если не аристократию будут резать, а магов?

Страшная ведь это вещь — эпоха смут! Ты сама лучше меня знаешь. И одно дело нырять в ад за человеком, который тебя любит, а совсем другое — если нет уверенности, что тебя не терпят как необходимую досаду, неизбежное малое зло!

— Почему ты думаешь, что грядет эпоха смут?

— Стали бы в мирную пору нападать во время праздников на младшую принцессу?! Вон у меня в шкафу Зимкины разрезанные мундиры лежат, всё руки не доходят заштопать. Сволочи — такую красоту испоганили! На детей героически сгинувшего короля оружие посмели поднять!.. Белый мундир в розовый цвет перекрашу. В оттенок фуксии! Зимке пойдет...

Росана кивала и не перебивала. Щедро дарила возможность выговориться.

Ближе к ночи пришел Зим, уставший и замученный. Росана и ему налила — выпил, сосредоточенно глядя в скатерть.

Варя тянула мелкими глотками остывший чай и сердито зыркала поверх чашки, раз уж он всё равно ни на кого не смотрел. Она решила с ним не разговаривать. Даже если он станет прощения просить — рта не раскроет! Некогда ей! У нее внутри ворочались весы Решения Судьбы: на одной чаше сидел он сам, того не подозревая, на другой — Краса в образе дьяволицы.

С одной стороны, конечно, Варе его было очень жалко. И Храниславу жалко. И Зорьку — очень. И всех остальных. А с другой стороны — вообще нужен ей такой проблемный муж? Ну, королевич. Ну, красивый. Но стоит ли он один — целого мира? Вот разлюбит она его, и нервы у нее сразу успокоятся. Раз в этом мире ничто ее не будет удерживать, тогда ниточка к родному миру упрочится и портал точно окажется открытым. Она вернется домой. И снова останется одна. Родители не в счет, они ее точно отругают, если такого мужа прощяпит. Скажут: «Ну да, будем скучать без тебя. Зато ты обретишь свое личное счастье!» Или, что вероятнее: «Мы тебя вырастили, выкормили, выучили — свой долг исполнили! Так что пусть теперь с тобой муж мается! И чтобы без внуков на глаза нам не показывалась!!!»

А Зимослав Ледомир Снежен... Варя снова окинула суженого строгим оценивающим взглядом. Минусы хладнокровен, аллергичен, с патриархальными замашками, с кучей врагов, вечно занятой, вредная свекровь в комплекте и «бывшая» постоянно маячит на горизонте. Вроде бы ничего не забыла? Точно — занудный! Временами. А плюсы? Уравновешенный, умный, обеспеченный, воспитанный, тактичный, наследственность хорошая. И наследство тоже. Зверюшек любит. Чистюля, сладкоежка... Или последнее нужно в минус определить? Разборчивый слишком и придирчивый, причем не только в еде. Но определенно большой плюс, что в постели страстный... и нежный... и... именно такой, какой ей нужен...

На этом пункте Варя слегка выпала из реальности.

Между тем Зимослав рассказывал Росане — и Варе заодно — самые свежайшие, горячие, если не горящие, новости:

Что оставил он пока Зореславу у Твердивера, хотя сестренка рвалась в Жуков Улей, защищать родину.

Что получил ультиматум от самой белогорской королевы: она-де ждет свидания с ним и с третьим Ограждающим Камнем в такой-то день. Но с чем являться-то? Запасной кристалл делали под руководством Чуролюта и теперь его установили в Златограде взамен украденного. Причем сам же Снежен и настоял на этом — и лично помог настроить сеть чар, на камне завязанных. Ибо не хватало еще для полного «счастья» утонуть трем королевствам в хаосе стихийных пространственных дыр.

Яснолика призналась, что они тоже годы потратили на создание копии кристалла, чтобы вернуть в Синегорье камень, одолженный Кудеяром. И снова Снежен велел кристалл оставить себе и установить в Дивогорске. Переспорил-таки Красу, хоть едва не поругались.

— А как же ты? — тихо спросила Росана.

— Мы тут без камня справились и дальше проживем.

— Но как же твоя мать? Ее жизнь в обмен на камень?

— Как-нибудь разберемся. Да и кто сказал, что обмен будет честным? Она не зря на троне сидела столько лет — сама понимает, сколько жизней на кону поставлено, не одна ее.

Росана хмыкнула:

— Не сомневаюсь, окажись ты сам на ее месте, ты бы даже не заволновался из-за отравы, спокойно умер бы ради своего долга и чести. Но хоть нам не ври, что не боишься лишиться и Храниславы.

— Боюсь, — вздохнул Зим. И опустошил вторую за вечер рюмку сладкой наливки.

— С баронессой-то бывшей удалось поговорить? — встрепелась Варя, забыв о решении дуться всю оставшуюся жизнь.

— Да. Поговорили, — мрачно и несколько растерянно отозвался Снежен.

— Узнал что-нибудь полезное?

— Она... много всего наговорила. Даже не знаю, чему верить, где правда. Пожалуй, мне нужно немного

времени, чтобы всё осмыслить.

И замолчал надолго, погрузившись в тяжкие размышления.

— Поспать тебе нужно, вот что главное! — объявила Росана. — Варя! Забирай и иди укладывай!

Что ж поделать — забрала, повела в башню. И в голову не пришло послушаться, таким строгим тоном был отдан приказ.

В спальне сразу повалила на кровать, не отпустила даже помыться перед сном:

— Заснешь в ванне — я тебя вытащить оттуда не смогу! Простудишься и помрешь от воспаления легких. Или просто утонешь. Утром наведешь марафет, не беда.

А для пущей убедительности села на жениха сверху. И зацеловала, заласкала, чтобы у него все заботы и тревоги из головы выветрились. Так и он уснул в разгаре процесса, сраженный усталостью — и в равной степени изумлением от внезапно возродившейся в невесте страстности.

Варя же спустилась к себе. Пересилила желание остаться до утра под теплым боком, будто саму себя наказала за недавнее сомнение в достоинствах будущего мужа. Да и спать совсем не хотелось. В голове мысли роились, грандиозные планы рождались и отменялись с ошеломительной скоростью.

— Ох, не зря всё это! — рассуждала она, обращаясь к себе самой — и к обнаруженному в кровати дремлющему Финику. — Эти все совпадения неспроста! И я тут очутилась совсем неслучайно. И недаром именно мне выпала эта задача. Не побоюсь сказать громко — великая миссия!

Финик недовольно тявкнул, и дальше размышлять пришлось потише.

Не зря дедуля Грозоврат предчувствовал ее появление в этом мире — и сквозь века привязал к своему внуку под предлогом брачного проклятья, выявив супер-невесту с помощью заранее завещанного отбора. Не зря за ней прямо к порогу шкафа пришел белый кролик, принадлежавший Кудеяру Смуру. И повел ее не куда-нибудь, а прямо к записываться на отбор. Сейчас Варя подозревала, что, если бы они с Зимом не столкнулись на площади, то хитрый Финик довел бы ее до академии и передал бы на руки Чуrolюту. Ну, а магистр уж сумел бы разглядеть ее потенциал и под любым предлогом уговорил бы остаться учиться. Так что в академии со Снеженом она бы встретилась точно. В общем, как ни крути, со своим суженым не разминулась бы.

А если так, то случайно ли ей сейчас не позволяют вернуться в свой мир? Не стоит ли это понимать, как намек свыше? Ее не отпустят, пока она не выполнит свое предназначение!

От такой мысли Варю аж в жар бросило. Пришлось прекратить бегать по комнате и пойти умыться прохладной водичкой, дабы освежить потяжелевшую от дум голову.

Итак, миссия. В чем суть задачи, Варя не сомневалась ни минуты: что может быть важнее, чем разобраться с белогорцами — эта проблема волновала одинаково сильно все три поколения королевской семьи. Раз на протяжении веков лучшие местные маги не сумели укротить досаждающих соседей, придется этим заняться ей. Ведь не зря же она попаданка — тайно призванный высшими силами внесистемный, неконтролируемый, непредсказуемый и неподдающийся логике элемент. Она непременно исполнит возложенный на нее долг! Совершит подвиг, какого от нее никто не ожидает. Тем самым вернет себе право возвращаться домой. А главное:

— Может, конечно, я ошибаюсь. Может, я всё себе напридумывала и никто меня не призывал. Но зато наконец-то Зимка поймет, насколько я круче Красы! И сразу влюбится по уши.

Заранее предвкушая грандиозный триумф, Варя взялась за дело. Окрыленная идеей, она почувствовала небывалый прилив энергии. И решила действовать безотлагательно. К тому же вино, всё еще гуляющее по венам, продолжало дарить согревающую уверенность в своих силах и приятную легкость суждений.

А план действий — долго над ним размышлять не пришлось. Гениальный ход сам собой возник в голове, вдохновляя простотой и изяществом решения.

В Кукушкином Доле Чаруша, помнится, подробно рассказала, как ее угораздило превратиться в дракона. И показала, что с чем смешивала, чтобы получилось обратное зелье. И чуть снова не выпила чудо-коктейль из капризного желания доказать, что изобретенное чародейство действительно работает и она ничего не напугала — только Неж вовремя выхватил из руки чашку с пугающей смесью. Вот теперь-то Варя поняла, зачем она случайно выучила рецепт. И зачем потом выспросила у Милонегга, как ему удастся включить в чары оборота одежду.

Найти ингредиенты в лабораториях и чуланах башни не составило труда — что дед, что внук были очень запасливыми. И ко всему, что касалось колдовства, оба относились с чрезмерным занудством, не забывали тщательно подписывать каждый пузырек и каждый мешочек или коробочку, или фантик с порошком. А за вином — оно тоже входило в состав — пришлось крадучись сбегать в подвал дворцовой пристройки, где баба Вера организовала погребок.

Приготовить зелье оказалось проще, чем сварить пунш.

Пока же оное настаивалось и остывало, Варя вспомнила о самостоятельных алхимических изысканиях. Соорудила боезапас из бомбочек, пожертвовав своими носками: каждый набила песком, смешанным пополам с гремучим порошком собственного изобретения. Причем использовала новую, улучшенную версию — теперь от

удара о землю снаряды должны были не только громко взрываться с облаком плотного дыма, но и ослеплять врагов яркой вспышкой. (К слову, с долго не получавшейся формулой ей опять-таки помогли Чара и Милонег, когда она расписала суть и историю искусства фотографии). Каждый носок она завязала куском шнура от кроссовок, затем собрала в скользящие петли гроздью, чтобы удобно было повесить на драконью шею и по одному отцеплять в полете для бомбардировок.

В общем, затея ее настолько увлекла, что испугаться собственной храбрости и передумать не осталось никакой возможности.

Выпитый залпом «пунш» заново поднял в крови градус будоражащего алкоголя. Искрящийся азарт охватил преобразившееся тело, рассылая мурашки до кончика хвоста.

Она радостно сорвалась с крыши башни и бросила себя навстречу засиявшему рассвету. Покувыркалась в прохладе высокого неба, привыкая к крыльям. И уверенно взяла курс на Белые Горы.

Глава 23

Перед вылетом Варя добросовестно изучила карту Белых Гор в лаборатории погодника — всё равно на крышу только через чердак можно было попасть, вот заодно и поразглядывала, стараясь запомнить выбранный маршрут. Но на холодном ветру, в быстром полете высоко над землей — всё выглядело иначе. И если над Синегорьем она более-менее уверенно ориентировалась, то над широкими, внушительными склонами ближайшей к границе гряды (причем, не самой высокой из всего горного «лабиринта») Варя смешалась, сбилась и заблудилась.

Она думала ориентироваться по сайгачьим войскам противника: по логике, куда маршируют — в той стороне и граница. Однако крылатая кавалерия, казалось, была везде! Небольшие отряды гуськом двигались в совершенно различных направлениях, временами вовсе поднимаясь в воздух, если на пути появлялась, например, скалистая расщелина. Чтобы маршировать-то строем, нужны ровные дороги, а где такие в горах возьмешь?

Но Варя ощущала себя драконом! Потому гнала прочь неуверенность и растерянность — и старательно наводила страх на вражеские войска согласно намеченному плану. С висящей на шее гирлянды боеприпасов срывала когтистыми лапами носки и по одному швыряла вниз, сопровождая бомбардировку душераздирающим раскатистым рычанием. Вообще-то она еще хотела поражать противников не только делом, но и словом: думала вести с воздуха пропаганду, сулить несчастья и пророчить неминуемое поражение, обложить матюгами, в конце концов. Ведь, если верить разведке и слухам, белогорцы драконов чуть ли не боготворили — вдруг бы вняли предупреждениям «свыше» и разошлись бы мирно по своим кланам? Вот только внятных звуков из драконьей пасти не выходило, увы. Огнем дышать, кстати, тоже не получалось, к великому Вариному огорчению. Впрочем, возможно, летописи не соврали, ибо в ответ на хлопущки в нее саму никто не швырял копий, не палили из пушек и даже не кидали камнями. Сайгаки от грохота взрывов шарахались в стороны, белогорцы же пригибались от вспышек — и после задирали головы к небу, сурово провожали дракона пристальными взглядами, ничего не предпринимая, чтобы ее поймать или остановить.

А вскоре носки закончились. Варя еще немного покружила над вражеской территорией, грозно рыча, в уме прикидывая, как бы найти дорогу назад.

И неожиданно для себя влетела в полосу тумана, столбом поднимающегося от земли. Что странно, на немалой скорости влетела, но не прошла за мгновение насквозь, как бывало с небольшими облачками, а застряла в белесой мгле, точно стрекоза, влипшая в кисель! Ей даже крыльями взмахивать стало тяжело — вязкий влажный воздух давил, вынуждая незаметно снижаться, и словно бы лишал сил. Варя пыталась вырваться, швыряла драконье тело зигзагами то в одну сторону, то в другую, но туман всё не кончался и не кончался. Она же не понимала, что просто крутится волчком на месте, запутанная и ослепленная.

Драконье рассерженное рычание сменилось испуганным криком — земля в виде острых скал внезапно очутилась почти под брюхом. Варя едва успела развернуться, резко оттолкнулась задними лапами от пика скалы, взмыла обратно вверх...

И ахнула: ей навстречу из тумана выглянуло страшное белое лицо, огромное, призрачное, похожее на череп, только с живыми глазами, сияющими насмешкой и хитростью. От неожиданности Варя отшатнулась, бестолково забила крыльями в воздухе, позабыла, где верх, где низ — влетела головой в отвесную стену обрыва. От удара в глазах потемнело, крылья ослабели. Последнее, что она ощутила — довольно болезненное падение на осыпавшийся под ее весом каменистый крутой склон.

Очнулась Варя в незнакомом полутемном зале, сильно напоминающем облагороженную пещеру: потолок высокий неровный, из того же монолита камня, что стены и пол. Никаких окон. Тусклый свет дают фонари на стенах — точно такие же по вечерам зажигались в саду в Жуковом Улье. Варя пригляделась: именно, серийное производство, видимо, трофейные.

В зале никого, кроме нее, не было. Тишина стояла звонкая, замогильная. Одно радовало — ничего не болело, значит, при падении Варя отделалась лишь испугом.

Обнаружив, что по-прежнему находится в драконьем облике, она сосредоточилась — и себе на удивление успешно и легко вернулась в человеческий вид, причем одетая в те же вещи, в каких была до превращения.

— Гляди-ка, сработало!

От уменьшения габаритов тела свободного пространства вокруг значительно прибавилось — потолок плавно взлетел вверх, фонари перестали казаться игрушечными, стены будто раздвинулись вширь. А в дальнем углу обнаружилась темная арка прохода. Не запертая. Похоже, хозяева подземелья легкомысленно понадеялись, что дракон туда просто не пролезет.

За спиной послышался стрекот. Варя развернулась — теперь-то ей было нетрудно это сделать, не приходилось опасливо поджимать хвост и крылья. Оказалось, у стены на каменном выступе стояла клетка — на вид обычная, как для попугаев. Но за решеткой в темнице сырой сидел не орел, а крошечный дракончик, размером с ладонь, бледный, как шампиньон.

— Ути-пуси, кто у нас тут такой холосенький? Ты геккончик, наверное? Белогорцы вас вместо канареек разводят, что ли?

Дракончик сидел на попе, держался за тонкие прутья лапками с миниатюрными пальчиками, топорщил розоватые крылышки, покрытые прозрачными перышками, и, наклонив голову, с умным видом смотрел на Варю блестящими темными глазками. Как тут не умилиться! Варя подошла к клетке, нагнулась почти нос к носу, продолжая сюсюкать. Протянула руку, но, спохватившись, благоразумно спросила разрешения:

— А погладить тебя можно?

Дракончик поглядел на поднесенный к решетке палец, потом на Варю и кивнул.

— А не укусишь? — хихикнула та, дивясь такой осмысленности у «канарейки».

Дракончик уверенно замотал головой. И вдобавок выдал трель стрекота, будто сказал что-то.

— Ух ты ж...

Варя отринула колебания и просунула сквозь прутья палец. Дракончик охотно подставил грудку, забавно выгнувшись, но продолжая искоса смотреть на гостью. Впрочем, от осторожных поглаживаний сразу принялся жмуриться.

— Как бархатный, — удивилась она неожиданному ощущению. — Только ты холодный совсем! Не простудишься? Хоть бы грелку тебе сюда положили, изверги.

Дракончик недовольно застрекотал, стоило убрать руку. И удивил еще больше: убежал в дальний угол клетки, там схватился за прут решетки и без особо труда его сдвинул. Пролез в дыру, расправил крылышки — и прилетел к Варе, уселся на рукав.

— Так ты мог сбежать? — удивилась та.

Дракончик утвердительно зачирикал. И принялся ластиться, тереться всем гибким телом — видимо, по теплу соскучился. Или ткань ветровки понравилась. Варя хихикнула, расстегнула ворот, чтобы показать несчастной ледышке мохеровую кофту — всё-таки не зря она утеплилась, собираясь в поход на горы. Кстати, здесь в зале было не так холодно, как в небе или над скалистыми вершинами, но всё равно ощутимо прохладно. Немудрено, что «геккончик» обрадовался приглашению, восторженно расчирикался и мигом засунулся за пазуху, вцепившись в мягкий ворс.

— Мне тебя спереть отсюда? — предложила Варя в шутку. — Смотри, могу ведь и унести, ты не тяжелый.

Дракончик услышал, на миг замер. Тотчас выбрался из-под одежды, взобрался на плечо, откуда вспорхнул, мошь белесая, и полетел обратно к клетке. Варю кольнуло разочарование... Однако зря — вернувшись в клетку, дракончик, озабоченно чирикавая, торопливо откопал из горки песка округлый камень в форме зерна чечевицы, только размером с абрикос. И покатил его к дыре в решетке, на ходу оглядываясь на Варю и отчаянно пытаясь ей что-то объяснить громким стрекотом.

— Давай потише, вдруг народ сбежится! — шикнула она на него. — Прости, я всё равно тебя не понимаю. Ты мне кивай, если угадаю. Ты хочешь, чтобы я взяла тебя с собой? Точно?

Дракон кивнул дважды.

— А этот камешек тебе дорог? Ага, поняла. Давай я его сама достану, вдруг уронишь. Я могу положить его в карман? Ой, смотри, на нем чары были какие-то...

Пока дракончик, как будто вздохнувший с облегчением, снова закопошился у нее за пазухой, Варя подошла к ближайшему фонарю, чтобы разглядеть врученный на хранение «голыш».

— Красивый! На жемчужину похож.

Внутри, судя по ощущениям, камень тоже был слоистым, как жемчуг. Варя минутку помедитировала, сжимая его в кулаке, но слои оказались такими плотными, что почувствовать удалось лишь верхний — на перламутре отчетливо сохранились следы согревающих заклятий.

— Так это, наверно, и есть твоя грелка? — осенило ее. — Только чары давно никто не обновлял, поэтому у тебя в клетке так холодно. Я подогрею, правильно?

Дождавшись согласного курлыкканья, Варя направила в «голыш» немного энергии, отчего перламутр послушно разогрелся до температуры человеческого тела и даже слегка порозовел. К слову, высунувшийся из-за ворота куртки и внимательно следивший за ее действиями дракончик тоже выглядел уже не таким бледным.

Под его одобрение Варя определила камушек во внутренний карман ветровки, а дракончику велела перебраться под кофту, чтобы не вывалился при ходьбе, а смог бы держаться за ворот футболки или, на крайний случай, спрятаться между чашечками лифчика.

— Только не щекочись! — хихикнула она запоздало. — Ладно, пойдем теперь на разведку. Во-первых, надо найти выход — на свежем воздухе я снова превращусь в дракона, и мы с тобой улетим отсюда в теплые... ну, определенно чуть более теплые королевства. А во-вторых, вдруг там слуги стараются, для заглянувшего в гости дракона кормежку готовят? Так надо предупредить, что сырых кабанов я не хочу.

Бормоча ерунду, чтобы самой не было страшно, Варя прокралась к примеченному выходу, настороженно выглянула в темный коридор.

— Эх, фонарик-то не захватила. А эти от стены не открутишь. С другой стороны, засветиться-то мне тоже нельзя... Эх, жалко, что я понятия не имею, куда они запрятали украденные камни! Ну, эти самые, запирающие... подзаборные, хи! Ограждающие. Горы ведь большие, нор много, черт его знает, куда утащить могли. А то бы я и их заодно прихватила.

Коридор оказался длинным и прямым. Время от времени в стенах появлялись ниши, предусмотренные, вероятно, для светильников. Регулярно ответвлялись другие коридоры и распахивались проходы в скупо освещенные залы или помещения поскромнее. Но Варя решила держаться прямой линии и никуда не сворачивать — казалось, так был шанс добраться до «входной двери» и не закрутиться в подземном лабиринте.

Иногда слышался шорох шагов, долетали отзвуки голосов, но пока что ей везло, и пройти, судя по ощущениям, удалось целый километр.

Пока из бокового хода не вынырнула высокая белесая фигура с крохотным фонариком в тонкой руке. И быстрой деловитой походкой двинулась прямо на Варю.

Варя мышкой нырнула в оказавшуюся кстати нишу, где вжалась спиной в холодную стену, замерла и затаила дыхание с мыслью: «Темно же! Пронесет».

Азарт смешался с ужасом. Шорох длинных белых одежд и стук шагов — будто бледная поганка шла на ходулях, ей-богу! — слышались всё ближе и ближе. У Вари гулко стучало сердце, дракончик тоже замер, свернувшись на груди под одеждой. Дыхание задержала, а так хотелось шумно глотнуть воздуха...

Не пронесло. Белесая каланча со своим тусклым светлячком остановилась ровно напротив ниши и развернулась к Варе, будто заранее чуяла, что она тут пытается прикинуться забытой паутиной.

Варя обмерла от ощущения провала. И наконец-то выдохнула, ибо чего уж скрывать, если тебе в лицо светят. И смотрят темными глазами прямо в душу... Впрочем, лицо поганки прикрывала полупрозрачная фата длиной в пол, так что куда именно она там смотрит под своим покрывалом, разобрать было затруднительно.

— От тебя пахнет драконом, — обвиняющее заявила каланча юным женским голосом.

— Неправда! У меня хороший дезодорант, — открестилась Варя.

Отдавать «геккончика» нерадивым хозяевам она не собиралась, да и сама попадаться не хотела. Поэтому с силой отпихнула от себя поганку — и ринулась что было сил по коридору...

Но силы как-то подозрительно быстро иссякли — Варя споткнулась и растянулась на холодном твердом полу. Даже вскрикнуть не получилось, язык онемел, как и всё остальное тело — и вовсе не от падения.

Поганка под покрывалом презрительно хмыкнула, прицокала поближе, легонько попинала гостью по ноге. Приказала:

— Поднимайся, пойдешь со мной.

Варя хотела было ласково послать ее пешком к ядру планеты, однако вместо этого послушно поднялась, не чувствуя ни рук, ни ног, и встала по стойке смирно. Поганка перехватила фонарик в другую руку, а освободившейся правой цапнула Варю за локоть, порывисто потянула за собой:

— Идем.

Она решительно зашагала вперед, а Варе за ее нечеловечески широким шагом пришлось бежать вприпрыжку.

— Выходит, это ты явилась под видом дракона? Людишки совсем страх потеряли — имеют наглость принимать облик существ, величайших среди всех миров! Не пойму только, зачем отец тебя притащил внутрь, надо было убить сразу. Он тебе ничего не сказал?

Увы, ее любопытство Варя не могла удовлетворить — самой было интересно. Да еще язык не шевелился.

— А, разрешаю тебе говорить, — спохватилась бледная особа и больно щелкнула гостью фонариком по лбу.

Варя зашипела — всё тело пронзило миллионом иголок. Видимо, по рассеянности поганка отменила сковывающее заклятье всё целиком, не только на языке. А может, по юности была еще слишком неопытна в колдовстве, потому и не заметила своей ошибки. В любом случае Варя решила пока изображать зачарованную

покорность — и посмотреть, куда бледная ее приведет. Всё равно тут в этой темени ничерта не понятно, куда бежать и где выход.

— А чего это ты сразу с претензиями? — свернула Варя на тему, показавшуюся менее опасной. — Будто на драконов у вас патент! Хочу — и обращаюсь!

— Не смей при мне выражаться! — возмутилась поганка.

— Даже не начинала! Патент — это не ругательство, а суровая норма лицензирования продукции...

— Закрой рот, презренная! — дернула ее за руку каланча. — Ты хоть понимаешь, с кем ты говоришь?!

— Откуда ж мне знать? — фыркнула Варя. — Ты не представилась.

— Я — владычица Белых Гор! — возвестила юная девица. Хотела внушительно, а получилось пискляво, да и запыхалась слегка от быстрого шага.

Варя трепетать не собиралась:

— А я — королева Синих!.. Тьфу — будущая королева Синегорья!

Поганка затормозила так резко, что обе едва удержались на ногах. Варя разочарованно охнула — прозевала момент, чтобы свалить поганку и свалить отсюда, прихватив фонарик.

Белогорка развернулась к ней, снова сунула в лицо светлячок:

— Что ты имеешь в виду? Их принц не женат.

— Пока еще нет, — зажмурилась от увеличившего яркость света Варя. — Зимой женится.

— На тебе? — недоверчиво уточнила та.

— На ком же еще! — и показала в доказательство помолвочный браслет.

— Неужто и магию свою бестолковую успели гармонизировать? — прищурилась под вуалью бледная.

— А тебе-то что за дело? — нахмурилась Варя. — Ревнуешь?

— Так вот почему он стал сильнее! Это же всё меняет! Тогда и тебе нужно быть там.

Белогорка расхохоталась — и развернулась ровно в обратную сторону, снова дернула Варю за собой, от радости еще прибавив прыти.

— Как мне повезло! — объявила она сквозь смех. — Так весело, когда враги сами идут в руки!

— Поведай, над чем ржешь — посмеемся вместе, может быть, — проворчала Варя.

— Изволь, — смиловилась та.

И, пока шли по петляющим коридорам, то и дело сворачивая в неприметные двери, бледная поганка валила на гостью скомканную лекцию на тему политической истории, взгляд с заснеженных гор.

С ее слов выходило, что в стародавние времена их цивилизация была самой могущественной и передовой на планете. Источником процветания служила связь с драконами. Огромные ящеры являлись в этот мир, чтобы устраивать в горах гнезда и выращивать потомство — почему в родном мире им не сиделось на яйцах, непонятно. Сделав из белогорцев няnek, — а попробуй драконам откажи! — ящеры «платили» за труды скорлупой.

Варя на этом месте не удержалась, захрюкала. «Поганка» обиделась, принялась пояснять: скорлупки-то были наделены огромной магической энергией, остававшейся от таинства рождения величайших созданий. Из этих скорлупок колдуны и шаманы делали всевозможные амулеты и артефакты. Благодаря скорлупе и в подземном мире было светло-тепло, и в горах среди вечной зимы плодоносили сады-оазисы. И технологическо-магический прогресс был ого-го какой! Не то что ныне. И с военной поддержкой драконов в горы никто не смел соваться... до легендарного императора Трех Королевств.

Император, негодяй эдакий, выкрал и разбил уникальный кристалл, благодаря которому шаманы открывали проход в драконий мир. Он собирался присоединить Белые Горы к своим обширным владениям, но у него ничего не вышло — амулеты из скорлупы тогда были еще свежи, и белогорцы сумели отбиться без помощи хвостатой авиации.

Кстати, пока камень был цел, никаких стихийных разрывов не бывало вовсе — два мира, здешний и драконий, были прочно сцеплены только между собой. А вот как лишилось мироздание сей точки опоры, так и начало мир шатать во все стороны. Неумные правители Трех Королевств пусть и пытались использовать осколки кристалла для равновесия пространства, но эти попытки белая королева презрительно сравнила со стремлением заткнуть текущую бочку пальцем.

— То есть, ты украли осколки кристалла с целью вернуть драконов? Ради скорлупок? — подытожила Варя.

Поганка поморщилась под вуалью на формулировку:

— Мои подданные возвратили назад то, что было украдено. И да, ради обретения могущества драконьей магии я пойду на всё!

Между тем они завершили забег по лабиринту и оказались в сравнительно небольшом помещении, ярко освещенном множеством фонарей.

Белая королева подошла к выточенному из камня столу и сдернула парчовую салфетку — под нею обнаружили три крупных кристалла, красиво переливающихся мерцанием. У Вари невольно загорелись глаза:

— Это те самые, что ли?

— Именно!

— Все три! Даже в другой горный хребет за ними идти не пришлось. Правда, я думала, они будут больше, с тыкву размером хотя бы, а тут — пфф! А почему такое сокровище — и без охраны?

Поганка хохотнула:

— Стража не потребуется. Ты, видно, забыла, кто я.

Варя покачала головой. Она бы сказала вслух, кто та есть, но неприлично хамить в гостях.

— Предвидеть будущее — первейшая обязанность владычицы Белых Гор, — высокомерно пояснила девица.

— А-а... — протянула Варя. — Ясно. И что же ты предвидишь в данной ситуации, позволь поинтересоваться?

— Мою победу, — самодовольно заявила та. — Осталось лишь немного подождать.

Вот только противореча собственному уверенному тону, она зачем-то обошла помещение и заперла все четыре двери на тяжелые замки и засовы.

— Это чтобы нам никто не помешал, — пояснила на пристальный Варин взгляд.

— Существует магия порталов, знаешь ли — ей двери не помеха, — съехидничала Варя.

— Здесь ваши любимые порталы открыться не смогут, — парировала та. Подошла к каменной скамье, выступающей из монолита стены, и, усевшись, милостиво похлопала ладошкой рядом с собой: — Разрешаю тебе сесть.

— А кого ждем-то? — уточнила Варя, повиновавшись приказу, нарочито неуклюже плюхнулась, ради достоверности отбив о каменное сидение попу. Внимательно поглядела на высоко торчащие коленки собеседницы, сравнила со своими, нормальными, и сделала в уме выводы.

Девица ее взглядов не замечала, похоже. Самодовольно хмыкнула:

— Твоего драгоценного будущего супруга.

— Зимослава? — воскликнула Варя, не зная, радоваться или начинать беспокоиться с удвоенной силой.

— А ты разве за кого-то другого собралась замуж? — ехидно переспросила поганка.

— Но он тут как окажется? Тем более ты заперла. И почему ты решила, что именно тут надо ждать?

— Как ты думаешь, за кем он явится-то? — лучилась предвкушением бледная девица. — Я-то голову сломала, пока разгадывала вещее видение! С чего бы, думаю, синегорскому принцу добровольно к нам рваться? А потом недоумевала: как это дракон явится в горы до того, как я открою врата в их мир? А оказалось-то вон что!

Варя виновато опустила голову: получается, она своим геройством жениха в ловушку завела... И еще немножко пригнулась, чтобы заодно подглядеть, какая-токая обувь прячется под подолом бледной королевы.

Между тем девица зашмыгала носом — немудрено простыть в подземных палатах. Не стесняясь пленницы, она достала из потайного кармашка замызганный платочек — и откинула вуаль, чтобы с трубным гласом избавиться от соплей. Варя фыркать на невоспитанность не стала, с интересом уставилась на поганку, которая и без покрывала оказалась действительно бледной.

Миловидное востроносое личико светилось белизной. Светло-карие глаза были густо обведены черным карандашом а-ля «я у мамы панда», чтобы под вуалью казались такими же огромными, как у чистокровных белогорцев. Шея длинная и худосочная, как у балерин, однако в пределах человеческих пропорций. Волосы вот белоснежные, как положено белогорским королевам, но туго заплетенные косички, пусть и достигали пяток, тощим своим видом восхищения не вызывали. Вообще эта пигалица лет шестнадцати, а то и меньше, Варю совершенно не пугала. Даже блистающая драгоценными камнями массивная корона-обруч на голове не добавляла уважения. С другой стороны, бить ее по затылку камнем или швырять в нее сырой магией, душить вуалью, останавливать сердце силой воли или еще как-то серьезно калечить Варю тоже не хотелось. Иные же варианты сопротивления пока в голову не шли.

— Ты же человек, — резюмировала она.

— Мой дед был человеком, — поморщившись, не стала отпираться та. — Сбил мою бабу с толку. Но моя мать и бабу, и прабабу, и пра-пра... и так далее — все были королевами. Если ты об этом.

— А твой отец? Король?

— У нас нет королей. Только королевы! Мой отец — величайший колдун из ныне живущих, бессменный глава совета семей.

Варя покивала. Уточнила:

— А твой народ в курсе, что их королева — человек?

Поганка злобно шикнула и выразительно надула губы. И обратно закуталась в вуаль. Ядовито процедила:

— Только заикнись кому-нибудь об этом — тотчас умрешь!

— Угу, — кивнула Варя, не подумав пугаться. — А зачем вы воюете с Синегорьем и Вольнополем? Ты, твоя мать, твоя бабу, пра-прабабу и так далее?

Поганка передернула плечами:

— Моя цель — вернуть драконов. К чему стремятся мужчины, меня не волнует.

— То есть драконов хочешь вернуть только ты? — подкапывалась Варя. — А остальное население что думает по этому поводу? Наши вот маги уверяют, что без драконов жить гораздо лучше. Громадины, которые думают только о себе! Разве они защищали вас? Нет, они оберегали свои гнезда, а на вас смотрели, как на ползающих вокруг муравьев. Наверняка и сайгаков-то вы разводили, чтобы ящеры ели их, а не вас.

Блондинка вскинула голову, метнула испепеляющий взгляд:

— Моя бабка себя не жалела, всю жизнь шла к этой великой цели! И завещала мне завершить начатое.

— О, соболезную! Давно она умерла? — перебила Варя.

— Кто? — не поняла королева.

— Твоя бабушка.

— Она жива, — растерялась та. Машинально тронула сверкнувшую под покрывалом корону: — Иначе как бы она мне... В общем, она отдалилась от суетных дел. Заслужила отдых.

— Не сомневаюсь, — покачала головой Варя. — Войну в Вольнополе ведь она развязала?

Блондинка рассеянно кивнула, словно бы к чему-то прислушиваясь.

— Меня давно интересовали черные колдуны, — продолжила Варя. — Они появились с вашей подачи? Кто они и зачем вам понадобились?

На это королева неожиданно хищно оскалилась, мгновенно потеряв миловидность:

— Скоро сама узнаешь! На своем опыте.

— То есть? — опешила Варя.

— Чтобы спаять кристалл снова в единое целое, — она указала на три внушительных осколка, — нужна особая энергия. Вашим лучшим магам это умение не под силу. Наши колдуны также не справятся. Зато если взять человеческого чародея и показать ему иной путь к могуществу — тогда ему откроется многое!

— Значит, те колдуны — порождение ваших экспериментов над людьми? — ужаснулась Варя.

Поганка кивнула, будто речь шла о выведении новой породы сайгаков.

— Венцом войны должна была стать обращенная королевская чета правителей Вольнополя, — сообщила она. — Досадно, что они не поняли своего предназначения и предпочли смерть.

— Ты говоришь о родителях Яснолики?

— Угу. Бабушка выяснила, что возродить кристалл сможет только супружеская пара королевских кровей, у простолудинов просто не хватит сил.

— А! Поэтому ты так обрадовалась, когда я сказала... — поняла Варя. Обругала себя мысленно: ловушка-то приобретает еще более скверные последствия! — А как ты собираешься... ну, показывать нам иной путь могущества?

— Нет ничего проще. Не зря же ваша вера запрещает вам убивать любое существо крупнее насекомого. Такое лицемерие, кстати! — оживилась девица. — Вот ты, например! Ты же ешь мясо? Не важно, птиц или животных. Но для тебя убивают другие люди, не имеющие магического дара.

— Ну, знаешь ли, — парировала Варя. — Ты же носишь платье? Но для тебя эту ткань сделали люди, умеющие ткать. Так и с магами — все мы делаем то, что умеем, и берем то, в чем нуждаемся.

— Так и мы, — оскалилась поганка под вуалью, — нам нужна чета правителей-колдунов — мы их забираем!

— А! — осенило Варю. — Так вы поэтому заслали везде своих шпионов — ждали, когда Краса и Зимослав поженятся, чтобы их схватить и заставить паять вам кристаллы?! А я-то никак не понимала, почему при всём могуществе ваших шаманов Зимка жив до сих пор!

— И поэтому тоже, — буркнула девица, почему-то сразу помрачнев. — Его проклятые зимние звезды стольких наших воинов погубили! А отец продолжает свои дурацкие игры с войной. И ради чего? Чтобы твой принц не подумал отказаться от примирения на наших условиях! А что мне даст такой союз? Только то, что я окончательно потеряю возможность вызвать драконов!

Варя осторожно спросила, надеясь на продолжение вспышки столь информативных сетований:

— И какие условия хочет поставить твой отец?

Поганка раздраженно зыркнула из-под вуали, но промолчала — сообразила, что и так много болтает с пленницей.

Варя тяжело вздохнула.

Посидели в молчаливых раздумьях еще с полчаса.

Потом послышался скрежет камня о камень, леденящий душу хруст — и приближающийся грохот, словно сквозь гору сюда прорывалась буровая установка.

Варя опасливо покосилась на девицу, та развела руками:

— Припозднился твой суженый. Я думала, он пораньше управится.

С дальней стороны зала стена пошла трещинами. Пол затрясся, с потолка посыпалась щебенка и пыль.

Поганка при этом продолжала невозмутимо сидеть, сложив ручки на острых коленках.

Едва разошлась первая крупная щель, в нее тотчас протиснулась белая молния, метнулась к Варя.

— Финик! — в изумлении воскликнула она, подхватила кролика на руки. — Ты тоже меня спасать пришел? Моя-то лапуля!

Пока миловались, не заметила, как кровожадно поглядела на зверьку усмехнувшаяся поганка, пробормотала, неслышная за грохотом:

— Как же мне везет сегодня! За жертвенным сайгаком посылать не придется.

В пробитую дыру просунулись мощные клешни, споро расширили проход, чтобы смогли пролезть длиннющие паучьи ноги, через россыпь камней перенеся сравнительно небольшое тело с седлом и всадником. Причем, как поняла Варя, Зим выбрал особь самую шуплую и приземистую, не сравнить с теми пауками-вышками, на которых они катались в Кукушкином Долу. Видимо, чтобы в коридорах не застрять и на диаметре дыр сэкономить. Но и эта, выпрямившись, могла легко ударить всадника головой о потолочные своды.

— Зим! — восхитилась внушающим трепет явлением Варя. Не смогла не съехидничать: — А я думала, ты на Друне за мной прилетишь, он больше на белого коня похож всё-таки, почти Пегас.

— Я тоже рад видеть тебя целой и невредимой, — без улыбки кивнул Снежен. Спешился с присевшего скорпиона, жестом велел скакуну отойти в уголок и подобрать лапы, чтобы не растопыривались на половину зала. Сам же обратился к белой королеве: — Зачем нужен был этот фарс? Приглашение явиться с третьим камнем, если он и так давно у вас.

Та с важностью поднялась с места (заодно и Варя вскочила, незаметно потирая замерзший от гранитной скамейки зад).

— Прости за шутку, — кокетливо проговорила девица. — Советники решили тебя заинтриговать, чтобы ты лично явился пересчитать наши сокровища.

— А супругу мою зачем схватила? — не смягчился от любезного тона королевич.

— Она сама к нам явилась, без приглашения! Я ждала только тебя. Но так вышло еще лучше — ты в этом убедишься, когда поймешь, какая судьба привела тебя сюда.

Варя послушала, покивала головой — и швырнула тоненький лучик разрушительной энергии в фонарик королевы. Кристалл в нем с хлопком взорвался. Поганка взвизгнула не по-королевски:

— Ай! Что? Как?!

— Зим, она этим многофункциональным гаджетом навела на меня заклятье подчинения, — наябедничала Варя. И тут же перескочила на более интересную тему: — Слушай, а как у тебя получилось гору-то пробуровать?!

— Ничего особенного, — отозвался тот, с равным подозрением поглядывая на обеих барышень, не зная, чего еще от них ожидать. — Недавно обнаружил в себе талант плавить скалы. А некая баронесса из Златограда объяснила, как этой способностью управлять с большей точностью.

— А как ты меня нашел? Горы-то ведь большие!

— Благодаря браслету почувствовал, их же дарят не просто для украшения. Правда, Финик вел еще точнее.

— Вот молодцы какие! — восхитилась Варя, тиская кролика.

То ли камни в разбитой стене затрещали, то ли белая королева досадливо заскрежетала зубами:

— Вынуждена вас огорчить, ваше трогательное воссоединение мне на руку. Назад тем же путем выбраться вы не сможете. Да и не позволю я вам уйти! — объявила она с пафосом.

— Зим, а мы не сможем? — кивнула Варя на свежий туннель.

— Боюсь, она права, — покачал головой Зимослав. — Снаружи собралась армия, но увы, не моя.

— А, ерунда, — легкомысленно отмахнулась Варя. — Драконье зелье еще действует, так что я запросто взлечу с тобой, Фиником и паучком. Лишь бы на свежий воздух выйти. А может, используем какое-нибудь заклинание невидимости? И прошмыгнем мимо стражи!

Ее оптимизма Зимослав не разделял. «Устал», — решила она, глядя на мрачно нахмуренные брови, чуть посеревшие от каменной пыли.

— Белогорцы живут под землей и привычны к полной темноте, — воззвал он к логике. — Им что видимость, что невидимость — безразлично.

— Тогда... хм... надо...

— Учтите, я могу убить вас обоих и ваших зверюшек в любой момент, мне это ничего не стоит, — снова напомнила о себе поганка. — Так что советую...

— Зим, она требует, чтобы мы с тобой каким-то неведомым образом спаяли три осколка в прежний кристалл, — перебила ее Варя.

— Это невозможно, — ответил он.

— Вот и я так думаю! — подхватила Варя. Затараторила: — А она грозит сделать из нас пару черных колдунов, и тогда якобы мы, как ее послушные приспешники, всё сделаем по ее плану, чтобы вернуть в мир

драконов. Я так полагаю, она собирается ради этого из нас всю силу высосать и уморить до смерти. А драконья магия ей нужна, потому что белогорской она не владеет! Равно как и человеческой. Вот и хочет хоть на скорлупках поживиться!

— Что? — зарычала девица. — Не слишком ли ты много болтаешь?!

И красиво выпустила с пальцев рук молнию.

Варя была готова к нападению и отскочила в сторону, пригнулась, разряд лишь громко щелкнул над головой, заставив волосы подняться дыбом. К тому же Зимослав мгновенно прикрыл невесту силовым щитом.

Вот только нападение оказалось отвлекающим маневром — нацелилась поганка на беззащитного кролика! Он, жалобно пискнув, соскочил с Вариного плеча не по своей воле. И белой стрелой метнулся в руки злодейки.

— Ах ты зараза! Отдай сейчас же!!! — заорала Варя в ярости.

Сцапав зверька, бледная королева крепко стиснула его в кулаке, потрясая в воздухе, так что длинный хвост болтался, будто украденный вражеский вымпел. И объявила ультиматум:

— Ледомир Снежен! Убей это животное немедленно или твоя невеста умрет!

— Ну ты и мерзавка! — прошипела Варя. — С чего бы мне умирать-то?!

И тут же захрипела, внезапно ощутив, как невидимая петля перехватила горло — пока еще не смертельно, но предупреждающе.

— А ты думала, я шутки шутить буду?! — торжествовала поганка. Шагнула к ним ближе, ткнула Зимославу в лицо тихонько верещащего кролика: — Убей его! Или я убью ее!

— Ты меня не убьешь, я тебе живая нужна! — с натугой просипела Варя, делая неуверенный шаг вперед.

— Ошибаешься, — насмешливо откликнулась девица, — такой, как ты, легко найти замену.

Зим в смятении коротко оглянулся на Варю. В глазах плескалась вина за малодушие, за то, что он не в состоянии без колебаний пожертвовать своим даром ради ее спасения. Она же постаралась вложить в ответный взгляд выпученных глаз яростную мысль, что никогда не простит ему убийство неповинной зверюшки.

— Послушай... — заикнулся было он.

— Не вздумай напасть на меня! — резко повернувшись к нему, перебила поганка, усмехаясь. — Я следила за тобой в битвах и видела всё, на что ты способен. Да, тебе хватит сил взорвать всю гору! Но тем самым ты убьешь всех нас вместе. А только одну меня заколдовать у тебя не получится, нет-нет, я подготовилась и защитила себя от любых твоих чар. Выкинешь хоть какой фокус — я сразу перебью плотку твоей возлюбленной, сломаю позвонки и отрежу голову. Ты хочешь это увидеть? Пустить ей кровь, чтобы ты перестал сомневаться?

Пока она разглагольствовала, наслаждаясь моментом торжества, Варя, придушенно пыхтя и шаря руками по шее, проковыляла к ней сзади — и наступила ногой на волочащийся по полу край вуали. Зим это видел, понял выразительное подмигивание — и в свою очередь сделал пару шагов назад, отчего злодейка неосознанно двинулась на него, не желая разрывать угрожающе близкую дистанцию.

Еще через шаг вуаль сползла с ее головы, с легким шорохом упав к Вариным ногам.

— Что?.. — оглянулась поганка в недоумении.

И получила прямо в глаза ярчайшую вспышку из смартфона.

— Финик, кусь! — скомандовала Варя, сиплым криком перекрыв истошный визг.

Кролик с удовольствием цапнул острыми зубками за руку — и выпал из разжавшегося кулака. Благо, Зим метнулся вперед, удачно поймав бедняжку.

Пока поганка, вопя проклятья, терла глаза, пытаясь прогнать алые зайчики, но лишь размазывая черные пятна макияжа по щекам, Зимослав снял с Вари невидимый ошейник чар, нежно проведя по шее ладонями.

— Спасибо, — с облегчением выдохнула та.

И сразу же направилась довершать дело. Для начала со всей злости сделала подсечку снизу — пнула по прятавшимся под белым подолом ходулям, так напоминающим фасоном «босоножки» Друни. Воющая поганка и без того шаталась, ослепленная и дезориентированная, от нападения же вовсе накренилась рухнуть. Однако Зим, как джентльмен, не мог позволить барышне разбить голову об пол — подхватил на руки, посадил на скамью. Ну, и удержал, чтобы не рыпалась зря.

Фыркнув на излишнюю деликатность, Варя схватила с белобрысой макушки корону, потрясла в воздухе:

— Она просто человек! И без накопителей, заряженных ее бабулей, не способна ни на что!

Та, в слезах, взвыла от разочарования и злости — видать, по жизни не была приучена к неудачам, раз так быстро сломалась:

— Верни, подлая паршивка!

— Фиг тебе! Я ее конфисковала, — парировала Варя и торопливо запихнула трофей за пазуху.

— Несправедливо! — голосила девица. — Грозоврат украл для тебя часть дара моей бабки, а что получила я?!

Ничего!

— Поэтому твоя бабка из мести принялась войну раздувать? Чтобы на Синегорье наслать голодных драконов?

У-у, змеюки и род ваш гадючий! — погрозила ей кулаком Варя, руки так и чесались задать малолетке трепку, особенно за Финика отвесить десяток крепких оплеух. Но ведь Зим не позволит, вот досада.

— Это ты негодяйка! — взвизгнула та. — Немедленно отдай мне мою корону!!!

— Не весь род. Ее мать — разумная дама и мечтает о примирении наших народов, — справедливости ради заметил Зимослав, предусмотрительно и аккуратно связывая побежденной барышне руки за спиной пояском от ее же балахона. Ноги связывать было ни к чему — ремешки на ходулях кое-где порвались, так что встать на них она не смогла бы, равно как и самостоятельно избавиться от уцелевших креплений. — Похоже, единомышленников здесь у нее не нашлось, поэтому она бежала за границу.

— Это баронесса-то под прикрытием? — сообразила Варя. — Вот же спелись бабка с внучкой — родную мать из дома выгнали! Хотя и той на слово верить не советую, вдруг она за Чуролютом подглядывала и человеческую магию исподтишка изучала? Хотя эта вот бледная с косой тоже что-то там бормотала о перемирии — ее отец будто бы собрался тебя уговаривать на союз.

Потревоженный дракончик недовольно закопошился у нее за шиворотом, поерзал — и сонный выставил головку из-за воротника. Зимослав удивленно уставился на сие явление, совершенно не ожидав, что невеста успеет завести себе нового питомца. Белая королева же, тоже увидав, заголосила, визгливо причитая:

— Какие черные ветра занесли к нам эту проклятую девку?! Она даже истинного дракона успела осквернить своими грязными руками!

— Цыц! Сама ты неумытая, панда несчастная! — оскорбилась Варя, швырнула в нее скомканной вуалью. — Это твои шаманы определили меня в тот зал, пока я была без сознания. Вот уж без понятия, что они имели в виду — просто драконов к драконам складировать?

Зим покрывало перехватил, встряхнул от пыли и закутал пленницу. Варя ревниво шмыгнула носом, но объяснила такую заботу тем, что теперь не особо заметно, есть на королеве корона или нет. Обернувшись к Зиму, заканючила:

— Они геккошу холодом и голодом морили! Давай его себе оставим? Смотри, какой маленький, хорошенький! Будет с Друней играть, вдохновлять на полеты. Постепенно приучим его к свежему воздуху, а то они его в темноте держали, изверги, поэтому он такой чахлый, бледный и рахитичный!

— Почему это бледный? — не понял Зим. — Очень даже яркий.

— Ух ты, и правда! — обрадовалась Варя преображению.

То ли отоспавшись, то ли отогревшись, дракончик действительно прозрачным больше не выглядел — переливался всеми цветами радуги от шеи до хвоста, будто мультяшный хамелеон. Доверчиво курлыча, он целиком вылез из Вариной запазухи и потянулся к синегорскому королевичу.

— Учти, он щекочется, — хихикнула Варя на растерянность жениха, позволившего залезть к себе за воротник. Ехидно добавила, обращаясь к «перебежчику»: — Хотя ты зря это, геккоша, у меня-то мягче и можно за лифчик держаться.

Финик, следя за перемещением новой зверюшки, насмешливо фыркнул.

— Не думайте, что вы со мной справились, — брызнула ядом поганка. — Никуда вы отсюда не денетесь. Сейчас явятся мои подданные, вас скрутят, вернут мне корону, и я вам отомщу за унижение.

— Ой, Зим, давай скорее с камнями что-то делать! — заволновалась Варя. Потому как действительно странно, что на грохот пробиваемых стен еще не сбежались все белогорцы, видимо, стража за высоким начальством посылала, без указа не спеша шевелиться. — Надо их как-то уничтожить, чтобы ни у кого больше даже соблазна не возникало восстановить кристалл. А то привяжут мир обратно к драконьему — и всё, точно никогда не смогу побывать у родителей!

— Не думаю, что это безопасно, — колебался Снежен. — Всё-таки в них вложены могущественные чары. Вдруг их повреждение нарушит баланс еще больше?

За закрытыми дверями послышался шум. Причем за всеми сразу, со всех сторон. В крепкие створы принялись стучать — пока вежливо, но было ясно, что еще немного, и начнут выбивать.

Пока Зимослав ставил круговую невидимую защиту от ожидаемого нападения, Варя решила, прицелилась, затем зажмурилась — и шибанула в один из камней сырой силой.

— Идиотка! — взвизгнула поганка, спрягнув со скамейки и попытавшись под нею же спрятаться, забыв, что данная конкретная мебель представляет собой кусок монолита.

От брызнувших осколков их и скорпиона защитил мгновенно выставленный Зимом щит.

— Это действительно было неразумно с твоей стороны, — нервно вздохнул он.

— Ничего, — проблеяла Варя, клацнув зубами от запоздало накатившего понимания, чем могла бы обернуться для мира ее ошибка. — Зато теперь без одного куска никто не вызовет драконов.

Поганка от ее слов истерически горько расхохоталась.

— Жалко, что тут порталы нельзя открыть, — оглянулась Варя на затрепавшие двери.

Снежен в попытке ободрить сжал ее руку.

— Попробуем потянуть время, — произнес он. — Мне нужно еще хоть немного, чтобы восстановиться после прохода через скалу, а потом... как-нибудь выберемся.

— Ой, что ж я! — всполошилась Варя. — Тебе ж накопители надо зарядить!..

Но момент оказался не подходящим: не сосредоточишься, когда в зал, вышибив замки, врываются дюжие стражники с алебардами наперевес — страшные высоченные парни со зверски горящими глазами.

Варя машинально вскинула руку и осияла всех по кругу вспышками из смартфона. Немножко помогло — обиженно взревев, мужики отпрянули и принялись тереть глаза. Зим решил, что проверенные методы — неплохая идея, и на раскрытой ладони спешно вырастил яркую звездочку.

— Прошу убрать оружие! — раздался властный голос.

Стражники мгновенно послушались, отошли к стенам.

Прикрывая глаза рукой, вперед вышел немолодой белогорец в богатых длиннополых одеждах. За ним неуверенно потянулась свита из чиновников рангом ниже.

— Согласны на переговоры? — рявкнула Варя, наставив на него объектив смартфона, хотя на экране уже мигал значок почти разряженного аккумулятора.

— Разумеется! Для этого я здесь.

В знак доброй воли он развел руки и даже спрятал черное третье веко с глаз. Глаза оказались красивого небесно-бирюзового оттенка.

Зим пригасил звездочку, оставив крошечную искру.

— Ой, я вас знаю! — воскликнула Варя, взглядевшись в худую костлявую физиономию. — Вы на меня из тумана зыркали!

— На меня, кстати, тоже, — поддержал Зим.

— Ваше высочество, приветствую воочию, — церемонно кивнул он Снежену. После обратился жутковатую клыкастую улыбку к Варе: — А вы, простите?..

— Моя супруга, — представил Зим.

— О, неужели?.. — искренне растерялся колдун. Гаркнул на свиту грозно: — Почему мне не доложили?!

Поганка из-за скамейки расхохоталась:

— Не сбьется твоему плану, отец!

Но колдун быстро собрался, проигнорировав бесславную дочурку:

— Что ж, жена — это не беда. Вы, дорогой наш сосед, мужчина крепкий, и с двумя супругами справитесь. Даже еще сильнее станете!

— Что? — не понял Снежен. — Вы о чем?

— О примирении между нашими странами! — расцвел клыкастый колдун. — Вы в битвах доказали, что достойны стать мужем нашей юной королевы. Конечно, брак не даст вам права управлять племенами, однако ваш голос будет иметь равный с остальными вес на совете.

— То есть, вы предлагаете Синегорью в моем лице сделаться одним из племен Белых Гор? — не поверил такой наглости Снежен.

Варя просто давилась хихиканьем, тщетно прикрывая рот кулачком.

— Да, именно так, — закивал отец королевы. — Это решит множество вопросов и разногласий между нашими...

— Вы серьезно? — наступал на него Зимослав.

— А что вы имеете против? — опешил колдун.

— Хотя бы то, что ваша дочь является моей сестрой! — воскликнул Зим.

— Двоюродной сестрой, — занудно поправила Варя. — Я, конечно, понимаю ваше горячее желание выгодно сбавить бракованную дочь. Но я, как первая, законная и единственная жена, голосую против гарема и инцеста. Да и просто брать в дом гадюку вредно для здоровья.

Поганка в ответ разразилась истинно змеиным шипением. Но Варя ей выразительно указала взглядом на торчащие из-под юбки ходули, и та притихла.

— Ну и что, если и сестра, — стоял на своем колдун. — Неужели для вас взять вторую жену хуже, чем продолжить войну? Подумайте хорошенько, ваше высочество. Напоминаю, что здоровье вашей матушки зависит от наших шаманов, да и вы сами здесь у нас в гостях...

Он подошел к Зиму поближе, сколько позволял барьер невидимого защитного поля, и с убедительным видом заглянул в глаза, пользуясь высоким ростом.

— Эй! — всполошилась Варя, — нечего тут гипноз разводить! Зимка, он мухлюет! Не смотри ему в глаза!

Однако королевич не испугался угрозы подпасть под чужую волю — прямо смотрел в ответ.

Колдун нахмурился, повернул голову набок, наклонился чуть ниже, недовольно стиснул тонкие губы,

продолжая игру в гляделки...

И отшатнулся — из-за ворота королевича высунулась крошечная головка на гибкой шее.

— Что? Как же?.. — пораженно забормотал колдун. Однако оглянулся на Варю и моментально сообразил, что к чему и кто виноват.

Дракончик же вылез весь и уселся на воротнике точно брошка, да еще крылышки растопырил и зашипел, не прекращая сиять красным и синим цветами.

— Ути, сигналка ты моя славная! — умилилась на крошечного защитника Варя.

А колдун неожиданно рухнул на колени. И следом за ним бросились целовать пол все остальные белогорцы, что стражники, что чиновники и колдуны.

— О, великий владыка! — простер руки колдун. — Нижайше прошу прощения! Кто же мог знать, что вы — избранник Предпоследнего Дракона! И на вас милость его! Сегодня же велю казнить мою нерадивую дочь, что не сподобилась изречь предупреждающего пророчества.

Поганка испуганно ахнула и демонстративно упала в обморок.

— Вы что, нарочно дурака валяете? — не поняла Варя.

— Разве я посмел бы лукавить перед вами, о драконоподобная супруга избранника дракона, — хитро прищурился колдун. — Драконы — великие и древние покровители нашего народа. Мы никогда не поставим под сомнение их повеление.

— Так, — шумно вздохнула Варя. Уточнила, указав на воинственно стрекочущего «геккончика»: — Вот это ваш Предпоследний Дракон?

— Именно, о драконоподобная супруга избранника! — почтительно провыл колдун.

— А почему такой мелкий?

— Молодой еще. И болеет часто.

— Еще бы не болел — вы его держали на сквозняке в птичьей клетке без подстилки! — высказала она.

Колдун и прочие покорно упали лбами в пол:

— Смилуйся, драконоподобная! Другие клетки он сжигал, а подстилки разбрасывал.

— Ладно, проехали, — буркнула Варя. — А где тогда Последний Дракон?

— Он не вылупился, чары драконьего наследия на нем иссякли окончательно.

— То есть... — осенило Варю. Вытащила из кармана «жемчужину», уточнила недоверчиво: — Вот это и есть драконье яйцо, что ли?

— О-о!.. — прокатилась волна благоговейных вздохов. — Яйцо ожило!

— Еще бы не ожило у меня-то! — хмыкнула она самоуверенно. — За животиной следить надо лучше, изверги!

— Это знак! Великий знак, ниспосланный нам славными предками и драконами прошлого! — заголосил колдун воодушевленно. Вскочил на ноги и указал на стену с дырой, аж скорпион пугливо отодвинулся оттуда от греха подальше. — Нужно немедленно созвать совет семей! Идемте!

С этим он швырнул в стену приличный заряд специфической магии, и камень послушно оплавился, превратив пробитую Зимом дыру в просторный ровный тоннель, ведущий напрямик к светлому небу. Туда колдун и устремился, оставляя следы в еще мягкой каменной массе. За ним ринулись и все остальные местные, включая стражников — и никому не было дела до белой королевы в обмороке.

Прежде чем покинуть зал следом за белогорцами, Варя предусмотрительно вручила Зиму корону и оставшиеся два Ограждающих камня:

— Им они уже без надобности.

Сама же обернулась драконом и подставила загривок. Зимослав неохотно, но подчинился, оседлал преображенную невесту. Правда, когда Варя-дракониха нырнула в тоннель, ему пришлось сильно пригнуться к ее шее.

«Береги Финика и геккошу!» — мысленно бросила она.

Скорпион же послушно засеменял за ними.

Однако сразу сбежать не получилось: колдун на склоне горы собрал экстренный совет. Его, взволнованно жестикулирующего, окружили внушительного вида вожди племен и уважаемые старики-шаманы.

Обернувшись к выбравшейся из зияющей дыры драконихе и ее ошеломленному наезднику, колдун подозрительно радостно заорал:

— Единогласно! Совет решил присвоить вам, ваше высочество, титул королевы! Ах, как давно у нас не бывало столь могущественной правительницы! Определенно, это добрый знак — грядет новый бриллиантовый век возрождения! Не сомневайтесь, ваше высочество, в ваших венах течет кровь нашей прошлой королевы — вы избранны законно, вашу власть никто не оспорит. Да здравствует Зимослав Ледомир Снежен, принц Синегорья, королева Белых Гор!

Его клич подхватили толпы и толпы белогорцев. К склону стекались новые и новые зрители исторического

события...

Варя-дракониха крикнула. Не знала она, что, собравшись замуж за королевича, заодно окажется женой синегорского первосвященника — а теперь еще и белогорской королевы!

— Только этого мне не хватало, — потерянно пробормотал Зим. — Варя, ты понимаешь, что он сделал? Этот хитрец присвоил мне почетный титул верховной жрицы, который не дает почти никаких прав, но возлагает гору обязанностей! И тем самым он приравнял-таки Синегорье к провинции, а заодно обязал меня почитать их богов.

«Ужас! Прости меня!» — мысленно взмолилась Варя.

— Ты-то за что извиняешься? — удивился он.

«Так это же я геккончика забрала».

— Ерунда, они бы ухватились за любую другую возможность.

«Отказаться не получится?»

Зимослав кривовато усмехнулся:

— Попробуем выкрутить ситуацию в свою пользу. Напрасно, что ли, я держу целый кабинет министров и армию советников и дипломатов? Пусть теперь у них голова болит! Всё-таки дед Грозврат зачем-то сделал меня таким.

«Вот-вот! Я чуяла, что у дедули был дар предвиденья — видать, он его у старой королевы и отщипнул!»

Толпа зашумела еще громче, приветствуя новое знамение: над вершиной пронеслась, закружилась крылатая тень — еще один дракон! На этот раз явно самец, поджарый, худощавый, черно-синей окраски. Он опустился на массивную глыбу скалы поблизости. И Варя поспешила подойти, заметив на загровке всадницу с растрепанной синей косой.

— А мы прилетели вас спасти! — расхохоталась Яснолика, поглаживая своего дракона по мощной выгнутой шее. Тот почему-то смущался и отворачивал морду, лишь бы не глядеть на Снежена. — Что тут творится? Что за всеобщее ликование?

— Какие-то местные суеверия, — отмахнулся Снежен. — Потом разберемся. Лучше скажи, как тебе удалось уговорить Врана на... на брак с тобой?! — Он собственным глазам не поверил.

— Я давно ему доказывала, что союз со мной поможет ему излечить поврежденные потоки энергии! — расхохоталась ошарашенная королева. — А он не верил! Ну и зря, как видишь, только время потеряли из-за его сомнений. Согласился исключительно ради твоего спасения!.. Но я рада, что вас не пришлось выручать. Летим скорее — Тихун почуял серьезный стихийный разрыв.

Варя схватила поджавшего лапы паука и рванула в небо следом за преображенным Белокрысом и Красой. В голове звенела только одна тревожная мысль: неужели худшие опасения Зима сбылись и уничтожение камня повредило ткань пространства?..

Глава 24

Пространственный разрыв оказался небывалых масштабов. Даже Зимослав, увидев поле деятельности с высоты драконьего полета, на мгновение застыл в шоке. Казалось, сцена вместе с кулисами в Вольнопольской Королевской Опере была меньшего размера, чем арка дыры, очерченная неровными всполохами, и «язык» порога перед нею. Дыра неторопливо, но безостановочно расползлась вширь и ввысь, проталкивая через себя в здешний мир часть чужого, заменяя им вспаханное поле и полосу некошеного луга. Земляные борозды исчезли под асфальтной разбитой дорожкой, зелеными деревьями и кустами, кирпичной будкой подстанции, столбами фонарей, ржавым забором из дырявой рабицы, клумбой, скамейкой...

Заглядевшись, Варя приземлилась жестко, едва-едва не перекувырнувшись, хоть и тормозила всеми лапами. Зимослав психанул — спрыгнул с ее загровка, не дожидаясь полной остановки. Финик с его плеча брызнул в руки Чаруши, поджидавшей неподалеку вместе с остальной уже собравшейся командой. (Даже Вран и Краса прилетели на пару минут раньше — Белокрыс, пунцовый от смущения, как раз заканчивал одеваться за кустиками, огрызаясь на подтрунивание Венцемира и несмешные шутки Будигора. В отличие от Вари, Краса мелочами перевоплощения не озаботилась — или наоборот коварно воспользовалась предлогом, чтобы посмущать «молодожена» в качестве мести за многолетние отказы).

— Зеленые! — завопила Варя, едва обернувшись человеком, тыкая пальцем в сторону растительности. — И это всё остальное! Это же из моего мира всё! Правда, не знаю, откуда именно, страна у нас огромная, раскинулась на четверть планеты, но судя по матерному граффити на будке, это точно нифига не Америка и не Китай.

— Удивительно! — насмешливо воскликнула Краса. — Можно считать, нам повезло?

— Ничего удивительного, если подумать, — ответил Зим, отряхнув одежду после прыжка на рыхлую пашню. — Но в чем-то повезло, да — местные ядовитые испарения в воздухе хотя бы не убивают мгновенно.

— Вообще-то я ждала атаки драконов, — честно выдала Варя, пропустив шпильку в адрес привычного с детства городского смога.

— Не говори, что разочарована. Нам хватит тех ящеров, что у нас есть, и больше не надо, — хмыкнул Зим,

стараясь за нарочитым спокойствием скрыть нервозность. Впрочем, Варя-то отлично видела, что ее королевич целый день не в своей тарелке, напряженный, как натянутая струна. — Вспомни: ты разбила Ограждающий Камень с желанием иметь возможность возвращаться в свой родной мир. Из кристалла высвободилась вся сила, что копилась в нем столетиями — и вплелась в неосознанные чары твоего желания. И вот итог — наши миры и так были связаны самым фактом твоего присутствия здесь, от добавочной немалой энергии они столкнулись до взаимопроникновения.

— Разбила? Камень? — охнул Венцемир, однако от ехидных комментариев воздержался.

Варя оторопела:

— Так это что же, теперь два мира поглотят друг друга? И опять я виновата...

— Нет, на это не хватит энергии, — сказал Зим. — Надеюсь.

— Я бы не поручился, — возразил Вран мрачно. Кивнул на дыру: — Это тот самый мир, где пропал его величество Кудеяр Смур. Никогда в жизни не забуду и ни с чем не спутаю эту жадную атмосферу: это не взаимопроникновение — это пожирание! Тот мир высасывает из нашего энергию. Поэтому дыра постоянно растет — она просто не может остановиться, ведь в нее утекает всё больше и больше потоков силы. Если не закроем разрыв в самое короткое время, нас всех туда затянет, выжмет и вывернет, вместе с обеими Лунами и Кольцом напоследок.

— Не преувеличивай, — попросил Будигор, впрочем, без уверенности.

— Это значит, — тихо проговорила Варя, пораженная догадкой, — колдовать на той стороне ни у кого из вас не получится. Зим, ты помнишь? Когда ты был у меня дома и разбил плафон торшера, у тебя...

— Помню, — резко перебил он.

— Варя права, — поддержал Алояс, — мы не можем допустить, чтобы тебя постигла участь твоего отца!

— Допустить, чтобы наш мир исчез, мы тоже не можем, — отозвался Зимослав, наградив компанию тяжелым взглядом. — Так что вспоминайте скорее, что делал отец. И думайте, как мы сможем избежать его ошибки. И побыстрее соображайте, иначе наших сил не хватит — дыра-то ждать не станет!

Приказ его был обращен к Белокрысу и Вихрю, раз они, самые старшие члены команды, присутствовали при трагическом случае с прежним правителем Синегорья. Вот только оба казались слишком подавленными мыслью, что беда может повториться, и было ясно, что озарения от них ждать не стоит. Впрочем, Тихун тоже сунул брови, усиленно соображая.

— В любом случае дыру незакрытой не бросим, так что пока поставлю маячки по периметру, — негромко объявил Венцемир.

Направившись в обход портала, он украдкой оглянулся на Чарушу. Та, не сводившая с него глаз, торопливо отвернулась, будто стыдясь быть застигнутой, завесилась волосами и хвостом Финика. (Кролику надоело, что его тискают, и он перебрался к чародейке на макушку, вить гнездо из лимонно-блондинистых мелких кудрей).

Краса, стоявшая позади Врана, обняла его за плечи, намереваясь влить в новоиспеченного супруга как можно больше своей силы, чтобы тот смог участвовать в плетении чар, не прибегая к амулетам, ибо заряженные подругой Вихря накопители в этот раз потребуются самому Алоясу.

Варя совершенно не представляла, как и чем может помочь. И разозлилась на себя за это — с нею всегда так будет? Вечно бесполезная, всего лишь батарейка!.. Лихорадочно перебирая в памяти всё, чему ее успели научить, напрягая мозги в поисках гениальной идеи, она машинально направилась к зеленым кустам и клумбе.

В спину ее нервно окликнул Зимослав:

— Только не входи в портал! Там воронка энергии, ты не сумеешь закрыться от такого массивного течения!

— Я просто поглядеть.

— И я только взглянуть!

Чаруша бесстрашно последовала за Варей — ей было жутко любопытно, что же это за чужой мир такой, где даже листья на деревьях оказались другого цвета.

— Я считала, плавить камень умеют только белогорцы, — удивилась она, потопав каблучком по асфальтовому покрытию дорожки.

— Угу, — не подумала отвлекаться на пустяки Варя.

Она оглядывалась по сторонам, но ничего дельного не бросалось в глаза. А самое обидное, что за аркой разрыва определенно пролегла улица или шоссе, но обзор закрывали густые кусты давно отцветшей сирени и низкие кроны лип, к которым подходить ей запретили. Конечно, не факт, что за этой зеленой преградой она смогла бы увидеть нечто важное, что дало бы подсказку, куда именно выводит разрыв, и тем более не факт, что это знание ей чем-нибудь помогло бы, но всё-таки. И в то же время что-то неуловимое мешало сосредоточиться на мыслях о магии...

— Мяу!

— Ой! Какая милашка! Это полосатый цуцик или миниатюрный зяблик?

Обернувшись на щебет присевшей на корточки Чаруши, Варя узрела опасно выглянувшую из кустов кошку — глубоко беременную полосатую уличную, но вместе с тем неожиданно упитанную.

— Не трогай!.. — заикнулась было Варя, но опоздала. Договорила неуверенно, с затаенной завистью взирая, как ласково гладит Чаруша «пришлицу», а та охотно трется о ноги: — У нее могут быть блохи и лишай, неизвестный в вашем мире. Если не принять меры предосторожности, запросто разразится глобальная экологическая эпидемия.

— Что за ерунда? — фыркнула чародейка. — Не бывает болезней, с которыми не справится колдовство. Смотри, какая она ласковая! А мурлычет-то — такая маленькая, а громче зяблика!

— Поймай и подари Злагу, — невесело пошутила Варя, — он влюбился в наших кошек с первого взгляда. Пусть разводит котят и скрещивает с вашими цуциками.

И прикусила язык, поняв, что Чара совет приняла всерьез и вознамерилась сцапать экзотическую зверюшку! Вот только не вовремя Финик высунулся из копны кудряшек — кошка мгновенно его заметила и, как всякий порядочный хищник при виде белки (или почти белки), уставилась на него голодным немигающим взором. Финику взгляд неведомого зверя не понравился, он брызнул белой молнией прочь и подальше — к счастью, в противоположную от портала сторону. Кошка кинулась за ним. Чаруша, напролом через кусты, устремила за ними обоими. (Краса, видимо, закончив вдохновлять новоиспеченного мужа на подвиги, засмутив его до пунцовости, встрепенулась и поспешила за приятельницей — всё-таки не доверяла она взбалмошной девице, не оставляла без присмотра).

Варя уставилась на клумбу с пахучими лиловыми флоксами и оранжевыми бархатцами. Лепестки цветов незаметно подрагивали, точно от ветра, но при этом ветра не было. Значит, даже растения ощущали те самые потоки местной магии, всасываемые в воронку.

— Зим! — закричала она, ухватив мысль, — что если ты не станешь штопать дыру собственными силами? А поймаешь в накопитель завихрения магии, текущие отсюда туда? И уже из накопителя направишь, куда тебе надо. Алояс ведь ловил так мою энергию на тренировочной площадке.

— Не я, а Роза, — поправил занудный учитель. — И там была совершенно иная ситуация.

Зимослав задумался.

— Где бы еще такой кристалл взять, чтобы... — проворчал Будигор.

Но Снежен продемонстрировал ему целых два Ограждающих Камня, не считая короны белой королевы, в которой крупных кристаллов тоже хватало.

— А плести чары мы будем здесь, — осенило и Огнеяра. — Сплетаем, отпускаем — и на ту сторону они уходят с потоком эфира. Зим их там ловит, насыщает из кристалла и использует — сам при этом остается в безопасности!

— Может получится, — кивнул Алояс. Но радоваться не спешил: — Однако на финальной стадии поток иссякнет, и всё равно придется...

Зимослав его перебил, неприметно сделав знак молчать и нахмурившегося Врану:

— У меня хватает накопителей. Наверняка уж сколько-то запаса останется и на последний шаг.

Варя не очень поняла, в чем суть выразительных переглядываний между этими тремя, но сердце нехорошо ёкнуло, намекая на то, что выданная ею идея не гарантирует ста процентов успеха.

Только другого способа всё равно никто не придумал.

— Заряди для меня? — пока остальные готовились исполнять свою часть работы, попросил Зим, протянув ей амулеты. Заодно сонного дракончика вытащил из-за пазухи, посадил ей на плечо.

— А ты точно?.. — промямлила она, боясь высказать опасения вслух.

— У нас всё получится, — улыбнулся он, нахлобучил ей на голову корону. Опустил взгляд, занятый кольцами и браслетами: — Не может не получиться.

Что-то Варе очень не понравилось в этой бледной улыбке. И в нервных движениях слегка подрагивающих пальцев, перебирающих застежки на амулетах. Но делать-то нечего, пришлось натужно улыбнуться в ответ и пожелать ни пуха ни пера. На что Зим кивнул. И неожиданно громко чихнул, прикрывшись рукавом. Возмутился на клумбу с флоксами:

— Что это за цветы такие? Отвратительный запах!

Поначалу всё шло, как надо. Варе велели отойти в сторонку, к ней после присоединилась и Краса, шепнув, что Чаруша с добычей отбыла в Кукушкин Дол. Вдвоем они с восхищением взирали, как парни медленно, но верно, шаг за шагом отвоевали захваченную чужим миром территорию, буквально выталкивая кусок земли с зеленой растительностью назад в дыру и заставляя арку разрыва стягиваться. Причем Краса особенно наслаждалась видом воодушевленного и деятельного Белокрыса. Варя, понятно, не сводила глаз с Зимослава.

Снежен делал вид, будто во всем полагается на свою команду, экономя силы для финального этапа чародейства — ведь всё-таки он успел сегодня и повоевать с белогорцами, и гору своротить. Однако Варя чуяла,

что он не просто так встал перед уменьшающейся дырой и сжимает в руках Ограждающие кристаллы.

Подвох раскрылся, когда пришла очередь ему вступить в плетение общего заклятья. Зимослав легко подкинул вверх оба кристалла, и те зависли в воздухе. Сам же он быстро вошел под арку разрыва, наконец-то сделавшуюся немногим шире дверного проема.

— Почему?! — вскрикнула Варя.

— То-то я смотрю, уж слишком легко всё удаётся, — заметил Венцемир ядовитым тоном.

— Ледомир заставил кристаллы не поглощать магию эфира, а отклонять течения в сторону от этого места, — помрачнев, пояснила Краса для исполошившейся Вари.

— Если б я не убрал воронку, затянуть разрыв не получилось бы и за год, — с невозмутимым видом пояснил Зимослав через «порог», будто ему было плевать на общее молчаливое негодование за обман. — А если бы перенес камни через портал, ваша идея с отзеркаливанием чар тем более не сработала бы — разнонаправленные струи потока их развеяли бы. К тому же, направлять энергию эфира в камни у меня не вышло бы — как вы все знаете, я вообще не умею заряжать накопители. Ну так что? Чего встали? Или мне самому тут заканчивать? — поторопил он своих парней.

Пусть с общим зубовным скрежетом, но приступили к следующему этапу: Тихун и Будигор удерживали разрыв, чтобы не захлопнулся раньше времени и не растянулся снова, а Венцемир, Алояс и Вран отправляли на ту сторону почти готовые «узлы» и «скрепки». Но всё равно Зимослав, подхватывая и распределяя чары, использовал и свой дар тоже. Варя видела, как он невольно морщится и вздрагивает от резких уколов боли, когда при малейшем усилии у него каждый раз вырывается намного больший заряд энергии, чем он рассчитывал потратить.

Не удивительно, что вскоре кристаллы в амулетах на нем начали один за одним взрываться осколками, но он продолжал колдовство, будто не замечая столь незначительных помех.

— Почти закончили, — объявил Вран без капли радости. — Зимослав, возвращайся.

— Сам же знаешь: мог бы — вернулся бы, — отозвался тот. Приказал: — Венцемир, давай последний узел.

Но все остановились.

— Я жду!

Венцемир, опустив голову, подчинился, сплетая чары медленно, против желания. Остальные нервно переглядывались между собой, только выхода не находили.

— Погодите! — метнулась к разрыву Варя. — Стойте! Это как понимать?!

— Он не может вернуться. Из-за особенностей тамошнего эфира последний узел получится затянуть только оттуда, — пробормотал Огнеяр. — Иначе всё будет напрасно — миры столкнутся и поглотят друг друга, ну и так далее.

— Хорошенькое дельце! — всплеснула руками Краса.

Варя же кинулась к дыре, но Вран успел перехватить ее, стиснул за пояс, не подпустил ближе, чем на пять шагов:

— Нельзя!

— Но там мой мир!

— Но ты не участвуешь в заклятии и навредишь всем нам, — осадил ее Снежен. Однако получилось у него совсем не строго, а взгляд выдавал затаенный страх.

— Зим... — жалобно позвала Варя, — неужели ничего не сделать?

— Всё хорошо, Варя, — заверил он, кривовато улыбнувшись. — Раз это твой мир, мы с тобой обязательно найдем друг друга, рано или поздно. Может даже, я наконец-то отыщу своего отца.

— А ты?.. а я?..

Ей хотелось заорать, заплакать, затопать ногами, так жутко было прощаться, так ужасала неизвестность. Но Вран держал почти на весу, не вырваться, сколько ни дрыгай ногами, не вздохнуть толком, чтобы рывкнуть на весь свет. Да еще проклятая корона, о которой она совсем забыла, съехала на ухо.

— Погоди-погоди! — вскинулась Варя, ожив от внезапной новой мысли: — Зим, можешь раздвинуть ветки сирени? Вон те, где листья сердечками! Черт, у липы тоже сердечками... Да, эти! Еще немного, правее! Белоокрас отпусти! Мне надо увидеть! Понять, где этот чертов закоулок! Может, там где-нибудь написан адрес — номер дома, улица, хоть реклама с телефоном и кодом города... Белоокрас, не отпускай — подними-ка меня повыше!

Пока Зимослав послушно шуршал ветками, Варя тянула шею и тарачила глаза, взмыв на полметра выше своего роста с помощью вновь подхватившего ее Врана.

— Кафе... Кафе! Вашу маму, Анькино кафе!!! — заорала она, опознав угол безусловно знакомой вывески над почти родным заведением. Сорвала с головы корону и без спроса швырнула в портал: — Зимка, лови!!! Это тебе запас накопителей! Жди меня на этом самом месте, никуда не уходи! Я буду через час!

— Обещаешь? — чуть улыбнулся Снежен, не скрывая облегчения.

— Клянусь мирозданием! — завопила та. — Отпустите, мне домой надо! Срочно! Туда еще ехать полчаса на

грамвае!..

Пока она барахталась в руках Врана, не приученного обращаться с девушками, тем более с брыкающимися, Зим сделал знак остальным, и разрыв затянулся. Варя оглянулась на громкий чих, но перед нею простиралось лишь голое поле.

Два кристалла в воздухе, будто потеряв невидимую распорку, внезапно примагнитились друг к другу, резко ударились. Треск! Землю осыпали неровные осколки. Ладно, ни в кого не попали, но напугали изрядно, дернув всем и без того истрепанные нервы.

— Ничего себе! Как же мы справились, раз даже Ограждающие Камни не выдержали напряжения? — изумился Тихун.

— Парни! — Варя выкрутилась-таки из объятий Врана, который машинально прикрыл ее собой от взрыва кристаллов, не заметила ревнивый взор Красы и запрыгала на месте от нетерпения: — Ну, кто откроет мне портал в Златоград?!

Спыхватилась, сняла с себя весело чирикающего дракончика, повесила на Огнеяра.

Команда снова переглянулась. Дружно виновато покачали головами.

— После такого только через два часа, в лучшем случае, — ответил за всех Алояс.

Краса тоже развела руками — она лишь недавно отправила домой Чарушу с кошкой, к тому же немало сил отдала Врану.

— С Зимкиной аллергией и мнительностью за лишние два часа он там с ума сойдет, а я здесь чокнусь! — возмутилась Варя.

— Я могу, — неуверенно предложил Тихун. — Только не в Златоград, а в Жуков Улей. У меня специальный амулет есть, настроенный на одно возвращение.

— Давай! — согласилась она и на это.

Амулет Огнеяра выставил Варю прямо на порог башни. Проморгавшись после звездочек в глазах — всё-таки пользоваться подобной «запаской» было не очень комфортно по сравнению с уже привычными порталами — Варя стартанула бегом с места. За считанные секунды пролетела по коридорам и залам дворцовой пристройки. Хотела было с разбега же нырнуть в колонну, но поостереглась. И не зря.

Переходы в арках колонны не открылись. Ни тот, что вел к ней в квартиру. Ни тот, что выводил на крыльцо академии Чуrolюта.

Варя запретила себе расстраиваться и вообще нервничать — то, что чары не работают, говорит лишь о том, что маг, их создавший, покинул сей мир. К тому же портал домой барахлил до этого, она в спешке просто забыла.

— Тьфу-тьфу! — шикнула Варя на собственные неуклюжие мысли. — Всего лишь ушел в мир иной... А-а-а, черт! Верну с того света — за всё у меня ответит!!!

Бегом, не в силах впустую тратить ни единой минуты, она взлетела на вершину башни — чтобы оттуда, прямо с крыши, вновь сигануть в небо драконом. Заодно на чердаке сверилась с подробной картой погодника и хорошенько запомнила маршрут до Златограда. Лететь предстояло, правда, не близко, но у нее на этот счет имелась одна революционная идея, которую давно хотелось опробовать на практике. Вот и выпал шанс проявить себя, дождалась. Это испытание для будущей королевы не сравнится с заданиями на конкурсе у Тугохвала — тут вам не пряники печь!

Вот только то ли переволновалась, то ли по неопытности допустила ошибку в рецепте зелья, то ли потому что включила в заклятье сохранение одежды — в общем, по сравнению с Чарушиными похождениями время действия оборота сильно сократилось. Драконом Варя далеко не улетела. Едва взмыла над помещьем, распахнув крылья и поймав ветер — началось обратное превращение.

Зарычав матерно да громгласно на всю округу, она изо всех сил замахала конечностями, стремясь доплыть по воздуху до крыши башни — на нее падать будет гораздо ближе, чем прямо на землю, хоть за черепицу ухватится как-нибудь... Но нет, край крыши мелькнул перед глазами и взмыл к небу, в то время как сама Варя неуправляемо понеслась к бирюзовым кронам сада.

За мгновение не жизнь промелькнула перед глазами, нет — служанки, всполошенные драконьим ревом, с криками метались по приближающемуся двору, точно перепуганные куры. Варя хихикнула, не веря в свою скорую кончину...

И правильно — в следующий миг она плавно приземлилась на твердь земную, ровно встала ногами. И хлопнула себя по лбу, обругав за запоздало пришедшую мысль:

— Я ж левитировать умею! Вот растяпа!

Однако предаваться размышлениям было некогда — во-первых, следовало спешить. Во-вторых, к ней бежала со всех ног Зореслава, (которая своими силами и затормозила падение), чуть не со слезами крича:

— Варенька! Не надо! Мне Краса всё рассказала!

— Что рассказала? — удивилась та. — Когда успела?

— Когда вы от Белых Гор улетали! Час назад уж, я еще в Златограде была. Варя, ты только не расстраивайся! Всё можно исправить! — В порыве сентиментов принцесса хотела было кинуться обниматься, но из-за разницы в росте ограничилась тем, что схватила невестку за руки и крепко сжала в своих тонких пальчиках, прочувствованно заглядывая в глаза. — Пусть ему сватают тамошнюю королеву — ничего страшного! Разберемся! Это не повод тебе прыгать с крыши! Он только тебя любит! Он найдет способ избежать навязанной женитьбы!

— А-а, — поняла Варя. Отмахнулась: — Не переживай, с крыши я прыгала не поэтому. Вообще, прости, конечно, но мне надо торопиться. Раз с драконом не вышло, попробую уговорить Друню. Мне, понимаешь, удобнее колдовать на крупном объекте. Да и на небе вдвоем не так страшно будет.

— На небе? — пискнула Зорька, подумав о самом трагичном варианте. — А Друню-то зачем?

— Так за любимым хозяином отправиться в иной мир, надеюсь, не откажется! — весело пояснила Варя, запутав впечатлительную принцессу до полубоморока. Благо вокруг столпились служанки — успели подхватить под руки закатившую глаза хозяйку.

Друня встретил Варю с радостью, охотно согласился отвезти ее на прогулку. А когда понял, что про полет она ни в коем разе не шутит, от счастья боялся лишней раз моргнуть, чтобы сбывшуюся наяву заветную мечту не проморгать. Поднятый Вариной волей в воздух, крыльями замахал усердно, лапами задрыгал в щенячем восторге. Так и поделили роли: она была за баллон цеппелина, седло — за корзину, крылья сайгачьи — за пропеллер, а хвост — сразу и за руль, и за развевающийся стяг. Получилось лететь вполне себе сносно, без укачивания, соблюдая верное направление, ориентируясь по местности, лежащей внизу, будто на ладони.

Жаль, двигались медленно — по сравнению с драконьими виражами полет на сайгаке казался вроде поездки на ослике. Однако Варя была готова к этой задаче и заранее придумала оригинальное решение. (Хотя, может, и не очень оригинальное — давно крепили подозрения, что подобным трюком пользуются кролики для своей «фирменной» незаметной глазу сверхшустрости).

Чувствуя себя гением от магии, она применила к путешествию принцип, который узнала в саду Жукова Улья при консервировании свежих фруктов. Здесь точно так же предстояло манипулировать временем и пространством. Только вместо запечатанного туюска перед нею был сравнительно пустой простор неба. Именно поэтому и потребовались крылья — ведь на поверхности земли замучаешься учитывать все препятствия, горки-спуски и повороты.

Итак, Варя выбрала точку над горизонтом и мысленно прочертила вектор в ее сторону. Отпихнула с намеченного пути всякую мелкую летучую живность. Затем по прямой продернула сквозь окружающее пространство пузырь воздуха вместе с собой и сайгаком, руководствуясь логикой: «Я всё равно там оказалась бы рано или поздно, так кому какая разница, если я появлюсь там сейчас? Скажем, через секунду».

После столь стремительного рывка требовалось несколько минут, чтобы перевести дух, сосредоточиться на новой точке и повторить чародейство. Но что значат минуты по сравнению с сэкономленными часами! Друня, кстати, совершенно не замечал прыжков — он просто наслаждался полетом.

Когда на горизонте показались пригородные деревеньки, пришлось с прыжками заканчивать — Варя побоялась, что легко проскочит мимо нужной улицы.

Поглядев на смартфон, она недоверчиво ухнула — дорога между двумя королевствами отняла всего десять минут.

Еще четверть часа потребовалось, чтобы добраться из пригорода до центра столицы, и Варе это время показалось если не вечностью, то близко к одной. К тому же в голову сразу полезли пакостные предположения: а если и отсюда путь домой окажется закрыт? Ей же тогда придется потратить годы, чтобы научиться строить порталы самостоятельно, не полагаясь на счастливую случайность! И как она отыщет свой мир среди множества чужих параллельных? Вон же, отец Зима пропал сколько лет назад и до сих пор не вернулся, бедняга, прямо как тот заблудившийся король из сказки. Недаром Варя эту сказку любила в детстве — история-то оказалась вещей! Теперь суженый ее точно так же пропал, штопая дыру между мирами, и сама она рискует остаться без связи с родиной. Ой, видно и «Нарнию» зря перечитывала столько раз! Да и «Алису» тоже ей будто с намеком подарили — словно кто-то заранее знал, что и за Варей однажды явится белый кролик.

— Погоди-ка, — нахмурилась она. — Почему «будто»? Так и есть — специально подарили-то! Мне ж сам Зимка сказал тогда, что именно эти две книжки точно содержат заряд колдовства!

От озарения Варя чуть из седла не выпала — аккуратно над крышами академии Чуrolюта.

— А сказочку-то — ее вообще кое-кто специально для меня сочинил! Устное, блин, самодеятельное творчество! Ух, этот кое-кто у меня получит за намеки и экивоки! Вот дайте только я домой доберусь, ну задам!.. пару вопросиков! — заорала она, не зная, то ли злиться на свою недогадливость, то ли радоваться, что дырявая память хоть от стресса проснулась.

Так и кипела, размахивая руками и счастливо ругаясь, пока снижались с Друней и аккуратно приземлялись на сайгачьи «босоножки».

На крик и характерный цокот деревянных «каблуков» о булыжную мостовую из окошка академии выглянула подруга Вихря. Варя проорала и просемафорила ей, чтобы приглядела за Друней. А сама понеслась сломя голову к первоначальному своему порталу.

Пугая прохожих чумным видом, добежала до заветной стены. И с разбега ринулась вперед, трусливым краешком сознания боясь при неудаче размазаться о кирпичи и свернуть шею...

...но беспрепятственно вылетела в квартиру! Затормозила, лишь рухнув с разбега на диван, успев навернуться коленкой о низкий столик.

Перекатившись на бок, пытаясь отдышаться, Варя обернулась к шкафу — и увидела, как портал закрылся. Будто рассеялась дымка с проекцией вида улицы, явив вместо себя плотно выставленные корешки книг. И это при обеих распахнутых дверцах, исписанных поблекшей помадой.

Шумно вздохнув, Варя решила, что восстановлением телепорта займется позже. Сейчас более актуален вопрос о транспорте местном обыкновенном, с четырьмя колесами.

Добираться до кафе, где работала подруга, было привычней на трамвайчике — экономно и просто. Но не быстро! Да и на остановке можно прождать лишние полчаса, а каждую утекающую минуту Варя буквально ощущала вздыбленными волосками на теле, до мурашек по «гусиной» коже. Так что она включила смартфон, чтобы вызвать такси.

И градом на нее посыпались уведомления о пропущенных звонках и непрочитанных эсэмэсках.

— Что у них там стряслось? И отец, и Машка... И даже Смурфик? Хотя вот этот кстати, — хмыкнула Варя. Решительно отметала вылетающие на экран ярлычки: — Всё потом, потом! Столько времени ждали, еще часик потерпите, не до вас пока.

Такси подъехало через пять минут. За это время она успела переодеться и, мечась по квартире на скорости, какой позавидовал бы любой кролик, собрала рюкзак «спасения»: цапнула из шкапулки с украшениями горсть побрякушек с камушками; прихватила бутылочку с водой, пузырек нашатыря, лейкопластырь, упаковку валидола и плитку шоколада. В аптечке же нашлась тоненькая пачка налчных — записка «на самый черный день». Ее Варя тоже кинула в рюкзак, чтобы не пришлось расплачиваться за такси карточкой — вдруг электроника подзависнет на лишние пару минут!

И это еще крупно повезло, что не в час пик пришлось выезжать.

Поглядев через зеркало на пассажирку, подпрыгивающую на пружинистом заднем сидении от нетерпения, водитель усмехнулся:

— На свидание, что ль, опаздываешь?

— Почти, — кивнула она, — жених позвонил — у него приступ паники, надо скорее домой забрать.

— Вот же молодежь чахлая пошла! — Мужчина сочувственно покачал головой и прибавил газа.

Варя снова взглянула на заставку смартфона: таксист, мастерски объехав круглосуточные хронические пробки, потратил ровно восемь минут. Итого она управилась за сорок четыре минуты. Плюс еще минута, пока расплатится, попросит водителя подождать — и от парковки добежит до сквера. Так и вышло без малого час, как и обещала — хватит, чтобы Зим извелся в одиночестве, но вроде бы недостаточно, чтобы вправду успел запаниковать.

Анна завернула в салфетку остатки недоеденной посетителем рыбной котлетки и помахала товаркам-официанткам, что выйдет на минуту прогуляться. В соседнем заросшем закоулке, громко именуемом местными жителями «сквером», поселилась бездомная беременная кошка — к ней-то она и спешила.

Кошка, против обыкновения, не вышла навстречу и на «кис-кис» не откликнулась. Вместо мяуканья из-за буйной сирени донеслось безостановочное чихание. Анна оставила салфетку с раскрошенной котлетой на видном месте — не кошка, так птицы подберут, — сама же, движимая любопытством, направилась по изрытой провалами и трещинами дорожке вглубь тенистой зеленой прохлады, напоенной резкими ароматами цветов, высаженных активными пенсионерками на клумбах из автопокрышек.

Оказалось, чихал престранный на взгляд Анны тип — молодой высокий парень, бледный, как вампир, в историческом костюме и с шевелюрой, радикально выкрашенной в светло-сиреневый тон. В одной руке у него поблескивала корона, в другой был платок, в который он, собственно, и чихал. Несчастный косплеер очевидно явился жертвой аллергии: слезы так и лились из красивых глаз, подкрашенных темно-фиолетовой тушью, без сомнения водостойкой. Впрочем, виноватыми могли быть и линзы — сумасшедшего желтого цвета с яркими золотыми искрами.

Анна не могла остаться в стороне при виде заплаканного красавчика. Подошла, поздоровалась — тот лишь сумел кивнуть в ответ. Взяла под локоток, отвела к скамейке, усадила, предварительно проверив, не покрашено ли, не испачкано ли сидение, а то жалко было бы испортить роскошный и наверняка дорогий костюм. И платок тоже было жалко — видно же, что ручная работа, под стать костюму, с отделкой вышитым кружевом «ришелье».

Анна решительно отобрала пока еще не совсем загубленный мини-шедевр и вручила недоуменно вскинувшему фиолетовые брови косплееру пачку одноразовых салфеток, которые по долгу службы всегда носила в кармане форменного передника. Платок же поместила в целлофановый пакетик и вернула владельцу с напутствием:

— Сунь в карман, потом постираешь. Такой аксессуар для королевской фотосессии сгодится!

— Благодарю, — рассеянно отозвался парень, но, шмыгая носом, послушался.

С упаковкой салфеток недотёпа сумел справиться только с помощью Анны.

— Ты бы хоть линзы снял, — хмыкнула она, — а то не видишь ничерта и слезами, поди, от раздражения заливаешься. Ну что за удовольствие здоровье себе портить?

— Что, простите? — ролевик захлопал глазищами. — Боюсь, сударыня, я не все слова в вашей речи понимаю, прошу извинить.

— В роль вошел? Красиво, будто с настоящим принцем сижу болтаю, — хихикнула Аня. — Где у вас тут клуб-то открылся? Я что-то не видала вывесок.

— Что вы имеете в виду?

— Ну как же, сперва Варвара является, сама в платье гугенотки, а с ней два костюмных парнишки романтического облика. Теперь вот ты.

— Варя? Вы ее знаете? — мигом оживился ролевик, даже шмыгать прекратил, затрепетал влажными длинными ресницами.

Аня усмехнулась — вот как чуяла! И этот оказался из той же компашки. Откуда только Варька-домоседка берет столько кавалеров? Из интернета выписывает разве что. Да хорошенькие все на мордочку, как на подбор — любой за принца сойдет!

— Варьку-то? — важно изрекла Аня. — Знаю одну. Правда, не факт, что мы одну и ту же Варвару имеем в виду. Твоя какая?

— Моя... она такая...

Простой вопрос заставил принца смутиться — он осекся на полуслове, будто вместо краткого описания внешности из него рвалась стихотворная ода в честь прекрасной девы, но из чувства такта он счел неуместным восхвалять одну даму в беседе с другой, тем более незнакомой. Выручил новый приступ чихания, заполнивший неловкую паузу.

— Моя — с красными волосами, — в итоге сообщил косплеер кратко.

— Ага, она самая! Ты ее здесь ждешь, выходит?

— Надеюсь, что она скоро придет, — кивнул. — Она обещала.

— Составлю тебе компанию, давненько с ней не видались! Ты не против?

— Нет, наоборот, я вам благодарен, — искренне улыбнулся тот.

Еще больше он преисполнился благодарности к любезной незнакомке, когда Анна отогнала от него шумную стайку подростков. Те всегда обожали шастать через сквер — а тут на скаку застряли посреди дорожки, воззрившись на ролевика в костюме, загоготали в восторге. Разумеется, мигом вскинули смартфоны.

Анна заметила растерянный взгляд парня — и вскочила со скамейки, закрыла его собой, гаркнула на челяду грозным ультиматумом:

— Каждая фотка по двести рублей! Эксклюзивный костюм! Авторские права соблюдаем, товарищи, иначе конфискую гаджеты! Хотите красивое селфи — можете сфоткаться со мной, разрешу за полцены.

— Фотку за сотку? С замызанной официанткой? Да ну-у! — разочаровалась молодежь и упылила по своим делам.

В качестве награды Анна получила от спасенного принца очаровательно застенчивую улыбку — и согласие сфоткаться вместе на фоне флоксов и кустов сирени. Она еще и корону напялила, чтобы соответствовать в кадре.

— Классная бижутерия! — решила, примерив так и эдак. — Только тяжелая, на макушку давит. Вот если б не отсутствие клейма, решила бы, что настоящее белое золото. С брьюльянтами!

Утомившись фотографироваться, взвесила венец в руке, отвела руку подальше, поймав лучик солнца, пробившийся сквозь густые кроны:

— А сверкает-то как, мама дорогая!..

Ролевик выразил согласие громким чиханием.

— Зимка-а! Я за тобой пришла! — заорала Варя на бегу.

Завернула за куст сирени — и глазам не поверила: муженька даже на час нельзя оставить одного, тут же вокруг начинают виться всякие кокетливо лыбящиеся особы! Хотя, конечно, с другой стороны, так даже лучше — в глубине души она желала этой встречи в качестве реванша за когда-то разбитое подружкой сердечко.

— О, наша Варешка явилась! — бесцеремонно пихнула Анька Зимослава в бок.

Тот, едва услышав голос суженой, вскочил со скамейки, сияя неподдельным счастьем в мерцающих от слез

глазах... и поспешил отвернуться, дабы чиханием и сморканием не осквернить взор невесты. Анька загундосила ворчливо-успокаивающе, заботливо вынула из упаковки и протянула ему очередную салфетку взамен той, что отправилась в мусорную урну.

Оно, конечно, счастье, что подруга случайно тут оказалась и поддержала, не дала Зимославу в одиночестве зачахнуть. Только Варю всё равно прошло болезненным уколом ревности. Да и на шею своему принцу с разбега не повесишься — стыдно под пристальным взглядом, а ведь так мечталось всю дорогу от Улья.

— Мы тебя уж заждались! — объявила Анька. — Я тут полчаса работу прогуливаю, а собиралась только кошку покормить.

— Ой, Ань, спасибо, что присмотрела за ним! — от чистого сердца поблагодарила Варя, задвинув неуместную ревность поглубже.

— Да не за что, я с удовольствием присмотрела, полюбовалась... — хихикнула та двусмысленно. Отдала корону и стрельнула глазками, вновь смутив еле прочихавшегося королевича. — Говорю ему: ты от флоксов чихаешь! Они так воняют, что любой соплями изойдет. Давай, говорю, отойдем! А он твердит: нет! Буду, мол, тут сидеть, мне Варенька сказала ждать, не сходя с места! Я б уж давно его в кафе увела, хоть чаем бы напоила, мороженым бы угостила. А пойдёте сейчас? Варь?

— Ох, извини, нас такси ждёт, надо домой ехать, — отказалась та, поглядывая на расклеившегося супруга с тревогой. Вспомнила: — Кстати, о кошке можешь не беспокоиться, наши со Снеженом подружки ее забрали, насовсем.

Воспользовавшись минутой, пока Зим снова отвернулся пообщаться с салфеткой, Анька восторженно зашептала подруге на ухо:

— А этот ряженный тебе кто?

— Суженый, — веско отрубил та.

— Еще один? Тоже фиктивный? Ну хоть этого, бракованного-сопливого, можно отобью? Тебе предыдущего хватит! А то, ишь, развела женихов! То блондин, то!.. ну, вроде тоже блондин.

— Простите, — вернулся к ним объект спора, хмуро шмыгнув носом, — Варя — моя нареченная перед богами и людьми, у Злата я ее отбил в честной дуэли.

«Вот фиг тебе, разбежалась!» — ясно читалось в Варином взгляде горделивое превосходство.

— Ишь ты — на дуэли! — протянула завистливо Анька, подразумевая: «Было бы за что тут сражаться, девица-приз не первого сорта!». — Ох уж эти ролевые игры! Значит, ты теперь мадам Снежина будешь? Фамилия-то какая красивая! А на свадьбу не пригласила!

— Не было еще свадьбы, не до нее пока. А если будет, то за границей. Всё, Ань, прощай! С тобой можн часами болтать. Еще раз спасибо!

Варя прильнула к своему потеряшке, крепко уцепилась за локоть и решительно развернула на выход. Быстро дошли до машины, слыша сзади не отстающий цокот каблучков и невнятные восхищенно-завистливые возгласы.

Варя не удержалась: прежде чем усадить Зима на заднее сидение, на мгновение прижалась к его груди, без слов пожаловавшись, как она волновалась за него. Зим в ответ порывисто обнял ее, будто еле дождался разрешения, стиснул свое самое дорогое и желанное на свете сокровище.

Сзади умиленно охнули. Варя досадливо шикнула, разорвала объятия и, собственнически положив ладонь на сиреневую макушку, чтобы не приложился головой с непривычки, запихала муженька в машину, пока его кое-кто окончательно не сглазил.

— погоди! — потянула ее за рукав Анька.

— Ну что? — пришлось развернуться.

— Тебя столько времени было не видеть — ты совсем уехала? Или как?

— И так, и сяк. Чего я тут буду, если у мужа за городом целый замок на природе?

— Ёшкин кот — замок! Принц! И свадьба за границей!.. Машка меня спрашивала, почему ты давно за брюльянтами не приходишь — а тебе, поди, натуральные камни теперь дарят? И где ты только таких мальчиков себе находишь?!

— Да, конечно, бриллианты, скажешь... Ой, Ань, хорошо, что напомнила! Надо Машке сказать, чтобы крупные фианиты мне откладывала, я найду как-нибудь, возьму у нее оптом — мне для Снежена много надо камушков, на него не напасешься, всё перецелкает!

— Ты чего, подруга, — изумилась та, — парня вместо ёлки новогодней наряжаешь? Кто из вас фетишист — он или ты?

— Ай, ничего ты не понимаешь!

— Куда уж мне, это ты у нас стала спец по извращениям! — захохотала приятельница. Позволила наконец-то Варю сесть в такси, захлопнула за ней дверцу, помахала ручкой: — Ну, счастливо тебе наслаждаться богатой замужней жизнью! Уж не пропадай совсем-то!

Пока ехали домой, несчастного королевича слегка укачало от запаха бензина — и от петляющих переулков, по которым снова объезжали пробки. Варя ему уж и шоколадку кусочками прямо в рот подсовывала, и за руку держала, и салфетками с ландышевой отдушкой обмахивала. Потом догадалась: сунула его руки в раскрытый рюкзак и вручила прихваченные из дома украшения. Раздались характерные щелчки, но Варе было не жалко ни изрешеченной подкладки любимой торбы, ни колец и браслетов — Врану потом отдаст, починит.

Таксист, крутя баранку, с любопытством поглядывал на них через зеркало. Варя посчитала нужным пояснить, что у нее там в рюкзаке щелкает:

— Игрушка-антистресс, для успокоения нервов.

Мужчина кивнул сочувственно:

— Бледный он у тебя какой! Может, вас в больницу подбросить?

— Аллергик, — отмахнулась Варя. — С ним бывает, не впервой.

— Ну уж надеюсь, что не наркоман. Нариков-то и алкашей жены если и ездят забирать, то так по дороге костерят, что даже мне за компанию стыдно делается!

Зим разговор пропустил, осев в короткий обморок, уронив тяжелую голову ей на плечо. Варя ему сразу пузырек нашатыря под нос сунула, растормошила, благо уже затормозили перед родным подъездом.

— Помочь довести? — предложил таксист, уж больно парочка нежная попалась на загляденье, да красивая при всём своеобразии.

— Справлюсь. — Варя поблагодарила, расплатилась.

И в лифте ухватила вялого супруга за воротник, слегка встряхнула:

— Ты почему короной не пользовался?! Я ж тебе ее специально зарядила!

— Прости. Думал, лучше оставить на самый крайний случай. И если бы ненароком взорвал камни, что сказал бы кузине?

— Ох, горе ты мое...

Так, обнявшись, кое-как отперли замок в две руки — у Вари рука дрожала, никак не попадал ключ в скважину — и ввалились в тесную прихожую. Встали, притулившись к двери, взаимно не желая отпустить друг друга.

— Обувь надо снять, — строго сказала Варя, расплющив щеку о рельефные застёжки на камзоле. — И обниматься лучше в комнате на диване.

— Угу, — согласился Зим, тепло сопя ей в макушку. — Остайся со мной?

— Да тут я, тут.

— Навсегда останься.

— Ну, «навсегда» слово страшное, — хихикнула она смущенно, — мне надо поду-у-умать...

— Прости меня!

Варе почудился всхлип, она бы вскинулась, но из сильных рук без борьбы не выкрутиться, а сопротивляться абсолютно не хотелось. На макушку капнули две горячие капли.

— Ш-ш... — погладила по спине. И тоже против воли задрожала подбородком. — За что прощать-то?

— Что не верил в тебя, не доверял так, как ты заслуживаешь. Я ждал... и так боялся, что ты не придешь.

— Как бы я могла не прийти? Это мой мир, и ты — мой!

— Вот именно. Твой ли?

— В смысле?! — Варя аж реветь расхотела.

— Я не знал, что думать. Ты разозлилась на меня почему-то. Около не открывшегося портала — ты так посмотрела на меня тогда...

— Так вот почему у белогорцев ты был таким дерганым — не из-за войны, а из-за меня?

— Я решил, что ты меня возненавидела, — прошептал он. — И ты имеешь право меня ненавидеть. Презирать. За то, что я заставил тебя остаться, заставил стать моей женой, удерживал тебя при себе, использовал, подвергал опасности, не отпускал домой... Сейчас ждал и думал — вот твой шанс уйти и бросить меня.

— Да ты что? Да как же я бы?.. — Возмутилась она, такое предположение выглядело почти оскорбительно.

— Как же я смогу без тебя? — продолжал Зим, глотая слова и слезы. — Ты приучила к твоей поддержке, к твоей любви, я не выживу, если ты меня оставишь!

— Да я просто ревновала тебя к Красе, дурак ты эдакий! — заорала Варя, со всей досады стукнула его кулаком по плечу, отпихнула от себя, чтобы поглядеть в глаза.

Глаза были покрасневшие, зареванные, испуганные и недоумевающие.

— Зачем?

— Это я у тебя должна спросить: зачем ты с ней миловался?! — снова вцепилась в его камзол Варя.

— Когда?!

— Да тогда же! О чем вы с ней в библиотеке секретничали, а?

— Она... что я... — прошелестел Зим, вознамерившись сползти по стеночке в обморок. Но кто б ему позволил

уйти от ответа!

— Не слышу!!!

— Она сказала, что я влюбился в тебя, — зажмурился он, точно ожидая пощечины.

— А? Хм... И?

Варя отпустила несчастный воротник, пригладила ладошкой помятый лацкан.

— Что? — чуть слышно выдохнул он.

— Ты-то сам как думаешь? — усмехнулась она.

— Думаю, что Краса права, как всегда, — с несчастным видом пожал он плечами.

— Ой, какое интересное признание в любви получается!

— Прости.

— Ладно, будем считать, что сейчас я ничего не слышала. Но потом, как придешь в себя, чтоб признался мне как следует! Понял?

— Да, — вздохнул он с облегчением.

— Ладно, иди-ка ты умойся. А то ты такой милый, так хочется тебя зацеловать! Но не сопливого, извини. Чур не краснеть! Стоп! А то еще в обморок рухнешь, оно мне не надо. У меня квартира маленькая, тут вообще падать негде! Видишь? — она приподняла штанину, показала «расцветшую» ногу: — какой я себе синяк набила, к тебе спеша и спотыкаясь!

Зим, словно в покаянии, опустился перед нею на одно колено.

— Э-э, ну чего всё в прихожей-то?... — промямлила она.

Однако он не собирался просить ее руки и сердца, а завладел ушибленной ногой — бережно освободил от кроссовки, поставил ступней себе на колено, закатал штанину. И нежно провел ладонью по ушибленному месту.

— Не надо! — взмолилась Варя, но дергаться и прыгать на одной ножке остереглась. — У нас же колдовать нельзя! Сейчас как шарахнет! Тем более ты не восстановился...

Она осеклась, широко распахнутыми глазами взирая, как свежая густая фиолетовость исчезает под теплой ладонью. В довершении лечения Зим легонько чмокнул ее в ямку под чашечкой.

— Вообще-то никогда не верила в присказку «поцелуй чтобы не болело», — ошеломленно хихикнула Варя. — Интересно, почему тебя током не дергало?

— Потому что мы с тобой единое целое, — улыбнувшись, произнес Зим.

— Ага, энергетически замкнутая система! — фыркнула она.

Позже до дивана они всё-таки добрались. Вернее, истомившись ждать под дверью, пока ее ненаглядный чистюля закончит плескаться в ванной, Варя, как только он вышел — вкусно пахнущий ее шампунем, в широкой футболке и трениках, оставленных ее отцом на случай гостевой ночевки... Такой свой и непривычно-привычный... Облизнувшись, Варя схватила его за оба запястья и повела в комнату, где просто пихнула на заранее торопливо застеленный диван. И сверху на него кинулась, оседлала, припав грудью к груди, нос к носу, собираясь зверски замучить ласками в целях обоюдной энергетической подзарядки и снятия нервного напряжения.

И после первого жадного поцелуя приподнялась на руках, уточнила:

— Ой, а может сначала поесть чего-нибудь приготовить?

И на миг выпала из реальности, залюбовавшись смущенно трепещущими ресницами, рассыпавшимися по подушке влажными сиреневыми прядями. Не отказала себе в удовольствии провести подушечками пальцев по щеке, ощутив едва-едва покалывающие щетинки, пока еще невидимые. Обвела невесомыми прикосновениями чуть порозовевшие приоткрывшиеся губы, манящие, как и мелькнувший между ними кончик языка...

— Поесть потом, — шепнул он стеснительно, — сейчас бы чая горячего... с долькой шоколадки...

Варя прыснула смехом, упала на него, торопливо вжимаясь всем телом. Но тут же взяла себя в руки, поднялась, снова фыркнула и с наслаждением взлохматила вихры:

— Сейчас, мой принц, любое ваше желание будет исполнено!

Но с дивана слезть не успела — оба оглянулись на шорох, донесшийся от распахнутого книжного шкафа.

Вслед за скрежетом крошечных коготков на нижней полке сами собой выдвинулись из тесного ряда четыре томика, корешками вперед. И упали на пол с глухим стуком. Из промежутка же появилась миниатюрная острая лисья мордочка, увенчанная носом-черничкой.

— Финик? — не поверила своим глазам Варя.

В ответ белко-песец радостно твякнул. Протиснулась голова и широко расправились уши-лопухи.

— Как ты сумел пролезть к нам?! — недоумевала она, всплеснула руками, при этом не порываясь покидать насиженное местечко. — Я думала, портал придется восстанавливать неделю, не меньше!

— Почему? — не понял Зим.

— Ну... — замялась Варя, принявшись чертить пальчиком узоры у него на футболке. — Не хотела тебе говорить, чтобы не расстраивать. В общем, когда я вернулась, портал почему-то сразу выключился.

Зимослав нахмурился. Приподнялся, опираясь на локти, присмотрелся:

— Так вон же две книги с верхних полок упали! Наверняка их выбил созданный тобой шлейф потока — это как раз книги-накопители, самые емкие в твоём шкафу.

Теперь и Варя заметила лежащие под столиком томики: «Алиса» и «Нарния».

— То есть, если поставим всё на место, портал починим?

— Конечно! Будет, как прежде. Он и не ломался, раз Финик добрался сюда даже без участия этих элементов цепи.

Кролик, сидя перед шкафом и вылизывая помятую шерстку на хвосте, согласно твякнул. Вдруг вспомнил о чем-то — нырнул головой обратно в свой секретный лаз и принялся что-то усердно тащить, топорща хвост и упираясь всеми лапами.

— Как думаешь, ему помочь? — тихонько спросила Варя.

— Только если попросит, иначе обидится.

Белко-песец сам управился: свалил с полки еще две книжки, но вытянул-таки из темной «норы» объемистый круглый сверток, перевязанный шнурком.

— Бандероль с того света, — хихикнула Варя.

Как ни жаль было слезать с покорного супруга, однако ж любопытство пересилило. Она развязала шнурок, зашуршала бумагой обертки. Задумалась в сомнениях:

— Кажется, нам прислали супер-амулет. Специально для тебя, Зим! Наверняка Вихрь стащил у Чуролюта из кабинета, он раньше там красиво стоял в витрине — большой, сверкающий, драгоценный.

Снежен сел рядом, опасливо тронул камень пальцем. Вскинул брови:

— Ты зарядила такой громадный накопитель?!

— Угу, — смутилась, хихикнув, Варя. — Заправила под завязочку! Но это было давно и я не специально! Потом как-нибудь расскажу. Удивительно, как Финик сумел его дотащить. Иди ко мне, моя лапуля! Я тебя поцелую, заботливый ты наш!

Кролик ехидно фыркнул и мигом спрятался за Зимославом, намекая, что для лобызаний у нее есть муженек. Что ж, Варя момент не упустила.

— Я помню-помню: шоколадка и чай... — пробормотала она в губы. Чмокнула еще разик, добавила: — А если согласен немножко меня потерпеть, сбегаю нам за тортиком... Или двумя...

Там на паласе и накинулась, прогнав кролика на кухню.

Потом все вместе вернулись на диван, и Варя, растекшись счастливой медузой, вымаливала прощение за обман и некупленный торт, скармливая с рук одному шоколадки, найденные в записке, второму — цельные орешки, выкрошенные из разломленных на дольки плиток.

И только с новыми силами вернулись к сладким поцелуям — звякнул смартфон эсэмеской.

— О, дядя Смurfик.

— Кто это?

— Друг семьи, — расплылась в хитрой улыбочке коварная женушка. — Легко на помине! Только два часа назад про него вспоминала.

И принялась набирать номер, не слезая с мужа. Просемафорила ему, чтобы смело подставлял ухо подслушивать разговор.

Слушая гудки, Варя рассеянно запустила пальцы в сиреневые пряди.

— Дядя Слава? Привет! Как дела? Не ругайся, никуда я не пропадала: я ездила устраивать личную жизнь. Потом расскажу, куда. У меня к тебе вопрос первостепенной важности! Ты с какого возраста лысый? А до этого на голове что-то росло, кроме усов? А какой масти? Фиолетовые кудри, шутишь? Ах, как интересно! Так ты нарочно бреешься или сам по себе оплешивел? Мне важно! Потому что я хочу знать, станет ли у меня муж лысым. Муж-то? Анька говорит, блондин. Машка подозревает, что покемон. Вихри сиреневые, глаза желтые. Отзывается на имя Зимослав. Знаешь такого? Мой ровесник. Хотя если считать по-тамошнему, то на пять лет младше выходит. У нас, знаешь ли, обнаружилась разница во времени — ихний год длиннее маленько. Может, Кольцо тормозит или вторая луна гравитацию оттягивает... Нет, с ума я не сошла. И нет, еще не обвенчались, тебя ждем. Да, ребята в странных костюмах, которых видела Маша, именно оттуда. Угу, я его и сейчас вижу, вон он, на моем диванчике еле уместился, маловата мебель по длине. Нет, не может говорить, у него приступ аллергии, он опять весь в слезах и соплях. Ничем я его не травила! Я его лелею, как умею — это он флоксов на улице нанюхался. Нет, с ним всё в порядке, ну, теперь-то в порядке вполне. Да долго рассказывать — повоевали с белогорцами, чинили пространственные разрывы... Одна дыра осталась, не волнуйся, она не закроется благодаря твоей предусмотрительности и моими усилиями. Ты же специально мне сказки рассказывал и в колдунов со мной играл! Признавайся, наверняка сразу почуял, что во мне потенциал есть, чтобы порталы открывать? Ну, вот и открыла, уж извини, что так долго ждать пришлось. Из дыры вот недавно белый кролик вылез, такой, на песка похож. Тоже

внимательно тебя слушает. Я его Фиником зову, а как ты его звал? Случайно не Фикус?

Белко-песец тоже наострил лопухи, усевшись Зиму почти на голову — и при своем имени твякнул, счастливый, затоптался на подушке и волосах.

— Ладно, всё понятно. Значит, жду в гости. Лучше через пару часиков! Ага, тоже пей варельянку. Пока!

Поглядела на втихомолку льющего слезы мужа, утешающе чмокнула его в губы, сунула еще шоколадку. Вздохнула:

— Эх, и правда надо было тебя сперва нормально накормить, чтобы нервы крепче были.

Потом позвонила Машке:

— Сядь, если стоишь. У твоего отчима нашелся сын от первого брака. Нет, не скажу, какой он из себя — я пристрастна! И расхваливать не хочу, а то еще влюбишься заочно, а тебе нельзя по закону. Если не терпится, позвони Аньке, она сегодня нас с ним видела, наверняка себе на телефон нафоткала, пока меня рядом не было, так пусть тебе скинет. Следи за Смурфиком, чтобы не переволновался! А лучше вместе приходите в гости.

Нажав отбой, извинилась:

— Еще один звончок — и займусь обедом, честно-честно! Папе своему позвоню. Сдается мне, что он был в курсе Смурфиковых приключений. Видимо, дядя Слава что-то предъявил в свое время в доказательство, раз отец его в психушку не сдал, а на первое время поселил у нас на даче. А бабушка и мама были так очарованы его манерами и интеллигентной внешностью, что запросто отдали его мне на растерзание нянькой на летние каникулы.

— Почему Смурфик?

— Машка придумала — может, подглядела, что у отчима щетина фиолетовая. А смурфики мультяшные — они ж синенькие как раз. И стал у нас Кудеяр Славомир Смур дядей Славой Смуровым по кличке Смурф.

— Так получается, у меня еще одна сестра есть? Сводная?

— Угу, — отвела хитрые глаза Варя.

— То есть, у него новая жена здесь? — у Зима с трудом укладывалось в голове.

— О да! Боевая бизнес-дама. Он за ней как за каменной стеной. Но ужасно ревнивая!

— Теперь-то маме точно придется согласиться на развод. Они давно женаты?

— Лет тринадцать уж, по нашему летоисчислению. У наших женщин, знаешь ли, принцы и короли непристроенными никогда не останутся!

Эпилог

Его величество Кудеяр Смур явился на полчаса раньше — спешил, не смея поверить новости. У Вари еще котлеты не дожарились и пирог не подрумянился. Впустив гостя и пригласив пройти в комнату, она сразу шмыгнула обратно на кухню.

Затрезвонил смартфон.

— Маш, а ты-то где? — зашептала Варя в трубку.

— Смурф сказал подождать маленько, а потом, если всё нормально, подняться к тебе, — отозвалась приятельница, в голосе отчетливо звенело волнение. — У вас там всё нормально?

— Да вроде не ругаются, тихо в комнате. Я-то на кухне затихарилась, деликатничаю. Поднимайтесь, я чай завариваю.

— Ага, а мы торт купили, пока гуляли вокруг, а то Смурф и не подумал, что в гости без торта не ходят.

— Шоколадный? — усмехнулась Варя.

— А то! Других в семье не признаем! — ответила Машка.

Увидев неожиданно обнаружившегося брата — в камзоле и при поблескивающих амулетах — Мария только пискнула шокировано:

— Какой красивый!

Зимослав, с интересом разглядывая новую сестренку, неожиданно пухленькую и крупную девушку, нервно рассмеялся:

— Прямо как Зореслава! Судьба у меня такая, что ли, знакомиться с сестрами с многолетним опозданием?

— И не говори! — подхватила Варя, вспомнив о белогорской кухне. — Индийское кино, право слово!

— А похожи-то как! — дивилась Машка, переводя взгляд с брата на отчима.

Те как раз сидели на диване рядышком, Варя подозревала, что явление барышень помешало крепким и долгожданным семейным объятиям. Но ничего, потом успеют наговориться и наобниматься, и так у обоих глаза подозрительно поблескивают, хотя оба сияют счастливыми улыбками, как две лампочки. А Финик устроился у старого хозяина на коленях и только повизгивал тихонько, без усталости потираясь о него пушистыми щеками и норовя ткнуть влажным носом куда придется.

Но тут у Зимослава едва челюсть не отвисла от изумления. А Смур-Смурф виновато потупился, не зная, как теперь глядеть сыну в глаза.

Из-за широкого тыла старшей сестры настороженно выглянула меньшая копия белогорской королевы, десяти лет от роду. Тряхнув белобрысыми хвостиками, сверкнув прозрачно-золотистыми глазищами, но продолжая держаться за подол старшей, младшая объявила, ревниво поджав губки:

— Нисколечко не похожи! Это наш папа, не нужен нам никакой брат! Тем более такой стрёмный!

Варя не удержалась — нахлобучила на злючку корону. Всплеснула руками:

— Зимка, смотри! Прямо вылитая королева!

Мелкая замерла, осторожно ощупала корону руками, сняла, принялась с восхищением разглядывать.

— Ни в коем случае не будем знакомить ее с кузиной, а то вдруг спойются и вместе начнут мечтать о драконах! — продолжала веселиться Варя.

— Ты знала? О ней? — тихо спросил Зимослав.

— Знала, — повинилась суженая. — Но я про дядю Славу-то сообразила лишь два часа назад. Уж прости, не успела тебя подготовить к мысли о... Так, — принялась она считать на пальцах, — Зорька первая у тебя сестра получается, Маша — вторая, бледная поганка — третья, а Мирослава Славомировна выходит четвертой?

— Почему это я только четвертая? — возмутилась мелочь.

— Я видела-то Мирку всего пару раз, — продолжала Варя оправдываться, — Вот из головы и вылетела.

— У нас мама очень ревнивая, — поддержала приятельницу Маша. — Она ревнует Смурфа даже к Варькиной маме, поэтому дружба семьями полным составом не задалась.

— Угу, у нас только папы друг к дружке в гости шастанут с пивом, — закивала Варя. — Мы с Машей-то познакомились лишь в универе с Анькиной подачи — и очень удивились, когда выяснили, чьи мы дочери!

Зимослав схватился за гудящую голову...

А Мирослава зачарованно уставилась на Финика, заинтересованно поднявшего уши.

...Потом сидели до ночи на кухне за столом, дважды подогревали котлеты и жарили картошку. Пять раз кипятили чайник. Говорили обо всем сразу, перескакивая с темы на тему. Машка с круглыми глазами дула двадцатую чашку чая.

— Вот кто привил мне любовь к ювелирке! — ткнула она пальцем отчима в тощую грудь. — Из-за ваших кристаллов-накопителей!

— Но ведь... — попытался оправдаться Смурф, да кто б его слушал.

— Корыстный! — поддержала Варя. — Он мне сказки рассказывал с умыслом! И книжки зачарованные дарил!

— И мне рассказывал! — закивала Маша. — И Мирке теперь рассказывает!

— Я просто надеялся, что рано или поздно смогу передать весть о себе на родину, — вздохнул заблудившийся король. Тепло взглянул на сына: — Ведь я знал, что обо мне там помнят.

А Маше напомнил справедливости ради, что любовь к камушкам в ней уже была до знакомства с ним — досталась от дедушки-антиквара, который по рекомендации Вариного папы нанял в отдел старых книг тихого парня с амнезией, в которого потом влюбилась антикварова дочка и упорно два года добивалась взаимности... Девушки слушали молча, понимая, что это Смур рассказывает не для них.

— Мне даже теперь маленько обидно, что шкаф в другой мир открыла не я, — застенчиво призналась Маша. — Варька меня опередила!

Смур промолчал, но Зим и Варя и без него видели, что в падчерице дар хоть и есть, но слишком слабый.

— Это потому, что в моей версии сказки принцессе был обещан прекрасный принц, а это мотивирует! — объявила Варя. — Но к слову о ломбардах! Зим, я говорила, что Росана умудрилась зарядить мне смартфон? Вы понимаете, что это может стать открытием мирового значения? И чем оно обернется для чародеев, чей дар был искажен войной?

Смур понял и новость оценил очень высоко. Однако когда растолковал идею сыну и объяснил, при чем здесь магазин поддержанной техники, Зимослав неожиданно для Вари задумку не поддержал:

— Я не позволю присылать в наш мир то, что в вашем выбрасывают на помойку! — возмутился он.

Варя за свою гениальную идею обиделась:

— Я же не предлагаю тащить всё подряд! Только образцы — для магов-умельцев, которые с удовольствием разберут наши технологии на винтики и соберут то, что станет работать у вас. Ты ведь сам утверждал, что мир примет только те открытия, к каким готов. Жалко, Краса теперь долго не позволит Врану запирается в мастерской, а то бы я и ему подкинула что-нибудь интересненькое. А ты — ретроград! Противник технического прогресса! Подумай о магах, которые столько лет считают себя проклятыми и не могут ни на что полезное применить свои способности.

Их спор не разгорелся в полную силу из-за визга, раздавшегося в комнате.

— Мирка! — подхватила Маша.

Вбежав в комнату, Варя первым делом оглянулась на книжный шкаф — он оказался закрыт во всех смыслах слова. Наверху сидел, взъерошив шерсть, Финик.

Маша, лишившись дара речи, пихнула ее локтем и указала трясущимся пальцем в сторону балкона.

Там, перед распахнутой стеклянной дверью, стояла Мирослава с короной на голове. Девчонка буквально остолбенела, разинув глазищи. И было от чего.

— Не подходите, — шикнул на них, и так обомлевших до немоты, Зимослав. Отцу сделал знак оставаться на месте и прикрыть девушек или хотя бы не подпустить их ближе.

Сам он решительно направился к юному дракону, в любопытстве просунувшему голову в балконную дверь. Голова у дракончика была размером с кресло.

— Тебе еще рано такое носить, — сказал Зим сестренке, сняв с нее корону.

Та мгновенно пришла в себя, кинулась со всех ног к Машке под крыло. И уже из безопасности обидчиво зашипела:

— Это корона королевы! Она не для принцев!

— Вообще-то ему как раз недавно выдали титул королевы — вместе с этой самой короной, — нервно хихикнула Варя, с гордостью взирая, как легко ее суженый шугнул огнедышащую ящерицу, не причинив «мальшцу» вреда, и ловко запечатал портал. — Надеюсь, я смогу потом пользоваться своим балконом?..

Лишь опасность миновала, сердитая Мирославка предъявила брату претензии:

— Я собиралась приручить дракона, а ты мне помешал! Зачем ты его прогнал?!

— Мирочка, это был плохой, глупый дракон! Той породы, что похищает принцесс и кушает рыцарей! — уговаривала капризную мелочь Маша.

— Верно-верно! — поддакивала Варя. — Если будешь хорошо себя вести, покажу тебе моего дракона — умного и хорошенького!

А Зимослава прижала к стенке:

— Ты нормально себя чувствуешь? Все накопители истратил? Говори, где болит?

— Нигде, я в порядке, — буркнул он.

— Но ведь ты сейчас колдовал, запечатывая балкон!

— И не использовал заклятий или надписей, — подхватил присоединившийся к дознанию Смур.

Зим понял, что отмолчаться не выйдет, показал корону:

— Вот. Ты зарядила кристаллы, но в металле осталось много чар королевы-бабушки. Это совершенно иная энергия. С помощью подсказок от белогорской тетушки я смог ею воспользоваться. К тому же, — продолжал он, одним пристальным взглядом вогнав Варю в краску, — ты сама успела наполнить меня своей силой, а в этом мире она ощущается немного по-другому.

— То есть, благодаря мне ты акклиматизировался?

— Да, но только временно, мне всё равно нужно будет вернуться, иначе мой дар ослабнет, как у отца.

— А я тоже смогу колдовать тут? — поспешила с выводами Варя.

— Вряд ли, — сурово охладил ее радость муженек.

— Ну конечно, — надулась она, — это только ты у нас тут такой особенный — взрывной коктейль из трех энергий!

— Погодите, какие тетушки? Какие бабушки? — потребовал разъяснений Смур.

— А главное — кузина и ее хитромудрый папа, мечтающий об инцесте! — добавила Варя и ушла на кухню, великодушно предоставив право объясняться без нее.

* * *

Из того самого камня, что принес им Финик, самые умелые и опытные чародеи под присмотром Зимослава создали новый Ограждающий Камень для Синегорья. Таким образом, все три королевства оказались наконец-то защищены от стихийных пространственных разрывов. А сам Снежен получил массу свободного времени и огромную экономию сил.

Кудеяр Смур посетил Кабинет Министров, чтобы официально отказаться от трона. Пусть сын и наследник убеждал его вернуться к обязанностям государя, король-в-отставке стоял на своем: разучился, разленился, отстал от жизни, постарел, утратил хватку и реакцию, мол, Зим и без него отлично справляется.

Еще Смур развелся с Храниславой Бурей. Та поплакала — сначала от счастья, что супруг, давно похороненный в ее мыслях, внезапно вернулся живым и здоровым. Потом порыдала от незаслуженной обиды, ведь ей без него пришлось несладко — и вот какую благодарность она получила в итоге! Но скоро успокоилась и вышла за премьер-министра. К тому же, раз Варя отказалась владеть унылое бремя королевы (отчего ж не увильнуть от обязанностей, если есть возможность?), королевский двор остался цвести и интриговать при Храниславе, хоть той и пришлось сменить титул на менее звучный.

В начале весны Зимослав стал королем. А поженились они с Варей задолго до коронации — тайно и скромно, в ту самую Ночь Двух Лун, в тот самый вечер, когда вернулись, захватив Смурфика и его дочерей, в Жуков Улей.

Баба Вера, причитая, задала блудному королю трепку — полчаса гонялась за ним по двору, норовя стегнуть по

заду тряпкой для мытья полов. Как ни странно, больше всего ее возмущала лысина. По роскошным, редкого оттенка кудрям своего воспитанника старая кормилица горевала дольше, чем Буря о разводе.

Снежен устал объяснять Зорьке, почему она обязана оставаться старшей принцессой, если Маша по возрасту его ровесница. Оказалось, Зореславе всегда очень хотелось иметь кроме брата еще и старшую сестренку! (Варя почему-то в ее понимании этого звания не могла удостоиться из-за всецелой сосредоточенности на муже). От младшей Мирославы Зорька вовсе пришла в бурный восторг, совершенно игнорируя вредный характер злючки — и та, что удивительно, смирилась с таким отношением и в присутствии принцессы вела себя, как примерная барышня. (Возможно, просто терялась перед непривычной хрупкостью и изяществом — при разнице в шесть лет, телосложения и роста они оказались почти одинакового, только младшая еще продолжала активно расти).

Вот к отцу, зачастившему в гости, Зореслава привыкала долго, молчаливо и сложно.

Варя повздыхала и всё-таки сделала всем заинтересованным членам разросшегося семейства дубликаты ключей от своей квартирки. Благодаря кое-каким дополнениям от Смура, теперь шкаф мог пропускать избранных посвященных в обе стороны без ее личного присутствия.

После того, как Зореслава опрометчиво высказала желание познакомиться с белогорской кухней лично и заодно привела на встречу Мирославу, а младшая пришла в восторг от пафосного образа старшей бледной поганки и, захлебываясь, поведала той о своем опыте с балконными дверями — с тех пор к Мирке, на время ее пребывания в Синегорье, приставили стражником Огнеяра. Тот, мягко сказать, был не рад новому назначению, ибо младшая принцесса мгновенно в него влюбилась, а вредный ее характер от этого странным делом испортился до невыносимого. К тому же кухня регулярно засылала шпионов, пытаясь Мирку выкрасть для опытов. Тихун же при виде белогорцев впадал в безумную ярость и крушил всё подряд, повергая шпионов и всех окружающих в трепет и ужас, что, само собой, скверно влияло на его последующее самочувствие, зато скачками увеличивало мощь и возможности дара. К слову, саму младшую белобрысую принцессу он тоже с трудом терпел, стиснув зубы, не только за норы, сколько чуя в ней искру «белой» крови. Мирка это понимала, обиженно рыдала по ночам в подушку — и с утра до вечера мстительно изводила своего рыцаря до взаимного посинения. Зимослав, которому все приходило жаловаться на парочку, отмахивался и уверял, что через годик-другой всё образуется.

Роман Зореславы и Милонегга между тем протекал неторопливо, даря эстетическое и романтическое наслаждение обоим: он водил ее по театрам и концертам, осыпал изысканными подарками, в основном семенами экзотических цветов для оранжереи, пел под окном серенады.

Зато в следующее лето внезапно поженились Вихрь и его терпеливая учительница младших классов. После этого даже Чуроллот стал поглядывать на свою экономку чуточку иначе, а та взялась прихорашиваться с усердием юности.

Маше, получившей от сводного брата «скромный» титул маркизы, приглянулся тот самый парнишка из свиты Бури, который в свое время отважно защищал королеву от белогорских захватчиков и после этого пылко признавался в любви Зимославу. Как выяснилось, Венцемир навел на парня напраслину — любовью к молодому королю тот пылал исключительно возвышенной, видя в Снежене идеал рыцаря, мага и правителя. К робкой пухленькой толстухе, незнакомой со светским этикетом и неписанными правилами, парень проникся самой теплой симпатией. Маша от чувств быстро похудела на десяток кило и радостно обновила гардероб по последней придворной моде.

Злат и Радмила взялись разводить кошек, которые отлично породнились с заморскими цуциками, (а те оказались не только синей окраски, но также травянисто-зелеными в красный горошек и пурпурно-розовыми в лиловую полоску). Варя посмеивалась над «заводчиками» и успокаивала Твердивера, повторяя шутку из родного мира, что котенок для молодоженов — это пробник ребенка.

Вран обвыкся с положением глубоко женатого человека — и сошелся с народом кузнечиков. Теперь они вместе готовили «бомбу» для модниц Трех Королевств. Краса забеременела, чем несказанно осчастливила дедушек-регентов, у которых отпала необходимость проводить пугающие эксперименты с женщинами.

Маша через Врана наладила поставки фианитов для накопителей, но благоразумно старается не перегреть рынок, чтобы не подорвать торговлю у местных мастеров.

Мстислада донесла-таки до Твердивера мысль о женитьбе. Его величество этой мысли поразился, с трудом уместил в свой разум и теперь тщательно обдумывает. Княжна же следует своему плану и хладнокровно загоняет государя в ловушку, из которой тот не захочет выбираться. Когда привыкнет. Вран же привык!

Белой баронессе — внебрачной дочери Грозоврата — вернули свободу и титул королевским указом. Теперь она служит послом доброй воли и инструментами дипломатии доводит до белого каления своего бывшего мужа, бесменного главу совета семей Белых Гор. Зим с Мирославой ее навещают время от времени, чтобы научиться некоторым хитростям политики и горной магии. (У Зореславы, кстати, никаких подобных талантов не обнаружилось, но она не расстроилась).

Друня научился летать, но невысоко и недолго. Из Белых Гор ему прислали невесту, но сайгаки не сошлись

характерами: Друне лоснящаяся поджарая красавица показалась грязнулей с вечно испачканными лапами. Зимослав подозревал, что настоящая причина взаимной неприязни кроется в слишком крупных размерах невесты и рыхлом пузе жениха.

Под присмотром всех обитателей Жукова Улья дракончик, названный громким именем Геккон, медленно, но верно подрастал. Яйцо также постепенно увеличивалось в размерах, накапливая в себе энергию для настоящего пробуждения.

По настоянию Кабинета Министров королевскую свадьбу пришлось повторить — устроить пышную, торжественную, с народными гуляниями в праздник конца зимы, как и было изначально запланировано.

Так как отец жениха к тому времени официально сложил с себя полномочия, венчали молодых магистр Чурулот и регент Вольнополя.

Но разумеется, Смур не пропустил это событие и привел с собой дочерей (всех трех) и новую жену. Ее, к слову, равно как и Анну, накануне безжалостно напоили на девичнике, перенесли через шкаф в бессознательном состоянии, а после внушили, будто всей компанией прилетели на частном самолете в очень дорогой парк развлечений, где все гости в обязательном порядке наряжаются в костюмы и играют в общую тематическую игру.

Присутствовала также Хранислава Буря в паре с премьер-министром. К удивлению всех, бывшая королева сама изъявила желание познакомиться с новой супругой экс-короля. И все удивились еще больше, наблюдая, как дамы прекрасно поладили друг с другом — мгновенно поссорились и мгновенно помирились, обвинив во всем Смугу.

Твердивер прибыл с сыном, невесткой и нареченной невестой.

Краса, естественно, была в паре с Враном, успевшем утратить излишнюю худощавость, приобрести некоторый лоск и уверенность во взгляде.

Конечно же, явились и остальные друзья молодоженов и прочие приглашенные.

Среди особо почетных гостей выделялись — не только ростом и одеждой — представители Белых Гор. Главный шаман громко восторгался особенностью события, расхваливал устроителей праздника — и твердил всем подряд о том, что нынче «Величайший день в истории мира! Белогорская королева берет в жены синегорскую!» Вельможи и чиновники, подходившие засвидетельствовать почтение заграничному шаману, кивали с непроницаемыми лицами и неприметно обменивались между собой выразительными взглядами. Бледная поганка, явившаяся по праву близкой родственницы жениха, шипела на отца из-под неизменной вуали и обзывала комедиантом (Зореслава и Милонег как раз накануне водили ее в театр). При первом же удобном случае разругалась с родной матерью, приехавшей в свите Твердивера. Затем весь день с вниманием одержимой маньячки не спускала глаз с Мирославы, чем ту под конец вечера довела до крайнего бешенства.

Невеста пожелала видеть на празднике и своих родителей. Долго уговаривать их не пришлось, как выяснилось, о королевствах они были наслышаны задолго до того, как здесь побывала их дочь.

Понятное дело, Варя успела познакомить их с зятем заблаговременно, еще в конце лета, почти сразу после тайного венчания. К своему стыду, Зимослав перенервничал перед встречей больше, чем сама Варя. Ей-то особ волноваться было и не о чем — она знала точно, что родители примут ее избранника с распростертыми объятиями, тем более такого милого. Тем более тесть со свекром в шутку да под рюмочку договорились породниться еще пятнадцать лет назад.

Правда, Варя тоже пришлось несладко — за день до назначенной поездки на дачу. Требовалось подобрать королевичу простую местную одежду, вот и отправилась водить его по магазинам.

Он покорно перемерил всё, что ей приглянулось — и всё не к лицу! Бледный, как моль в пудре. Продащицы же вокруг так и вьются, норовят в кабинку залететь не вовремя или измерить портняжным метром лично, складочки на футболке разгладить, помочь хоть что-нибудь застегнуть!.. Кое-как Варя собрала комплект в надоевших ей черно-фиолетово-изумрудных тонах и вдобавок прикупила ядовито-сиреневую фуражку, чтобы вихры прикрывала и перебивала бы дикой яркостью окрас шевелюры.

На дачу доехали общественным транспортом — сначала автобусом, потом электричкой, дальше пешком. Смур, поехавший с ними для моральной поддержки, предлагал отвезти их на машине жены, но Зимославу было очень любопытно испытать на себе все прелести местных условий жизни. (Варя же подозревала, что муженек просто хочет потратить на дорогу больше времени).

Родители приняли зятя, как родного. Тоже заявили, что он — вылитый Кудеяр в молодые годы. Поглядев на сиреневые вихры (Варя их пыталась расчесать и пригладить перед выходом, но тщетно), мама со смехом ударилась в воспоминания, как поначалу пыталась привести Смурову шевелюру к естественному виду, перепробовав все марки красок, потом сдалась и собственноручно состригла кудри, хотя жалко было такую красоту до слез! Кстати, хвостик, перевязанный бархатной лентой, она сохранила — думала для Варьки сделать тряпочную мальвину с фиолетовой косой.

— Потом мы посмотрели кино о куклах вуду и решили не рисковать, — захохотал тесть.

— А почему я всего этого не помню? — возмутилась Варя.

Оказалось, что тогда она гостила у бабушки — и пропустила всё интересное!

Под шашлык, молодую картошку с укропчиком, крупно порубленный салатик и под легкое вино общение получилось простым и душевным. К Зиме с расспросами особо не приставали, позволяя отделяться односложными ответами. Варю тоже на табуретку не ставили и стишки вспоминать не заставляли. Старшее поколение успешно делало вид, будто просто наслаждается тихим семейным вечером.

После чая с пирогом с щавелем мама полезла на чердак, и, понятно, все увязались за нею — смотреть на старый чемодан, в который сложили вещи и одежду, в чем и с чем Смур попал в этот мир: камзол с золотым шитьем, сапоги из тонкой кожи, рубашка с кружевными манжетами, парадный кинжал в чеканных ножнах.

— Штаны только выбросили, — вспомнил Варин папа.

— Я в болото в них сел и порвал все, — кивнул Смур. — Два дня ведь по лесу шатался, пока грибника не встретил.

— Представьте, как я удивился! — хохотнул тесть. — В нашей-то жидкой рожице плутать столько времени надо умудриться!

— Пустые оправы от амулетов я сдал в ломбард — там с отцом моей супруги и познакомился, — продолжал рассказывать Смур.

— Королевский венец? — изумился Зимослав, развернув вафельное полотенчко.

— Меня на закрытие разрыва вызвали с парадного приема, — пояснил Смур. Примерять венец на лысую голову постеснялся, в шутку надел на Варю.

— Вот теперь от коронации не отвертись! — воскликнула та, обернувшись к Зиме. — Правда, все камушки придется заменить на целые.

Потом Варя утащила его прогуляться по березовой роще в рыжий закат. Довела до речки, по пути с хихиканьем залезла в еловую низинку и продемонстрировала заросли клюквы, жаль, пока еще без ягод.

На высоком берегу речки Зим остановился полюбоваться простором, насладиться спокойствием и тишиной, свежим ветерком с запахом непривычно зеленых трав, с дымком от дачных печек и мангалов.

Шелестели листвой деревья, вдалеке пела лесная птица, по небу плыли кучерявые розово-фиолетовые облака.

Зимослав прикрыл глаза:

— Так вот где она, магия вашего мира...

— Ага, хорошо тут, — согласилась Варя. Не удержалась и повисла на своем принце, потянулась целоваться.

Зим прижал ее к себе, запахнул в свою ветровку, обнял крепко, но на поцелуи отвечать не спешил:

— Прислушайся! Понятно, что раньше ты не замечала, но теперь-то должна услышать.

Варя послушно затихла, сосредоточенно посопела, высунув ухо и кончик носа из своего уютного укрытия.

Быстро сдалась:

— Неа, ничего не чую. А что надо услышать-то?

Зим вздохнул, улыбнулся:

— Придет время — услышишь.

— Ну вас, колдунов, с вашими медитациями! — надулась женушка. — Надо будет — сам расскажешь!

Но целоваться всё-таки заставила.

Ночевать на даче Варя наотрез отказалась — жаждала воссоединения с родным диванчиком, на котором можно вытворять всё, что захочется. И упрямо повела Зима в ночную прогулку через лес до станции, ловить последнюю электричку. Насладились светом звезд и видом тонкого месяца, ныряющего в рваное облако. Пением сверчков в придорожных зарослях.

Изредка асфальт освещался яркими полосами света фар — мимо проносились непоседливые дачники вроде Вари.

Одна из машин неожиданно притормозила:

— Молодежь! Подвезти до города, что ль?

Варя сперва шарахнулась, так как с детства помнила золотое правило: «К незнакомцам в машину не садиться!» — но приглядевшись, опознала недавнего таксиста, обрадовалась:

— Ой, это вы? Только у меня с собой денег мало, до города не хватит. Если по приезду домой заскочу и отдам, можно?

Водитель засмеялся ее шепетильности:

— Я нынче не при исполнении, как говорится! Залезайте, бесплатно прокачу — без компании ехать скучно!

Правда, компания из них получилась тихая. Варя быстро задремала, прикорнув на плече мужа. Зим задумчиво смотрел в окно. Даже вздрогнул, когда водитель неожиданно захохотнул:

— А корона тебе всё-таки больше идет, чем кепка!

Зим улыбнулся — и правда забыл снять, положил фуражку на колени, заново удивившись ядовитой раскраске, словно светящейся в полумраке.

— Варя выбирала. Сегодня с ее родителями знакомились.

— И как? Волнительно? — усмехнулся водитель.

— Еще как!

— О чем задумался? Может, чего подскажу!

Зимослав еще раз внимательно взгляделся в обычного на вид мужчину, с широкими плечами и заметной залысиной.

— Как думаете, давно здешние жители перестали замечать драконов?

— Давно! — ничуть не удивился вопросу водитель. — Четыре сотни лет уж почти, если верить записям стариков.

— Почему?

Тот пожал плечами:

— Говорят, спрятались драконы за облаками. Раньше, мол, детишек где-то в других мирах высиживали и выращивали, а потом перестали туда летать почему-то.

Варя заворочалась, сползла с плеча и устроилась спать, положив голову Зиму на колени, смяв и подпихнув под ушко его кепку.

— Варь, ты говорила, у нас между мирами разница во времени, — негромко спросил Зимослав, не особо рассчитывая на внятный ответ.

Но жenuшка расслышала, пробормотала, сонно причмокивая:

— Угу. Посмотри в телефоне, там записано... Мы с тобой ровесники, но тебе двадцать, а мне на пять лет больше... Кофе... эфи... тсс... ну...

— Кофе? — не понял Зим.

— Коэффициент, — подсказал водитель.

— Угу! — согласно промычала Варя. — Один, запятая, двадцать три, двадцать восемь, семьдесят шесть, семьдесят один... и дальше снова двадцать три, двадцать восемь, семьдесят... шесть... и до конца калькулятора...

Она снова ровно засопела.

— То есть, где у нас без малого четыреста лет, у вас получится три века, — подытожил водитель. — Сходится?

— Сходится, — кивнул Зим.

— Мелочь-то у них любопытная, — продолжал мужчина рассуждать, будто они обсуждали дачную рыбалку, — к людям лезет, везде суется. Вот и научились ради своего же блага становиться невидимыми для людского глаза. Но не всегда, кстати! Вот у меня приятель — он в авиации служит. Так он мне рассказывал, как пару раз видел во время полетов среди верхних облаков...

Баек у водителя накопилось много, да видно, не каждому пассажиру о таком расскажешь, вот и разговорился от души. Зимослав с трудом улучил паузу, чтобы вставить:

— Значит, это они и высосали всю энергию из эфира?

— Им для жизни надо, куда деваться!

— У нас дома тоже дракончик есть, с кулак размером. Варя завела. Когда он спит или скучает, то делается прозрачным, как стекло.

— Это нормально! — заверил мужчина. — Станет покрупнее, сможет полностью уходить в глубину — искать будете, не найдете днем с фонарем.

— На глубину?

— Ну, как здешних ребят в школах учат: есть четыре измерения — время, высота, ширина, длина. Про пятое — глубину — тут знают кошки, психи да драконы.

— И... что мне с ним дальше делать?

— Если не напрягает пока, поддержи у себя. Как подрастет до размера лошади — сюда привози, выпустим в стаю. Что непонятного? Не знаешь, как привезти?

— Да нет, сообразим как-нибудь, через балкон, может, запустим, — улыбнулся Зим, вспомнив прецедент. — Просто у нас нет лошадей, только коровы и сайгаки.

— Ну, значит измеряй в коровах! — хохотнул мужчина. Оживился: — Погоди, а сайгаки ваши — это такие косматые рогатые с крыльями? Бывал я однажды в ваших благословенных краях! В далекой юности, потом тяжел стал для прыжков... Погоди, а букинист тебе не родня случайно? То-то, думаю, кого-то ты мне напоминаешь! Как же, я к нему частенько захоживаю — отличный мужик!..

* * *

В лучшую столичную кондитерскую «Любовь принца» ворвалась юная чародейка. Копна непокорных лимонно-желтых кудряшек беспокойно колыхалась грозовым облаком:

— Где он?!

— Кто? — изумилась молодая хозяйка, сдобная румяная особа с русой косой.

— Венцемир Хвощ! Кто же еще?! — Чаруша металась по помещению, натываясь на стулья, заглядывая под столики и за витрины.

Хозяйка искренне порадовалась тому, что в этот утренний час в ее заведении не бывает посетителей. (Самые ранние пташки уже успели шустро разобрать особые булочки к завтраку).

— Господин капитан условился, что зайдет перед вторым завтраком. Хотите подождать его? За чашечкой чая с пирожным? Позвольте предложить — свежайшие корзиночки! Только что закончила украшать кремом.

— Я подожду! Уж я подожду! — кипела Чара. Встала напротив кондитерши, уперев в оную пронзающий взор пылающих очей: — Погляжу, как он мне с тобой изменяет!!!

— Что вы себе позволяете? — вскинула бровки барышня. — Я честная девушка! Зарабатывающая на жизнь честным трудом! Мне патент на это заведение выдал сам его величество Путивест Грозврат!

— Да что ты говоришь? Тебе лично?

— Лично! Моей бабушке! А вы-то кто такая, сударыня?

— Я — невеста капитана королевских рыцарей! Чара Черемша!

— Чаруша? — хозяйка мигом переменялась в лице, от праведного гнева к доброжелательному беспокойству:

— Ох, тогда вам нельзя здесь оставаться! Идемте, спрячетесь.

— Да ты что? Почему это мне нельзя? — попыталась вырваться Чара, но кондитерша была выше на две головы и гораздо сильнее от привычки к физическому труду.

— Ш-ш! — улыбнулась та, выпроваживая шумную гостью в дверь заднего помещения. — Он как раз идет — вон, в окне мелькнул! Такой пунктуальный молодой человек! Ах, как вам с ним повезло!..

И, подмигнув, притворила дверь, оставив щелочку, чтобы чародейка могла подсмотреть и подслушать.

Чара едва не лопнула от ревности, слушая, как ее ненаглядный капитан, едва переступив порог, разразился фонтаном комплиментов в адрес скромно отшучивающейся хозяйки.

Но явился он не просто поболтать, а забрать заранее заказанный торт. Чара вся извелась, гадая, кому это он приготовил такой роскошный сюрприз. Кондитерша выставила на прилавок коробку, в которой мог бы уместиться, свернувшись клубком, взрослый зяблик!

— И надпись, как вы просили, — приподняла крышку коробки хозяйка.

— Чудесно! Выше всех ожиданий! Сколько с меня?

— Вы оплатили вперед.

— О, нет! Такое чудо не может быть столь дешево! Прошу, не стесняйтесь назвать настоящую цену!

— Ах, перестаньте, господин капитан! Ну, разве что, если вам так угодно, накиньте медяшку за бантик.

— Извольте.

— Это серебро, а не медь.

— Так и ленточка золотая! Какая красота!.. А, нет. Позвольте-ка я бантик сам завяжу.

— Как вам угодно. Но разве вы не спешите?

— Спешу, сударыня, но на идеальном торте должен красоваться идеальный бантик. Хм, прошу прощения, отниму у вас еще минутку, попробую завязать так...

Чара за дверью скрипела зубами, а хозяйка хмуро поглядывала на улицу, благо окошко в заведении было высоким и шириной во всю стену, с длинным подоконником, служившим столом и витриной.

Вновь звякнул колокольчик на входе — на пороге обозначился господин казначей.

— Венцемир? — с удивлением и не очень дружелюбно глянул он на приятеля.

— Будигор, доброе утро, — отозвался тот, не заметив мелькнувшей на его лице досады, так как был всецело поглощен решением своей задачи. — Смотри, какая своенравная мне досталась ленточка!

— Так парчовая же, — пожал плечами казначей. — Брал бы органзу или шелк.

— Нет, ты не понимаешь важность момента! Тут только парча!

Распустив очередной бант, опять не получившийся идеально ровным, Венцемир поднял крышку коробки. Заглянув, Будигор прочитал витиевато выведенную кремом надпись:

— «Очаровательная Чара, очарован вами! Будьте моей женой!» Хм...

— Что значит твое «хм»?! — вскинулся Венцемир.

— Что я рад за тебя, дорогой друг, — с постной миной сообщил казначей. — Если дама согласится, в будущем тебя ожидает бурная женатая жизнь, полная незабываемых эмоций и разнообразных приключений.

— Да что ты сам-то знаешь, — фыркнул капитан рыцарей.

Будигор забрал у него злосчастную ленточку, легкими чарами исправил ее измятый вид — и аккуратно завязал коробку, украсив бантиком.

— Идеально... — ахнул Венцемир. Засияв, схватил коробку и поспешил к выходу.

— Наконец-то, — буркнул казначей.

Развернулся к кондитерше, изобразив на лице самую счастливую улыбку. Та, стрельнув глазами, кокетливо перебросила косу через плечо вперед и пригладила пальчиками ту ее часть, что пришлось на пышный бюст.

— Господин казначей, как приятно, что вы так часто заходите в мое скромное заведение.

— Всегда к вашим услугам, сударыня. Пробегаю мимо по делам, гляжу — а ноги сами сворачивают к вам!

— Потому что здесь есть много вкусенького, — хихикнула кондитерша.

— О да! — выдохнул тот, — просто слюнки текут, как вспомню аромат вашей... сдобы?

— Ага, сдобы! — рявкнула Чаруша, выбежав из задней комнаты. — Булок, пышек и сиропы!

На пороге развернулась, ткнула пальцем в опешившего казначея:

— Ты меня не видел! Тем более тут! Понял? Здесь — точно не видел! Никогда!

— Угу, — кивнул тот.

Колокольчик звякнул, дверь хлопнула.

— Что-то у меня... — вздохнул Будигор, — аппетит пропал. Простите за беспокойство.

— Ничего, заходите в любое время, господин казначей! — хозяйка проводила его взглядом, насмешливо хмыкнула.

Но только собралась вернуться к делам, как снова «треньк!»

— Веролюта? — удивилась кондитерша. — Какая честь! Лично почтила своим присутствием, не рассыпалась!

Баба Вера деловито прошла к прилавку, и ухом не поведя на непочтительное обращение.

— Не видеть бы тебя, — отозвалась в тон, — да поручить никому такое дело не могу.

Выложила из сумки тряпичный сверток, развернула на столешнице, показав корону белогорской королевы.

— Твое? Забери от греха подальше.

— Было мое, — признала хозяйка. — Теперь вашему Зимославу принадлежит.

— С него отцовского венца довольно. Да твоя дочь браслеты какие-то хитрые недавно подарила, хрусталем украшенные, выглядят, будто лед настоящий. А про корону вашу сам у меня просил убрать куда подальше. Он прятать пробовал, да мелкая егоза умудряется мигом находить. А ей еще рано такие игрушки иметь, ум не дорос до взрослого колдовства.

— Гляжу, ты нелестного мнения об умениях Зореславы.

— Я нелестного мнения о твоих осведомителях! — крикнула баба Вера. — Неужто не слыхала? У нас еще младше принцесса завелась — юла с шилом в мягком месте. Рядом с твоей кровной внучкой поставь — как две капли! Вот удружил нам Путивест, согрешив с тобой!

— Не было между нами ничего, — ворчливо отозвалась белогорка под личиной. — Мы магию изучали и энергии сравнивали.

Баба Вера выразительно ухмыльнулась:

— Ой, кому другому говори! Вон, у нас в Улье нынче молодежь тоже так изучает, ну уж так сравнивает и обменивается!.. Что за пора такая настала? Вроде не весна на дворе, а все на парочки разбились!

— Да кто все-то? У вас же вроде только одни молодожены и есть.

— И эти-то самые тихие! Ну разве иногда забывают в башне окна плотнее закрыть. Мне по ночам стыдно лишней раз выйти в сад воздухом подышать! Непременно кого-нибудь вспугну. Как темнота — так то и дело охи-вздохи, шепотки и объяснения, то серенады, то поэмы! Краса тоже навадилась у нас прятаться от заботливых дядюшек. Мне ради нее пришлось в дворцовой пристройке генеральную уборку навести. А с нею, значит, Вран, при нем — его работнички с ноготок, кузнецы-ювелиры. При Красе — Чара. При Чаре — Венцемир. Радмила с сестрой помирилась, приезжает в гости, при ней Злат, разумеется. При Злате — Вихрь, при нем — жена. При Мирославке — Машенька, при Машеньке — паж ее новенький. Милонег — вот этот скрывается не хуже Огнеярушки. Их обоих не слышно и не видно — днем. Ну, к обеду приходят, конечно. А по ночам они-то самые шумные и есть — музыканты-трубадуры!

— Веселая у вас там жизнь настала, — со смешком оценила жалобы кондитерша.

— Представь себе! — кивнула баба Вера. — Ни минуты покоя! А еще приходится за Мирославкой следить. И на рассвете твоих лазутчиков в лесу ждать — на холоде, в тумане, не спавши ночь! А я тебе еще тот раз не простила!

— Какой? — удивилась бывшая королева.

— Да когда еще наши молодожены только глазки друг дружке строили, выехали они как-то раз на природе пирожков покушать, а Вареньку в кустах ваш молодчик до визга испугал.

— Испугал! — фыркнула белогорка. — А ничего, что его потом от слепоты шаманы месяц лечили? Не больно-то пугливая у вас барышня!

— Младшая хуже, — веско изрекла королевская кормилица. — Когда услышала про лазутчиков, вздумала устраивать на них охоту. Вдруг заблудится в лесу по их милости? Или в овраг свалится или еще как покалечится?!

Так что будь любезна, ищи другие способы связи со своей внучкой. А то и вовсе ничего ей не отсылай — недалекая она у тебя.

— Это ваш Грозоврат подкачал, наследственность нам испортил, — буркнула белогорка.

— Спрячь и не говори ей, что корона у тебя. Удумает чего да вызовет-таки драконов, как ты сама всю жизнь мечтала, — мимоходом уколола Веролюта.

— Давно уже не мечтаю! — отгрызнулась бывшая королева. — Иначе не сидела бы у вас тут.

— А то плохо тебе тут живется! Скажи еще, что раскаялась за развязанную тобой войну.

— Мне задурили голову шаманы! Я была юная...

— И глупая, — припечатала та. — И прекрасно сохранилась по сей день, ничуть не изменившись.

— Ни на что моя внучка не способна, — с досадой признала белогорка. — И накопители я ей заряжаю ровно так, чтобы хватило для слабенького предвидения, снегопады пророчить и оттепели предсказывать, чтобы народ под лавины снежные не попадал... Так что, отказываешься мне помогать?

— Отказываюсь.

— Неблагодарная. Я вашего Снежена всю его жизнь пирожными подкармливаю. Кабы не мои чары да умение готовить сласти, давно бы мой хитроумный зять из него марионетку сделал, перекрасил бы в черного колдуна и присоединил бы ваши синие холмы к белым горам.

— Да дрянь твои пирожные! Моя б воля, запретила бы их вовсе. Тьма тебя знает, какие чары ты туда вкладываешь! О чем вообще Грозоврат думал, когда тебе булочную подарил?!

— Твоего ума не хватит, чтобы его замыслы понять!

— Ой, ты будто всё понимаешь, предвидица-то наша. Тьфу на тебя! Время тут с тобой теряю.

— Эй, куда ушла? Коробку забыла! — окликнула хозяйка развернувшись к двери гостью.

— Это еще зачем?

— Снежен для младшей сестры заказал запиской, а на полку торт не лезет.

— Вот еще, стану я такую тяжесть тащить.

— Старая развалина!

— Чего Гору не отдала?

— Забыла.

— Сама развалина!

— Ему за мной следить приказано, подозревают меня в темных связях с недобрыми соседями, а он ничего лучше не придумал, как влюбленность изображать. Как погляжу на него, так смех разбирает.

— А вдруг впрямь влюбился? — ужаснулась баба Вера. — Никто ж не знает, что ты старуха дряхлая.

— Сама такая же.

— Я-то помоложе тебя вдвое и личиной никого не морочу!.. А чем это пахнет? Не на кухне горит?

— Ох, матушки! — всплеснула руками хозяйка. — Заболтала меня совсем!.. Пойдешь пробую-то снимать?

— С этих головешек-то? Сама кушай.

— Да уж, головешки ты и сама приготовить мастерица. У меня крендельки есть.

— Черствые, поди, вчерашние?

— Утрешние, мягкие.

— Ну пойдём, коль не отравишь. Полюбуюсь, какой у тебя на кухне бардак.

Больше книг на сайте - Knigoed.net

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ: Словарик названий и имен

Белозорье — одно из Трёх Союзных Королевств. С востока имеет протяжённую границу с Синегорьем и с юга короткую с Вольнополем. Преимущественно равнинная лесистая местность, обилён водоемами, особенно озерами.

Белые Горы — высокогорная страна, населенная человекоподобными существами, занимающимися в основном животноводством и охотой. Белогорцы живут разрозненными племенами, подчиняясь собственным вождям и шаманам. Верховная власть сосредоточена в руках Совета семей. Белая королева играет роль верховной жрицы и не имеет реальной власти.

Вольнополье — одно из Трёх Союзных Королевств. С северо-запада имеет короткую границу с Белозорьем, с севера — с Синегорьем и с северо-востока — с Белыми Горами. Преимущественно лесостепная местность.

Грозовградск — столица Синегорья.

Дивогорск — столица Вольнополя.

Жуков Улей — поместье, резиденция правителей Синегорья.

Златоград — столица Белозорья.

Кукушкин Дол — охотничий домик, резиденция правительницы Вольнополя.

Синегорье — одно из Трёх Союзных Королевств. С запада имеет протяжённую границу с Белозорьем, с юга — с Вольнополем, с востока — с Белыми Горами. Преимущественно холмистая лесистая местность.

Алояс Вихрь — учитель младших классов в академии Чуrolюта, брат Врана.

Белокрас Вран — ювелир, брат Алояса.

Будигор (Гор) — замказначея в правительстве Синегорья.

Венцемир Хвощ — капитан королевских рыцарей в Синегорье, личный лекарь Зимослава.

Веролюта (баба Вера) — экономка в поместье Жуков Улей, в прошлом кормилица Кудеяра Смура.

Зимослав Ледомир Снежен (Зим, Зимка, Зимушко, Снежка и т.д.) — правитель Синегорья, сын Кудеяра Смура и Храниславы, внук Грозоврата, брат Зореславы.

Зореслава Сияна Вешнесинь (Зорька) — принцесса Синегорья, дочь Кудеяра Смура и Храниславы, внучка Грозоврата, сестра Зимослава.

Краса Яснолика — номинальная правительница Вольнополя, сестра Милонег, подруга Зимослава и Злата.

Кудеяр Славомир Смур — бывший правитель Синегорья, сын Грозоврата, отец Зимослава и Зореславы.

Лорд Велирод Радей — первый министр Синегорья.

Лучедар Злат — принц Белозорья, сын короля Твердивера.

Милонег (Неж, Нежка) — принц Вольнополя, брат Красы, друг Зимослава и Злата.

Мстислада — княжна, фрейлина при дворе короля Твердивера, подруга Злата.

Огнеяр Тихун — смотритель башни Грозоврата в поместье Жуков Улей, личный помощник Зимослава.

Путивест Грозоврат — легендарный чародей, ныне покойный, бывший правитель Синегорья, отец Кудеяра Смура, дед Зимослава и Зореславы.

Радмил (Милка) — паж при дворе короля Твердивера, компаньон Злата, двоюродный внук магистра Чуrolюта.

Росана — компаньонка Зореславы, бывшая фрейлина-гувернантка Красы.

Твердивер Благодаран — правитель Белозорья, отец Злата.

Хранислава Буря — королева Синегорья, мать Зимослава и Зореславы.

Чара-Чаруша Черемша — двоюродная внучка Чуrolюта, подруга Красы.

Чуrolют Тугохвал — магистр магии, основатель академии чародейства в Златограде, советник короля Твердивера, двоюродный дед Радмила и Чары.